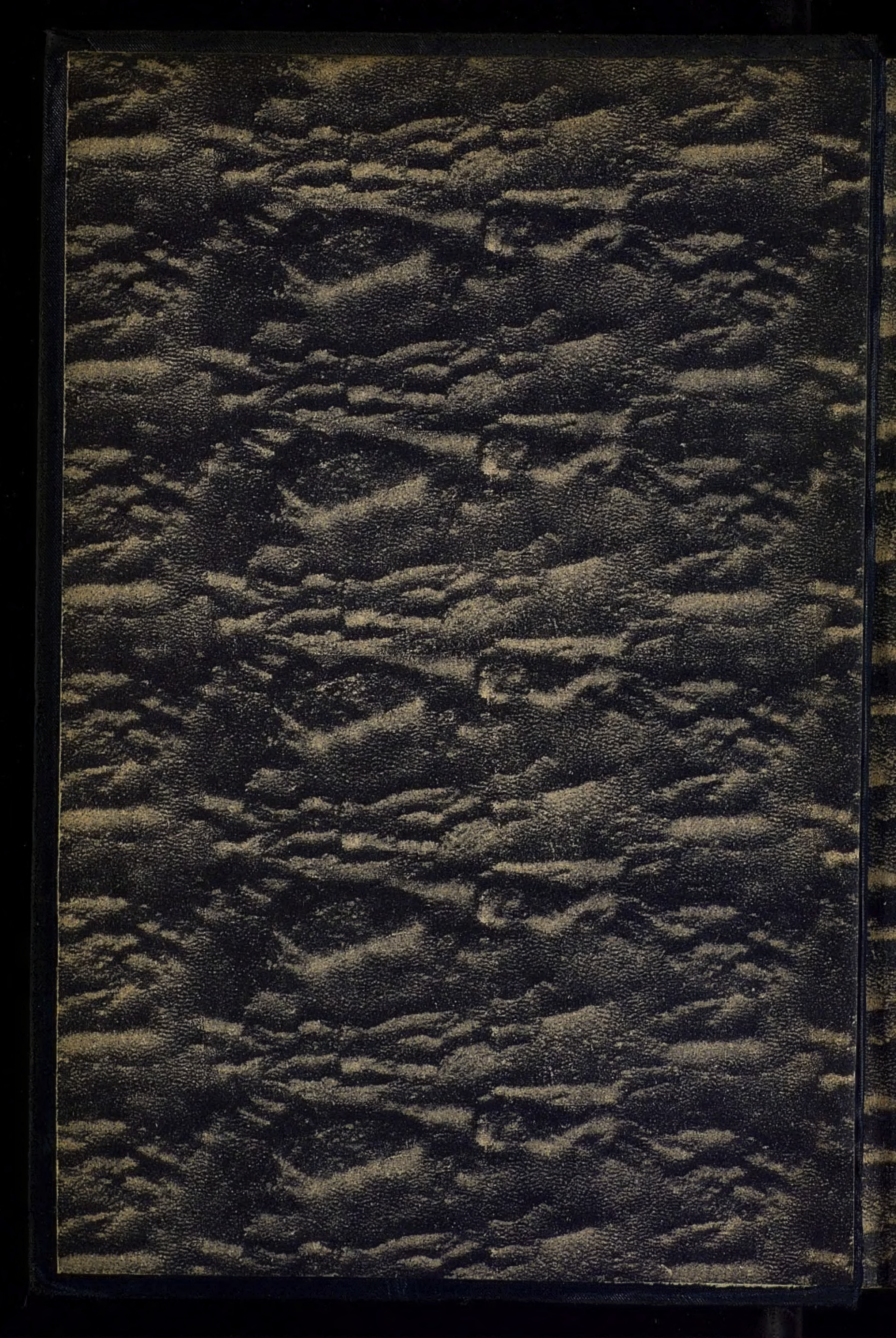
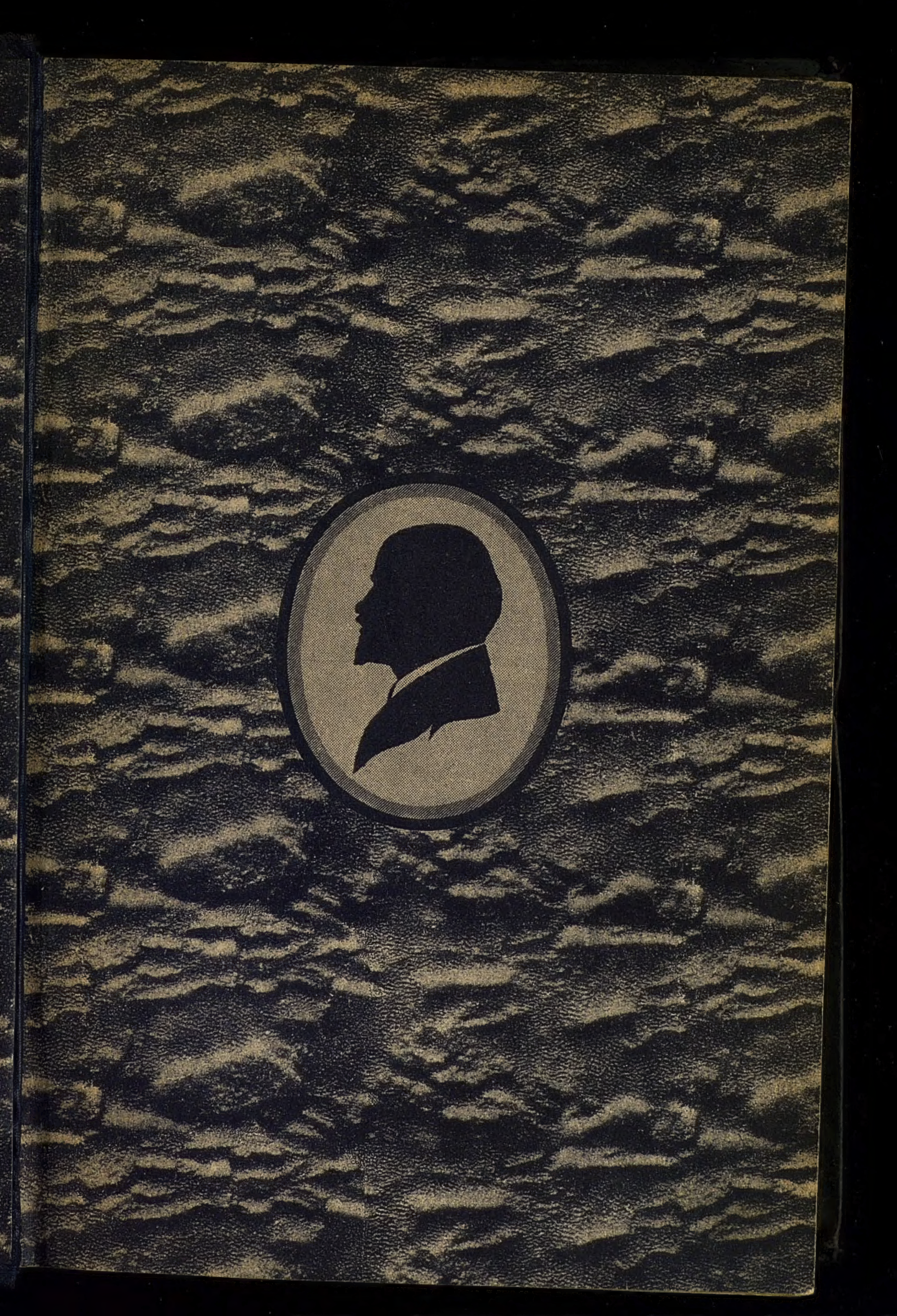
ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

XII

ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ XII

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА Р.К.П.(Б.)
И
II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
С.С.С.Р.

Институт Ленина при Ц.К.В.К.П. (б.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. ЛЕНИН

X

СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

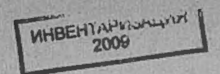
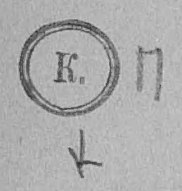
ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
Н. И. БУХАРИНА, В. М. МОЛОТОВА,
М. А. САВЕЛЬЕВА

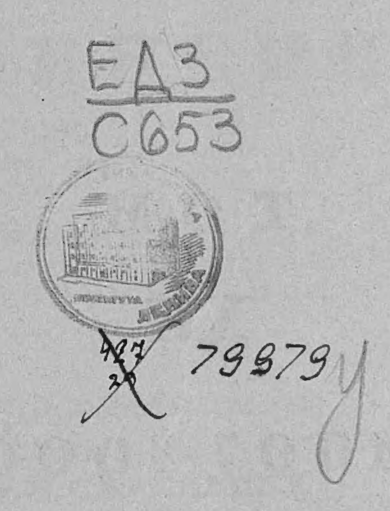
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1·9·2·9 — ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИН

ТОМ
XII

1907-1908

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

К.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящий том охватывает период от третье-июньского переворота 1907 г. и до конца 1908 г. Так называемая «декабрьская конференция 1908 г.» происходила 3—9 января 1909 г. по новому стилю и относится уже к следующему тому (XIV).

Оценка итогов революции 1905 года, анализ социально-политического положения в стране, создавшегося после переворота 3-го июня, определение теоретической, тактической и организационной линии революционной социал-демократии в эпоху контр-революции, борьба с первыми проявлениями ликвидаторства как слева, так и справа, вопросы международного рабочего движения — таковы основные темы, освещенные Лениным в этот период.

В настоящий том вошли не все работы, написанные Лениным за время со второй половины 1907 г. и за весь 1908 г. Так, большая философская работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» составила отдельный том (XIII). Не вошла в настоящий том и статья, напечатанная в № 33 «Пролетария» от 5 августа (23 июля) 1908 г., «Как Петр Маслов исправляет черновые наброски Карла Маркса». Она составила два раздела главы III работы «Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905—1907 г.г.» (окончено написанием в ноябре-декабре 1907 г.), вошедшей в XI том Сочинений. В том же томе напечатана в виде главы из работы «Аграрный вопрос и «критики» Маркса» статья «Идеальная страна» с точки зрения противников марксизма в аграрном вопросе», появившаяся отдельно в сборнике «Текущая жизнь» (февраль-март 1908 г.). Не вошло также предисловие ко второму изданию «Развития капитализма», помещенное в III томе Сочинений.

В данном томе помещены преимущественно статьи из «Пролетария». Помещены также две статьи, появившиеся только на польском языке в органе польской с.-д. «Przegląd-Socjal-Democratyczny»: «Аграрная программа с.-д. в русской революции. Автореферат» и «Несколько замечаний по поводу ответа П. Маслова». Так как перевод этих двух статей с русского оригинала на польский язык был сделан, повидимому, не совсем удовлетворительно, то и обратный перевод на русский язык представлял большие затруднения. Из статей, напечатанных в первом издании Сочинений, не вошла статья «Очередные задачи», как вызвавшая сомнение в ее принадлежности перу Ленина.

Июнь 1929 года.

ПАМЯТИ ГРАФА ГЕЙДЕНА [1])

ЧЕМУ УЧАТ НАРОД НАШИ БЕСПАРТИЙНЫЕ «ДЕМОКРАТЫ»?

Написано в начале июля 1907 г.

Напечатано в 1907 г. в первом сборнике «Голос Жизни», С.-Петербург

Подпись: Н. Л.

Печатается по тексту сборника

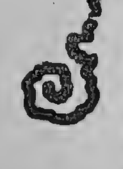
1907.

„Голосъ Жизни“.

Сборникъ первый.

СОДЕРЖАНІЕ:

Цѣна 35 к.

Обложка первого сборника «Голос Жизни» — 1907 г.

Уменьшено

«Вся прогрессивная печать отнеслась к понесенной Россией тяжелой утрате в лице графа П. А. Гейдена с выражением глубокого соболезнования. Прекрасный образ Петра Александровича привлекал к себе всех порядочных людей без различия партий и направлений. Редкий и счастливый удел!!!» Следует обширная цитата из право-кадетских «Русских Ведомостей» [2]), где умиляется жизнью и деятельностью «чудного человека» князь Пав. Дм. Долгоруков, один из той Долгоруковской породы, представители которой сознались прямо в корнях своего демократизма! Лучше миром поладить с крестьянами, чем дожидаться, пока они сами возьмут землю... «Мы глубоко разделяем чувства горечи, причиненные смертью графа Гейдена всем, кто привык ценить *человека*, в каком бы партийном облачении он ни появлялся. А покойный Гейден был именно прежде всего *человек*».

Так пишет газета «Товарищ» [3]) № 296, вторник, 19 июня 1907 г.

Публицисты «Товарища» — не только самые ярые демократы в нашей легальной прессе. Они считают себя социалистами, — критическими социалистами, конечно. Они — почти-что социал-демократы; и меньшевики, Плеханов, Мартов, Смирнов, Переяславский, Дан и проч., и проч., встречают самое радушное гостеприимство в газете, столбцы которой украшают своей подписью гг. Прокопович, Кускова, Португалов и иные «бывшие марксисты». Не подлежит, одним словом, ни малейшему сомнению, что публицисты «Товарища» — самые «левые» представители нашего «просвещенного», чуждого узкой подпольщины, «демократического» и т. д. общества.

И когда попадаются на глаза такие строки, как приведенные выше, — трудно удержаться от восклицания по адресу этих господ: Какое счастье, что мы, большевики, заведомо не принадлежали к кругу *порядочных людей* «Товарища»!

Господа «порядочные люди» российской просвещенной демократии! Вы отупляете русский народ и заражаете его миазмами низкопоклонства и холопства во сто раз более, чем пресловутые

черносотенцы, Пуришкевич, Крушеван, Дубровин, с которыми вы ведете такую усердную, такую либеральную, такую дешевенькую, такую выгодную и безопасную для вас войну. Вы пожимаете плечами и обращаетесь ко всем «порядочным людям» вашего общества с пренебрежительной усмешкой по адресу столь «нелепых парадоксов»? Да, да, мы знаем прекрасно, что ничто в мире не способно поколебать вашего пошленького либерального самодовольства. Именно потому и радуемся мы, что нам удалось всей своей деятельностью отгородить себя прочной стеной от круга порядочных людей российского образованного общества.

Можно ли найти примеры того, что черносотенцы развратили и сбили с толку сколько-нибудь широкие слои населения? Нет. Ни их пресса, ни их союз, ни их собрания, ни выборы в I или II Думу не могли дать таких примеров. Черносотенцы озлобляют насилиями и зверствами, в которых участвуют полиция и войска. Черносотенцы возбуждают к себе ненависть и презрение своими мошенничествами, подвохами, подкупами. Черносотенцы организуют на правительственные деньги кучки и шайки пропойц, способных действовать только с разрешения полиции и по наущению ее. Во всем этом нет и следа сколько-нибудь опасного идейного влияния на сколько-нибудь широкие слои населения.

И, наоборот, столь же несомненно, что такое влияние оказывает наша легальная, либеральная и «демократическая» пресса. Выборы в I и II Г. Думу, собрания, союзы, учебное дело — все доказывает это. А рассуждение «Товарища» по поводу смерти Гейдена показывает воочию, каково это идейное влияние.

«... Тяжелая утрата... прекрасный образ... счастливый удел... был прежде всего *человек*».

Помещик, граф Гейден, благородно либеральничал до октябрьской революции. Сейчас же после первой победы народа, после 17 октября 1905 года, он без малейших колебаний перешел в лагерь контр-революции, в партию октябристов, в партию озлобленного против крестьян и против демократии помещика и крупного капиталиста. В I Думе сей благородный мужчина защищал правительство, а после разгона первой Думы договаривался,— но не договорился,— об участии в министерстве. Таковы основные крупнейшие этапы в жизненной карьере этого типичного контр-революционного помещика.

И вот являются прилично одетые, просвещенные и образованные господа, с фразами о либерализме, демократизме, социализме на устах, с речами о сочувствии делу свободы, делу крестьянской борьбы за землю против помещиков,— господа, которые располагают фактически монополией легальной оппозиции в печати, в союзах, на собраниях, на выборах, и проповедуют

народу, вознеся очи горе: «Редкий и счастливый удел!.. Покойный граф был прежде всего *человек*».

Да, Гейден был не только человек, но и гражданин, умевший возвышаться до понимания общих интересов своего класса и отстаивать эти интересы весьма умно. А вы, господа просвещенные демократы, вы — просто слезоточивые дурачки, прикрывающие либеральным юродством свою неспособность быть чем-либо иным, как культурными лакеями того же помещичьего класса.

Влияние помещиков на народ не страшно. Обмануть сколько-нибудь широкую рабочую и даже крестьянскую массу сколько-нибудь надолго никогда им не удастся. Но влияние *интеллигенции,* непосредственно не участвующей в эксплуатации, обученной оперировать с общими словами и понятиями, носящейся со всякими «хорошими» заветами, иногда по искреннему тупоумию возводящей свое междуклассовое положение в *принцип* внеклассовых партий и внеклассовой политики,—влияние этой буржуазной интеллигенции на народ опасно. Тут, и только тут есть на-лицо заражение широких масс, способное принести действительный вред, требующее напряжения всех сил социализма для борьбы с этой отравой.

— Гейден был человек образованный, культурный, гуманный, терпимый,—захлебываются либеральные и демократические слюнтяи, воображая себя возвысившимися над всякой «партийностью», до «общечеловеческой» точки зрения.

Ошибаетесь, почтеннейшие. Эта точка зрения не общечеловеческая, а общехолопская. Раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, несознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам. Вот вы именно такие хамы, господа из «Товарища». Вы с омерзительным благодушием умиляетесь тем, что контр-революционный помещик, поддерживавший контр-революционное правительство, был образованный и гуманный человек. Вы не понимаете того, что, вместо того, чтобы превращать раба в революционера, вы превращаете рабов в холопов. Ваши слова о свободе и демократии — напускной лоск, заученные фразы, модная болтовня или лицемерие. Это размалеванная вывеска. А сами по себе вы — гробы повапленные. Душонка у вас насквозь хамская, а вся ваша образованность, культурность и просвещенность есть только разновидность квалифицированной проституции. Ибо вы продаете свои души и продаете не только из нужды, но и из «любви к искусству»!

— Гейден был убежденный конституционалист,—умиляетесь вы. Вы лжете или вы уже совершенно одурачены Гейденами.

называть перед народом, публично, убежденным конституционалистом человека, который основывал партию, поддерживавшую правительство Витте, Дубасова, Горемыкина и Столыпина, это все равно, что называть какого-нибудь кардинала убежденным борцом против папы. Вместо того, чтобы учить народ правильному понятию конституции, — вы, демократы, сводите в своих писаниях конституцию к севрюжине с хреном. Ибо не подлежит сомнению, что для контр-революционного помещика конституция есть именно севрюжина с хреном, есть вид наибольшего усовершенствования приемов ограбления и подчинения мужика и всей народной массы. Если Гейден был убежденным конституционалистом, — значит, Дубасов и Столыпин тоже убежденные конституционалисты, ибо *их* политику *на деле* поддерживал и Гейден. Дубасов и Столыпин не могли бы быть тем, чем они были, не могли бы вести своей политики без поддержки октябристов, и Гейдена в том числе. По каким же основаниям, о, великомудрые демократы из «порядочных» людей, надо судить о политической физиономии человека («конституционалист»)? по его речам, по его биению себя в грудь и проливанию крокодиловых слез? или по его действительной деятельности на общественной арене?

Что характерно, что типично для политической деятельности Гейдена? То ли, что он не мог сговориться со Столыпиным об участии в министерстве после разгона I Думы, или то, что он *пошел* после такого акта договариваться со Столыпиным? То ли, что он прежде, тогда-то и тогда-то, говорил такие-то либеральные фразы, или то, что он стал октябристом (=контрреволюционером) сейчас же после 17-го октября? Называя Гейдена убежденным конституционалистом, вы учите народ тому, что первое характерно и типично. А это значит, что вы бессмысленно повторяете отрывки демократических лозунгов, не понимая *азбуки* демократии.

Ибо демократия, — запомните это себе, господа порядочные люди из порядочного общества, — означает борьбу против того самого господства над страной контр-революционных помещиков, каковое господство поддерживал г. Гейден и воплощал во всей своей политической карьере.

— Гейден был человек образованный, — умиляются наши салонные демократы. Да, мы уже это признали и охотно признаем, что он был образованнее и *умнее* (это не всегда бывает соединено с образованностью) самих демократов, ибо он лучше понимал интересы *своего* класса и *своего* контр-революционного общественного движения, чем вы, господа из «Товарища», понимаете интересы освободительного движения. Образованный контр-революционный помещик умел тонко и хитро защищать интересы своего класса, искусно прикрывал флером благород-

ных слов и внешнего джентльменства корыстные стремления и хищные аппетиты крепостников, настаивал (перед Столыпиными) на ограждении этих интересов наиболее цивилизованными формами классового господства. Все свое «образование» Гейден и ему подобные принесли на алтарь служения *помещичьим* интересам. Для действительного демократа, а не для «порядочного» хама из русских радикальных салонов, это могло бы послужить великолепной темой для публициста, показывающего *проституирование* образования в современном обществе.

Когда «демократ» болтает об образованности, он хочет вызвать в уме читателя представление о богатых знаниях, о широком кругозоре, об облагораживании ума и сердца. Для господ Гейденов образование—легонький лак, дрессировка, «натасканность» в джентльменских формах обделывания самых грубых и самых грязных политических гешефтов. Ибо весь октябризм, все «мирнообновленство» Гейдена, все переговоры его со Столыпиным после разгона I Думы были по существу обделыванием самого грубого и грязного дела, обстраиванием того, как бы понадежнее, по-хитрее, по-искуснее, прочнее извнутри, незаметнее снаружи, защитить *права* благородного российского дворянства на кровь и пот миллионов «мужичья», ограбляемого этими Гейденами всегда и непрестанно, и до 1861 г., и в 1861 году, и после 1861 года, и после 1905 года.

Еще Некрасов и Салтыков учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов, а современный российский интеллигент, мнящий себя хранителем демократического наследства, принадлежащего к кадетской партии *) или к кадетским подголоскам, учит народ хамству и восторгается своим беспристрастием беспартийного демократа. Зрелище едва ли не более отвратительное, чем зрелище подвигов Дубасова и Столыпина...

— Гейден был «человек»,—захлебывается от восторга салонный демократ. Гейден был гуманен.

Это умиление гуманностью Гейдена заставляет нас вспомнить не только Некрасова и Салтыкова, но и «Записки Охотника» Тургенева. Перед нами—цивилизованный, образованный помещик, культурный, с мягкими формами обращения, с европейским лоском. Помещик угощает гостя вином и ведет возвышенные разговоры. «Отчего вино не нагрето?» спрашивает он лакея. Лакей молчит и бледнеет. Помещик звонит и, не повышая

*) Кадеты проявили во сто раз больше холопства в оценке Гейдена, чем гг. из «Товарища». Мы взяли последних, как образец «демократизма» у «порядочных людей» российского «общества».

голоса, говорит вошедшему слуге: «насчет Федора... распорядиться» [4]).

Вот вам образчик Гейденовской «гуманности» или гуманности à la Гейден. Тургеневский помещик тоже «гуманный» человек... по сравнению с Салтычихой, например, настолько гуманен, что не идет сам в конюшню присматривать за тем, хорошо ли распорядились выпороть Федора. Он настолько гуманен, что не заботится о мочении в соленой воде розог, которыми секут Федора. Он, этот помещик, не позволит себе ни ударить, ни выбранить лакея, он только «распоряжается» издали, как образованный человек, в мягких и гуманных формах, без шума, без скандала, без «публичного оказательства»...

Совершенно такова же гуманность Гейдена. Он сам не участвовал в порке и истязании крестьян с Луженовскими и Филоновыми. Он не ездил в карательные экспедиции вместе с Ренненкампфами и Меллерами-Закомельскими. Он не расстреливал Москвы вместе с Дубасовым. Он был настолько гуманен, что воздерживался от подобных подвигов, предоставляя подобным героям всероссийской «конюшни» «распоряжаться» и руководя в тиши своего мирного и культурного кабинета политической партией, которая поддерживала правительство Дубасовых и вожди которой пили здравицу победителю Москвы Дубасову... Разве это не гуманно в самом деле: посылать Дубасовых «насчет Федора распорядиться» вместо того, чтобы быть на конюшне самому? Для старых баб, ведущих отдел политики в нашей либеральной и демократической печати, это — образец гуманности... — Золотой был человек, мухи не обидел! «Редкий и счастливый удел» Дубасовых поддерживать, плодами Дубасовских расправ пользоваться и за Дубасовых не быть ответственным.

Салонный демократ считает верхом демократизма воздыхание о том, почему не управляют нами Гейдены (ибо этому салонному дурачку в голову не приходит мысль о «естественном» разделении труда между Гейденом и Дубасовыми). Слушайте:

«... И как жаль, что он (Гейден) умер именно теперь, когда был бы всего полезнее. Теперь он боролся бы с крайними правыми, развертывая лучшие стороны своей души, отстаивая конституционные начала со всей свойственной ему энергией и находчивостью» («Товарищ» № 299, пятница, 22 июня, «Памяти гр. Гейдена», корреспонденция из Псковской губернии).

Жаль, что образованный и гуманный Гейден—мирнообновленец не прикрывает своим конституционным фразерством наготы III октябрьской Думы, наготы уничтожающего Думу самодержавия! Задача «демократа»-публициста не разрывать лживые облачения, не показывать народу гнетущих его врагов во всей их наготе, а жалеть об отсутствии испытанных лицемеров, укра-

шающих ряды октябристов... Was ist der Philister? Ein hohler Darm, voll Furcht und Hoffnung, das Gott erbarm! Что такое филистер? Пустая кишка, полная трусости и надежды, что бог сжалится [5]). Что такое российский либерально-демократический филистер кадетского и около-кадетского лагеря? Пустая кишка, полная трусости и надежды, что контр-революционный помещик сжалится!

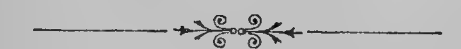
ПРОТИВ БОЙКОТА [6])

ИЗ ЗАМЕТОК С.-Д. ПУБЛИЦИСТА

Написано 9 июля (26 июня) 1907 г.
Напечатано в 1907 г. в брошюре «О бойкоте третьей Думы», Москва
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту брошюры

О БОЙКОТѢ ТРЕТЬЕЙ ДУМЫ.

МОСКВА, 1907.

Типографія Горизонтова, Тверская, 40.

Обложка брошюры: «О бойкоте третьей думы» — 1907 г.

Недавно состоявшийся учительский съезд, на котором большинство было под влиянием социалистов-революционеров, принял при непосредственном участии видного представителя партии с.-р. резолюцию о бойкоте III Думы. Учителя с.-д. вместе с представителем Р. С.-Д. Р. П. воздержались от голосования, считая необходимым решать подобный вопрос на партийном съезде или конференции, а не в беспартийном, профессионально-политическом союзе.

Вопрос о бойкоте III Думы выходит таким образом на сцену, как очередной вопрос революционной тактики. Партия с.-р., судя по выступлению ее представителя на указанном съезде, вопрос этот уже решила, хотя ни официальных постановлений этой партии, ни литературных документов из эс-эровской среды мы еще не имеем. Среди с.-д. вопрос поставлен и обсуждается.

Какими же доводами защищают свое решение с.-р.? Резолюция учительского съезда говорит, по существу дела, о полной негодности III Думы, о реакционности и контр-революционности правительства, совершившего государственный переворот 3-го июня, о помещичьем характере нового избирательного закона и т. д., и т. п. *). Аргументация построена так, как будто из ультрареакционности III Думы вытекала сама собой необходимость

*) Вот текст этой резолюции: «Принимая во внимание: 1) что новый избирательный закон, на основе которого созывается III Г. Дума, отнимает у трудящихся масс даже ту скромную долю избирательных прав, которою они до сих пор обладали, и приобретение которых им так дорого стоило; 2) что закон этот представляет собою явную и грубую фальсификацию народной воли в пользу наиболее реакционных и привилегированных слоев населения; 3) что Дума третьего созыва по способу ее избрания и составу явится плодом реакционного переворота; 4) что правительство воспользуется участием народных масс в думских выборах, чтобы придать этому участию значение народной санкции государственного переворота, — IV делегатский съезд всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию постановляет: 1) отказаться от каких бы то ни было сношений с Думой третьего созыва и ее органами; 2) не принимать в качестве организации ни прямо, ни косвенно участия в выборах; 3) распространять в качестве организации тот взгляд на третью Гос. Думу и выборы в нее, который выражен в настоящей резолюции».

и законность такого средства борьбы или такого лозунга, как бойкот. Для всякого социал-демократа негодность такого рассуждения бьет в глаза, ибо здесь отсутствует совершенно разбор исторических условий применимости бойкота. Социал-демократ, стоя на почве марксизма, выводит бойкот не из степени реакционности того или иного учреждения, а из наличности тех особых условий борьбы, при которых, как показал уже теперь опыт и русской революции, применимо своеобразное средство, называемое бойкотом. Кто станет рассуждать о бойкоте, не учитывая двухлетнего опыта нашей революции, не вдумываясь в этот опыт, про того придется сказать, что он многое забыл и ничему не научился. И свой разбор вопроса о бойкоте мы именно с попытки анализа этого опыта и начнем.

I.

Крупнейшим опытом нашей революции в применении бойкота был, несомненно, бойкот Булыгинской Думы. Этот бойкот увенчался кроме того самым полным и самым непосредственным успехом. Поэтому нашей первой задачей должен быть разбор исторических условий бойкота Булыгинской Думы.

Два обстоятельства сразу выдвигаются, при рассмотрении этого вопроса, на первый план. Во-первых, бойкот Булыгинской Думы был борьбой против перехода (хотя бы временного) нашей революции на путь монархической конституции. Во-вторых, этот бойкот происходил в обстановке самого широкого, всеобщего, сильного, быстрого революционного подъема.

Остановимся на первом обстоятельстве. Всякий бойкот есть борьба не на почве данного учреждения, а против возникновения или, говоря несколько шире, против реализации данного учреждения. Поэтому тот, кто, подобно Плеханову и многим другим меньшевикам, боролся против бойкота общими рассуждениями о необходимости для марксиста использовать представительные учреждения, обнаруживал этим только смешное доктринерство. Рассуждать так, значило обходить посредством пережевывания бесспорных истин сущность спорного вопроса. Бесспорно, что марксист должен использовать представительные учреждения. Вытекает ли отсюда, что марксист не может стоять при известных условиях за борьбу не на почве данного учреждения, а против введения его в жизнь? Нет, не вытекает, ибо это общее рассуждение относится только к тем случаям, когда для борьбы против возникновения подобного учреждения нет места. Спорность же вопроса о бойкоте в том и состоит, есть ли место для борьбы против самого возникновения подобных учреждений. Плеханов и К° *своими* доводами против бойкота обнаруживали непонимание самой постановки вопроса.

Далее. Если всякий бойкот есть борьба не на почве данного учреждения, а против введения его в жизнь, то бойкот Булыгинской Думы, кроме того, был борьбой против введения в жизнь целой системы учреждений монархически-конституционного типа. 1905-ый год показал с очевидностью, что есть на-лицо возможность непосредственной массовой борьбы в виде всеобщих стачек (стачечная волна после 9-го января) и военных восстаний («Потемкин»). Непосредственная революционная борьба масс была, следовательно, фактом. С другой стороны, фактом был и закон 6-го августа, пытавшийся перевести движение с революционного (в самом непосредственном и узком значении слова) пути на путь монархической конституции. Объективно неизбежна была борьба между тем и другим путем: между путем непосредственной революционной борьбы масс и путем монархической конституции. Предстоял, так сказать, *выбор пути* ближайшего развития революции, при чем решала этот выбор, конечно, не воля тех или иных групп, а сила революционных и контр-революционных классов. Силу же можно было измерить и испытать только в борьбе. Лозунг бойкота Булыгинской Думы и был лозунгом борьбы за *путь* непосредственно-революционной борьбы против пути конституционно-монархического. И на последнем пути, конечно, возможна была борьба и не только возможна, но и неизбежна. И на почве монархической конституции возможно продолжение революции и подготовка нового подъема ее; и на почве монархической конституции возможна и обязательна борьба революционной социал-демократии, — эта азбучная истина, которую с таким усердием и так некстати доказывали в 1905 г. Аксельрод и Плеханов, остается истиной [7]). Но исторически поставленный тогда вопрос был не тот: «не на тему» рассуждали Аксельрод или Плеханов или, другими словами, они заменяли вопрос, исторически поставленный на разрешение борющихся сил, вопросом, взятым из последнего издания немецкого социал-демократического учебника. Исторически неизбежно предстояла *борьба за выбор пути для борьбы* в ближайшем будущем. Старая ли власть созовет первое в России представительное учреждение и таким образом на известное время (может быть, на очень короткое, может быть, на сравнительно продолжительное время) переведет революцию на монархически-конституционный путь, или народ прямым натиском сметет, — на худой конец: пошатнет, — старую власть, лишит ее возможности перевести революцию на монархически-конституционный путь и обеспечит (опять-таки на более или менее продолжительное время) путь непосредственной революционной борьбы масс? Вот какой вопрос, не замеченный в свое время Аксельродом и Плехановым, исторически встал осенью 1905-го года перед революционными классами России. Проповедь активного бойкота с.-д-тией и была формой

постановки этого вопроса, формой сознательной постановки его партией пролетариата, лозунгом борьбы *за выбор пути для борьбы*.

Проповедники активного бойкота, большевики, верно поняли объективно поставленный историей вопрос. Октябрьско-декабрьская борьба 1905 года была действительно борьбой за выбор пути для борьбы. Борьба эта шла с переменным счастьем: сначала осилил революционный народ, вырвал у старой власти возможность немедленно перевести революцию на монархически-конституционные рельсы, создал на место представительных учреждений полицейски-либерального типа *представительные же учреждения* чисто революционного типа, Советы Рабочих Депутатов и т. д. Октябрьско-декабрьский период был периодом максимальной свободы, максимальной самодеятельности масс, максимальной широты и быстроты рабочего движения на почве, очищенной натиском народа от монархически-конституционных учреждений, законов и зацепок, на почве «междувластья», когда старая власть была *уже* обессилена, а новая революционная власть народа (Советы Рабочих, Крестьянских, Солдатских Депутатов и проч.) *еще не* достаточно сильна для полной замены старой власти. Декабрьская борьба решила вопрос в иную сторону: старая власть победила, отбив натиск народа, удержав за собой позицию. Но, само собою разумеется, эту победу не было еще тогда оснований считать решительной победой. Декабрьское восстание 1905 года имело свое продолжение в виде целого ряда разрозненных и частичных военных восстаний и стачек лета 1906 года. Лозунг бойкота Виттевской Думы был лозунгом борьбы за сосредоточение и обобщение этих восстаний.

Итак, первый вывод, который вытекает из рассмотрения опыта русской революции с бойкотом Булыгинской Думы, состоит в том, что объективной подкладкой бойкота была, поставленная историей на очередь дня, борьба за форму ближайшего пути развития, борьба за то, старой ли власти или новой, самочинной народной власти, достанется созыв первого в России представительного собрания, борьба за непосредственно-революционный путь или (на известное время) за путь монархической конституции.

В связи с этим стоит часто всплывавший в литературе и постоянно выплывающий при обсуждении разбираемой темы вопрос о простоте, ясности и «прямолинейности» лозунга бойкота, а также вопрос о прямом и зигзагообразном пути развития. Непосредственное свержение или, на худой конец, расслабление и обессиление старой власти, непосредственное создание народом новых органов власти, — все это, несомненно, самый *прямой* путь, самый выгодный для народа, но зато требующий и наибольшей силы. При подавляющем перевесе силы можно победить

и прямой фронтальной атакой. При недостатке сил могут потребоваться и обходные пути, выжидания, зигзаги, отступления и т. д., и т. п. Путь монархической конституции нисколько не исключает еще, конечно, революции, элементы каковой этот путь *тоже* подготовляет и развивает косвенным образом, но это путь более длинный, зигзагообразный.

Через всю меньшевистскую литературу, особенно 1905-го года (до октября), красной нитью проходит обвинение большевиков в «прямолинейности», назидания по их адресу насчет того, что надо считаться с зигзагообразным путем, которым идет история. Эта черта меньшевистской литературы есть тоже образчик рассуждения о том, что лошади кушают овес и что Волга течет в Каспийское море, — рассуждения, засоряющего разжевыванием бесспорного суть того, что спорно. Что история обыкновенно идет зигзагообразным путем, и что марксист должен уметь считаться с самыми запутанными и причудливыми зигзагами истории, — это бесспорно. Но эта бесспорная жвачка нисколько не относится к вопросу о том, как быть марксисту, когда та же самая история ставит на решение борющихся сил вопрос о выборе прямого или зигзагообразного пути. В такие моменты или в такие периоды, когда это бывает, отделываться рассуждениями об обычной зигзагообразности истории значит именно превращаться в человека в футляре и углубляться в созерцание той истины, что лошади кушают овес. А революционные периоды являются по преимуществу как раз такими периодами истории, когда в сравнительно короткие промежутки времени столкновение борющихся общественных сил решает вопрос о выборе страной прямого или зигзагообразного пути развития на сравнительно очень продолжительное время. Необходимость считаться с зигзагообразным путем нисколько не устраняет того, что марксисты должны уметь разъяснять массам в решающие моменты их истории предпочтительность прямого пути, должны уметь помогать массам в борьбе за выбор прямого пути, давать лозунги такой борьбы и так далее. И только безнадежные филистеры и совсем тупые педанты могли бы *после окончания* решительных исторических битв, определивших зигзагообразный путь, вместо прямого, хихикать над тем, кто до конца боролся за прямой путь. Это было бы похоже на хихиканье немецких казенно-полицейских историков вроде Трейчке над революционными лозунгами и революционной прямолинейностью Маркса в 1848 году.

Отношение марксизма к зигзагообразному пути истории сходно, по существу дела, с отношением их к компромиссам. Всякий зигзагообразный поворот истории есть компромисс, компромисс между старым, уже недостаточно сильным для полного отрицания нового, и между новым, еще недостаточно сильным для полного свержения старого. Марксизм не зарекается от

компромиссов, марксизм считает необходимым использование их, но это нисколько не исключает того, что марксизм в качестве живой и действующей исторической силы со всей энергией борется против компромиссов. Кто не умеет усвоить себе этого, якобы, противоречия, тот не знает азбуки марксизма.

Энгельс однажды выразил чрезвычайно наглядно, ясно и кратко отношение марксизма к компромиссам, именно в статье о манифесте бланкистов — беглецов Коммуны (1874 г.)*). Бланкисты, беглецы Коммуны, писали в своем манифесте, что они не допускают никаких компромиссов. Энгельс посмеялся над этим манифестом. Не в том дело, — сказал он, — чтобы зарекаться от использования компромиссов, *на которые осуждают нас обстоятельства* (или к которым принуждают нас обстоятельства: я должен извиниться перед читателем, что должен цитировать на память, не имея возможности справиться с текстом). Дело в том, чтобы ясно сознавать истинные революционные цели пролетариата и уметь преследовать их через все и всякие обстоятельства, зигзаги и компромиссы. [8])

Только с этой точки зрения можно оценивать простоту, прямоту и ясность бойкота, как апеллирующего к массам лозунга. Все указанные качества этого лозунга хороши не сами по себе, а лишь постольку, поскольку в объективной ситуации, к которой этот лозунг применяется, есть на-лицо условия борьбы за выбор прямого или зигзагообразного пути развития. В эпоху Булыгинской Думы этот лозунг был верным и единственно-революционным лозунгом рабочей партии не потому, что он был самый простой, прямой и ясный, а потому, что исторические условия поставили тогда перед рабочей партией задачу участия в борьбе за простой и прямой революционный путь против зигзагообразного пути монархической конституции.

Спрашивается, в чем же критерий того, что были тогда на-лицо эти особые исторические условия? В чем главный признак той особенности в объективном положении дел, которая делала простой, прямой и ясный лозунг не фразой, а единственно соответствующим действительной борьбе лозунгом? К этому вопросу мы теперь и перейдем.

II.

Когда смотришь назад, на борьбу уже оконченную (по крайней мере, оконченную в ее прямой и непосредственной форме), тогда нет ничего легче, разумеется, как учесть общий итог из различных, противоречащих друг другу, признаков и симптомов

*) Статья эта вошла в немецкий сборник «Internationales aus dem Volksstaat» («На интернациональные темы из «Народного Государства». *Ред.*). Рус. перевод: «Статьи из «Volksstaat» изд. «Знания».

эпохи. Исход борьбы решает все сразу и очень просто устраняет всякие сомнения. Но нам нужно теперь определить такие признаки явления, которые могли бы помочь разобраться в положении дел *до* борьбы, ибо мы хотим применить уроки исторического опыта к III Думе. Мы указали уже выше, что условием успеха бойкота в 1905 г. был самый широкий, всеобщий сильный и быстрый, революционный подъем. Надо рассмотреть теперь, во-первых, в какой связи стоит особенно сильный подъем борьбы с бойкотом, а, во-вторых, каковы характерные черты и отличительные признаки особенно сильного подъема.

Бойкот, как мы уже сказали, есть борьба не на почве данного учреждения, а против его возникновения. Всякое данное учреждение может исходить только от существующей уже, т.-е. старой власти. Значит, бойкот есть такое средство борьбы, которое направлено непосредственно на свержение старой власти или, в худшем случае, т.-е. при недостатке натиска для свержения, — на такое ослабление ее, чтобы она не могла обеспечить создание этого учреждения, не могла провести его в жизнь *). Бойкот требует, следовательно, для своего успеха, непосредственной борьбы со старой властью, восстания против нее и массового неповиновения ей в целом ряде случаев (такое массовое неповиновение есть одно из условий, подготовляющих восстание). Бойкот есть отказ признавать старую власть и, конечно, отказ не на словах, а на деле, т.-е. проявляющийся не в возгласах только или лозунгах организаций, а в известном движении *масс народа*, систематически нарушающих законы старой власти, систематически создающих новые, противозаконные, но фактически существующие учреждения и т. д., и т. д. Связь бойкота с широким революционным подъемом, таким образом, очевидна: бойкот есть самое решительное средство борьбы, отвергающее не формы организации данного учреждения, а самое его существование. Бойкот есть объявление прямой войны старой власти, прямая атака на нее. Вне широкого революционного подъема, вне массового возбуждения, повсюду переливающего, так сказать, через края старой легальности, не может быть и речи об успехе бойкота.

Переходя к вопросу о характере и признаках подъема осенью 1905-го года, мы легко увидим, что тогда происходило массовое и непрерывное *наступление* революции, систематически нападавшей, теснившей врага. Репрессии не принижали, а расширяли

---

*) Речь идет везде в тексте об активном бойкоте, т.-е. не о простом отстранении от участия в предприятиях старой власти, а о натиске на эту власть. Читателям, незнакомым с с.-д. литературой эпохи бойкота Булыгинской Думы, надо напомнить, что с.-д. прямо говорили тогда об *активном* бойкоте, решительно противополагая его пассивному бойкоту, даже более того: решительно связывая активный бойкот с вооруженным восстанием.

движение. За 9-м января пошла гигантская стачечная волна, баррикады в Лодзи, восстание «Потемкина». В области печати, в области союзов, в области учебной, повсюду легальные рамки, старой властью установленные, нарушались систематически и нарушались вовсе не «революционерами» только, а обывателями, ибо старая власть действительно была ослаблена, действительно выпускала из дряхлеющих рук вожжи. Особенно рельефным и безошибочным (с точки зрения революционных организаций) показателем силы подъема было то, что лозунги революционеров не только не оставались без отклика, а прямо *отставали* от жизни. И 9-ое января, и массовые стачки после него, и «Потемкин», — все эти явления опережали непосредственные призывы революционеров. Такого *призыва* с их стороны, который бы массы встретили пассивно, молчанием, отказом от борьбы, *не было в 1905 году*. Бойкот в такой обстановке являлся естественным *дополнением* заряженной электричеством атмосферы. Этот лозунг ничего не «выдумывал» тогда, он только формулировал точно и верно идущий вперед и вперед, идущий к прямому натиску подъем. В положении «выдумывающих» были, напротив, наши меньшевики, которые, отстраняясь от революционного подъема, увлекались пустым обещанием царя в виде манифеста или закона 6 августа и брали в серьез *обещанный* поворот на конституционно-монархические рельсы. Меньшевики (и Парвус) строили тогда свою тактику не на факте самого широкого, сильного и быстрого революционного подъема, а на обещании царем конституционно-монархического поворота! Неудивительно, что подобная тактика оказалась смешным и жалким оппортунизмом. Неудивительно, что во всех меньшевистских рассуждениях о бойкоте заботливо выкидывается теперь анализ бойкота Булыгинской Думы, т.-е. самого крупного опыта бойкота в революции. Но мало признать эту, едва ли не крупнейшую, ошибку меньшевиков в революционной тактике. Надо дать себе ясный отчет в том, что источником этой ошибки было непонимание *объективного* положения вещей, делавшего революционный подъем действительностью, а конституционно-монархический поворот пустым полицейским посулом. Не потому оказались меньшевики не правы, что они отнеслись к вопросу без субъективной революционности настроения, а потому, что эти горе-революционеры отстали в своих идеях от объективно-революционной ситуации. Ту и другую причину ошибки меньшевиков легко смешать, но марксисту смешивать их непозволительно.

III.

Связь бойкота с особыми историческими условиями известного периода русской революции должна быть рассмотрена еще с одной стороны. Каково было политическое содержание бойко-

тистской с.-д-ской кампании осенью 1905 и весной 1906 года? Содержание этой кампании не состояло, конечно, в повторении слова бойкот или в призыве не участвовать в выборах. Это содержание не исчерпывалось и призывами к прямому натиску, игнорирующему предлагаемые самодержавием обходные и зигзагообразные пути. Кроме того и даже не рядом с указанной темой, а скорее в центре всей бойкотистской агитации стояла *борьба с конституционными иллюзиями*. Эта борьба была, поистине, живой душой бойкота. Припомните речи бойкотистов и всю их агитацию, взгляните на главнейшие резолюции бойкотистов, и вы убедитесь в правильности такого положения.

Меньшевикам никогда не дано было понять эту сторону бойкота. Им всегда казалось, что борьба с конституционными иллюзиями в эпоху зарождающегося конституционализма есть нелепость, бессмыслица, «анархизм». И в речах на Стокгольмском съезде, особенно — помнится — в речах Плеханова, эта точка зрения меньшевиков выражена ярко, не говоря уже о меньшевистской литературе.

На первый взгляд, позиция меньшевиков в этом вопросе действительно может показаться столь же непререкаемой, как позиция человека, самодовольно поучающего своих ближних, что лошади кушают овес. В эпоху нарождающегося конституционализма провозглашать борьбу с конституционными иллюзиями! Разве это не анархизм? Разве это не сапоги в смятку?

Опошление вопроса, производимое при помощи благовидной ссылки на простой здравый смысл в таких рассуждениях, основывается на том, что обходят молчанием особый период русской революции, *забывают о бойкоте Булыгинской Думы*, подменяют конкретные ступени пройденного нашей революцией пути общим обозначением всей, прошлой и будущей, нашей революции в целом, как революции, порождающей конституционализм. Это — образчик нарушения метода диалектического материализма людьми, которые, подобно Плеханову, с наибольшим пафосом об этом методе говорили.

Да, наша буржуазная революция, в целом, как и всякая буржуазная революция, есть в конце концов процесс создания конституционного строя, и ничего более. Это истина. Это — полезная истина для разоблачения quasi *) - социалистических аллюров той или иной буржуазно-демократической программы, теории, тактики и т. п. Но сумеете ли вы извлечь пользу из этой истины в вопросе о том, к *какому* конституционализму должна вести рабочая партия страну в эпоху буржуазной революции? в вопросе о том, *как именно* должна бороться рабочая партия за определенный (и именно республиканский) конституционализм

*) — якобы. *Ред.*

в известные периоды революции? Нет. Излюбленная Аксельродом и Плехановым истина так же мало просветит вас на счет этих вопросов, как мало убеждения в том, что лошади кушают овес, для выбора подходящей лошади и уменья на ней ездить.

Борьба с конституционными иллюзиями, говорили большевики в 1905-ом и в начале 1906-го года, должна стать лозунгом момента, ибо именно в данный период объективное положение вещей ставит на решение борющихся общественных сил вопрос о том, восторжествует ли на ближайший период прямой путь непосредственной революционной борьбы и непосредственно революцией созданных представительных учреждений на основе полного демократизма или обходный, зигзагообразный путь монархической конституции и полицейски-«конституционных» (в кавычках!) учреждений типа «Думы».

Действительно ли объективное положение вещей выдвигало этот вопрос, или его «выдумывали» из теоретического озорства большевики? На этот вопрос ответила уже теперь история русской революции.

Октябрьская борьба 1905-го года и была борьбой против поворота революции на монархически-конституционные рельсы. Октябрьско-декабрьский период и был периодом осуществления конституционализма пролетарского, истинно демократического, широкого, смелого, свободного, действительно выражавшего волю народа, в отличие от лже-конституционализма Дубасовской и Столыпинской конституции. Революционная борьба во имя действительно демократического (т.-е. существующего на почве, совершенно очищенной от старой власти и всех связанных с нею мерзостей) конституционализма требовала самой решительной борьбы против приманки народа полицейски-монархической конституцией. Этой нехитрой вещи и не могли никак понять социал-демократические противники бойкота.

Теперь перед нами две полосы в развитии русской революции выступают с полнейшей ясностью. Полоса подъема (1905-й год) и полоса упадка (1906—7 годы). Полоса максимального расцвета народной самодеятельности, свободных и широких организаций всех классов населения, максимальной свободы печати, максимального игнорирования народом старой власти, ее учреждений и велений, и все это при отсутствии всякого бюрократически-признанного и в формальных уставах или положениях выраженного конституционализма. А затем полоса наименьшего развития и неуклонного упадка народной самодеятельности, организованности, свободной печати и т. д. при существовании Дубасовыми и Столыпиными сочиняемой, Дубасовыми и Столыпиными признаваемой, Дубасовыми и Столыпиными охраняемой, прости господи, «конституции».

Теперь, когда *назад* все так хорошо, просто и ясно видно, не найдется даже, пожалуй, ни одного педанта, который бы решился отрицать законность и необходимость революционной борьбы пролетариата против поворота событий на конституционно-монархические рельсы, законность и необходимость борьбы против конституционных иллюзий.

Теперь не найдется, наверное, ни одного сколько-нибудь путного историка, который бы не разделил хода русской революции с 1905-го по осень 1907-го года именно на эти два периода: период «анти-конституционного» (если позволено будет мне так выразиться) подъема и период «конституционного» упадка, период завоевания и осуществления народом свободы без полицейского (монархического) конституционализма и период угнетения и подавления народной свободы посредством монархической «конституции».

Теперь период конституционных иллюзий, период первой и второй Думы, обрисовался перед нами вполне, и понять значение *тогдашней* борьбы революционных с.-д. против конституционных иллюзий уже не трудно. Но *тогда*, в 1905-ом и в начале 1906-го года, этого не понимали ни либералы в буржуазном лагере, ни меньшевики — в пролетарском.

А период I и II Думы был во всех смыслах и во всех отношениях периодом конституционных иллюзий. Торжественное обещание: «никакой закон да не приемлет силы без одобрения Гос. Думы», не было нарушено в этот период. Значит, конституция на бумаге существовала и непрестанно умиляла все холопские души российских кадетов. И Дубасов, и Столыпин испытывали на деле, примеряли, пробовали в этот период российскую конституцию, стараясь подладить и приспособить ее к старому самодержавию. Они были, казалось, самыми могущественными людьми этой эпохи, гг. Дубасов и Столыпин, они всемерно трудились над превращением «иллюзии» в действительность. Иллюзия оказалась иллюзией. Правильность лозунга революционной социал-демократии всецело подтверждена историей. Но не только Дубасовы и Столыпины пробовали осуществить «конституцию», не только кадетские холопы восхваляли ее и лакейски распинались (à la г. Родичев в первой Думе), доказывая, что монарх безответственен и что дерзостью было бы считать его ответственным за погромы. Нет. И широкие народные массы, несомненно, верили еще в большей или меньшей степени в «конституцию» в течение этого периода, верили в Думу, вопреки предупреждениям социал-демократии.

Можно сказать, что период конституционных иллюзий в русской революции был таким же периодом общенационального увлечения буржуазным фетишем, как увлекаются иногда целые нации западной Европы фетишем буржуазного национализма,

антисемитизма, шовинизма и т. п. И заслугой социал-демократии является то, что она одна не поддалась буржуазному обмороченню, она одна в эпоху конституционных иллюзий держала все время развернутым знамя борьбы с конституционными иллюзиями.

Почему же, спрашивается теперь, бойкот явился специфическим средством борьбы против конституционных иллюзий?

В бойкоте есть одна черта, которая сразу и на первый взгляд невольно отталкивает от него всякого марксиста. Бойкот выборов есть отстранение от парламентаризма, есть нечто такое, что не может не казаться пассивным отказом, воздержанием, уклонением. Так смотрел учившийся по немецким только образцам Парвус, когда он столь же сердито, сколько неудачно бушевал осенью 1905-го года, пытаясь доказать, что активный бойкот все же есть плохая вещь, *аки бойкот*...[9]) Так смотрит и до сих пор ничему не научившийся от революции и все более превращающийся в либерала Мартов, доказывающий своей последней статьей в «Товарище» неуменье даже поставить вопрос, как приличествует революционному социал-демократу [10]).

Но эта, наиболее антипатичная, так сказать, для марксистов черта бойкота находит себе полное объяснение в особенностях той эпохи, которая породила такое средство борьбы. Первая монархическая Дума, Булыгинская Дума, была приманкой, долженствующей отвлечь народ от революции. Приманка была чучелом, одетым в костюм конституционализма. Все и вся склонно было пойти на удочку. Кто из корыстных классовых интересов, кто по недомыслию склонен был ухватиться за чучело Булыгинской и потом за чучело Виттевской Думы. Все увлекались, все искренне верили. Участие в выборах не было будничным, простым выполнением обычных гражданских обязанностей. Оно было инаугурированием монархической конституции. Оно было поворотом от непосредственно-революционного пути к монархически-конституционному.

Социал-демократия *должна была* в такое время развернуть свое знамя протеста и предупреждения со всей энергией, со всей демонстративностью. А это и значило отказаться от участия, не идти самим и отзывать народ, бросать клич натиска на старую власть *вместо* работы на почве учреждения, создаваемого этой властью. Всенародное увлечение буржуазно-полицейским фетишем «конституционной» монархии требовало от социал-демократии, как партии пролетариата, такого же всенародного «оказательства» ее протестующих и разоблачающих этот фетиш взглядов, требовало борьбы изо всех сил против осуществления учреждений, воплощавших в себе этот фетишизм.

Вот в чем полное историческое оправдание не только бой-

кота Булыгинской Думы, увенчавшегося непосредственным успехом, но и бойкота Виттевской Думы, который, *повидимому*, окончился неудачно. Теперь видно, почему это была лишь *кажущался* неудача, почему должна была с.-д-тия *до конца* отстоять свой протест против конституционно-монархического поворота нашей революции. Поворот этот *на деле* оказался поворотом *в тупик*. Иллюзии монархической конституции оказались только прелюдией или вывеской, украшением, отводом глаз для подготовки отмены этой «конституции» старою властью...

Мы сказали, что с.-д-тия должна была до конца отстоять свой протест против подавления свободы посредством «конституции». Что значит это «до конца»? Это значит: до тех пор, пока учреждение, *против* которого с.-д. боролись, не стало фактом *вопреки* с.-д., — пока тот монархически-конституционный поворот русской революции, который неминуемо означал (*на известное время*) упадок революции, поражение революции, не оказался фактом вопреки с.-д. Период конституционных иллюзий был попыткой *компромисса*. Мы боролись и должны были бороться изо всех сил против него. Нам пришлось идти во II Думу, нам пришлось считаться с компромиссом, раз обстоятельства *навязали* его нам против нашей воли, вопреки нашим усилиям, ценой поражения нашей борьбы. На какое время считаться, — это, разумеется, вопрос иной.

Какой же вывод вытекает из всего этого по отношению к бойкоту *III* Думы? Может быть, тот, что бойкот, необходимый в начале периода конституционных иллюзий, необходим и в конце этого периода? Это было бы «игрой ума» в духе «аналогической социологии», а не серьезным выводом. *Того* содержания, которое имел бойкот в начале русской революции, теперь уже *не может быть* в бойкоте. Ни предупреждать народ против конституционных иллюзий, ни бороться против поворота революции на конституционно-монархический тупик теперь нельзя. Прежней живой души в бойкоте быть не может. Если и будет бойкот, то он получит во всяком случае *иное* значение, он будет заполнен во всяком случае *иным* политическим содержанием.

Мало того. Рассмотренная нами историческая своеобразность бойкота дает одно соображение против бойкота III Думы. В эпоху начала конституционного поворота, внимание всей нации неизбежно устремлялось на Думу. Бойкотом мы боролись и должны были бороться против этого устремления внимания по направлению к тупику, бороться против увлечения, которое было результатом темноты, неразвитости, слабости или корыстной контрреволюционности. Теперь ни о каком не только общенациональном, но даже вообще сколько-нибудь широком увлечении Думой вообще или III Думой не может быть и речи. В бойкоте нет надобности с этой стороны.

IV.

Итак, условий применимости бойкота надо искать, несомненно, в объективном положении вещей данного момента. Сравнивая с этой точки зрения осень 1907 и осень 1905 года, нельзя не придти к выводу, что мы не имеем оснований провозглашать *сейчас* бойкот. И с точки зрения соотношения между прямым революционным путем и конституционно-монархическим «зигзагом», и с точки зрения массового подъема, и с точки зрения специфической задачи борьбы с конституционными иллюзиями современное положение вещей самым резким образом отличается от того, которое было два года тому назад.

Тогда монархически-конституционный поворот истории был не более, как полицейским посулом. Теперь этот поворот — факт. Было бы смешной боязнью правды нежелание прямо признать этот факт. И было бы ошибкой выводить из признания этого факта признание того, что русская революция закончена. Нет. Для этого последнего вывода еще нет данных. Марксист обязан бороться за прямой революционный путь развития, когда такая борьба предписывается объективным положением вещей, но это, повторяем, не значит, чтобы мы не должны были считаться с определившимся уже фактически зигзагообразным поворотом. С этой стороны ход русской революции определился уже вполне. В начале революции мы видим линию короткого, но необыкновенно широкого и головокружительно быстрого подъема. Затем перед нами линия чрезвычайно медленного, но неуклонного упадка, начиная с декабрьского восстания 1905 года. Сначала период непосредственной революционной борьбы масс, затем период монархически - конституционного поворота.

Значит ли это, что этот последний поворот есть окончательный поворот? Что закончилась революция и наступил «конституционный» период? Что нет оснований ни ожидать нового подъема, ни *готовить* таковой? Что надо выкинуть за борт республиканский характер нашей программы?

Ничего подобного. Такие выводы способны делать лишь либеральные пошляки, вроде наших кадетов, готовых оправдывать холопство и низкопоклонство первыми попавшимися доводами. Нет. Это значит только, что, защищая целиком *всю* нашу программу и *все* наши революционные взгляды, мы должны непосредственные призывы сообразовать с объективным положением вещей данного момента. Проповедуя неизбежность революции, готовя систематически и неуклонно накопление горючего материала во всех отношениях, заботливо оберегая в этих целях и культивируя, очищая от либеральных паразитов рево-

люционные традиции лучшей эпохи нашей революции, мы вместе с тем не отказываемся работать по-будничному на будничном монархически-конституционном повороте. Только и всего. Готовить новый широкий подъем мы должны, но соваться, не спросясь броду, с лозунгом бойкота нет никаких оснований.

Бойкот, как мы уже говорили, может иметь в России в данное время какой-нибудь смысл лишь как *активный* бойкот. Это означает не пассивное отстранение от участия в выборах, а игнорирование выборов ради задачи прямого натиска. Бойкот в этом смысле неизбежно равняется *призыву* к самому энергичному и решительному наступлению. Есть ли в данную минуту на-лицо такой широкий и общий подъем, без которого подобный призыв не имеет смысла? Конечно, нет.

Вообще, что касается «призывов», то разница в этом отношении между теперешним положением вещей и осенью 1905 года особенно ярка. Тогда, как мы уже указывали, за целый предшествующий год не бывало призывов, которые бы масса встречала молчанием. Энергия массового наступления шла впереди призывов организаций. Теперь мы стоим в периоде такой паузы революции, когда *целый ряд призывов* систематически оказывался *не встречающим отклика в массах*. Так было с призывом смести Виттевскую Думу (начало 1906 года), с призывом к восстанию после разгона первой Думы (лето 1906 года), *с призывом к борьбе* в ответ на разгон второй Думы и государственный переворот 3 июня 1907 года. Возьмите листок нашего Ц. К. по поводу этих последних актов. Вы найдете в этом листке прямой призыв к борьбе в той форме, которая возможна по местным условиям (демонстрации, стачки, открытая борьба с вооруженной силой абсолютизма). Это был призыв словесный. Военные восстания июня 1907 года в Киеве и в Черноморском флоте были призывами посредством действия. Ни тот, ни другой призыв не встретил никакого массового отклика. Если самые яркие и непосредственные проявления реакционного натиска на революцию — разгоны двух Дум и государственный переворот — не вызвали подъема в данное время, то где основания для немедленного повторения призыва в форме провозглашения бойкота? Не ясно ли, что объективное положение вещей таково, что «провозглашение» рискует оказаться при этом пустым выкриком? Когда борьба идет, ширится, растет, надвигается отовсюду, — тогда «провозглашение» законно и необходимо, тогда дать боевой клич есть обязанность революционного пролетариата. Но ни выдумать этой борьбы, ни вызвать ее одним только кличем нельзя. И когда целый ряд боевых призывов, испытанных нами по поводам, более непосредственным, оказались безрезультатны, — мы естественно должны поискать серьезных

оснований для «провозглашения» лозунга, бессмысленного вне условий осуществимости боевых призывов.

Кто хочет убедить *социал-демократический* пролетариат в правильности лозунга бойкота, тот не должен дать себя увлечь одним только звуком слов, в свое время сыгравших великую и славную революционную роль. Тот должен вдуматься в объективные условия применимости подобного лозунга и понять, что бросать его значит уже предполагать косвенно наличность условий широкого, общего, сильного, быстрого, революционного подъема. Но в такие эпохи, как переживаемая нами, в эпохи временной паузы революции, такое условие ни в каком случае нельзя косвенно предполагать. Его надо прямо и отчетливо сознать и выяснить себе самому и всему рабочему классу. Иначе рискуешь попасть в положение человека, который употребляет большие слова, не сознавая настоящего значения их или не решаясь прямо и без обиняков назвать вещи своим именем.

V.

Бойкот принадлежит к одной из лучших революционных традиций самого богатого событиями, самого героического периода русской революции. Мы сказали выше, что одна из наших задач — заботливо оберегать эти традиции вообще, культивировать их, очищать от либеральных (и оппортунистических) паразитов. Необходимо остановиться несколько на разборе этой задачи, чтобы правильно определить ее содержание и устранить легко возможные перетолкования и недоразумения.

Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами. Высокая оценка революционных периодов в развитии человечества вытекает из всей совокупности исторических взглядов Маркса: именно в такие периоды разрешаются те многочисленные противоречия, которые медленно накапливаются периодами так называемого мирного развития. Именно в такие периоды проявляется с наибольшей силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни, создаются основы политической «надстройки», которая долго держится потом на базисе обновленных производственных отношений. И, в отличие от теоретиков либеральной буржуазии, именно в таких периодах видел Маркс не уклонения от «нормального» пути, не проявления «социальной болезни»,

не печальные результаты крайностей и ошибок, а самые жизненные, самые важные, существенные, решающие моменты в истории человеческих обществ. В деятельности самого Маркса и Энгельса период их участия в массовой революционной борьбе 1848—1849 года выделяется, как центральный пункт. Из этого пункта исходят они в определении судеб рабочего движения и демократии разных стран. К этому пункту возвращаются они всегда для определения внутренней природы разных классов и их тенденций в самом ярком и чистом виде. С точки зрения тогдашней, революционной эпохи, оценивают они всегда позднейшие, более мелкие, политические образования, организации, политические задачи и политические конфликты. Идейные вожди либерализма, вроде Зомбарта, не даром ненавидят от всей души эту черту в деятельности и в литературных произведениях Маркса, относя ее на счет «озлобленности эмигранта» [11]). Ведь это так под стать клопам полицейски-буржуазной университетской науки — сводить к личной озлобленности, к личным тягостям эмигрантского положения то, что является у Маркса и Энгельса самой неразрывной составной частью всего их революционного миросозерцания!

В одном из своих писем, кажется, к Кугельману, Маркс бросает мимоходом одно, в высшей степени характерное и особенно интересное с точки зрения занимающего нас вопроса замечание. Он замечает, что реакции удалось в Германии почти вытравить из народного сознания воспоминания и традиции революционной эпохи 1848-го года [12]). Здесь рельефно сопоставляются задачи реакции и задачи партии пролетариата в отношении к революционным традициям данной страны. Задача реакции — вытравить эти традиции, представить революцию, как «стихию безумия» — Струвенский перевод немецкого «das tolle Jahr» [13]) («безумный год» — выражение немецких полицейски-буржуазных историков, даже шире: немецкой профессорски-университетской историографии о 1848-м годе). Задача реакции — заставить население забыть те формы борьбы, формы организации, те идеи, те лозунги, которые в таком богатстве и разнообразии рождала революционная эпоха. Как тупые хвалители английского мещанства, Уэббы, стараются представить чартизм, революционную эпоху английского рабочего движения, простым ребячеством, «грехом молодости», наивничанием, не заслуживающим серьезного внимания, случайным и ненормальным уклонением, так и немецкие буржуазные историки третируют 1848-ой год в Германии [14]). Таково же отношение реакции к Великой Французской Революции, которая доказывает до сих пор жизненность и силу своего влияния на человечество тем, что до сих пор возбуждает самую яростную ненависть. Так и наши герои контрреволюции, особенно из вчерашних «демократов» вроде Струве,

Милюкова, Кизеветтера и «tutti quanti» *) соперничают друг с другом в подлом оплевывании революционных традиций русской революции. Не прошло и двух лет с тех пор, как непосредственная массовая борьба пролетариата завоевала ту частичку свободы, которой восхищаются либеральные холопы старой власти, — а в нашей публицистической литературе создалось уже громадное течение, называющее себя *либеральным* (!!), культивируемое в кадетской печати и посвященное сплошь тому, чтобы представлять нашу революцию, революционные способы борьбы, революционные лозунги, революционные традиции как нечто низменное, элементарное, наивное, стихийное, безумное и т. д.... вплоть до преступного... от Милюкова до Камышанского il n'y a qu'un pas **)! Наоборот, успехи реакции, загнавшей народ сначала из Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов в Дубасовски-Столыпинские Думы, а теперь загоняющий его в октябристскую Думу, эти успехи рисуются героям русского либерализма, как «процесс роста *конституционного* сознания в России».

На русскую с.-д-тию, несомненно, ложится обязанность самого тщательного и всестороннего изучения нашей революции, распространения в массах знакомства с ее формами борьбы, формами организаций и пр., укрепление революционных традиций в народе, внедрение в массы убеждения, что единственно и исключительно революционной борьбой можно добиться сколько-нибудь серьезных и сколько-нибудь прочных улучшений, неуклонное разоблачение всей низости тех самодовольных либералов, которые заражают общественную атмосферу миазмами «конституционного» низкопоклонства, предательства и молчалинства. Один день октябрьской стачки или декабрьского восстания во сто раз больше значил и значит в истории борьбы за свободу, чем месяцы лакейских речей кадетов в Думе о безответственном монархе и монархически-конституционном строе. Нам надо позаботиться, — и кроме нас некому будет позаботиться о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни гораздо подробнее, детальнее и основательнее, чем те месяцы «конституционного» удушья и Балалайкинско-Молчалинского преуспеяния [15]), о которых при благосклонном попустительстве Столыпина и его цензурно-жандармской свиты благовестят так усердно органы нашей партийно-либеральной и беспартийно-«демократической» (тьфу! тьфу!) печати.

Нет сомнения, симпатии к бойкоту вызываются у многих именно этим достойным всякого уважения стремлением революционеров поддержать традицию лучшего революционного про-

---

*) — «все подобные». *Ред.*
**) — всего только шаг. *Ред.*

шлого, оживить безотрадное болото современных серых будней огоньком смелой, открытой, решительной борьбы. Но именно потому, что нам дорого бережное отношение к революционным традициям, мы должны решительно протестовать против того взгляда, будто применением одного из лозунгов особой исторической эпохи можно содействовать возрождению существенных условий этой эпохи. Одно дело — хранение традиций революции, уменье использовать их для постоянной пропаганды и агитации, для ознакомления масс с условиями непосредственной и наступательной борьбы против старого общества, другое дело — повторение одного из лозунгов, вырванного из совокупности породивших его и обеспечивших ему успех условий, и применение его к условиям, существенно отличным.

Тот же Маркс, который так высоко ценил революционные традиции и неумолимо бичевал ренегатское или филистерское отношение к ним, требовал в то же время уменья *мыслить* от революционеров, уменья *анализировать* условия применения старых приемов борьбы, а не простого повторения известных лозунгов. «Национальные» традиции 1792-го года во Франции останутся, может быть, навсегда *образцом* известных революционных приемов борьбы, но это не мешало Марксу в 1870 году, в знаменитом «Адресе» Интернационала предупредить французский пролетариат против ошибочного перенесения этих традиций в условия иной эпохи [16]).

Так и у нас. Изучить условия применения бойкота мы должны, внедрить в массы ту идею, что бойкот является вполне законным и необходимым иногда приемом в моменты революционного подъема (что бы ни говорили педанты, всуе приемлющие имя Маркса), мы должны. Но есть ли на-лицо этот подъем, это основное условие провозглашения бойкота, — этот вопрос надо уметь поставить самостоятельно и решить его на основании серьезного разбора данных. Наш долг — готовить наступление такого подъема, поскольку это в наших силах, и не зарекаться от бойкота в соответствующий момент, но считать лозунг бойкота вообще применимым ко всякому худому или очень худому представительному учреждению было бы безусловной ошибкой.

Возьмите ту мотивировку, которой защищался и доказывался бойкот в «дни свободы», и вы сразу увидите невозможность простого перенесения таких доводов в условия теперешнего положения вещей.

Участие в выборах принижает настроение, сдает позицию неприятелю, сбивает с толку революционный народ, облегчает соглашение царизма с контр-революционной буржуазией и т. п., говорили мы, отстаивая бойкот в 1905-ом и в начале 1906-го года. Какова основная предпосылка этих доводов, не всегда высказывавшаяся, но всегда подразумеваемая, как нечто *по тем временам*

само собою разумеющееся? Эта предпосылка — богатая революционная энергия масс, ищущая и находящая себе *непосредственные* выходы помимо всяких «конституционных» каналов. Эта предпосылка — беспрерывное *наступление* революции на реакцию, которое преступно было ослаблять занятием и обороной позиции, намеренно предоставляемой неприятелем с целью ослабить общий натиск. Попробуйте повторить эти доводы *вне* условий этой основной предпосылки, — и вы сразу почувствуете фальшь во всей своей «музыке», неверность основного тона.

Безнадежна также была бы попытка оправдать бойкот различием второй и третьей Думы. Считать серьезной и коренной разницу между кадетами (во второй Думе окончательно предавшими народ в руки черной сотне) и октябристами, придавать сколько-нибудь реальное значение пресловутой «конституции», порванной государственным переворотом 3-го июня, — все это вообще соответствует гораздо больше духу вульгарного демократизма, чем духу революционной социал-демократии. Мы всегда говорили, твердили, повторяли, что «конституция» I и II Думы есть только призрак, что болтовня кадетов только отвод глаз для прикрытия их октябристской сущности, что Дума совершенно негодное средство для удовлетворения требований пролетариата и крестьянства. Для нас 3-е июня 1907-го года — естественный и неизбежный результат декабрьского поражения в 1905 году. Никогда не были мы «очарованы» прелестями «думской» конституции, не может нас и разочаровать особенно переход от реакции, подкрашенной и Родичевской фразой политой, — к реакции голой, открытой, грубой. Может быть, даже последняя — гораздо лучшее средство для отрезвления всяких хамствующих либеральных дурачков или сбитых ими с толку групп населения...

Сравните меньшевистскую, Стокгольмскую, и большевистскую, Лондонскую, резолюции о Гос. Думе. Вы увидите, что первая — напыщенна, фразиста, полна громких слов о значении Думы, надута сознанием величия Думской работы. Вторая — проста, суха, трезва, скромна. Первая резолюция проникнута духом мещанского торжества по поводу венчания социал-демократии с конституционализмом («новой властью, из недр народа» и прочее и прочее в духе той же казенной фальши). Вторая может быть пересказана примерно так: ежели проклятая контр-революция загнала нас в этот проклятый хлев, будем и там работать на пользу революции, не хныкая, но *и* не хвастаясь.

Защищая Думу от бойкота еще в период непосредственной революционной борьбы, меньшевики, так сказать, ангажировались перед народом насчет того, что Дума будет чем-то вроде орудия революции. И они преторжественно провалились с этим ангажементом. Мы же, большевики, если чем ангажировались, то только уверениями, что Дума — исчадие контр-революции, и добра от

нее сколько-нибудь серьезного ждать нельзя. Наша точка зрения подтверждалась до сих пор великолепно, и можно ручаться, что ее еще подтвердят дальнейшие события. Без «исправления» и повторения на основании новых данных октябрьско-декабрьской стратегии не бывать на Руси свободе.

Поэтому, когда мне говорят: III Думу нельзя использовать, как вторую, нельзя объяснить массам необходимости участвовать в ней, то мне хочется ответить: если под «использованием» разуметь нечто меньшевистски-велеречивое, вроде орудия революции и т. п., тогда, конечно, нельзя. Но ведь и первые две Думы оказались на деле только ступеньками к октябристской Думе, и все же мы их использовали для той простой и скромной *) цели (пропаганда и агитация, критика и разъяснение массам происходящего), для которой мы сумеем всегда использовать самые скверные представительные учреждения. Речь в Думе никакой «революции» не вызовет, и пропаганда *в связи с Думой* никакими особыми качествами не отличается, но пользы от того и от другого с.-д-тия получит не меньше, а иногда и побольше, чем от иной напечатанной или произнесенной в другом собрании речи.

И объяснять массам наше участие в октябристской Думе мы должны так же просто. Вследствие поражения в декабре 1905-го года и неудачи попыток 1906—7 годов «исправить» это поражение, реакция неизбежно загоняла нас и постоянно *будет дальше загонять* в худшие и худшие quasi-конституционные учреждения. Мы будем отстаивать всегда и везде наши убеждения и проводить наши взгляды, повторяя всегда, что пока держится старая власть, пока она не вырвана с корнем, добра ждать нечего. Будем готовить условия нового подъема, а до его наступления и для его наступления надо упорнее работать, не бросая лозунгов, имеющих смысл только в условиях подъема.

Неверно также было бы смотреть на бойкот, как на *линию тактики*, противополагающую пролетариат и часть революционной буржуазной демократии либерализму совместно с реакцией. Бойкот, это — не линия тактики, а особое средство борьбы, годное при особых условиях. Смешивать большевизм с «бойкотизмом» — такая же ошибка, как смешивать его с «боевизмом». Различие *линии тактики* у меньшевиков и большевиков вполне

---

*) Сравни «Пролетарий» (Женевский) 1905 г. [17]), статью о бойкоте Булыгинской Думы (см. VIII том Сочинений, стр. 143. *Ред.*) с указанием на то, что мы не зарекаемся от использования ее вообще, но *теперь* решаем поставленную перед нами задачу: задачу борьбы за непосредственно-революционный путь. Сравни также «Пролетарий» [18]) (русский) 1906-го года, № 1, статью: «О бойкоте» (см. X том Сочинений, стр. 26. *Ред.*), где подчеркивается *скромный* размер приносимой думскою работою пользы.

уже выяснилось и отлилось в принципиально различные резолюции весной 1905 года во время большевистского III съезда в Лондоне и меньшевистской конференции в Женеве. Ни о бойкоте, ни о «боевизме» тогда не было и не могло быть речи. И на выборах во вторую Думу, когда мы не были бойкотистами, и во II Думе наша *линия тактики* отличалась самым решительным образом от меньшевистской, как известно всем и каждому. *Линии тактики* расходятся при всех приемах и средствах борьбы, на каждом поприще борьбы, отнюдь не создавая каких-то специальных, той или иной линии свойственных способов борьбы. И если бы бойкот III Думы оправдывался или вызывался крахом *революционных* ожиданий от *первой или второй Думы*, крахом «законной», «сильной», «прочной» и «истинной» конституции, то это было бы меньшевизмом худшего сорта.

VI.

Мы отложили на конец рассмотрение наиболее сильных и единственно марксистских доводов за бойкот. Активный бойкот не имеет смысла вне широкого революционного подъема. Пусть так. Но широкий подъем развивается из не-широкого. Признаки некоторого подъема есть на-лицо. Лозунг бойкота должен быть выставлен нами, ибо этот лозунг поддерживает, развивает и расширяет начинающийся подъем.

Такова, по моему мнению, *основная* аргументация, определяющая собой, в более или менее ясной форме, склонность к бойкоту в с.-д. кругах. И при этом товарищи, ближе всего стоящие к непосредственно-пролетарской работе, исходят не из «построенной» по известному типу аргументации, а из некоторой суммы впечатлений, получаемых ими от соприкосновения с рабочей массой.

Один из немногих вопросов, по которым нет или не было до сих пор, кажется, разногласий между двумя фракциями с.-д., это — вопрос о причине длительной паузы в развитии нашей революции. «Пролетариат не оправился», — такова эта причина. И действительно, октябрьско-декабрьская борьба почти целиком легла на *один* пролетариат. За всю нацию систематически, организованно, беспрерывно боролся один только пролетариат. Не удивительно, что в стране с наименьшим (по европейскому масштабу) процентом пролетарского населения пролетариат должен был оказаться неимоверно истощенным такой борьбой. К тому же объединенные силы правительственной и буржуазной реакции обрушились после декабря и обрушивались с тех пор беспрерывно именно на пролетариат. Полицейские преследования и казни децимировали пролетариат в течение полутора года, а систематические локауты, начиная с «карательного» закрытия ка-

зенных заводов и кончая заговорами капиталистов против рабочих, доводили нужду рабочих масс до невиданных размеров. И вот теперь, говорят некоторые с.-д. работники, среди масс замечаются признаки подъема настроения, накопления сил у пролетариата. Это не вполне определенное и не вполне уловимое впечатление дополняется более сильным доводом: в некоторых отраслях промышленности констатируется несомненное оживление дел. Увеличенный спрос на рабочих неминуемо должен усилить стачечное движение. Рабочие должны будут попытаться возместить хоть часть тех громадных потерь, которые они понесли в эпоху репрессий и локаутов. Наконец, третий и наиболее сильный довод состоит в указании не на проблематическое и вообще ожидаемое стачечное движение, а на одну крупнейшую, назначенную уже рабочими организациями, стачку. Представители 10.000 текстильных рабочих еще в начале 1907 г. обсуждали свое положение и намечали шаги по усилению профессиональных союзов этой отрасли промышленности. Второй раз собрались уже представители 20.000 рабочих и постановили объявить в июле 1907 г. *всеобщую забастовку* текстильных рабочих. Движение это может охватить непосредственно до 400.000 рабочих. Исходит оно из Московской области, т.-е. из самого крупного центра рабочего движения в России и из самого крупного торгово-промышленного центра. Именно в Москве и только в Москве массовое рабочее движение может получить всего скорее характер широкого народного движения, имеющего решающее политическое значение. А текстильные рабочие из общей рабочей массы представляют из себя элемент нахуже оплачиваемый, наименее развитой, слабее всего участвовавший в предыдущих движениях, теснее всего связанный с крестьянством. Инициатива таких рабочих может указывать на то, что движение будет охватывать несравненно более широкие слои пролетариата, чем прежде. Связь же стачечного движения с революционным подъемом в массах продемонстрирована уже неоднократно в истории русской революции.

Прямой обязанностью с.-д-тии является сосредоточение громадного внимания и экстренных усилий именно на этом движении. Работа именно в этой области должна получить безусловно первенствующее значение по сравнению с выборами в октябристскую Думу. В массы должно быть внедрено убеждение в необходимости превратить это стачечное движение в общий и широкий натиск на самодержавие. Лозунг бойкота и означает перенесение внимания с Думы на непосредственную массовую борьбу. Лозунг бойкота и означает пропитывание нового движения политическим и революционным содержанием.

Таков приблизительно ход мысли, приводящий некоторых с.-д. к убеждению в необходимости бойкотировать III Думу. Это —

аргументация за бойкот, несомненно, марксистская и не имеющая ничего общего с голым повторением лозунга, вырванного из связи особых исторических условий.

Но, как ни сильна эта аргументация, она все же таки, по моему мнению, недостаточна еще для того, чтобы заставить нас *сейчас же* принять лозунг бойкота. Эта аргументация подчеркивает то, что и вообще не должно бы подлежать сомнению для русского социал-демократа, думавшего над уроками, преподанными нашей революцией, именно: что мы не можем зарекаться от бойкота, что мы должны быть готовы выдвинуть этот лозунг в подходящий момент, что наша постановка вопроса о бойкоте не имеет ничего общего с либеральной, филистерски-убогой и лишенной всякого революционного содержания постановкой вопроса: уклоняться или не уклоняться? *).

Примем за доказанное и вполне соответствующее действительности все то, что говорят сторонники бойкота из с.-д. об изменении в настроении рабочих, о промышленном оживлении и об июльской забастовке текстильщиков.

Что вытекает из всего этого? Перед нами начало некоторого частного подъема, имеющего революционное значение **). Обязаны ли мы приложить все усилия, чтобы поддержать и развить его, стремясь превратить в общий революционный подъем, а затем и в движение наступательного типа? Безусловно. Среди социал-демократов (кроме разве сотрудничающих в «Товарище») об этом не может быть двух мнений. Но нужен ли *в данную минуту*, в начале этого частного подъема, до его окончательного перехода в общий, нужен ли лозунг бойкота для развития движения? Способен ли этот лозунг содействовать развитию современного движения? Это вопрос иной, и на этот вопрос, по моему мнению, придется ответить отрицательно.

Развивать общий подъем из частного можно и должно прямыми и непосредственными доводами и лозунгами, без отношения к III Думе. Весь ход событий после декабря — одно сплошное подтверждение с.-д. взгляда на роль монархической консти-

---

*) См. в «Товарище» образец *либеральных* рассуждений у бывшего сотрудника с.-д. изданий, нынешнего сотрудника либеральных газет, Л. Мартова.

**) Есть мнение, что текстильная забастовка является движением нового типа, обособляющим профессиональное движение от революционного. Но мы проходим мимо этого взгляда, во-1-х, потому, что толковать все симптомы явлений сложного типа в пессимистическую сторону есть прием вообще опасного свойства, часто сбивавший с толка многих, несовсем «твердых в седле» социал-демократов. Во-2-х, если бы в текстильной забастовке были отмеченные черты, то мы, с.-д., несомненно должны бы были самым энергичным образом бороться против них. В случае успеха нашей борьбы вопрос стоял бы, следовательно, именно так, как мы его и ставим.

туции, на необходимость непосредственной борьбы. Граждане! будем говорить мы, если вы не хотите, чтобы дело демократии в России также неуклонно и все быстрее и быстрее шло под гору, как шло оно после декабря 1905 года, во время гегемонии над демократическим движением господ кадетов, если вы не хотите этого, — поддержите начинающийся подъем рабочего движения, поддержите непосредственную массовую борьбу. Вне ее нет и не может быть гарантий свободы на Руси.

Агитация этого типа будет, несомненно, вполне последовательной революционно-социал-демократической агитацией. Обязательно ли добавлять к ней: не верьте, граждане, в III Думу и смотрите на нас, с.-д., бойкотирующих ее в доказательство нашего протеста!

Подобное добавление по условиям переживаемого времени не только не необходимо, но звучит даже странно, звучит почти как насмешка. Да в III Думу и без того никто не верит, т.-е. в слоях населения, способных питать демократическое движение, нет и быть не может того увлечения конституционным учреждением III Думы, как было, несомненно, широкое увлечение I Думой, *первыми* попытками создания на Руси каких бы то ни было, только *конституционных* учреждений.

Центром тяжести внимания широких кругов населения в 1905 и в начале 1906 г. было *первое* представительное учреждение, хотя бы на основе монархической конституции. Это факт. Против этого должны были с.-д. бороться и демонстрировать самым наглядным образом.

Теперь не то. Не увлечение *первым* «парламентом» составляет характерную черту момента, не вера в Думу, а *неверие в подъем.*

При таких условиях, выдвигая преждевременно лозунг бойкота, мы нисколько не усиливаем движения, не парализуем действительных помех этому движению. Мало того: мы рискуем даже этим ослабить силу нашей агитации, ибо бойкот есть лозунг, сопутствующий уже определившемуся подъему, а вся беда теперь в том, что широкие круги населения в подъем не верят, силы его не видят.

Надо сначала позаботиться о том, чтобы *на деле* была доказана сила этого подъема, а потом мы успеем всегда двинуть лозунг, косвенно выражающий эту силу. Да и то еще вопрос: нужен ли будет для революционного движения наступательного характера особый лозунг, *отвлекающий* внимание от... *III Думы.* Возможно, что нет. Для того, чтобы пройти мимо чего-либо важного и действительно способного увлечь неопытную и невидывавшую еще парламентов толпу, необходимо, может быть, *бойкотировать* то, мимо чего пройти надо. Но для того, чтобы пройти мимо учреждения, совершенно неспособного увлечь современную

демократическую или полудемократическую толпу, не обязательно провозглашать бойкот. Не в бойкоте теперь суть, а в прямых и непосредственных усилиях превратить частный подъем в общий, профессиональное движение в революционное, оборону от локаутов в наступление на реакцию.

VII.

Резюмируем. Лозунг бойкота порожден особым историческим периодом. В 1905 и в начале 1906 года объективное положение вещей ставило на решение борющихся общественных сил вопрос о выборе ближайшего пути: непосредственно-революционный путь или монархически-конституционный поворот. Содержанием бойкотистской агитации при этом была главным образом борьба с конституционными иллюзиями. Условием успеха бойкота был широкий, общий, быстрый и сильный революционный подъем.

Во всех этих отношениях положение вещей к осени 1907 года вовсе не вызывает необходимости в таком лозунге и не оправдывает его.

Продолжая свою будничную работу по подготовке выборов и не отказываясь заранее от участия в самых реакционных представительных учреждениях, мы должны всю свою пропаганду и агитацию направить на выяснение народу связи между поражением в декабре и всем последующим упадком свободы и поруганием конституции. Мы должны внедрить в массы твердое убеждение в том, что без непосредственной массовой борьбы такое поругание неизбежно будет продолжаться и усиливаться.

Не зарекаясь от применения лозунга бойкота в моменты подъема, когда могла бы возникнуть серьезная надобность в таком лозунге, мы в настоящее время должны направить все усилия на то, чтобы путем прямого и непосредственного воздействия стремиться превратить тот или иной подъем рабочего движения в движение общее, широкое, революционное и наступательное по отношению к реакции в целом, по отношению к ее устоям.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА, ПРОЧИТАННОГО НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ОБЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 21 (8) ИЮЛЯ, ПО ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ К ТРЕТЬЕЙ ДУМЕ [19]).

1. Бойкот Думы, как показал опыт русской революции, является единственно правильным решением революционной с.-д-тии при таких исторических условиях, когда бойкот представляет из себя действительно активный бойкот, т.-е. выражает силу непосредственно идущего к прямому натиску на старую власть (след., к вооруженному восстанию) широкого и всеобщего революционного подъема. Бойкот выполняет великую историческую задачу, когда содержанием его является предупреждение пролетариатом всего народа против слепого мелкобуржуазного увлечения конституционными иллюзиями и первыми, даруемыми старой властью, якобы-конституционными учреждениями.

2. Рассматривать бойкот, как само по себе действующее средство вне условий широкого, всеобщего, сильного и быстрого революционного подъема и прямого всенародного натиска, направленного на свержение старой власти,—вне задачи борьбы с народным увлечением дарованной конституцией,—значит действовать под влиянием чувства, а не разума.

3. Поэтому провозглашать бойкот Думы на основании того, что благоприятный для кадетов избирательный закон заменен благоприятным для октябристов,—на основании того, что на смену второй Думе, которая по-кадетски говорила и по-октябристски действовала и в которой с.-д. не без пользы для дела революции участвовала, идет откровенно октябристская Дума,—провозглашать бойкот на этом основании значило бы не только заменять выдержанную революционную работу революционной нервозностью, но и обнаруживать господство над самими с.-д. худших иллюзий на счет кадетской Думы и кадетской конституции.

4. Центральным пунктом всей агитационной работы революционной с.-д-тии должно быть выяснение народу того, что государственный переворот 3 июня 1907 года является прямым и совершенно неизбежным результатом поражения декабрьского восстания 1905 года. Урок второго периода русской революции, 1906-го и 1907-го годов, состоит в том, что такое же систематическое наступление реакции и отступление революции, которое происходило весь этот период, неизбежно при господстве веры в конституцию, неизбежно при господстве якобы конституционных способов борьбы, неизбежно до тех пор, пока пролетариат, окрепнув и собравшись с силами от понесенных поражений, не поднимется несравненно более широкими массами для более решительного и наступательного революционного натиска, направленного на свержение царской власти.

5. Разгорающееся в настоящее время в Московском промышленном районе и начинающее захватывать иные районы России стачечное движение следует рассматривать, как самый крупный залог возможного в близком будущем революционного подъема. Поэтому с.-д-тия должна приложить все свои силы не только для поддержки и развития экономической борьбы пролетариата, но и для превращения данного, пока еще только профессионального движения в широкий революционный подъем и в непосредственную борьбу рабочих масс с вооруженной силой царизма. Лишь тогда, когда усилия с.-д-тии в этом направлении увенчаются успехом, лишь на почве создавшегося уже наступательного революционного движения может получить серьезное значение лозунг бойкота в неразрывной связи с прямым призывом масс к вооруженному восстанию, свержению царской власти, замены ее временным революционным правительством для созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Написано 6 июле 1907 г.
Напечатано отдельным листком 6 июле 1907 г.

Печатается по тексту листка.

ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА.

После разгона второй Думы преобладающей чертой политической литературы стало уныние, покаяние, ренегатство. Начиная с г. Струве, продолжая «Товарищем», кончая рядом писателей, примыкающих к с.-д. — мы видим отречение от революции, ее традиций, ее приемов борьбы, стремление приладиться так или иначе поправее. Для характеристики того, как говорят и пишут теперь некоторые социал-демократы, мы возьмем первые попавшиеся их произведения в текущей периодической печати: статью г. Неведомского в № 7 «Образования» [20]) и г. Вл. Горна в № 348 «Товарища» [21]).

Г. М. Неведомский начинает свою статью самой резкой критикой кадетов во второй Думе, самой решительной защитой лево-блокистской тактики и поведения с.-д. Кончает же он статью так:

«Говоря в изъявительном наклонении, я скажу, что для всякого социал-демократа должно быть очевидно одно: на той стадии политической эволюции, на которой мы находимся, деятельность социалистических партий, в конечном счете, все же лишь пробивает дорогу для партий буржуазных, подготовляет их временное торжество.

«Отсюда вытекает повелительное наклонение такого рода: что бы из себя ни представляла эта «мимитическая» («сейчас брюнет, сейчас блондин») кадетская партия, пока она является единственной оппозиционной партией, приходится с ее деятельностью координировать деятельность социалистическую. Это диктуется принципом экономии сил»... «В общем, говоря без всякой иронии» (г. М. Неведомскому пришлось делать такую оговорку, ибо он не может писать без вывертов и выкрутасов, сбивающих с толку и читателей и самого автора), «эта фраза Милюкова совершенно верно определяет в существенных чертах взаимоотношение тех и других партий...» (речь идет о следующей фразе Милюкова: «угрозы вмешательством народа можно осуществить лишь тогда, когда это вмешательство предварительно

подготовлено,—и на эту подготовку и должна быть направлена работа всех тех, кому собственная власть Думы кажется недостаточной для выполнения ее огромных задач»; пусть левые подготовляют и создают движение—правильно толкует эту фразу г. Неведомский,—«а гг. кадеты и Дума эту работу учитывали бы»)... «Может быть, это не лишено цинизма, когда исходит из уст представителя партии учитывающей, но когда подобная постановка вопроса делается Плехановым, например, то это лишь точное и реалистическое определение линии поведения для с.-д-тии и метода использования ею сил либеральной оппозиции».

Мы готовы допустить, что Плеханов испытывает некоторое чувство... ну, скажем мягко, неловкости, когда подобные господа любезно похлопывают его по плечу. Но своими кадетскими лозунгами, вроде единой платформы с.-д. и к.-д. или бережения Думы, Плеханов несомненно дал право *использовать* его речи именно таким образом.

Теперь послушайте г. Вл. Горна.

«Ясно, что для того, чтобы одолеть ее» (антидемократическую коалицию землевладельцев и крупных буржуа, создаваемую избирательным законом 3-го июня), «необходимы два условия. Во-первых, всем слоям демократии, не исключая пролетариата, нужно спеться друг с другом, чтобы противопоставить одной коалиции другую, а, во-вторых, вести борьбу *не путем придумывания наиболее решительных лозунгов в видах откалывания недостаточно революционных элементов и форсирования движения заведомого революционного меньшинства* (курсив г. Горна), а путем реальной конкретной борьбы, втягивающей самые массы, с конкретными же мерами антидемократической коалиции. Для того, чтобы создать демократическую коалицию, не нужно слияния, необходимо лишь соглашение в путях и непосредственных целях борьбы. А эти соглашения — если сознательные представители масс — партии — станут на почву достижения реальных изменений условий социального существования, а не только на агитационную точку зрения,—вполне возможны».

Разве не ясно из этих выписок, что оба наши героя модных кадетских словечек говорят в сущности одно и то же? Г. Горн только чуточку пооткровеннее и чуточку больше обнажился, но его отличие от г. Неведомского ничуть не больше, чем отличие г. Струве от г. Набокова или от г. Маклакова.

Политика имеет свою внутреннюю логику. Сколько раз указывали на то, что между с.-д. и либералами возможны соглашения *технические*, нисколько не ведущие к *политическому блоку*, от которого отрекались всегда и все партийные социал-демократы (о непартийных или таких, которые ведут двойную игру, говоря в партии одно, а в «вольной», беспартийной газете другое, мы здесь не говорим). И жизнь неизменно разбивала эти красивые построения и добрые пожелания, ибо из-за прикрытия «технических» соглашений неуклонно пробивали себе

дорогу идеи политического блока. В мелко-буржуазной стране, в период буржуазной революции, при обилии мелко-буржуазных интеллигентов в рабочей партии, тенденция к политическому подчинению пролетариата либералам имеет самые реальные корни. И эта тенденция, коренящаяся в объективном положении вещей, оказывается действительным содержанием всякого *квази*-социалистического политиканства на тему о коалициях с к.-д. Г. Горн, с наивностью интеллигента, у которого только словечки социал-демократические, а все помыслы, вся идейная подоплека, все «нутро», — чисто либеральные или мещанские, г. Горн проповедует прямо-таки политический блок, «*демократическую коалицию*», не больше и не меньше.

В высшей степени характерно, что г. Горну *пришлось* делать оговорку: «не нужно слияния»! Делая эту оговорку, он выдал только этим остатки нечистой социалистической совести. Ибо, говоря: «не нужно слияния, а лишь соглашение», он тут же, невступно, дал такое описание этого «соглашения», такое определение его *содержания*, которое с полнейшей ясностью обнаруживает его социал-демократическое ренегатство. Не в словечке ведь дело, не в названии вещи «слиянием» или «соглашением». Дело в том, каково реальное содержание этого «*совокупления*». Дело в том, *за какую цену* предлагаете вы социал-демократической рабочей партии стать содержанкой либерализма.

Цена определена ясно.

1) Покинуть агитационную точку зрения.

2) Отказаться от «придумывания» решительных лозунгов.

3) Перестать откалывать недостаточно революционные элементы.

4) Отказаться от «форсирования» движения заведомого революционного меньшинства.

Я готов был бы дать премию тому, кто сумел бы составить более ясную и более точную программу самого полного и самого гнусного ренегатства. От г-на Струве г-н Горн отличается только тем, что г. Струве ясно видит свой путь и до известной степени «самостоятельно» определяет свои шаги. Господина же Горна просто ведут на поводу его кадетские пестуны.

— Покинуть агитационную точку зрения — этому все время учили народ кадеты во второй Думе. Это значит не развивать сознание и *требовательность* рабочих масс и крестьянства, а принижать то и другое, тушить, гасить, проповедывать социальный мир.

— Не придумывать решительных лозунгов — значит, отказаться, как и сделали кадеты, от проповеди тех лозунгов, которые выставили с.-д. еще задолго до революции.

— Не откалывать недостаточно революционных элементов — значит, отказаться от всякой критики перед массами кадетского лицемерия, лжи и реакционности, значит, обниматься с господином Струве.

— Не форсировать движения заведомого революционного меньшинства, — значит, по существу дела, отказаться от революционных приемов борьбы. Ибо совершенно неоспоримо, что в революционных выступлениях на всем протяжении 1905-го года участвовало *заведомое революционное меньшинство*: именно потому, что боролись хотя и массы, но все же массы, бывшие в меньшинстве, именно поэтому полного успеха в борьбе они и не имели. Но все те успехи, каких только вообще достигло освободительное движение в России, все те завоевания, которые оно вообще сделало, — все это *целиком и без исключения* завоевано *только* этой борьбой масс, бывших в меньшинстве. Это во-первых. А, во-вторых, то, что либералы и их подголоски называют «форсированными движениями», было *единственным* движением, в котором массы (хотя на первый раз, к сожалению, и в меньшинстве) участвовали самостоятельно, а не через заместителей,—единственным движением, которое *не боялось* народа, которое выражало интересы масс, которому сочувствовали (это доказали выборы в первую и особенно во вторую Думу) гигантские, не участвовавшие непосредственно в революционной борьбе, массы.

Говоря о «форсировании движения заведомого революционного меньшинства», господин Горн совершает одну из самых распространенных, чисто Буренинских, передержек. Когда газета Буренина [22]) воевала с Алексинским в эпоху второй Думы, она всегда представляла дело так, что ее вражда к Алексинскому вызывается не борьбой его за политическую свободу, а тем, что Алексинский хочет свободы... бить стекла, лазить на фонари и т. п. Именно такую же черносотенную подготовку делает и публицист «Товарища». Он старается представить дело так, что соглашению социалистов с либералами мешает вовсе не то, что социалисты всегда стоят и будут стоять за развитие революционного сознания и революционной активности масс вообще, а только то, что социалисты *форсируют*, т.-е. подхватывают, искусственно взвинчивают движение, что они разжигают движения, *заведомо* безнадежные.

На эти выходки мы ответим коротко. Вся социалистическая печать и в эпоху первой и в эпоху второй Думы, и меньшевистская, и большевистская, осуждала всякое «форсирование» движения... Не за форсирование движения воюют кадеты с эсдеками и в первой и во II Думе, а за то, что с.-д. *развивают* революционное сознание и требовательность масс, *разоблачают* реакционность кадетов и мираж конституционных ил-

люзий. Этих общеизвестных исторических фактов нельзя обойти никакой газетной эквилибристикой. Что касается формы выступления г-на Горна, то она до-нельзя характерна для нашего времени, когда «образованное общество», отрекаясь от революции, хватается за порнографию. Субъект, считающий себя социал-демократом, отправляется в беспартийную газету, чтобы перед широкой публикой говорить нововременские речи на счет «форсирования» рабочей партией движения «заведомого» меньшинства! Ренегатские настроения создают у нас и ренегатские нравы.

* * *

Подойдем теперь к вопросу с другой стороны. Взгляды господ Неведомских и Горнов, которые возбуждают такое отвращение, когда эти взгляды преподносят якобы-социал-демократы, — являются, несомненно, высокотипичными и естественными взглядами широких кругов нашей буржуазной интеллигенции, либеральничающего «общества», фрондирующих чиновников и т. п. Эти взгляды недостаточно характеризовать, как выражение политически-бесхарактерной, дряблой и неустойчивой мелкой буржуазии. Их надо кроме того объяснить с точки зрения данного положения вещей в развитии нашей революции.

Почему именно теперь, перед III Думой, известные круги мещанства порождают такие взгляды? Потому, что эти круги, покорно меняя свои убеждения вслед за каждым поворотом правительственной политики, верят в октябристскую Думу, т.-е. считают выполнимой ее миссию, и спешат приладиться к «октябристским реформам», спешат идейно обосновать и оправдать свое приспособление к октябризму.

Миссия октябристской Думы, по замыслу правительства, состоит в том, чтобы завершить революцию прямой сделкой старой власти с помещиками и крупнейшей буржуазией на основе известного минимума конституционных реформ. Говоря абстрактно, в этом нет ничего абсолютно невозможного, ибо на западе Европы ряд буржуазных революций завершается упрочением «октябристских» конституционных порядков. Вопрос только в том, возможны ли в современной России октябристские «реформы», способные остановить революцию? Не осуждены ли октябристские «реформы», в силу глубины нашей революции, на такой же крах, как и кадетские «реформы». Не будет ли октябристская Дума столь же кратким эпизодом, как Думы кадетские, эпизодом на пути к восстановлению господства черносотенцев и самодержавия?

Мы пережили период непосредственной революционной борьбы масс (1905-й год), давшей некоторые завоевания свободы. Мы пережили затем период остановки этой борьбы (1906-й и

половина 1907-го года). Этот период дал ряд побед реакции и ни одной победы революции, потерявшей завоевания первого периода. Второй период был периодом кадетским, периодом конституционных иллюзий. Массы верили еще более или менее в «парламентаризм» при самодержавии, и самодержавие, понимая опасность чистого господства черносотенцев, пыталось столковаться с кадетами, делало опыты, *примеряло* разного типа конституционные костюмы, испытывало, какую меру реформы способны принять «хозяева» России, господа крупнейшие помещики. Опыт кадетской конституции кончился крахом, несмотря на то, что кадеты вели себя во второй Думе совершенно по-октябристски, не только не нападали на правительство, не возбуждали против него масс, но и систематически успокаивали массы, борясь с «левыми», т.-е. с партиями пролетариата и крестьянства, поддерживали прямо и решительно данное правительство (бюджет и т. д.). Опыт кадетской конституции не удался, одним словом, не потому, что у кадетов или у правительства не было доброго желания, а потому, что объективные противоречия русской революции оказывались *слишком глубоки*. Эти противоречия *оказались* настолько глубоки, что кадетского мостика через пропасть перебросить оказалось невозможно. Опыт показал, что даже при полном подавлении на данное время массовой борьбы, при полном самоуправстве старой власти в *подтасовке* выборов и т. д., крестьянские массы (а в буржуазной революции исход зависит больше всего от крестьянства) предъявили такие требования, которые никакое дипломатическое искусство кадетских посредников *не в состоянии* приспособить к господству привилегированных помещиков. Если г. Струве злобствует теперь против трудовиков (не говоря уже о с.-д.), если «*Речь*» ведет целый поход против них, то это не случайность и не простая досада буржуазного адвоката, услуги которого отвергнуты мужиком. Это — неизбежный политический шаг в эволюции кадетов: не удалось помирить помещиков с трудовиками, — *значит* (для буржуазной интеллигенции вывод может быть *только* такой), значит, надо не более широкие массы поднять на борьбу против помещиков, а *понизить* требования трудовиков, *еще уступить* помещикам, «отбросить революционные утопии», как говорит Струве и «Речь», или отбросить придумывание решительных лозунгов и форсирование движения, как говорит новый слуга кадетов, г. Горн.

Правительство *приспособляется* к помещикам тем, что отдает выборы всецело в их руки, лишает фактически избирательных прав крестьянство. Кадеты приспособляются к помещикам тем, что громят трудовиков за революционность и уступчивость. Беспартийные политиканы, вроде сотрудников «Товарища» вообще, и г. Горна в особенности, приспособляются к по-

мещикам тем, что зовут пролетариат и крестьянство «согласовать» («координировать» у г. Неведомского) свою политику с кадетской, войти в «демократическую коалицию» с кадетами, отречься от «решительных лозунгов» и проч. и т. п.

Правительство действует систематически. Шаг за шагом отбирает оно то, что завоевано «форсированным движением» и что осталось без защиты при затишье этого движения. Шаг за шагом пробует оно, на какие «реформы» можно бы было присогласить господ помещиков. Не смогли этого сделать кадеты? Не смогли в силу помех со стороны левых, вопреки искреннему желанию и потугам самих кадетов? Значит, надо обкарнать избирательные права «левых» и отдать решение в руки октябристов: только в случае неудачи *и этого опыта* придется целиком отдаться во власть «совету объединенного дворянства».

В действиях правительства есть смысл, система, логика. Это — логика классовых интересов помещика. Надо отстоять эти интересы и надо оберегать как-никак буржуазное развитие России.

Для осуществления этих планов правительства нужно *насильственное* подавление интересов и движения *масс*, отнятие у них избирательных прав, отдача их на расправу 130 тысячам. Удастся ли осуществить эти планы, — этого вопроса никто не решит теперь. Этот вопрос решит только *борьба*.

Мы, с.-д., решаем этот вопрос *своей* борьбой. И кадеты решают этот вопрос *борьбой... против левых*. Кадеты борются *за правительственное* решение этого вопроса: они делали это систематически во второй Думе на арене парламентской. Они делают это систематически и теперь своей идейной борьбой против с.-д. и против трудовиков.

Конечно, для рядового русского интеллигента, как и для всякого полуобразованного мещанина, это звучит парадоксом; кадеты, называющие себя демократами, говорящие либеральные речи, борются за правительственное решение вопроса! Это — явная несообразность! Демократы — значит, вали их в «демократическую коалицию»! Ведь это такой ясный вывод для политических простачков, которых даже два года русской революции не научили искать в *борьбе разных классов* истинной подкладки и правительственных мероприятий и либеральных словоизвержений. И сколько у нас «марксистов» из интеллигентского лагеря, исповедующих принцип классовой борьбы, а на деле чисто полиберальному рассуждающих и о кадетах, и о роли Думы, и о бойкоте! И сколько еще кадетских голосований за бюджет понадобится для этих политических простофилей, чтобы переварить давно уже знакомое Европе явление: либерал, ораторствующий против правительства и во всяком серьезном вопросе поддерживающий правительство.

*

Смена второй Думы третьей Думой есть смена кадета, действующего по-октябристски, октябристом, действующим при помощи кадета. Во второй Думе главенствовала партия буржуазных интеллигентов, которые за счет народа называли себя демократами и за счет буржуазии поддерживали правительство. В третьей Думе должна главенствовать партия помещиков и крупных буржуа, нанимающих себе для показной оппозиции и для деловых услуг буржуазную интеллигенцию. Эта нехитрая вещь доказана всем политическим поведением партии к.-д. и второй Думой в особенности. Эту нехитрую вещь начал понимать теперь даже обыватель: мы сошлемся на такого свидетеля, как г. Жилкин, которого смешно было бы заподозрить в симпатии к большевизму или в предвзятой и непримиримой вражде к к.-д.

В сегодняшнем (№ 351) «Товарища» г. Жилкин так передает впечатления «бодрого» (sic! «бодрость» понимает г. Жилкин примерно так же, как Горн или Неведомский) провинциала:

«Помещики из октябристов, с которыми я разговаривал, рассуждают так: «кадетов можно выбирать. Они чем хороши? Уступчивы. В I Думе запросили много. Во II уступили. Даже в программе урезки сделали. Ну, в III еще уступят. Глядишь, до чего-нибудь и доторгуются. А потом, если уже по чистой правде говорить, некого нам из октябристов проводить.

...Пускай уж кадеты проходят. Разница между нами не так уж велика. Поправеют и они в III Думе... С октябристами по нужде дружбу ведем... Где у них ораторы или крупные люди?»

Кто судит о партиях по их названиям, программам, посулам и речам, или кто удовлетворяется аляповатым, бернштейнизированным «марксизмом», состоящим в повторении истины о поддержке буржуазной демократии в буржуазной революции, — тот может питать надежды насчет демократической коалиции левых и к.-д. при III Думе. Но у кого есть хоть капля революционного чутья и вдумчивого отношения к урокам нашей революции или кто действительно руководится принципом классовой борьбы и судит о партиях по их классовому характеру, — тот нисколько не удивится тому, что партия буржуазной интеллигенции годна лишь на лакейские услуги по отношению к партии крупных буржуа. Господа Горны и Неведомские способны думать, что расхождение кадетов с демократией есть исключение, расхождение их с октябристами есть правило. Дело обстоит как раз наоборот. Кадеты — настоящая родня октябристам по всей их классовой природе. Кадетский демократизм — мишура, временное отражение демократизма масс, или прямой обман, которому поддаются российские бернштейнианцы и мещане, особенно из газеты «Товарищ».

И вот, если вы взглянете на интересующий нас вопрос с этой стороны, если вы поймете действительную историческую

роль кадета — этого буржуазного интеллигента, помогающего помещику удовлетворить мужика нищенской реформой, — тогда для вас откроется вся бездна премудрости господ Горнов и Неведомских, советующих пролетариату *согласовать* свои действия с кадетами! Картина октябристских «реформ», которые нам сулят, вполне ясна. Помещик «устраивает» мужика и устраивает так, что без карательных экспедиций, без порки крестьян и расстрелов рабочих нельзя заставить население принять реформы. Кадетский профессор чинит оппозицию: он доказывает, с точки зрения современной науки права, необходимость конституционного утверждения правил о карательных экспедициях, осуждая чрезмерное усердие полиции. Кадетский адвокат чинит оппозицию: он доказывает, что по закону надо давать по 60, а не по 200 ударов, и что следует ассигновать правительству деньги на розги, поставив условие о соблюдении законности. Кадетский врач готов считать пульс секомому и писать исследование о необходимости понижения предельного числа ударов вдвое.

Разве не такова была кадетская оппозиция во второй Думе? И разве не ясно, что за такую оппозицию октябристский помещик не только выберет кадета в Думу, но и согласится платить ему профессорское или иное какое жалованье?

Демократическая коалиция социалистов с кадетами во второй Думе, после второй Думы или при III Думе, означала бы на деле, в силу объективного положения вещей, не что иное, как превращение рабочей партии в слепой и жалкий придаток либералов, как полное предательство социалистами интересов пролетариата и интересов революции. Гг. Неведомские и Горны, очень может быть, не понимают, что делают. У таких людей очень часто убеждения сидят не глубже, чем на кончике языка. Но по существу их стремления сводятся к тому, чтобы покончить с самостоятельной партией рабочего класса, покончить с социал-демократией. Социал-демократия, понимающая свои задачи, должна покончить с такими господами. У нас слишком односторонне, к сожалению, понимают до сих пор категорию буржуазной революции. У нас упускают, напр., из виду, что эта революция должна показать пролетариату — и только она может впервые показать пролетариату, какова *на деле* буржуазия *данной* страны, каковы *национальные* особенности буржуазии и мелкой буржуазии в данной *национальной* буржуазной революции. Настоящее, окончательное и массовое обособление пролетариата в класс, противопоставление его всем буржуазным партиям может произойти только тогда, когда история *своей* страны покажет пролетариату *весь облик* буржуазии, как класса, как политического целого, — весь облик мещанства, как слоя, как известной идейной и политической величины, обнаруживавшей себя в таких-то открытых широко-политических действиях. Мы должны

неустанно разъяснять пролетариату теоретические истины, касающиеся сущности классовых интересов буржуазии и мелкой буржуазии в капиталистическом обществе. Но эти истины войдут в плоть и кровь действительно широких пролетарских масс лишь тогда, когда эти классы будут видеть, осязать поведение партий того или иного класса, — когда к ясному сознанию их классовой природы прибавится непосредственная реакция пролетарской психики на все обличье буржуазных партий. Нигде в мире, может быть, буржуазия не проявила в буржуазной революции такого реакционного зверства, такого тесного союза со старой властью, такой «свободы», от чего-нибудь хоть отдаленно похожего на искренние симпатии к культуре, к прогрессу, к охране человеческого достоинства, как у нас, — пусть же наш пролетариат вынесет из русской буржуазной революции тройную ненависть к буржуазии и решимость к борьбе против нее. Нигде в мире, вероятно, мелкая буржуазия — начиная от «народных социалистов» и трудовиков и кончая затесавшимися в социал-демократию интеллигентами — не проявляла такой трусости и бесхарактерности в борьбе, такого подлого разгула ренегатских настроений, такой угодливости по отношению к героям буржуазной моды или реакционного насилия, — пусть же наш пролетариат вынесет из нашей буржуазной революции тройное презрение к мелко-буржуазной дряблости и неустойчивости. Как бы ни шла дальше наша революция, какие бы тяжелые времена ни приходилось подчас переживать пролетариату, — эта ненависть и это презрение сплотят его ряды, очистят его от негодных выходцев из чужих классов, увеличат его силы, закалят его для нанесения тех ударов, с которыми он обрушится в свое время на все буржуазное общество.

Написано 4 сентября (22 августа) 1907 г.
Напечатано в 1907 г. в первом сборнике «Голос Жизни», С.-Петербург.
Подпись: Н. Л.

Печатается по тексту сборника.

Вл. Ильинъ.

За 12 лѣтъ

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ.

Томъ первый.

Два направленія въ русскомъ марксизмѣ и русской соціалдемократіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Безобразовъ и К°. В. О., Большой пр., д. № 61.
1908.

Обложка книги В. И. Ленина: «За 12 лет» — 1908 г.
Уменьшено

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ: «ЗА 12 ЛЕТ»[23].

Предлагаемый читателю сборник статей и брошюр охватывает период с 1895-го по 1905-ый год. Темой соединяемых здесь вместе литературных произведений являются программные, тактические и организационные вопросы русской социал-демократии. Вопросы эти ставятся и разрабатываются все время в борьбе против правого крыла марксистского течения в России.

Сначала эта борьба идет в области чисто теоретической против главного представителя нашего легального марксизма 90-х годов, г-на Струве. Конец 1894-го и начало 1895-го годов были периодом крутого поворота в нашей легальной публицистике. Впервые пробрался в нее марксизм, представленный не только заграничными деятелями Группы «Освобождение Труда», но и русскими социал-демократами. Оживление в литературе и горячие споры марксистов с старыми главарями народничества, которые до тех пор почти безраздельно господствовали (напр., Н. К. Михайловский) в передовой литературе, было преддверием подъема массового рабочего движения в России. Литературные выступления русских марксистов были непосредственным предшественником выступлений на борьбу пролетариата, знаменитых петербургских стачек 1896-го года, которые открыли эру неуклонно поднимавшегося затем рабочего движения, — этого самого могучего фактора всей нашей революции.

Условия тогдашней литературы заставляли социал-демократов говорить эзоповским языком и ограничиваться самыми общими положениями, наиболее далекими от практики и политики. Это обстоятельство особенно облегчило союз разнородных элементов марксизма в борьбе с народничеством. На-ряду с заграничными и русскими социал-демократами эту борьбу вели такие люди, как гг. Струве, Булгаков, Туган-Барановский, Бердяев и т. п. Это были буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму.

Теперь история русской революции вообще, история кадетской партии в частности, эволюция г-на Струве (почти до октябризма) в особенности, сделали эту истину самоочевидной, превратили ее в ходячую разменную монету публицистики. Тогда, в 1894—5 годах, эту истину приходилось доказывать на основании небольших сравнительно уклонений того или иного писателя от марксизма, тогда эту монету приходилось только еще чеканить. И поэтому свою, направленную против г. Струве работу (статья «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» за подписью К. Тулин в сожженном цензурой сборнике: «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России», Спб. 1895 г. *)) я перепечатываю теперь целиком в трояких целях. Во-первых, поскольку читающая публика ознакомилась с книгой г. Струве и статьями народников против марксистов в 1894—5 году, постольку имеет значение и критика точки зрения г. Струве. Во-вторых, предостережение г-ну Струве со стороны революционного социал-демократа, сделанное *одновременно* с нашими общими выступлениями против народников, имеет значение и для ответа тем, кто неоднократно обвинял нас за союз с подобными господами и для оценки очень знаменательной политической карьеры г-на Струве. В-третьих, старая и во многих отношениях устарелая полемика со Струве имеет значение поучительного образчика. Образчик этот показывает практически-политическую ценность непримиримой теоретической полемики. За излишнюю склонность к такой полемике и с «экономистами», и с бернштейнианцами, и с меньшевиками упрекали революционных социал-демократов бесчисленное число раз. И теперь эти упреки самый ходкий товар у «примиренцев» внутри с.-д. партии, у «сочувствующих» полусоциалистов вне ее. У нас очень любят говорить о том, что чрезмерную склонность к полемике и к расколам имеют русские вообще, с.-д. в частности, большевики в особенности. У нас любят также забывать о том, что чрезмерную склонность к перескакиванию от социализма к либерализму порождают условия капиталистических стран вообще, условия буржуазной революции в России в частности, условия жизни и деятельности нашей интеллигенции в особенности. С этой точки зрения очень небесполезно посмотреть на то, что было десять лет тому назад, какие теоретические разногласия со «струвизмом» намечались уже тогда, из каких небольших (на первый взгляд небольших) расхождений произошло полное политическое размежевание партий и беспощадная борьба в парламенте, в целом ряде органов печати, на народных собраниях и т. д.

Я должен заметить еще по поводу статьи против г. Струве,

---

*) См. I том Сочинений, стр. 223—362. *Ред.*

что в основу ее положен реферат, читанный мной осенью 1894-го года в небольшом кружке тогдашних марксистов. От группы с.-д., работавших тогда в Петербурге и создавших, год спустя, союз борьбы за освобождение рабочего класса, в этом кружке были Ст., Р. и я. Из легальных литераторов-марксистов были П. Б. Струве, А. Н. Потресов и К. [24]). В этом кружке я читал реферат, озаглавленный: «Отражение марксизма в буржуазной литературе». Как видно из заглавия, полемика со Струве была здесь несравненно более резка и определенна (по социал-демократическим выводам), чем в напечатанной весной 1895 года статье. Смягчения были сделаны частью по цензурным соображениям, частью ради «союза» с легальным марксизмом для совместной борьбы против народничества. Что «толчок влево», данный тогда г-ну Струве петербургскими социал-демократами, не остался совсем безрезультатен, это ясно доказывает статья г-на Струве в сожженном сборнике (1895 г.) и некоторые статьи его в «Новом Слове» (1897 г.) [25]).

Кроме того, при чтении статьи 1895 года против г-на Струве, необходимо иметь в виду, что во многих отношениях она является конспектом позднейших экономических работ (особенно «Развития капитализма»). Наконец, следует обратить внимание читателей на последние страницы этой статьи, где подчеркиваются *положительные*, в глазах марксиста, черты и стороны народничества, как революционно-демократического течения в стране, переживающей канун буржуазной революции. Это — теоретическая формулировка тех самых положений, которые 12—13 лет спустя получили практически-политическое выражение в «левом блоке» на выборах во II Думу и в «лево-блокистской» тактике. Та часть меньшевиков, которая боролась против идеи о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, и отстаивала абсолютную недопустимость левого блока, изменила в этом отношении очень старой и очень важной традиции революционных социал-демократов,—традиции, усиленно поддерживавшейся «Зарей» и старой «Искрой». Само собою понятно, что условная и ограниченная допустимость «лево-блокистской» тактики вытекает неизбежно из тех же основных теоретических взглядов марксизма на народничество.

За статьей против Струве (1894 — 1895 г.г.) идут «Задачи русских социал-демократов» *), написанные в конце 1897 г. на основании опыта работы с.-д. в Петербурге в 1895 году. Те взгляды, которые в других статьях и брошюрах настоящего сборника излагаются в виде полемик с правым крылом социал-демократии, в этой брошюре изложены в положительной форме. Различные предисловия к «Задачам» перепечатываются для того,

*) См. II том Сочинений, стр. 167 — 190. *Ред.*

чтобы указать ту связь, которую имела эта работа с различными периодами в развитии нашей партии (напр., предисловие Аксельрода подчеркивает связь брошюры с борьбой против «экономизма», а предисловие 1902 года подчеркивает эволюцию народовольцев и народоправцев).

Статья «Гонители земства и Аннибалы либерализма» *) была напечатана в заграничной «Заре» в 1901 г. Эта статья ликвидирует, так сказать, социал-демократические сношения со Струве, как политиком. В 1895 году его предостерегали и от него осторожно отмежевывались, как от союзника. В 1901 году ему объявляется война, как либералу, неспособному отстаивать сколько-нибудь последовательно даже чисто-демократические требования.

В 1895 году, за несколько лет до «бернштейниады» на Западе и до полного разрыва с марксизмом целого ряда «передовых» литераторов в России, — я указывал на то, что г. Струве марксист ненадежный, от которого социал-демократы должны отгородиться. В 1901 году, за несколько лет до выступления партии к.-д. в русской революции и до политического фиаско этой партии в I и во II Думе, я указывал именно те черты буржуазного либерализма в России, которые проявились в 1905 — 1907 годах в массовых политических действиях и выступлениях. Статья «Аннибалы либерализма» критикует ошибочные рассуждения одного либерала, и эта критика оказывается теперь почти целиком применимой к политике крупнейшей либеральной партии в нашей революции. Тем, кто склонен думать, будто мы, большевики, изменили старой социал-демократической политике по отношению к либерализму, когда боролись беспощадно с конституционными иллюзиями и с партией к.-д. в 1905 — 1907 годах, — этим людям статья «Аннибалы либерализма» покажет их ошибку. Большевики остались верны традициям революционной социал-демократии и не поддались буржуазному угару, который поддерживали либералы в эпоху «конституционного зигзага» и который временно затемнил сознание правого крыла нашей партии.

Следующая брошюра: «Что делать?» вышла за границей в самом начале 1902 года **). Она посвящена критике правого крыла уже не в литературных течениях, а в социал-демократической организации. В 1898 году состоялся 1-й съезд с.-д. и положено основание Российской С.-Д. Рабочей Партии. Заграничной организацией партии стал заграничный «Союз русских социал-демократов», включавший и Группу «Освобождение Труда». Но центральные учреждения партии были разгромлены полицией и не могли быть восстановлены. Фактически единства партии не было: оно осталось лишь идеей, директивой. Увлечение ста-

---

*) См. IV том Сочинений, стр. 119 — 157. *Ред.*
**) См. IV том Сочинений, стр. 359 — 508. *Ред.*

чечным движением и экономической борьбой породило тогда особую форму социал-демократического оппортунизма, т. наз. «экономизм». Когда группа «Искры» *в самом конце* 1900 года начала свою деятельность за границей, раскол на этой почве был уже фактом. Плеханов *весной* 1900 года вышел из заграничного «Союза русских с.-д.» и образовал особую организацию «Социал-Демократ».

«Искра» начала свою работу формально независимо от обеих фракций, по существу — вместе с плехановской группой против «Союза». Попытка слияния (июнь 1901 г., съезд «Союза» и «Социал-Демократа» в Цюрихе) не удалась. Брошюра «Что делать?» систематически излагает причины расхождения и характер искровской тактики и организационной деятельности.

Брошюру «Что делать?» часто упоминают теперешние противники большевиков, меньшевики, а также писатели из буржуазно-либерального лагеря (кадеты, «беззаглавцы» из газеты «Товарищ» и т. п.). Я перепечатываю поэтому ее с самыми небольшими сокращениями, опуская лишь подробности организационных отношений или мелкие полемические замечания. По существу содержания этой брошюры необходимо обратить внимание современного читателя на следующее.

Основная ошибка, которую делают люди, в настоящее время, полемизирующие с «Что делать?», состоит в том, что это произведение совершенно вырывают из связи определенной исторической обстановки, определенного и теперь давно уже миновавшего периода в развитии нашей партии. Наглядно обнаружил эту ошибку, напр., Парвус (не говорю уже о многочисленных меньшевиках), писавший много лет спустя после выхода брошюры об ее неверных или преувеличенных идеях насчет организации профессиональных революционеров [26]).

В настоящее время подобные заявления производят прямо смешное впечатление: как будто люди хотят отмахнуться от целой полосы в развитии нашей партии, от тех завоеваний, которые в свое время стоили борьбы, а теперь давно уже упрочились и сделали свое дело.

В настоящее время рассуждать о преувеличении «Искрой» (*в 1901 и 1902 году!*) идеи организации профессиональных революционеров, это все равно, как если бы *после* русско-японской войны стали упрекать японцев за преувеличение русских военных сил, за преувеличенные заботы до войны о борьбе с этими силами. Японцам надо было собрать все силы против максимально возможных русских сил, чтобы одержать победу. К сожалению, многие судят о нашей партии со стороны, не зная дела, не видя того, что *теперь* идея организации профессиональных революционеров *уже* одержала полную победу. А победа была невозможна без того, чтобы не выдвигать эту идею на *первый план*

в свое время, — без того, чтобы «преувеличенно» не втолковать ее людям, которые мешали осуществлению этой идеи.

«Что делать?» есть *сводка* искровской тактики, искровской организационной политики 1901 и 1902 годов. Именно: «*сводка*», не более и не менее. Кто возьмет на себя труд ознакомиться с «Искрой» 1901 и 1902 годов, тот несомненно убедится в этом *). А кто судит об этой сводке, не зная искровской борьбы с *преобладавшим* тогда экономизмом и не понимая этой борьбы, тот просто роняет слова на ветер. «Искра» боролась за создание организации профессиональных революционеров, боролась особенно энергично в 1901 и 1902 годах, поборола преобладавший тогда экономизм, *создала* эту организацию в 1903 году окончательно, удержала эту организацию, несмотря на последующий раскол искровцев, несмотря на все треволнения в эпоху бури и натиска, удержала ее в течение всей русской революции, удержала и сохранила ее с 1901 — 1902 до 1907 года.

И вот теперь, когда борьба за эту организацию давно кончена, когда посев сделан, зерно созрело, жатва окончена, — являются люди и возвещают: «преувеличение идеи организации профессиональных революционеров!» Разве это не смешно?

Возьмите весь предреволюционный период и первые 2½ года революции (1905 — 1907 г.г.) в целом. Сравните за это время нашу с.-д. партию с другими партиями в отношении ее сплоченности, организованности, преемственной цельности. Вы должны будете признать, что *в этом* отношении превосходство нашей партии над *всеми* остальными, и над к.-д., и над с.-р. и т. д., *бесспорно*. С.-д. партия до революции выработала себе формально признанную всеми с.-д. программу и, внося в нее изменения, не раскалывалась из-за программы. С.-д. партия, несмотря на раскол, с 1903 по 1907 год (формально с 1905 по 1906 год) дала публике наибольшие сведения о своем внутреннем положении (протоколы съездов второго общего, III большевистского, IV или Стокгольмского общего). С.-д. партия, несмотря на раскол, раньше всех других партий воспользовалась временным просветом свободы для осуществления идеального демократического строя открытой организации, с выборной системой, с представительством на съездах по числу организованных членов партии. Этого до сих пор нет ни у с.-р., ни у к.-д. — этой, почти легальной, наилучше организованной буржуазной партии, которая обладает неизмеримо большими, по сравнению с нами, финансовыми средствами, простором в пользовании прессой и возможностью жить открыто. А выборы во II Думу, в которых участвовали все партии, разве они не доказали наглядно, что организационная сплоченность нашей

---

*) В 3-м томе настоящего издания будут перепечатаны важнейшие статьи «Искры» за эти годы.

партии и нашей думской фракции выше, чем у всех других партий?

Спрашивается, кто же реализовал, кто воплотил в жизнь эту наибольшую сплоченность, прочность и устойчивость нашей партии? Это сделала, создавшаяся больше всего при участии «Искры», организация профессиональных революционеров. Кто знает хорошо историю нашей партии, кто переживал сам ее строительство, тому достаточно простого взгляда на состав делегации любой фракции, скажем, Лондонского съезда, чтобы убедиться в этом, чтобы сразу заметить то старое, основное ядро, которое, усерднее других, партию пестовало и партию выпестовало. Конечно, основным условием этого успеха было то, что рабочий класс, цвет которого создавал социал-демократию, отличается в силу объективных экономических причин из всех классов капиталистического общества наибольшей способностью к организации. Без этого условия организация профессиональных революционеров была бы игрушкой, авантюрой, пустой вывеской, и брошюра «Что делать?» многократно подчеркивает, что лишь в связи с «действительно-революционным и стихийно-поднимающимся на борьбу классом» имеет смысл защищаемая в ней организация. Но объективно-максимальная способность пролетариата к объединению в класс реализуется живыми людьми, реализуется не иначе, как в определенных формах организации. И никакая другая организация, кроме искровской, *не могла бы* в наших исторических условиях, в России 1900 — 1905 годов, создать *такой* социал-демократической рабочей партии, которая теперь создана. Профессиональный революционер сделал свое дело в истории русского пролетарского социализма. И никакие силы не разрушат теперь этого дела, которое давно переросло узкие рамки «кружков» 1902 — 1905 годов, никакие запоздалые сетования по поводу преувеличения боевых задач теми, кто в свое время только борьбой мог обеспечить правильный приступ к выполнению этих задач, не поколеблют значения сделанных уже завоеваний.

Я упомянул только что об узких рамках кружков времен старой «Искры» (с конца 1903 года, с № 51, «Искра» повернула к меньшевизму и провозгласила: «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть»,— слова Троцкого в брошюре, одобренной меньшевистской редакцией «Искры») [27]). Об этой кружковщине современному читателю приходится сказать несколько пояснительных слов. И в брошюре «Что делать?», и в печатаемой дальше брошюре «Шаг вперед, два шага назад» *) читатель видит перед собой страстную, подчас озлобленную, истребительную борьбу *заграничных кружков*. Несомненно, что эта борьба имеет много непривлекательных сторон. Несомненно, что эта борьба кружков

*) См. VI том Сочинений, стр. 155 — 336. *Ред.*

представляет из себя явление, возможное только при очень еще юном, незрелом состоянии рабочего движения в данной стране. Несомненно, что современные деятели современного рабочего движения в России должны порвать со многими кружковщинскими традициями, должны забыть и отбросить многие мелочи кружковой жизни и кружковой свары, чтобы усиленно выполнить задачи социал-демократии в данную эпоху. Расширение партии *пролетарскими* элементами одно только может, в связи с открытой массовой деятельностью, вытравить все унаследованные от прошлого и не соответствующие задачам настоящего следы кружковщины. И переход к демократической организации рабочей партии, провозглашенный большевиками в «Новой Жизни» в ноябре 1905 года *), сейчас же, как только создались условия для открытой деятельности,— этот переход был уже, по существу дела, бесповоротным разрывом с тем, что отжило в старой кружковщине...

Да, «с тем, что отжило», ибо недостаточно осудить кружковщину, надо уметь понять ее значение при своеобразных условиях прежней эпохи. В свое время кружки были необходимы и сыграли положительную роль. В самодержавной стране вообще— в тех условиях, которые созданы были всей историей *русского* революционного движения в особенности, социалистическая рабочая партия *не могла* развиться иначе, как из кружков. Кружки, т.-е. тесные, замкнутые, почти всегда на личной дружбе основанные, сплочения очень малого числа лиц, были необходимым этапом развития социализма и рабочего движения в России. По мере роста этого движения встала задача объединения этих кружков, создания прочной связи между ними, установления преемственности. Решить эту задачу нельзя было без создания крепкой операционной базы «за пределами досягаемости» самодержавия— *т.-е. за границей.* Заграничные кружки возникли, таким образом, в силу необходимости. Между ними не было связи, над ними не было авторитета русской партии, они расходились неизбежно в понимании основных задач движения в данный момент, т.-е. в понимании того, *как именно* следует строить ту или иную операционную базу и в каком направлении помогать общепартийному строительству. При таких условиях борьба между этими кружками была неотвратима. Теперь, глядя назад, мы ясно видим, какой кружок действительно в состоянии был выполнить функцию операционной базы. Но тогда, в начале деятельности различных кружков, этого никто не мог сказать, и только борьба могла решить спор. Парвус, помнится, упрекал впоследствии старую «Искру» в истребительной кружковой борьбе и проповедывал задним числом примирительную политику [28]). Но это легко ска-

*) См. VIII том Сочинений, стр. 373. *Ред.*

зать задним числом, и сказать это, значит обнаружить непонимание тогдашних условий. Во-первых, не было никакого критерия силы и *серьезности* тех или иных кружков. Много было дутых, которые теперь забыты, но которые в свое время борьбой хотели доказать свое право на существование. Во-вторых, разногласия между кружками состояли в том, как *направить* новую еще тогда работу. Я отмечал уже и тогда (в «Что делать?»), что разногласия кажутся малыми, но на деле имеют громадное значение, ибо в начале новой работы, в начале социал-демократического движения, определение общего характера этой работы и этого движения скажется на пропаганде, агитации и организации самым существенным образом. Все позднейшие споры между с.-д. шли о том, как направлять политическую деятельность рабочей партии в тех или иных отдельных случаях. Тогда же речь шла об определении самых общих основ и коренных задач *всякой* социал-демократической политики вообще.

Кружковщина сделала свое дело и теперь, конечно, пережила себя. Но она пережила себя потому и только потому, что борьба кружков самым острым образом поставила краеугольные вопросы социал-демократии, решила их в непримиримом революционном духе и создала тем прочную базу для широкой партийной работы.

Из частных вопросов, возбужденных литературой в связи с брошюрой «Что делать?», отмечу только два следующие. Плеханов в «Искре» 1904 года, вскоре после выхода брошюры «Шаг вперед, два шага назад», провозгласил принципиальное разногласие со мной по вопросу о стихийности и сознательности [29]). Я не отвечал ни на это провозглашение (если не считать одного примечания в женевской газете «Вперед» *)), ни на многочисленные повторения на эту тему в меньшевистской литературе, не отвечал потому, что плехановская критика носила явный характер пустой придирки, основывалась на вырванных из связи фразах, на отдельных выражениях, не вполне ловко или не вполне точно мною формулированных, при чем игнорировалось общее содержание и весь дух брошюры. «Что делать?» вышло в марте 1902 г. Проект партийной программы (плехановский, с поправками редакции «Искры») напечатан в июне или июле 1902 года. Отношение стихийного к сознательному было формулировано в этом проекте по общему согласию редакции «Искры» (споры о программе между Плехановым и мной велись внутри редакции, но как раз не по этому вопросу, а по вопросам о вытеснении мелкого производства крупным, при чем я требовал формулировки более определенной, чем плехановская, и о различии точки зрения пролетариата или трудящихся классов вообще, при чем

*) См. VII том Сочинений, стр. 169. *Ред.*

я настаивал на более узком определении чисто пролетарского характера партии).

Следовательно, ни о какой принципиальной разнице между проектом программы и «Что делать?» по этому вопросу не могло быть и речи. На втором съезде (август 1903 г.) Мартынов, тогдашний экономист, стал спорить против наших взглядов на стихийность и сознательность, выраженных в программе. Мартынову возражали все искровцы, как я подчеркиваю в брошюре «Шаг вперед и т. д.». Ясно отсюда, что разногласие по существу было между искровцами и экономистами, которые нападали на то, *что было общего* в «Что делать?» и в проектах программы. Специально же свои формулировки, данные в «Что делать?», я и на втором съезде не думал возводить в нечто «программное», составляющее особые принципы. Напротив, я употребил выражение, впоследствии часто цитировавшееся, о перегибании палки. В «Что делать?» выгибается палка, искривляемая экономистами, сказал я (см. протоколы второго съезда Р. С.-Д. Р. П. в 1903 г., Женева, 1904 г.), и именно потому, что мы энергично выгибаем искривления, наша «палка» будет всегда наиболее прямая.

Смысл этих слов ясен: «Что делать?» полемически исправляет экономизм, и рассматривать его содержание вне этой задачи брошюры неправильно. Замечу, что статья Плеханова против «Что делать?» *не* перепечатана в сборнике новой Искры («За два года»), и поэтому я не касаюсь теперь доводов Плеханова, а объясняю только суть дела современному читателю, который может встретить ссылки на этот вопрос в очень многих меньшевистских произведениях.

Другое замечание относится к вопросу об экономической борьбе и о профессиональных союзах. В литературе нередко превратно излагаются мои взгляды по этому вопросу. Необходимо подчеркнуть поэтому, что многие страницы в «Что делать?» посвящены разъяснению *громадного* значения экономической борьбы и профессиональных союзов. В частности, я высказался тогда за *нейтральность* профессиональных союзов. С тех пор ни в брошюрах ни в газетных статьях *я не высказывался иначе,* вопреки многим утверждениям моих оппонентов. Только Лондонский съезд Р. С.-Д. Р. П. и Штутгартский международный социалистический конгресс заставили меня придти к выводу, что нейтральность профессиональных союзов *принципиально* отстаивать нельзя. Теснейшее сближение союзов с партией — таков единственно верный принцип. Стремление сблизить и связать союзы с партией — такова должна быть наша политика, при чем проводить ее необходимо настойчиво и выдержанно во всей нашей пропаганде, агитации, в организационной деятельности, не гоняясь за простыми «признаниями» и не выгоняя несогласно-мыслящих из профессиональных союзов.

* * *

Брошюра «Шаг вперед, два шага назад» вышла в Женеве летом 1904 года. Она описывает первую стадию раскола между меньшевиками и большевиками, начавшегося на втором съезде (август 1903 года). Из этой брошюры я выкинул около половины, ибо мелкие подробности организационной борьбы, особенно из-за личного состава партийных центров, абсолютно не могут интересовать современного читателя и заслуживают, по существу дела, забвения. Существенным кажется мне здесь анализ борьбы тактических и других взглядов на втором съезде и полемика с организационными взглядами меньшевиков: то и другое необходимо для понимания меньшевизма и большевизма, как течений, наложивших свой отпечаток на всю деятельность рабочей партии в нашей революции.

Из прений на втором съезде с.-д. партии отмечу прения об аграрной программе. События несомненно доказали, что наша тогдашняя программа (возвращение отрезков) была непомерно узка и *не дооценивала* силы революционно-демократического крестьянского движения, — об этом я скажу подробнее во втором томе настоящего издания. Здесь же важно подчеркнуть, *что и эта непомерно узкая* аграрная программа казалась *слишком широкой* правому крылу с.-д. партии в то время. Мартынов и другие экономисты боролись против нее за то, что она идет будто бы слишком далеко! Отсюда можно видеть, какое серьезное практическое значение имела вся борьба старой «Искры» с экономизмом, борьба против сужения и принижения всего характера социал-демократической политики.

Разногласия с меньшевиками в то время (первая половина 1904 года) ограничивались организационными вопросами. Я формулировал позицию меньшевиков, как «оппортунизм в организационных вопросах». П. Б. Аксельрод, возражая на это, писал Каутскому: «со своим слабым рассудком я не в состоянии понять, что это за штука такая: «оппортунизм в организационных вопросах», — выдвигаемый на сцену, как нечто самостоятельное, вне органической связи с программными и тактическими взглядами» (письмо от 6 июня 1904 года, перепечатано в сборнике новой Искры «За два года», ч. II, стр. 149).

Какова органическая связь оппортунизма в организационных и в тактических взглядах, это достаточно показала вся история меньшевизма в 1905 — 1907 годах. Что же касается до «непонятной штуки»: «оппортунизм в организационных вопросах», то жизнь подтвердила правильность моей оценки так блестяще, как я не мог и ожидать. Достаточно указать, что *меньшевик* Череванин и тот вынужден признать теперь (см. его брошюру о Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П. 1907 года), что из организационных планов Аксельрода (пресловутый «рабочий съезд» и т. д.) вытекают лишь губящие дело пролетариата расколы.

Мало того. Тот же меньшевик Череванин рассказывает там, что Плеханову в Лондоне пришлось бороться внутри меньшевистской фракции против *организационного анархизма*. Итак, не напрасно боролся я в 1904 году с «оппортунизмом в организационных вопросах», если в 1907 году и Череванину, и Плеханову пришлось признать «организационный анархизм» влиятельных меньшевиков.

От организационного оппортунизма меньшевики пошли к тактическому. Брошюра «Земская кампания и план «Искры»*) (вышла в Женеве в конце 1904 года, кажется, в ноябре или декабре) отмечает первый шаг их по этому пути. В современной литературе нередко можно встретить места, что разногласия по вопросу о земской кампании были вызваны отрицанием — со стороны большевиков — всякой пользы за демонстрациями перед земцами. Читатель увидит, что это совершенно ошибочный взгляд. Разногласие было вызвано тем, что меньшевики заговорили тогда о невызывании *паники* у либералов, — а еще более тем, что после ростовской стачки 1902 г., после летних стачек и баррикад 1903 года, накануне 9 января 1905 года меньшевики превозносили демонстрации перед земцами, как *высший тип* демонстраций. В № 1 большевистской газеты «Вперед» (Женева, январь 1905 г.) эта оценка меньшевистского «плана земской кампании» была выражена в заглавии посвященного вопросу фельетона: «Хорошие демонстрации пролетариев и плохие рассуждения некоторых интеллигентов» **).

Последняя, перепечатываемая здесь, брошюра: «Две тактики социал-демократии в демократической революции» вышла в Женеве летом 1905 года***). Здесь излагаются уже систематически *основные* тактические разногласия с меньшевиками; — резолюции весеннего «III съезда Р. С.-Д. Р. П.» в Лондоне (большевистского) и меньшевистской конференции в Женеве вполне оформили эти разногласия и привели их к *коренному* расхождению в оценке всей нашей буржуазной революции с точки зрения задач пролетариата. Большевики указывали пролетариату роль *вождя* в демократической революции. Меньшевики сводили его роль к задачам «крайней оппозиции». Большевики положительно определяли классовый характер и классовое значение революции, говоря: победоносная революция, это — «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Меньшевики понятие буржуазной революции всегда толковали так неправильно, что у них получалось примирение с подчиненной и зависимой от буржуазии ролью пролетариата в революции.

Известно, как отразились на практике эти принципиальные

---

*) См. VII том Сочинений, стр. 2. *Ред.*
**) См. VII том Сочинений, стр. 35. *Ред.*
***) См. VIII том Сочинений, стр. 27 — 126. *Ред.*

разногласия. Бойкот Булыгинской Думы большевиками и колебания меньшевиков. Бойкот Виттевской Думы большевиками и колебания меньшевиков, звавших выбирать, но не в Думу. Поддержка кадетского министерства и кадетской политики в I Думе меньшевиками и решительное разоблачение конституционных иллюзий и кадетской контр-революционности большевиками вместе с пропагандой идеи «исполнительного комитета левых». Далее, левый блок у большевиков на выборах во II Думу и блоки с кадетами у меньшевиков и т. д., и т. п.

Теперь «кадетский период» русской революции (выражение брошюры: «Победа кадетов и задачи рабочей партии», март 1906 года) *), кажется, пришел к концу. Контр-революционность кадетов разоблачена вполне. Кадеты сами начинают признаваться в том, что все время они боролись против революции, и г. Струве откровенно договаривает заветные мысли кадетского либерализма. Чем внимательнее будет оглядываться теперь сознательный пролетариат на весь этот кадетский период в целом, на весь этот «конституционный зигзаг», — тем очевиднее будет становиться, что большевики оценили заранее и этот период и сущность партии к.-д. вполне правильно, что меньшевики, действительно, вели ошибочную политику, объективное значение которой равнялось замене самостоятельной пролетарской политики политикой подчинения пролетариата буржуазному либерализму.

* *
*

Бросая общий взгляд на борьбу двух течений в русском марксизме и в русской социал-демократии за 12 лет (1895 — 1907), нельзя не придти к выводу, что «легальный марксизм», «экономизм» и «меньшевизм» представляют из себя различные формы проявления одной и той же исторической тенденции. «Легальный марксизм» г. Струве (1894) и ему подобных был *отражением марксизма в буржуазной литературе*. «Экономизм», как особое направление социал-демократической работы в 1897 и следующих годах, фактически осуществил программу *буржуазно-либерального «Credo»*: рабочим экономическая, либералам политическая борьба. Меньшевизм — не только литературное течение, не только направление с.-д. работы, а сплоченная фракция, которая провела в течение первого периода русской революции (1905 — 1907 годы) особую политику, *на деле подчинявшую пролетариат буржуазному либерализму* **).

---

*) См. IX том Сочинений. *Ред.*

**) Анализ борьбы различных течений и оттенков на втором съезде партии (см. брошюру «Шаг вперед, два шага назад», 1904 г.) доказывает неопровержимо прямую и непосредственную связь «экономизма» 1897 и следующих годов с «меньшевизмом». А связь «экономизма» в социал-демо-

Во всех капиталистических странах пролетариат неизбежно связан тысячами переходных ступеней со своим соседом справа: с мелкой буржуазией. Во всех рабочих партиях неизбежно образование более или менее ярко обрисованного правого крыла, которое, в своих взглядах, в своей тактике, в своей организационной «линии» выражает тенденции мелко-буржуазного оппортунизма. В такой мелко-буржуазной стране, как Россия, в эпоху буржуазной революции, в эпоху первых зачатков молодой Рабочей с.-д. партии эти тенденции не могли не проявиться гораздо резче, определеннее, ярче, чем где бы то ни было в Европе. Ознакомление с различными формами проявления этой тенденции в российской социал-демократии в разные периоды ее развития необходимо для укрепления революционного марксизма, для закаления русского рабочего класса в его освободительной борьбе.

Написано в сентябре 1907 г.
Напечатано в 1908 г. в сборнике «За 12 лет». С.-Петербург.
Подпись: Вл. Ильин.

Печатается по тексту сборника.

кратии с «легальным марксизмом» или «струвизмом» 1895—1897 года я показал в брошюре: «Что делать?» (1902 г.). Легальный марксизм-экономизм-меньшевизм связаны не только идейно, они связаны также прямой исторической преемственностью.

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ.

В октябре 1905 года Россия переживала наибольший революционный подъем. Пролетариат отбросил с своей дороги Булыгинскую Думу и вовлек широкие народные массы в прямую борьбу с самодержавием. В октябре 1907-го года мы переживаем наибольший, повидимому, упадок открытой массовой борьбы. Но период упадка, начавшийся после декабрьского поражения 1905 г., принес с собой не только расцвет конституционных иллюзий, но и полный крах их. Третья Дума, созываемая после разгона двух Дум и государственного переворота 3-го июня, кладет явный конец периоду веры в мирное сожительство самодержавия с народным представительством и открывает новую эпоху в развитии революции.

В такой момент, как переживаемый нами, сравнение революции и контр-революции в России, периода революционного натиска (1905 г.) и периода контр-революционной игры в конституцию (1906 и 1907 г.г.) напрашивается само собой. Всякое определение политической линии на ближайшее время неизбежно включает в себя такое сравнение. Противопоставление «ошибок революции» или «революционных иллюзий» «положительной конституционной работе» — основной мотив современной политической литературы. Об этом кричат кадеты на предвыборных собраниях. Об этом поет, вопиет и глаголет либеральная пресса. Тут и г. Струве, страстно и злобно вымещающий на революционерах свою досаду по поводу окончательного провала надежды на «компромисс». Тут и Милюков, которого, несмотря на все его жеманство и иезуитизм, ход событий заставил придти к ясному, точному и — это главное — правдивому: «враги слева» [30]). Тут и публицисты в духе «Товарища», Кускова, Смирнов, Плеханов, Горн, Иорданский, Череванин и пр., порицающие за легкомыслие октябрьско-декабрьскую борьбу и проповедующие, более или менее открыто, «демократическую» коалицию с кадетами. Настоящие кадетские элементы этого мутного потока выражают контр-революционные интересы буржуазии и безграничное

холопство интеллигентского мещанства. У тех же элементов, которые еще не совсем дошли до Струве, преобладающей чертой является *непонимание* связи между революцией и контр-революцией в России, неспособность взглянуть на все пережитое нами, как на одно целое общественное движение, развивающееся по своей внутренней логике.

Период революционного натиска показал *в действии* классовый состав населения России и отношение разных классов к старому самодержавию. События научили теперь всех и каждого, даже совершенно чуждых марксизму людей, вести летосчисление революции с 9 января 1905 г., т.-е. с первого *сознательно*-политического движения *масс*, принадлежащих к одному определенному *классу*. Когда социал-демократия из анализа экономической действительности России выводила руководящую роль, гегемонию пролетариата в нашей революции, — это казалось книжным увлечением теоретиков. Революция подтвердила нашу теорию, ибо она единственная действительно революционная теория. Пролетариат на деле шел все время во главе революции. Социал-демократия на деле оказалась идейным передовым отрядом пролетариата. Борьба масс развивалась, под руководством пролетариата, необыкновенно быстро — быстрее, чем ожидали многие революционеры. На протяжении одного года она поднялась до самых решительных, какие только знает история, форм революционного натиска, до массовой стачки и вооруженного восстания. Организация пролетарских масс с поразительной быстротой росла в самом ходе борьбы. Вслед за пролетариатом стали организовываться другие слои населения, составившие боевые кадры революционного народа. Организовывалась полупролетарская масса всякого рода служащих, затем крестьянская демократия, профессиональная интеллигенция и т. д. Период пролетарских побед был периодом невиданного в России, гигантского даже с европейской точки зрения, роста массовой организованности вообще. Пролетариат добился в это время целого ряда улучшений в условиях своего труда. Крестьянская масса добилась «сокращения» помещичьего произвола, понижения арендных и продажных цен на землю. Вся Россия добилась значительной свободы собраний, слова и союзов, добилась всенародного отречения самодержавия от старых порядков и признания конституции.

Все, что завоевано доныне освободительным движением в России, завоевано всецело и исключительно революционной борьбой масс с пролетариатом во главе их.

Поворот в развитии борьбы начинается с поражения декабрьского восстания. Контр-революция шаг за шагом переходит в наступление по мере ослабления массовой борьбы. В эпоху первой Думы эта борьба выразилась еще очень и очень внушительно

в усилении крестьянского движения, в широком разгроме гнезд крепостников-помещиков, в целом ряде солдатских восстаний. И реакция наступала тогда медленно, не решаясь сразу произвести государственный переворот. Лишь после подавления Свеаборгского и Кронштадтского восстаний июля 1906 года она делается смелее, водворяет военно-полевой режим, начинает по частям отнимать выборное право (сенатские разъяснения), наконец, окончательно окружает полицейской осадой вторую Думу и ниспровергает всю пресловутую конституцию. Всякие самочинные, свободные организации масс сменились в это время «легальной борьбой» в рамках полицейской конституции, истолковываемой Дубасовыми и Столыпиными. Главенство социал-демократии сменилось главенством кадетов, которые господствовали в обеих Думах. Период упадка движения масс был периодом высшего расцвета партии к.-д. Она эксплуатировала этот упадок, выступая в качестве «борца» за конституцию. Она поддерживала в народе всеми силами веру в эту конституцию и проповедывала необходимость ограничиться именно «парламентской» борьбой.

Крах «кадетской конституции» есть крах кадетской тактики и кадетской гегемонии в освободительной борьбе. Корыстно-классовый характер всех рассуждений нашего либерализма на тему о «революционных иллюзиях» и об «ошибках революции» выступает с очевидностью при сравнении обоих периодов революции. Пролетарская массовая борьба дала завоевания всему народу. Либеральное руководство движением не дало ничего кроме поражений. Революционный натиск пролетариата неуклонно поднимал сознание масс и организованность их, ставя перед ними все более высокие задачи, развивая их самостоятельное участие в политической жизни, уча их борьбе. Гегемония либералов в период обеих Дум принижала сознание масс, разлагала их революционную организованность, притупляла сознание демократических задач.

Либеральные вожди I и II Думы великолепно продемонстрировали перед народом коленопреклоненную, легальную «борьбу», которая привела к тому, что самодержавные крепостники росчерком пера смели конституционный парадиз либеральных болтунов и надсмеялись над тонкой дипломатией посетителей министерских передних. За либералами нет ни одного завоевания за все время русской революции, ни одного успеха, ни одного сколько-нибудь демократического дела, организующего народные силы в борьбе за свободу.

До октября 1905-го года либералы держали иногда сочувственный нейтралитет по отношению к революционной борьбе масс, но и тогда уже они начали выступать против нее, посылая депутацию с подлыми речами к царю, поддерживая Булыгинскую Думу не из-за недомыслия, а из-за прямой вражды к революции.

После октября 1905-го года либералы только и делали, что позорно предавали дело народной свободы.

В ноябре 1905-го года они подсылали г-на Струве интимно побеседовать с г. Витте. Весной 1906-го года они подрывали революционный бойкот и своим отказом открыто перед Европой высказаться против займа помогали правительству добыть миллиарды на завоевание России. Летом 1906-го года они торговались с заднего крыльца с Треповым о министерских портфелях и боролись с «левыми», т.-е. с революцией, в I Думе. В январе 1907 года они опять забегали к полицейским властям (визит Милюкова у Столыпина). Весной 1907-го года они *поддерживали* правительство во II Думе. Революция замечательно быстро разоблачила либерализм и показала на деле его контр-революционную природу. В *этом* отношении период конституционных упований прошел далеко не бесполезно для народа. Опыт первой и второй Думы не только научил понимать все беспредельное убожество той роли, которую играет либерализм в нашей революции. Нет, этот опыт и на деле ликвидировал попытку руководить демократическим движением со стороны партии, которую только политические младенцы или выжившие из ума старцы могут считать действительно конституционно-«*демократической*».

В 1905-ом и в начале 1906-го годов классовый состав буржуазной демократии в России еще не для всех был ясен. Упования на счет того, что можно соединить самодержавие с действительным представительством сколько-нибудь широких масс народа, были не только у темных и забитых обитателей разных захолустий. Этим упованиям не чужды были и правящие сферы самодержавия. Почему избирательный закон и в Булыгинскую и в Виттевскую Думу давал значительное представительство крестьянству? Потому, что держалась еще вера в монархическое настроение деревни. «Серячек выручит», это восклицание правительственной газеты весной 1906-го года выражало надежду правительства на консервативность крестьянской массы [31]). В те времена кадеты не только не сознавали антагонизма между демократизмом крестьян и буржуазным либерализмом, но опасались даже отсталости крестьян и желали одного: чтобы Дума помогла превратить консервативного или равнодушного крестьянина в либерала. Весной 1906-го года г. Струве выражал смелое пожелание, когда писал: «крестьянин в Думе будет кадетом» [32]). Летом 1907-го года тот же г. Струве поднял знамя борьбы с трудовыми или левыми партиями, как с главной помехой осуществлению сделки между буржуазным либерализмом и самодержавием. На протяжении полутора года лозунг борьбы за политическое просвещение крестьян сменился у либералов лозунгом борьбы против «чересчур» политически просвещенного и требовательного крестьянина!

Эта смена лозунгов выражает как нельзя более ясно полное банкротство либерализма в русской революции. Классовый антагонизм массы демократического сельского населения и крепостников-помещиков оказался неизмеримо глубже, чем воображали трусливые и тупоумные кадеты. Поэтому и провалилась так быстро и так бесповоротно их попытка взять на себя гегемонию в борьбе за демократию. Поэтому и потерпела крушение вся их «линия» — помирить мелко-буржуазную демократическую массу народа с октябристскими и черносотенными помещиками. Великое, хотя и отрицательное, завоевание контр-революционного периода двух Дум состоит в этом банкротстве предательских «борцов» за «народную свободу». Классовая борьба, идущая внизу, выкинула этих героев министерской передней за борт, превратила их из претендентов на руководство в *простых лакеев октябризма*, слегка подкрашенных конституционным лаком.

Кто не видит до сих пор этого банкротства либералов, испытывавших на деле свою пригодность в качестве борцов за демократию или, по крайней мере, борцов в рядах демократии, тот ровно ничего не понял в политической истории двух Дум. Бессмысленное повторение заученной формулы о поддержке буржуазной демократии превращается, у таких людей, в контр-революционное хныканье. Не жалеть о крахе конституционных иллюзий должны социал-демократы. Они должны сказать, как говорил Маркс про контр-революцию в Германии: народ выиграл то, что потерял свои иллюзии. Буржуазная демократия в России выиграла то, что потеряла негодных вождей и дряблых союзников. Тем лучше для политического развития этой демократии.

Партии пролетариата остается позаботиться о том, чтобы богатые политические уроки нашей революции и контр-революции были глубже продуманы и тверже усвоены широкими массами. Период натиска на самодержавие развернул силы пролетариата и научил его основам революционной тактики, показал условия успеха непосредственной борьбы масс, которая одна только в состоянии завоевать сколько-нибудь серьезные улучшения. Долгий период подготовки сил пролетариата, воспитания и организации его предшествовал тем выступлениям сотен тысяч рабочих, которые нанесли смертельные удары старому самодержавию в России. Долгая, невидная работа руководства всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата, работа созидания прочной, выдержанной партии предшествовала взрыву действительно массовой борьбы и обеспечивала условия превращения этого взрыва в революцию. И теперь пролетариату, как передовому борцу народа, надо укрепить свою организацию, соскрести с себя всякую плесень интеллигентского оппортунизма, сплотить свои силы для такой же выдержанной и упорной работы. Задачи, которые поставлены перед русской революцией ходом истории и объективным

положением широких масс, не разрешены. Элементы нового, общенародного политического кризиса не только не устранены, а, напротив, еще углубились и расширились. Наступление этого кризиса поставит опять пролетариат во главе общенародного движения. К этой роли должна быть готова рабочая с.-д. партия. И на почве, удобренной событиями 1905-го и последующих годов, посев даст вдесятеро лучший урожай. Если за партией в несколько тысяч сознательных передовиков рабочего класса поднялся в конце 1905-го года миллион пролетариев, то теперь наша партия, насчитывающая десятки тысяч искушенных в революции и теснее в самой борьбе связавших себя с массой рабочих социал-демократов, поведет за собой десяток миллионов и сломит врага.

И социалистические и демократические задачи рабочего движения в России определились несравненно резче, выступили на первый план настоятельнее под влиянием революционных событий. Борьба с буржуазией поднимается на высшую ступень. Капиталисты сплачиваются в всероссийские союзы, теснее соединяются с правительством, чаще пускают в ход самые крайние средства экономической борьбы вплоть до массовых локаутов, чтобы «обуздать» пролетариат. Но преследования страшны только отживающим классам, а пролетариат увеличивается в числе и сплоченности тем быстрее, чем быстрее успехи господ капиталистов. За непобедимость пролетариата ручается экономическое развитие и России и всего мира. Буржуазия впервые начала в нашей революции складываться в класс, в единую и сознательную политическую силу. Тем успешнее пойдет и организация рабочих по всей России в единый класс. Тем глубже будет пропасть между миром капитала и миром труда, тем яснее будет социалистическое сознание рабочих. Социалистическая агитация среди пролетариата станет определеннее, обогатившись опытами революции. Политическая организация буржуазии — лучший толчок к окончательной формировке социалистической рабочей партии.

Задачи этой партии в борьбе за демократию могут вызывать споры отныне только среди «сочувствующих» интеллигентов, готовящихся уйти к либералам. Для массы рабочих эти задачи стали осязательно-ясны в огне революции. Что основой и единственной основой буржуазной демократии, как исторической силы в России, является крестьянская масса, это пролетариат знает по опыту. Роль вождя этой массы в борьбе против крепостников-помещиков и царского самодержавия уже выполнена пролетариатом в общенациональном масштабе, и никакие силы не совлекут теперь рабочей партии с верного пути. Роль либеральной партии к.-д., под флагом демократизма направлявших крестьянство под крылышко октябризма, сыграна, и социал-демократия вопреки одиночкам-нытикам будет продолжать свое дело выяснения массам этого банкротства либералов, выяснения

того, что буржуазная демократия не может выполнить своего дела, не очистившись окончательно от союза с лакеями октябризма.

Никто не сможет сказать теперь, как сложатся дальнейшие судьбы буржуазной демократии в России. Возможно, что банкротство кадетов поведет к образованию крестьянской демократической партии, действительной массовой партии, а не той организации террористов, которою остались социалисты-революционеры. Возможно также, что объективные трудности политического сплочения мелкой буржуазии не дадут образоваться такой партии и оставят надолго крестьянскую демократию в современном состоянии рыхлой, неоформленной, киселеобразной трудовической массы. И в том и в другом случае наша линия одна: ковать демократические силы неумолимой критикой всяких колебаний, непримиримой борьбой против присоединения демократии к доказавшему свою контр-революционность либерализму.

Чем дальше заходит реакция, тем больше неистовствует черносотенный помещик, чем больше подчиняет он себе самодержавие — тем медленнее будет идти экономическое развитие России и освобождение ее от остатков крепостничества. А это значит: тем сильнее и шире будет развиваться сознательный и боевой демократизм в массах городской и сельской мелкой буржуазии. Тем сильнее будет массовое сопротивление голодовкам, насилиям и надругательству, на которые осуждают крестьянство октябристы. Социал-демократия позаботится о том, чтобы ко времени неизбежного подъема демократической борьбы шайка либеральных карьеристов, называемая партией к.-д., не могла еще раз разделить ряды демократии и посеять смуту в ее рядах. Либо с народом, либо против народа, — эту альтернативу давно уже ставила социал-демократия всяким претендентам на роль «демократических» вождей в революции. До сих пор не все с.-д. умели последовательно выдержать эту линию; некоторые поддавались и сами посулам либералов, некоторые закрывали глаза на шашни этих либералов с контр-революцией. Теперь мы просвещены уже опытом обеих первых Дум.

Революция научила пролетариат массовой борьбе. Революция доказала, что он может вести за собой крестьянские массы в борьбе за демократию. Революция сплотила теснее чисто-пролетарскую партию, отбрасывая от нее мелко-буржуазные элементы. Контр-революция отучила мелко-буржуазную демократию от попыток искать себе вождей и союзников в либерализме, который пуще огня боится массовой борьбы. Опираясь на эти уроки событий, мы смело можем сказать по адресу правительства черносотенных помещиков: продолжайте в том же духе, г.г. Столыпины! Мы будем собирать плоды того, что вы сеете!

«Пролетарий» № 17, 2 ноября (20 октября) 1907 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В ШТУТГАРТЕ [33].

Состоявшийся в августе текущего года международный социалистический конгресс в Штутгарте отличался необычайным многолюдством и полнотой представительства. Все пять частей света послали делегатов, общее число которых было 886. Но помимо грандиозной демонстрации международного единства пролетарской борьбы конгресс сыграл выдающуюся роль в деле определения тактики социалистических партий. По целому ряду вопросов, которые до сих пор решались исключительно внутри отдельных социалистических партий, конгресс вынес общие резолюции. Сплочение социализма в одну международную силу выражается особенно ярко в этом увеличении числа вопросов, требующих одинакового принципиального решения в разных странах.

Мы печатаем ниже полный текст штутгартских резолюций. Теперь же остановимся на каждой из них вкратце для того, чтобы отметить главные спорные пункты и характер дебатов на конгрессе.

Колониальный вопрос уже не первый раз занимает международные съезды. До сих пор решения их всегда состояли в бесповоротном осуждении буржуазной колониальной политики, как политики грабежа и насилия. На этот раз комиссия съезда оказалась в таком составе, что оппортунистические элементы во главе с голландцем Ван-Колем взяли в ней верх. В проект резолюции вставлена была фраза, что конгресс не осуждает в принципе всякой колониальной политики, которая при социалистическом режиме может сыграть цивилизаторскую роль. Меньшинство комиссии (немец Ледебур, польские и русские с.-д. и мн. др.) энергично протестовали против допущения такой мысли. Вопрос вынесен был на съезд, и силы обоих течений оказались настолько близкими по величине, что борьба разгорелась с невиданной страстностью.

Оппортунисты сплотились за Ван-Коля. Бернштейн и Давид

от имени большинства немецкой делегации говорили в пользу признания «социалистической колониальной политики» и громили радикалов за бесплодность отрицания, за непонимание значения реформ, за отсутствие практической колониальной программы и т. д. Им возражал, между прочим, Каутский, который был вынужден просить съезд высказаться *против* большинства немецкой делегации. Он справедливо указывал, что нет и речи об отрицании борьбы за реформы: в остальных частях резолюции, не вызвавших никаких споров, об этом говорится с полнейшей определенностью. Речь идет о том, должны ли мы делать уступки современному режиму буржуазного грабежа и насилия. Теперешняя колониальная политика подлежит обсуждению конгресса, а эта политика основана на прямом порабощении дикарей: буржуазия вводит фактически рабство в колониях, подвергает туземцев неслыханным издевательствам и насилиям, «цивилизуя» их распространением водки и сифилиса. И при таком положении вещей социалисты будут говорить уклончивые фразы о возможности принципиального признания колониальной политики! Это было бы прямым переходом на буржуазную точку зрения. Это значило бы сделать решительный шаг к подчинению пролетариата буржуазной идеологии, буржуазному империализму, который теперь особенно гордо поднимает голову.

Предложение комиссии было провалено на съезде 128 голосами против 108 при 10 воздержавшихся (Швейцария). Заметим, что при голосовании в Штутгарте первый раз нации получили разные числа голосов от 20 (крупные нации, Россия в том числе) до 2 (Люксембург). Сумма мелких наций, либо не ведущих колониальной политики, либо страдающих от нее, перевесила те государства, которые несколько заразили даже пролетариат страстью к завоеваниям.

Это голосование по колониальному вопросу имеет очень важное значение. Во-первых, особенно наглядно разоблачил здесь себя социалистический оппортунизм, пасующий перед буржуазным обольщением. Во-вторых, здесь сказалась одна отрицательная черта европейского рабочего движения, способная принести не мало вреда делу пролетариата и заслуживающая поэтому серьезного внимания. Маркс неоднократно указывал на одно изречение Сисмонди, имеющее громадное значение. Пролетарии древнего мира, — гласит это изречение, — жили на счет общества. Современное общество живет на счет пролетариев [34]).

Класс неимущих, но не трудящихся, не способен ниспровергнуть эксплуататоров. Только содержащий все общество класс пролетариев в силах произвести социальную революцию. И вот, широкая колониальная политика привела к тому, что европейский пролетарий *отчасти* попадает в такое положение, что *не* его трудом содержится все общество, а трудом почти порабощенных

колониальных туземцев. Английская буржуазия, напр., извлекает больше доходов с десятков и сотен миллионов населения Индии и других ее колоний, чем с английских рабочих. При таких условиях создается в известных странах материальная, экономическая основа заражения пролетариата той или другой страны колониальным шовинизмом. Это может быть, конечно, лишь преходящим явлением, но тем не менее надо ясно сознать зло, понять его причины, чтобы уметь сплачивать пролетариат всех стран для борьбы с таким оппортунизмом. И эта борьба неизбежно приведет к победе, ибо «привилегированные» нации составляют все меньшую долю в общем числе капиталистических наций.

Вопрос о женском избирательном праве почти не вызвал споров на конгрессе. Нашлась только одна англичанка из крайне оппортунистического английского «Фабианского общества» [35], которая попробовала защищать допустимость социалистической борьбы за ограниченное избирательное право женщин, т.-е. не всеобщее, а цензовое. Фабианка осталась совсем одинокой. Подкладка ее взглядов — простая: английские буржуазные дамы надеются получить для себя избирательные права, не распространяя их на женский пролетариат.

Одновременно с международным социалистическим конгрессом происходила в Штутгарте в том же помещении первая международная социалистическая конференция женщин. На этой конференции и в комиссии съезда, при обсуждении резолюции, произошли интересные споры между немецкими и австрийскими социал-демократами. Последние, во время своей борьбы за всеобщее избирательное право, отодвинули несколько назад требование уравнять женщин с мужчинами: из практицизма они подчеркивали не всеобщее, а мужское избирательное право, как свое требование. В речах Цеткиной и других немецких с.-д. справедливо было указано австрийцам, что они поступали неправильно, что они ослабляли силу массового движения, не выставляя со всей энергией требования избирательных прав не только для мужчин, но и *для* женщин. Последние слова штутгартской резолюции («необходимо выставлять требование всеобщего избирательного права *одновременно* и для мужчин и для женщин») имеют несомненное отношение к этому эпизоду чрезмерного «практицизма» в истории австрийского рабочего движения.

Резолюция об отношении между социалистическими партиями и профессиональными союзами имеет особенно большое значение для нас, русских. Стокгольмский съезд Р. С.-Д. Р. П. высказался за *беспартийные* союзы, встал, таким образом, на точку зрения нейтральности. Эту же точку зрения защищали всегда наши беспартийные демократы, бернштейнианцы и с.-р-ы. Напротив, Лондонский съезд выдвинул иной принцип: сближение союзов с партией вплоть до признания союзов (при известных

условиях) партийными. В Штутгарте с.-д. подсекция русской секции (социалисты каждой страны образуют самостоятельные секции на международных конгрессах) раскололась при обсуждении этого вопроса (по остальным вопросам раскола не было). Именно: Плеханов принципиально отстаивал нейтральность. Большевик Воинов отстаивал анти-нейтралистскую точку зрения Лондонского съезда и бельгийской резолюции (напечатанной вместе с докладом де-Брукэра в материалах конгресса; доклад этот скоро появится по-русски [36]). Кл. Цеткина справедливо заметила в своей газете «Die Gleichheit» *) [37], что доводы Плеханова в защиту нейтральности были так же неудачны, как и доводы французов. И резолюция штутгартского съезда, как справедливо отметил Каутский и как убедится всякий из внимательного ознакомления с нею, кладет конец принципиальному признанию «нейтральности». О нейтральности или беспартийности в ней нет ни слова. Напротив, необходимость тесных связей союзов с социалистической партией и упрочения этих связей признана вполне определенно.

Лондонская резолюция Р. С.-Д. Р. П. о профессиональных союзах имеет теперь под собой прочный принципиальный базис в виде штутгартской резолюции. Штутгартская постановляет вообще и для всех стран необходимость прочных и тесных связей союзов с социалистической партией; лондонская указывает, что для России формой этой связи должна быть, при благоприятных к тому условиях, партийность союзов и что к этому должна быть направлена деятельность членов партии.

Заметим, что принцип нейтральности обнаружил свои вредные стороны в Штутгарте тем, что половина немецкой делегации, представители профессиональных союзов, стояла всего решительнее на оппортунистической точке зрения. Поэтому, напр., в Эссене [38]) немцы были против Ван-Коля (в Эссене был съезд только партии, а не профессиональных союзов), а в Штутгарте за Ван-Коля. Проповедь нейтральности *фактически* принесла вредные плоды в Германии, сыграв на руку оппортунизму в социалдемократии. С этим фактом нельзя отныне не считаться и особенно надо считаться в России, где так многочисленны буржуазно-демократические советчики пролетариата, рекомендующие ему «нейтральность» профессионального движения.

О резолюции об эмиграции и иммиграции мы скажем всего несколько слов. В комиссии и здесь была попытка защищать узко-цеховые взгляды, провести запрещение иммиграции рабочих из отсталых стран (кули — из Китая и т. п.). Это — тот же дух аристократизма среди пролетариев некоторых «цивилизованных» стран, извлекающих известные выгоды из своего привилегиро-

*) — «Равенство». *Ред.*

ванного положения и склонных поэтому забывать требования международной классовой солидарности. На самом конгрессе не нашлось защитников этой цеховой и мещанской узости. Резолюция вполне отвечает требованиям революционной социал-демократии.

Переходим к последней и едва ли не самой важной резолюции конгресса: по вопросу об анти-милитаризме. Пресловутый Эрвэ, много нашумевший во Франции и в Европе, защищал по этому вопросу полуанархическую точку зрения, наивно предлагая «ответить» на всякую войну стачкой и восстанием. Он не понимал, с одной стороны, того, что война есть необходимый продукт капитализма, и пролетариат не может зарекаться от участия в революционной войне, ибо возможны такие войны и бывали такие войны в капиталистических обществах. Он не понимал, с другой стороны, того, что возможность «ответить» на войну зависит от характера того кризиса, который война вызывает. В зависимости от этих условий стоит выбор средств борьбы, при чем эта борьба должна состоять (это — третий пункт недоразумений или недомыслия эрвэизма) не в одной замене войны миром, а в замене капитализма социализмом. Не в том суть, чтобы помешать только возникновению войны, а в том, чтобы использовать порождаемый войной кризис для ускорения свержения буржуазии. Но за всеми полуанархическими нелепостями эрвэизма таилась одна практически верная подкладка: дать толчок социализму в том смысле, чтобы не ограничиваться парламентскими только средствами борьбы, чтобы развить в массах сознание необходимости революционных приемов действия в связи с теми кризисами, которые война несет с собой неизбежно, — в том смысле, наконец, чтобы распространить в массах более живое сознание международной солидарности рабочих и лживости буржуазного патриотизма.

Резолюция Бебеля, которую предложили немцы и которая во всем существенном совпадала с резолюцией Гэда, страдала именно тем недостатком, что не содержала в себе никакого указания на активные задачи пролетариата. Это давало возможность читать ортодоксальные положения Бебеля сквозь оппортунистические очки. Фольмар немедленно превратил эту возможность в действительность.

Поэтому Роза Люксембург и русские делегаты с.-д. внесли свои поправки к резолюции Бебеля. В этих поправках 1) говорилось, что милитаризм есть главное орудие классового угнетения; 2) указывалась задача агитации среди молодежи; 3) подчеркивалась задача соц.-дем. не только бороться против возникновения войн или за скорейшее прекращение начавшихся уже войн, но и за то, чтобы использовать создаваемый войной кризис для ускорения падения буржуазии.

Все эти поправки подкомиссия (выбранная комиссией по вопросу об антимилитаризме) включила в резолюцию Бебеля. Кроме того Жорес предложил счастливый план: вместо указания средств борьбы (стачка, восстание) указать исторические примеры борьбы пролетариата против войны, начиная с демонстраций в Европе и кончая революцией в России. В результате всей этой переработки вышла резолюция, правда, непомерно длинная, но зато действительно богатая мыслями и точно указывающая задачи пролетариата. В этой резолюции строгость ортодоксального, т.-е. единственно научного марксистского анализа соединилась с рекомендацией рабочим партиям самых решительных и революционных мер борьбы. По-Фольмаровски нельзя читать этой резолюции, как нельзя и вместить ее в узенькие рамки наивного эрвэизма.

В общем и целом, Штутгартский съезд рельефно сопоставил по целому ряду крупнейших вопросов оппортунистическое и революционное крыло международной социал-демократии и дал решение этих вопросов в духе революционного марксизма. Резолюции этого съезда, освещенные дебатами на съезде, должны стать постоянным спутником всякого пропагандиста и агитатора. Единство тактики и единство революционной борьбы пролетариев всех стран сильно двинет вперед дело, сделанное в Штутгарте.

«Пролетарий» № 17, 2 ноября (20 октября) 1907 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В ШТУТГАРТЕ.

Недавно закончившийся конгресс в Штутгарте был двенадцатым конгрессом пролетарского Интернационала. Первые пять конгрессов относятся к эпохе первого Интернационала (1866—1872 годы), которым руководил Маркс, пытаясь — по удачному выражению Бебеля — сверху создать международное единство борющегося пролетариата. Попытка эта не могла иметь успеха, пока не сплотились и не окрепли национальные социалистические партии, но деятельность первого Интернационала оказала великие услуги рабочему движению всех стран и оставила прочные следы.

Второй Интернационал открывается Парижским международным, социалистическим съездом 1889 года. На последующих съездах в Брюсселе (1891), Цюрихе (1893), Лондоне (1896), Париже (1900) и Амстердаме (1904) этот новый Интернационал, опирающийся на крепкие национальные партии, окончательно упрочился. В Штутгарте было 884 делегата от 25 народов Европы, Азии (Япония и часть из Индии), Америки, Австралии и Африки (один делегат от южной Африки).

Великое значение международного социалистического конгресса в Штутгарте состоит именно в том, что он ознаменовал собой окончательное упрочение второго Интернационала и превращение международных съездов в деловые собрания, которые оказывают самое серьезное влияние на характер и направление социалистической работы во всем мире. Формально решения международных съездов не обязательны для отдельных наций, но моральное значение их таково, что несоблюдение решений является на деле исключением, едва ли не более редким, чем несоблюдение отдельными партиями решений своих съездов. Амстердамский съезд добился объединения французских социалистов, и его резолюция против министериализма действительно выразила волю сознательного пролетариата всего мира, определила политику рабочих партий.

Цѣна 25 коп.

Обложка «Календаря для всех на 1908 год»
Уменьшено

Штутгартский съезд сделал крупный шаг вперед в том же направлении, оказавшись по целому ряду важных вопросов верховным учреждением по определению политической линии социализма. Эту линию Штутгартский съезд еще более твердо, чем Амстердамский, определил в смысле революционной социал-демократии против оппортунизма. Редактируемый Кларой Цеткиной орган немецких с.-д. работниц «Die Gleichheit» («Равенство») справедливо говорит по этому поводу: «по всем вопросам различные уклонения отдельных социалистических партий в сторону оппортунизма были исправлены в революционном смысле, благодаря сотрудничеству социалистов всех стран».

При этом замечательным и печальным явлением было то, что германская социал-демократия, до сих пор отстаивавшая всегда революционную точку зрения в марксизме, оказалась неустойчивой или занимающей оппортунистическую позицию. Штутгартский съезд подтвердил одно глубокое замечание Энгельса о немецком рабочем движении. Энгельс писал ветерану первого Интернационала, Зоргэ, 29 апреля 1886 года: «Это вообще хорошо, что у немцев, в особенности после того, как они послали в рейхстаг такое большое число филистеров (что было однако неизбежно), оспаривается роль руководителей международного социалистического движения. В спокойное время в Германии все становится филистерским; и в такие моменты абсолютно необходимо жало французской конкуренции, в которой недостатка не будет» [39]).

В жале французской конкуренции не было недостатка в Штутгарте, и жало это действительно оказалось необходимым, ибо филистерства немцы обнаружили немало. Русским социал-демократам особенно важно иметь это в виду, ибо наши либералы (да и не одни только либералы) из кожи лезут, чтобы представить образцом, достойным подражания, именно наименее блестящие стороны немецкой социал-демократии. Наиболее вдумчивые и выдающиеся вожаки мысли немецких с.-д. сами отметили это обстоятельство и, отбросив всякий ложный стыд, решительно указали на него, как на предостережение. «В Амстердаме, — пишет орган Клары Цеткиной, — революционным лейтмотивом всех дебатов в парламенте всемирного пролетариата была дрезденская резолюция, — в Штутгарте неприятным оппортунистическим диссонансом звучали на конгрессе речи Фольмара в комиссии о милитаризме, Пеплова в комиссии об эмиграции, Давида (а также, добавим от себя, и Бернштейна) в колониальной комиссии. В большинстве комиссий, по большинству вопросов, представители Германии были на этот раз вожаками оппортунизма». А К. Каутский пишет, оценивая Штутгартский съезд: «та руководящая роль, которую до сих пор играла фактически

германская социал-демократия во втором Интернационале, на этот раз ни в чем не проявила себя» [40]).

Перейдем к рассмотрению отдельных вопросов, обсуждавшихся на конгрессе. В колониальном вопросе разногласий не удалось устранить в комиссии. Спор между оппортунистами и революционерами решил сам съезд и решил его большинством 127 голосов против 108, при 10 воздержавшихся, в пользу революционеров. Отметим кстати здесь то отрадное явление, что социалисты России *все* голосовали единодушно по *всем* вопросам в революционном духе. (Россия имеет 20 голосов, из которых 10 было дано Р.С.-Д.Р.П., кроме поляков, 7 — эсерам и 3 представителям профессиональных союзов. Затем Польша имеет 10 голосов: 4 п. с. д. и 6 п. п. с. и нерусские части Польши. Наконец, двое представителей Финляндии имели 8 голосов.)

По колониальному вопросу в комиссии составилось оппортунистическое большинство и в проекте резолюции появилась чудовищная фраза: «конгресс не осуждает в принципе и на все времена всякой колониальной политики, которая может при социалистическом режиме оказать цивилизаторское действие». На деле это положение равносильно было прямому отступлению в сторону буржуазной политики и буржуазного миросозерцания, оправдывающего колониальные войны и зверства. Это — отступление в сторону Рузвельта, сказал один американский делегат. Попытки оправдать это отступление задачами «социалистической колониальной политики» и позитивной реформаторской работы в колониях были до-нельзя неудачны. Никогда не отказывался и не отказывается социализм от защиты реформ и в колониях, но это не имеет и не должно иметь ничего общего с ослаблением нашей принципиальной позиции против завоеваний, подчинения чужих народов, насилия и грабежа, составляющих «колониальную политику». Программа-минимум всех социалистических партий относится и к метрополиям и к колониям. Самое понятие «социалистической колониальной политики» есть бесконечная путаница. Съезд поступил вполне правильно, выбросив из резолюции приведенные выше слова и заменив их еще более резким, чем в прежних резолюциях, осуждением колониальной политики.

Резолюция по вопросу об отношении социалистических партий к профессиональным союзам имеет особенно большое значение для нас, русских. У нас этот вопрос стоит на очереди дня. Стокгольмский съезд решил его в пользу *беспартийных* профессиональных союзов, т.-е. подтвердил позицию наших сторонников *нейтральности* с Плехановым во главе их. Лондонский съезд сделал шаг в сторону *партийных* профессиональных союзов *против* нейтральности. Лондонская резолюция вызвала, как известно, большие споры и недовольство в части профес-

сиональных союзов, особенно же в буржуазно-демократической печати.

В Штутгарте вопрос, по существу дела, встал именно так: нейтральность союзов или все более тесное сближение их с партией? И международный социалистический съезд, как читатель может убедиться из его резолюции, высказался за более тесное сближение союзов с партией. Ни о нейтральности, ни о беспартийности профессиональных союзов нет и речи в резолюции. Каутский, который в германской социал-демократии отстаивал сближение союзов с партией, против нейтралитета Бебеля, имел поэтому полное право провозгласить в своем отчете о Штутгартском съезде перед Лейпцигскими рабочими («Vorwärts» 1907 н 209, Beilage *) [41])):

«Резолюция Штутгартского съезда говорит все, что нам нужно. *Она кладет конец навсегда нейтральности*». Клара Цеткина пишет: «В принципе никто уже не возражал (в Штутгарте) против основной исторической тенденции пролетарской классовой борьбы — связать политическую и экономическую борьбу, связать те и другие организации возможно теснее в одну единую силу социалистического рабочего класса. Только представитель русских с.-д., тов. Плеханов» (надо было сказать: представитель меньшевиков, пославших Плеханова в комиссию, как защитника «нейтральности») «и большинство французской делегации пытались довольно неудачными доводами оправдать некоторое ограничение этого принципа ссылкой на особенности их стран... Подавляющее большинство конгресса встало на сторону решительной политики единения социал-демократии с профессиональными союзами»...

Надо заметить, что неудачный, по справедливому мнению Цеткиной, аргумент Плеханова обошел русские легальные газеты в таком виде. Плеханов сослался в комиссии Штутгартского конгресса на то, что «в России 11 партий революционных»; «с которой же из них должны вступить в единение профессиональные союзы?» (цитируем по Vorwärts, № 196, 1 Beilage) [42]). Эта ссылка Плеханова не верна ни фактически, ни принципиально. Фактически в каждой национальности России не более двух партий борются за влияние на социалистический пролетариат: с.-д. и с.-р., польские с.-д. и п. п. с., латышские с.-д. и латышские эс-эры (т. наз. «латышский с.-д. союз»), армянские с.-д. и дашнакцутюны и т. п. На два отдела поделилась сразу и российская делегация в Штутгарте. Число 11 совершенно произвольно и вводит рабочих в заблуждение. Принципиально же Плеханов не прав потому, что борьба между пролетарским и мелкобуржуазным социализмом в России неизбежна везде и повсюду, в

*) — «Вперед», приложение. *Ред.*

том числе и в профессиональных союзах. Англичане, напр., не думали восставать против резолюций, хотя у них тоже две борющиеся социалистические партии, с.-д. (S. D. F.) и «независимые» (I. L. P.).

Что отвергнутая в Штутгарте идея нейтральности успела уже принести немало вреда рабочему движению, это особенно ясно видно на примере Германии. Здесь нейтральность всего шире проповедовалась и всего больше применялась. Результатом оказалось настолько явное уклонение профессиональных союзов в Германии в сторону оппортунизма, что это уклонение открыто признал даже такой осторожный в этом вопросе человек, как Каутский. В своем отчете перед лейпцигскими рабочими он прямо говорит, что «консервативность», обнаруженная немецкой делегацией в Штутгарте, «становится понятной, если посмотреть на состав этой делегации. Половина ее состояла из представителей профессиональных союзов и таким образом «правое крыло» нашей партии оказалось имеющим больше силы, чем у него есть действительно в партии».

Резолюция Штутгартского съезда, несомненно, должна ускорить решительный разрыв русской социал-демократии с идеей нейтральности, столь излюбленной нашими либералами. Соблюдая необходимую осторожность и постепенность, не делая никаких порывистых и нетактичных шагов, мы должны неуклонно работать в проф. союзах в духе все более тесного сближения их с с.-д. партией.

Далее, в вопросе об эмиграции и иммиграции в комиссии Штутгартского конгресса вполне определенно всплыло разногласие между оппортунистами и революционерами. Первые носились с мыслью *ограничить* право переселения отсталых, неразвитых рабочих — особенно японцев и китайцев. Дух узкой, цеховой замкнутости, трэд-юнионистской исключительности перевешивал у таких людей сознание социалистических задач: работы над просвещением и организацией невовлеченных еще в рабочее движение слоев пролетариата. Конгресс отклонил все поползновения в этом духе. Даже в комиссии голоса в пользу ограничения свободы переселения остались совсем одиноки, и резолюция международного съезда проникнута признанием солидарной классовой борьбы рабочих всех стран.

По вопросу об избирательном праве женщин резолюция принята была также единогласно. Только одна англичанка из полубуржуазного «Фабианского общества» защищала допустимость борьбы не за полное, а за урезанное в пользу имущих избирательное право женщин. Конгресс отверг это безусловно и высказался за то, чтобы работницы вели борьбу за избирательные права не вместе с буржуазными сторонницами женского равноправия, а вместе с классовыми партиями пролетариата.

Конгресс признал, что в кампании за женское избирательное право необходимо полностью отстаивать принципы социализма и равноправие мужчин и женщин, не искажая этих принципов никакими соображениями удобства.

В комиссии возникло интересное разногласие по этому поводу. Австрийцы (Виктор Адлер, Адельгейд Попп) оправдывали свою тактику в борьбе за всеобщее избирательное право мужчин: ради завоевания этого права они сочли удобным не выдвигать в агитации на первый план требование избирательных прав и для женщин. Немецкие с.-д., особенно Цеткина, протестовали против этого еще тогда, когда австрийцы вели свою кампанию за всеобщее избирательное право. Цеткина заявляла в печати, что оставлять в тени требования избирательных прав для женщин ни в каком случае не следовало, что австрийцы оппортунистически жертвовали принципом ради соображений удобства, что они не ослабили, а усилили бы размах агитации и силу народного движения, если бы также энергично отстаивали и избирательное право женщин. В комиссии к Цеткиной вполне присоединилась другая выдающаяся немецкая социал-демократка, Циц. Поправка Адлера, которая косвенно оправдывала австрийскую тактику (в этой поправке говорится только о том, чтобы не было перерыва в борьбе за избирательное право действительно для всех граждан, а не о том, чтобы борьба за избирательное право велась всегда с требованием равенства прав мужчин и женщин), — была *отклонена* 12 голосами против 9. Точка зрения комиссии и конгресса всего точнее может быть выражена следующими словами вышеупомянутой Циц из ее речи на международной конференции социалисток (эта конференция состоялась в Штутгарте одновременно с конгрессом): «Мы должны принципиально требовать всего, что мы считаем правильным, — говорила Циц, — и лишь в том случае, когда не достает силы для борьбы, мы принимаем то, чего можем добиться. Такова всегда была тактика социал-демократии. Чем скромнее будут наши требования, тем скромнее будут и уступки правительства»... Из этого спора австрийских и германских социал-демократок читатель может видеть, как строго относятся лучшие марксисты к малейшим отступлениям от выдержанной, принципиальной революционной тактики.

Последний день съезда был посвящен наиболее интересовавшему всех вопросу о милитаризме. Пресловутый Эрвэ защищал весьма несостоятельную позицию, не умея связать войны с капиталистическим режимом вообще и антимилитаристской агитации со всей работой социализма. Проект Эрвэ — «ответить» на какую бы то ни было войну стачкой и восстанием — обнаружил полное непонимание того, что применение того или иного средства борьбы зависит не от предварительного решения

революционеров, а от объективных условий того кризиса и экономического и политического, который война вызовет.

Но если Эрвэ, несомненно, проявил легкомыслие, поверхностность и увлечение эффектной фразой, то было бы величайшей близорукостью противопоставлять ему одно только догматическое изложение общих истин социализма. В эту ошибку (от которой не совсем свободны были Бебель и Гэд) впал особенно Фольмар. С необычайным самодовольством человека, влюбленного в шаблонный парламентаризм, разносил он Эрвэ, не замечая того, что его собственная узость и черствость оппортунизма *заставляют* признать живую струйку в эрвэизме, *несмотря* на теоретическую нелепость и вздорность постановки вопроса самим Эрвэ. Бывает ведь так, что теоретические нелепости прикрывают некоторую практическую истину в новом повороте движения. И эту сторону вопроса, призыв ценить не одни только парламентские способы борьбы, призыв к действию сообразно новым условиям будущей войны и будущих кризисов, подчеркнули революционные с.-д., особенно Роза Люксембург в своей речи. Вместе с русскими делегатами с.-д. (Ленин и Мартов, — оба выступали здесь солидарно), Роза Люксембург предложила поправки к резолюции Бебеля, и в этих поправках была подчеркнута необходимость агитации среди молодежи, необходимость использования порожденного войной кризиса в целях ускорения падения буржуазии, необходимость иметь в виду неизбежное изменение приемов и средств борьбы по мере обострения классовой борьбы и изменения политической ситуации. Из догматически-односторонней, мертвой, допускавшей Фольмаровское истолкование, резолюции Бебеля получилась таким образом в конце концов совсем иная резолюция. Все теоретические истины были повторены в ней в поучение эрвэистам, способным забывать о социализме ради антимилитаризма. Но эти истины служат введением не к оправданию парламентского кретинизма, не к освящению одних только мирных средств, не к преклонению перед данной, сравнительно мирной и спокойной, ситуацией, — а к признанию всех средств борьбы, к учету опыта революции в России, к развитию действенной, творческой стороны движения.

В органе Цеткиной, на который мы уже не раз указывали, замечательно верно схвачена именно эта, самая выдающаяся и самая важная черта резолюции конгресса об антимилитаризме. «И здесь, — говорит Цеткина об антимилитаристской резолюции, — победила в конце концов революционная энергия (Tatkraft) и мужественная вера рабочего класса в его способность к борьбе, — победила, с одной стороны, пессимистическое евангелие бессилия и закостенелое стремление ограничиться старыми, исключительно парламентскими способами борьбы, а с другой стороны победила и простоватый антимилитаристский спорт французских полу-

анархистов в роде Эрвэ. Резолюция, принятая в конце концов единогласно, и комиссией и почти 900 делегатами всех стран, выражает в энергичных словах гигантский подъем революционного рабочего движения со времени последнего международного съезда; резолюция выдвигает, как принцип пролетарской тактики, ее гибкость, ее способность к развитию, ее *обострение* (Zuspitzung) по мере назревания условий для этого».

Эрвэизм отвергнут, но он отвергнут не в пользу оппортунизма, не с точки зрения догматизма и пассивности. Живое стремление к все более решительным и новым приемам борьбы всецело признано международным пролетариатом и поставлено в связь со всем обострением экономических противоречий, со всеми условиями кризисов, порождаемых капитализмом.

Не пустая эрвэистская угроза, — а ясное сознание неизбежности социальной революции, твердая решимость борьбы до конца, готовность к самым революционным средствам борьбы, — вот каково значение резолюции международного социалистического конгресса в Штутгарте по вопросу о милитаризме.

Армия пролетариата крепнет во всех странах. Ее сознательность, сплоченность и решимость растут не по дням, а по часам. И капитализм успешно заботится об учащении кризисов, которыми воспользуется эта армия для разрушения капитализма.

Написано в конце 1907 г.

Напечатано в 1908 г. в «Календаре для всех» на 1908 г.

Подпись: Н. Л—ъ.

Печатается по тексту календаря.

ТРЕТЬЯ ДУМА [43]).

Правительство реализует результаты совершенного им 3-го июня гнусного преступления против народа: уродливый избирательный закон, совершенно извращающий волю не только всего народа, но даже и пользующегося избирательными правами меньшинства в угоду горсти помещиков и капиталистов, дал царизму вожделенные плоды. Из 442 депутатов, подлежащих избранию в Думу, в момент, когда пишется настоящая статья, выбрано 432; подлежит избранию 10, так что общие результаты выборов определились уже в достаточной степени. По приблизительно верному подсчету оказывается, что социал-демократов выбрано 18 [44]), других левых 13, кадетов 46, членов групп к ним близких 55, октябристов 92, членов групп, родственных им по направлению, 21, правых всякого рода 171, в том числе 32 члена союза русского народа, беспартийных 16.

Таким образом, не считая незначительного числа беспартийных, всех остальных депутатов можно разделить на 4 группы: крайнюю левую, составляющую всего несколько более 7 проц., левый (кадетский) центр — 23 проц., правый (октябристский) центр — 25,1 проц. и правую — 40 проц.; беспартийные составляют несколько менее 4 проц.

Ни одна из этих групп, взятая в отдельности, не представляет собою абсолютного большинства. Является ли для вдохновителей и составителей нового избирательного закона такой результат вполне соответствующим их желаниям и ожиданиям? Мы думаем, что на этот вопрос надо ответить положительно и что новый русский «парламент» с точки зрения правящих групп, поддерживающих самодержавный царизм, является в полном смысле слова chambre introuvable *).

Дело в том, что у нас, как и во всякой стране с самодержавным или полусамодержавным режимом, существует собственно два правительства: одно официальное — кабинет министров, дру-

*) Такая, лучше которой не найдешь: так назвал в 1815 г. Людовик XVIII французскую черносотенную палату депутатов.

гое закулисное — придворная камарилья. Эта последняя всегда и везде опирается на самые реакционные слои общества, на феодальное — по нашему черносотенное — дворянство, черпающее свою экономическую силу из крупного землевладения и связанного с ним полу-крепостнического хозяйства. Изнеженная, развращенная, выродившаяся — эта общественная группа являет собою яркий образец самого гнусного паразитизма. До какой степени извращенности доходит здесь вырождение, — показывает скандальный процесс Мольтке-Гардена в Берлине [45]), вскрывший грязную клоаку, которую представляла собою влиятельная камарилья при дворе полусамодержавного германского императора Вильгельма II. Ни для кого не секрет, что и у нас в России в соответствующих кругах подобные же гнусности не составляют исключения. Огромная масса «правых» в III Думе будет, по крайней мере, в подавляющем большинстве своем, если не целиком, защищать интересы именно этой общественной плесени и ржавчины, этих «гробов повапленных», завещанных нам темным прошлым. Сохранение крепостнического хозяйства, дворянских привилегий и самодержавно-дворянского режима — вопрос жизни и смерти для этих мастодонтов и ихтиозавров, ибо «зубры» — для них слишком почетное название.

Мастодонты и ихтиозавры обыкновенно выбиваются из всех сил, чтобы, пользуясь своим придворным всемогуществом, захватить в свое полное и безраздельное владение и официальное правительство — кабинет министров. Обыкновенно в значительной своей части кабинет и состоит из их ставленников. Однако, сплошь и рядом большинство кабинета по своему составу не вполне соответствует требованиям камарильи. Конкуренцию допотопному хищнику, хищнику крепостнической эпохи составляет в данном случае хищник эпохи первоначального накопления, — тоже грубый, жадный, паразитический, но с некоторым культурным лоском и — главное — с желанием также ухватить добрый кусок казенного пирога в виде гарантий, субсидий, концессий, покровительственных тарифов и т. д. Этот слой землевладельческой и промышленной буржуазии, типичной для эпохи первоначального накопления, находит себе выражение в октябризме и примыкающих к нему течениях. У него много интересов, общих с черносотенцами sans phrases *) — хозяйственный паразитизм и привилегии, квасной патриотизм с октябристской точки зрения так же необходимы, как и с черносотенной.

Так составляется черносотенно-октябристское большинство в III Государственной Думе: оно доходит до внушительной цифры 284-х человек из 432, т.-е. до 65,7 проц., более $^2/_3$ всего числа депутатов.

---

*) — без фраз. *Ред.*

Это — твердыня, обеспечивающая правительству возможность в аграрной политике помочь разорившимся помещикам выгодно ликвидировать свои земли, обобрав при этом до нитки малоземельных крестьян, из рабочего законодательства создать орудие самой грубой эксплуатации пролетариата капиталом, в финансовой политике обеспечить сохранение главной тяжести налогов на плечах народных масс. Это — твердыня протекционизма и милитаризма. Контр-революционный характер октябристско-черносотенного большинства не оспаривается никем.

Но в том-то и дело, что это не единственное большинство, существующее в III Думе. Есть еще другое большинство.

Черносотенцы — надежный союзник октябристов, подобно тому как придворная камарилья союзник кабинета министров в деле защиты царизма. Но как придворная камарилья проявляет органическое влечение не столько к союзу с кабинетом министров, сколько к господству над ним, так и черносотенцы жаждут диктатуры над октябристами, помыкают последними, стремятся подмять их под себя.

Интересы капитализма, хотя бы и грубо хищнического, паразитического, не мирятся с безраздельным господством крепостнического землевладения. Обе родственных между собою социальных группы стремятся отхватить себе кусок пирога побольше и пожирнее, — и отсюда неизбежное расхождение их в вопросах местного самоуправления и центральной организации государственной власти. Для черносотенцев в земстве и городской Думе не нужно ничего другого кроме того, что есть, а в центре — «долой проклятую конституцию». Для октябристов и в земстве и в Думе надо усилить свое влияние, а в центре необходима «конституция», хотя и очень кудая, фиктивная для масс.

Недаром «Русское Знамя» поносит «октябрей», а «Голос Москвы» [46]) в свою очередь находит, что в III Думе правых больше, чем нужно.

И вот объективный ход дела вынуждает октябристов искать союзников в данном отношении. Их можно было бы найти давно в левом (кадетском) центре, который давно уже заявляет о своей нелицемерной преданности конституции, но в том-то и дело, что молодая русская буржуазия эпохи капиталистического накопления, представляемая теперь кадетами, сохранила от прошлого очень неудобных друзей и некоторые неприятные традиции. С традициями в политической сфере, впрочем, оказалось легко расстаться: монархистами кадеты объявили себя давным давно, еще до первой Думы, от ответственного министерства они молчаливо отказались во второй Думе, кадетские проекты о разных «свободах» содержат в себе так много рогаток, колючих проволочных заграждений и волчьих ям против этих свобод, что есть вся надежда

на дальнейший прогресс в этом отношении. К восстанию и забастовке кадеты и прежде относились с укором — сначала ласковым, потом меланхолическим, после декабря 1905 г. укор превратился наполовину в пренебрежение, а после разгона первой Думы в резкое отрицание и порицание. Дипломатия, сделка, торг с власть имущими — вот основа кадетской тактики. А что касается неудобных друзей, то они уже давно именуются просто «соседями», а недавно громогласно объявлены «врагами».

Сговориться, значит, можно, и вот новое, опять-таки контрреволюционное большинство — октябристско-кадетское. Оно, правда, пока несколько меньше половины выбранного числа депутатов — 214 из 432, — но, во-первых, к нему, несомненно, примкнут если не все беспартийные, то по крайней мере часть их, а во-вторых, есть все данные предполагать, что оно увеличится при дальнейших выборах, так как города и большая часть губернских избирательных собраний, в которых выборы еще не производились, дадут в подавляющем большинстве или октябристов, или кадетов.

Правительство считает себя господином положения. Либеральная буржуазия, повидимому, признает это за действительность. При таких условиях сделка должна носить на себе более, чем когда-либо, печать самого пошлого и предательского компромисса, точнее сдачи всех носящих хоть какую-либо тень демократизма позиций либерализма. Ясно, что путем такой сделки, без нового массового движения, не может быть осуществлено хоть сколько-нибудь демократическое устройство местного управления и центральных законодательных органов. Октябристско-кадетское большинство этого нам дать не в состоянии. А можно ли ждать от черносотенно-октябристского большинства, от диких помещиков в союзе с капиталистами-хищниками сколько-нибудь сносного решения аграрного вопроса и облегчения положения рабочих? В ответ на этот вопрос можно только посмеяться горьким смехом.

Положение ясно: *осуществить хотя бы в самом уродливом виде объективные задачи революции наша chambre introuvable не в состоянии.* Она не может хотя бы отчасти залечить зияющие раны, нанесенные России старым строем, — она может только прикрыть эти раны жалкими, кислыми, фиктивными реформами.

Результаты выборов лишний раз подтверждают наше твердое убеждение: *Россия не может выйти из переживаемого ею кризиса мирным путем.*

При таких условиях являются совершенно ясными те задачи, которые стоят в настоящий момент на ближайшей очереди перед социал-демократией. Ставя своей конечной целью торжество социализма, будучи убеждена, что для достижения этой цели

необходима политическая свобода, и имея в виду то обстоятельство, что в настоящее время невозможно осуществить эту свободу мирным путем, без открытых массовых выступлений,— социал-демократия обязана теперь на ближайшую очередь попрежнему поставить демократические и революционные задачи, ни на минуту не отказываясь, разумеется, ни от пропаганды социализма, ни от защиты пролетарских классовых интересов в узком смысле слова. Будучи представительницей наиболее передового, наиболее революционного класса современного общества,— пролетариата, на деле доказавшего в русской революции свою способность к роли вождя в массовой борьбе,— социал-демократия обязана всеми мерами содействовать тому, чтобы эта роль осталась за пролетариатом и в той новой стадии революционной борьбы, которая наступает,—в стадии, характеризующейся гораздо большим, чем прежде, перевесом сознательности над стихийностью. С этой целью *социал-демократия обязана всеми силами стремиться к гегемонии над демократической массой и к развитию в этой массе революционной энергии.*

Такое стремление приводит партию пролетариата к резкому столкновению с другими классовыми политическими организациями, для которых, сообразно интересам представляемых ими групп, демократическая революция является ненавистной и опасной не только сама по себе, но и, особенно в виду гегемонии в ней пролетариата, чреватой социалистической опасностью.

Совершенно ясно и не подлежит никакому сомнению, что оба думских большинства — черносотенно-октябристское и октябристско-кадетское — попеременно опираясь на которые, намерено балансировать правительство Столыпина, оба эти большинства, каждое по-своему — в разных вопросах — будут контр-революционными. О *борьбе* с министерством того или другого большинства или даже отдельных их элементов — борьбе сколько-нибудь систематической и планомерной — и речи быть не может. Возможны только отдельные, временные конфликты. Такие конфликты возможны прежде всего между черносотенным элементом первого большинства и правительством. Но не надо забывать, что они не могут быть сколько-нибудь глубокими, и правительство, нисколько не сходя с контр-революционной почвы, может с полным удобством и легкостью выйти из этих конфликтов победителем, опираясь на второе большинство. Революционная социал-демократия и вместе с ней все остальные революционно-настроенные элементы III Думы при всем своем желании не могут использовать эти конфликты в интересах революции иначе, как в чисто агитационных целях; о «поддержке» какой-либо из сталкивающихся сторон здесь не может быть и речи, ибо такая поддержка была бы сама контр-революционным актом.

Быть может, несколько больше и лучше можно будет исполь-

зовать возможные конфликты между отдельными элементами второго большинства, — между кадетами с одной стороны и октябристами и правительством — с другой. Но положение и здесь таково, что не только в силу субъективных настроений и намерений, но и вследствие объективных условий конфликты будут и не глубоки и преходящи, явятся лишь средством, облегчающим политическим торгашам заключение сделки на условиях более приличных по внешности, по существу же противоречащих интересам демократии. *Социал-демократия должна,* следовательно, не отказываясь от использования даже таких неглубоких и не частых конфликтов, *вести упорную борьбу за демократические и революционные задачи не только с правительством, черной сотней и октябристами, но и с кадетами.*

Таковы основные *цели,* которые должна поставить себе социал-демократия в третьей Государственной Думе. Совершенно очевидно, что эти цели — те же, которые стояли перед партией пролетариата во второй Думе. Они формулированы с полною ясностью в первом пункте резолюции Лондонского съезда о Государственной Думе. Пункт этот гласит: «непосредственно политическими задачами социал-демократии в Думе являются: а) выяснение народу полной непригодности Думы, как средства осуществить требования пролетариата и революционной мелкой буржуазии, в особенности крестьянства; б) выяснение народу невозможности осуществить политическую свободу парламентским путем, пока реальная власть остается в руках царского правительства, и выяснение неизбежности открытой борьбы народных масс с вооруженной силой абсолютизма, борьбы, имеющей целью обеспечение полноты победы — переход власти в руки народных масс и созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования».

В этой резолюции, в особенности в последних ее словах, формулирована и важнейшая *специальная* задача деятельности социал-демократии в третьей Думы, задача, которую социал-демократические депутаты должны выполнить в связи с обличением всей гнусности преступления 3-го июня. Обличать это преступление они должны, конечно, не с либеральной точки зрения формального нарушения конституции, а как наглое и грубое нарушение интересов широких народных масс, как беззастенчивую и возмутительную фальсификацию народного представительства. Отсюда и должно вытекать *выяснение широким народным массам полного несоответствия III Думы интересам и требованиям народа и в связи с этим широкая и энергичная пропаганда идеи полновластного Учредительного Собрания, основанного на всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании.*

Та же Лондонская резолюция весьма отчетливо определяет характер с.-д. партийной работы в Государственной Думе в

*

следующих выражениях: «на первый план должна быть выдвинута критическая, пропагандистская, агитационная и организационная роль с.-д. думской фракции»; «общий характер думской борьбы должен быть подчинен всей внедумской борьбе пролетариата, при чем особенно важно использование массовой экономической борьбы и служение ее интересам». Совершенно ясно, в какой тесной, неразрывной связи находится такой характер думской работы с теми целями, которые, как выше указано, должна ставить себе в Думе социал-демократия в настоящий момент. Мирная законодательная работа социал-демократов в третьей Думе при условиях, делающих в высокой степени вероятными массовые движения, явилась бы не только нецелесообразной, не только смешным донкихотством, но и прямой изменой пролетарским интересам. Она неизбежно привела бы социал-демократию к «принижению ее лозунгов, способному лишь дискредитировать в глазах массы социал-демократию и оторвать ее от революционной борьбы пролетариата». Большего преступления представители пролетариата в Думе не могли бы совершить.

Критическая деятельность социал-демократии должна быть развернута во всю ширину и заострена до высшей степени тем более, что в III Думе материала для нее будет в чрезвычайном избытке. Социал-демократы в Думе обязаны до конца разоблачать классовую подкладку как правительственных, так и либеральных мер и предложений, которые будут проводиться в Думе, при чем, в полном согласии с резолюцией съезда, особое внимание необходимо обратить на те меры и предложения, которые касаются экономических интересов широких народных масс; сюда относятся рабочий и аграрный вопросы, вопрос о бюджете и т. д. Во всех этих вопросах социал-демократия обязана противопоставлять правительственной и либеральной точкам зрения свои социалистические и демократические требования, эти вопросы — самый чувствительный нерв народной жизни и вместе с тем самое больное место правительства и тех социальных групп, на которые опираются оба думских большинства.

Все эти агитационные, пропагандистские и организационные задачи социал-демократы в Думе будут осуществлять, помимо своих речей с думской трибуны, еще внесением законопроектов и запросами правительству. Но здесь есть одно важное затруднение: для внесения законопроекта или предъявления запроса требуется подпись не менее, чем *тридцати* депутатов.

Тридцати социал-демократов в III Думе нет и не будет. Это несомненно. Значит, социал-демократия *одна,* без содействия других групп, не может ни вносить законопроекты, ни делать запросы. Несомненно, это сильно затрудняет и осложняет дело.

Речь идет, конечно, о законопроектах и запросах последовательно-демократического характера. Может ли социал-демокра-

тия в этом отношении рассчитывать на содействие конституционно-демократической партии? Конечно, нет. Разве кадеты, вполне уже готовые в настоящее время на ничем не прикрытый компромисс на таких условиях, при которых от их программных требований, как они и без того ни куцы и ни сведены к минимуму разными оговорками и исключениями, не останется ничего, разве кадеты решатся раздражать правительство демократическими запросами? Все мы помним, что уже во второй Думе речи кадетских ораторов, выступавших при запросах, сильно побледнели и подчас превращались не то в детский лепет, не то в вежливые и даже почтительные вопросы с полупоклонами. А теперь, когда «работоспособность» Думы в деле сплетения сетей для народа покрепче да понадежнее, так чтобы эти сети превратились в цепи,—сделалась притчей во языцех, — их высокопревосходительства гг. министры могут спать спокойно: их редко будут беспокоить с кадетской стороны — еще бы, ведь, надо законодательствовать! — Да и если будут беспокоить, то с соблюдением всех правил учтивости. Не даром Милюков на предвыборных собраниях обещает «беречь огонек». Да и один ли Милюков? Что значит дановское безусловное отрицание лозунга «долой Думу»? Не то же ли бережение огонька? И не в том же ли направлении «учтивости» советует идти социал-демократии Плеханов со своей «поддержкой либеральной буржуазии», «борьба» которой сводится не к чему иному, как к реверансам и глубоким поклонам?

Нечего и говорить о присоединении кадетов к законодательным предложениям социал-демократов: ведь эти законопроекты будут отличаться ярко выраженным агитационным характером, будут выражать во всей полноте последовательно-демократические требования, ну, а это будет возбуждать в кадетской среде, конечно, не меньшее раздражение, чем в октябристской и даже черносотенной.

Итак, кадетов и в этом отношении надо сбросить со счета. В деле предъявления запросов и предложения законопроектов социал-демократия может рассчитывать только на содействие групп левее кадетов. Повидимому, их вместе с социал-демократами наберется до 30-ти человек, и, следовательно, откроется полная техническая возможность проявить инициативу в данном отношении. Речь, разумеется, идет не о каком-либо блоке, а о тех «совместных действиях», которые, по словам резолюции Лондонского съезда, «должны исключать всякую возможность каких бы то ни было отступлений от с.-д. программы и тактики, служа лишь целям общего натиска как против реакции, так и против предательской тактики либеральной буржуазии».

«Пролетарий» № 18, 11 ноября (29 октября) 1907 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ Р. С.-Д. Р. П. [47]).

ИЗ ГАЗЕТНОГО ОТЧЕТА.

1.

ДОКЛАД О III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ.

Докладчик прежде всего охарактеризовал состав III Думы. Правительство простым эмпирическим путем так скроило избирательный закон 3 июня, что в Думе оказалось *два возможных большинства:* октябристско-черносотенное и октябристско-кадетское [48]). И то и другое — безусловно контр-революционны. Правительство в своей реакционной политике будет опираться то на одно из них, то на другое. При этом свои самодержавно-крепостнические действия правительство будет прикрывать фразами о бумажных «реформах». При этом кадеты, на деле проводя предательскую политику контр-революции, будут на словах выставлять себя партией истинно-демократической оппозиции.

Сделка кадетов с октябристами в Думе неминуема, и первые шаги к ней, — как доказывает докладчик рядом цитат из партийных газет к.-д. и октябристов, рядом фактов из жизни этих партий и сообщениями с последнего съезда кадетской партии, — уже сделаны. Кадетская политика сделки со старым режимом в III Думе обрисуется еще более ярко, чем до сих пор, и насчет истинного ее характера ни для кого не останется сомнений.

Но ни первое ни второе думское большинство объективно не в состоянии удовлетворить насущные экономические и политические требования сколько-нибудь широких масс пролетариата, крестьянства и городской демократии. Выразителем нужд этих слоев народа будет, как и до сих пор, прежде всего, социал-демократия. Состав и деятельность III Думы обещают дать социал-демократии обильный и прекрасный агитационный материал, который должен быть использован против черносотенного правительства, явных крепостников-помещиков, октябристов и против кадетов. Задачей с.-д. по-прежнему остается популяризация в самых широких массах народа идеи всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего и т. д. избирательного права. О поддержке «левых» октябристов или кадетов в Думе, поэтому, не может быть и речи. С.-д., как ни малочис-

ленны они в III Думе, должны вести самостоятельную социалистическую и последовательно демократическую линию, пользуясь думской трибуной, правом запросов и т. д. Некоторые соглашения допустимы только с группой левых депутатов (особенно ввиду необходимости 30 подписей для внесения запроса), но только такие соглашения, которые не идут вразрез с программой и тактикой с.-д. Для этой цели необходима организация информационного бюро, никого не связывающего, а лишь дающего возможность с.-д. влиять на левых депутатов.

Из с.-д. рядов — заметил далее докладчик — раздаются уже голоса о поддержке «левых» октябристов (напр., при выборах президиума), об организации информационного бюро с кадетами и о т. н. «бережении» нашей думской фракции. Разговоры о поддержке октябристов, идущие со стороны меньшевиков, как нельзя нагляднее свидетельствуют о полном провале меньшевистской тактики. Была Дума кадетская, и меньшевики вопили о поддержке к.-д. Стоило Столыпину изменить избирательный закон в благоприятную для октябристов сторону, и меньшевики готовы поддерживать октябристов. Куда же меньшевики в конце концов пойдут по этому пути?

Информационное бюро с к.-д. докладчик считает недопустимым, ибо это значило бы информировать своих явных врагов.

По поводу «бережения» фракции докладчик сказал: беречь фракцию действительно следует. Но для чего? Только для того, чтобы она в Думе высоко держала знамя с.-д., только для того, чтобы она в Думе вела непримиримую борьбу против контр-революционеров всех видов и оттенков, начиная с союзников и кончая кадетами. Но ни в коем случае не для того, чтоб она поддерживала «левых» октябристов и кадетов. Если бы ее существование было обусловлено необходимостью поддерживать эти группы, т. е. поддерживать сделку со Столыпинским самодержавием, тогда ей лучше с честью вовсе прекратить свое существование, выяснивши всему народу, за что она была изгнана из Думы, если это изгнание последует.

В заключительном слове он [Ленин] остановился, главным образом, на основной ошибке меньшевизма — идее «общенациональной оппозиции». Российская буржуазия в собственном смысле слова никогда не была революционна, и это по вполне понятной причине: в силу того положения рабочего класса в России, которое он занимает, и в силу его роли в революции. Разобравши все остальные доводы меньшевиков, он предложил резолюцию, напечатанную в № 19 «Пролетария».

«Пролетарий» № 20, 2 декабря (19 ноября) 1907 г.

2.

РЕЗОЛЮЦИЯ О III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ.

Признавая обязательным для с.-д. фракции в III Думе руководиться резолюцией Лондонского съезда о Гос. Думе, а также резолюцией о непролетарских партиях, —

Конференция С.-Петербургской организации Р.С.-Д.Р.П. в развитие этих резолюций считает необходимым высказать нижеследующее:

1. В III Думе уже определилось два большинства: черносотенно-октябристское и октябристско-кадетское. Первое контр-революционное и отстаивает особенно усиление репрессий и охрану помещичьих привилегий, доходя до стремлений к полному восстановлению самодержавия. Второе большинство тоже безусловно контр-революционно, но склонно прикрыть борьбу с революцией некоторыми призрачными бюрократическими «реформами».

2. Такое положение в Думе чрезвычайно благоприятствует двойной политической игре и со стороны правительства и со стороны кадетов. Правительство хочет, усиливая репрессии и продолжая военной силой «завоевывать» Россию, изображать из себя сторонника конституционных реформ. Кадеты хотят, голосуя на деле с контр-революционными октябристами, изображать из себя не только оппозицию, но и представителей демократии. На с.-д. ложится при этих условиях с особенной силой задача беспощадного разоблачения этой игры, разоблачения перед народом как насилий со стороны черносотенных помещиков и правительства, так и контр-революционной природы кадетов. Прямая или косвенная поддержка кадетов (в форме ли голосования за правых к.-д. или «левых» октябристов в президиум, в форме ли информационного бюро с участием кадетов, координации своих действий с их политикой и т. п.) со стороны с.-д. была бы теперь прямым ущербом делу классового воспитания рабочих масс и делу революции.

3. Отстаивая без всяких урезок свои социалистические цели и критикуя с этой точки зрения все, даже самые демократические и «трудовые» буржуазные партии, с.-д. в своей агитации должны выдвигать на первый план выяснение широким народным массам полного несоответствия III Думы интересам и требованиям народа и в связи с этим [должна вестись] широкая и энергичная пропаганда идеи Учредительного Собрания, основанного на всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании.

4. К числу основных задач социал-демократии в III Думе принадлежит разоблачение классовой подоплеки правительственных и либеральных предложений при особенном внимании к вопросам, касающимся экономических интересов широких народных масс (рабочий и аграрный вопросы, бюджет и т. д.),—тем более, что состав III Думы обещает исключительно обильный материал для агитационной деятельности с.-д.

5. В частности, социал-демократии в Думе необходимо использовать право запросов, для чего необходимы совместные действия с другими группами левее к.-д. без каких бы то ни было отступлений от программы и тактики с.-д. и без заключения какого бы то ни было блока.

Чтобы не повторять ошибки, сделанной с.-д. во II Думе, с.-д. фракция должна немедленно предложить левым и только левым (т.-е. способным к борьбе против к.-д.) депутатам Думы образовать информационное бюро, ничем не связывающее его участников, но дающее рабочим депутатам возможность систематически влиять на демократию в духе с.-д. политики.

«Пролетарий» № 19, 18 (5) ноября 1907 г.

3.

ДОКЛАД ОБ УЧАСТИИ С.-Д. В БУРЖУАЗНОЙ ПЕЧАТИ.

Второй доклад т. Ленина касался вопроса об участии с.-д. в буржуазной печати. Докладчик изложил точку зрения двух крыльев международной социал-демократии на этот счет и в особенности взгляды ортодоксов и ревизионистов из Германской с.-д. партии. Ортодоксы на Дрезденском партейтаге [49]) согласились на формулу допустимости участия в печати, не враждебной с.-д., мотивируя тем, что практически это равносильно полному запрещению, ибо в нынешнем развитом капиталистическом обществе нет буржуазных газет, не враждебных с.-д.

Докладчик стоит на точке зрения безусловной недопустимости *политического* участия в буржуазной печати, особенно в якобы беспартийной. Такие газеты, как, напр., «Товарищ», своей скрыто-лицемерной борьбой против с.-д. приносят ей гораздо больше вреда, нежели явно враждебные с.-д. партийные буржуазные газеты. Лучшей иллюстрацией этому могут служить выступления в «Товарище» Плеханова, Мартова, Горна, Когана и т. п. Все эти выступления направлены против партии и на деле не тт. с.-д. использовали буржуазную газету «Товарищ», а эта газета использовала названных тт. против ненавистной ей Р. С.-Д. Р. П. Ни одной статьи с.-д., которая не понравилась бы редакции «Товарища», до сих пор не появлялось.

«Пролетарий» № 20, 2 декабря (19 ноября) 1907 г.

III ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ Р. С.-Д. Р. П. [50]).

1.

ДОКЛАД О ТАКТИКЕ С.-Д. ФРАКЦИИ В III ГОС. ДУМЕ.

Тов. Ленин исходил из предпосылки, что объективные задачи русской революции не разрешены, что период наступившей реакции налагает на пролетариат задачу особенно твердо, в противовес всеобщему шатанию, отстаивать дело демократии и дело революции. Отсюда взгляд, что Дума должна быть использована в целях революции, использована, главным образом, в направлении широкого распространения политических и социалистических взглядов партии, а не в направлении законодательных «реформ», которые во всяком случае будут представлять из себя поддержку контр-революции и всяческое урезывание демократии.

По словам т. Ленина, «гвоздем» вопроса о Думе должно быть выяснение трех следующих положений: а) каков классовый состав Думы, б) каково должно быть и будет отношение думских центров к революции и демократии и в) каково значение думской деятельности в ходе развития русской революции.

По первому вопросу — на основании анализа состава Думы (по данным о принадлежности депутатов к той или иной партии), т. Ленин подчеркнул, что проведение взглядов пресловутой так наз. «оппозиции» возможно в III Думе лишь при одном условии: при совместном сотрудничестве по меньшей мере 87 октябристов с кадетами и левыми. У кадетов и левых для получения необходимого большинства при вотуме законопроектов не хватает 87 голосов. Значит, фактически законодательная деятельность в Думе осуществима лишь при непременном участии в ней подавляющего большинства октябристов. Ясно, во что может вылиться такая законодательная деятельность и к какому позорному столбу пригвоздит социал-демократию совместное шествие с октябристами. Дело здесь не в абстрактном принципе. Абстрактно говоря, можно, а иногда и должно поддерживать

представителей крупной буржуазии. Но в данном случае необходимо считаться с конкретными условиями развития русской буржуазно-демократической революции. Русская буржуазия давно уже вступила на путь борьбы с революцией и компромиссов с самодержавием. Последний кадетский съезд окончательно сорвал все фиговые листочки, которыми прикрывались господа Милюковы, и является крупным политическим событием, ибо кадеты с циничной откровенностью заявили, что в октябристско-черносотенную Думу они идут законодательствовать, а с «врагами слева» станут бороться. Таким образом, два возможные в Думе большинства, октябристско-черносотенное и кадетско-октябристское, оба различными путями будут стараться завязывать туже узел реакции: первое — стремлением к восстановлению самодержавия, второе — сделками с правительством и призрачными реформами, прикрывающими контр-революционные стремления буржуазии. Таким образом, социал-демократия не может стать на точку зрения поддержки законодательных реформ, что равносильно поддержке *правительственной*, октябристской, партии. Путь «реформ» на данной политической почве и при данном соотношении сил означает не улучшение положения масс, не расширение свободы, а бюрократическую регламентацию несвободы и порабощения масс. Таковы, напр., аграрные реформы Столыпина по 87 статье. Они прогрессивны, ибо расчищают дорогу капитализму, но такого прогресса ни один с.-д. не решался поддерживать. Меньшевики затвердили один шаблон: классовые интересы буржуазии *должны* столкнуться с самодержавием! Но в этом вульгарном якобы марксизме нет ни грана исторической правды. Разве Наполеон III и Бисмарк не сумели удовлетворить на время аппетиты крупной буржуазии? Разве своими «реформами» они не затянули на долгие годы петлю на шее трудящихся масс? Какие же основания думать, что русское правительство в своей сделке с буржуазией способно согласиться на иного рода реформы?

2.

РЕЗОЛЮЦИЯ О ТАКТИКЕ С.-Д. ФРАКЦИИ В ГОС. ДУМЕ.

Исходя из резолюции Лондонского съезда о Г. Думе и о непролетарских партиях, Всероссийская Конференция Р. С.-Д. Р. П. в развитие этих резолюций считает необходимым высказать нижеследующее:

1) В III Думе, являющейся результатом государственного переворота 3-го июня, возможны два большинства: черносотенно-октябристское и октябристско-кадетское. Первое, выражая по преимуществу интересы крепостников-помещиков, контр-революционно и отстаивает, главным образом, охрану помещичьих интересов и усиление репрессий, доходя до стремления к полному восстановлению самодержавия. Второе большинство, выражая интересы, главным образом, крупной буржуазии, тоже безусловно контр-революционно, но склонно прикрыть борьбу с революцией некоторыми призрачными бюрократическими реформами;

2) такое положение в Думе чрезвычайно благоприятствует двойной политической игре и со стороны правительства и со стороны кадетов. Правительство хочет, усиливая репрессии и продолжая военной силой «завоевывать» Россию, изображать из себя сторонника конституционных реформ. Кадеты хотят, голосуя на деле с контр-революционными октябристами, изображать из себя не только оппозицию, но и представителей демократии. На с.-д. ложится при этих условиях с особенной силой задача беспощадного разоблачения этой игры, разоблачения перед народом как насилий со стороны черносотенных помещиков и правительства, так и контр-революционной политики кадетов. Прямая или косвенная поддержка кадетов — в форме ли информационного бюро с участием кадетов или приспособления своих действий к их политике и т. п. — со стороны с.-д. была бы теперь прямым ущербом делу классового воспитания рабочих масс и делу революции;

3) отстаивая свои социалистические цели и критикуя с этой точки зрения все буржуазные партии, с.-д. в своей агитации должны выдвигать на первый план выяснение широким народным массам полного несоответствия III Думы интересам и требованиям народа и в связи с этим широкую и энергичную пропаганду идеи Учредительного Собрания, основанного на всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании;

4) к числу основных задач соц.-демократии в III Думе принадлежит разоблачение классовой подкладки правительственных и либеральных предложений и систематическое противопоставление им требований соц.-демократической программы-минимум без всяких урезок, при особенном внимании к вопросам, касающимся экономических интересов широких народных масс (рабочий и аграрный вопросы, бюджет и т. д.), — тем более, что состав III Думы обещает исключительно обильный материал для агитационной деятельности с.-д.;

5) с.-д. фракция должна особенно заботиться о том, чтобы те или иные внешние совпадения голосования с.-д. с голосованиями черносотенно-октябристского или октябристско-кадетского блока не могли быть использованы в смысле поддержки того или другого блока;

6) соц.-дем. в Думе необходимо вносить законопроекты и использовать право запросов, для чего необходимы совместные действия с другими группами левее к.-д. без каких бы то ни было отступлений от программы и тактики с.-д. и без заключения какого бы то ни было блока. С.-д. фракция должна немедленно предложить левым депутатам Думы образовать информационное бюро, ничем не связывающее его участников, но дающее рабочим депутатам возможность систематически влиять на демократию в духе с.-д. политики;

7) из числа первых конкретных шагов с.-д. фракции в Думе Конференция считает нужным особенно подчеркнуть необходимость: 1) выступить с особой декларацией, 2) внести запрос по поводу государственного переворота 3-го июня, 3) поднять в Думе в наиболее целесообразной форме вопрос о суде над с.-д. фракцией II Г. Думы.

«Пролетарий» № 20, 2 декабря (19 ноября) 1907 г.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ «ОТВРАТИТЕЛЬНОЙ ОРГИИ».

Оценивая задачи с.-д. во второй российской Думе и стремления русских либералов, известный немецкий марксист Франц Меринг [51]) писал, что немецкий либерализм уже 60 лет идет жалким и позорным путем, прикрываясь лозунгом: «положительная работа». Когда Национальное Собрание в одну ночь лета 1789-го года совершило освобождение французских крестьян, гениально-продажный авантюрист Мирабо, величайший герой конституционной демократии, окрестил это событие крылатым словечком: «отвратительная оргия». А по-нашему (по-социалдемократически), это была положительная работа. Наоборот, освобождение прусских крестьян, тянувшееся черепашьим шагом в течение 60 лет, с 1807 по 1865 г., при чем было грубо, безжалостно загублено бесчисленное количество крестьянских жизней, с точки зрения наших либералов было «положительной работой», о которой они звонят во все колокола. По-нашему, это была «отвратительная оргия» *).

Так писал Меринг. И нельзя не вспомнить его слов теперь, когда открывается III Дума, — когда октябристы хотят вплотную приняться за отвратительную оргию, — когда кадеты готовы с лакейским усердием участвовать в ней, — когда находятся и среди с.-д. (к стыду нашему) плехановцы, готовые помогать этой оргии. Присмотримся поближе ко всем этим приготовлениям.

Канун третьей Думы ознаменовался усиленными совещаниями разных партий относительно думской тактики. Октябристы выработали на московском совещании проект программы парламентской фракции союза 17 октября, а их оратор, г. Плевако, поднял на банкете в Москве «знамя русской либерально-конституционной партии». Кадеты в три или четыре дня закончили свой так называемый «партийный» V съезд. Левые кадеты разбиты на-голову и совершенно изгнаны из Ц.К. кадетов (а Ц.К. состоит у них из 38 человек, всецело ворочающих «партией»).

---

*) См. XI том Сочинений, стр. 75. *Ред.*

Правые кадеты получили полную свободу действия — в духе «доклада о тактике в III Думе», этого замечательного, «исторического» оправдания «отвратительной оргии». Социал-демократы начали обсуждать тактику в III Думе в Ц.К. и на конференции Спб. организации Р. С.-Д. Р. П.

Парламентская программа октябристов отличается откровенным *признанием* той контр-революционной политики, которую в сущности вели и кадеты во II Думе, прикрываясь всяческими фразами и отговорками. Напр., октябристы откровенно заявляют, что пересмотр основных законов и избирательного закона «несвоевременен»: пусть-де сначала «рядом неотложных реформ» будет внесено «успокоение и устранена борьба страстей и классовых интересов». Кадеты этого не говорили, но действовали они во II Думе именно так, а не иначе. Еще пример. Октябристы стоят «за привлечение к участию в самоуправлении возможно широкого круга лиц», но вместе с тем за «обеспечение соответствующего представительства» дворянству. Эта откровенная контр-революционность правдивее кадетской политики: сулить всеобщее, прямое, равное, тайное, а на деле отчаянно бороться и в I и во II Думе против такого выбора местных земельных комитетов и предлагать такие комитеты из крестьян и помещиков поровну, т.-е. то же самое «обеспечение представительства дворянству». Еще пример. Октябристы открыто отвергают принудительное отчуждение помещичьей земли. Кадеты его «признают», признают так, что голосуют во II Думе вместе с правыми против трудовиков и с.-д. по вопросу о заключении аграрных прений общей формулой с признанием принудительного отчуждения.

На условии упрочения «побед» контр-революции октябристы готовы обещать какие угодно либеральные реформы. Тут и «расширение бюджетных прав Думы» (не шутите!), и «расширение ее прав надзора над закономерностью действий власти», и обеспечение самостоятельности суда, и «прекращение стеснений рабочих хозяйственных организаций и экономических стачек» («не угрожающих государственным и общественным интересам»), и «укрепление начал правомерной гражданской свободы», и прочее и тому подобное. Правительственная партия «октябрей» так же щедро отпускает «либеральные» фразы, как само правительство г. Столыпина.

Как же поставили на своем съезде кадеты вопрос об отношении к октябристам? Горстка левых кадетов оказалась состоящей из крикунов, не сумевших даже толком поставить вопроса. А масса правых рыцарей переодетого октябризма крепко сплотилась для самого подлого замазывания правды. Беспомощность левых кадетов выражена всего рельефнее в их проекте резолюции: первый пункт ее предлагает кадетам «стоять на резко оп-

позиционной почве, не идя на сближения с чуждыми ей (партии к.-д.) по духу и программе октябристами». Второй же пункт призывает «не отказываться от поддержки законопроектов, ведущих страну по пути к освобождению и к демократическим реформам, откуда бы таковые ни исходили». Это комизм, ибо ниоткуда больше, кроме как от октябристов *не могут* в III Думе исходить законопроекты, способные собрать большинство! Г.г. левые кадеты вполне заслужили свое поражение, ибо они вели себя как жалкие трусы или глупцы, не умеющие ясно и прямо сказать, что в подобной Думе неприлично собираться законодательствовать, что голосование с октябристами есть поддержка контр-революции. Единичные лица из левых к.-д., видимо, понимали дело, но в качестве салонных демократов струсили на съезде. По крайней мере, г. Жилкин передает в «Товарище» такую *приватную* речь кадета Сафонова: «Кадетская фракция должна теперь, по-моему, занять положение трудовой группы I Думы. Оппозиция, сильные речи — и больше ничего. *А они законодательствовать собираются.* Каким же это образом? Дружба, *союз с октябристами?* Страшное тяготение вправо. Вся страна левая, мы вправо» («Тов.» № 407) [52]). Очевидно, у г. Сафонова бывают светлые промежутки стыда и совести... но только приватно!

Зато г. Милюков и его шайка проявили во всем блеске свои давние качества бесстыдных и бессовестных карьеристов. В принятой резолюции суть дела замазали, чтобы надуть широкую публику, как всегда надували народ либеральные герои парламентской проституции. В резолюции съезда («тезисы») *нет ни единого слова об октябристах!!* Это невероятно, но это факт. Весь гвоздь кадетского съезда — вопрос о голосовании к.-д. с октябристами. Все прения вертелись около этого. Но все искусство буржуазных политиканов в том и состоит, чтоб *обманывать* массы, чтобы *скрывать* свои парламентские проделки. «Тезисы о тактике», принятые 26 октября съездом к.-д., представляют из себя классический документ, показывающий, во-1-х, как кадеты сливаются с октябристами, и, во-2-х, как пишутся резолюции, предназначенные для обмана масс либералами. Документ этот надо сравнивать с «парламентской программой» союза 17 октября. Документ этот надо сопоставить с «докладом о тактике», прочтенным Милюковым на съезде к.-д. («Речь» № 255). Вот самые важные места этого доклада:

«Поставленная в положение оппозиции, партия, однако» (именно: однако!) «не будет играть роли безответственного меньшинства, в том смысле, в каком она сама употребляла этот термин для характеристики поведения в Думе крайних левых» (в переводе с парламентского на простой и прямой язык: смилостивьтесь, дайте нам местечко, гг. октябристы, ведь мы только

для званья оппозиция!). «На Думу она не будет смотреть как на средство для подготовки внедумских выступлений, но как на высший государственный орган, обладающий точно определенною в законе долею верховной власти» (не честнее ли октябристы, которые говорят прямо: пересмотр основных законов несвоевременен?). «В III Думу, как и в первые две, партия идет с твердым намерением принять активное участие в ее законодательной работе. Этого рода деятельность партия всегда считала главной и основной, одинаково противополагая ее и агитационным целям левых и конспиративной деятельности правых». Ну, насчет «конспирации» вы тоже лжете, господа, ибо в *обеих* Думах вы *конспирировали* с министрами или лакеями министров! А отречение от агитации есть полное и бесповоротное отречение от *демократии.*

Чтобы законодательствовать в III Думе, надо так или иначе, прямо или косвенно, соединиться с октябристами и встать всецело на почву контр-революции и охраны ее побед. К.-д. стараются умолчать об этой очевидной вещи. Они проговариваются, однако, в другом месте доклада: «Пользование законодательной инициативой должно быть поставлено в зависимость от предварительного выяснения *практической проводимости* партийных проектов». Практическая проводимость зависит от октябристов. Выяснить проводимость — значит с заднего крыльца забежать к октябристам. Поставить свою инициативу в зависимость от этого выяснения — значит *в угоду* октябристам урезывать свои проекты, значит поставить свою политику в зависимость от «октябрей».

Середины нет, господа. Либо партия действительной оппозиции, и тогда — безответственное меньшинство. Либо партия активного контр-революционного законодательства, и тогда — лакейство перед октябристами. Кадеты выбрали второе, и в награду за это черносотенная Дума проводит, говорят, правого кадета Маклакова в президиум! Маклаков заслужил это.

Но как же могли найтись с.-д., способные даже теперь говорить о поддержке кадетов? Таких с.-д. породило мещанство интеллигенции, мещанство всей русской жизни. Таких с.-д. воспитало плехановское опошление марксизма. На конференции Спб. с.-д. организации выяснилось, что меньшевики вслед за правой Думой идут еще дальше вправо. Они готовы поддерживать октябристов, т.-е. *правительственную* партию! Почему же не голосовать эс-декам за Хомякова, который лучше Бобринского? Это вопрос целесообразности! Почему не голосовать за Бобринского, если выбор есть только между ним и Пуришкевичем? Почему не поддерживать октябристов против черносотенцев, когда Маркс учил поддерживать буржуазию против феодалов [53])?

Да, стыдно сознаться, да, грех утаить, что Плеханов довел

своих меньшевиков до бесконечного опозорения социал-демократии. Как истый человек в футляре, твердил он заученные слова о «поддержке буржуазии» и своей *долбней* засорил всякое понимание особых задач и особых условий борьбы пролетариата в революции и борьбы с контр-революцией. У Маркса весь анализ революционных эпох вращается около борьбы истинной демократии и особенно пролетариата с конституционными иллюзиями, с предательством либерализма, с контр-революцией. Плеханов признает Маркса, — подделанного под Струве. Пусть жнет теперь Плеханов то, что посеял!

Контр-революционный характер либерализма в русской революции доказан всем ходом событий перед 17 октября и, особенно, после 17 октября. Третья Дума заставит и слепых прозреть. Сближение кадетов с октябристами есть политический факт. Никакие отговорки и увертки не могут затушевать его. Пусть газета тупоумных бернштейнианцев, «Товарищ», ограничивается беспомощным хныканьем по этому поводу, перемешивая это хныканье с подталкиваньем кадетов к октябристам, с политическим сводничеством. Социал-демократия должна понять классовые причины контр-революционности российского либерализма. С.-д-тия должна беспощадно разоблачать в Думе все подходы к.-д. к октябристам, всю низость якобы демократического либерализма. Рабочая партия отбросит с презрением всякие соображения о «бережении огонька» и развернет знамя социализма и знамя революции!

«Пролетарий» № 19, 18 (5) ноября 1907.

А СУДЬИ КТО[54]?

В буржуазной печати злорадное хихиканье по поводу раскола между меньшевиками и большевиками в Р.С.-Д.Р.П. вообще и по поводу резкой борьбы на Лондонском съезде в частности стало постоянным явлением. Никто не помышляет об изучении разногласий, об анализе двух тенденций, об ознакомлении читающей публики с историей раскола и со всем характером расхождения меньшевиков и большевиков. Публицисты «Речи» и «Товарища», гг. Вергежские, Е. К., Переяславские и прочие penny-a-liner'ы (писачки из-за построчной платы) просто ловят на лету всякие слухи, подбирают «пикантные» для пресыщенных салонных болтунов подробности «скандалов» и всячески стараются засорить мозги шелухой анекдотцев насчет нашей борьбы.

В этот жанр пошлого зубоскальства впадают и социалисты-революционеры. Передовая в № 6 «Знамени Труда»[55]) вытаскивает рассказ Череванина о случае истерики на Лондонском съезде, хихикает по поводу затраты «десятков тысяч», смакует «недурную картину внутреннего состояния русской социал-демократии в настоящий момент». Для либералов подобные введения служат переходом к возвеличению оппортунистов à la Плеханов, для эс-эров — к грозному разносу их (с.-р. повторяют *теперь* доводы революционных с.-д. против рабочего съезда! Спохватились!). Но злорадство по поводу тяжелой борьбы внутри с.-д. у тех и других одинаково.

Скажем несколько слов о либеральных героях этого похода и остановимся подробно на эс-эровских героях «борьбы с оппортунизмом».

Либералы хихикают над борьбой внутри с.-д., чтобы прикрыть свое систематическое *обманывание* публики насчет партии к.-д. Обман у них сплошной, внутренняя борьба самих к.-д. и переговоры их с властями скрываются систематически. Все знают, что левые к.-д. журят правых, все знают, что гг. Милюковы, Струве и К° ездили по передним гг. Столыпиных. Но точные

факты скрыты. Разногласия замазаны, о спорах господ Струве с левыми к.-д. не сообщено ни слова. Протоколов кадетских съездов нет. Числа членов своей партии ни в итоге, ни по организациям либералы не сообщают. Направление разных комитетов не известно. Сплошные потемки, сплошная официальная ложь «Речи», сплошное надувание демократии министерскими собеседниками, вот что такое партия к.-д. Адвокаты и профессора, делающие себе карьеру на парламентаризме, фарисейски осуждая подполье, восхваляют открытую деятельность партий, а на деле издеваются над демократическим принципом гласности и скрывают от публики различные политические тенденции в своей партии. Нужна вся близорукость коленопреклоненного перед Милюковым Плеханова, чтобы не видеть этого грубого, грязного, подкрашенного лаком культурности обмана демократии кадетами.

Ну, а эс-эры? Исполняют ли они долг честных *демократов* (о социалистах мы не говорим, когда речь идет об с.-р.) — давать народу *ясное и правдивое* изложение борьбы разных политических тенденций в среде тех, кто хочет вести за собой народ?

Посмотрим на факты.

Декабрьский съезд партии с.-р. в 1905 г. Первый и единственный, опубликовавший протоколы, Г. Тучкин, делегат Ц. О., восклицает: «Когда-то с.-д., повидимому, совершенно искренно были убеждены, что наступление политических свобод будет политической смертью нашей партии... Эпоха свобод доказала иное» (стр. 28 добавления к Проток.). Полно, так ли, г. Тучкин? То ли доказала эпоха свобод? То ли доказала действительная политика партии с.-р. в 1905 г.? в 1906 г.? в 1907 г.?

Посмотрим на факты!

В протоколах съезда с.-р. (*декабрь* 1905 г. опубликовано в *1906 г.*!) читаем, что одна литераторская группа, имевшая совещательный голос на этом съезде, после 17 окт. *настаивала перед Ц.К. с.-р. на организации открытой партии»* (с. 49 протоколов; дальнейшие цитаты отсюда же). Ц. К-ту с.-р. «*было предложено создать не открытую организацию партии с.-р., а особую параллельную ей народно-социалистическую партию*»[56]) (51). Ц. К. отказался и вынес вопрос на съезд. Съезд *отверг* предложение эн-эсов большинством всех против 1 при 7 воздержавшихся (66). «Разве мыслимо быть рядом в двух партиях?» восклицал, бия себя в грудь, г. Тучкин (стр. 61). А г. Шевич намекнул на близость н.-с. к либералам, так что *хладнокровие стало покидать* (с. 59) эн-эса г. Рождественского, уверявшего, что «никто не имеет права» называть их «*полу-либералами* (59) *).

*) Г. Шевич немножечко отступил перед этой *обидой* потерявшего хладнокровие эн-эса и «поправился», — стр. 63 — сказав «*в виде личного (!!) объяснения*»: причислять оратора к либеральной партии я не собирался.

Таковы факты. В 1905 г. с.-р-ы *порвали* с «полу-либералами» н.-с-ами. Порвали ли?

Крупнейшим средством открытого воздействия партии на массы была в 1905 г. печать. В октябрьские «дни свобод» с.-р-ы вели газету в *блоке* с н.-с., правда, до декабрьского съезда. *Формально* эс-эры тут правы. По существу дела, они в период самых больших свобод, самого открытого воздействия на массы *скрыли* от публики две различные тенденции внутри партии. Разногласия были не меньше, чем внутри с.-д., но с.-д. заботились об их выяснении, а с.-р. об их дипломатическом скрывании. Таковы факты 1905-го года.

Берем 1906-ой год. Перводумский период «маленьких свобод». Возрождаются социалистические газеты. *Эс-эры опять в блоке с н.-с., газета у них общая.* Разрыв с «полу-либералами» на съезде не даром был дипломатический: хотите, разрыв; хотите, никакого разрыва! Предложение отклонили, высмеяли мысль «быть рядом в двух партиях» и... и продолжали сидеть рядом в двух партиях, благоговейно восклицая: благодарим тебя, господи, что мы не похожи на дерущихся друг с другом эс-деков! Таковы факты. Оба периода свободной печати в России ознаменовались тем, что эс-эры шли в блоке с н.-с., обманом («дипломатией») скрывая от демократии две глубоко различные и внутри их партии проявившие себя тенденции.

Берем 1907-ой год. После первой Думы н.-с-ы формально образовали свою партию. Это было неизбежно, ибо в I Думе, в первом выступлении партий перед выборами от крестьян по *всей* России н.-с. и с.-р. выступили с *разными* аграрными проектами (104-х и 33-х). *Н.-сы победили* эс-эров перед депутатами-трудовиками, собрав более чем втрое больше подписей под своим проектом, под своей аграрной программой. А эта программа, по признанию с.-р. Вихляева («Наша Мысль», Сборник № 1. Спб. 1907, статья: «Народно-социалистическая партия и аграрный вопрос»), «*одинаково*» с законом 9 ноября 1906 г. «приходит к отрицанию коренного начала общинного землепользования». Эта программа узаконяет «*проявления своекорыстного индивидуализма*» (стр. 89 статьи г. Вихляева), «*загрязняет широкий идейный поток индивидуалистической мутью*» (стр. 91 той же статьи), встает на «*путь поощрения индивидуалистических и эгоистических течений в народных массах*» (стр. 93 там же).

Кажется, ясно? Крестьянские депутаты в *подавляющем* большинстве проявили буржуазный индивидуализм. Первое выступление с.-р-ов перед крестьянскими выборными всей России подтвердило блестяще теорию с.-д., фактически превратив с.-р-ов в крайнее левое крыло мелко-буржуазной демократии.

Но, может быть, с.-р-ы хоть после того, как н.-с-ы отошли от них и провели свою программу в трудовой группе, отме-

жевывались от них с полной определенностью? Нет. Выборы во II Думу в Петербурге доказали обратное. Блоки с кадетами были тогда крупнейшим проявлением социалистического оппортунизма. Черносотенная опасность была фикцией, которая *прикрывала* политику подчинения либералам. Кадетская печать особенно ясно вскрыла это, подчеркивая «умеренность» меньшевиков и н.-с-ов. Как держали себя с.-р-ы? Наши «революционеры» шли в блоки с н.-с-ами и трудовиками; условия этого блока от публики скрывались. *Наши революционеры тащились за кадетами,* совсем как меньшевики. Представители с.-р. предлагали кадетам блок (совещание 18 января 1907 г. Ср. брошюру Н. Ленина «Услышишь суд глупца», Спб. 15 января 1907 г. *), в которой констатируется, что с.-р-ы вели себя *политически нечестно* в вопросе о соглашениях, ведя переговоры одновременно и с с.-д., объявившими 7 января 1907 г. войну кадетам, и *с кадетами*). В левый блок с.-р-ы попали *вопреки* своей воле, в силу отказа кадетов.

Итак, после полного разрыва с н.-с-ами с.-р-ы *на деле* ведут политику н.-с-ов и меньшевиков, т. е. оппортунистов. «Преимущество» их состоит в том, что они скрывают от глаз света мотивы этой политики и свои течения внутри партии.

Экстренный съезд партии с.-р-ов в феврале 1907 г. не только не поднял этого вопроса о блоках с к.-д., не только не оценил значения подобной политики, а, напротив, *подтвердил* ее! Напомним речь Г. А. Гершуни на этом съезде, своевременно расхваленную «Речью» совершенно так же, как хвалит она всегда Плеханова. Гершуни говорил, что остается «при старом мнении: кадеты пока не наши враги» (стр. 11 брошюры: «Речь Г. А. Гершуни на экстр. съезде П. с.-р.», 1907 г., с. 1—15, с партийным девизом с.-р.: «в борьбе обретешь ты право свое»). Гершуни предостерегал от взаимной борьбы внутри оппозиции: «не разуверится ли народ в самой возможности управления посредством народного представительства» (там же). Очевидно, что в духе этого кадетолюбца съезд с.-р. принял резолюцию, в которой, между прочим, говорится:

«Съезд находит, что резкая партийная группировка внутри Думы при изолированном выступлении каждой отдельной группы и острой междуфракционной борьбе могла бы совершенно парализовать деятельность оппозиционного большинства и тем дискредитировать в глазах трудящихся классов самую идею народного представительства» (№ 6 «Партийных Известий» п. с.-р., 8 марта 1907 г.) [57]).

Это уже чистейший оппортунизм, хуже нашего меньшевизма. Гершуни немного более аляповато заставил съезд с.-р. повторить

*) См. X том Сочинений, стр. 283. *Ред.*

плехановщину. И вся деятельность думской фракции с.-р. отразила этот дух кадетской тактики попечения о единстве национальной оппозиции. Разница между с.-д. Плехановым и эс-эром Гершуни *только* та, что первый — член партии, которая не прикрывает подобного декадентства, а разоблачает его и борется с ним, второй же — член партии, в которой все тактические принципы и теоретические воззрения спутаны и закрыты от глаз публики плотной занавесью кружковой дипломатии. «Сора из избы не выносить», это гг. эс-эры умеют. Но его и *нельзя* им вынести, ибо кроме сора ничего нет! Им нельзя было сказать всей правды об их отношениях к н.-с-ам в 1905, 1906 и 1907 годах. Им нельзя раскрыть того, как может *партия...* партия, а не кружок... сегодня 67 голосами против 1 принимать архи-оппортунистическую резолюцию, а завтра истекать в «революционных» выкриках.

Да, господа «судьи», мы не завидуем вашему формальному праву ликования по поводу резкой борьбы и расколов внутри с.-д. Много дурного в этой борьбе, слов нет. Много гибельного в этих расколах *для* дела социализма, бесспорно. И все же ни на одну минуту не пожелали бы мы променять этой тяжелой правды на вашу «легонькую» ложь. Тяжелая болезнь нашей партии — болезнь роста *массовой* партии. Ибо не может быть массовой партии, партии класса без полной ясности существенных оттенков, без открытой борьбы между разными тенденциями, без ознакомления *масс* с тем, какие деятели партии, какие организации партии ведут ту или иную линию. Без этого нельзя сложить партии, достойной этого слова, и мы *складываем* ее. Мы добились того, что взгляды наших обоих течений стоят перед всеми правдиво, ясно, отчетливо. Личная резкость, фракционная склока и свора, скандалы и расколы, — все это мелочь по сравнению с тем, что на опыте *двух тактик* учатся действительно пролетарские массы, учатся действительно все, способные сознательно относиться к политике. Наши драки и расколы позабудутся. Наши тактические принципы, отточенные и закаленные, войдут в историю рабочего движения и социализма России, как краеугольные камни. Пройдут годы, — может быть, даже десятилетия, и на сотне разнообразных практических вопросов будут прослеживать влияние того или иного направления. И рабочий класс России и весь народ *знают,* с кем имеют они дело в лице большевизма или меньшевизма.

Знают ли они кадетов? Вся история партии к.-д. есть сплошное политическое жонглерство с умолчанием о самом главном, с одной вечной заботой: скрыть во что бы то ни стало правду.

Знают ли они с.-р-ов? Пойдут ли с.-р. завтра опять в блоке с социал-кадетами? Не идут ли с.-р. в нем теперь? Отделяют ли они себя от «индивидуалистической мути» трудовиков

или наполняют все больше свою партию этой мутью? Стоят ли они по-прежнему на почве теории единства национальной оппозиции? Приняли ли они эту теорию только вчера? Бросят ли они ее на несколько недель завтра? Этого никто не знает, этого сами гг. эс-эры не знают, ибо вся история их партии есть сплошное, систематическое, беспрерывное затушевыванье, запутыванье, замазывание разногласий словами, фразами и фразами.

Отчего это так? Не оттого, что эс-эры — буржуазные карьеристы, как к.-д. Нет, в их искренности, как кружка, *нельзя* сомневаться. Беда их — невозможность созидать массовую партию, невозможность стать партией *класса.* Объективное положение таково, что приходится быть только *крылом* крестьянской демократии, несамостоятельным, неровным придатком, «группой при» трудовиках, а не самодовлеющим целым. Период бури и натиска не помог эс-эрам выпрямиться во весь рост, — этот период бросил их в цепкие объятия эн-эсов, такие цепкие, что даже раскол не разрывает их. Период контр-революционной войны не закалил их связь с определенными общественными слоями — он вызвал только новые (усиленно скрываемые теперь эс-эрами) шатания и колебания насчет социалистичности мужика. И когда читаешь теперь обильные пафосом статьи «Знамени Труда» о героях эс-эровского террора, — то невольно говоришь себе: ваш терроризм, господа, не есть следствие вашей революционности. Ваша революционность ограничивается терроризмом.

Нет, далеко таким судьям до того, чтобы судить социал-демократию!

«Пролетарий» № 19, 18 (5) ноября 1907 г.

Цѣна 25 сант.
Prix: 25 centimes.
Preis: 20 Pfennig.
Price: 2½ d.

LE PROLÉTAIRE, organe russe social-democrate, hebdomadaire.

ЕЖЕНЕД. ГАЗЕТА, ВЫХОДИТЪ ПО СРЕДАМЪ.

№ 21.

ПРОЛЕТАРІЙ

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь.

СРЕДА, 26 (13) ФЕВРАЛЯ 1908 г.

Органъ С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ Р. С.-Д. Р. П.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ.

Шовинисты работают. Усиленно распространяются слухи о вооружениях японцев, о том, что они сконцентрировали 600 батальонов в Маньчжурии для нападения на Россию. Турция, будто бы, деятельно вооружается для объявления этой же весной войны России. Готовится, дескать, восстание на Кавказе с целью отделения от России (не доставало еще, чтобы закричали о планах поляков!). Травля Финляндии подогревается россказнями о ее вооружении. Ведется ожесточенная кампания против Австрии по поводу постройки железной дороги в Боснии. Усиливаются нападки российской печати на Германию, которая будто бы натравливает Турцию на Россию. Кампания ведется не только в русской, но и во французской печати — о подкупе которой российским правительством так кстати напомнил недавно один социал-демократ в Думе.

Серьезная буржуазная пресса Запада отказывается признать всю эту кампанию за порождение фантазии газетчиков или аферу гоняющихся за сенсацией людей. Нет, очевидно, из «правящих кругов» — читай: от черносотенного царского правительства или от тайной придворной шайки вроде пресловутой «звездной палаты» — исходит вполне определенный пароль, ведется какая-то систематическая «линия», взят какой-то «новый курс». Закрытие думской комиссии по государственной обороне от всех невходящих в нее членов Думы, т.-е. не только от революционных партий, но и от кадетов, заграничная печать ставит в прямую связь с этой шовинистской кампанией; говорят даже, что русское правительство, чтобы окончательно довершить свою издевку над «конституционализмом», намерено испрашивать не у всей Думы, а только у черносотенно-октябристской комиссии кредиты на пограничные военные подкрепления.

Вот некоторые цитаты из европейских, отнюдь не социалистических, газет, которые не могут быть заподозрены в оптимизме насчет русской революции:

«Немецкие победы над Францией (в 1870 году) разожгли, как заметил однажды Бисмарк, честолюбие русских военных и они тоже протя-

нули руку за военными лаврами. По причинам политическим, религиозным и историческим Турция казалась особенно пригодным объектом для этой цели (война с Турцией 1877—8 г.г.). Очевидно, того же взгляда держатся и теперь известные круги России, забывшие уроки японской войны и не понимающие истинных нужд страны. Так как на Балканах не приходится уже освобождать никаких «братушек», то приходится придумать другие средства, чтобы повлиять на русское общественное мнение. И средства эти, надо сказать правду, еще более аляповатые, чем тогдашние: Россию хотят представить окруженной внутренними и внешними врагами».

«Правящие круги России хотят попытаться укрепить свое положение старыми средствами, именно: насильственным подавлением освободительного движения внутри и отвлечением народного внимания от печального внутреннего положения посредством пробуждения чувств национализма, посредством создания дипломатических конфликтов, которые неизвестно чем могут кончиться».

Каково же значение этой новой шовинистской линии в политике контр-революционного самодержавия? На такую политику, после Цусимы и Мукдена, могут бросаться только люди, у которых окончательно уходит почва из-под ног. Опыт двухлетней реакции *не дал*, несмотря на все усилия, никакой сколько-нибудь надежной внутренней опоры черносотенному самодержавию, не создал никаких новых классовых элементов, способных *экономически* обновить самодержавие. А *без этого* никакие зверства, никакое бешенство контр-революции не в силах удержать современный политический строй России.

И Столыпин, и черносотенные помещики, и октябристы понимают, что без создания новых классовых опор удержаться им у власти нельзя. Отсюда — их политика разорения крестьян до тла, насильственного слома общины для расчистки пути капитализму в земледелии *во что бы то ни стало*. Российские либералы, самые ученые, самые образованные, самые «гуманные» — вроде профессоров из «Русских Ведомостей» — оказываются в этом отношении несравненно тупее Столыпиных. «Не будет ничего удивительного, — пишет передовик названной газеты 1-го февраля — если при решении, напр., судьбы временных ноябрьских правил вчерашние общинники-славянофилы поддержат попытку министерства разрушить общину посредством укрепления земли в личную собственность отдельных домохозяев... Можно даже думать, что оборонительные цели, общие консервативному большинству Думы и министерству, подскажут и ей и ему даже более агрессивные меры, нежели знаменитые указы 1906 года... Картина получается поразительная: консервативное правительство при содействии представителей консервативных партий готовит радикальную реформу в области поземельных

отношений, всего менее поддающейся крутым переворотам, решаясь на такую радикальную меру из-за отвлеченных соображений о предпочтительности одной формы владения перед другою».

Проснитесь, господин профессор, — стряхните с себя архивную пыль стародедовского народничества, — взгляните на то, что сделали два года революции. Столыпин победил вас не только физической силой, но и тем, что правильно понял самую практическую нужду экономического развития, насильственную ломку старого землевладения. Великий «сдвиг», уже бесповоротно совершенный революцией, состоит в том, что черносотенное самодержавие раньше *могло* опираться на средневековые формы землевладения, а теперь *вынуждено*, всецело и бесповоротно вынуждено с лихорадочной быстротой работать над их разрушением. Ибо оно поняло, что *без ломки* старых земельных порядков *не может быть выхода* из того противоречия, которое глубже всего объясняет русскую революцию: самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!

Значит, вы за Столыпинское земельное законодательство? с ужасом спросят нас народники. — О нет! успокойтесь! Мы безусловно против *всех* форм старого землевладения в России и помещичьего и крестьянского надельного. Мы безусловно за насильственную ломку этой гнилой, гниющей и отравляющей все новое старины, — мы за буржуазную *национализацию* земли, как единственный последовательный лозунг буржуазной революции, как единственную практичную меру, которая направляет все острие исторически-необходимой ломки против помещиков, помогая среди крестьянской массы выделиться свободным хозяевам на земле.

Особенность русской буржуазной революции состоит в том, что революционную политику в основном вопросе революции, в аграрном, ведут черносотенцы и крестьяне с рабочими. Либеральные же адвокаты и профессора защищают нечто самое безжизненное, нелепое и утопичное: примирение двух противоположных взаимноисключающих методов *ломки* того, что отжило, и притом такое примирение, чтобы ломки вообще не было. Либо победа крестьянского восстания и полная ломка старого землевладения на пользу обновленного революцией крестьянства, т.-е. конфискация помещичьей земли и республика. Либо Столыпинская ломка, которая тоже обновляет, на деле обновляет и приспособляет к капиталистическим отношениям старое землевладение, но только всецело в интересах помещиков, ценою безграничного разорения крестьянской массы, насильственного изгнания ее из деревень, выселения, голодной смерти, истребления тюрьмой, ссылкой, расстрелами и пытками всего цвета крестьянской молодежи. Такую политику провести меньшинству над

большинством нелегко, но она экономически не невозможна. Мы должны помочь народу ясно сознать это. А попытка аккуратной реформой, мирно, без насилия, выйти из того бесконечно запутанного клубка средневековых противоречий, который создан веками русской истории, есть самая тупоумная мечта заскорузлых «человеков в футляре». Экономическая необходимость безусловно вызывает и безусловно проведет самый «крутой переворот» в земельных распорядках России. Исторический вопрос состоит только в том, проведут ли его помещики, руководимые царем и Столыпиным, или крестьянские массы, руководимые пролетариатом.

«Объединение оппозиции» — такова злоба дня русской политической печати [58]). Полицейски-Столыпинская «Россия» ликует: «Объединение? значит, и кадеты — революционеры; ату кадета!» Кадетская «Речь», насквозь пропитанная чиновничьим желанием доказать, что к.-д. могут быть умеренны не хуже октябристов, жеманно надувает губы, изливает потоки «морального» негодования по поводу недобросовестных попыток обвинить ее в революционности и заявляет: мы, конечно, приветствуем объединение оппозиции, но объединение это должно быть движением «*слева направо*» (передовица от 2-го февраля). «Мы имеем опыт политических ошибок и разочарований. Когда оппозиция объединяется, она естественно объединяется на минимальной программе наиболее умеренной из партий, входящих в ее состав».

Это программа вполне ясная: гегемония буржуазного либерализма, вот мое условие, говорят кадеты, — подобно тому, как Фаллу говорил в 1871 году просившему его поддержки Тьеру монархия, вот мое условие.

«Столичная почта» [59]) увидала, что прямо такие вещи говорить совестно, зазорно, и потому «не соглашается» с «Речью», отделываясь туманными намеками на «дооктябрьское настроение» (цензура проклятая мешает ясной политической программе!) и приглашая, по существу дела, поторговаться. Дескать, «Речь» хочет руководить, революционеры хотят руководить (новым объединением), а мне нельзя ли могарыч за честное маклерство?

«Объединение» — мы горячо сочувствуем этому лозунгу, особенно когда тут намекают — хотя бы только намекают! — на «дооктябрьские настроения». Только история не повторяется, любезнейшие гг. политиканы. И те уроки, которые дала нам «история трех лет», никакими силами не могут быть вытравлены из сознания разных классов. Эти уроки необыкновенно богаты, и положительным своим содержанием (формы, характер, условия победы *массовой* борьбы рабочих и крестьян в 1905 году) и своим отрицательным содержанием (крах двух Дум, т.-е. крах конституционных иллюзий и кадетской гегемонии).

Кто хочет систематически изучить, продумать, усвоить, проводить в массы *эти* уроки, — милости просим, мы всецело за «объединение», — за объединение для беспощадной борьбы с ренегатами революции. Не нравится? Наши дороги разошлись.

Старый, «дооктябрьский» лозунг хорош, и мы (не во гнев будь сказано М-д-му [60]) из сборника «Наша Мысль»!) не выкинем его прочь («Учредительное Собрание»). Но он недостаточен. Он слишком формален. В нем нет сознания практической постановки острых вопросов жизнью. Мы пополним его великим уроком трех великих лет. Наша «программа - минимум», «программа нашего объединения» проста и ясна: 1) конфискация всей помещичьей земли; 2) республика. Учредительное собрание нам нужно для этого *такое*, чтобы осилить это.

История двух Дум, кадетских Дум, показала с поразительной наглядностью, что действительная борьба общественных сил, — та борьба, которая не всегда сознавалась, не всегда прорывалась наружу, но всегда оказывала свое решающее действие на все крупные политические исходы, всегда разметывала, как прах, кунстштюки наивных и мошеннически-ловких профанов «конституционализма», эта борьба шла всецело и целиком из-за двух указанных нами «объектов». Не отвлеченные теории, а реальный опыт борьбы наших народных масс в реальных условиях русского помещичьего самодержавия показали нам на деле неизбежность именно этих лозунгов. Кто способен усвоить их, — тому мы предлагаем «врозь идти» и «вместе бить», бить врага, опустошающего Россию, избивающего тысячи лучших людей России.

«Вы останетесь одни с такой программой объединения». Это — неправда.

Прочтите речи беспартийных крестьян в первых двух Думах, — и вы поймете, что наша программа объединения только формулирует их пожелания, их нужды, элементарно-необходимые выводы из этих нужд. С тем, кто не понимает этих нужд, — начиная от кадета и кончая Пешехоновым (он тоже проповедывал «объединение» в Москве, как нам пишут оттуда), — с теми мы поведем войну во имя «объединения».

Это будет упорная война. Мы умели долгие годы работать перед революцией. Нас недаром прозвали твердокаменными. Социал-демократы сложили пролетарскую партию, которая не падет духом от неудачи первого военного натиска, не потеряет головы, не увлечется авантюрами. Эта партия идет к социализму, не связывая себя и своей судьбы с исходом того или иного периода буржуазных революций. Именно поэтому она свободна и от слабых сторон буржуазных революций. И эта пролетарская партия идет к победе.

«Пролетарий» № 21, 26 (13) февраля 1908 г.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Соціаль-демократъ

Центральный Органъ Россійской Соц.-дем. Раб. Партіи.

№ 1.	Февраль 1908 г.	№ 1.

ОТЪ БЮРО Ц. К.

Бюро обращается ко всѣмъ мѣстнымъ, областнымъ и національнымъ организаціямъ съ настоятельной просьбой тщательнѣе освѣдомлять Ц. К. о рабочемъ движеніи на мѣстахъ и дѣятельности нашихъ комитетовъ и группъ. Бюро напоминаетъ т.т. постановленіе послѣдней всероссійской конференціи, обязующее всѣ мѣстныя организаціи присылать въ Ц. К. ежемѣсячные подробные отчеты. Все присылаемое въ той или другой формѣ будетъ использовано на страницахъ Ц. О.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ц. К. убѣдительно проситъ мѣстныя организаціи присылать 10⁰/₀ взносы. Матеріальная помощь Ц. К-ту со стороны мѣстныхъ организацій до сихъ поръ была крайне скудна.

Бюро Ц. К.

Товарищи рабочіе!

Черезъ глухія стѣны тюрьмы прорвался къ намъ вашъ пролетарскій привѣтъ, прорвалась вѣсть о вашей славной забастовкѣ 22-го ноября.

Тамъ, въ темномъ застѣнкѣ, слуги самодержавія, захватившаго вновь рвущуюся къ свободѣ страну,—огражденные штыками, вершили свой тайный судъ надъ нами, вашими представителями, а въ нашемъ лицѣ надъ новой рождающейся Россіей. И въ это же время при яркомъ свѣтѣ дня пролетаріатъ, движущій всю новую Россію на борьбу со старымъ порядкомъ,—окруженный вражескими штыками, открыто осудилъ это судилище самодержавія.

Мы, представители рабочаго класса, которымъ самодержавное правительство бросило обвиненіе въ заговорѣ, мы явились на судъ и бросили правительству вызовъ—судить насъ открыто, чтобы показать странѣ, кто подъ покровомъ тайны готовилъ и осуществилъ заговоръ противъ народа, мы ли, которые открыто шли противъ самодержавія и открыто звали народъ на борьбу, опираясь на его завоеванія,—или

Первая страница Центрального Органа Р. С.-Д. Р. П. «Социал-Демократ» № 1 — 1908 г.
Уменьшено

К ДЕБАТАМ О РАСШИРЕНИИ БЮДЖЕТНЫХ ПРАВ ДУМЫ.

В течение трех заседаний, 12, 15 и 17 января шли прения в Гос. Думе по вопросу о расширении бюджетных прав ее. Партия кадетов за подписью 40 членов Думы внесла проект такого расширения. Представители всех партий высказались по этому поводу. От имени правительства две длинных речи держал министр финансов. Высказался и представитель с.-дем. рабочей партии. И прения закончились единогласным («Стол. Почта» от 18 января говорит так) принятием предложения октябристов: передать законопроект о расширении бюджетных прав Гос. Думы в комиссию, «не касаясь объема этого изменения», т.-е. изменения правил 8 марта, особенно стесняющих бюджетные права Гос. Думы.

Каким образом могло получиться такое странное явление? Каким образом в III Думе, в Думе черносотенных зубров, *единогласно* прошло предложение октябристов, соответствующее по существу дела желанию правительства и сделанное *после* первой речи министра финансов, который наметил как раз такой исход дела. По существу, проект к.-д. неприемлем; в частностях — отчего же не изменить закона. Так заявил министр черносотенцев. Согласно этому заявлению редактировали свое предложение октябристы, подчеркнув, что не касаются объема изменений закона.

Что октябристы сошлись с черносотенным министром, это неудивительно. Что кадеты сняли свою редакцию (в которой ни слова не было, конечно, о том, что они не касаются объема изменений, ими же самими указанных!), это также неудивительно для всех, знающих природу партии к.-д. Но чтобы с.-д. могли участвовать в единогласии подобного рода, — это невероятно, и нам хочется думать, что «Стол. Почта» сказала неправду, что с.-д. за резолюцию октябристов не голосовали.

Впрочем, тут есть более важный вопрос, чем вопрос о том, голосовали соц.-дем. за октябристов или нет, именно вопрос

об *ошибке*, несомненно сделанной соц.-дем. депутатом Покровским 2-ым [61]). На этой ошибке и на действительном политическом значении прений 12, 15 и 17 января мы и намерены остановить внимание читателей.

Российская Г. Дума не имеет бюджетных прав, ибо отказ в бюджете не останавливает «по закону» приведение бюджета в исполнение. Этот закон, изданный контр-революционным правительством после поражения декабрьского восстания (20 февраля 1906 г., пресловутые «основные законы»), есть издевательство над народным представительством со стороны черносотенцев, царя и помещиков. А «правила» 8 марта 1906 года еще более подчеркивают это издевательство, создавая кучу мелочных стеснений рассмотрения бюджета в Думе и устанавливая даже (в ст. 9), что «при обсуждении проекта государственной росписи не могут быть исключены или изменяемы такие расходы и доходы, которые внесены в проект на основании действующих законов, штатов, расписаний, а также высочайших повелений, в порядке верховного управления последовавших». Разве это не издевательство? Нельзя изменять ничего, соответствующего и законам, и штатам, и расписаниям, и просто высочайшим повелениям!! Не смешно ли толковать после этого о бюджетных правах российской Г. Думы?

Спрашивается теперь, каковы *были* задачи действительно борющейся за свободу буржуазной демократии перед лицом такого положения вещей? Каковы задачи рабочей партии? — мы говорим в *данной* статье только о задачах парламентской борьбы и парламентских представителей соответственной партии.

Очевидно, что вопрос о бюджетных правах Думы *надо* было поднять в Думе, чтобы вполне выяснить и перед русским народом и перед Европой черносотенное издевательство царизма, чтобы показать *все бесправие* Думы. Непосредственно-практическая цель такого выяснения (не говоря уже об основной задаче *всякого* демократа — раскрытия правды перед народом, просвещения его сознания) определялась еще вопросом о займе. Черносотенное правительство царя не могло удержаться после декабря 1905 г., не может держаться и теперь без помощи всемирного капитала международной буржуазии в виде займов. И буржуазия всего мира дает миллиардные займы явному банкроту, царю, не только потому, что ее прельщают, как всякого ростовщика, высоким барышем, но и потому, что буржуазия сознает свою заинтересованность в победе старого порядка над революцией в России, ибо во главе этой революции идет пролетариат.

Таким образом *только* выяснение всей правды могло быть целью возбуждения вопроса и прений в Думе. Практическое реформаторство *не* могло быть в данное время и при данной обстановке целью *демократа*, ибо, во-1-х, ясна невозможность ре-

форм на почве данных основных законов о бюджетных правах Думы, во-2-х, нелепо было бы предлагать для Думы черносотенных зубров и московских купцов расширение *ее* прав, прав такой Думы. Русские кадеты (которых только невежды или простачки могли считать демократами), конечно, не поняли этой задачи. Возбудив вопрос, они поставили его сразу на фальшивую почву *частичной* реформы. Мы не отрицаем, конечно, возможности и необходимости иногда для демократа и для социал-демократа возбуждать вопрос именно о частичной реформе. Но в такой Думе, как III, в такой момент, как настоящий, по такому вопросу, как бюджетные права, изуродованные до смешного *неприкосновенными* основными законами, это было нелепо. Кадеты могли поднять вопрос в виде частичной реформы — мы готовы сделать даже такую уступку, — но не могли демократы *так* трактовать этот вопрос, как делали кадеты.

Они напирали на так называемую *деловую* сторону вопроса, на *неудобство* правил 8 марта, на невыгодность их даже для правительства, на историю того, как писались разные идиотские законы против Думы в идиотских канцеляриях Булыгина, Витте и прочей шайки. Всего рельефнее *дух* кадетской постановки вопроса передан в следующих словах г. Шингарева: «Никаких посягательств (на ограничение прерогатив монарха) в проекте, который мы внесли, нет, никаких задних мыслей (!!) в нем нет. В нем есть лишь стремление ради удобства работ Думы, ради ее достоинства, ради необходимости совершить ту работу, *к которой мы призваны*» (курсив наш; стр. 1263 официальных стенографических отчетов, засед. 15 января 1908 г.).

Подобный субъект вместо просвещения сознания народа *затемняет* его, ибо говорит явную ложь и бессмыслицу. И хотя бы этот г. Шингарев, со всей своей кадетской братией политиканов, искренно верил в «пользу» своей «дипломатии», мы никоим образом не можем изменить этого неизбежного вывода. Демократ должен раскрывать перед народом *пропасть* между правами парламента и прерогативами монарха, а не притуплять его сознание, не извращать *политической* борьбы, сводя ее к канцелярскому исправлению законов. Ставя *так* вопрос, кадеты показывают этим на деле, что они — конкуренты чиновников царя и октябристов, а не борцы за свободу, хотя бы даже за свободу одной крупной буржуазии. *Так* говорят только пошло-либеральничающие чиновники, а не представители *парламентской оппозиции.*

В речи представителя соц.-дем. Покровского 2-го — мы с радостью должны признать это — явно сказывается *иной* дух, дается иная *принципиальная* постановка вопроса. Соц.-дем. сказал прямо и ясно, что народное представительство в III Думе он признает фальсифицированным (мы цитируем по «Стол. Почте»

*

от 18 января, ибо не имеем еще в своем распоряжении стенографических отчетов этого заседания). Он подчеркивал не мелочи, не канцелярскую историю закона, а разоренное и угнетенное состояние народных масс, миллионов и десятков миллионов. Он заявил правильно, что «о бюджетных правах Гос. Думы нельзя говорить без иронии», что мы требуем не только права перекраивать весь бюджет (чиновник с доходным местом, Коковцев, всего больше спорил в Думе против чиновников без доходного места, Шингарева и Аджемова, по вопросу о допустимости и пределах «перекраивания»), но и «перестраивать всю финансовую систему», «вотировать отказ в бюджете правительству». Он закончил не менее правильным и обязательным для члена рабочей партии требованием «полноты народовластия». Во всех этих отношениях Покровский отстаивал добросовестно и правильно с.-д. точку зрения.

Но сделал при этом печальную ошибку, — судя по газетным известиям, сделала ее вся соц.-дем. фракция, — дав такую директиву своему оратору. Покровский заявил: «Мы поддерживаем предложение 40, как клонящееся к расширению бюджетных прав народного представительства».

К чему было это заявление о поддержке положения, заведомо невыдержанного принципиально, заведомо неполного, заведомо подписанного непринципиальными и неспособными проявить хоть каплю твердости людьми, — предложения, заведомо практически никчемного? Это была не поддержка борющейся буржуазии (формула, которою многие любят оправдывать свою политическую бесхарактерность), а поддержка *шаткости* либерально-октябристской буржуазии. И что это так, — это сейчас же доказали *факты*. Сами кадеты доказали это, *сняв* с голосования свое предложение и *присоединившись* к октябристскому: «передать в комиссию, *не касаясь* объема изменений закона» (!). В сотый и тысячный раз «поддержка» кадетов привела к обману поддерживающих. В сотый и в тысячный раз *факты* вскрыли все убожество, всю недопустимость тактики поддержки либеральных кадетских предложений, *по линии* и т. д. *).

Если бы кадеты вместо присоединения к октябристам внесли на голосование заявление, в котором ясно и точно говорилось бы о бессилии Думы в финансовых вопросах, о фальсифицированности народного представительства, о разорении страны самодержавием и неминуемом финансовом крахе, об отказе пред-

---

*) «Безголовая» газета «Столичная Почта» устами некоего г. Сатурина заявляет: «оппозиция совершенно разумно (!) голосовала за нее» (за октябристскую резолюцию). «Благодаря этому поправка» (т.-е. резолюция, не предрешающая объема изменений) «и была принята единогласно» (18 января, стр. 4, «Из залы заседаний»). Да здравствует единогласие российских безголовых либералов с октябристами и министрами черносотенного царя!

ставителей демократии ручаться за займы при таких условиях, — это был бы честный шаг буржуазных демократов, — акт борьбы, а не акт тупоумного лакейства. Такой акт мы обязаны были бы поддержать, не забывая оговорить особо и самостоятельно свои социал-демократические цели. И такой акт принес бы пользу делу просвещения народа и разоблачения самодержавия.

Провал Думой такого заявления, бешеный скандал черной сотни против такого предложения был бы исторической заслугой демократии и вероятным этапом новой борьбы за свободу. А теперь кадеты паки и паки *провалили* себя. Товарищи соц.-дем. в Думе! Берегите честь социалистической рабочей партии, не давайте проваливать себя поддержкой подобного либерализма!

Один необузданный правый отступил в Думе от тактики октябристов — замазывать разногласия, подманивать кадетов на соглашения. Коваленко, черносотенец, прямо высказался в Г. Думе 12 января за то, чтобы и в комиссию не вносить проекта к.-д. (стр. 1192 стеногр. протокола). Но голосовал этот герой, видимо, с октябристами: храбр он был только на словах. В своей речи он *превосходно* иллюстрировал действительное положение дел, сославшись в доказательство необходимости особых полномочий на такой пример: «Назовем, положим, восстание в Москве, посылку карательных отрядов. Разве было тогда время у правительства соблюдать обычный ход...» (стр. 1193). Жаль, что соц.-дем. не *ловят* этих искорок правды у черной сотни. Вы правы, коллега депутат, — надо было сказать ему. Тут не до обычного хода. Бросим же лицемерие и признаем, что мы переживаем не «обычный ход», а *гражданскую войну;* что правительство не управляет, а воюет, что состояние России есть состояние с трудом сдерживаемого восстания. Это будет правда, а правду полезно почаще напоминать народу!

«Социал-Демократ» [62]) *№ 1, февраль 1908 г.*

НОВАЯ АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА.

В среду 13 февраля состоялся прием Николаем II 307 депутатов III Думы. Любезные беседы царя с черносотенцами Бобринским и Челышевым относятся к комической стороне нового лобзания самодержавия с бандой союзников. Гораздо серьезнее заявление Николая, что Дума должна вскоре принять новые земельные законы, и что всякая мысль о принудительном отчуждении должна при этом быть исключена, ибо он, Николай второй, никогда подобного закона не утвердит. «На крестьян — сообщает корреспондент «Франкфуртской Газеты» [68]) — речь царя произвела угнетающее действие».

Несомненно, агитационное значение «аграрного заявления» самого царя очень велико, и мы можем только приветствовать талантливого агитатора. Но, кроме агитационного значения, эта грозная выходка против принудительного отчуждения представляет большую важность, как окончательное вступление помещичьей монархии на *новый* путь аграрной политики.

Знаменитые внедумские указы по 87-ой статье — 9 ноября 1906 г. и следующие за ним — открыли эру этой новой аграрной политики царского правительства. Во II Думе Столыпин подтвердил ее, правые и октябристские депутаты одобрили ее, кадеты (запуганные собранными в передних камарильи слухами о разгоне Думы) отказались от открытого осуждения ее. Теперь, в III Думе, земельная комиссия приняла на-днях основное положение закона 9-го ноября 1906 г. и пошла дальше, признала частной собственностью крестьян их участки во всех общинах, не производивших передела в течение 24 лет. На приеме 13 февраля глава крепостнически-помещичьей России громогласно одобрил эту политику, прикрикнув, — явно для сведения беспартийных крестьян, — что он не утвердит никакого закона о принудительном отчуждении в пользу крестьянства.

Окончательный переход правительства царя, помещиков и крупной буржуазии (октябристов) на сторону новой аграрной политики имеет огромное историческое значение. Судьбы буржуаз-

ной революции в России, — не только настоящей революции, но и возможных в дальнейшем демократических революций, — зависят *больше всего* от успеха или неуспеха этой политики.

В чем сущность поворота? В том, что до сих пор неприкосновенность старого, средневекового, надельного землевладения крестьян и их «исконной» общины находила себе самых горячих сторонников в командующих классах реакционной России. Крепостники-помещики, будучи господствующим классом в дореформенной России, будучи политически главенствующим классом в течение всего XIX века, вели в общем и целом политику *охранения* старых общинных порядков крестьянского землевладения.

Развитие капитализма подточило окончательно эти порядки к XX веку. Старая сословная община, прикрепление крестьян к земле, рутина полукрепостной деревни пришли в самое острое противоречие с новыми хозяйственными условиями. Диалектика истории сделала то, что крестьянство, — которое в других странах при сколько-нибудь упорядоченном (с точки зрения требований капитализма) земельном строе является опорой порядка, — в России выступило во время революции с самыми разрушительными требованиями вплоть до конфискаций помещичьих земель и национализации земли (трудовики I и II Думы).

Эти радикальные и подкрашенные даже идеями мещанского социализма требования вызывались вовсе не «социализмом» мужика, а экономической необходимостью разрубить запутавшийся узел крепостнического землевладения, расчистить дорогу для свободного фермера (предпринимателя в земледелии) на свободной от всех средневековых перегородок земле *).

Капитализм уже бесповоротно подорвал все основы старого аграрного строя России. Он не может развиваться дальше, не ломая этого строя; и он сломит его неминуемо и неизбежно; нет такой силы на земле, которая могла бы помешать этому. Но этот строй может быть сломан по-помещичьи или по-крестьянски, для расчистки пути помещичьему или крестьянскому капитализму. Помещичья ломка старины означает насильственное разрушение общины и ускоренное разорение, истребление массы обнищавших хозяйчиков в пользу горстки кулаков. Крестьянская ломка — означает конфискацию помещичьего землевладения и предоставление всей земли в распоряжение свободного фермерства из крестьян («равное право на землю» господ народников на деле означает право *хозяев* на землю с уничтожением всех средневековых перегородок).

---

*) Изложенные здесь взгляды тесно связываются с критикой нашей партийной программы. В № 21 «Пролетария» эта критика была намечена, как частное мнение; в следующих номерах вопрос будет разобран подробно [64]).

И вот, правительство контр-революции поняло это положение. Столыпин правильно понял дело: без ломки старого землевладения нельзя обеспечить хозяйственное развитие России. Столыпин и помещики вступили смело на революционный путь, ломая самым беспощадным образом старые порядки, отдавая всецело на поток и разграбление помещикам и кулакам крестьянские массы.

Господа либералы и мещанские демократы, — начиная от полу-октябристских «меонов»[65]), продолжая «Русскими Ведомостями» и кончая г. Пешехоновым из «Русского Богатства»[66]), — подняли теперь страшный шум по поводу разрушения общины правительством, *обвиняя* это правительство в революционизме! Никогда еще так резко не выступало межеумочное положение буржуазного либерализма в русской революции. Нет, господа, хныканием по поводу разрушения исконных основ не поможешь тут делу. Три года революции выжгли примиренческие и соглашательские иллюзии. Вопрос поставлен ясно. Либо смелый призыв к крестьянской революции, идущей вплоть до республики, и всесторонняя идейная и организационная подготовка *такой* революции в союзе с пролетариатом. Либо пустое нытье, политическое и идейное бессилие перед столыпинско-помещичьи-октябристским натиском на общину.

Выбирайте, — те, у кого осталась еще капля гражданского мужества и сочувствия к крестьянской массе! Пролетариат сделал уже свой выбор, и теперь тверже, чем когда-нибудь, с.-д. рабочая партия будет разъяснять, пропагандировать, бросать в массы лозунг крестьянского восстания вместе с пролетариатом, как *единственного* возможного средства помешать столыпинскому методу «обновления» России.

Мы не скажем, что этот метод невозможен — он испытан был в Европе не раз в меньших размерах, — но мы разъясним народу, что он осуществим лишь путем безграничных насилий меньшинства над большинством в течение десятилетий и путем массового истребления передового крестьянства. Мы не станем сосредоточивать своих забот на штопаньи революционных столыпинских проектов, на попытках поправить их, ослабить их действие и т. п. Мы ответим усилением нашей агитации в народных массах, особенно в тех слоях пролетариата, которые связаны с крестьянством. Крестьянские депутаты — даже просеянные через ряд полицейских сит, даже выбранные помещиками, даже запуганные зубрами в Думе — обнаружили совсем недавно свои истинные стремления. Группа беспартийных и частью *правых* крестьян высказалась, как известно из газет, за принудительное отчуждение земли и за выборные *всем населением* местные земельные учреждения! Недаром один кадет в земельной комиссии сказал, что правый крестьянин левее кадетов. Да,

в аграрном вопросе «правые» крестьяне во всех 3-х Думах стоят левее кадетов, доказывая этим, что монархизм мужика есть отмирающая наивность, — в отличие от монархизма либеральных дельцов, которые монархисты по классовому расчету.

Царь крепостников крикнул беспартийным крестьянам, что он не допустит принудительного отчуждения. Пусть рабочий класс крикнет в ответ на это миллионам «беспартийных» крестьян, что он зовет их на массовую борьбу за низвержение царизма и за конфискацию помещичьей земли.

«Пролетарий» № 22, 4 марта (19 февраля) 1908 г.

НЕЙТРАЛЬНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ [67]).

В предыдущем номере «Пролетария» мы напечатали резолюцию Ц.К. нашей партии о проф. союзах [68]). «Наш Век», сообщая читателям об этой резолюции, добавил, что она была принята в Ц.К. единогласно, ибо меньшевики голосовали за нее ввиду сделанных в ней уступок по сравнению с первоначальным большевистским проектом. Если это сообщение верно (покойная газета «Наш Век» [69]) отличалась обыкновенно исключительно хорошей осведомленностью во всем, что касается меньшевизма), то нам остается только от всей души приветствовать крупный шаг к объединению с.-д. работы в такой важной области, как профессиональные союзы. Те уступки, о которых говорил «Наш Век», совершенно незначительны и нисколько не изменяют основных принципов большевистского проекта (напечатанного, кстати сказать, в № 17 «Пролетария» от 20 октября 1907 г. вместе с обширной мотивировочной статьей: «Профессиональные союзы и с.-д. партия»).

Вся наша партия признала теперь, следовательно, что работу в профессиональных союзах надо вести не в духе нейтральности союзов, а в духе возможно более тесного сближения их с социал-демократической партией. Признано и то, что партийность союзов должна быть достигаема исключительно работой с.-д. внутри союзов, что с.-д. должны образовывать сплоченные ячейки в союзах, что следует основывать нелегальные союзы, раз невозможны легальные.

Несомненно, что на это сближение обеих фракций нашей партии по вопросу о характере работы в профессиональных союзах сильнейшим образом повлиял Штутгарт. Резолюция Штутгартского конгресса, как отметил Каутский в своем докладе перед лейпцигскими рабочими, кладет конец принципиальному признанию нейтральности. Высокая степень развития классовых противоречий, обострение их в последнее время во всех странах, многолетний опыт Германии, — где политика нейтральности усп-

О вѣяніяхъ времени.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Ю. А. Адамовичъ, Вл. Ильинъ, Ю. Каменевъ, М. Новоселовъ, П. Орловскій, М. Покровскій, В. Поповъ, С. Петровъ, Н. Рожковъ и Г. Цыперовичъ.

1908 г.

Обложка сборника «О вѣяніях времени» — 1908 г.

лила оппортунизм в профессиональных союзах, нисколько не помешав возникновению особых христианских и либеральных союзов, — расширение той особой области пролетарской борьбы, которая требует совместного и единодушного действия и союзов и политической партии (массовая стачка и вооруженное восстание в русской революции, как прообраз вероятных форм пролетарской революции на Западе), — все это отняло окончательно почву у теории нейтральности.

Среди пролетарских партий вопрос о нейтральности не обещает вызывать теперь особенно больших споров. Иное дело — непролетарские quasi-социалистические партии вроде наших социалистов-революционеров, на деле представляющих из себя крайнее левое крыло революционно-буржуазной партии интеллигентов и передовых крестьян.

В высшей степени характерно, что с защитой *идеи* нейтральности после Штутгарта у нас выступили только социалисты-революционеры и Плеханов. И выступили очень неудачно.

В последнем номере центрального органа партии соц.-рев. «Знамя Труда» (№ 8, декабрь 1907) находим две статьи, посвященные вопросу о профессиональном движении [70]). С.-р. пробуют там прежде всего посмеяться над заявлением с.-д. газеты «Вперед», что штутгартская резолюция решила вопрос об отношении партии к профессиональным союзам именно в том смысле, как это наметила и лондонская, в духе большевизма [71]). Мы скажем на это, что сами с.-р. в том же самом номере «Знамени Труда» привели *факты*, доказывающие неоспоримо правильность именно такой оценки.

«К этому же времени, — пишет «Знамя Труда» про осень 1905-го года, — и это характерный факт — относится первая встреча лицом к лицу трех русских социалистических фракций: с.-д. меньшевиков, с.-д. большевиков и с.-д. большевиков и с.-р-ов, с изложением своих взглядов на профессиональное движение. Московское Бюро, которому поручено было выделить из своей среды и центральное бюро для созыва съезда (профессиональных союзов), организовало большой митинг входящих в профессиональные союзы рабочих в театре Олимпия *). Меньшевики выступили с классическим-марксистским, строго-ортодоксальным разграничением целей партии и профессионального союза. «Задача с.-д. партии — установление социалистического строя с уничтожением капиталистических отношений; задача профессиональных союзов — улучшение условий труда в пределах капиталистического строя, чтобы добиться выгодных для

---

*) На митинге было около полуторы тысячи человек. Отчет см. в «Бюллетене Музея Содействия Труду» № 2 от 26 ноября 1905 г. [72]) (цитата «Знамени Труда»).

интересов труда условий продажи рабочих рук»; отсюда выводилась непартийность профессиональных союзов и охват ими «всех рабочих данной профессии *).

Большевики доказывали, что в настоящее время разделение политики от профессии не может быть проведено строго, и отсюда приходили к выводу, что «должно быть тесное единение между соц.-дем. партией и профессиональными союзами, которыми она должна руководить». Наконец, с.-р-ы требовали строгой беспартийности союзов во избежание раскола в пролетариате, но отвергли всякое ограничение задач и деятельности профессиональных союзов какой-либо узкой сферой, формулируя эту задачу, как борьбу с капиталом во всем ее объеме, следовательно, равно как экономическую, так и политическую борьбу».

Так описывает *факты* само «Знамя Труда»! И только слепой или совсем неспособный думать человек может отрицать, что из этих трех точек зрения именно та, которая говорит о тесном единении между соц.-дем. партией и союзами, «подтверждена Штутгартской резолюцией, рекомендующей тесную связь между партией и проф. союзами» **).

Чтобы запутать этот до-нельзя ясный вопрос, с.-р-ы смешали самым забавным образом самостоятельность профессиональных союзов в экономической борьбе с беспартийностью их. «Штутгартский съезд, — пишут они, — определенно стал и за самостоятельность (беспартийность) союзов, т.-е. отверг точку зрения и большевиков, и меньшевиков». Это выводится из следующих слов Штутгартской резолюции: «У каждой из этих двух организаций (партии и профсоюза) есть соответствующая ее природе область, в которой она должна действовать вполне самостоятельно. Но на-ряду с этим существует все расширяющаяся область» и т. д., как цитировано выше. Нашлись же такие шутники, которые это требование «самостоятельности» профсоюзов в «соответствующей их природе области» *смешали* с вопросом о беспартийности союзов или о тесном сближении их с партией в области политики и задач социалистической революции!

Таким-то образом наши с.-р-ы совершенно замяли основной принципиальный вопрос об оценке теории «нейтральности», которая на деле служит укреплению влияния буржуазии на пролетариат. Вместо этого принципиального вопроса, они предпочли

---

*) Надо сказать, однако, что эту «непартийность» гг. меньшевики понимали довольно своеобразно: так, их докладчик иллюстрировал свои положения след. образом: «Правильное решение вопроса о партийности состоялось в московском типографском союзе, который предлагает товарищам, как отдельным лицам, вступать в ряды с.-д. партии». (Примечание «Знамени Труда».)

**) Меньшевики излагали в XI 1905 г. не ортодоксальные, а *вульгарные* взгляды на нейтральность, пусть запомнят это гг. эс-эры!

говорить только о русских специально отношениях, когда есть на-лицо несколько социалистических партий, и притом говорить с *ложным* освещением того, что было в Штутгарте. «Ссылаться здесь на туманность Штутгартской революции не приходится,— пишет «Знамя Труда», — ибо всякую туманность и всякое сомнение разрушил г. Плеханов, выступивши на международном съезде в качестве официального представителя партии, и пока мы еще не имеем соответствующего заявления центрального с.-д. комитета, что «такое выступление тов. Плеханова дезорганизует ряды единой партии»...

Гг. с.-р-ы! Вы, конечно, вправе иронизировать над тем, что наш Ц. К. призвал к порядку Плеханова. Вы вправе думать, что можно уважать, к примеру скажем, партию, *не осуждающую* официально кадетолюбие г-на Гершуни. Но зачем же говорить прямую неправду? Плеханов *не был* на Штутгартском конгрессе представителем с.-д. партии, а был лишь одним из 33 делегатов ее. И представлял он взгляды не партии с.-д., а теперешней меньшевистской оппозиции по отношению к партии с.-д. и к ее лондонским решениям. С.-р-ы не могут не знать этого и говорят они, значит, *заведомую* неправду.

«В комиссии, рассматривавшей вопрос о взаимоотношениях профессиональных союзов и политической партии, он (Плеханов) сказал буквально следующее: «В России 11 революционных организаций, с какой же из них должны профессиональные союзы вступить в связь?.. Внесение в профессиональные союзы политических разногласий было бы в России вредным». На это *все* члены комиссии *единогласно* заявили, что так и нельзя понимать резолюцию конгресса, что они «отнюдь не вменяют профессиональным союзам и их членам в обязанность состоять членами с.-д. партии», т.-е. они, как и указано в резолюции, требуют «совершенной самостоятельности их» (курсив «Знамени Труда»).

Путаете вы, господа из «Знамени Труда»! В комиссии один *бельгийский* товарищ спросил, можно ли обязывать членов проф. союзов вступать в с.-д. партию, и ему *все* ответили, что нельзя. А, с другой стороны, Плеханов внес в резолюцию поправку: «при чем не следует упускать из виду единство профессиональной организации», и эта поправка была принята, но не единогласно (тов. Воинов, представлявший взгляды Р.С.-Д.Р.П., голосовал за поправку и голосовал, по нашему мнению, правильно). Вот как было дело.

Социал-демократы никогда не должны упускать из виду единства профессиональной организации. Это совершенно справедливо. Но это относится и к с.-р-ам, которых мы приглашаем подумать об этом «единстве профессиональной организации», когда она провозгласит свою тесную связь с с.-д.! О том, чтобы «вменять в обязанность» членам союзов входить в партию с.-д., никто никогда и не думал: это с.-р-ам от страха померещилось.

Но чтобы Штутгартский съезд запретил проф. союзам объявлять о своей тесной связи с соц.-дем. партией или проводить на деле, в жизни, *такую* связь, это сказки.

«Русские с.-д.,—пишет «*Знамя Труда*»,—ведут самую неуклонную и энергичную кампанию для завоевания проф. союзов и подчинения их своему партийному руководству. Большевики это делают прямо и открыто... меньшевики избрали более окольный путь»... Правильно, гг. с.-р-ы! Во имя авторитета рабочего Интернационала вы вправе требовать от нас, чтобы мы вели эту кампанию тактично, выдержанно, «не упуская из виду единства профессиональных организаций». Мы со всей охотой признаем это и требуем от вас признания того же, но от кампании мы не откажемся!

Но ведь Плеханов сказал, что вредно вносить в союзы политические разногласия... Да, Плеханов сказал эту глупость, и гг. с.-р-ы, естественно, должны были уцепиться за нее, как всегда цепляются они за все, наименее заслуживающее подражания. Но руководством должны служить не слова Плеханова, а резолюция Конгресса, применение которой *невозможно* без «внесения политических разногласий». Вот вам маленький пример. Резолюция Конгресса говорит, что профессиональные союзы не должны руководиться «теорией гармонии интересов между трудом и капиталом». Мы, с.-д., утверждаем, что аграрная программа, требующая в буржуазном обществе уравнительности распределения земли, построена на теории гармонии интересов труда и капитала *). Мы всегда выскажемся против того, чтобы из-за такого разногласия (или даже из-за разногласия с рабочими-монархистами) раскалывать единство стачки и т. п., но мы всегда будем «вносить это разногласие» в рабочую среду вообще, во *все* рабочие союзы в частности.

Так же неумна ссылка Плеханова на 11 партий. Во-1-х, не в одной России есть разные социалистические партии. Во-2-х, в России только две сколько-нибудь серьезно конкурирующие социалистические партии, с.-д. и с.-р., ибо национальные партии валить в общую кучу — совсем нелепо. В-3-х, вопрос об объединении действительно социалистических партий — совсем особый вопрос; примешивая его, Плеханов запутывает дело. Мы должны всегда и всюду отстаивать сближение союзов с социалистической партией рабочего класса, а какая партия в той или иной стране, среди той или иной национальности является действительно социалистической и действительно партией рабочего

*) Теперь даже некоторые с.-р-ы сознали это, и сделали таким образом решительный шаг к марксизму. См. очень интересную новую книгу гг. Фирсова и Якобия, о которой мы вскоре подробно побеседуем с читателями «Пролетария» [78]).

класса — это вопрос особый, и решают его не резолюции международных съездов, а ход борьбы между национальными партиями.

До какой степени ошибочны в этом вопросе рассуждения тов. Плеханова, это особенно наглядно показывает его статья в № 12 «Современного Мира» за 1907 год [74]). На стр. 55-ой Плеханов приводит указание Луначарского на то, что нейтральность союзов отстаивается немецкими ревизионистами [75]). Плеханов отвечает на это указание: «Ревизионисты говорят: союзы должны быть нейтральными, а разумеют под этим: союзы надо использовать для борьбы с ортодоксальным марксизмом». И Плеханов заключает: «Устранение нейтральности профессиональных союзов ничему тут не поможет. Если мы поставим союзы даже в тесную формальную зависимость от партии, а в партии восторжествует «идеология» ревизионистов, то устранение нейтральности союзов будет лишь новой победой «критиков Маркса»».

Это рассуждение представляет из себя образчик столь обычного у Плеханова приема увернуться от вопроса и замять существо спора. Если в партии действительно восторжествует идеология ревизионистов, то это не будет социалистическая партия рабочего класса. Речь идет вовсе не о том, как складывается такая партия, какая борьба и какие расколы при этом бывают. Речь идет о том, что в каждой капиталистической стране существует социалистическая партия и союзы, и наше дело определить основные отношения между ними. Классовые интересы буржуазии неизбежно порождают стремление ограничить союзы мелкой и узкой деятельностью на почве существующего строя, отдалить их от всякой связи с социализмом, и теория нейтральности есть идейное облачение этих буржуазных стремлений. Ревизионисты внутри с.-д. партий всегда проложат себе дорогу так или иначе в капиталистическом обществе.

Конечно, в начале политического и профессионального рабочего движения в Европе можно было отстаивать нейтральность союзов, как средство расширить первоначальную базу пролетарской борьбы в эпоху ее сравнительной неразвитости и отсутствия систематического буржуазного воздействия на союзы. В настоящее время с точки зрения международной социал-демократии отстаивать нейтральность союзов совсем уже неуместно. Можно только улыбнуться, читая уверения Плеханова, что «Маркс и теперь стоял бы в Германии за нейтральность союзов», особенно когда такой аргумент строится на одностороннем толковании одной «цитаты» из Маркса, при игнорировании всей совокупности заявлений Маркса и всего духа его учения.

«Я стою за нейтральность, понимаемую в Бебелевском, а не в ревизионистском смысле»,—пишет Плеханов. Говорить так—значит креститься Бебелем и при этом все же лезть в болото. Слов нет, Бебель такой крупный авторитет в международном

движении пролетариата, такой опытный практический вождь, такой чуткий к запросам революционной борьбы социалист, что он в девяноста девяти случаях из ста вылезал сам из болота, когда ему случалось оступаться, и вытаскивал тех, кто хотел идти за ним. Бебель ошибался и тогда, когда в Бреславле (в 1895 г.) отстаивал вместе с Фольмаром аграрную программу ревизионистов, и тогда, когда настаивал (в Эссене) на принципиальном различии оборонительной и наступательной войны, и тогда, когда готов был возвести в принцип «нейтральность» союзов. Мы охотно верим, что если Плеханов будет залезать в болото только вместе с Бебелем, то это будет случаться с ним не часто и не надолго. Но мы все же думаем, что подражать Бебелю следует не тогда, когда Бебель ошибается.

Говорят — и Плеханов особенно напирает на это, — что нейтральность нужна для объединения всех рабочих, приходящих к мысли о необходимости улучшить свое материальное положение. Но говорящие это забывают, что современная ступень развития классовых противоречий неизбежно и неминуемо вносит «политические разногласия» даже в вопрос о том, каким образом следует добиваться этого улучшения в пределах современного общества. Теория нейтральности союзов в отличие от теории о необходимости тесной связи их с революционной социал-демократией ведет неминуемо к предпочтению таких средств этого улучшения, которые означают притупление классовой борьбы пролетариата. Наглядный пример тому (связанный кстати с оценкой одного из интереснейших эпизодов новейшего рабочего движения) дает нам *та самая* книжка «Современного Мира», в которой Плеханов защищает нейтральность. Рядом с Плехановым мы видим здесь г-на Э. П.[76]), восхваляющего известного вождя английских железнодорожных рабочих Ричарда Белла, который покончил компромиссом конфликт рабочих с директорами компаний. Белл объявляется «душой всего железнодорожного рабочего движения». «Нет никакого сомнения,—пишет г. Э. П.,—что благодаря своей спокойной, обдуманной и выдержанной тактике Белл завоевал безусловное доверие ассоциации железнодорожных служащих, члены которой готовы, без колебания, всюду последовать за ним» (75 стр. № 12 «Современного Мира»). Такая точка зрения не случайна, а по существу дела связана с нейтрализмом, который на первый план выдвигает объединение рабочих для улучшения их положения, а не объединение для борьбы, способной принести пользу делу освобождения пролетариата.

Но эта точка зрения совсем не соответствует взглядам английских социалистов, которые, наверное, очень удивились бы, узнав, что хвалители Белла пишут, не встречая возражений, в одном журнале с видными меньшевиками вроде Плеханова, Иорданского и К°.

Английская соц.-дем. газета «Justice» *) [77]) в передовице 16-го ноября писала по поводу соглашения Белла с железнодорожными компаниями: «Мы вполне согласны с почти всеобщим трэд-юнионистским осуждением этого так-называемого мирного договора»... «он совершенно разрушает самый смысл существования трэд-юниона»... «Это нелепое соглашение... не может связывать рабочих, и они хорошо сделают, если отвергнут его». А в следующем номере, от 23 ноября, Бернет писал об этом соглашении в статье, озаглавленной: «Опять продали!» «Три недели тому назад Соединенное общество железнодорожных служащих было одним из самых могущественных трэд-юнионов в Англии; теперь оно сведено на уровень общества взаимопомощи». «И перемена эта произошла не потому, что железнодорожники боролись и потерпели поражение, а потому, что их вожди умышленно или по тупоумию своему продали их капиталистам до борьбы». И редакция газеты добавляет, что аналогичное письмо прислал ей один «наемный раб железнодорожной компании Мидланд».

Но, может быть, это «увлечение» «слишком революционных» эсдеков? Нет. Орган умеренной партии, независимой рабочей партии» (I. L. P.) [78]), которая не хочет даже назвать себя социалистической, «Labour Leader» **) [79]) от 15 ноября поместил письмо железнодорожника трэд-юниониста, заявляющего в ответ на похвалы, расточаемые всей капиталистической прессой (начиная от радикальной «Reynolds Newspaper» ***) и кончая консервативной «Times») ****) Беллу, что проведенное им соглашение есть самое презренное, какое только было в истории трэд-юнионизма», и называющего Ричарда Белла «маршалом Базэном трэд-юнионистского движения». Рядом другой железнодорожник требует «призвать к ответу Белла» за это злосчастное соглашение, «осудившее рабочих на семилетнюю каторгу». И редакция умеренного органа в передовице того же номера называет соглашение «Седаном британского трэд-юнионистского движения». «Никогда не было такого удобного случая, чтобы показать в национальном масштабе силу организованного труда», — среди рабочих царил «невиданный энтузиазм» и желание борьбы. Статья заканчивается едким сопоставлением рабочей нужды и торжества «господина Ллойд-Джорджа (министр, сыгравший роль лакея капиталистов) и господина Белла, готовящих банкеты».

Только самые крайние оппортунисты, фабианцы, чисто интеллигентская организация, *одобрили* это соглашение, вызвав этим краску стыда даже в сочувствующем фабианцам журнале «The

*) — «Справедливость». *Ред.*
**) — «Рабочий Вождь». *Ред.*
***) — «Новости Рейнольда». *Ред.*
****) — «Времена». *Ред.*

New Age» *) [80]), который вынужден был признать, что если буржуазно-консервативная «Times» целиком перепечатала соответственное заявление Ц. К-та фабианцев, то зато, кроме этих господ, «ни одна социалистическая организация, ни один трэд-юнион, ни один выдающийся вожак рабочих» (стр. 101, номер от 7 декабря) не высказался за соглашение.

Вот вам образчик применения нейтральности плехановским сотрудником, г-ном Э. П. Вопрос касался не «политических разногласий», а улучшения положения рабочих в данном обществе. За «улучшение» ценой отказа от борьбы и сдачи на милость капиталу высказались вся буржуазия Англии, фабианцы и г. Э. П., за коллективную борьбу рабочих—все социалисты и трэд-юнионисты рабочие. И Плеханов будет продолжать теперь проповедывать «нейтральность», а не тесное сближение союзов с социалистической партией?

«Пролетарий» № 22, 4 марта (19 февраля) 1908 г.

---

*) —«Новый Век». *Ред.*

О ПРОИСШЕСТВИИ С КОРОЛЕМ ПОРТУГАЛЬСКИМ.

Буржуазная пресса, даже самого либерального и «демократического» направления, не может обойтись без черносотенной морали, обсуждая умерщвление португальского авантюриста.

Вот, напр., специальный корреспондент одной из самых лучших буржуазно-демократических газет Европы, «*Франкфуртской Газеты*». Он начинает свой рассказ с полушутливого сообщения о том, как стая корреспондентов бросилась — точно на добычу — в Лиссабон тотчас после получения сенсационного известия. Я оказался — пишет сей господин, — в одном спальном отделении с одним известным лондонским журналистом, который стал хвастаться своей опытностью. По такому же поводу он, видите ли, ездил уже в Белград и может считать себя «специальным корреспондентом на случай цареубийств».

...Да, приключение с королем португальским является поистине «профессиональным несчастным случаем» королей.

Неудивительно, что могут явиться профессиональные корреспонденты, описывающие профессиональные «неудачи» их величеств...

Но, как ни силен у подобных корреспондентов элемент дешевой и вульгарной сенсации, а правда все же иногда пробивает себе дорогу. «Один купец, живущий в самом оживленном торговом квартале», рассказал корреспонденту «*Франкфуртской Газеты*» следующее: «Тотчас, как я узнал о событии, я вывесил траурный флаг. Очень скоро, однако, ко мне стали приходить покупатели и знакомые, спрашивая, не сошел ли я с ума, не задался ли я целью испортить свои дружеские связи. Я спросил их, неужели никто не испытывает чувства сострадания. *Вы* не поверите, м. г., какие ответы получил я на это! И вот я убрал прочь траурный флаг».

Приводя этот рассказ, либеральный корреспондент рассуждает:

«Народ, по природе своей столь добродушный и любезный, как португальский, прошел, видимо, дурную школу, прежде чем он научился

ненавидеть так безжалостно, даже в могиле. И если это правда,—а это, несомненно, правда и, умолчав о ней, я бы извратил историческую истину,—если не только подобные немые демонстрации изрекают свой суд над коронованной жертвой, если на каждом шагу вы можете слышать, и притом от «людей порядка», бранные слова по адресу убитого, то естественным является стремление изучить то редкое сцепление обстоятельств, которое до такой степени делает ненормальной психологию народа. Ибо народ, который не признает за смертью даже старого священного права искупать все земные прегрешения, такой народ либо должен быть уже морально выродившимся,—либо должны быть условия, порождающие необъятное чувство ненависти, которое затемняет ясный взгляд справедливой оценки».

О, гг. либеральные лицемеры! Отчего это не провозглашаете вы моральными выродками тех французских ученых и писателей, которые до сих пор ненавидят и бешено бранят не только деятелей Коммуны 1871 года, но даже деятелей 1793 года? не только борцов пролетарской революции, но даже борцов буржуазной революции? Оттого, что «нормальным» и «моральным» для «демократических» лакеев *современной* буржуазии является «добродушное» перенесение народом каких-угодно бесчинств, гнусностей и зверств со стороны коронованных авантюристов.

Иначе — продолжает корреспондент (т.-е. иначе как посредством исключительных условий) — «нельзя было бы понять такого явления, что уже сегодня одна монархическая газета говорит чуть не с большим чувством печали о невинных жертвах из народа, чем о короле, и мы видим уже теперь с полной ясностью, как начинают образовываться легенды, которые окружат ореолом славы убийц. В то время, как при всех почти покушениях политические партии торопятся отряхнуть от себя убийц, — португальские республиканцы прямо гордятся тем, что из их рядов вышли «мученики и герои 1-го февраля»...

Буржуазный демократ переусердствовал до того, что готов объявить «революционной легендой» — уважение португальских граждан к людям, которые пожертвовали собой для устранения издевавшегося над конституцией короля!

Корреспондент другой буржуазной газеты Миланской «*Corriere della sera*» *) [81]) рассказывает о свирепстве португальской цензуры после цареубийства. Телеграмм не пропускают. Министры и короли не отличаются «добродушием», которое так нравится честным буржуа у народных масс! Коль война—так по-военному, справедливо рассуждают португальские авантюристы, занявшие место убитого короля. Трудности сообщения сказываются не меньше, чем на войне. Приходится посылать сообщения обходным путем, сначала почти на Париж (может быть, на какой-нибудь частный адрес) и уже оттуда передавать в Милан. «Даже

*) — «Вечерний Курьер». *Ред.*

в России — пишет корреспондент 7 февраля — во время самых горячих революционных периодов цензура никогда так не свирепствовала, как теперь в Португалии».

«Некоторые республиканские газеты — сообщает этот корреспондент от 9 февраля н. ст. — пишут сегодня (в день похорон короля) таким языком, который я абсолютно не решаюсь повторить в телеграмме». В сообщении от 8-го февраля, попавшем позже, чем предыдущее по месту назначения, приводится отзыв газеты «*Pays*» *) [82] о процедуре похорон:

«Проносят тленные останки двух монархов — ненужный прах разваливающейся монархии, — которая держалась изменой и привилегиями, — которая своими преступлениями запятнала два столетия нашей истории».

«Конечно, это газета республиканская, — прибавляет корреспондент, — но разве не красноречиво появление статьи с такими фразами в день похорон короля?»

Мы, с своей стороны, добавим только, что можем пожалеть об одном: о том, что республиканское движение в Португалии недостаточно решительно и открыто расправилось со всеми авантюристами. Мы жалеем о том, что в происшествии с королем португальским явно виден еще элемент заговорщического, т.-е. бессильного, в существе своем не достигающего цели, террора при слабости того настоящего, всенародного, действительно обновляющего страну террора, которым прославила себя Великая Французская Революция. Возможно, что республиканское движение в Португалии поднимется еще выше. Сочувствие социалистического пролетариата всегда будет на стороне республиканцев против монархии. Но до сих пор в Португалии удалось только *напугать* монархию убийством двух монархов, а не *уничтожить* монархию.

Социалисты во всех европейских парламентах выразили, кто как умел и кто как мог, свое сочувствие португальскому народу и португальским республиканцам, свое отвращение к правящим классам, представители которых осуждали убийство авантюриста и выражали сочувствие его преемникам. Одни социалисты прямо заявили в парламентах свои взгляды, другие — вышли из залы во время заявлений симпатии к «пострадавшей» монархии. Вандервельде в бельгийском парламенте выбрал «средний» — самый плохой — путь, вымучив из себя фразу, что он чтит «всех мертвых», т.-е. значит и короля, и убийц его. Надеемся, что Вандервельде останется одинок среди социалистов всего мира.

Республиканская традиция сильно ослабела у социалистов Европы. Это понятно и отчасти может быть оправдано, — именно постольку, поскольку близость *социалистической* революции

*) — «Страна». *Ред.*

отнимает практическое значение у борьбы за *буржуазную* республику. Но не редко ослабление республиканской пропаганды означает не живость стремления к полной победе пролетариата, а слабость сознания революционных задач пролетариата вообще. Недаром Энгельс в 1891 году, критикуя проект Эрфуртской программы, со всей энергией указывал немецким рабочим на значение борьбы за республику, на возможность того, что и в Германии такая борьба станет очередью дня [83]).

У нас в России борьба за республику имеет непосредственное практическое значение. Только самые жалкие мещанские оппортунисты вроде эн-эсов или «с.-д-ка» Малишевского [84]) (см. о нем «Пролетарий» № 12) могли сделать из опыта русской революции вывод о том, что борьба за республику отодвигается в России на второй план. Напротив, именно опыт нашей революции доказал, что борьба за уничтожение монархии неразрывно связана в России с борьбой за землю для крестьян, за свободу для всего народа. Именно опыт нашей контр-революции доказал, что борьба за свободу, не задевающая монархию, это — не борьба, а мещанская трусость и дряблость или прямой обман народа карьеристами буржуазного парламентаризма.

«Пролетарий» № 22, 4 марта (19 февраля) 1908 г.

ЗАКАЗАННАЯ ПОЛИЦЕЙСКИ-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ.

«Большой парламентский день» в Думе 27 февраля вызывает трогательно-единодушную оценку наших буржуазных партий. Все довольны, все радуются и умиляются, от черносотенцев и «Нового Времени» до кадетов и «Столичной Почты», которая «перед смертью» успела еще написать (номер от 28 февраля):

«Общее впечатление (от думского заседания 27 февраля) весьма хорошее»... «Впервые в русской общественно-государственной жизни правительство открыто ознакомляет страну со своими взглядами по вопросам внешней политики»...

Мы тоже готовы признать, что большой парламентский день если не «впервые», то особенно наглядно обнаружил глубокое единство черносотенцев, правительства, либералов и «демократов» типа «Столичной Почты», единство по коренным вопросам «общественно-государственной жизни». И поэтому внимательное ознакомление с позицией, занятой в этот день и по поводу этого дня всеми партиями, кажется нам безусловно необходимым.

Лидер правительственной партии октябристов г. Гучков. Он обращается «с просьбой к представителям правительства» разъяснить истинное положение дел на Дальнем Востоке. Он разъясняет с высоты думской трибуны важность экономии в расходах, — ну, напр., вместо 60.000 руб. в год послу в Токио — 50.000 рублей. Мы реформируем, не шутите! Он говорит, что «в прессе нашли себе место» тревожные вести о дальне-восточной политике, о грозящей войне с Японией. Разумеется, о том, что пресса российская обуздана намордником, вождь капиталистов не говорит: к чему это? В программе свобода печати может стоять. Это необходимо для «европейской» партии. Но чтобы на деле *бороться* против зажимания рта прессе, чтобы открыто разоблачать заведомую продажность влиятельных российских органов прессы, — этого смешно ждать от г. Гучкова, как и от г. Милюкова. Зато о связи внутренней

и внешней политики г. Гучков сказал правду, то-есть выболтал истинную подкладку того комедийного действа, которым занималась Дума 27 февраля.

«То обстоятельство, — возглашал он, — что мы быстро идем по пути к успокоению и умиротворению, должно указать нашим противникам, что попытка отстоять свои интересы (Россией) на этот раз будет безусловно успешной». Черносотенцы и октябристы аплодируют. Еще бы! Ведь они-то прекрасно понимали с самого начала, что *гвоздь* обсуждаемого вопроса и всего торжественного выступления правительства в лице г. Извольского состоит в провозглашении контр-революционной политики наших Муравьевых-вешателей делом умиротворения и успокоения. Надо показать Европе и всему миру, что перед «внешним врагом» стоит «единая Россия», умиротворяющая и успокаивающая горстку бунтовщиков (всего там каких-нибудь сотню миллионов крестьян и рабочих!) для обеспечения успеха «попыткам отстоять свои интересы».

Да, г. Гучков сумел сказать то, что *ему* требовалось, что требовалось объединенным помещикам и капиталистам.

Профессор Капустин, «левый» октябрист, надежда кадетов, упование сторонников мира общества с властью, поспешил по стопам Гучкова, сдабривая его политику отвратительно-елейным либеральным лицемерием. «Дай бог, чтобы распространилась слава (про Думу), — что мы бережем народные деньги». «Пятьдесят тысяч в год послу — разве это не сбережение целых десяти тысяч? Разве это не «прекрасный пример», который будут показывать высшие наши сановники, сознавая важный и тяжелый момент, переживаемый Россией»... «Нам предстоят коренные реформы в различнейших областях жизни страны и на это необходимы широкие средства».

... Далеко Иудушке Головлеву [85]) до этого парламентария! Профессор на думской трибуне, восторгающийся прекрасным примером высших сановников... Но что же говорить об октябристе, когда либералы и буржуазные демократы не далеко ушли от этого низкопоклонничества.

Перейдем к речи министра иностранных дел г. Извольского. Ему только и нужно было, конечно, получить зацепку в духе той, которую поднес на блюде Капустин. И министр распространился о необходимости уменьшить расходы, — или пересмотреть штаты, чтобы помочь «неимеющим своих средств» послам. Извольский подчеркивает, что говорит с разрешения Николая Второго и воспевает «силу, разум и патриотизм русского народа», который «приложит все свои силы, и материальные и духовные, к упрочению за Россией ее теперешних азиатских владений и к всестороннему их развитию».

Министр сказал, что ему поручила сказать камарилья. Слово

за лидером оппозиции, г. Милюковым. И он заявляет сразу же: «Партия народной свободы, в лице присутствующей здесь фракции, с глубоким удовлетворением выслушала слова министра иностранных дел и считает долгом приветствовать его первое выступление перед представительством страны с разъяснением вопросов, касающихся русской внешней политики. Несомненно, что в настоящий момент... русскому правительству нужно... в своих видах опираться на русское общественное мнение».

Действительно, это совершенно несомненно. В своих видах правительству контр-революции необходимо опереться на то, что можно было бы за границей принять (или выдать) за русское общественное мнение. Это необходимо в особенности для получения займа, без которого грозит банкротство и крах всей столыпинской политики царизма, рассчитанной на долгие годы систематических и массовых насильственных мер против народа.

Г. Милюков вплотную подошел к настоящему значению торжественного выхода гг. Извольского, Гучкова и К⁰. Выход этот был заказан черносотенной шайкой Николая второго. Каждая мелочь этой полицейски-патриотической домонстрации была наперед обдумана. Думские марионетки разыгрывали комедию под дудку самодержавной камарильи: без поддержки западно-европейской буржуазии Николаю Второму не удержаться. Надо заставить *всю* буржуазию всероссийскую, и правую и *левую*, торжественно выразить свое доверие правительству, его «мирной политике», его прочности, его намерениям и способностям умиротворить и успокоить». «Это нужно было как бланковая надпись на векселе. Для этого пустили в ход наиболее «любезного» кадетам г-на Извольского, для этого заказали все это беспардонное лицемерие о бережении народных денег, о реформах, об «открытом» выступлении правительства с «разъяснением» внешней политики, хотя всем и каждому ясно, что разъяснить ровно ничего не хотели и не разъяснили.

И либеральная оппозиция послушно выполнила роль марионетки в руках черносотенно-полицейской монархии! В то время, как решительное заявление правды со стороны думского буржуазного меньшинства сыграло бы, несомненно, крупную роль и помешало (или затруднило) правительству занять миллиарды на новые карательные экспедиции, виселицы, тюрьмы и усиленные охраны, — партия кадетов «припала к стопам» обожаемого монарха и старалась выслужиться. Г-н Милюков выслуживался, доказывая свой патриотизм. Он корчил из себя знатока внешней политики, на том основании, что собрал в каких-нибудь передних сведения об Извольском, как либерале. Г. Милюков сознательно подписывал вексель, торжественно «приветствуя» царского министра от имени всей партии к.-д. и прекрасно зная,

что на другой день все европейские газеты скажут, как по команде: Дума единогласно (кроме социал-демократов) выразила доверие правительству, одобрила его внешнюю политику...

Русский либерализм за три года пережил ту эволюцию, которая потребовала в Германии свыше тридцати лет, а в Франции — даже свыше ста лет: эволюцию от сторонника свободы к безвольному и подлому пособнику абсолютизма. Специфическое оружие, которым располагает буржуазия в борьбе, — возможность давить на мошну, затруднять получение денег, расстраивать «тонкие» подходы к новым займам, — этим оружием много раз могли воспользоваться кадеты в русской революции. И каждый раз, как весной 1906-го, так и весной 1908-го года, они сами выдавали свое оружие в руки врага, лизали руку погромщиков и клялись в лойяльности.

Господин Струве во-время позаботился о том, чтобы под эту практику подвести прочную теоретическую опору [86]). В журнале «Русская Мысль», который на самом деле должен бы называться «Черносотенная Мысль» [87]), г. Струве уже проповедует идею «Великой России», идею буржуазного национализма, разносит «враждебность интеллигенции к государству», сражает в тысячу первый раз «российский революционизм», «марксизм», «отщепенство», «классовую борьбу», «банальный радикализм».

Мы можем только радоваться этой идейной эволюции русского либерализма. Ибо на деле этот либерализм *уже оказался* в русской революции как раз таким, каким хочет его сделать систематически, целостно, продуманно, «философски» г. Струве. Выработка последовательной контр-революционной *идеологии* есть ключ, когда есть на-лицо уже вполне сложившийся и в важнейшие периоды жизни страны контр-революционно действовавший класс. Соответствующая классовому положению и классовой политике буржуазии идеология поможет всем и каждому изжить остатки веры в «демократизм» кадетов. А эти остатки полезно изжить. Их необходимо изжить для того, чтобы можно было идти вперед в деле действительно массовой борьбы за демократизацию России. Г. Струве хочет откровенно контр-революционного либерализма. Мы тоже хотим его, ибо «откровенность» либерализма лучше всего просветит и демократическое крестьянство, и социалистический пролетариат.

Возвращаясь к думскому заседанию 27 февраля, надо сказать, что единственное честное и гордое слово демократа было сказано *социал-демократом*. Депутат Чхеидзе вошел на трибуну, заявил, что с.-д. фракция будет голосовать *против* законопроекта, и начал излагать мотивы голосования. Но после первых же слов его: «Наша дипломатия на Западе всегда служила оплотом реакции и интересов»... председатель зажал рот рабочему депутату. — «Наказ разрешает приводить мотивы голосования», — бормотали

кадеты. «Кроме мотивов имеет значение и форма», — ответил бандит, называющийся председателем III Думы.

Он был прав с своей точки зрения: до наказа ли тут, когда на карту было поставлено дружное проведение полицейски-заказанной патриотической демонстрации?

Рабочий депутат стоял изолированно по этому вопросу. Тем выше его заслуга. Пролетариат должен показать и покажет, что умеет отстоять заветы демократической революции — вопреки всем изменам либерализма и шатаниям мещанства.

«Пролетарий» № 25, 25 (12) марта 1908 г.

ОБ ОБМАНЕ НАРОДА ЛИБЕРАЛАМИ.

На последнем, Лондонском съезде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии обсуждался вопрос об отношении к буржуазным партиям и была принята соответствующая резолюция. Особенные споры вызвало при этом на съезде то место этой резолюции, где говорится об *обмане* либералами народа *). Социал-демократам правого крыла нашей партии это место казалось в высшей степени неправильным. Они заявили даже, что это не по-марксистски — говорить в резолюции об «обмане» либералами народа, т.-е. объяснять присоединение известных слоев населения к данной (в нашем случае кадетской) партии не классовыми интересами этих слоев, а «безнравственными» приемами политики той или иной группы парламентариев, адвокатов, журналистов и проч.

На самом деле за этими благовидными, в благовидный якобы марксистский костюм наряженными доводами пряталась политика ослабления классовой самостоятельности пролетариата и подчинения его (на деле) либеральной буржуазии. Ибо интересы демократической мелкой буржуазии, идущей за кадетами, эти господа не отстаивают сколько-нибудь серьезно, а *предают* своей политикой заигрыванья и сделок с правительством, с октябристами, с «исторической властью» царского самодержавия.

Чрезвычайно интересный материал к освещению новыми фактами этого вопроса — одного из основных вопросов социал-демократической тактики во всех капиталистических странах — дает теперешняя борьба за всеобщее избирательное право в прусский ландтаг (Сейм). Германская социал-демократия подняла знамя этой борьбы. Пролетариат Берлина, а за Берлином и всех крупных городов Германии, вышел на улицу, организовал величественные демонстрации десятков тысяч народа, положил начало широкому массовому движению, которое уже теперь, уже в самом начале своем привело к насильственным действиям

*) См. XI том Сочинений, стр. 279. *Ред.*

конституционных властей, к употреблению военной силы, к избиениям безоружных масс. Борьба родит борьбу! Гордо и смело отвечали на эти насилия вожаки революционного пролетариата. Но тут всплыл вопрос об отношении к демократической (и либеральной) буржуазии в борьбе за избирательное право. И дебаты между немецкими революционными социал-демократами и оппортунистами (ревизионистами, как их зовут в Германии) по этому вопросу замечательно близко подходят к нашим спорам на тему об обмане либералами народа.

Центральный орган германской с.-д. рабочей партии «Vorwärts» *) поместил передовую статью, содержание и основная мысль которой ясно выражены в ее заглавии: «Борьба за избирательное право — классовая борьба!» Как и следовало ожидать, статья эта, несмотря на то, что она излагала в положительной форме только общеизвестные социал-демократические истины, была принята оппортунистами за вызов. Перчатка была поднята. Товарищ Зюдекум, известный работник в области муниципального социализма, пошел решительно в поход против этой «тактики сектантов», против «изолирования пролетариата», против «поддержки социал-демократами черносотенцев» (реакционеров — говорят более мягко немцы)[88]. Ибо и для немецкого оппортуниста внесение классовой борьбы в дело общее пролетариату и либералам означает поддержку черносотенцев! «Введение всеобщего избирательного права в Пруссии вместо теперешнего трехклассного не есть дело какого-либо одного класса» — писал Зюдекум. И он указывал, что это дело «городского населения против аграриев, демократии против бюрократии, крестьянства против помещиков, западной Пруссии против восточной» (т.-е. промышленно и капиталистически вообще передовой части страны против экономически отсталой). «Дело теперь в том, чтобы соединить на этом пункте всех друзей реформы, каковы бы ни были прочие разделяющие их вопросы».

Читатель видит, что это все — самые знакомые доводы, что костюм тут тоже строго, ортодоксально «марксистский», вплоть до указания на экономическое положение и интересы определенных элементов буржуазной демократии («городская демократия», крестьянство и т. д.). И едва ли есть надобность прибавлять, что немецкая либерально-буржуазная пресса систематически, в течение уже десятилетий, тянет эту ноту, обвиняя социал-демократию в сектантстве, в поддержке черносотенцев, в неумении изолировать реакцию.

Какими же *доводами* опровергали немецкие революционные социал-демократы эти рассуждения? Мы перечислим их основные доводы, чтобы читатели — судя о немецких делах «со стороны»,

*) — «Вперед». *Ред.*

«без гнева и пристрастия» — могли видеть, преобладают ли здесь указания на особые условия места и времени, или на общие принципы марксизма.

Да, наши свободомыслящие «требуют» в своих программах всеобщего избирательного права, — говорил «Vorwärts». Да, они особенно усердно стали говорить об этом пышные речи теперь. Но *борются ли* они за реформу? Не видим ли мы, наоборот, что действительно народное движение, уличные демонстрации, широкая агитация в массах, возбуждение масс вызывает в них худо скрытый страх, отвращение, в лучших и редких случаях равнодушие?

Надо отличать программы буржуазных партий, банкетные и парламентские речи либеральных карьеристов от их действительного участия в действительной народной борьбе. На словах все и всякие буржуазные политиканы, во всех парламентских странах, всегда распинались за демократию, в то же время предавая демократию.

Да, «*внутри* либеральной партии (свободомыслящих) и центра, *несомненно*, есть элементы, заинтересованные в всеобщем и равном избирательном праве», — говорил «Vorwärts». Но не эти элементы ведут буржуазные партии, не мелкие ремесленники, не полупролетарии, не полуразоренные крестьяне. Они идут за либеральными буржуа, которые стараются отвлечь их от борьбы, заключая за их спиной свои компромиссы с реакцией, развращая их классовое сознание, не отстаивая на деле их интересов.

Чтобы привлечь такие элементы к борьбе за всеобщее избирательное право, надо наблюдать в них классовое сознание, отвлечь их от неустойчивых буржуазных партий. «Внутри либеральной (свободомыслящей) партии они, эти заинтересованные в всеобщем избирательном праве элементы, образуют бессильное меньшинство, которое всегда пичкают обещаниями и всегда снова и снова *обманывают*. Политическая энергия этих элементов совершенно парализована. И если свободомыслящих или центр действительно можно принудить к уступкам демократии посредством угрозы отнять у них голоса таких избирателей, то именно классовая борьба, ослабляющая буржуазные партии, есть единственное средство толкнуть колеблющуюся буржуазию влево».

Ибо политические факты давно доказали, что свободомыслящим реакция менее ненавистна, чем социал-демократия. «Мы должны поэтому не только с беспощадной резкостью бичевать все грехи всех буржуазных партий, но и выяснять, кроме того, что все их измены в вопросе об избирательном праве являются необходимым результатом классового характера этих партий».

Не сегодня-завтра вопрос о том, способны ли наши кадеты «бороться» за выставленные в их программе демократические

требования, или они только для того выставляют их, чтобы предавать октябристам идущих за либералами мещан и крестьян, встанет паки и паки перед русскими с.-д., как вставал этот вопрос не раз в ходе революции. И вдуматься в доводы «Vorwärts» не мешает поэтому кое-кому из нашей партии.

P. S. Настоящая статья была уже сдана в печать, когда мы прочли в № 52 газеты «Речь» (от 1-го марта) статью г. К. Д., берлинского корреспондента этой газеты: «Кризис немецкого либерализма». Автор касается полемики «Vorwärts'а» с Зюдекумом в обычном тоне и с обычными приемами наших либеральных фальсификаторов. Изложения доводов той и другой стороны, точных цитат автор и не помышляет приводить. Он просто заявляет: «Официальный «Vorwärts» немедленно обливает еретика помоями и в крайне неаппетитной по развязному, вызывающему тону передовице обвиняет его в невежестве, в непозволительном забвении партийных догматов». Предоставляем читателю судить, покажется ли самому Зюдекуму «аппетитной» подобная защита его кадетами. Но это уже судьба ревизионистов любой страны: встречать усиленную поддержку и прочувствованное «признание» своих усилий со стороны буржуазии. Союз Зюдекумов с господами Струве, — для подтверждения верности нашей позиции вряд ли можно бы было придумать что-либо более «аппетитное».

«Пролетарий» № 25, 25 (12) марта 1908 г.

УРОКИ КОММУНЫ. [89])

После государственного переворота, завершившего революцию 48 года, Франция на 18 лет подпала под иго наполеоновского режима. Этот режим довел страну не только до разорения экономического, но также до унижения национального. Восставший против старого режима пролетариат взял на себя две задачи: общенациональную и классовую: освобождение Франции от нашествия Германии и социалистическое освобождение рабочих от капитализма. В таком соединении двух задач — оригинальнейшая черта Коммуны.

Буржуазия составила тогда «правительство национальной обороны», и за общенациональную независимость пролетариат должен был бороться под его руководством. На самом деле это было правительство «народной измены», назначение свое видевшее в борьбе с парижским пролетариатом. Но пролетариат не замечал этого, ослепленный патриотическими иллюзиями. Патриотическая идея ведет свое происхождение еще от Великой Революции XVIII века; она подчинила себе умы социалистов Коммуны, и Бланки, напр., несомненный революционер и горячий сторонник социализма, для своей газеты не нашел более подходящего названия, как буржуазный вопль: «*Отечество в опасности!*».

В соединении противоречивых задач — патриотизма и социализма — была роковая ошибка французских социалистов. Уже в Манифесте Интернационала, в сентябре 1870 г., Маркс предостерегал французский пролетариат от увлечения ложной национальной идеей: глубокие изменения совершились со времени Великой Революции, классовые противоречия обострились, и если тогда борьба с реакцией всей Европы объединяла всю революционную нацию, то теперь пролетариат уже не может соединять свои интересы с интересами других, враждебных ему классов; пусть буржуазия несет ответственность за национальное унижение — дело пролетариата бороться за социалистическое освобождение труда от ига буржуазии.

И действительно, истинная подкладка буржуазного «патриотизма» не замедлила обнаружиться. Заключив позорный мир с пруссаками, версальское правительство приступило к прямой своей задаче — и предприняло набег на страшное для него вооружение парижского пролетариата. Рабочие ответили провозглашением Коммуны и гражданской войной.

Несмотря на то, что социалистический пролетариат делился на многие секты, Коммуна явилась блестящим образцом того, как единодушно умеет пролетариат осуществлять демократические задачи, которые умела только провозглашать буржуазия. Без всякого особого сложного законодательства, просто, на деле провел захвативший власть пролетариат демократизацию общественного строя: отменил бюрократию, осуществил выборность чиновников народом.

Но две ошибки погубили плоды блестящей победы. Пролетариат остановился на полпути: вместо того, чтобы приступить к «экспроприации экспроприаторов», он увлекся мечтами о водворении высшей справедливости в стране, объединяемой общенациональной задачей; такие, например, учреждения, как банк, не были взяты, теории прудонистов насчет «справедливого обмена» и т. п. господствовали еще среди социалистов. Вторая ошибка — излишнее великодушие пролетариата: надо было истреблять своих врагов, а он старался морально повлиять на них, он пренебрег значением чисто военных действий в гражданской войне и вместо того, чтобы решительным наступлением на Версаль увенчать свою победу в Париже, он медлил и дал время версальскому правительству собрать темные силы и подготовиться к кровавой майской неделе.

Но при всех ошибках Коммуна есть величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века. Маркс высоко оценил историческое значение Коммуны — если бы во время предательского набега версальской шайки на оружие парижского пролетариата рабочие без боя дали бы отнять его, то гибельное значение деморализации, внесенной такой слабостью в пролетарское движение, было бы во много и много раз тяжелее ущерба от потерь, которые понес рабочий класс в бою, защищая свое оружие [90]). Как ни велики жертвы Коммуны, они искупаются значением ее для общепролетарской борьбы: она всколыхнула по Европе социалистическое движение, она показала силу гражданской войны, она рассеяла патриотические иллюзии и разбила наивную веру в общенациональные стремления буржуазии. Коммуна научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции.

Урок, полученный пролетариатом, не забудется. Рабочий класс будет пользоваться им, как воспользовался уже в России в декабрьское восстание.

Эпоха, предшествовавшая русской революции, подготовлявшая ее, имеет некоторое сходство с эпохой наполеоновского ига во Франции. И в России самодержавная клика довела страну до ужасов экономического разорения и национального унижения. Но долго не могла разразиться революция — пока социальное развитие не создало условий для массового движения и, несмотря на весь героизм свой, изолированные нападения на правительство в дореволюционный период разбивались о равнодушие народных масс. Только соц.-д-тия упорной и планомерной работой воспитала массы до высших форм борьбы — массовых выступлений и гражданской вооруженной войны.

Она сумела разбить в молодом пролетариате «общенациональные» и «патриотические» заблуждения, и после того, как при ее непосредственном вмешательстве удалось вырвать из рук царя манифест 17 октября, пролетариат приступил к энергичной подготовке к дальнейшему неизбежному этапу революции — вооруженному восстанию. Свободный от «общенациональных» иллюзий, он свои классовые силы сосредоточивал в своих массовых организациях — Советах Рабочих и Солдатских Депутатов и т. п. И несмотря на все различие в целях и задачах, поставленных перед русской революцией, сравнительно с французской 71 года, русский пролетариат должен был прибегнуть к тому же способу борьбы, которому начало дала Парижская Коммуна, — к гражданской войне. Помня ее уроки, он знал, что пролетариат не должен пренебрегать мирными орудиями борьбы — они служат его повседневным, будничным интересам, они необходимы в периоды подготовки революций — но никогда не должен он забывать и того, что классовая борьба при известных условиях выливается в формы вооруженной борьбы и гражданской войны; бывают моменты, когда интересы пролетариата требуют беспощадного истребления врагов в открытых боевых схватках. Впервые показал это французский пролетариат в Коммуне и блестяще подтвердил русский пролетариат в декабрьском восстании.

Пусть оба эти грандиозные восстания рабочего класса подавлены — будет новое восстание, перед которым слабыми окажутся силы врагов пролетариата, из которого с полной победой выйдет социалистический пролетариат.

«Заграничная Газета» № 2, 23 марта 1908 г.

ОЦЕНКА МАРКСА МЕЖДУНАРОДНЫМ ЛИБЕРАЛИЗМОМ.

Один тургеневский герой переделал следующим образом стихи великого немецкого поэта:

Wer den Feind will versteh'n,
Muss im Feindes' Lande geh'n

то-есть: «кто хочет знать своего врага, тот должен идти в страну этого врага», знакомиться непосредственно с обычаями, нравами, методами рассуждения и действия врага.

И марксистам не мешает бросить взгляд на то, как отозвались на чествование 25-тилетней годовщины смерти Маркса влиятельные политические органы разных стран, особенно либеральные и «демократические» буржуазные газеты, соединяющие возможность влиять на массы читателей с правом говорить от имени официальной, казенной, титулованной, профессорской науки.

Начнем наш обзор с «Русских Ведомостей». Это — самая спокойная (и самая скучная), самая научная (и самая далекая от живой жизни) профессорская газета. В ее статейке по поводу 25-летия смерти Карла Маркса (№ 51 от 1 марта) преобладает сухой, деревянный тон — «объективность», как это называется на языке «ординарных» и «экстраординарных» [91])... Факты и фактики — вот чем старается ограничиться автор статьи. И, как беспристрастный историк, он готов воздать Марксу должное — по крайней мере, за прошлое, которое уже умерло, о котором можно говорить по-мертвому. «*Русские Ведомости*» признают в Марксе и «исключительную фигуру», и «великого в науке» человека, и «выдающегося руководителя пролетариата», организатора масс. Но это признание сводится к прошлому: теперь, — говорит газета — «новые пути действительно необходимы», т.-е. новые пути рабочего движения и социализма, непохожие на «старый марксизм». Каковы именно эти новые пути, об этом газета не говорит прямо — это слишком живая тема для профессоров и

слишком «неосторожный» сюжет для виртуозов в искусстве «с тактом молчать». Но намеки делаются явные: «Многие из его (Маркса) построений разрушены научным анализом и беспощадной критикой событий. Среди ученых почти отсутствуют последователи, верные всей его системе; духовное детище Маркса — германская социал-демократия — довольно сильно уклонилась от того революционного пути, который был намечен основателями немецкого социализма». Вы видите: автор не договаривает очень немногого, своего желания *исправить* Маркса по-ревизионистски.

Другая влиятельная газета, «*Речь*», орган политической партии, играющей первую скрипку в концерте российского либерализма, выступает с гораздо более живой оценкой Маркса. Направление, разумеется, то же, что у «*Русских Ведомостей*», но там мы видели предисловие к толстой книжке, здесь — политические лозунги, направляющие непосредственно целый ряд выступлений с парламентской трибуны, при оценке всех событий дня, всех вопросов современности. Статью «Карл Маркс и Россия» (№ 53 от 2 марта) пишет известный перебежчик г. Изгоев, — образчик тех российских интеллигентов, которые лет в 25 — 30 «марксиствуют», в 35 — 40 либеральничают, а после черносотенствуют.

Г. Изгоев переметнулся от социал-демократов к либералам (как заявлял он сам и как заявлял о нем великий мастер ренегатства, г. Струве), как раз тогда, когда после первых ошеломляющих успехов революции начиналась трудная пора долгой и упорной борьбы с укрепляющейся контр-революцией. И г. Изгоев высоко типичен в этом отношении. Он превосходно разъясняет и показывает, *на чью пользу* идут профессорские жеманства при оценке Маркса, *чью работу* работает эта титулованная «наука». «Этот политиканствующий тактик, — гремит Изгоев про Маркса, — сильно мешал великому ученому и заставил его наделать не мало ошибок». Основная ошибка, конечно, та, что кроме правильного, разумного, «большинством» (большинством филистеров?) разделяемого «*эволюционного* марксизма» произошел на свет божий зловредный, ненаучный, фантастический и «фальсифицированный народнической брагой» революционный марксизм. Особенно возмущает нашего либерала роль *этого* марксизма в русской революции. Подумайте только: договорились до диктатуры пролетариата для производства этой самой «буржуазной революции», или еще: до «совершенно фантастической в устах марксистов диктатуры пролетариата и крестьянства». «Немудрено, что революционный марксизм в той его форме», в какой в России он был усвоен большевиками разных мастей, потерпел крах»... «Приходится думать об утверждении обычной «буржуазной» (иронические кавычки г-на Изгоева) конституции».

Вот вам совсем готовый идейно и зрелый политически октябрист, вполне уверенный в том, что крах потерпели марксизм и революционная тактика, а не кадетская тактика компромиссов, измен и предательств!

Пойдем дальше. От русской прессы перейдем к немецкой, которая действует в свободной атмосфере, лицом к лицу с открытой социалистической партией, в десятках ежедневных органов выражающей свои взгляды. Одна из самых богатых, самых распространенных, самых «демократических» буржуазных газет Германии, «Frankfurter Zeitung» *), посвящает большую передовицу 25-тилетней годовщине смерти Маркса (№ 76 от 16 марта нов. ст. «Abendblatt» **)). Немецкие «демократы» сразу берут быка за рога. «Само собою понятно, — говорят нам, — что социал-демократическая пресса в этот день в многочисленных статьях чествовала своего учителя. Но даже в одной влиятельной национал-либеральной газете Маркс был признан, хотя и с обычными оговорками, великим человеком. Да, конечно, он был велик, но он был великим развратителем.»

Газета, в которой представлен цвет той разновидности идейного черносотенства, которая называется европейским либерализмом, поясняет, что нисколько не заподозривает личной честности Маркса. Но его теории принесли неисчислимый вред. Внося понятие необходимости и закономерности в область общественных явлений, отрицая значение морали и относительный, условный характер наших знаний, Маркс основал антинаучную утопию и настоящую «церковь» своих сектантских последователей. А главная вредная идея его — *классовая* борьба. В этом все зло! Маркс взял всерьез старинное изречение о two nations, о двух нациях внутри каждой из цивилизованных наций, нации «эксплуататоров» и нации «эксплуатируемых» (эти ненаучные выражения газета заключает в убийственно-иронические кавычки). Маркс забыл самоочевидную, ясную, всем здоровым людям понятную истину, что в общественной жизни «целью является не борьба, а соглашение». Маркс «разорвал народ на части, ибо он молотком вбил в голову своим людям, что нет ничего общего между ними и остальными людьми, что они враги не на живот, а на смерть».

«Что может быть естественнее того, — вопрошает газета, — чтобы социал-демократия, во многих практических требованиях согласная со многими из буржуазии, постаралась сблизиться с ними? Но этого-то и не выходит благодаря как раз марксистской теории. Социал-демократия сама себя осудила на изолированность. В течение некоторого времени можно было думать, что наступает принципиальная перемена в этом отношении.

---

*) — «Франкфуртская Газета». *Ред.*

**) — «Вечернее издание». *Ред.*

Это было тогда, когда ревизионисты начали свою кампанию. Но это оказалось ошибкой, и различие между ревизионистами и нами состоит в том, между прочим, что мы поняли эту ошибку, а они нет. Ревизионисты думали, и думают еще до сих пор, что можно некоторым образом удержаться за Маркса и все же стать другой партией. Напрасная надежда. Маркса надо либо проглотить целиком, либо выбросить вовсе, а с половинчатостью тут ничего не поделаешь»...

Верно, господа либералы! И случается же вам иногда нечаянно правду сказать!

«... Пока социал-демократия чтит Маркса, до тех пор она не отделается от идеи классовой борьбы, и от всех прочих вещей, которые столь тяжелой делают задачу жить вместе с ней... Ученый мир согласен относительно того, что из политико-экономических теорий марксизма ни одна единственная не оказалась правильной»...

Так. Так. Вы превосходно выразили, господа, сущность буржуазной науки, буржуазного либерализма и всей его политики. Вы поняли, что Маркса нельзя глотать по частям. Господа Изгоевы и российские либералы еще не поняли этого. Скоро поймут и они.

А вот, в заключение, консервативный орган буржуазной республики «Journal des Débats» *) [92]). В номере от 15-го марта газета пишет по поводу юбилея, что социалисты, эти «дикие равняльщики», проповедуют культ своих великих людей, что главное зло учений Маркса, который «ненавидел буржуазию», это — теория борьбы *классов*. «Он проповедывал рабочим классам не временные конфликты, сопровождаемые перемириями, а священную войну, войну истребления, экспроприации, войну за обетованную землю коллективизма... чудовищная утопия»...

Хорошо пишут буржуазные газеты, когда что-нибудь их настоящим образом заденет за живое. И веселее становится жить, когда видишь, как складывается и упрочивается идейное единство либеральных врагов пролетариата во всем мире — ибо это единство есть один из залогов объединения миллионов международного пролетариата, который завоюет себе, во что бы то ни стало, свою обетованную землю.

«Пролетарий» № 25, 25 (12) марта 1908 г.

---

*) — «Газета Прений». *Ред.*

НА ПРЯМУЮ ДОРОГУ. [93])

Разгон второй Думы и государственный переворот 3-го июня 1907 года явились поворотным пунктом в истории нашей революции, началом некоторого особого периода или зигзага в ее развитии. Мы говорили уже не раз о значении этого зигзага с точки зрения общего соотношения классовых сил в России и задач незавершенной буржуазной революции. Мы хотим остановиться теперь на состоянии нашей партийной работы в связи с этим поворотом революции.

Больше полугода прошло со времени реакционного переворота 3-го июня, и несомненно, что первое полугодие после него характеризуется значительным упадком и ослаблением всех революционных организаций, в том числе и социал-демократической. Шатания, разброд и распад — такова общая характеристика этого полугодия. Иначе и не могло быть, конечно, ибо крайнее усиление реакции и временное торжество ее при заминке непосредственной классовой борьбы не может не сопровождаться кризисом революционных партий.

Теперь замечается совершенно уже явственно целый ряд признаков, свидетельствующих о прекращении этого кризиса, о том, что худшее уже пережито, что правильный путь уже наметился, что партия вступает снова на прямую дорогу — последовательного и выдержанного руководства революционной борьбой социалистического пролетариата.

Возьмите одно из очень характерных, далеко не самых глубоких, конечно, но пожалуй, из самых видных внешних проявлений партийного кризиса. Это — бегство интеллигенции от партии. Вышедший в феврале текущего года первый номер Центрального Органа нашей партии, дающий очень много материала для оценки ее внутренней жизни и в большей части перепечатываемый нами, характеризует это бегство чрезвычайно рельефно. «В последнее время *за отсутствием* интеллигентных работников окружная организация умерла», — пишут в корреспонденции с Кулебацкого завода (Владимирская окружная организация

центрального промышленного района). «Наши идейные силы тают, как снег», пишут с Урала. «Элементы, избегающие вообще нелегальных организаций... и примкнувшие к партии лишь в момент подъема и существовавшей в это время во многих местах фактической свободы, покинули наши партийные организации». И статья Центр. Органа: «К организационным вопросам» подводит итог этим (и другим непечатаемым) сообщениям, говоря: «Интеллигенты, как известно, дезертируют за последнее время массами».

Но освобождение партии от полупролетарской, полумещанской интеллигенции начинает пробуждать к *новой жизни* накопленные за период героической борьбы пролетарских масс новые, *чисто пролетарские* силы. Та самая Кулебацкая организация, которая находилась, по приведенной нами сейчас выдержке из корреспонденции, в отчаянном состоянии, даже совсем «умерла», оказывается воскресшей. «Рабочие партийные гнезда, — читаем мы в ней, — рассеянные в изобилии по округе, в большинстве случаев без интеллигентных сил, без литературы, даже без всякой связи с партийными центрами, не желают умирать... Число организованных не уменьшается, а увеличивается... Интеллигентных сил нет, приходится вести пропагандистскую работу самим же рабочим, наиболее сознательным». Получается, как общий вывод, что «в целом ряде мест («С.-Д.» № 1, с. 28) ввиду бегства интеллигенции ответственная работа переходит в руки передовых рабочих».

Эта перестройка партийных организаций на ином, так сказать, классовом фундаменте, конечно, трудное дело и не без колебаний суждено ему развиваться. Но — труден только первый шаг, и он уже сделан. На прямую дорогу руководства рабочих масс передовыми «интеллигентами» из самих же рабочих партия уже вступила.

Работа в профессиональных союзах и кооперативах, за которую брались сначала ощупью, вполне оформливается и отливается в устойчивые формы. Две резолюции Ц. К-та, о проф. союзах и о кооперативах, принятые *обе единогласно*, уже подсказаны растущей местной работой. Партийные ячейки во всех беспартийных организациях; руководство ими в духе боевых задач пролетариата, в духе революционной классовой борьбы; «от беспартийности к партийности» («С.-Д.» № 1, стр. 28), — вот тот путь, на который и здесь вступило уже рабочее движение. Корреспондент одной партийной организации в глухом провинциальном городке, Минске, сообщает: «более революционно настроенные рабочие от них (от коверкаемых администрацией легальных союзов) отстраняются и все более сочувствуют образованию нелегальных союзов».

В том же направлении, «от беспартийности к партийности»,

развивается работа в совершенно иной области, работа думской с.-д. фракции. Это звучит, конечно, странно, но это факт: сразу поставить на партийную высоту работу наших парламентских представителей мы не можем, — как не сразу заработали мы «по-партийному» и в кооперативах. Выбранные по избирательному закону, фальсифицирующему волю народа, — выбранные из круга сохранивших легальность социал-демократов, поредевшего необыкновенно сильно после преследований за обе первые Думы, — наши думские с.-д. *на деле* неизбежно являлись сначала скорее беспартийными социал-демократами, чем настоящими членами партии.

Это печально, но это факт, и едва ли может быть иначе в капиталистической стране, опутанной тысячами крепостнических нитей, при существовании открытой рабочей партии всего каких-нибудь два года. И на этом факте хотели построить свою тактику создания нереволюционной социал-демократии те не только беспартийные, но и «безголовые» социал-демократствующие интеллигенты, которые облепили думскую фракцию, как мухи тарелку с медом. Но как будто бы усилия этих почтенных бернштейнианцев проваливаются! Как будто бы начинает выпрямляться работа с.-д. и здесь. Не станем пророчествовать, не будем закрывать глаза на то, каких еще громадных трудов стоит сколько-нибудь сносная постановка парламентской с.-д. работы в наших условиях, — но отметим то, что в первом номере Ц. О. имеется партийная критика фракции и *прямая резолюция* Ц. К. о более правильном направлении ее работ. Мы ни в каком случае не считаем данной в Ц. О. критики исчерпывающею все пробелы, мы думаем, например, что с.-д. не следовало голосовать ни за передачу в первую очередь земствам поступающих поземельных сборов, ни за *выкуп* по невысокой цене городской земли, арендуемой беднотой (см. стр. 36, № 1 Ц. О.). Но это уже все вопросы, сравнительно говоря, второго порядка. Основное и самое главное — то, что превращение фракции в действительно партийную организацию вполне наметилось уже во всей нашей работе и что, следовательно, партия этого достигнет, каких бы трудов это ни стоило, какими бы испытаниями, колебаниями, частными кризисами, личными столкновениями и т. п. путь этот ни оказался еще усеянным.

В ряду тех же признаков выпрямления настоящей социал-демократической, действительно-партийной работы стоит явственно выступающий факт усиления нелегального издательства. «Урал издает восемь газет, — читаем в Ц. О. — Крым — 2, Одесса — одну газету, в Екатеринославе скоро выходит газета; значительна издательская деятельность Петербурга, Кавказа и национальных организаций» [94]). Помимо двух заграничных с.-д. органов, выпущен в России, несмотря на выходящие из ряду вон

полицейские препятствия, Центральный Орган. Готовится областной орган «Рабочее Знамя» в центр.-промышл. районе.

Тот путь, на который твердою ногою вступает с.-д. партия, вырисовывается из всего сказанного выше вполне определенно. Крепкая нелегальная организация партийных центров, систематическое нелегальное издательство, а главное: местные и в особенности заводские партийные ячейки, руководимые передовиками из самих рабочих, живущими в непосредственной связи с массой, — такова основа, на которой мы строили и построили непоколебимо-прочное ядро революционного и социал-демократического рабочего движения. И это нелегальное ядро будет несравненно шире, чем в прежние времена, простирать *свои* щупальцы, распространять *свое* влияние и через посредство Думы, и в проф. союзах, и в кооперативах, и в культурно-просветительных обществах.

На первый взгляд, есть замечательное сходство в этой системе партийной работы и той, которая установилась у немцев во времена исключительного закона (1878 — 1890 г.). Тот путь, который германское рабочее движение прошло в тридцать лет после буржуазной революции (1848 — 78), — русское рабочее движение проходит в три года (конец 1905-го г. — 1908 г.). Но за этим внешним сходством скрывается глубокое внутреннее различие. Тридцатилетие, протекшее после буржуазно-демократической революции в Германии, вполне выполнило объективно-необходимые задачи *этой* революции. Она изжила себя и в конституционном парламенте начала 60-х годов, и в династических войнах, объединивших бо́льшую часть немецких стран, и в создании империи при помощи всеобщего избирательного права. В России не истекшие еще три года после первой великой победы и первого великого поражения буржуазно-демократической революции не только не выполнили ее задач, а, напротив, впервые внесли сознание этих задач в *широкие* массы пролетариата и крестьянства. Изжили себя за эти два с небольшим года конституционные иллюзии и вера в демократичность либеральных лакеев черносотенного царизма.

Кризис на основе неосуществленных объективных задач буржуазной революции в России неминуем. Чисто-экономические, специально-финансовые, внутренние политические и внешние события, обстоятельства и перипетии могут сделать его острым. И партия пролетариата, — вступив на прямую дорогу создания крепкой нелегальной с.-д. организации, обладающей более многочисленными и более разнообразными орудиями легального и полулегального влияния, чем прежде, — сумеет встретить этот кризис более подготовленной к решительной борьбе, чем в октябре и декабре 1905 года.

«Пролетарий» № 26, 1 апреля (19 марта) 1908 г.

ПОСТ-СКРИПТУМ К СТАТЬЕ: «К ДЕБАТАМ О РАСШИРЕНИИ БЮДЖЕТНЫХ ПРАВ ДУМЫ»*) [95].

В настоящее время Дума приступила к обсуждению самой росписи. Блок реакционеров с лже-оппозиционными предателями народной свободы успел показать себя в первый день прений. В легальной прессе та же картина: нововременцы приветствуют объединение *всех*, кроме «левых фанатиков», читай с.-д. и трудовиков... «Наша Газета» безголовой компании захлебывается от восторга [96]). «Деловой» день, который «примиряет» с «недостатком рассмотрения бюджета по отдельным сметам»...

«Оппозиция» тянется в обозе откровенной реакции. Здесь как раз на депутатов рабочего класса и демократии падает ответственная и почетная роль подлинных представителей ограбляемого народа. К несчастью, первые бюджетные выступления наших думских товарищей крайне неудачны, глубоко ошибочны. В ближайшем № «Пролетария» мы подробно рассмотрим эти ошибки и наметим необходимую с нашей точки зрения линию поведения соц.-дем. в бюджетных прениях и голосованиях.

«Пролетарий» № 27, 8 апреля (26 марта) 1908 г.
Подпись: Н. Ленин.

---

*) См. настоящий том, стр. 129. *Ред.*

О «ПРИРОДЕ» РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Гони природу в дверь, она влетит в окно,— восклицает кадетская «*Речь*» в одной своей недавней передовице [97]). Это ценное признание официального органа наших контр-революционных либералов необходимо особенно подчеркнуть, ибо дело идет о *природе* русской революции. И нельзя достаточно настаивать на том, с какой силой подтверждают события основной взгляд большевизма на эту «природу» *крестьянской* буржуазной революции, которая может победить лишь *против* колеблющегося, шаткого, контр-революционного буржуазного либерализма.

Перед Первой Думой, в начале 1906-го года, г. Струве писал: «крестьянин в Думе будет кадетом». Это было тогда *смелым* утверждением либерала, *еще думавшего* о перевоспитании мужика из наивного монархиста в сторонника оппозиции. Это было тогда, когда орган бюрократии, газета лакеев г-на Витте, «Русское Государство» уверяло, что «серячек выручит», т.-е. что широкое представительство от крестьян окажется благоприятным для самодержавия. Мнения подобного рода были в те времена (далекие времена! целых два года отделяют их от нас!) настолько распространены, что даже в меньшевистских речах на Стокгольмском съезде явственно звучат родственные ноты.

Но уже Первая Дума развеяла эти иллюзии монархистов и *иллюзии либералов* бесповоротно. Самый темный, неразвитой, политически-девственный, партийно-неорганизованный мужик оказался *неизмеримо левее* кадетов. Борьба кадетов с «трудовицким духом» и трудовицкой политикой составляет основное содержание либеральной «деятельности» в течение обеих первых Дум. И когда, после разгона Второй Думы, г. Струве — передовой человек среди либеральных контр-революционеров — бросал свои гневные отзывы о трудовиках, провозглашал крестовый поход против «радикальничающих интеллигентских» вождей крестьянства, он выражал этим *полный крах* либерализма [98]).

Либерализм после опыта двух Дум потерпел полное фиаско: ему *не удалось* «приручить мужика». Ему не удалось сделать его

скромным, уступчивым, согласным на компромисс с помещичьим самодержавием. Либерализм буржуазных адвокатов, профессоров и прочей интеллигентской дребедени не смог «приспособиться» к «трудовицкому» мужичью. Он оказался политически и экономически *позади* его. И все историческое значение первого периода русской революции можно резюмировать словами: либерализм *уже* окончательно доказал свою контр-революционность, свою неспособность руководить крестьянской революцией; крестьянство *еще* не вполне поняло, что только на революционно-республиканском пути, под руководством социалистического пролетариата может быть завоевана настоящая победа.

Крах либерализма означал торжество помещичьей реакции. Теперь, запуганный этой реакцией, униженный и оплеванный ею, превращенный в крепостного пособника столыпинской конституционной комедии, либерализм нет-нет, да и всплакнет о прошлом. Конечно, тяжела, невыносимо тяжела была борьба с трудовицким духом. Но... все же... не выиграем ли мы второй раз, если опять усилится этот дух? Не сыграем ли мы тогда удачнее роль маклеров? Не писал ли наш маститый, наш знаменитый П. Струве еще до революции, что средние партии всегда выигрывают от обострения борьбы между крайними?

И вот изнемогшие в борьбе с трудовиками либералы козыряют против реакции возрождением трудовицкого духа! «Только что поданные в Г. Думу земельные проекты правых крестьян и священников обнаруживают — пишет та же передовица «Речи»— старый трудовицкий дух. Именно трудовицкий, а не кадетский». «Один проект принадлежит крестьянам и подписан 41 членом Г. Думы. Другой принадлежит священникам. Первый радикальнее второго, но и второй в некоторых отношениях (слушайте кадетскую «Речь»!) далеко оставляет за собой кадетский проект аграрной реформы». Либералы вынуждены признать, что после всех просевок избирателя, предпринятых и осуществленных по знаменитому закону 3-го июня, этот факт свидетельствует (как мы уже отмечали раньше: см. № 22 «Пролетария») *) не о случайности, а о *природе* русской революции.

«У крестьян есть — пишет «Речь» — земельный фонд не в смысле передаточной инстанции, — а в смысле постоянного учреждения». Признавая это, кадеты скромно умалчивают о том, как они сами, подделываясь к реакции и подслуживаясь ей, выкидывали при переходе от Первой к Второй Думе земельный фонд (т.-е. так или иначе, в той или иной степени, признание национализации земли) из своей программы, становились на гурковскую [99]) точку зрения полной частной собственности на землю.

---

*) См. настоящий том, стр. 134. *Ред.*

У крестьян — пишет «Речь» — земля приобретается по справедливой оценке (значит, по-кадетски), но — знаменательное «но»! — оценка производится местными земельными учреждениями, «выбираемыми всем населением данной местности».

И опять приходится кое-о-чем умалчивать господам кадетам. Приходится умалчивать о том, что этот выбор всем населением явно напоминает известный «трудовицкий» проект и первой и второй Думы, проект местных земельных комитетов, выбираемых всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Приходится умалчивать о том, какую подлую борьбу вели с этим, единственно возможным с демократической точки зрения, проектом либералы обеих первых Дум, как они жалко виляли и вертелись, желая на думской трибуне *не сказать* полностью того, что они сказали в своей печати, в передовице «Речи», перепечатанной потом у Милюкова («Год борьбы»[100]), в проекте Кутлера и в статье Чупрова (кадетский «Аграрный вопрос», том второй)[101]). Именно: они признали в своей печати, что по их замыслу местные земельные комитеты должны состоять поровну из представителей от крестьян и от помещиков с *представителем от правительства* в качестве третьего лица. Другими словами: кадеты головой выдавали мужика помещику, обеспечивая повсюду большинство за последним (помещики плюс представитель помещичьего самодержавия всегда в большинстве против крестьян).

Мы вполне понимаем, почему жуликам парламентского буржуазного либерализма *приходится* умалчивать об этом. Напрасно только думают они, что рабочие и крестьяне способны забыть эти крупнейшие вехи на дороге русской революции.

Даже священники, эти ультра-реакционеры, нарочито содержимые правительством черносотенные мракобесы, пошли дальше кадетов в своем аграрном проекте. Даже они заговорили о понижении «искусственно-повышенных цен» на землю, о прогрессивном налоге на землю с освобождением от всякого налога участков, не превышающих потребительной нормы. Почему деревенский священник, этот урядник казенного православия, оказался *больше* на стороне мужика, чем буржуазный либерал? Потому что деревенскому священнику приходится жить бок-о-бок с мужиком, зависеть от него в тысяче случаев, даже иногда — при мелком крестьянском земледелии попов на церковной земле — бывать в настоящей шкуре крестьянина. Деревенскому священнику из самой что ни на есть зубатовской Думы придется вернуться в деревню, а в деревню, как бы ее ни чистили карательные экспедиции и хронические военные постои Столыпина, *нельзя вернуться* тому, кто встал на сторону помещиков. Таким образом оказывается, что реакционнейшему попу труднее, чем просвещенному адвокату и профессору предать мужика помещику.

Да, да! Гони природу в дверь,—она влетит в окно. Природа великой буржуазной революции в крестьянской России такова, что только победа крестьянского восстания, немыслимая без руководящей роли пролетариата, способна привести эту революцию к победе вопреки имманентной контр-революционности буржуазного либерализма.

Либералам остается только либо не верить в силу трудовицкого духа — это невозможно, когда факты на-лицо, — либо надеяться на новое политическое жульничество. Вот программа этого жульничества в заключительных словах «Речи»: «Только серьезная практическая постановка этого рода реформы (именно: аграрной реформы «на самом широком демократическом базисе») может излечить население от утопических попыток». Читай: ваше превосходительство, г. Столыпин, даже со всеми своими виселицами и третьеиюньскими законами вы не «излечили» население от «утопического трудовицкого духа». Дозвольте нам еще разок попробовать: мы пообещаем народу самую широкую демократическую реформу, а на деле «излечим» его посредством помещичьего выкупа и помещичьего преобладания в местных земельных учреждениях!

Мы, с своей стороны, от глубины сердца поблагодарим гг. Милюкова, Струве и К° за то усердие, с которым они «излечивают» население от «утопической» веры в мирные конституционные пути. Излечивают и, по всей вероятности, излечат.

«Пролетарий» № 27, 8 апреля (26 марта) 1908 г.

МАРКСИЗМ И РЕВИЗИОНИЗМ [102])

Написано в апреле 1908 г.
Напечатано в 1908 г. в сборнике «Памяти Карла Маркса». С.-Петербург
Подпись: Вл. Ильин

Печатается по тексту сборника

XXV

ПАМЯТИ

КАРЛА МАРКСА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданiе О. и М. КЕДРОВЫХЪ.

1908.

Обложка сборника «Памяти Карла Маркса» — 1908 г.
Уменьшено

Известное изречение гласит, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы. Естественно-исторические теории, задевавшие старые предрассудки теологии, вызвали и вызывают до сих пор самую бешеную борьбу. Неудивительно, что учение Маркса, которое прямо служит просвещению и организации передового класса современного общества, указывает задачи этого класса и доказывает неизбежную — в силу экономического развития — замену современного строя новыми порядками, неудивительно, что это учение должно было с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути.

Нечего говорить о буржуазной науке и философии, по казенному преподаваемых казенными профессорами для оглупления подрастающей молодежи из имущих классов и для «натаскивания» ее на врагов внешних и внутренних. Эта наука и слышать не хочет о марксизме, объявляя его опровергнутым и уничтоженным; и молодые ученые, делающие себе карьеру на опровержении социализма, и ветхие старцы, хранящие завет всевозможных обветшалых «систем», с одинаковым усердием нападают на Маркса. Рост марксизма, распространение и укрепление его идей в рабочем классе, неизбежно вызывает учащение и обострение этих буржуазных вылазок против марксизма, который после каждого «уничтожения» его официальной наукой становится все крепче, закаленнее и жизненнее.

Но и среди учений, связанных с борьбой рабочего класса, распространенных преимущественно среди пролетариата, марксизм далеко и далеко не сразу укрепил свое положение. Первые полвека своего существования (с 40-х годов XIX века) марксизм боролся с теориями, которые были в корне враждебны ему. В первой половине 40-х годов Маркс и Энгельс свели счеты с радикальными младо-гегельянцами, стоявшими на точке зрения философского идеализма. В конце 40-х годов выступает борьба в области экономических учений — против прудонизма. Пятидесятые годы завершают эту борьбу: критика партий и учений, проявивших себя в бурный 1848-ой год. В 60-х годах борьба

переносится из области общей теории в более близкую непосредственному рабочему движению область: изгнание бакунизма из Интернационала. В начале 70-х годов в Германии на короткое время выдвигается прудонист Мюльбергер; — в конце 70-х годов позитивист Дюринг. Но влияние того и другого на пролетариат уже совершенно ничтожно. Марксизм уже побеждает безусловно все прочие идеологии рабочего движения.

К 90-м годам прошлого века эта победа была в основных своих чертах завершена. Даже в романских странах, где всего дольше держались традиции прудонизма, рабочие партии фактически построили свои программы и тактику на марксистской основе. Возобновившаяся международная организация рабочего движения — в виде периодических интернациональных съездов — сразу и почти без борьбы стала во всем существенном на почву марксизма. Но когда марксизм вытеснил все сколько-нибудь цельные враждебные ему учения,—те тенденции, которые выражались в этих учениях, стали искать себе иных путей. Изменились формы и поводы борьбы, но борьба продолжалась. И вторые полвека существования марксизма начались (90-ые годы прошлого века) с борьбы враждебного марксизму течения внутри марксизма.

Бывший ортодоксальный марксист Бернштейн дал имя этому течению, выступив с наибольшим шумом и с наиболее цельным выражением поправок к Марксу, пересмотра Маркса, ревизионизма. Даже в России, где немарксистский социализм естественно, — в силу экономической отсталости страны и преобладания крестьянского населения, придавленного остатками крепостничества, — держался всего более долго, даже в России он явственно перерастает у нас на глазах в ревизионизм. И в аграрном вопросе (программа муниципализации всей земли), и в общих вопросах программы и тактики наши социал-народники все больше и больше заменяют «поправками» к Марксу отмирающие, отпадающие остатки старой, по-своему цельной и враждебной в корне марксизму системы.

Домарксистский социализм разбит. Он продолжает борьбу уже не на своей самостоятельной почве, а на общей почве марксизма, как ревизионизм. Посмотрим же, каково идейное содержание ревизионизма.

В области философии ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской «науки». Профессора шли «назад к Канту»,—и ревизионизм тащился за неокантианцами, профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма, — и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово в слово по последнему хандбуху *)), что материализм давно «опровергнут»; профессора третировали Гегеля, как

*) — руководству. *Ред.*

«мертвую собаку» [103]), и, проповедуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики,—и ревизионисты лезли за ними в болото философского опошления науки, заменяя «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией»; профессора отрабатывали свое казенное жалованье, подгоняя и идеалистические и «критические» свои системы к господствовавшей средневековой «философии» (т.-е. к теологии), — и ревизионисты пододвигались к ним, стараясь сделать религию «частным делом» не по отношению к современному государству, а по отношению к партии передового класса.

Какое действительное классовое значение имели подобные «поправки» к Марксу, об этом не приходится говорить — дело ясно само собой. Мы отметим только, что единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провезти старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова *).

Переходя к политической экономии, надо отметить, прежде всего, что в этой области «поправки» ревизионистов были гораздо более разносторонни и обстоятельны; на публику старались подействовать «новыми данными хозяйственного развития». Говорили, что концентрации и вытеснения крупным производством мелкого не происходит в области сельского хозяйства вовсе, а в области торговли и промышленности происходит она крайне медленно. Говорили, что кризисы теперь стали реже, слабее, вероятно, картели и тресты дадут возможность капиталу совсем устранить кризисы. Говорили, что «теория краха», к которому идет капитализм, несостоятельна ввиду тенденции к притуплению и смягчению классовых противоречий. Говорили, наконец, что и теорию стоимости Маркса не мешает исправить по Бем-Баверку.

Борьба с ревизионистами по этим вопросам дала такое же плодотворное оживление теоретической мысли международного социализма, как полемика Энгельса с Дюрингом за двадцать лет перед тем. Доводы ревизионистов разбирались с фактами и цифрами в руках. Было доказано, что ревизионисты систематически

---

*) См. книгу «Очерки философии марксизма» Богданова, Базарова и др. Здесь не место разбирать эту книгу, и я должен ограничиться пока заявлениями, что в ближайшем будущем покажу в ряде статей или в особой брошюре, что *все* сказанное в тексте про нео-кантианских ревизионистов относится по существу дела и к этим «новым» нео-юмистским и нео-берклеанским ревизионистам. (См. XIII том Сочинений. *Ред.*)

подкрашивают современное мелкое производство. Факт технического и коммерческого превосходства крупного *производства* над мелким не только в промышленности, но и в земледелии доказывают неопровержимые данные. Но в земледелии гораздо слабее развито товарное производство, и современные статистики и экономисты плохо умеют обыкновенно выделять те специальные отрасли (иногда даже операции) земледелия, которые выражают прогрессивное вовлечение земледелия в *обмен* мирового хозяйства. На развалинах натурального хозяйства мелкое производство держится бесконечным ухудшением питания, хронической голодовкой, удлинением рабочего дня, ухудшением качества скота и ухода за ним, одним словом, теми же средствами, которыми держалось и кустарное производство против капиталистической мануфактуры. Каждый шаг вперед науки и техники подрывает неизбежно и неумолимо основы мелкого производства в капиталистическом обществе, и задача социалистической экономии—исследовать этот процесс во всех его, нередко сложных и запутанных, формах,—доказывать мелкому производителю невозможность удержаться при капитализме, безвыходность крестьянского хозяйства при капитализме, необходимость перехода крестьянина на точку зрения пролетария. Ревизионисты в данном вопросе грешили в научном отношении поверхностным обобщением односторонне-выхваченных фактов, вне связи их со всем строем капитализма,—в политическом же отношении они грешили тем, что неизбежно, вольно или невольно, звали крестьянина, или толкали крестьянина на точку зрения хозяина (т.-е. точку зрения буржуазии) вместо того, чтобы толкать его на точку зрения революционного пролетария.

С теорией кризисов и теорией краха дела ревизионизма обстояли еще хуже. Только самое короткое время и только самые близорукие люди могли думать о переделке основ учения Маркса под влиянием нескольких лет промышленного подъема и процветания. Что кризисы не отжили свое время, это показала ревизионистам очень быстро действительность: кризис наступил после процветания. Изменились формы, последовательность, картина отдельных кризисов, но кризисы остались неизбежной составной частью капиталистического строя. Картели и тресты, объединяя производство, в то же время усиливали на глазах у всех анархию производства, необеспеченность пролетариата и гнет капитала, обостряя таким образом в невиданной еще степени классовые противоречия. Что капитализм идет к краху—и в смысле отдельных политических и экономических кризисов, и в смысле полного крушения всего капиталистического строя,—это с особенной наглядностью и в особенно широких размерах показали как раз новейшие гигантские тресты. Недавний финансовый кризис в Америке, страшное обострение безработицы во всей Европе,

не говоря уже о близком промышленном кризисе, на который указывают многие признаки, — все это привело к тому, что недавние «теории» ревизионистов забыты всеми, кажется, многими и из них самих. Не следует только забывать тех уроков, которые эта интеллигентская неустойчивость дала рабочему классу.

О теории стоимости надо только сказать, что, кроме намеков и воздыханий, весьма туманных, по Бем-Баверку, ревизионисты не дали тут решительно ничего и не оставили поэтому никаких следов в развитии научной мысли.

В области политики ревизионизм попытался пересмотреть действительно основу марксизма, именно: учение о классовой борьбе. Политическая свобода, демократия, всеобщее избирательное право уничтожают почву для классовой борьбы,—говорили нам, — и делают неверным старое положение «Коммунистического Манифеста»: рабочие не имеют отечества. В демократии, раз господствует «воля большинства», нельзя, дескать, ни смотреть на государство, как на орган классового господства, ни отказываться от союзов с прогрессивной, социал-реформаторской буржуазией против реакционеров.

Неоспоримо, что эти возражения ревизионистов сводились к довольно стройной системе взглядов,—именно: давно известных либерально-буржуазных взглядов. Либералы всегда говорили, что буржуазный парламентаризм уничтожает классы и классовые деления, раз право голоса, право участия в государственных делах имеют все граждане без различия. Вся история Европы во 2-й половине XIX века, вся история русской революции в начале XX века показывает воочию, как нелепы подобные взгляды. Экономические различия не ослабляются, а усиливаются и обостряются при свободе «демократического» капитализма. Парламентаризм не устраняет, а обнажает сущность самых демократических буржуазных республик, как органа классового угнетения. Помогая просветить и организовать неизмеримо более широкие массы населения, чем те, которые прежде участвовали активно в политических событиях, парламентаризм подготовляет этим не устранение кризисов и политических революций, а наибольшее обострение гражданской войны во время этих революций. Парижские события весной 1871 года и русские зимой 1905 года показали яснее ясного, как неизбежно наступает такое обострение. Французская буржуазия, ни секунды не колеблясь, вошла в сделку с общенациональным врагом, с чужестранным войском, разорившим ее отечество, для подавления пролетарского движения. Кто не понимает неизбежной внутренней диалектики парламентаризма и буржуазного демократизма, приводящей к еще более резкому, чем в прежние времена, решению спора массовым насилием,—тот никогда не сумеет на почве этого парламентаризма вести принципиально выдержанной пропаганды и агитации, действительно

готовящей рабочие массы к победоносному участию в таких «спорах». Опыт союзов, соглашений, блоков с социал-реформаторским либерализмом на Западе, с либеральным реформизмом (кадеты) в русской революции показал убедительно, что эти соглашения только притупляют сознание масс, не усиливая, а ослабляя действительное значение их борьбы, связывая борющихся с элементами, наименее способными бороться, наиболее шаткими и предательскими. Французский мильеранизм — самый крупный опыт применения ревизионистской политической тактики в широком, действительно-национальном масштабе,—дал такую практическую оценку ревизионизма, которую никогда не забудет пролетариат всего мира.

Естественным дополнением экономических и политических тенденций ревизионизма явилось отношение его к конечной цели социалистического движения. «Конечная цель — ничто, движение — все», это крылатое словечко Бернштейна выражает сущность ревизионизма лучше многих длинных рассуждений. От случая к случаю определять свое поведение, приспособляться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывать коренные интересы пролетариата и основные черты всего капиталистического строя, всей капиталистической эволюции, жертвовать этими коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты,—такова ревизионистская политика. И из самого существа этой политики вытекает с очевидностью, что она может принимать бесконечно разнообразные формы и что каждый сколько-нибудь «новый» вопрос, сколько-нибудь неожиданный и непредвиденный поворот событий, хотя бы этот поворот только в миниатюрной степени и на самый недолгий срок изменял основную линию развития, — неизбежно будут вызывать всегда те или иные разновидности ревизионизма.

Неизбежность ревизионизма обусловливается его классовыми корнями в современном обществе. Ревизионизм есть интернациональное явление. Для всякого сколько-нибудь сведущего и думающего социалиста не может быть ни малейших сомнений в том, что отношение ортодоксов и бернштейнианцев в Германии, гэдистов и жоресистов (теперь в особенности бруссистов) во Франции, социал-демократической федерации и независимой рабочей партии в Англии, Брукэра и Вандервельде в Бельгии, интегралистов и реформистов в Италии, большевиков и меньшевиков в России повсюду в существе своем однородно, несмотря на гигантское разнообразие национальных условий и исторических моментов в современном состоянии всех этих стран [104]. «Разделение» внутри современного международного социализма идет, в сущности, уже теперь по *одной* линии в разных странах мира, документируя этим громадный шаг вперед по сравнению с тем, что было лет 30—40 тому назад, когда в разных стра-

нах боролись не однородные тенденции внутри единого международного социализма. И тот «ревизионизм слева», который обрисовался теперь в романских странах, как «революционный синдикализм»[105]), тоже приспособляется к марксизму, «исправляя» его: Лабриола в Италии, Лагардель во Франции сплошь да рядом апеллируют от Маркса, неверно понятого, к Марксу, верно понимаемому.

Мы не можем здесь останавливаться на разборе идейного содержания *этого* ревизионизма, который далеко не так еще развился, как ревизионизм оппортунистический, не интернационализировался, не выдержал ни одной крупной практической схватки с социалистической партией хотя бы одной страны. Мы ограничиваемся потому тем «ревизионизмом справа», который был обрисован выше.

В чем заключается его неизбежность в капиталистическом обществе? Почему он глубже, чем различия национальных особенностей и степеней развития капитализма? Потому, что во всякой капиталистической стране рядом с пролетариатом всегда стоят широкие слои мелкой буржуазии, мелких хозяев. Капитализм родился и постоянно рождается из мелкого производства. Целый ряд «средних слоев» неминуемо вновь создается капитализмом (придаток фабрики, работа на дому, мелкие мастерские, разбросанные по всей стране ввиду требований крупной, например, велосипедной и автомобильной индустрии, и т. д.). Эти новые мелкие производители так же неминуемо опять выбрасываются в ряды пролетариата. Совершенно естественно, что мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий. Совершенно естественно, что так должно быть и будет всегда вплоть до перипетий пролетарской революции, ибо было бы глубокой ошибкой думать, что необходима «полная» пролетаризация большинства населения для осуществимости такой революции. То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, — то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве,—это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу.

Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX века есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства.

ПО ТОРНОЙ ДОРОЖКЕ!

Оценка русской революции, т.-е. трех первых лет ее, стоит на очереди дня. Без выяснения классовой природы наших политических партий, без учета интересов и взаимного положения классов в нашей революции нельзя сделать ни шагу вперед в деле определения ближайших задач и тактики пролетариата. На одной из попыток такого учета мы и намерены в данной статье остановить внимание наших читателей.

В № 3 «Голоса Социал-Демократа» [106]) Ф. Дан и Г. Плеханов выступают — один с систематической оценкой итогов революции, другой—с итоговыми выводами о тактике рабочей партии. Оценка Дана сводится к тому, что надежды на диктатуру пролетариата и крестьянства не могли не оказаться иллюзией. «Возможность нового широкого революционного выступления пролетариата... обусловлена в значительной степени позицией буржуазии». «На первых этапах его (нового подъема),—пока подъем революционного рабочего движения не всколыхнет городское мещанство, а развитие городской революции не зажжет пожара в деревне — в качестве главных политических сил очутятся лицом к лицу пролетариат и буржуазия».

Тактические выводы из этакого рода «истин» явно недоговорены Ф. Даном. Он посовестился, очевидно, дописать то, что из его слов само собой вытекает: рекомендовать рабочему классу знаменитую тактику меньшевиков—поддерживать буржуазию (припомните блоки с кадетами; поддержку лозунга кадетское министерство; полновластную Думу Плеханова и т. д.). Но зато Плеханов дополнил Дана, закончив свой фельетон в № 3 «Г. С.-Д.» словами: «Хорошо было бы для России, если бы этих ошибок, сделанных Марксом и Энгельсом в Германии более полувека тому назад» (именно: недооценки способности тогдашнего капитализма к развитию и переоценки способности пролетариата к революционному действию), «сумели избежать русские марксисты в 1905—6 годах!».

Это яснее ясного. Дан и Плеханов пытаются осторожненько, не называя прямо вещи их именами, оправдать меньшевистскую

политику зависимости пролетариата от кадетов. Присмотримся же к их «теоретическому обоснованию» этого предприятия.

Дан рассуждает так, что «крестьянское движение» зависит от «роста и развития городской революции в ее буржуазном и пролетарском руслах». Поэтому за подъемом «городской революции» следовал подъем крестьянского движения, за упадком же ее «придавленные подъемом революции внутренние антагонизмы деревни стали снова обостряться» и «правительственная аграрная политика, политика разъединения крестьянства и т. д. стала пользоваться относительным успехом». Отсюда приведенное нами заключение, что на первых этапах нового подъема главными политическими силами будут пролетариат и буржуазия. «Положение это — по мнению Ф. Дана — должно и может быть использовано пролетариатом для такого развития революции, которое оставит далеко за собой *исходную точку* нового подъема ее и приведет к полной демократизации общества под знаком (sic!) радикального (!!) решения аграрного вопроса».

Нетрудно видеть, что построено это рассуждение целиком на *радикальном* непонимании аграрного вопроса в нашей революции и что непонимание это прикрыто совсем плохо дешевенькими и пустыми фразами о «полной демократизации» «под знаком» «решения» вопроса.

Ф. Дан думает, что «надежды на диктатуру пролетариата и крестьянства» зависят и зависели от народнических предрассудков, от забвения внутренних антагонизмов деревни и индивидуалистического характера крестьянского движения. Это — обычные и давно всем известные меньшевистские взгляды. Но едва ли кто так рельефно выставлял до сих пор напоказ всю их нелепость, как Ф. Дан в разбираемой нами статье. Почтеннейший публицист ухитрился *не заметить*, что *оба* противопоставляемые им «*решения*» аграрного вопроса соответствуют «индивидуалистическому характеру крестьянского движения»! В самом деле, Столыпинское решение, пользующееся, по мнению Дана, «относительным успехом», покоится на индивидуализме крестьян. Это несомненно. Ну, а другое решение, которое Ф. Дан назвал «радикальным» и связанным с «полной демократизацией общества»? Не думает ли почтеннейший Дан, что оно *не покоится* на индивидуализме крестьян?

В том-то и беда, что пустой фразой о «полной демократизации общества под знаком радикального решения аграрного вопроса» прикрыто у Дана радикальное недомыслие. Он бессознательно, как слепой, *натыкается* на два, объективно возможных и не выбранных еще окончательно историей «решения» аграрного вопроса, не умея ясно и точно представить себе характера *обоих* решений и условий того и другого решения.

Почему Столыпинская аграрная политика может пользоваться

«относительным успехом»? Потому что в крестьянстве нашем уже давно созданы капиталистическим развитием враждебные классы крестьянской буржуазии и крестьянского пролетариата. Возможен ли полный успех Столыпинской аграрной политики и что таковой означает? Он возможен, если обстоятельства сложатся исключительно благоприятно для Столыпина, а означает он «решение» аграрного вопроса в буржуазной России в смысле *окончательного* (до пролетарской революции) укрепления частной собственности на *всю* землю, и помещичью и крестьянскую. Это будет «решение» *прусского* типа, действительно обеспечивающее капиталистическое развитие России, но неимоверно медленное, надолго отдающее власть юнкеру, в тысячу раз более мучительное для пролетариата и крестьянства, чем другое *возможное* объективно, тоже капиталистическое «решение аграрного вопроса».

Это другое решение Дан, не вдумавшись в дело, назвал «радикальным». Словечко дешевое и мысли в нем ни капли нет. Столыпинское решение тоже очень радикально, ибо оно радикально ломает старую общину и старый аграрный строй России. Действительное отличие *крестьянского* решения аграрного вопроса в русской буржуазной революции от *Столыпински-кадетского* его решения состоит в том, что первое уничтожает помещичью частную собственность на землю безусловно, а крестьянскую — весьма вероятно (этого частного вопроса о крестьянской надельной земле мы пока не будем касаться, ибо все рассуждение Дана неверно даже с точки зрения теперешней нашей «муниципализаторской», аграрной программы).

Спрашивается теперь, действительно ли это второе решение объективно возможно? Несомненно. На этот счет согласны все думающие марксисты, ибо *иначе* поддержка пролетариатом стремления мелких собственников конфисковать крупную собственность была бы реакционным шарлатанством. Ни в одной другой капиталистической стране ни один марксист не напишет программы с поддержкой *крестьянского* стремления конфисковать крупную земельную собственность. В России и большевики и меньшевики согласны насчет необходимости такой поддержки. Почему? Потому, что *объективно* возможен для России *иной* путь капиталистического аграрного развития, не «прусский», а «американский», не помещичье-буржуазный (или юнкерский), а крестьянски-буржуазный.

Столыпин и кадеты, самодержавие и буржуазия, Николай второй и Петр Струве сходятся в том, что надо капиталистически «очистить» обветшалый аграрный строй России посредством сохранения помещичьей земельной собственности. Они расходятся лишь в том, как лучше сохранить ее и насколько сохранить.

Рабочие и крестьяне, социал-демократы и народники (трудовики, н.-с., с.-р-ы в том числе) сходятся в том, что надо *капиталистически* «очистить» обветшалый аграрный строй России посредством насильственного уничтожения помещичьей земельной собственности. Они расходятся в том, что социал-демократы понимают капиталистический характер в современном обществе всякой, хотя бы наирадикальнейшей аграрной революции, и муниципализации, и национализации, и социализации, и раздела, а народники не понимают этого, облекая мещански-утопическими фразами об уравнительности свою борьбу за крестьянски-буржуазную аграрную эволюцию против помещичьи-буржуазной эволюции.

Вся путаница и все недомыслие Ф. Дана зависит от того, что он радикально не понял экономической основы русской буржуазной революции. За разногласиями марксистского и мещанского социализма в России по вопросу об экономическом содержании и значении борьбы крестьян за землю в данной революции он *«не заметил»* борьбы реальных общественных сил за тот или иной путь объективно-возможной капиталистической аграрной эволюции. И это свое полное непонимание он прикрыл фразами об «относительном успехе» Столыпина и о «полной демократизации общества под знаком радикального решения аграрного вопроса».

На самом деле аграрный вопрос стоит теперь в России так: для успеха Столыпинской политики нужны долгие годы насильственного подавления и истребления массы крестьян, не желающих умирать с голоду и быть выселяемыми из своих деревень. В истории бывали примеры *успеха* подобной политики. Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики «невозможен». Возможен! Но наше дело — ясно показать народу, какой ценой покупается такой успех, и всеми силами бороться за иной, более краткий и более быстрый путь капиталистического аграрного развития *через* крестьянскую революцию. Трудна крестьянская революция под руководством пролетариата в капиталистической стране, очень трудна, но она возможна и за нее надо бороться. Три года революции научили нас и весь народ не только тому, что за нее надо бороться, но и тому, как бороться. Никакие меньшевистские «подходцы» к политике поддержки кадетов не вытравят этих уроков революции из сознания рабочих.

Далее. Что, если, несмотря на борьбу масс, Столыпинская политика продержится достаточно долго для успеха «прусского» пути? тогда аграрный строй России станет вполне буржуазным, крупные крестьяне заберут себе почти всю надельную землю, земледелие станет капиталистическим и никакое, ни радикальное, ни не-радикальное, «решение» аграрного вопроса при *капитализме* станет невозможным. Тогда добросовестные марксисты

прямо и открыто выкинут вовсе всякую «аграрную программу» и скажут массам: рабочие сделали все, что могли, для обеспечения России не юнкерского, а американского капитализма. Рабочие зовут вас теперь к социальной революции пролетариата, ибо *после* «решения» аграрного вопроса в Столыпинском духе *никакой иной* революции, способной изменить серьезно экономические условия жизни крестьянских масс, *быть не может*.

Вот в каком соотношении стоит вопрос о соотношении буржуазной и социалистической революции в России, вопрос, особенно запутанный Даном в его немецком пересказе его русской статьи («*Neue Zeit*» *), № 27) [107].

Буржуазные революции возможны, даже неизбежны, в России и на почве Столыпински-кадетского аграрного пути. Но в *таких* революциях, как и в французских революциях 1830 и 1848 годов, нельзя будет и говорить о «полной демократизации общества под знаком радикального решения аграрного вопроса». Или вернее: в таких революциях только мещанские *quasi*-социалисты будут еще болтать о «решении» (особенно «радикальном») решенного уже для капиталистически-сложившейся страны аграрного вопроса.

Но в России далеко, далеко еще не сложились капиталистические аграрные порядки. Это ясно не только для нас, и меньшевиков и большевиков, не только для людей, сочувствующих революции и желающих ее нового подъема, — это ясно даже для таких последовательных, сознательных и откровенно-смелых врагов революции и друзей черносотенного самодержавия, как г. Петр Струве. Если он «голосом голосит», что нам нужен Бисмарк, нужно превращение реакции в революцию сверху, то это именно потому, что Струве *не* видит у нас ни Бисмарка, ни революции сверху. Струве видит, что на одной Столыпинской реакции и тысяче виселиц не создашь в помещичье-буржуазной, прочной России кнехта [108]). Нужно что-то иное, что-то вроде решения (хотя бы по-бисмарковски) национальных исторических задач, объединения Германии, введения всеобщего избирательного права. А Столыпину объединять приходится только Думбадзе с героями рижского музея [109])! Отменять *приходится* даже Виттевское избирательное право по закону 11 декабря 1905 года! Вместо крестьян, довольных Дановским «относительным успехом» аграрной политики, Столыпину приходится даже от третьедумских крестьян выслушивать «трудовицкие» требования!

Как же не «голосить», не стонать и не плакать Петру Струве, когда он ясно видит, что *не выходит*, все еще не выходит у нас упорядоченной, скромной, умеренной и аккуратной, куцой и прочной «конституции»?

---

*) — «Новое Время». *Ред.*

Струве хорошо знает, куда он идет. А Ф. Дан ничему не научился и ничего не забыл за три года революции. Он все еще, как слепой, тащит пролетариат под крылышко господ Струве. Он все еще бормочет те же реакционные меньшевистские речи, будто могут у нас пролетариат и буржуазия оказаться в качестве «главных политических сил»... против кого, почтеннейший? против Гучкова? против монархии?

До какого невероятного подкрашивания либералов доходит при этом Ф. Дан, показывает его немецкая статья. Немецкой публике он не стыдится даже рассказывать, что в III Думу мещанство городов выбирало «прогрессивных выборщиков» (сиречь кадетов), а крестьяне-де дали 40% реакционных выборщиков! Да здравствуют «прогрессивные» Милюковы и Струве, аплодирующие Столыпину! Да здравствует союз Данов с Милюковыми против «реакционных» крестьян, проявляющих трудовицкий дух в третьей Думе!

И Плеханов фальсифицирует Энгельса в угоду все тех же реакционных меньшевистских теорий. Энгельс говорил, что тактика Маркса в 1848 году была *верна*, что она и только она действительно дала верные, прочные, незабвенные уроки пролетариату. Энгельс говорил, что эта тактика не удалась *несмотря* на то, что она была единственно верная, не удалась, в силу недостаточной подготовленности пролетариата и недостаточной развитости капитализма. А Плеханов, точно в издевку над Энгельсом, точно для вящей потехи Бернштейнов и Стрельцовых, — толкует Энгельса так, будто он «каялся» в тактике Маркса! будто он потом признавал ее ошибочной и отдавал предпочтение тактике поддержки немецких кадетов [110])!

Не скажет ли нам завтра Г. Плеханов, что Энгельс по поводу восстаний в 1849 году находил, что «не следовало браться за оружие»?

Маркс и Энгельс учили пролетариат революционной тактике, тактике развития борьбы до самых высоких форм, тактике, ведущей крестьянство за пролетариатом, а не пролетариат за либеральными предателями.

«Пролетарий» № 29, 29 (16) апреля 1908 г.

БЛОК КАДЕТОВ С ОКТЯБРИСТАМИ?

Частная телеграмма из Петербурга в газету «Frankfurter Zeitung» от 1 (14) апреля сообщает: «С конца марта ведутся тайные переговоры между октябристами, умеренными правыми, кадетами и партией мирного обновления о том, нельзя ли им образовать *блок*. План исходит от октябристов, которые не могут уже рассчитывать на поддержку крайних правых. Эти последние, особенно недовольные октябристами из-за запроса на счет Думбадзе [111]), намереваются голосовать вместе с оппозицией против центра. Такой прием затруднил бы работы Думы, ибо соединение крайней правой с оппозицией дает 217 голосов против 223 голосов центра и умеренных правых. Первое совещание (о блоке) состоялось 12-го апреля (30 марта ст. ст.). На нем присутствовало 30 избранных на основе пропорциональности доверенных людей. Ни к каким результатам это совещание не пришло, и постановлено было в течение ближайшей недели собрать новое совещание».

Насколько достоверно это известие, мы не знаем. Во всяком случае молчание русских газет не является доказательством против, и мы считаем необходимым осведомить наших читателей об информации заграничной прессы.

Принципиально нет ничего невероятного в том, что тайные переговоры ведутся. Кадеты всей своей политической историей, начиная с визита Струве к Витте в ноябре 1905 года, продолжая закулисными переговорами с Треповым и К⁰ летом 1906 года и так далее и так далее, *доказали*, что суть их тактики — забеганье с заднего крыльца ко власть имущим. Но, если бы даже это известие о переговорах оказалось неверным, — остается несомненным, что *на деле* в III Думе *существует* молчаливый блок кадетов с октябристами на основе поворота кадетов вправо. Целый ряд кадетских голосований в III Думе доказывает это неопровержимо, не говоря уже о содержании кадетских речей и характере их политических выступлений.

В III Думе *два* большинства, говорили мы еще до ее созыва (см. «Пролетарий» и резолюцию июньской Всероссийской Кон-

ференции Р. С.-Д. Р. П. 1907 года) *). И мы доказывали уже тогда, что уклоняться от признания этого факта (как делали меньшевики), а главное — *от классовой* характеристики *кадетско-октябристского* большинства значит давать тащить себя на поводу буржуазного либерализма.

Классовая природа кадетов обнаруживает себя все яснее: кто не хотел видеть этого в 1906-ом году, того заставят факты *признать* это теперь, или скатиться целиком к оппортунизму.

«Пролетарий» № 29, 29 (16) апреля 1908 г.

---

*) См. настоящий том, стр. 94, 107. *Ред.*

КАДЕТЫ ВТОРОГО ПРИЗЫВА.

Корреспонденция из России, помещаемая в этом номере под заглавием «Научная хроника», заслуживает особого внимания читателей. Мы получили — перед самым выходом нашей газеты — подтверждение тех фактов, о которых говорит корреспондент, и должны остановиться на них подробнее [112]).

Зарождается новая политическая организация: наблюдается некоторый новый поворот общественного движения. Группируются элементы буржуазной демократии, желающие быть «левее кадетов» и привлекающие к себе меньшевиков и соц.-рев. Пробивается как будто некоторое смутное сознание того, что кадетская оппозиция в Третьей Думе есть разлагающийся труп и что необходимо «что-то делать» помимо ее.

Таковы факты. Они далеко, далеко не отличаются еще определенностью, но они уже намечают явления понятные и неизбежные с точки зрения тех уроков, которые дали первые три года революции.

Кадеты первого призыва появились на открытой сцене революции летом 1905 года. Они успели за три неполных года отцвести, — не успевши расцвесть. На их смену появляются кадеты второго призыва. В чем смысл этой смены, и какие задачи ставит она перед рабочей партией?

Кадеты первого призыва шумели на банкетах 1904 года, вели земскую кампанию, выражали начало общественного подъема при совершенно неопределившихся еще отношениях классов к самодержавию и между собою, т.-е. до того времени, когда открытая борьба масс и политика классов, а не группок, определила эти отношения. Кадеты группировали тогда все и всяческие элементы буржуазного, так называемого образованного общества, начиная с помещика, добивавшегося не столько конституции, сколько севрюжины с хреном, и кончая служащей, наемной интеллигенцией. Кадеты готовились *посредничать* между «исторической властью», т.-е. царским самодержавием и борющимися массами рабочего класса и крестьянства. Депутация к царю летом 1905 года

была началом этого низкопоклонства,—ибо иного посредничества, кроме низкопоклонства, не понимают русские либералы. И с тех пор не было буквально ни одного сколько-нибудь крупного этапа русской революции, когда бы буржуазный либерализм не «посредничал» тем же методом поклонов самодержавию и слугам черносотенной помещичьей шайки. В августе 1905 года он боролся с революционной тактикой бойкота Булыгинской Думы. В октябре 1905 года он выделил открыто контр-революционную партию октябристов, посылая в то же время Петра Струве в переднюю к Витте и проповедуя умеренность и аккуратность. В ноябре 1905 года он осуждал почтово-телеграфную стачку и соболезновал по поводу «ужасов» солдатских восстаний. В декабре 1905 года он пугливо жался к Дубасову, с тем, чтобы на другой день громить (лягать—надо бы, пожалуй, сказать) «стихию безумия». В начале 1906 года он горячо защищался от «позорного» подозрения, будто либералы способны агитировать за границей против миллиардного займа для укрепления самодержавия. В Первой Думе либерализм фразерствовал о народной свободе, под сурдинку забегая с заднего крыльца к Трепову и борясь с трудовиками и рабочими депутатами. Выборгским манифестом он старался убить двух зайцев, лавировать так, чтобы можно было истолковать его поведение—смотря по надобности—и в духе поддержки революции, и в духе борьбы с революцией. Нечего и говорить о Второй и Третьей Думах, где либерализм кадетов показал во всем блеске свою октябристскую природу.

За три года кадеты «отхозяйничали» настолько, что попытки нового оживления с самого начала связываются с лозунгом «левее кадетов»! Кадеты первого призыва *сделали себя невозможными*. Они похоронили себя своим сплошным предательством народной свободы.

Но не заражены ли тем же трупным ядом кадеты второго призыва, идущие на смену старых? Не намереваются ли «социал-кадеты», гг. народные социалисты, которые особенно шумят около новой организации, повторить старую, знакомую уже нам по опыту трех лет, эволюцию?

На этот вопрос надо ответить не гаданиями о будущем, а анализом прошлого. И этот анализ неопровержимо показывает, что «эс-эровские меньшевики», гг. народные социалисты, действительно играли роль кадетов в той среде трудовицкой, крестьянской политической организации или, вернее, политического движения, в которой они действовали в свои «лучшие дни», например, в эпоху Первой Думы. Припомните главные факты из истории «партии» (группка?) народных социалистов в русской революции. В «Союзе Освобождения» они получили свое крещение. На съезде партии эс-эров в декабре 1905 года они—вечно колеблющиеся между кадетами и эс-эрами—защищали нелепую

межеумочную позицию, желая быть и вместе и врозь с социалистами-революционерами. В период октябрьских свобод они вели политические газеты в блоке с с.-р. То же в эпоху Первой Думы: «высшая» дипломатия, «хитрое» прикрывание разногласий от глаз света! После разгона Первой Думы, после неудачи второй полосы восстаний, после подавления Свеаборга сии джентльмены *решаются* — повернуть вправо. Они «легализируют» свою партию не для чего иного, разумеется, как для того, чтобы в печати легально разносить идею восстания и доказывать несвоевременность активной республиканской пропаганды. Перед крестьянскими депутатами в Первой Думе они одерживают победу над эс-эрами, собирая 104 подписи под своим аграрным проектом против 33 эс-эровских. «Трезвые» буржуазные стремления крестьянского хозяйчика к национализации земли берут верх над туманом «социализации». Вместо стремления к политически-революционной организации крестьян, организации для восстания, мы видим у социал-кадетов стремление к игре в легальность и в парламентаризм, к узкой интеллигентской кружковщине. Колебание русского крестьянина от кадета и от интеллигентского оппортуниста эн-эса к интеллигентски невыдержанному революционеру эс-эру знаменует собой двойственное положение мелкого земледельца, его неспособность без руководства со стороны пролетариата вести выдержанную классовую борьбу.

И если теперь господа эн-эсы снова начинают «путаться» с левыми кадетами, таща за собой несмышленышей — меньшевиков и эс-эров, то это значит, что вся компания ничему не научилась за три года революции. Они толкуют, что экономические требования разъединяют. Они хотят объединиться на более близких — политических. Они ровно ничего не поняли в ходе революции, показавшей в России, как и в других странах, что только массовая борьба сильна и что только во имя серьезных экономических преобразований может развернуться такая борьба.

Что меньшевики и эс-эры паки и паки тянутся за левыми кадетами, это не новость. Так было на выборах в II Думу в Петербурге. Так было в вопросе о кадетском министерстве и о полновластной Думе у одних, — в тайном блоке с эн-эсами у других. Есть, очевидно, глубокие причины, которые создают у мещанской интеллигенции «влечение род недуга», влечение под крылышко либеральной буржуазии.

Это влечение прикрывают, конечно, как водится, речами об использовании нового подъема или новой группировки сил и т. п.

О да, господа, мы тоже стоим за использование... трупа — только не для «оживления» его, а для удобрения им почвы, не для потакательства гнилым теориям и филистерским настроениям, а для роли «адвоката дьявола». Мы будем учить народ на этом новом, хорошем, превосходном примере эн-эсов и левых кадетов,

учить тому, чего не делать, также избегать кадетского предательства и мещанской дряблости. Мы будем следить внимательно за ростом и развитием этого нового уродика (если он не мертворожденный), — напоминая ежечасно, что всякий такой зародыш, *если он не мертворожденный*, неминуемо и неизбежно означает в современной России преддверие массовой борьбы рабочего класса и крестьянства. «Союз Освобождения» возрождается. Если так, это значит, что верхи начинают что-то чуять. А если так, это значит, что за началом грядет продолжение, за интеллигентской суетней пролетарская борьба.

И урокам борьбы, урокам революционного сближения только на борьбе и только с революционно-борющимися крестьянскими массами, будем мы учить народ по поводу выхода на сцену кадетов второго призыва.

«Пролетарий» № 30, 23 (10) мая 1908 г.

К ОЦЕНКЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Никто не станет думать уже теперь в России о том, чтобы делать революцию по Марксу. Так, или приблизительно так, провозгласила недавно одна либеральная, — даже почти демократическая, — даже почти социал-демократическая, — (меньшевистская) газета, «Столичная Почта» [113]). И надо отдать справедливость авторам этого изречения, что им удалось верно схватить *суть* того настроения в современной политике и того отношения к урокам нашей революции, которое безусловно господствует в самых широких кругах интеллигенции, полуобразованного мещанства, а пожалуй, и во многих слоях совсем необразованной мелкой буржуазии.

В этом изречении выражена ненависть не только к марксизму вообще с его непреклонным убеждением в революционной миссии пролетариата, с его беззаветной готовностью поддерживать всякое революционное движение широких масс, обострять борьбу и доводить ее до конца. Нет. Кроме того в этом изречении выражена ненависть к тем приемам борьбы, к тем методам действий, к той практике, которые *на деле* испытаны *совсем недавно* в русской революции. Все те победы, — или полу-победы, четверть-победы, вернее сказать, — которые одержала наша революция, одержаны всецело и исключительно благодаря непосредственно-революционному натиску пролетариата, шедшего во главе непролетарских элементов трудящегося населения. Все поражения вызваны ослаблением такого натиска, связаны с тактикой, сторонящейся от него, рассчитанной на его отсутствие, а иногда (у кадетов) даже прямо на его устранение.

И теперь, в период разгула контр-революционных репрессий, мещанство трусливо приспособляется к новым владыкам жизни, пристраивается к новым калифам на час, отрекается от старого, старается забыть его, уверяет себя и других, что никто не думает уже теперь в России делать революцию по Марксу, никто не помышляет о «диктатуре пролетариата» *и так далее.*

В других революциях буржуазии физическая победа старой власти над восставшим народом тоже вызывала всегда унылые

PRZEGLĄD SOCJAL-DEMOKRATYCZNY

NR. 2. KWIECIEŃ 1908. ROK IV.

Обложка журнала «Przegląd Socjal-Demokratyczny» № 2 — 1908 г.

и распад среди широких кругов «образованного» общества. Но среди буржуазных партий, боровшихся на деле за свободу, игравших сколько-нибудь заметную роль в действительно революционных событиях, всегда замечались иллюзии, обратные тем, которые царят сейчас среди интеллигентского мещанства в России. То были иллюзии неизбежной, немедленной *и* полной победы «свободы, равенства и братства», иллюзии насчет не буржуазной, а общечеловеческой республики, республики, водворявшей мир на земле и в человецех благоволение. То были иллюзии насчет отсутствия классовой розни внутри угнетенного монархией и средневековым порядком народа, насчет невозможности методами насилия победить «идею», насчет абсолютной противоположности отжившего феодализма и нового свободного, демократического, республиканского порядка, буржуазность которого не сознавалась вовсе или сознавалась до последней степени смутно.

Поэтому в контр-революционные периоды представителям пролетариата, доработавшимся до точки зрения научного социализма, приходилось бороться (как, напр., Марксу и Энгельсу в 1850 году) против иллюзий буржуазных республиканцев, против идеалистического понимания традиций революции и ее сущности, против поверхностных фраз, заменявших выдержанную и серьезную работу в среде определенного класса [114]). У нас наоборот. Мы не видим иллюзий примитивного республиканизма, которые бы тормозили насущное дело продолжения революционной работы при новых, изменившихся условиях. Мы не видим *преувеличения* значения республики, превращения этого необходимого лозунга борьбы с феодализмом и монархией в лозунг всей и всяческой освободительной борьбы всех трудящихся и эксплуатируемых вообще. Социалисты-революционеры и родственные им группы, которые вскармливали *подобные* этим идеи, остались горстками, и период трехлетней революционной бури (1905—1907) принес им вместо широкого увлечения республиканизмом новую партию *оппортунистического* мещанства, эн-эсов, новое усиление антиполитического бунтарства и анархизма.

В мещанской Германии на другой день после первого натиска революции в 1848 году ярко сказались иллюзии мелкобуржуазной республиканской демократии. В мещанской России на другой день после натиска революции в 1905 году ярко сказались и все сказываются иллюзии мелко-буржуазного оппортунизма, который надеялся добиться компромисса без борьбы, боялся борьбы и после первого поражения торопился отрекаться от своего прошлого, заражал общественную атмосферу унынием, малодушием и ренегатством.

Очевидно, что это различие происходит от различия в социальном строе и в исторической обстановке обеих революций. Но дело не в том, чтобы масса мелко-буржуазного населения

России находилась в менее остром противоречии со старым порядком. Как раз наоборот. Наше крестьянство создало в первый же период русской революции аграрное движение несравненно более сильное, определенное, политически сознательное, чем в предыдущих буржуазных революциях XIX века. Дело в том, что тот слой, который составлял ядро революционной демократии в Европе, — цеховое городское ремесло, городская буржуазия и мелкая буржуазия, — в России *должны были* повернуть к контрреволюционному либерализму. Сознательность социалистического пролетариата, идущего рука об руку с международной армией социалистического переворота в Европе, — крайняя революционность мужика, доведенного вековым гнетом крепостников до самого отчаянного положения и до требования конфискаций помещичьих земель, — вот какие обстоятельства бросили русский либерализм гораздо сильнее, чем европейский, в объятия контрреволюции. На русский рабочий класс поэтому с особенной силой легла задача: сохранить традиции революционной борьбы, от которой спешат отречься интеллигенция и мещанство, развить и укрепить эти традиции, внедрить их в сознание широких масс народа, донести их до следующего подъема неизбежного демократического движения.

Сами рабочие стихийно ведут именно такую линию. Они слишком страстно переживали великую октябрьскую и декабрьскую борьбу. Они слишком явно видели изменение своего положения *только* в зависимости от этой непосредственно революционной борьбы. Они говорят теперь или, по крайней мере, чувствуют все, как тот ткач, который заявил в письме в свой проф. орган: фабриканты отобрали наши завоевания, подмастерья опять по-прежнему издеваются над нами, *погодите, придет опять 1905 год.*

Погодите, придет опять 1905-ый год. Вот как смотрят рабочие. Для них этот год борьбы дал образец того, *что делать.* Для интеллигенции и ренегатствующего мещанства, это — «сумасшедший год», это образец того, *чего не делать.* Для пролетариата переработка и критическое усвоение опыта революции должны состоять в том, чтобы научиться применять *тогдашние* методы борьбы *более успешно,* чтобы ту же октябрьскую стачечную и декабрьскую вооруженную борьбу сделать более широкой, более сосредоточенной, более сознательной. Для контрреволюционного либерализма, ведущего за собой на поводу ренегатствующую интеллигенцию, усвоение опыта революции должно состоять в том, чтобы навсегда отделаться от «наивной» порывистости «дикой» массовой борьбы, заменив ее «культурной, цивилизованной» *конституционной* работой на почве Столыпинского «конституционализма».

Теперь все и каждый говорит об усвоении и критической

проверке опыта революции. Говорят об этом социалисты и либералы. Говорят оппортунисты и революционные социал-демократы. Но не все понимают, что именно между двумя *указанными противоположностями* колеблются все многообразные рецепты усвоения революционного опыта. Не все ясно ставят вопрос, — опыт революционной ли борьбы должны мы усвоить и помочь массам усвоить для более выдержанной, упорной и более решительной борьбы, — или «опыт» кадетского предательства революции должны мы усваивать и передавать массам?

Карл Каутский подошел к этому вопросу в его основной теоретической постановке. Во втором издании своей известной, переведенной на все главные европейские языки, работы «Социальная революция» он сделал ряд дополнений и изменений, касающихся опыта русской революции [115]). Предисловие ко второму изданию помечено октябрем 1906 года, значит, перед автором был уже материал для суждения не только о «буре и натиске» 1905-го года, но и о главных событиях «кадетского периода» нашей революции, об эпохе всеобщего (почти всеобщего) увлечения избирательными победами кадетов и Первой Думой.

Какие же вопросы из опыта русской революции счел Каутский достаточно крупными и основными, — или настолько важными, по крайней мере, чтобы дать *новый* материал марксисту, изучающему *вообще* «формы и оружия социальной революции» (как гласит заголовок параграфа седьмого в работе Каутского, т.-е. именно дополненного по указаниям опыта 1905 — 1906 годов параграфа)?

Автор взял два вопроса.

Во-первых, вопрос о классовом составе тех сил, которые *способны* одержать победу в русской революции, сделать ее действительно победоносной революцией.

Во-вторых, вопрос о значении тех высших по направлению революционной энергии и по их наступательному характеру форм борьбы масс, которые выдвинула русская революция, именно: декабрьской борьбы, т.-е. вооруженного восстания.

Всякий, сколько-нибудь вдумчиво относящийся к событиям русской революции социалист (в особенности же марксист) должен будет признать, что это действительно коренные, краеугольные вопросы в оценке русской революции, а также в оценке той тактической линии, которая предписывается рабочей партии теперешним положением вещей. Если мы не дадим себе полного, ясного отчета в том, какие классы *способны,* в силу объективно-экономических условий, сделать победоносной русскую буржуазную революцию, то наши слова о стремлении сделать эту революцию победоносной будут пустыми фразами, одной только демократической декламацией, наша тактика в буржуазной революции будет неизбежно беспринципной и колеблющейся.

С другой стороны, для конкретного определения тактики революционной партии в самые бурные времена переживаемого страной общенационального кризиса явно недостаточно одного указания на те классы, которые способны *действовать* в духе победоносного завершения революции. Революционные периоды тем и отличаются от периодов так называемого мирного развития, от периодов, когда экономические условия не вызывают глубоких кризисов, не порождают мощных массовых движений, что *формы* борьбы в периоды первого вида неизбежно бывают *гораздо разнообразнее* с преобладанием непосредственно-революционной борьбы масс над пропагандистско-агитационной деятельностью вожаков в парламенте, прессе и т. п. Поэтому, если при оценке революционных периодов мы ограничимся определением *линии* действия разных классов, не анализируя *форм* их борьбы, то наше рассуждение с научной стороны будет неполно, недиалектично, а с практически-политической стороны оно выродится в *мертвое резонерство* (каким, в скобках сказать, и пробавляется на девять десятых тов. Плеханов в своих писаниях о тактике с.-д. в русской революции).

Чтобы оценить революцию действительно по-марксистски, с точки зрения диалектического материализма, надо оценить ее, как борьбу живых общественных сил, поставленных в такие-то объективные условия, действующих так-то и применяющих с большим или меньшим успехом такие-то формы борьбы. На почве такого анализа и, разумеется, лишь на этой почве вполне уместна, мало того, необходима для марксиста и оценка *тактической* стороны борьбы, технических вопросов ее. Признавать определенную форму борьбы и не признавать необходимость учиться ее тактике, — это все равно, как если бы мы признали нужным участвовать в *данных* выборах, не считаясь с законом, предписывающим технику *этих* выборов.

Перейдем теперь к ответу Каутского на оба поставленные выше вопроса, возбуждавшие, как известно, очень длинные и горячие споры среди русских с.-д. в течение *всего* периода революции, начиная с весны 1905 года, когда большевистский третий съезд Р. С.-Д. Р. П. в Лондоне и одновременная меньшевистская конференция в Женеве установили в точных резолюциях принципиальные основы своей тактики, и кончая Лондонским съездом объединенной Р. С.-Д. Р. П. весной 1907 г.

На первый вопрос Каутский дает следующий ответ. В Западной Европе, говорит он, пролетариат уже покрывает собой массу населения. Поэтому победа демократии в теперешней Европе означает политическое господство пролетариата. «В России, при ее преобладающем крестьянском населении, этого нельзя ожидать. Конечно, победа социал-демократии в близком (по-немецки: absehbar, т.-е. таком, которое можно обозреть, охватить взором)

будущем не исключена и в России, но эта победа могла бы быть лишь делом союза (Koalition) пролетариата и крестьянства». И Каутский высказывает даже, что такая победа неизбежно дала бы могучий толчок пролетарской революции в Западной Европе.

Таким образом мы видим, что понятие буржуазной революции недостаточно еще определяет те силы, которые могут одержать победу в такой революции. Возможны и бывали такие буржуазные революции, в которых торговая или торговопромышленная буржуазия играла роль главной движущей силы. Победа подобных революций была возможна, как победа соответствующего слоя буржуазии над ее противниками (вроде привилегированного дворянства или неограниченной монархии). Иначе обстоит дело в России. Победа буржуазной революции у нас невозможна, *как победа буржуазии*. Это кажется парадоксальным, но это факт. Преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (на половину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата, — все эти обстоятельства придают *нашей* буржуазной революции *особый* характер. Эта особенность не устраняет буржуазного характера революции (как пытались представить дело Мартов и Плеханов в своих более чем неудачных замечаниях о позиции Каутского [116])). Эта особенность обусловливает лишь контр-революционный характер нашей буржуазии и необходимость диктатуры пролетариата и крестьянства для победы *в такой* революции. Ибо «коалиция пролетариата и крестьянства», одерживающая *победу* в буржуазной революции, и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Это положение есть исходный пункт тактических разногласий внутри с.-д. во время революции. Только приняв его во внимание, можно понять все частные споры (по вопросу о поддержке кадетов вообще, о левом блоке и его характере и т. д.) и столкновения по отдельным случаям. Только в этом основном тактическом разногласии, отнюдь не в «боевизме» или «бойкотизме», как думают иногда несведущие люди, заключается *источник* расхождения большевиков и меньшевиков в первый период революции (1905 — 1907 годы).

И нельзя достаточно настаивать на необходимости исследовать этот источник разногласия со всем вниманием, разобрать *с указанной точки зрения* опыт обеих Дум и непосредственной крестьянской борьбы. Если мы не сделаем такой работы *теперь*, — мы не в состоянии будем ни одного шага сделать в области тактики при следующем подъеме движения, без того, чтобы возбуждать старые споры или плодить частные конфликты и рознь внутри партии. Отношение социал-демократии к либерализму и к крестьянской буржуазной демократии должно быть установлено

на основании опыта русской революции. Иначе принципиально-выдержанной тактики пролетариата у нас не будет. «Союз пролетариата и крестьянства», заметим кстати, ни в каком случае нельзя понимать в смысле слияния различных классов или партий пролетариата и крестьянства. Не только слияние, но и всякое длительное соглашение было бы губительно для социалистической партии рабочего класса и *ослабило* бы революционно-демократическую борьбу. Что крестьянство неизбежно колеблется между либеральной буржуазией и пролетариатом, это вытекает из его классового положения, а наша революция дала массу примеров тому в самых различных областях борьбы (бойкот Витовской Думы; выборы; трудовики в I и II Думах и т. д.). Только ведя безусловно самостоятельную политику авангарда революции, пролетариат в состоянии будет откалывать крестьянство от либералов, высвобождать его из-под их влияния, вести за собой в ходе борьбы и осуществлять таким образом «союз» *на деле,* союз тогда и постольку, когда и поскольку крестьянство революционно борется. Не заигрыванья с трудовиками, а беспощадная критика их слабостей и шатаний, пропаганда идеи республиканской и революционной крестьянской партии могут осуществить «союз» пролетариата и крестьянства для *победы* над общими врагами, а не для игры в блоки и в соглашения.

Указанный нами особый характер русской буржуазной революции выделяет ее из числа других буржуазных революций нового времени, но сближает ее с *великими* буржуазными революциями старых времен, когда крестьянство играло выдающуюся революционную роль. В этом отношении в высшей степени заслуживает внимания то, что писал Фридрих Энгельс в своей замечательно глубокой и богатой мыслями статье: «Об историческом материализме» (английское предисловие к «Развитию социализма из утопии в науку», переведенное самим Энгельсом на немецкий язык в «Neue Zeit», 1892—3, год XI, том 1 [117])). «Оригинальное явление, — говорит Энгельс: — во всех трех великих буржуазных революциях» (реформация в Германии и крестьянская война XVI века; английская революция XVII века; французская XVIII века) «боевой армией являются крестьяне. И именно крестьяне оказываются тем классом, который после завоеванной победы разоряется неизбежно вследствие экономических последствий этой победы. Сто лет спустя после Кромвеля английское йоманри (jeomanry — крестьянство) почти совершенно исчезло. А между тем исключительно благодаря вмешательству этого йоманри и плебейского элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца, и Карл I угодил на эшафот. Для того, чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы те только плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их, — для этого было необходимо довести революцию

значительно дальше такой цели. Совершенно то же самое было в 1793 году во Франции, в 1848 г. в Германии. Повидимому, таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества». И в другом месте той же статьи Энгельс указывает, что французская революция была «первой революцией, в которой борьба была доведена до полного уничтожения одного из комбатантов (одной воюющей стороны), именно аристократии, и до полной победы другого, именно буржуазии».

Оба исторические наблюдения или обобщения Энгельса замечательно подтвердились ходом русской революции. Подтвердилось и то, что только вмешательство крестьянства и пролетариата, «плебейского элемента городов», способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию (если для Германии XVI века, Англии XVII и Франции XVIII века крестьянство можно поставить на первый план, то в России XX века безусловно необходимо перевернуть отношение, ибо без инициативы и руководства пролетариата крестьянство — ничто). Подтвердилось и то, что революцию надо довести *значительно дальше* ее непосредственных, ближайших, созревших уже вполне буржуазных целей, для того, чтобы действительно осуществить *эти* цели, чтобы бесповоротно закрепить минимальные буржуазные завоевания. Можно судить по этому, с каким презрением отнесся бы Энгельс к мещанским рецептам заранее вдвинуть революцию только в непосредственно-буржуазные, узко-буржуазные рамки, «чтобы не отшатнулась буржуазия», как говорили кавказские меньшевики в своей резолюции 1905-го года [118]), или чтобы была «гарантия от реставрации», как говорил в Стокгольме Плеханов!

Другой вопрос, об оценке декабрьского восстания 1905 года, Каутский разбирает в предисловии ко второму изданию своей брошюры. «Я не могу уже теперь — пишет он — с той определенностью, как в 1902 году, утверждать, что вооруженные восстания и баррикадные битвы не будут играть в грядущих революциях решающей роли. Против этого свидетельствует слишком явно опыт московской уличной борьбы, когда горстка людей в течение недели держалась против целой армии в баррикадной борьбе и почти одержала бы победу, если бы неудача революционного движения в других городах не дала возможности послать такие подкрепления армии, что, в конце концов, против инсургентов сосредоточена была чудовищно перевешивавшая их сила. Конечно, этот относительный успех баррикадной борьбы был возможен лишь потому, что городское население энергично поддерживало революционеров, а войска были совершенно деморализованы. Но кто может с определенностью утверждать, что нечто подобное невозможно в Западной Европе?

Итак, почти год спустя после восстания, когда нельзя было уже увлекаться целью непосредственной поддержки бодрости духа

*

борцов, такой осторожный исследователь, как Каутский, решительно признает московское восстание «относительным успехом» баррикадной борьбы и считает необходимым исправить свой общий вывод о том, что роль уличных сражений в революциях будущего не может быть велика.

Декабрьская борьба 1905 года *доказала*, что вооруженное восстание *может* победить при современных условиях военной техники и военной организации. Декабрьская борьба дала то, что все международное рабочее движение должно отныне считаться с вероятностью подобных же форм сражения в ближайших пролетарских революциях. Вот какие выводы действительно вытекают из опыта нашей революции, — вот какие уроки должны быть усвоены самыми широкими массами. Как далеки эти выводы и эти уроки от той *линии* рассуждений, которую дал Плеханов своим Геростратовски-знаменитым отзывом о декабрьском восстании: «не надо было браться за оружие» [119]). Какое море ренегатских комментариев вызвано было подобной оценкой! какое бесконечное количество грязных либеральных рук хваталось за него, чтобы нести разврат и дух мещанского компромисса в рабочие массы!

В оценке Плеханова нет ни грана исторической правды. Если Маркс, за полгода до Коммуны сказавший, что восстание будет безумием, сумел дать тем не менее оценку этого «безумия» как величайшего массового движения пролетариата XIX века, то в тысячу раз с бо́льшим правом русские социал-демократы должны нести теперь в массы убеждение в том, что декабрьская борьба была самым необходимым, самым законным, самым великим пролетарским движением после Коммуны. Рабочий класс России будет воспитываться именно в таких взглядах,— что бы ни говорили, как бы ни плакались те или иные интеллигенты в социал-демократии.

Вопрос об оценке нашей революции имеет отнюдь не теоретическое только, а и самое непосредственное, практически-злободневное значение. Вся наша работа пропаганды, агитации и организации непрерывно связана в настоящий момент с процессом усвоения самыми широкими массами рабочего класса и полупролетарского населения уроков великих 3-х лет. Мы не можем ограничиться в настоящий момент голым заявлением (в духе резолюций X съезда «левицы» П. П. С) [120]), что данные не позволяют сейчас установить, путь ли революционного взрыва или путь долгих, медленных, мелких шагов вперед лежит сейчас перед нами. Конечно, установить этого не сможет сейчас никакая статистика в мире. Конечно, нашу работу мы должны вести так, чтобы она была вся проникнута общим *социалистическим* духом и содержанием, какие бы тяжелые испытания ни готовило нам будущее. Но это еще не все. Остановиться на этом, значит не уметь дать

никакого фактического руководства пролетарской партии. Мы должны прямо поставить и твердо решить вопрос, в каком направлении будем мы вести теперь работу переработки опыта трех лет революции? Мы должны заявить открыто и во всеуслышание, в поучение колеблющихся и падающих духом, в посрамление ренегатствующих и отходящих от социализма, что рабочая партия видит в непосредственно-революционной борьбе масс, в октябрьской и декабрьской борьбе 1905 года, величайшие движения пролетариата после Коммуны, что только в развитии таких форм борьбы лежит залог грядущих успехов революции, что эти образцы борьбы должны служить нам маяком в деле воспитания новых поколений борцов.

Ведя в таком направлении нашу повседневную работу и памятуя, что лишь многие годы серьезной и выдержанной подготовительной деятельности партии обеспечили ей полное влияние на пролетариат в 1905 году, — мы сумеем достигнуть того, что при любом развитии событий и темпе разложения самодержавия рабочий класс будет неуклонно крепнуть и вырастать в сознательную революционную социал-демократическую силу.

Первоначально напечатано в 1908 г. в польском журнале: «Przegląd Socjal-Demokratyczny» *) [121]) *№ 2.*
Перепечатано в «Пролетарии» № 30, 23(10) мая 1908 г.

---

*) — «Социал-Демократическое Обозрение». *Ред.*

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ К КОНЦУ XIX ВЕКА[122])

Написано в мае—июне 1908 г.
Впервые напечатано в 1918 г. отдельной брошюрой, изд. Жизнь и Знание, Москва
Подпись: Н. Ленин (Вл. Ульянов)

Печатается по тексту издания 1918 г.

Задача настоящей статьи — дать краткий очерк всей совокупности общественно-экономических отношений в русском сельском хозяйстве. Такая работа не может носить характера специального исследования. Она должна подвести итоги марксистскому исследованию, указать место каждой сколько-нибудь крупной черты нашей сельско-хозяйственной экономики в общем строе русского народного хозяйства, обрисовать общую линию развития аграрных отношений в России и вскрыть те классовые силы, которые определяют так или иначе это развитие. Мы рассмотрим поэтому с указанной точки зрения землевладение в России, затем помещичье и крестьянское хозяйство, а в заключение дадим общие выводы о том, к чему привела наша эволюция в течение XIX века и какие задачи завещала она XX веку.

I.

Землевладение в Европейской России к концу XIX века мы можем обрисовать по данным новейшей поземельной статистики 1905 года (издание Центрального Статистического Комитета, Спб. 1907) [123].

Всего земель в Евр. России было на учете по этому исследованию 395,2 миллионов десятин. Распределение их на три основные группы таково:

I	группа—частные владения	101,7 милл. дес.
II	» » надельн. земли	138,8 » »
III	» » земли казны и пр.	154,7 » »
	Всего в Европ. России	395,2 милл. дес.

Надо сказать, что в число казенных земель наша статистика вводит свыше сотни миллионов десятин на дальнем севере, в губерниях Архангельской, Олонецкой и Вологодской. Громадную долю казенных земель надо выбрасывать, раз речь идет о действительном сельско-хозяйственном фонде Евр. России. В своей работе об аграрной программе социал-демократов в русской

революции (работа эта написана в конце 1907 г., но выход ее в свет задержался по независящим от автора обстоятельствам) я определяю действительный сельско-хозяйственный фонд Европ. России приблизительно в 280 милл. дес. *). Из казенных земель сюда входит не полтораста миллионов, а всего 39,5 милл. десятин. Следовательно, вне собственности помещичьей и крестьянской остается в Евр. России *менее одной седьмой* доли земельной площади. Шесть седьмых находится в руках двух антагонистических классов.

Посмотрим на землевладение этих классов, различающихся между собою и как сословия, ибо большая часть частновладельческих земель дворянские земли, а надельные земли — крестьянские. Из 101,7 милл. дес. частновладельческой земли 15,8 милл. принадлежат обществам и товариществам, а остальные 85,9 милл. дес. находятся в личной собственности. Вот распределение этой последней по сословиям за 1905 и, параллельно, за 1877 год:

	Принадлежит в 1905 г.		Принадлежит в 1877 г.		В 1905 году увеличилось + уменьшилось —	
Сословия владельцев:	милл. дес.	%	милл. дес.	%	милл. дес.	во сколько раз
Дворянам	53,2	61,9	73,1	79,9	—19,9	—1,40
Духовным лицам	0,3	0,4	0,2	0,2	+ 0,1	+1,74
Купцам и поч. гр.	12,9	15,0	9,8	10,7	+ 3,1	+1,30
Мещанам	3,8	4,4	1,9	2,1	+ 1,9	+1,85
Крестьянам	13,2	15,4	5,8	6,3	+ 7,4	+2,21
Прочим сословиям	2,2	2,5	0,3	0,3	+ 1,9	+8,07
Иностранн. поддан.	0,3	0,4	0,4	0,5	— 0,1	—1,52
Всего личным собственникам	85,9	100,0	91,5	100,0	— 5,6	—1,09

Итак, главные личные собственники в России дворяне. Им принадлежит громадное количество земель. Но направление развития состоит в том, что дворянское землевладение уменьшается. Растет и чрезвычайно быстро растет бессословность землевладения. Всего быстрее за период 1877 — 1905 годов увеличилось землевладение «прочих сословий» (в восемь раз за 28 лет) и затем крестьян (более чем вдвое). Крестьяне все более и более выделяют, следовательно, такие социальные элементы, которые превращаются в частных поземельных собственников. Это факт общий. И мы должны будем, при анализе крестьянского хозяйства, вскрыть тот общественно-экономический механизм, который производит такое выделение. Пока необходимо точно установить, что развитие частной поземельной собственности в России состоит в переходе от сословности к бессословности. К концу XIX века феодальная или крепостническая земельная собствен-

*) См. XI том Сочинений, стр. 333. *Ред.*

ность дворянства продолжает обнимать громадное большинство всей частной поземельной собственности, но развитие идет явственно к созданию буржуазной частной собственности на землю. Убывает частное землевладение, приобретаемое по наследству от дружинников, вотчинников, служилых людей и т. п. Возрастает частное землевладение, приобретаемое просто-напросто за деньги. Убывает власть земли, растет власть денег. Земля все больше и больше втягивается в торговый оборот; в дальнейшем изложении мы увидим, что размеры этого втягивания еще во много раз сильнее, чем показывают одни только данные о землевладении.

Но до какой степени сильна еще «власть земли», т.-е. власть средневекового землевладения крепостников-помещиков в России к концу XIX века, это особенно наглядно видно из данных о распределении частной поземельной собственности по размерам владения. Источник, которым мы пользуемся, выделяет особенно подробно данные о крупнейшем частном землевладении. Вот общее распределение по размерам владения:

Группы владений	Владений	Земли десятин	В сред. на 1 владение дес.
10 дес. и менее	409.864	1.625.226	3,9
10— 50 »	209.119	4.891.031	23,4
50— 500 »	106.065	17.326.495	163,3
500— 2000 »	21.748	20.590.708	947
2000—10.000 »	5.386	20.602.109	3.825
Свыше 10.000 »	699	20.798.504	29.754
Всего свыше 500 дес.	27.833	61.991.321	2.227
Итого в Европ. России	752.881	85.834.073	114

Отсюда видно, что в частном личном землевладении мелкая собственность играет ничтожную роль. Шесть седьмых всего числа землевладельцев, 619 тысяч из 753 тыс., владеют всего $6^1/_2$ милл. десятин. Наоборот, латифундии имеются необъятные: *семьсот* собственников владеют *в среднем* по *тридцать тысяч десятин* каждый. У этих семисот человек втрое больше земли, чем у шестисот тысяч мелких землевладельцев. И латифундии вообще составляют отличительную черту русского частного землевладения. Выделяя все владения свыше 500 десятин, получаем двадцать восемь тысяч собственников, владеющих 62 миллионами десятин, т.-е. в среднем по 2.227 дес. на каждого. В руках этих 28 тысяч три четверти всего частного землевладения *). По сословиям владельцев эти громадные латифундии преимущественно дворянские. Из 27.833 владений 18.102, т.-е. почти две трети,

*) Чтобы не пестрить текста цитатами, отметим здесь сразу, что большинство данных взято из вышеуказанной работы и из «Развития капитализма в России», 2-ое изд. Спб. 1908. (См. III том Сочинений. *Ред.*)

принадлежат дворянам, и земли у них $44^1/_2$ милл. дес., т.-е. свыше 70% всего количества земли под латифундиями. Ясно таким образом, что в России к концу XIX века громадное количество земель — и притом, как известно, лучших по качеству земель — сосредоточено по-прежнему (по средневековому) в руках привилегированного дворянского сословия, в руках вчерашних крепостников-помещиков. О том, какие формы хозяйства складываются на таких латифундиях, мы будем подробно говорить ниже. Теперь же добавим лишь краткое указание на тот общеизвестный факт, в литературе ярко обрисованный г. Рубакиным, что высшие сановники бюрократии фигурируют один за другим в числе этих владельцев дворянских латифундий [124]).

Перейдем к надельному землевладению. За исключением 1,9 милл. дес., не распределенных по размерам землевладения, остальная масса, 136,9 милл. дес., находится во владении $12^1/_4$ миллиона крестьянских дворов. В среднем это дает по 11,1 дес. на двор. Но и надельная земля распределена неравномерно: почти половина ее, 64 милл. дес. из 137, находится в руках 2,1 миллиона богатых землей дворов, т.-е. *одной шестой* общего числа.

Вот сводные данные о распределении надельной земли в Евр. России:

Группы дворов	Дворов	Десятин	В среднем на 1 двор дес.
До 5 дес.	2.857.650	9.030.333	3,1
» 5 — 8 »	3.317.601	21.706.550	6,5
Всего до 8 дес.	6.175.151	30.736.883	4,9
» 8 — 15 дес.	3.932.485	42.182.923	10,7
» 15 — 30 »	1.551.904	31.271.922	20,1
Свыше 30 »	617.715	32.695.510	52,9
Итого в Евр. России	12.277.355	136.887.238	11,1

Итак, больше половины надельных дворов — 6,2 милл. из 12,3 — имеют до 8 дес. на двор. В общем и среднем по всей России это — количество, безусловно недостаточное для содержания семьи. Чтобы судить о хозяйственном положении этих дворов, напомним общие данные военно-конских переписей (единственной статистики, охватывающей периодически и регулярно всю Россию). По 48 губерниям Евр. России, т.-е. за исключением Донской области и Архангельской губернии, в 1896 — 1900 годах насчитано было 11.112.287 крестьянских дворов. Из них безлошадных оказалось 3.242.462, т.-е. 29,2%. Однолошадных 3.361.778 дворов, т.-е. 30,3%. Известно, что такое безлошадный крестьянин в России (разумеется, мы берем здесь валовые итоги, а не какие-нибудь исключительные районы молочного хозяйства в пригородах, табаководства и т. п.). Известна также нужда и

нищета крестьянина однолошадного. Шестимиллионная масса дворов — это значит от 24 до 30 миллионов населения. И все это население — пауперы, нищие, наделенные ничтожными клочками земли, с которых нельзя жить, на которых можно только умирать голодной смертью. Если предположить, что для сведения концов с концами в земельном состоятельном хозяйстве нужны не менее 15 дес., то получим 10 милл. крестьянских дворов, стоящих ниже этого уровня, и у них 72,9 миллиона десятин земли.

Далее. По отношению к надельному землевладению необходимо отметить одну, чрезвычайно важную черту его. Неравномерность распределения надельной земли между крестьянами неизмеримо меньше, чем неравномерность распределения частновладельческой земли. Но зато среди надельных крестьян есть масса другого рода различий, делений, перегородок. Это — различия между разрядами крестьян, исторически сложившимися в течение долгих веков. Чтобы показать наглядно эти перегородки, возьмем сначала огульные данные во всей Евр. России. Статистика 1905 года дает такие основные разряды. Крестьяне бывшие владельческие — в среднем по 6,7 дес. надельной земли на двор. Бывшие государственные — 12,5 дес. Бывшие удельные — 9,5 дес. Колонисты — 20,2 дес. Чиншевики — 3,1 дес. Резеши — 5,3 дес. Башкиры и тептяри [125]) — 28,3 дес. Прибалтийские крестьяне — 36,9 дес. Казаки — 52,7 дес. Уже отсюда видно, что надельное землевладение крестьян — чисто средневековое. Крепостное право до сих пор живет в той массе перегородок, которые остались между крестьянами. Разряды отличаются между собой не только количеством земли, но и размерами платежей, условиями выкупа, характером землевладения и т. д. Возьмем вместо огульных данных о всей России данные по одной губернии, и мы увидим тогда, что значат все эти перегородки. Вот земско-статистический сборник по Саратовской губернии [126]). Кроме обще-русских разрядов, т.-е. упомянутых уже нами выше, мы видим здесь, что местные исследователи отличают разряды крестьян дарственников, полных собственников, государственных с общинным владением, государственных с четвертным владением, государственных из помещичьих, арендаторов казенных участков, поселян-собственников, переселенцев, вольноотпущенников, безоброчных, свободных хлебопашцев, бывших фабричных и т. д. Эта сеть средневековых перегородок доходит до того, что иногда крестьяне одной и той же деревни делятся на две совершенно различные категории «бывших г-на N.N.» и «бывших г-жи М.М.». Наши писатели либерально-народнического лагеря, не умеющие смотреть на русские хозяйственные отношения с точки зрения развития, как на смену крепостнических порядков буржуазными, обыкновенно игнорируют этот факт. На самом же деле история России XIX века и особенно

ее непосредственный результат — события начала XX века в России — совершенно не могут быть поняты, если не оценить всего значения этого факта. Страна, в которой происходит рост обмена и развитие капитализма, не может не переживать кризисов всякого рода, если в главной отрасли народного хозяйства средневековые отношения являются на каждом шагу тормозом и помехой. Пресловутая община, о значении которой нам еще придется говорить, не оберегая крестьянина от пролетаризации, на деле играет роль средневековой перегородки, разобщающей крестьян, точно прикованных к мелким союзам и к потерявшим всякий «смысл существования» разрядам.

Прежде чем переходить к заключительным выводам о землевладении в Евр. России, надо указать еще на одну сторону дела. Ни данные о количестве земли у «верхних 30 тысяч» помещиков и у миллионов крестьянских дворов, ни данные о средневековых перегородках в крестьянском землевладении недостаточны еще для учета действительных размеров того, до какой степени «утеснен», прижат и задавлен наш крестьянин живыми остатками крепостничества. Во-первых, земли, оставленные в надел крестьянам после той экспроприации крестьян в пользу помещиков, которая называется великой реформой 1861 года, несравненно хуже качеством, чем земли помещичьи. Об этом свидетельствует вся громадная литература местных описаний и исследований земской статистики. Об этом имеются неопровержимые массовые данные, показывающие меньшую урожайность крестьянских земель по сравнению с помещичьими; общепризнано, что эта разница в первую голову зависит от худшего качества надельных земель и лишь затем от худшей обработки и от прорех нищенского крестьянского хозяйства. Во-вторых, в массе случаев земли крестьянам при «освобождении» их от земли помещиками в 1861 году отмежеваны таким образом, что крестьяне оказались в западне у «своего» помещика. Русская земско-статистическая литература обогатила науку политическую экономию описанием замечательно оригинального, самобытного, едва ли где-нибудь виданного еще на свете, способа ведения помещичьего хозяйства. Это — хозяйство *посредством отрезных земель*. Крестьяне «освобождены» в 1861 году от необходимых для их хозяйства водопоев, выгонов и т. п. Крестьянские земли вкроены клином между помещичьими, так чтобы господам помещикам был обеспечен чрезвычайно верный — и чрезвычайно благородный — доход от взысканий за потравы и пр. «Куренка некуда выпустить», — эта горькая крестьянская правда, этот «юмор висельника» лучше всяких длинных цитат повествует о той особенности крестьянского землевладения, которая не поддается статистическому выражению. Нечего и говорить, что эта особенность есть чистейшей воды

крепостничество, как по своему происхождению, так и по влиянию на способ организации помещичьего хозяйства.

Теперь мы перейдем к заключениям относительно землевладения в Евр. России. Мы показали условия помещичьего и крестьянского землевладения, взятых в отдельности. Мы должны взглянуть теперь на них в их связи. Для этого возьмем приведенную выше приблизительную цифру о величине земельного фонда в Евр. России — 280 милл. дес. — и посмотрим, как вся эта масса распределяется между земельными владениями разного типа. Каковы эти типы, будет показано подробно в дальнейшем изложении, и теперь, забегая несколько вперед, мы возьмем основные типы предположительно. Земельные владения размером до 15 дес. на двор мы отнесем к первой группе — разоренное крестьянство, задавленное крепостнической эксплуатацией. Вторую группу составит среднее крестьянство — владение от 15 до 20 дес. Третью — зажиточное крестьянство (крестьянская буржуазия) и капиталистическое землевладение, от 20 до 500 дес. Четвертую — крепостнические латифундии, — свыше 500 дес. Соединяя по этим группам и крестьянское, и помещичье землевладение вместе и производя небольшие округления *) и примерные исчисления (подробно указываемые мною в названной выше работе), мы получим следующую картину русского землевладения к концу XIX века.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ К КОНЦУ XIX ВЕКА:

	Число владений (в миллионах)	Число десятин (в миллионах)	На 1 владение дес.
а) Разоренное крестьянство, придавленное крепостнической эксплуатацией	10,5	75,0	7,0
б) Среднее крестьянство	1,0	15,0	15,0
в) Крестьянская буржуазия и капиталистическое землевладение	1,5	70,0	46,7
г) Крепостнические латифундии	0,03	70,0	2.333
Всего	13,03	230,0	17,6
Не распределено по размерам владений		50,0	
Итого	13,03	280,0	21,4

Повторяем: правильность экономической характеристики взятых здесь групп будет доказана в дальнейшем изложении. И если частности этой картины (которая по существу дела не мо-

*) Напр., к латифундиям добавлено сверх 62 милл. дес. помещичьих земель 5,1 милл. дес. удельных и 3,6 милл. дес. у 272 торгово-промышленных товариществ, имеющих каждое свыше 1000 десятин.

жет не быть приблизительной) вызовут критику, то мы попросим читателя внимательно следить за тем, чтобы за критикой частностей нельзя было контрабандой провести отрицания *сути* дела. А эта суть дела состоит в том, что на одном полюсе русского землевладения мы имеем $10^1/_2$ миллионов дворов (около 50 милл. населения) с 75 милл. десятин земли, а на другом полюсе *тридцать тысяч семей* (тысяч около полутораста населения) с 70 милл. десятин земли.

Нам остается теперь, чтобы покончить с вопросом о землевладении, выйти за пределы Европейской собственно России, и рассмотреть в общих чертах значение колонизации. Чтобы дать читателю некоторое представление о всем земельном фонде Российской империи (кроме Финляндии), воспользуемся данными г. Мертваго [127]). Для наглядности мы приведем их в табличной форме и добавим цифры населения по переписи 1897 года.

	Всего земли.		В том числе.		В том числе угодия.				Население 1897 г.	
	Кв. верст тысяч.	Десятин милл.	Земли, о к-рой нет никаких сведений, милл. д.	Земля на учете милл. дес.	Пашни. (Миллионы десятин)	Покоса. (Миллионы десятин)	Леса. (Миллионы десятин)	Итого. (Миллионы десятин)	Всего тыс.	На 1 кв. версту.
10 губ. Царства Польского . . .	111,6	11,6	—	11,6	7,4	0,9	2,5	10,8	9.402,2	84,3
38 губ., на запад от Волги	1.755,6	183,0	—	183,0	93,6	18,7	34,0	146,3	—	—
12 губ. на сев. и восток от Волги . . .	2.474,9	258,0	—	258,0	22,3	7,1	132,0	161,4	—	—
Итого 50 губ. Евр. России	4.230,5	441,0	—	441,0	123,3	26,7	168,5	318,5	93.442,9	22,1
Кавказ . . .	411,7	42,9	22,1	20,8	6,5	2,2	2,5	11,2	9.289,4	22,6
Сибирь . . .	10.966,1	1.142,6	639,7	502,9	4,3	3,9	121,0	129,2	5.758,8	0,5
Средн. Азия	3.141,6	327,3	157,4	169,9	0,9	1,6	8,0	10,5	7.746,7	2,5
Итого Азиатская Россия	14.519,4	1.512,8	819,2	693,6	11,7	7,7	131,5	150,9	—	—
Всего Российск. империя . . .	18.861,5	1.965,4	819,2	1.146,2	135,0	34,1	300,0	469,4	125.640,0	6,7

Из этих цифр ясно видно, как мало мы еще знаем об окраинах России. Конечно, думать о «решении» земельного вопроса внутренней России посредством переселения на окраины было бы верхом нелепости. Не подлежит ни малейшему сомнению, что предлагать такое «решение» могут только шарлатаны, что те противоречия старых латифундий в Евр. России новым условиям жизни и хозяйства в той же Евр. России, которые мы показали выше, должны быть «разрешены» тем или иным переворотом в *Евр. России*, а не вне ее. Не в том дело, чтобы переселением избавлять крестьян от крепостничества. Дело в том, что на-ряду с аграрным вопросом центра стоит аграрный вопрос колонизации. Не в том дело, чтобы заслонять кризис в Евр. России вопросом о колонизации, а в том, чтобы показать губительные результаты крепостнических латифундий *и* на центр, *и* на окраины. Русскую колонизацию *тормозят* остатки крепостничества в центре России. Иначе как аграрным переворотом в Евр. России, иначе как освобождением крестьян от гнета крепостнических латифундий *нельзя* освободить и урегулировать русской колонизации. Это урегулирование должно состоять не в бюрократических «заботах» о переселении и не в «организации переселений», о которой любят говорить писатели либерально-народнического лагеря, а в устранении тех условий, которые осуждают русского крестьянина на темноту, забитость и одичание в вечной кабале у владельцев латифундий.

Г. Мертваго в брошюре, написанной им вместе с г. Прокоповичем («Сколько в России земли, и как мы ею пользуемся?» М. 1907), справедливо указывает на то, что рост культуры превращает неудобные земли в удобные. Академики Бер и Гельмерсен, знатоки дела, писали в 1845 году, что таврические степи «*всегда* будут принадлежать к беднейшим и неудобовоздельваемым по климату и недостатку в воде!!» [128]). Тогда население Таврической губ. производило 1,8 милл. четвертей хлеба. Через 60 лет население удвоилось и производит 17,6 милл. четвертей, т.-е. почти вдесятеро больше.

Это очень верное и важное рассуждение, но только г. Мертваго забыл одно: главным условием, позволившим быструю колонизацию Новороссии, было *падение крепостного права* в центре России. Только переворот в центре дал возможность быстро, широко, по-американски, заселить юг и индустриализировать его (про *американский* рост юга России после 1861 года говорено ведь очень и очень много). И теперь только переворот в Европейской России, только полное устранение в ней остатков крепостничества, избавление крестьян от средневековых латифундий в состоянии *действительно* открыть новую эру колонизации.

Колонизационный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны. Конец

XIX века ставит перед нами альтернативу: либо решительная ликвидация крепостничества в «исконных» русских губерниях; тогда быстрое, широкое, американское развитие колонизации наших окраин обеспечено. Либо затяжка аграрного вопроса в центре; тогда неизбежна долгая задержка в развитии производительных сил, сохранение крепостнических традиций и в колонизационном деле. В первом случае земледелие будет вести свободный фермер, во втором кабальный мужик и «хозяйничающий» посредством отрезных земель барин.

II.

Переходим к организации помещичьего хозяйства. Общеизвестно, что основной чертой этой организации является соединение капиталистической системы («вольный наем») с отработочной. Что же такое эта отработочная система?

Для ответа на этот вопрос необходимо взглянуть на организацию помещичьего хозяйства при крепостном праве. Всем известно, чем было крепостное право с точки зрения юридической, административной, бытовой. Но очень редко задаются вопросом о том, в чем была сущность экономических отношений помещиков и крестьян при крепостном праве. Крестьян наделяли тогда землей помещики. Иногда они ссужали крестьянам и другие средства производства, напр., лес, скот и т. п. Какое же значение имело это наделение крепостных крестьян помещичьей землей? Надел был тогда *формой заработной платы*, если говорить применительно к современным отношениям. В капиталистическом производстве заработная плата рабочему выплачивается деньгами. Прибыль капиталиста реализуется в виде денег. Необходимый и прибавочный труд (т.-е. труд, оплачивающий содержание рабочего, и труд, дающий неоплаченную прибавочную стоимость капиталисту) соединены вместе в один процесс труда на фабрике, в один фабричный рабочий день и т. д. Иначе обстоит дело в барщинном хозяйстве. Необходимый и прибавочный труд есть и здесь, как есть он и в рабском хозяйстве. Но эти оба вида труда разделены во времени и в пространстве. Крепостной крестьянин три дня работает на барина, три дня на себя. На барина он работает на помещичьей земле или над помещичьим хлебом. На себя он работает на надельной земле, добывая сам для себя и для своей семьи тот хлеб, который необходим на содержание рабочей силы для помещика.

Следовательно, крепостная или барщинная система хозяйства одинакова с капиталистической в том отношении, что в обеих работник получает лишь продукт необходимого труда, отдавая продукт прибавочного труда без оплаты собственнику средств производства. Отличается же система крепостного хозяйства от

капиталистической в трех следующих отношениях. Во-первых, крепостное хозяйство есть натуральное хозяйство, капиталистическое же — денежное. Во-вторых, в крепостном хозяйстве орудием эксплуатации является *прикрепление* работника к земле, наделение его землей, в капиталистическом же — освобождение работника от земли. Для получения дохода (т.-е. прибавочного продукта) крепостник-помещик должен иметь на своей земле крестьянина, обладающего наделом, инвентарем, скотом. Безземельный, безлошадный, бесхозяйный крестьянин — негодный объект для крепостнической эксплуатации. Для получения дохода (прибыли) капиталист должен иметь перед собой именно безземельного, бесхозяйного работника, вынужденного продавать свою рабочую силу на свободном рынке труда. В-третьих, наделенный землей крестьянин должен быть *лично зависим* от помещика, ибо, обладая землей, он не пойдет на барскую работу иначе как *под принуждением*. Система хозяйства порождает здесь «вне-экономическое принуждение», крепостничество, зависимость юридическую, неполноправность и т. д. Напротив, «идеальный» капитализм есть полнейшая свобода договора на свободном рынке — между собственником и пролетарием.

Только отчетливо уяснив себе эту экономическую сущность крепостного или, что то же, барщинного хозяйства, мы можем понять историческое место и значение отработков. Отработки, это — прямой и непосредственный пережиток барщины. Отработки, это — переход от барщины к капитализму. Сущность отработков в том, что помещичьи земли обрабатывают крестьяне *своим инвентарем* за плату частью денежную, частью натурой (за землю, за отрезки, за выпас, за зимнюю ссуду и т. п.). Известная под именем испольщины форма хозяйства есть одна из разновидностей отработков. Для отработочного помещичьего хозяйства *необходим* наделенный землей крестьянин, имеющий хоть самый плохенький живой и мертвый инвентарь; необходимо также, чтобы этот крестьянин был задавлен нуждой и шел в кабалу. Кабала вместо свободного найма есть необходимый спутник отработков. Помещик выступает здесь не как предприниматель-капиталист, владеющий деньгами и всей совокупностью орудий труда. Помещик выступает при отработках в качестве ростовщика, пользующегося нуждой соседнего крестьянина и приобретающего его труд втридешева.

Чтобы нагляднее показать это, возьмем данные департамента земледелия, — источник, стоящий выше всяких подозрений в недоброжелательстве к господам землевладельцам. Известное издание «Вольнонаемный труд в хозяйстве» и т. д. (вып. V «С.-х. и стат. свед., получ. *от хозяев*». Спб. 1892)[129]) дает сведения о средней черноземной полосе за 8 лет (1803 — 1891): средней платой за полную обработку крестьянским инвентарем одной

десятины озимого хлеба надо считать 6 руб. Если же рассчитать стоимость тех же работ по вольному найму, то получаем — говорит то же издание — 6 р. 19 коп. только за пеший труд, *не считая* работы лошади; эту работу нельзя считать меньше 4 р. 50 коп. (цит. изд., с. 45; «Развитие капитализма в России», с. 141 *). Следовательно, вольнонаемная цена равняется 10 р. 69 к., отработочная же — 6 р. Как объяснить это явление, если оно представляет из себя не случайное, не единичное что-либо, а нормальное и обычное? Такие слова, как «кабала», «ростовщичество», «лихоимство» и т. п., описывают форму сделки и характер ее, но не объясняют ее хозяйственной сущности. Как может крестьянин в течение ряда лет исполнять за 6 р. работу, которая стоит 10 р. 69 к.? Крестьянин *может* это делать потому, что его надел покрывает часть расходов крестьянской семьи и *позволяет* понижать заработную плату ниже «вольнонаемной» нормы. Крестьянин вынужден это делать именно потому, что убогий надел привязывает его к соседнему помещику, не давая возможности жить со своего хозяйства. И понятно, что «нормальным» такое явление может быть лишь как одно из звеньев процесса вытеснения барщины капитализмом. Ибо крестьянин неминуемо разоряется в силу таких условий и медленно, но верно превращается в пролетария.

Вот еще однородные, но несколько более полные данные по Саратовскому уезду. Средняя цена за обработку одной десятины с уборкой, возкой хлеба и молотьбой составляет 9,6 рублей при зимнем заподряде с выдачей вперед 80 — 100% заработной платы. При отработках за аренду пашни цена — 9,4 рубля. При вольном найме — $17^1/_2$ рублей! Жатва и возка при отработках стоит 3,8 рубля за десятину, при вольном найме — $8^1/_2$ рублей и т. д. Каждая из этих цифр содержит в себе длинную повесть бесконечной крестьянской нужды, кабалы и разорения. Каждая из этих цифр свидетельствует о том, как *живы* к концу XIX века в России крепостническая эксплуатация и пережитки барщины.

Распространенность отработочной системы очень трудно поддается учету. Дело обстоит обыкновенно так, что в помещичьем хозяйстве соединяются отработочная и капиталистическая система, применяемые по отношению к различным операциям земледелия. Незначительная часть земли обрабатывается помещичьим инвентарем и наемными рабочими. Бóльшая часть земли сдается в аренду крестьянам, испольно, под отработки. Вот несколько иллюстраций, заимствуемых нами из обстоятельной работы г. Кауфмана, который свел ряд новейших данных о частновладельческом хозяйстве **). Тульская губ. (сведения относятся к 1897—1898 г.г.)—

*) См. III том Сочинений, стр. 147 — 148. *Ред.*

**) «Аграрный вопрос». Изд. Долгорукова и Петрункевича. Т. II. М. 1907, стр. 442 — 628: «К вопросу о культурно-хозяйственном значении частного землевладения».

«помещики остались при старом трехполье... дальняя земля разбирается крестьянами»; обработка владельческих земель в высшей степени неудовлетворительная. Курская губерния:... «подесятинная раздача земли крестьянам, выгодная вследствие высоких цен..., привела к истощению почвы». Воронежская губ.:... средние и мелкие владельцы «в большинстве ведут хозяйство исключительно при помощи крестьянского инвентаря или же сдают свои имения в аренду... в большинстве хозяйств практикуются приемы, отличающиеся отсутствием каких бы то ни было улучшений».

Подобные отзывы показывают нам, что к концу XIX века вполне применима та общая характеристика различных губерний Европ. России по преобладанию отработочной или капиталистической системы, которую дал г. Анненский в книге «Влияние урожаев и т. д.». Приводим эту характеристику в виде таблички:

	Число губерний: В черноземной	Число губерний: В нечерноземной	Всего	Всего посевов у частновладельцев (тыс. дес.)
I. Губернии с преобладанием капиталистической системы	9	10	19	7.407
II. Губ. с преобл. смешан. системы	3	4	7	2.222
III. Губ. с преобл. отработочной системы	12	5	17	6.281
Всего	24	19	43	15.910

В черноземной полосе, следовательно, отработки безусловно преобладают, отступая на задний план во всех 43 губерниях, включенных в данную таблицу. Важно отметить при этом, что в 1 группе (капиталистическая система) числятся как раз не характерные для земледельческого центра местности: прибалтийские губернии, юго-западные (свекловичный район), южные, обе столичные.

Какое влияние оказывают отработки на развитие производительных сил земледелия, об этом красноречиво говорят материалы, сведенные в работе г. Кауфмана. «Не может подлежать сомнению, — читаем там, — что мелкая крестьянская аренда и испольщина является одним из условий, наиболее тормозящих прогресс сельского хозяйства»... в обзорах сельского хозяйства по Полтавской губернии постоянно указывается на то, что «съемщики плохо обрабатывают землю, засевают плохими семенами, засоряют ее».

В Могилевской губ. (1898 г.) «всякое улучшение в хозяйстве тормозится неудобствами испольного хозяйства». Скопщина[130]) является одной из главных причин того, что «сельское хозяйство в Днепровском уезде находится в таком положении, что нечего и думать о каких-либо нововведениях и улучшениях». «Наши

материалы, — пишет г. Кауфман (с. 517), — дают нам ряд определенных указаний на то, что даже в пределах одного и того же имения на землях, сдаваемых в аренду, старые, отжившие свой век способы хозяйства продолжают держаться в то время, когда на землях собственной запашки уже введены новые, более совершенные системы полеводства». Напр., на арендуемых землях держится трехполье иногда даже без навозного удобрения, — на землях экономической запашки многопольные севообороты. Испольщина тормозит травосеяние, мешает распространению удобрения, задерживает применение лучших с.-х. орудий. Результат всего этого наглядно сказывается на данных об урожаях. Вот, напр., одна латифундия Симбирской губернии: урожай ржи на экономической запашке 90 пуд. с дес., пшеницы 60 пуд., овса 74 пуд., а на испольных землях 58 — 28 — 50 пудов. Вот общие данные по целому уезду (Горбатовский, Нижегородской губернии):

УРОЖАЙНОСТЬ РЖИ В ПУДАХ С ДЕСЯТИНЫ.

Почвенные разряды:	Надельные земли	Частновладельческие земли		
		Экопом. посевы	Исполн.	Арендн.
I.	62	74	—	44
II.	55	63	49	—
III.	51	60	50	42
IV.	48	69	51	51
Для всех разряд.	54 *)	66	50	45 *)

Итак, *помещичьи* земли, обрабатываемые крепостнически (испольщина и мелкая аренда), дают *меньшие* урожаи, чем надельные земли! Это — громадной важности факт, ибо он неопровержимо доказывает, что главная и основная причина сельскохозяйственной отсталости России, застоя всего народного хозяйства и невиданного на свете принижения земледельца есть *отработочная система*, т. е. прямой пережиток крепостничества. Никакие кредиты, никакие мелиорации, никакая «помощь» крестьянину, никакие излюбленные бюрократами и либералами меры «содействия» не дадут никаких серьезных результатов, пока остается гнет крепостнических латифундий, традиций, систем хозяйства. И наоборот, аграрный переворот, уничтожающий помещичье землевладение и разрывающий старую средневековую общину (национализация земли, например, разрывает ее не полицейским, не чиновничьим путем), непременно послужил бы основой замечательно быстрого и действительно широкого прогресса. Невероятно низкий урожай испольных и арендных земель обязан системе работ: «на барина». Не только урожаи с этих земель

*) У г. Кауфмана, с. 521, видимо, опечатка в этих двух цифрах.

поднялись бы, если бы тот же, теперешний земледелец освободился от работы «на барина», но и урожай надельных земель поднялся бы неизбежно просто в силу устранения крепостнических помех хозяйству.

При данном же положении вещей капиталистический прогресс частновладельческого хозяйства имеется, конечно, на-лицо, но он чрезвычайно медленен и неизбежно обременяет Россию на долгие времена политическим и социальным господством «дикого помещика». Мы рассмотрим теперь, в чем проявляется этот прогресс, и попытаемся определить некоторые общие результаты его.

Что урожайность «экономических» посевов, т.-е. обрабатываемых капиталистически помещичьих земель, выше крестьянских, это указывает на технический прогресс капитализма в земледелии. Прогресс этот связан с переходом от отработочной системы к вольнонаемной. Разорение крестьянства, обезлошадение, потеря инвентаря, пролетаризация земледельца *заставляют* помещиков переходить к работе своим инвентарем. Растет употребление машин в сельском хозяйстве, повышающих производительность труда и неизбежно ведущих к развитию чисто капиталистических производственных отношений. Сельско-хозяйственных машин ввозилось в Россию из-за границы на 788 тыс. руб. в 1869—1872 годах, на 2,9 милл. руб. в 1873—1880 годах, на 4,2 милл. руб. в 1881—1888 годах, на 3,7 милл. руб. в 1889—1896 годах, на 15,2—20,6 милл. руб. в 1902—3 годах. Производство с.-х. машин в России определялось (приблизительно, по довольно грубой статистике фабрик и заводов) в 2,3 милл. руб. в 1876 году, в 9,4 милл. руб. в 1894 году, в 12,1 милл. руб. в 1900—1903 годах. Неоспоримо, что эти цифры свидетельствуют о прогрессе земледелия и именно капиталистическом прогрессе, конечно. Но так же неоспоримо, что прогресс этот чрезвычайно медленен по сравнению с тем, что возможно в современном капиталистическом государстве: пример — Америка. По переписи 1 июня 1900 года в Соед. Штатах было земли под фермами 838,6 милл. акров, т.-е. около 324 милл. дес. Число ферм — 5,7 милл., так что среднее на 1 ферму — 146,2 акра (ок. 60 дес.). И вот, производство земледельческих орудий для этих фермеров равнялось *157,7 миллионам долларов* в 1900 году (в 1890 г. — 145,3 милл. долл.; в 1880 г. — 62,1 милл. долл.)*)! Русские цифры до смешного малы по сравнению с этими, и малы они потому, что велики у нас и сильны крепостнические латифундии.

Сравнительное распространение улучшенных сельско-хозяйственных орудий у владельцев и крестьян было предметом спе-

*) «Abstract of the Twelth Cenzus». 1900. Third Edition. Washington 1904, pages 217 and 302 — agricultural implements («Обзор двенадцатой переписи». 1900. 3-е изд. Вашингтон 1904, стр. 217 и 302 — сельско-хозяйственные орудия *Ред.*).

ципальной анкеты, произведенной министерством земледелия в середине 90-х годов прошлого века. Сводку данных этой анкеты, изложенных подробно у г. Кауфмана, мы можем привести в следующей таблице:

Районы	Процент показаний о широкой распространенности улучшенных с.-х. орудий	
	У владельцев	У крестьян
Центр. земледельч.	20—51	8—20
Средневолжский	18—66	14
Новороссийский	50—91	33—65
Белорусский	54—86	17—41
Приозерный	24—47	1—21
Подмосковный	22—51	10—26
Промышленный	4—8	2

В среднем по всем этим районам получаем 42% у помещиков и 21% у крестьян.

Относительно распространения навозного удобрения все данные статистики равным образом неопровержимо свидетельствуют, «что в этом деле владельческое хозяйство все время шло и до сих пор стоит далеко впереди крестьянского» (Кауфман, с. 544). Мало того: довольно широко распространено было в пореформенной России такое явление, как покупка навоза помещиками у крестьян. Это уже — результат самой крайней крестьянской нужды. В последнее время явление это идет на убыль.

Наконец, точные и массовые статистические данные по вопросу о высоте земледельческой техники в помещичьем и крестьянском хозяйстве имеются относительно распространения травосеяния (Кауфман, с. 561). Вот главные выводы:

Годы:	Посев кормовых трав в Евр. России	
	У крестьян	У владельцев
1881	49,8 тыс. дес.	491,6 тыс. дес.
1901	499,0 » »	1.046,0 » »

Каков результат всех этих различий между помещичьим и крестьянским хозяйством? Для суждения об этом есть только данные об урожайности. По всей Евр. России в среднем за 18 лет (1883—1900) урожайность была следующая (в четвертях):

	Рожь	Пшеница озимая	Пшеница яровая	Овес
У владельцев	6,0	5,75	5,0	8,5
У крестьян	5,0	5,0	4,25	7,0
Разница	16,7%	13,0%	15,0%	17,6%

Г. Кауфман совершенно прав, когда говорит, что разница эта «очень не велика» (с. 592). Надо принять при этом во внимание не только то, что крестьянам оставлены были в 1861 г. *худшие земли*, но и то, что общие средние относительно всего

крестьянства скрадывают (как мы сейчас увидим) крупные различия.

Общий вывод, который мы должны сделать из рассмотрения помещичьего хозяйства, следующий. Капитализм совершенно явственно пролагает себе дорогу в этой области. Смена идет от барщинного к вольнонаемному хозяйству. Технический прогресс капиталистического земледелия по сравнению с отработочным и мелким крестьянским намечается во всех направлениях вполне определенно. Но прогресс этот необыкновенно медленен для современной капиталистической страны. И конец XIX века застает в России самое острое противоречие между потребностями всего общественного развития и крепостничеством, которое в виде помещичьих дворянских латифундий, в виде отработочной системы хозяйства является тормозом хозяйственной эволюции, источником угнетения, варварства, бесконечных форм татарщины в русской жизни.

III.

Крестьянское хозяйство составляет центральный пункт современного аграрного вопроса в России. Мы показали выше, каковы условия крестьянского землевладения, и теперь должны обратиться к организации крестьянского хозяйства — не в техническом, а в политико-экономическом смысле слова.

На первом месте мы встречаем здесь вопрос о крестьянской общине. Ему посвящена чрезвычайно обширная литература, и народническое направление нашей общественной мысли связывает основные пункты своего миросозерцания с национальными особенностями этого «уравнительного» учреждения. Надо прежде всего заметить по этому поводу, что в литературе о русской поземельной общине постоянно переплетаются и сплошь да рядом смешиваются две различные стороны вопроса: агрикультурная и бытовая, с одной стороны, и политико-экономическая, с другой. В большинстве сочинений по общине (В. Орлов, Трирогов, Кейсслер, В. В.) [131]) первой стороне вопроса уделяется так много места и внимания, что вторую сторону совершенно оставляют в тени. Между тем подобный прием глубоко неправилен. Своеобразность русских поземельных отношений по сравнению с отношениями любой иной страны не подлежит сомнению, но не найдется двух чисто капиталистических, общепризнанных капиталистических стран, которые не различались между собой столь же значительно аграрным бытом, историей земельных отношений, формами землевладения и землепользования и т. д. То, что придало вопросу о русской поземельной общине его значение и его остроту, то, что разделило, начиная со второй половины XIX века, два основные направления нашей общественной мысли — народническое и марксистское, — это вовсе не

агрикультурная и не бытовая сторона вопроса. Возможно, что ей должны были уделять много внимания местные исследователи как для того, чтобы всесторонне учесть именно местные особенности земледельческого быта, так и для того, чтобы отразить невежественные, чисто наглые, покушения бюрократии на мелочную, проникнутую полицейским духом, регламентацию. Но для экономиста во всяком случае совершенно непозволительно заслонять изучением разновидностей переделов, техники их и т. п. вопрос о том, какие *типы хозяйств* складываются *внутри* общины, как развиваются эти типы, как складываются отношения между нанимающими рабочих и нанимающимися на черную работу, между зажиточными и беднотой, между улучшающими хозяйство и вводящими усовершенствования в технике и разоряющимися, забрасывающими хозяйство, бегущими из деревни. Несомненно, что сознание этой истины и побудило наших земских статистиков — давших неоценимый материал для изучения народного хозяйства России — перейти в 80-х годах прошлого века от *казенной* группировки крестьян по общинам, по наделу, по числу ревизских или наличных душ мужеского пола, к единственно-научной группировке по *хозяйственной состоятельности* дворов. Напомним, что в те времена, когда интерес к экономическому изучению России был особенно велик, даже такой «партийный» в этом вопросе писатель, как г. В. В., от всей души приветствовал «новый тип земско-статистического издания» (заглавие статьи г. В. В. в «Северном Вестнике» за 1885 г., № 11) [132] и заявлял: «необходимо цифровые данные приурочивать не к такому агломерату разнообразнейших экономических групп крестьянства, как село или община, а к самим этим группам».

Основная черта нашей общины, придавшая ей особое значение в глазах народников, есть уравнительность землепользования. Мы оставим совершенно в стороне вопрос о том, как достигает община этой уравнительности, а обратимся прямо к экономическим фактам, к результатам этой уравнительности. Распределение всей надельной земли в Евр. России, как мы показали выше на точных данных, далеко не уравнительное. Между разрядами крестьян, между крестьянами разных деревень, даже между крестьянами разных помещиков («бывших») в одной деревне распределение тоже не имеет ничего общего с уравнительным. Только внутри мелких общин аппарат переделов создает уравнительность этих небольших замкнутых союзов. Посмотрим же на данные земской статистики относительно распределения надельной земли между дворами. При этом, разумеется, мы должны взять группировку дворов не по величине семьи, не по числу работников, а непременно по *хозяйственной состоятельности* отдельных дворов (посев, число штук рабочего скота, количество коров и т. п.), ибо вся сущность капиталистической эволюции мел-

кого земледелия состоит в создании и усилении имущественного неравенства внутри патриархальных союзов, далее в превращении простого неравенства в капиталистические отношения. Мы затушевали бы, следовательно, все особенности новой хозяйственной эволюции, если бы не задались целью изучить специально различия в хозяйственной состоятельности внутри крестьянства.

Возьмем сначала один типичный уезд (подворные исследования земской статистики с детальными комбинационными таблицами приурочены к отдельным уездам) и затем приведем основания, которые заставляют распространить интересующие нас выводы на крестьянство всей России. Материал заимствуем из «Развития капитализма», глава II *).

В Красноуфимском уезде, Пермской губернии, в которой имеется исключительно общинное крестьянское землевладение, надельная земля распределяется следующим образом:

	На один двор	
	Душ об. п.	Надельн. земли дес.
Не обрабатыв. земли	3,5	9,8
Обраб. до 5 дес.	4,5	12,9
» 5—10 »	5,4	17,4
» 10—20 »	6,7	21,3
» 20—50 »	7,9	28,8
» бол. 50 »	8,2	44,6
Всего	5,5	17,4

Мы видим, что с повышением хозяйственной состоятельности дворов безусловно правильно повышается размер семьи. Ясно, что многосемейность является одним из факторов крестьянского благосостояния. Это бесспорно. Вопрос только в том, к каким общественно-экономическим отношениям приводит это благосостояние в данной обстановке всего народного хозяйства. Что касается до надельной земли, то мы видим неравномерность ее распределения, хотя и не слишком значительную. Чем состоятельнее крестьянский двор, тем больше надельной земли приходится *на 1 душу населения*. В низшей группе меньше 3 дес. надельной земли на 1 душу об. п.; в дальнейших группах около 3 десятин—три дес.—около 4-х—четыре—и, наконец, в последней высшей группе свыше 5 дес. надельной земли на 1 душу об. п. Следовательно, многосемейность и наибольшая обеспеченность надельной землей служат основой зажиточности *небольшого меньшинства* крестьян. Ибо две высшие группы охватывают всего *одну десятую* долю общего числа дворов. Вот процентные соотношения между числом дворов, количеством населения и распределением надельной земли:

*) См. III том Сочинений. *Ред.*

Группы дворов	Проценты к итогу		
	Дворов	Населения об. п.	Надельной земли
Не обработ. земли	10,2	6,5	5,7
Обраб. до 5 дес.	30,3	24,8	22,6
» » 5—10 »	27,0	26,7	26,0
» » 10—20 »	22,4	27,3	28,2
» » 20—50 »	9,4	13,5	15,5
» более 50 »	0,7	1,2	1,9
Всего	100,0	100,0	100,0

Из этих цифр видно ясно, что пропорциональность распределения надельной земли есть па-лицо, что результат общинной уравнительности учитывается нами. Процентные доли населения по группам и надельной земли по группам довольно близки одна к другой. Но и тут уже начинает сказываться влияние хозяйственной состоятельности отдельных дворов: у низших групп доля земли *меньше* доли населения, у высших групп — *больше.* И это явление не единичное, не одного только уезда касающееся, а общее для всей России. В вышеуказанной работе мною сведены однородные данные по 21 уезду 7 губерний самых различных местностей России. Эти данные, охватывающие полмиллиона крестьянских дворов, показывают везде одинаковые отношения. У 20% зажиточных дворов 26,1%—30,3% населения и 29,0%—36,7% надельной земли. У 50% беднейших дворов 36,6%—44,7% населения и 33,0% — 37,7% надельной земли. Пропорциональность распределения надельной земли есть везде, и в то же время везде сказывается то, что община *подается* в сторону крестьянской буржуазии; отступления от пропорциональности идут повсюду в пользу высших групп крестьянства.

Таким образом, было бы глубокой ошибкой думать, что, изучая группировку крестьянства по хозяйственной состоятельности, мы игнорируем «уравнительное» влияние общины. Как раз напротив, мы именно учитываем посредством точных данных действительное хозяйственное значение этой уравнительности. Мы именно показываем, насколько простирается эта уравнительность, к чему приводит, *в конце концов,* вся система переделов. Пусть эта система дает наилучшее распределение земель разного качества и разных угодий, но не оспорим факт, что перевес зажиточных групп крестьянства над беднейшими сказывается *и* в распределении надельной земли. Распределение других, не надельных, земель, как мы сейчас увидим, неизмеримо более неравномерно.

Известно значение аренды в крестьянском хозяйстве. Нужда в земле вызывает необыкновенно разнообразные формы кабальных отношений на этой почве. Сплошь да рядом, как мы уже говорили выше, аренда земли крестьянами является по сути дела

отработочной системой помещичьего хозяйства,— является крепостническим способом приобретения рабочих рук для барина. Таким образом, крепостническое значение нашей крестьянской аренды не подлежит сомнению. Но, раз мы имеем перед собой капиталистическую эволюцию данной страны, мы должны специально исследовать, как проявляются и проявляются ли *буржуазные* отношения в крестьянской аренде. Для этого опять-таки необходимы данные о различных хозяйственных группах крестьянства, а не о целых общинах и деревнях. Напр., в «Итогах земской статистики» г. Карышев должен был признать, что натуральные аренды (т.-е. аренды не за деньги, а исполу или за отработки) по общему правилу *везде* дороже денежных, и притом значительно дороже, иногда вдвое; далее, что натуральные аренды развиты *всего сильнее в беднейших группах крестьянства.* Сколько-нибудь состоятельные крестьяне стараются снимать землю за деньги. «Наниматель пользуется малейшей возможностью вносить арендную сумму деньгами и тем удешевить стоимость пользования чужой землей» (Карышев в цит. соч., стр. 265) [133].

Значит, крепостнические черты нашей аренды всей тяжестью ложатся на беднейших крестьян. Зажиточные стараются высвободиться из средневекового ярма, и это удается им лишь в той мере, в какой они располагают достаточными денежными суммами. Есть деньги — можешь снять землю за наличные по обыкновенным рыночным ценам. Нет денег — идешь в кабалу, платишь втридорога за землю в виде ли испольщины или в виде отработков. Мы видели выше, во сколько раз отработочные цены за труд ниже вольнонаемных цен. А если условия аренды различны для крестьян разной состоятельности, то ясно, что мы не можем ограничиться (как это постоянно делает Карышев) группировкой крестьян по наделу, ибо такая группировка *искусственно* сливает дворы разной состоятельности, смешивает сельский пролетариат с крестьянской буржуазией.

Возьмем для иллюстрации данные по Камышинскому уезду Саратовской губернии, почти сплошь общинной (из 2.455 общин этой губернии 2.436 имеют землю в общинном владении). Вот каковы здесь отношения между разными группами дворов по аренде земли:

Группы домохозяев:	% Дворов	Приходится на 1 надельный двор десятин: Надельной пашни	Арендованной земли
Без рабоч. скота	26,4	5,4	0,3
С 1 головы рабочего скота	20,3	6,5	1,6
» 2 » » »	14,6	8,5	3,5
» 3 » » »	9,3	10,1	5,6
» 4 » » »	8,3	12,5	7,4
» 5 и более » »	21,1	16.1	16,6
Всего	100,0	9,3	5,4

Распределение надельной земли уже знакомо нам: состоятельные дворы лучше обеспечены ею по расчету на единицу населения, чем бедные. Распределение аренды оказывается *в десятки раз* более неравномерное. В высшей группе втрое больше надельной земли, чем в низшей (16,1 против 5,4). Арендованной же земли в высшей группе *в пятьдесят раз* больше, чем в низшей (16,6 против 0,3). Аренда, след., не выравнивает различия между крестьянами по хозяйственной состоятельности, а в десятки раз усиливает, обостряет их. Обратный вывод, который неоднократно встречается у экономистов-народников (В. В., Ник. —он, Маресс, Карышев, Вихляев и др.), основан на следующей ошибке. Берут обыкновенно группировку крестьян по наделу и показывают, что малонадельные больше арендуют, чем многонадельные. На этом и останавливаются, [не указывая], что арендуют землю преимущественно зажиточные дворы малонадельных общин, и что поэтому кажущаяся уравнительность общин только прикрывает величайшую неравномерность распределения внутри общин. Карышев, напр., сам признает, что «большими арендами пользуются a) менее обеспеченные землей разряды, но b) более обеспеченные в них группы» (стр. 139 указ. соч.), но, тем не менее, не исследует систематически распределения аренды по группам.

Чтобы яснее была эта ошибка экономистов-народников, приведем один пример — г. Маресса (в книге «Влияние урожаев и хлебных цен», т. I, стр. 34). Он выводит из данных по Мелитопольскому уезду «приблизительно равномерное подушное распределение аренды». В чем дело? В том, что если распределить дворы по числу работников муж. пола, то окажется, что дворы без работников арендуют «в среднем» по 1,6 дес. на арендующий двор, дворы с 1 работником по 4,4 дес.; с двумя — по 8,3 дес., с тремя — по 14,0 дес. В том-то и соль, что эти «средние» объединяют дворы совершенно различной хозяйственной состоятельности, что среди, напр., дворов с работником есть дворы, арендующие по 4 дес. и сеющие 5 — 10 дес. при 2 — 3 головах рабочего скота, и дворы, арендующие по 38 дес., сеющие более 50 дес. при 4 и более головах рабочего скота. Таким образом выведенная г. Марессом уравнительность *фиктивна*. На деле в Мелитопольском уезде 20% богатейших дворов, несмотря на наибольшую обеспеченность их и надельной и купчей землей, концентрируют 66,3%, т. е. две трети всей арендованной земли, оставляя всего 5,6% ее на долю *половины* беднейших дворов.

Далее. Если мы видим, с одной стороны, аренду одной десятины или даже части ее в дворах безлошадных и однолошадных, а с другой стороны, аренду 7 — 16 десятин у дворов четырех- и более лошадных, то ясно, что здесь количество переходит в качество. Первая аренда есть аренда из нужды, аренда кабальная. «Арендатор», стоящий в подобных условиях, не может не пре-

вращаться в орудие эксплуатации посредством обработков, зимней наемки, ссуды денег и т. п. Наоборот, двор, имеющий 12—16 десятин надельной земли, и арендующий *сверх того* по 7—16 десятин, явно арендует не от нужды, а от богатства, не для «продовольствия», а для обогащения, для того, чтобы «заработать деньгу». Мы видим здесь воочию превращение аренды в капиталистическое фермерство, зарождение предпринимательства в земледелии. Подобные дворы, как увидим ниже, не обходятся без найма земледельческих рабочих.

Спрашивается теперь, насколько общее явление — эта явно предпринимательская аренда? Мы приведем ниже указание на то, что в различных районах торгового земледелия рост предпринимательского хозяйства проявляется различно. Теперь же приведем еще несколько примеров и сделаем общие выводы об аренде.

В Днепровском уезде Таврической губернии дворы, сеющие 25 и более дес., составляют 18,2% общего числа. Они имеют надельной земли по 16—17 дес. на двор и арендуют по 17—44 десятины. В Новоузенском уезде Самарской губ. дворы, имеющие 5 и более голов раб. скота, составляют 24,7% общего числа. Они сеют по 25—53—149 дес. на двор, арендуя вненадельной земли по 14—54—342 дес. на двор (первая цифра относится к группе с 5—10 голов раб. скота, 17,1% дворов; вторая — 10—20 гол., 5,8% дворов; третья — 20 и более голов, 1,8% дворов). Надельной земли они арендуют в других обществах по 12—29—67 дес., и в своем обществе по 9—21—74 дес. В Красноуфимском уезде Пермской губернии обрабатывают 20 дес. и более 10,1% всего числа дворов. Они имеют по 28—44 дес. надельной земли на двор и арендуют по 14—40 дес. пашни и 118—261 дес. покоса. В двух уездах Орловской губ. (Елецкий и Трубчевский) дворы с 4 и более лошадьми составляют 7,2% общего числа. Имея по 15,2 дес. надельной земли, они посредством купчей земли и аренды доводят свое землепользование до 28,4 дес. В Задонском уезде Воронежской губ. соответственные цифры: 3,2% дворов по 17,1 дес. надельной земли и по 33,2% дес. всего землепользования. В трех уездах Нижегородской губернии (Княгининский, Макарьевский и Васильский) 9,5% дворов с 3 и более лошадьми. У них по 13—16 дес. надельной земли на двор, а всего землепользования по 21—34 дес.

Отсюда видно, что предпринимательская аренда в крестьянстве не единичное и не случайное явление, а общее и повсеместное. Везде и повсюду выделяются из общины зажиточные дворы, которые всегда составляют незначительное меньшинство и всегда организуют капиталистическое земледелие при помощи предпринимательской аренды. Поэтому общими фразами о продовольственной и капиталистической аренде нельзя ничего выяснить в вопросах нашего крестьянского хозяйства: необходимо

изучать *конкретные данные* о развитии крепостнических черт в аренде и об образовании *в ней же* капиталистических отношений.

Мы привели выше данные о том, какую долю населения и надельной земли сконцентрировывают 20% наиболее зажиточных дворов. Мы можем добавить теперь, что они сосредоточивают от 50,8% до 83,7% всей арендуемой крестьянством земли, оставляя на долю 50% дворов низших групп от 5% до 16% всей арендуемой земли. Вывод отсюда ясен: если нас спросят, какая аренда преобладает в России, продовольственная или предпринимательская, аренда из нужды или аренда зажиточных крестьян, аренда крепостническая (отработочная, кабальная) или буржуазная, то ответ может быть лишь один. По числу арендующих дворов, несомненно, большинство арендаторов арендует из нужды. Для громадного большинства крестьян аренда есть кабала. По количеству арендуемой земли, несомненно, не менее половины ее находится в руках зажиточного крестьянства, сельской буржуазии, организующей капиталистическое земледелие.

Данные о ценах на арендуемую землю обыкновенно приводятся только «в среднем» для всех арендаторов и за всю землю. До какой степени *прикрашивают* эти средние безмерную нужду и угнетение крестьян, видно из данных земской статистики по Днепровскому уезду Таврической губернии, где даны в виде счастливого исключения цены аренды у разных групп крестьянства:

	Процент арендующих дворов	Дес. пашни на 1 аренд. двор.	Цена 1 дес. в руб.
У сеющ. до 5 дес.	25	2,4	15,25
» » 5—10 »	42	3,9	12,00
» » 10—25 »	69	8,5	4,75
» » 25—50 »	88	20,0	3,75
» » свыше 50 »	91	48,6	3,55
Всего	56,2	12,4	4,23

Таким образом «средняя» цена аренды — 4 руб. 23 коп. за десятину — прямо искажает действительность, погашая те противоречия, которые составляют самую суть дела. Беднота вынуждена арендовать за разорительную цену более чем втрое выше средней. Богачи выгодно покупают землю «оптом», и, конечно, передают ее при случае нуждающемуся соседу с барышем в 275%. Есть аренда и аренда. Есть крепостническая кабала, есть ирландская аренда, и есть торговля землей, капиталистическое фермерство.

Такое явление, как сдача крестьянами надельной земли, еще более наглядно показывает капиталистические отношения внутри общины, разорение бедноты и обогащение меньшинства на счет

этой разоряющейся массы. Аренда и сдача земли, это — явления такого рода, которые не стоят ни в какой связи с общиной и ее уравнительностью. Какое значение в действительной жизни будет иметь эта уравнительность распределения надельной земли, если беднота вынуждена *сдавать* богатеям уравнительно данную ей землю? И какое более наглядное опровержение «общинических» взглядов можно себе представить, чем этот факт *обхода* жизнью официальной, ревизской, казенной уравнительности наделов? Бессилие какой угодно уравнительности перед развивающимся капитализмом доказывается воочию фактом сдачи надельной земли беднотой и концентрации аренды богачами.

Как широко распространено это явление сдачи надельных земель? По тем, устаревшим уже теперь, земско-статистическим исследованиям 80-х годов прошлого века, которыми мы вынуждены пока ограничиваться, число сдающих землю дворов и процент сдаваемой надельной земли кажутся небольшими. Напр., в Днепровском уезде Таврической губернии сдают надельную землю 25,7% домохозяев; процент сдаваемой надельной земли—14,9%. В Новоузенском уезде, Самарской губернии сдают землю 12% дворов. В Камышинском уезде, Саратовской губ. процент сдаваемой земли = 16%. В Красноуфимском уезде, Пермской губ. сдают надельную пашню $8^1/_2$ тысяч хозяев из $23^1/_2$, т.-е. более трети. Сдается $50^1/_2$ тыс. дес. надельной земли из 410 тыс., т.-е. около 12%. В Задонском уезде, Воронежской губ. сдается $6^1/_2$ тыс. дес. надельной земли из $136^1/_2$ тыс., т.-е. менее 5%. В трех уездах Нижегородской губ. 19 тыс. дес. из 433 тыс., т.-е. тоже менее 5%. Но все эти цифры только кажутся незначительными, ибо подобные процентные отношения включают молчаливое предположение, будто сдают землю более или менее равномерно хозяева всех групп. А такое предположение прямо противоположно действительности. Гораздо важнее, чем абсолютные цифры аренды и сдачи, чем средние проценты сдаваемой земли или сдающих землю хозяев, тот факт, что сдает землю главным образом беднота, а арендуют наибольшее количество земли зажиточные. На этот счет данные земско-статистических исследований не оставляют и тени сомнения. На 20% наиболее зажиточных дворов приходится от 0,3% до 12,5% всей сдаваемой земли. Наоборот, на 50% дворов низших групп падает из итога сдаваемой земли от 63,3% до 98,0%. И арендуют эти сдаваемые беднотой земли, конечно, те же зажиточные крестьяне. Тут опять-таки ясно, что в разных группах крестьянства сдача земли имеет различное значение: беднота сдает из нужды, не имея возможности обрабатывать землю, не имея семян, скота, инвентаря, нуждаясь до зареза в деньгах. Богатые сдают мало, либо обменивая один кусок земли на другой в интересах хозяйства, либо прямо торгуют землей.

Вот конкретные данные по Днепровскому уезду, Таврической губернии:

	Проценты	
	Домохозяев, сдающих надельную землю	Сдаваемой надельной земли
Не сеющие	80	97,1
Сеющие до 5 дес.	30	38,4
» 5—10 »	23	17,2
» 10—25 »	16	8,1
» 25—50 »	7	2,9
» свыше 50 дес. . .	7	13,8
По уезду	25,7	14,9

Разве не ясно из этих данных, что забрасыванье земли и пролетаризация в громадных размерах соединяется здесь с торговлей землею ничтожной кучки богатеев? Разве не характерно, что процент сдаваемой надельной земли повышается как раз у тех крупных посевщиков, которые имеют по 17 дес. надельной земли на двор, по 30,0 дес. купчей и по 44,0 дес. арендованной земли? В общем и целом вся бедная группа в Днепровском уезде, т.-е. 40% дворов, имея 56 тыс. дес. надельной земли, арендует 8 тыс., сдает $21^1/_2$ тыс. дес. А зажиточная группа, имея 18,4% дворов, при 62 тыс. дес. надельной земли, сдает 3 тыс. дес. надельной земли и арендует 82 тыс. дес. В трех уездах Таврической губ. эта зажиточная группа арендует 150 тыс. дес. надельной земли, т.-е. три пятых всей сдаваемой надельной земли! В Новоузенском уезде, Самарской губ., 47% безлошадных дворов и 13% однолошадных сдают надельную землю, а владельцы 10 и более голов рабочего скота, т.-е. всего 7,6% общего числа дворов, арендуют *надельной* земли по 20 — 30 — 60 — 70 десятин.

Относительно купчей земли нам придется сказать почти то же, что и относительно аренды. Разница здесь та, что в аренде есть крепостнические черты, что аренда бывает в известных условиях отработочной и кабальной, т.-е. бывает способом привязывания к помещичьему хозяйству рабочих рук из числа соседних обнищавших крестьян. Покупка же земли в частную собственность надельными крестьянами представляет из себя чисто буржуазное явление. На западе иногда привязывают батраков и поденщиков к земле посредством продажи им мелких участков земли. У нас в России аналогичная операция давно уже произведена казенным образом в виде великой реформы 1861 года, и теперь покупка земли крестьянами выражает исключительно выделение из общины представителей сельской буржуазии. О том, как развивалась после 1861 года покупка земли крестьянами, мы сказали выше, разбирая данные о землевладении. Здесь же надо указать на громадную концентрацию купчей земли в руках мень-

шинства. У 20% зажиточных дворов сосредоточено от 59,7% до 99% купчей земли; у 50% беднейших дворов — от 0,4% до 15,4% всего количества купленной крестьянами земли. Мы смело можем утверждать поэтому, что из $7^1/_2$ милл. десятин земли, которую приобрели крестьяне в личную собственность с 1867 по 1905 год (см. выше), от $^2/_3$ до $^3/_4$ находится в руках ничтожного меньшинства зажиточных дворов. То же самое относится, конечно, к покупке земель крестьянскими обществами и товариществами. В 1877 году крестьянские общества владели купчей землей в размере 765 тыс. дес., а в 1905 г. уже 3,7 милл. дес., а крестьянские товарищества в 1905 году имели 7,6 милл. десятин земли в частной собственности. Ошибочно было бы думать, что земля, покупаемая или арендуемая обществами, распределяется иначе, чем при индивидуальной покупке или аренде. Факты говорят обратное. Напр., по трем материковым уездам Таврической губернии были собраны данные о распределении земли, арендуемой у казны *обществами* крестьян, при чем оказалось, что 76% арендованной земли находится в руках зажиточной группы (ок. 20% дворов), а 40% беднейших дворов имеют лишь 4% всей арендованной земли. Крестьяне делят арендуемые или покупаемые земли не иначе, как «по деньгам».

IV.

Сумма приведенных выше данных о надельной, арендной, купчей и славаемой в аренду крестьянской земле приводит к тому выводу, что *действительное землепользование* крестьянства с каждым днем становится все менее и менее соответствующим официальному, казенному, надельному землевладению крестьянства. Конечно, если взять валовые цифры или «средние» величины, то сдача надельной земли погасится арендой, остальная аренда и купчая земля распределится между всей массой дворов как бы поровну, и получится впечатление, что действительное землепользование не очень существенно разнится от казенного, т.-е. от надельного. Но такое впечатление будет фикцией, ибо действительное землепользование крестьян наиболее отступает от первоначальной уравнительности надельной земли *именно в крайних группах*, так что при пользовании «средними» дело неминуемо искажается.

На самом деле все землепользование крестьян для низших групп оказывается относительно, — а иногда и абсолютно, — меньшим по сравнению с надельным землевладением (сдача земли; ничтожная доля аренды); для высших же групп все землепользование всегда оказывается и относительно и абсолютно более высоким по сравнению с надельным землевладением в силу концентрации купчей и арендованной земли. У 50% дворов беднейших

*

групп находится в руках, мы видели, от 33 до 37% надельной земли; всего же землепользования только 18,6% — 31,9%. Уменьшение оказывается в некоторых случаях почти вдвое: напр., в Красноуфимском уезде, Пермской губернии 37,4% надельной земли и 19,2% всего землепользования. У 20% зажиточных дворов 29 — 36% надельной земли, всего же землепользования 34 — 49%. Вот некоторые конкретные данные для иллюстрации этих отношений. В Днепровском уезде Таврической губернии 40% беднейших дворов имеют 56 тыс. дес. надельной земли; все же землепользование их 45 тыс. дес., т.-е. *меньше* на 11 тыс. дес. Зажиточная группа (18% дворов) имеет 62 тыс. дес. надельной земли; все же землепользование ее 167 тыс. дес., т.-е. на 105 тыс. дес. больше. Вот данные по трем уездам Нижегородской губернии:

	На 1 двор приходится десятин	
	земли надельн.	всего землепольз.
Безлошадные	5,1	4,4
С 1 лош.	8,1	9,4
» 2 »	10,5	13,8
» 3 »	13,2	21,0
» 4 и бол.	16,4	34,6
Всего	8,3	10,3

И здесь в самой низшей группе в результате аренды и сдачи получилось абсолютное уменьшение землепользования. А эта низшая группа, т.-е. безлошадные, обнимает целых 30% дворов. Почти треть дворов *теряет* абсолютно от аренды и сдачи. Однолошадные (37% дворов) увеличили свое землепользование, но чрезвычайно незначительно, в меньшей пропорции, чем среднее увеличение крестьянского землепользования (от 8,3 дес. до 10,3 дес.) Поэтому *доля* этой группы в общем землепользовании уменьшилась: у нее было 36,6% надельной земли по всем трем уездам, а стало 34,1% общего землепользования. Наоборот, ничтожное меньшинство высших групп увеличило свое землепользование гораздо выше среднего. Трехлошадные (7,3% дворов) увеличили землевладение в полтора раза: с 13 дес. до 21 дес. Многолошадные (2,3% дворов) — более чем вдвое, с 16 дес. до 35 дес.

Мы видим, следовательно, как общее явление, *уменьшение роли надельной земли в крестьянском хозяйстве*. Уменьшение это идет на обоих полюсах деревни различными путями. У бедноты роль надельной земли падает, потому что растущая нужда и разорение *заставляют* сдавать ее, бросать землю, *уменьшать* земельное хозяйство в силу недостатка скота, инвентаря, семян, денежных средств, и переходить либо к какой-нибудь работишке по найму, либо... в царствие небесное. Низшие группы крестьянства вымирают,—голодовки, цынга, тиф делают свое дело. В высших группах крестьянства надельная земля падает в своем зна-

чении, ибо расширяющееся хозяйство вынуждено выходить далеко за ее пределы, вынуждено строиться на землевладении новом, не тягловом, а свободном, не исконно-родовом, а покупаемом на рынке: купля и аренда. Чем богаче землей крестьянство, чем слабее следы крепостного права, чем быстрее хозяйственное развитие, тем сильнее это высвобождение от надельной земли, втягивание всей земли в торговый оборот, построение коммерческого земледелия на арендованной земле. Пример — Новороссия. Мы видели сейчас, как зажиточное крестьянство хозяйничает там более на купчей и арендованной земле, чем на надельной. Это кажется парадоксом, но это факт: в самой многоземельной местности России самое обеспеченное надельной землей зажиточное крестьянство (16—17 дес. надельной земли на двор) переносит центр тяжести земельного хозяйства с надельной земли *на вненадельную!*

Факт уменьшения роли надельной земли в обоих быстро прогрессирующих полюсах крестьянства имеет, между прочим, громадное значение для оценки условий того аграрного переворота, который завещан XIX веком XX и который вызвал борьбу классов в нашей революции. Этот факт показывает наглядно, что *ломка* старого землевладения, и помещичьего и крестьянского, стала *безусловной экономической необходимостью.* Эта ломка абсолютно неизбежна, и никакие силы на земле не помешают ей. Борьба идет из-за формы этой ломки, из-за способов ее: по-столыпински ли, с сохранением помещичьего землевладения и ограблением общины кулаками, по-крестьянски ли, с уничтожением помещичьего землевладения и устранением всех средневековых перегородок на земле посредством национализации земли. Но об этом мы будем говорить подробнее ниже. Здесь же необходимо указать на то важное явление, что уменьшение роли надельной земли ведет к чрезвычайно неравномерному распределению податей и повинностей.

Известно, что подати и повинности с русского крестьянина сохранили на себе громадные следы средневековья. Мы не можем входить здесь в подробности, которые относятся к финансовой истории России. Достаточно указать на выкуп — это прямое продолжение средневекового оброка, эту дань крепостникам-помещикам, взыскиваемую при помощи полицейского государства. Достаточно напомнить неравномерность обложения дворянских и крестьянских земель, натуральные повинности и т. д. Мы приводим только итоговую величину податей и повинностей по данным воронежской статистики *крестьянских бюджетов* [134]). Средний валовой доход крестьянской земли (по данным о 66 типичных бюджетах) определен в 491 р. 44 к., валовой расход 443 р. Чистый доход 48 р. 44 к. Сумма же податей и повинностей, падающих на «средний» двор, равняется 34 р. 35 коп. Таким

образом, подати и повинности составляют 70% *чистого дохода*. Конечно, это только по форме подати, а на деле это — прежняя крепостническая эксплуатация *«тяглового сословия»*. Денежный чистый доход средней семьи равняется всего 17 р. 83 коп., т.-е. «подати» с русского крестьянина *вдвое превышают* его денежный чистый доход, — это по данным *1889*, а не 1849 года!

Но средние цифры и здесь прикрашивают крестьянскую нужду и изображают положение крестьянства во много раз лучше, чем оно есть в действительности. Данные о распределении податей и повинностей между группами крестьян различной хозяйственной состоятельности показывают, что у безлошадного и однолошадного крестьянина (т.-е. *у трех пятых* всего числа крестьянских семей в России) подати и повинности во много раз превышают не только чистый денежный, но и чистый валовой доход. Вот эти данные:

	Бюджетные данные (на 1 хозяйство руб.)			
	Валовой доход	Расход	Подати и повинности	Тоже в % к расходу
а) Безлошадные . .	118,10	109,03	15,47	14,19
б) с 1 лош.	178,12	174,26	17,77	10,20
в) » 2 »	429,72	379,17	32,02	8,44
г) » 3 »	752,19	632,86	49,55	7,83
д) » 4 »	978,66	937,30	67,90	7,23
е) » 5 и бол.	1.766,79	1.593,77	86,34	5,42
В среднем. .	491,44	443,00	34,35	7,75

Безлошадные и однолошадные крестьяне выплачивают под видом податей *седьмую и десятую* часть всего своего *валового* расхода. Едва ли крепостнические оброки были так высоки: помещику невыгодно было бы неизбежное разорение массы принадлежавших ему в собственность крестьян. Что касается до неравномерности податей, то она оказывается огромной: зажиточные платят втрое-вдвое меньше пропорционально своему доходу. От чего зависит эта неравномерность? От того, что главную массу податей крестьяне делят по земле. Доля податей и доля надельной земли сливаются для крестьянина в одно понятие: «душа». И если мы в нашем примере вычислим сумму податей и повинностей, приходящихся в разных группах на 1 десятину надельной земли, то получим такие цифры: а) 2,6 руб.; б) 2,4; в) 2,5; г) 2,6; д) 2,9 и е) 3,7 руб. За исключением самой высшей группы, где есть крупные промышленные заведения, облагаемые особо, мы видим приблизительно равномерное распределение податей. Доля надельной земли и здесь соответствует, в общем и целом, доле податей. Это явление есть прямой пережиток (и прямое доказательство) тяглового характера нашей общины. По самым условиям отработочного хозяйства это и не может быть иначе: помещики не могли бы обеспечить себе на

полвека после «освобождения» кабальных работников из среды соседних крестьян, если бы эти крестьяне не были привязаны к голодным наделам, не были обязаны втридорога платить за них. Не надо забывать, что *в конце XIX века* в России вовсе нередки случаи, когда крестьянам приходится *откупаться* от надельной земли, платить «верхи» за отказ от надела, т.-е. доплачивать некоторую сумму тому, кто взял на себя надел ушедшего. Напр., г. Жбанков, описывая быт костромских крестьян в книге: «Бабья сторона»[135]) (Кострома, 1891 г.), говорит, что из отхожих костромичей «редко хозяева получают за землю известную небольшую часть податей, а обыкновенно ее сдают только за то, чтобы нанявшие городили вокруг нее огороды, а все подати платит сам хозяин». В «Обзоре Ярославской губернии», вышедшем в 1896 году, встречается целый ряд однородных указаний на то, что отхожим рабочим приходится откупаться от надела.

Конечно, в чисто-земледельческих губерниях *такой* «власти земли» мы не встретим. Но и для них в другой форме имеет, безусловно, силу то явление, что роль надельной земли на обоих полюсах деревни падает. Это факт всеобщий. А раз так, то распределение податей по надельной земле неизбежно вызывает все большую и большую неравномерность обложения. Экономическое развитие со всех сторон и самыми различными путями ведет к тому, что средневековые формы землевладения рушатся, сословные перегородки (надельные, помещичьи и т. д. земли) идут на слом, новые формы хозяйства складываются безразлично из кусочков того и другого землевладения. XIX век завещает XX-ому, как безусловно обязательную задачу, докончить эту «чистку» средневековых форм землевладения. Борьба идет из-за того, будет ли эта «чистка» произведена в виде крестьянской национализации земли или в виде ускоренного грабежа общины кулаками и превращения помещичьего хозяйства в юнкерское.

Продолжая разбор данных о современном строе крестьянского хозяйства, перейдем от вопроса о земле к вопросу о скотоводстве. И здесь мы должны установить опять-таки, как общее правило, что распределение скота между крестьянскими хозяйствами *гораздо более* неравномерно, чем распределение надельной земли. Вот, например, размер скотоводства у крестьян Днепровского уезда, Таврической губернии:

	Приходится на один двор	
	надельн. земли дес.	всего скота гол.
Не сеющие	6,4	1,1
Сеющие до 5 десятин	5,5	2,4
» 5—10 десятин . .	8,7	4,2
» 10—25 » . .	12,5	7,3
» 25—50 » . .	16,6	13,9
» свыше 50 » . .	17,4	30,0
В среднем . . .	11,2	7,6

Различие между крайними группами по количеству скота *вдесятеро* больше, чем по количеству надельной земли. Действительный размер хозяйства оказывается и по данным о скотоводстве очень мало похожим на то, что обыкновенно принимают, когда ограничиваются средними данными и предположениями о всеопределяющей роли надела. Какие бы мы уезды ни взяли, везде и повсюду распределение скота оказывается гораздо более неравномерным, чем распределение надельной земли. У 20% зажиточных дворов при 29 — 36% надельной земли сосредоточено от 37% до 57% всего количества скота, имеющегося у крестьянства в данном уезде или группе уездов. На долю 50% дворов низших групп остается от 14% до 30% всего количества скота.

Но эти данные еще далеко не оценивают всей глубины действительных различий. На-ряду с вопросом о количестве скота не менее, а иногда даже более важное значение имеет вопрос о его *качестве*. Понятно само собою, что полуразоренный крестьянин при нищенском хозяйстве и опутанный со всех сторон кабалой не в состоянии приобретать и держать сколько-нибудь хорошего качества скот. Голодает хозяин (горе-хозяин), голодает и скот, иначе быть не может. Бюджетные данные по Воронежской губернии показывают чрезвычайно наглядно всю мизерность скотоводческого хозяйства безлошадных и однолошадных крестьян, т.-е. *трех пятых* всего числа крестьянских хозяйств в России. Приводим выборку из этих данных для характеристики скотоводческого хозяйства крестьян:

	На 1 хозяйство всего скота в переводе на крупн. гол.	Средний размер расходов в год (руб.)	
		На пополнение и ремонт инвентаря и скота	На корм скота
а) безлошадные	0,8	0,08	8,12
б) С 1 лошадью	2,6	5,36	36,70
в) » 2 »	4,9	8,78	71,21
г) » 3 »	9,1	9,70	127,03
д) » 4 »	12,8	30,80	173,24
е) » 5 и бол.	19,3	75,80	510,07
В среднем	5,8	13,14	97,91

Безлошадных крестьян в Европейской России в 1896—1900 году было $3^1/_4$ миллиона дворов. Можно себе представить, каково их земледельческое «хозяйство» при расходе *восьми копеек* в год на инвентарь живой и мертвый. Однолошадных крестьян $3^1/_3$ миллиона дворов. При пяти рублях годового расхода на пополнение инвентаря и скота они могут только вечно маяться в безысходной нужде. Даже у двухлошадных крестьян ($2^1/_2$ милл. дворов) и трехлошадных (1 милл. дворов) расход на живой и мертвый инвентарь составляет всего 9—10 руб. в год. Только

в двух высших группах (по всей России таких крестьянских хозяйств 1 милл. из 11 милл. всех крестьянских хозяйств) расход на живой и мертвый инвентарь хоть сколько-нибудь приближается к подобию правильного земледельческого хозяйства.

Совершенно естественно, что при таких условиях качество скота не может быть одинаково в хозяйствах различных групп. Стоимость одной рабочей лошади определяется, напр., у однолошадного крестьянина в 27 руб., у двухлошадного в 37 р., у трехлошадного в 61 р., у четырехлошадного в 52 р. и у многолошадного в 69 руб. Разница между крайними группами выше 100%. И это явление общее для всех капиталистических стран, где есть мелкое и крупное хозяйство. В своей книге «Аграрный вопрос» (часть I, Спб. 1908) *) я показал, что исследования Дрекслера [136]) в области германского земледелия и скотоводства дали совершенно такой же результат. Средний вес средней штуки скота составлял в крупных имениях 619 килограммов (1884 г., цит. соч., с. 259), в крестьянских хозяйствах, имеющих 25 и более гектаров,—427 клгрм., в хозяйствах с $7^1/_2$—25 гект.—382; с $2^1/_2$—$7^1/_2$ гект.—352 и, наконец, в хозяйствах, имеющих до $2^1/_2$ гектаров,—301 килограмм.

В зависимости от количества и качества скота находится также уход за землей, в частности удобрение ее. Мы показали выше, что все данные статистики по всей России свидетельствуют о лучшем удобрении помещичьих земель по сравнению с крестьянскими. Теперь мы видим, что такое деление, бывшее правильным и законным во времена крепостного права, устарело. Между различными крестьянскими хозяйствами оказывается глубокая пропасть, и все исследования, расчеты, заключения, теории, исходящие из представлений о «среднем» крестьянском хозяйстве, ведут к абсолютно неправильным выводам в данном вопросе. Земская статистика, к сожалению, чрезвычайно редко изучает различные группы дворов, ограничиваясь пообщинными данными. Но вот в Пермской губернии (Красноуфимский уезд) в виде исключения собраны были при подворном исследовании точные данные об удобрении земли различными крестьянскими дворами:

	Процент хозяйств, вобще вывозящих навоз	Вывозилось навоза возов на 1 двор (вывозящий)
Обраб. до 5 десятин . .	33,9	80
» 5—10 » . .	66,2	116
» 10—20 » . .	70,3	197
» 20—50 » . .	76,9	358
» свыше 50 » . .	84,3	732
В среднем	51,7	176

*) См. XI том Сочинений, стр. 298—308. *Ред.*

Тут мы видим уже различные агрикультурные типы хозяйства в зависимости от размеров хозяйства. И в другой местности исследователи, обратившие внимание на этот вопрос, пришли к аналогичным выводам. Орловские статистики сообщают, что у зажиточных крестьян скоп навоза от одной головы крупного скота почти вдвое больше, чем у несостоятельных. При 7,4 штуках скота на двор этот скоп равняется 391 пуд., а при 2,8 гол. скота на двор — 208 пуд. «Нормальным» считается скоп в 400 пуд., следовательно, норма достигается только у небольшого меньшинства зажиточных крестьян. Беднота вынуждена употреблять солому и навоз на топливо, иногда даже продавать навоз и т. д.

В связи с этим надо рассмотреть вопрос о росте числа безлошадных среди крестьянства. В 1888—1891 годах в 48 губерниях Евр. России было 2,8 миллиона дворов безлошадных из всего числа 10,1 милл., т.-е. 27,3%. Приблизительно через 9—10 лет, в 1896—1900 г.г., из 11,1 милл. дворов было 3,2 милл. безлошадных, т.-е. 29,2%. Рост экспроприации крестьянства, следовательно, несомненен. Но если взглянуть на этот процесс с агрономической точки зрения, то получается парадоксальный на первый взгляд вывод. Этот вывод сделал известный народнический писатель г. В. В. еще в 1884 году («Вестник Европы», 1884 г., № 7 [137]), сопоставляя количество десятин пашни, приходящееся на 1 лошадь в нашем крестьянском хозяйстве и в «нормальном» трехпольном хозяйстве — нормальном с точки зрения агрономии. Оказалось, что крестьяне держат *слишком много* лошадей: у них приходится только 5—8 дес. пашни на лошадь вместо требуемых агрономией 7—10 дес. «Следовательно, — умозаключил г. В. В., — на обезлошадение части населения этой области России (центральной черноземной полосы) нужно смотреть до известной степени, как на восстановление нормального отношения между количеством рабочего скота и площадью, подлежащей обработке». На самом деле, парадокс объясняется тем, что обезлошадение сопровождается концентрированием земли в руках зажиточных дворов, у которых получается «нормальное» соотношение числа лошадей с обрабатываемой площадью. Это «нормальное» соотношение не «восстановляется» (ибо его не было никогда в нашем крестьянском хозяйстве), а достигается только крестьянской буржуазией. «Ненормальность» же сводится к раздроблению средств производства в мелком крестьянском хозяйстве: то количество земли, которое миллион однолошадных крестьян обрабатывает при помощи миллиона лошадей, зажиточные крестьяне обрабатывают лучше и тщательнее при помощи $^1/_2$ или $^3/_4$ миллиона лошадей.

Относительно мертвого инвентаря в крестьянском хозяйстве надо различать обычный крестьянский инвентарь и усовершен-

ствованные земледельческие орудия. Распределение первого соответствует, в общем и целом, распределению рабочего скота; нового в данных этого рода для характеристики крестьянского хозяйства мы не найдем. Улучшенные же орудия, которые стóят гораздо дороже, окупаются только при более крупном хозяйстве, вводятся только успешно развивающимися хозяйствами, концентрированы несравненно сильнее. Данные об этой концентрации чрезвычайно важны, потому что это единственные данные, позволяющие точно судить о том, в какую сторону, при каких общественных условиях идет *прогресс* крестьянского хозяйства. Не подлежит сомнению, что с 1861 года в этом направлении сделан шаг вперед, но очень часто оспаривается или подвергается сомнению капиталистический характер этого прогресса не только в помещичьем, но и в крестьянском хозяйстве.

Вот данные земской статистики о распределении улучшенных орудий среди крестьян:

	На 100 хозяйств приходится улучшенных с.-х. орудий	
	2 уезда Орловской губ.	1 уезд Воронежской губ.
Безлошадные	0,1	—
С 1 лошадью	0,2	0,06
» 2—3 »	3,5	1,6
» 4 и бол. »	36,0	23,0
В среднем	2,2	1,2

В этой местности сравнительно слабо распространены среди крестьян улучшенные орудия. Общий процент дворов, владеющих таковыми, совершенно ничтожен. Но низшие группы почти совершенно не пользуются такими орудиями, а среди высших они входят в употребление систематически. В Новоузенском уезде, Самарской губернии всего 13% хозяев имеют улучшенные орудия, при чем этот процент повышается до 40% в группе с 5—20 шт. раб. скота и до 62% в группе с 20 и более голов рабочего скота. В Красноуфимском уезде, Пермской губ. (три района уезда) на 100 хозяйств приходится 10 улучшенных орудий; это — общая средняя; на 100 хозяйств, обрабатывающих 20—50 дес., приходится 50 орудий, а на 100 хозяйств, обрабатывающих 50 дес., даже 180 орудий. Если взять те процентные отношения, которые мы брали выше для сравнения данных по различным уездам, то окажется, что 20% зажиточных дворов имеют от 70% до 86% всего числа улучшенных орудий, оставляя на долю 50% дворов бедноты от 1,3% до 3,6%. Не подлежит, следовательно, никакому сомнению, что прогресс в распространении улучшенных орудий среди крестьянства (об этом прогрессе говорит, между прочим, в цитированной выше работе 1907 года г. Кауфман) есть прогресс зажиточного крестьянства. Три пятых всего числа крестьянских дворов, безлошадные и однолошадные, почти совершенно не в состоянии пользоваться этими улучшениями.

V.

Рассматривая крестьянское хозяйство, мы до сих пор брали крестьян преимущественно как хозяев, указывая в то же время, что низшие группы постоянно выталкиваются из числа хозяев. Выталкиваются куда? Очевидно, в ряды пролетариата. Мы должны теперь рассмотреть подробно, как именно идет это образование пролетариата, в особенности сельского, и как складывается рынок на рабочую силу в земледелии. Если для отработочного хозяйства типичными классовыми фигурами являются помещик-крепостник и наделенный землей кабальный крестьянин, то для капиталистического хозяйства типичны наниматель-фермер и нанимающийся батрак или поденщик. Превращение помещика и зажиточного крестьянина в нанимателя мы показали. Теперь посмотрим на превращение крестьянина в нанимающегося.

Велико ли употребление наемного труда зажиточными крестьянами? Если взять средний процент дворов с батраками ко всему числу крестьянских дворов (как обыкновенно делают), то получим очень невысокий процент: 12,9% в Днепровском уезде, Таврической губ., 9% в Новоузенском уезде, Самарской губернии, 12,7% в Камышинском уезде, Саратовской губ., 10,6% в Красноуфимском уезде, Пермской губ., 3,5% в 2-х уездах Орловской губ., 3,8% в 1 уезде Воронежской губ., 2,6% в 3-х уездах Нижегородской губернии. Но этого рода данные, в сущности, фиктивны, ибо определяется отношение дворов с батраками ко всему числу дворов, в том числе и дворов, отпускающих батраков. Буржуазия во всяком капиталистическом обществе составляет ничтожное меньшинство населения. Дворов с наемными рабочими всегда будет «мало». Вопрос в том, складывается ли здесь особый тип хозяйства, или наем случаен? И на этот вопрос дают совершенно определенный ответ данные земской статистики, повсюду показывающей в группах зажиточного крестьянства процент дворов с батраками, несравненно более высокий, чем в среднем по уезду вообще. Приведем данные по Красноуфимскому уезду, Пермской губ., где в виде исключения есть сведения не только о найме батраков, но и о найме поденщиков, т.-е. о форме найма, более типичной для земледелия.

	Число работник. муж. п. на 1 двор	Процент хозяйств, наним. рабочих: Сроковых	На косьбу	На жатву	На молотьбу
Не обработ. земли	0,6	0,15	0,6	—	—
Обработ. до 5 дес. . . .	1,0	0,7	5,1	4,7	9,2
» 5—10 » . . .	1,2	4,2	14,3	20,1	22,3
» 10—20 » . . .	1,5	17,7	27,2	43,9	25,9
» 20—50 » . . .	1,7	50,0	47,9	69,6	33,7
» свыше 50 » . . .	2,0	83,1	64,5	87,2	44,7
В среднем . . .	1,2	10,6	16,4	24,3	18,8

Мы видим, что состоятельные дворы отличаются более высоким семейным составом, имеют больше своих, семейных, работников, чем дворы неимущие. Но тем не менее они употребляют несравненно больше наемного труда. «Семейная кооперация» служит основой для расширения хозяйства и превращается таким образом в капиталистическую кооперацию. В высших группах наем рабочих явно становится системой, условием ведения расширенного хозяйства. При этом наем поденщиков оказывается весьма значительно распространенным даже в средней группе крестьянства: если в двух высших группах (10,3% дворов) большинство дворов нанимает рабочих, то в группе, обрабатывающей 10—20 дес. (22,4%), *свыше двух пятых* всего числа дворов нанимает рабочих на жатву. Вывод отсюда тот, что зажиточное крестьянство не могло бы существовать без миллионной армии готовых к их услугам батраков и поденщиков. И если поуездные данные о среднем проценте дворов с батраками представляют, как мы видели, значительные колебания, то безусловно всеобщим является концентрация дворов с батраками в высших группах крестьянства, т.-е. превращение зажиточных дворов в предпринимателей. На 20% зажиточных дворов приходится от 48% до 78% общего количества дворов с батраками.

На другом полюсе деревни статистика не дает нам обыкновенно сведений о числе дворов, отпускающих наемных рабочих всякого рода. В целом ряде вопросов наша земская статистика сделала чрезвычайно крупный шаг вперед по сравнению со старой казенной статистикой губернаторских отчетов и всяческих департаментов. Но в одном вопросе старая казенная точка зрения сохранилась и в земской статистике, именно в вопросе о так называемых «заработках» крестьян. Занятие земледелием на своем наделе считается настоящим занятием крестьянина; всякое же постороннее занятие относится к сторонним «заработкам» или «промыслам», при чем тут смешиваются такие хозяйственные категории, различать которые требует азбука политической экономии. В разряд «сельско-хозяйственных промышленников», например, попадут на-ряду с массой наемных рабочих и хозяева-предприниматели (напр., бахчевники), рядом с ними тоже в числе «дворов с заработками» будут считаться нищие и торговцы, прислуга и ремесленники-хозяева и т. п. Ясно, что эта вопиющая политико-экономическая путаница есть прямой пережиток крепостничества. Для помещика действительно безразлично было, чем занимается на стороне *его* оброчный крестьянин: торговлей, работой по найму или промышленностью в качестве хозяина; на всех крепостных крестьян одинаково падал общий оброк, все считались во временной и условной отлучке от своего настоящего дела.

После отмены крепостного права эта точка зрения с каждым днем приходила все более и более в резкое противоречие

с действительностью. Большинство крестьянских дворов с заработками, несомненно, принадлежат к числу дворов, отпускающих наемных работников, но вполне точной картины мы здесь иметь не можем, потому что меньшинство *хозяев*-промышленников все же попадает в общее число и *прикрашивает* положение нуждающихся. Приведем для иллюстрации один пример. По Новоузенскому уезду, Самарской губ. статистики выделили «земледельческие промыслы» из общей массы «промыслов» [138]). Конечно, и этот термин не точен, но список профессий дает, по крайней мере, то указание, что из 14.063 «промышленников» этого рода 13.297 батраков и поденщиков. Здесь, значит, преобладание наемных рабочих очень велико. И распределение земледельческих промыслов оказывается следующее:

	Процент работников муж. пола, занятых землед. промыслами
Без рабочего скота	71,4
С 1 гол. рабочего скота	48,7
» 2—3 » » »	20,4
» 4 » » »	8,5
» 5—10 » » »	5,0
» 10—20 » » »	3,9
» 20 и бол. » » »	2,0
По уезду	25,0

Из безлошадных крестьян, следовательно, семь десятых наемные рабочие, а из однолошадных почти половина. По Красноуфимскому уезду, Пермской губ. средний процент дворов с земледельческими промыслами равен 16,2%, а из числа необрабатывающих земли 52,3% «промышленников», из обрабатывающих до 5 дес. — 26,4%. По другим уездам, где не выделены специально земледельческие промыслы, картина получается менее яркая, но все же остается общим правилом, что «промыслы» и «заработки», вообще говоря, специальность низших групп. На 50% дворов низших групп приходится от 60% до 93% всего числа дворов с заработками.

Мы видим отсюда, что низшие группы крестьянства, в частности однолошадные и безлошадные дворы, представляют из себя, по своему положению в общем строе народного хозяйства, *батраков и поденщиков* (шире: наемных рабочих) *с наделом.* Этот вывод подтверждают и данные о росте употребления наемного труда после 1861 года во всей России, и бюджетные исследования об источнике дохода у низших групп, и, наконец, данные о жизненном уровне этих групп. На этом трояком доказательстве мы и остановимся несколько подробнее.

Общие данные о росте числа сельских наемных рабочих во всей России имеются только относительно отхожих рабочих без точного различения земледельческих и неземледельческих.

Вопрос о том, преобладают ли в общем числе первые или вторые, решался в народнической литературе в пользу первых, но мы укажем ниже основания обратного взгляда. Факт быстрого увеличения после 1861 года числа отхожих рабочих в крестьянстве не подлежит никакому сомнению. Об этом свидетельствуют все источники. Приблизительное статистическое выражение явления дают сведения о паспортном доходе и о числе выдаваемых паспортов. В 1868 году паспортный доход составлял 2,1 милл. руб., в 1884 году — 3,3 миллиона, в 1894 году — 4,5 милл. руб. Это дает увеличение более чем вдвое. Число выдаваемых паспортов и билетов в Евр. России было 4,7 миллиона в 1884 году и 7,8 — 9,3 милл. в 1897 — 1898 г.г. Здесь за тринадцать лет мы видим удвоение. Все эти данные в общем и целом соответствуют другим расчетам, напр., расчету г. Уварова [139]), который свел данные земской статистики, большей частью устаревшие, по 126 уездам 20 губерний и определил вероятную цифру отхожих рабочих в 5 милл. чел. Г. С. Короленко по данным о числе местных избыточных рабочих определял эту цифру в 6 милл. чел.

Из всей этой суммы, по мнению г. Николая — она [140]), «громаднейшее большинство» — промыслы земледельческие. Я подробно изложил в «Развитии капитализма» *), что данные и исследования 60-х, 80-х и 90-х годов вполне доказывают неверность этого вывода. Большинство, хотя и не громаднейшее, из отхожих рабочих рабочие неземледельческие. Вот наиболее полные и наиболее новые данные о погубернском распределении видов на жительство, выданных в Евр. России в 1898 году:

Группы губерний	Количество всех видов на жительство, выданных в 1898 г.
1) 17 губерний с преобладанием неземледельческого отхода	3.369.597
2) 12 губерний переходных	1.674.231
3) 21 губерния с преобладанием земледельческого отхода	2.765.762
Всего по 50 губерниям	7.809.590

Если в переходных губерниях предположим половину земледельческих рабочих, то *приблизительное*, самое вероятное, распределение будет таково: около 4,2 миллионов неземледельческих наемных рабочих и *около 3,6 миллионов земледельческих наемных рабочих*. В параллель к этой цифре надо поставить цифру г-на Руднева [141]), который в 1894 году свел данные земской статистики по 148 уездам в 19 губерниях и определил приблизительное число сельско-хозяйственных наемных рабочих

*) См. III том Сочинений. *Ред.*

в $3^{1}/_{2}$ милл. человек. Эта цифра охватывает, по данным 80-х годов, и местных и отхожих земледельческих рабочих. В конце 90-х годов одних только отхожих с.-х. рабочих было столько.

Рост числа земледельческих наемных рабочих стоит в прямой связи с тем развитием капиталистического предпринимательства в земледелии, которое мы проследили на помещичьем и крестьянском хозяйстве. Возьмите, напр., употребление машин в сельском хозяйстве. Что у зажиточного крестьянина оно означает переход к предпринимательству, мы показали на точных данных. А в помещичьем хозяйстве употребление машин и вообще улучшенных орудий означает неминуемо вытеснение отработков капитализмом. На место крестьянского инвентаря ставится помещичий; на место старого трехполья новые технические приемы, связанные с переменой орудий; кабальный крестьянин не годится для работы с улучшенными орудиями, и его место занимает батрак или поденщик.

В том районе Европейской России, в котором всего более развилось после реформы употребление машин, — всего более распространено и употребление наемной рабочей силы пришлых рабочих. Этот район — южные и восточные окраины Евр. России. Приход земледельческих рабочих в этот район создал чрезвычайно типичные и ярко выраженные капиталистические отношения. На них следует остановиться, чтобы сопоставить старые и преобладающие до сих пор отработки с все более пробивающейся новой струей. Прежде всего следует отметить, что южный район отличается наиболее высокой заработной платой в земледелии. По данным за целое десятилетие (1881—1891 г.г.), устраняющим всякие случайные колебания, заработная плата выше всего в России в губерниях: Таврической, Бессарабской и Донской. Годовой работник здесь получает, считая и содержание, 143 р. 50 к., сроковый (на лето) — 55 р. 67 к. Следующее место по высоте заработной платы занимает наиболее промышленный район — губернии Петербургская, Московская, Владимирская и Ярославская. Здесь платят годовому сельскому рабочему 135 руб. 80 коп., сроковому 53 руб. Самый низкий уровень заработной платы встречаем в центральных земледельческих губерниях (Казанская, Пензенская, Тамбовская, Рязанская, Тульская, Орловская и Курская), т.-е. в главной местности отработков, кабалы и всевозможных пережитков крепостничества. Здесь годовой работник в земледелии получает всего 92 р. 95 коп. — в полтора раза меньше чем в наиболее капиталистических губерниях, а сроковый — 35 руб. 64 коп., на 20 руб. в лето меньше, чем на юге. Именно из этого центрального района мы наблюдали громадный уход рабочих. Свыше $1^{1}/_{2}$ миллиона человек каждую весну уходят отсюда частью на земледельческие заработки (главным образом на юг, частью, как увидим ниже, и в промышлен-

ные губернии), а также на неземледельческие работы в столицы и в промышленные губернии. Между этим главным районом отхода и двумя главными районами прихода (земледельческий юг и столицы с двумя промышленными губерниями) лежат полосы губерний со средней заработной платой. Эти губернии привлекают к себе часть рабочих из самого «дешевого» и самого голодного центра, отпуская в свою очередь часть рабочих в более дорогие районы. В книге г. С. Короленко о «Вольнонаемном труде» на основании очень обширного материала подробно изображен этот процесс рабочих странствований и перемещения населения. Капитализм достигает таким образом более равномерного (с точки зрения потребностей капитала, конечно) размещения населения; нивелирует заработную плату по всей стране, создает действительно единый, национальный, рынок труда; вырывает постепенно почву у старых способов производства, «соблазняя» кабального мужика высокой заработной платой. Отсюда— бесконечные жалобы господ помещиков на развращение местных рабочих, на разгул и пьянство, порождаемые отходом, на «порчу» рабочих городом и т. д. и т. д.

В районе наибольшего прихода рабочих сложились к концу XIX века довольно крупные капиталистические предприятия в земледелии. Капиталистическая кооперация сложилась при употреблении, напр., таких машин, как молотилки. Г. Тезяков [142]), описавший условия жизни и труда сельско-хозяйственных рабочих в Херсонской губернии, указывает, что конная молотилка требует от 14 до 23 и более рабочих, а паровая от 50 до 70. В некоторых хозяйствах собиралось по 500 — 1.000 рабочих — цифра чрезвычайно высокая для земледелия. Капитализм дал возможность заменять более дорогой мужской труд женским и детским. Напр., в местечке Каховке — одном из главных рабочих рынков Таврической губ., где прежде собиралось до 40.000 рабочих, а в 90-х годах прошлого века 20 — 30 тысяч, в 1890 году было зарегистрировано 12,7% женщин, а в 1895 году уже 25,6%. Детей в 1893 г. было 0,7%, а в 1895 году уже 1,69%.

Собирая рабочих со всех концов России, капиталистические экономии сортировали их по своим надобностям, создавая нечто подобное иерархии фабричных рабочих. Различают, напр., полных рабочих, полурабочих, — из них выделяют еще «рабочих большой силы» (16 — 20 лет) — и полурабочих «малой помощи» (дети 8 — 14 лет). Никакого следа старых так называемых «патриархальных» отношений помещика к «своему» крестьянину здесь не остается. Рабочая сила становится товаром, подобным всякому другому. Кабала «истинно-русского» типа исчезает, уступая место понедельной денежной расплате, бешеной конкуренции и стачкам рабочих и хозяев. Скопление громадных масс рабочих на рынках найма и невероятно тяжелые, антигигиеничные условия

труда создали попытки общественного контроля за крупными экономиями. Эти попытки характерны для «крупной индустрии» в земледелии, но, разумеется, никакой прочности они иметь не могут при отсутствии политической свободы и открытых рабочих организаций. До чего тяжелы условия труда пришлых рабочих, видно из того, что рабочий день продолжается от $12^1/_2$ до 15 часов. Травматические повреждения рабочих, занятых при машинах, стали обычным явлением. Развились профессиональные болезни рабочих (напр., занятых при молотилках) и т. д. Все «прелести» чисто-капиталистической эксплуатации в самом развитом, американском, виде можно наблюдать в России конца XIX века наряду с чисто средневековыми, давным-давно исчезнувшими в передовых странах, приемами отработочного и барщинного хозяйства. Все громадное разнообразие аграрных отношений в России сводится к переплетению крепостнических и буржуазных приемов эксплуатации.

Чтобы закончить изложение условий наемного труда в русском земледелии, отметим еще бюджетные данные о хозяйстве крестьян низших групп. Наемная работа фигурирует здесь под эвфемостическим наименованием «заработков» или «промыслов». В каком отношении стоит доход от этих заработков к доходу от земледельческого хозяйства? Воронежские бюджеты безлошадных и однолошадных крестьян дают на это точный ответ. Валовой доход от всех источников определяется для безлошадного в 118 руб. 10 коп., в том числе от земледелия 57 руб. 11 коп., от «промыслов» 59 руб. 4 коп. Эта последняя сумма составляется из 36 руб. 75 коп. дохода от «личных промыслов» и 22 руб. 29 коп. разных доходов. К числу последних относится *доход от сдачи земли!* У однолошадного крестьянина валовой доход 178 руб. 12 коп., в том числе 127 руб. 69 коп. от земледелия и 49 руб. 22 коп. от промыслов (35 руб. — личные промыслы, 6 руб. извоз, 2 руб. от «торгово-промышленных заведений и предприятий» и 6 руб. разных доходов). Если вычесть расходы на земельное хозяйство, то получим 69 руб. 37 коп. от земледелия против 49 руб. 22 коп. от промыслов. Вот как добывают себе средства к жизни три пятых всего числа крестьянских дворов в России. Понятно, что уровень жизни таких крестьян не выше, а иногда ниже, чем у батраков. По той же Воронежской губернии средняя плата годовому батраку (за десятилетие 1881 — 1891 г.г.) 57 руб., плюс содержание, стоящее 42 руб. Между тем стоимость содержания *всей семьи* у безлошадного *78 руб. в год* при семье в 4 души, у однолошадного 98 руб. в год при семье в пять душ. Русский крестьянин сведен отработками, податями и капиталистической эксплуатацией до такого нищенского, голодного уровня жизни, который в Европе кажется невероятным. Там называют подобный социальный тип *пауперами.*

VI.

Для того, чтобы подвести итоги всему сказанному выше о разложении крестьянства, мы приведем сначала единственные имеющиеся в литературе итоговые данные по всей Европейской России, позволяющие судить о различных группах внутри крестьянства за различные периоды. Это данные военно-конских переписей. Во втором издании своей книги «Развитие капитализма»*) я свел эти данные по 48 губерниям Евр. России за периоды 1888—1891 и 1896—1900 годов. Вот извлечение наиболее существенных результатов:

	Число крестьянских дворов (миллионов)			
	В 1888—1891 г.г.		В 1896—1900 г.г.	
	Всего	%	Всего	%
Безлошадные	2,8	27,3	3,2	29,2
С 1 лошадью	2,9	28,5	3,4	30,3
» 2 »	2,2	22,2	2,5	22,0
» 3 »	1,1	10,6	1,0	9,4
» 4 и бол. »	1,1	11,4	1,0	9,1
Всего	10,1	100,0	11,1	100,0

Эти данные, как я уже отметил мимоходом выше, свидетельствуют о растущей экспроприации крестьянства. Весь миллионный прирост числа дворов пошел на увеличение двух низших групп. Общее число лошадей уменьшилось за это время с 16,91 миллионов голов до 16,87 милл., т.-е. все крестьянство в целом стало несколько беднее лошадьми. Обеднела и высшая группа, в 1888—1891 г.г. имевшая по 5,5 лош. на двор, а в 1896—1900 г.г. — по 5,4 лош.

Из этих данных легко сделать тот вывод, что «дифференциация» в крестьянстве не происходит; всего больше увеличилась самая бедная группа, всего больше уменьшилась (по числу дворов) самая богатая. Это не дифференциация, а нивелировка нищеты! И такие выводы, основанные на подобных приемах, очень часто можно встретить в литературе. Но если мы поставим вопрос: изменилось ли взаимоотношение группы внутри крестьянства, то мы увидим иное. В 1888—1891 г.г. половина дворов низших групп имела 23,7% общего числа лошадей, и в 1896—1900 г.г. ровно такой же процент. Пятая доля дворов из наиболее зажиточных групп имела в первый период 52,6% всего числа лошадей, во второй — 53,2%. Ясно, что взаимоотношение групп почти не изменилось. Крестьянство обеднело, зажиточные группы обеднели, кризис 1891 года дал себя знать самым серьезным образом, но отношения сельской буржуазии к разоряющемуся

*) См. III том Сочинений. *Ред.*

крестьянству от этого не изменились и не могли, по существу дела, измениться.

Это обстоятельство часто упускают из виду люди, берущиеся судить о разложении крестьянства на основании отрывочно взятых статистических данных. Смешно было бы думать, напр., что отдельные данные о распределении лошадей в состоянии разъяснить хоть что-нибудь по вопросу о крестьянском разложении. Это распределение ровно еще ничего не доказывает, если не взять его в связи *со всей совокупностью* данных о крестьянском хозяйстве. Если мы, разобрав эти данные, установили общее между группами по распределению аренды и сдачи земли, улучшенных орудий и удобрения, заработков и купчей земли, наемных рабочих и количества скота, если мы доказали, что все эти различные стороны явления неразрывно связаны между собою и обнаруживают действительно образование противоположных экономических типов — пролетариата и сельской буржуазии, — если мы установили все это, и только в той мере, в какой это установлено, мы можем брать отдельные данные о распределении хотя бы лошадей для *иллюстрации* всего изложенного выше. Наоборот, если нам ссылаются на тот или другой случай уменьшения количества лошадей, положим, в зажиточной группе за такой-то период, то выводить *только отсюда* какие-либо общие выводы о соотношении сельской буржуазии внутри крестьянства и других групп его было бы вопиющей нелепостью. Ни в одной капиталистической стране, ни в одной отрасли хозяйства нет и быть не может (при господстве рынка) равномерного развития: иначе как скачками, зигзагами, то быстро шагая вперед, то временно падая ниже прежнего уровня, *не может* развиваться капитализм. И суть вопроса о русском аграрном кризисе и о предстоящем перевороте состоит вовсе не в том, какова именно степень развития капитализма, или каков темп этого развития, а в том, есть ли это капиталистический кризис и переворот, или нет, происходит ли он при условиях превращения крестьянства в сельскую буржуазию и пролетариат, или нет, являются ли отношения между отдельными дворами внутри общины буржуазными, или нет. Другими словами: первой задачей всякого исследования об аграрном вопросе в России является установление основных данных для характеристики классовой сущности аграрных отношений. И лишь потом, когда выяснено, с какими классами и с каким направлением развития мы имеем дело, может идти речь о частных вопросах, о темпе развития, о тех или иных видоизменениях общего направления и т. д.

Основой марксистских взглядов на пореформенное крестьянское хозяйство в России является признание типа этого хозяйства мелко-буржуазным. И споры экономистов марксистского лагеря с экономистами-народниками, прежде всего, шли (и должны

идти, если имеется в виду выяснение действительной сущности разногласий) именно о том, правильна ли, применима ли такая характеристика. Не выяснив с полной определенностью *этого* вопроса, нельзя сделать ни шагу вперед к каким-нибудь более конкретным или практическим вопросам. Например, рассматривать те или иные пути решения аграрного вопроса, завещанные XIX веком XX, было бы предприятием совершенно безнадежным и путаным, если бы не было выяснено предварительно, в каком направлении вообще идет наша аграрная эволюция, какие классы могут выиграть при том или ином ходе событий и т. д.

Те подробные данные о разложении крестьянства, которые мы приводили выше, выясняют именно ту основу всех остальных вопросов аграрного переворота, без понимания которой нельзя идти дальше. Та сумма взаимоотношений между различными группами крестьянства, которую мы в противоположных концах России детально изучали, показывает нам как раз сущность общественно-экономических отношений внутри общины. Эти взаимоотношения показывают наглядно мелко-буржуазную природу крестьянского хозяйства в данной исторической обстановке. Когда марксисты говорили, что мелкий производитель в земледелии (все равно, на надельной ли земле он хозяйничает или на какой другой) является неизбежно при развитии товарного хозяйства мелким буржуа, — это положение вызывало недоумение; говорили, что оно бездоказательно, шаблонно переносится с чужих образцов на наши оригинальные условия. Но данные о взаимоотношении групп, о перебивании арендованной земли богатыми общинниками у несостоятельных общинников, о найме батраков первыми и о превращении вторых в наемных рабочих и т. д., и т. д., и т. д. — все эти данные подтверждают теоретические выводы марксизма и делают их неоспоримыми. Вопрос о значении общины в деле направления хозяйственного развития России *решается бесповоротно* этими данными, ибо как раз это действительное направление действительной (а не выдуманной) общины наши данные и показывают. Несмотря на всю уравнительность надельной земли, несмотря на переделы и т. п., *оказывается*, что направление действительного хозяйственного развития крестьян-общинников состоит именно в образовании сельской буржуазии и в вытеснении массы беднейших хозяев в ряды пролетариата. И столыпинская аграрная политика, как мы увидим ниже, и требуемая трудовиками национализация земли лежат по линии этого развития, хотя между этими двумя формами «решения» аграрного вопроса есть громадная разница с точки зрения быстроты общественного развития, роста производительных сил и наибольшего соблюдения интересов массы.

Нам следует теперь рассмотреть еще вопрос о развитии торгового земледелия в России. Предыдущее изложение включало

в себя, как предпосылку, тот общеизвестный факт, что вся пореформенная эпоха отличается ростом торговли и обмена. Приводить статистические данные, подтверждающие это, нам кажется совершенно излишним. Но надо показать, во-первых, насколько именно подчинено уже рынку теперешнее крестьянское хозяйство, а во-вторых, какие *особые* формы принимает земледелие по мере подчинения его рынку.

По первому вопросу всего более точные данные имеются в бюджетной статистике воронежского земства. Мы можем выделить здесь денежные расход и доход крестьянской семьи из всего расхода и дохода (валовые итоги дохода и расхода приводились выше). Вот табличка, показывающая роль рынка:

	Какой процент составляют денежные расход и доход у крестьянина ко всему расходу и доходу?	
	%	%
Безлошадные	57,1	54,6
С 1 лошадью	46,5	41,4
» 2 »	43,6	45,7
» 3 »	41,5	42,3
» 4 »	45,4	40,8
» 5 и более	60,2	59,2
В среднем	49,1	47,5

Таким образом даже хозяйство *среднего* крестьянина, — не говоря уже о хозяйстве зажиточных и обнищавших, полупролетариев, крестьян, — в чрезвычайно сильной степени подчинено рынку. Поэтому всякое рассуждение о крестьянском хозяйстве, игнорирующее преобладающую и растущую роль рынка, обмена, товарного производства, неправильно в корне. Уничтожение крепостнических латифундий и помещичьего землевладения — эта мера, на которой сосредоточены все помыслы русского крестьянства к концу XIX века, *усилит*, а не ослабит власть рынка, ибо рост торговли и товарного производства *задерживается* отработкой и кабалой.

По второму вопросу необходимо указать, что проникновение капитала в земледелие есть своеобразный процесс, который нельзя понять правильно, если ограничиваться огульными, общерусскими данными. Земледелие становится торговым не вдруг и не одинаково в различных хозяйствах и в различных районах государства. Наоборот, рынок подчиняет себе обыкновенно в одной местности одну, в другой другую сторону сложного земледельческого хозяйства, при чем остальные стороны не исчезают, а приспособляются к «главной», т.-е. денежной, стороне. Например, в одной местности складывается по преимуществу торговое зерновое хозяйство; главным продуктом, производимым на продажу, является зерно. Скотоводство играет подчиненную роль в

таком хозяйстве и далее — в крайних случаях одностороннего развития посевного хозяйства — почти исчезает. Например, «пшеничные фабрики» Дальнего Запада в Америке организовывались иногда на одно лето почти без скота. В других местностях складывается по преимуществу торговое скотоводческое хозяйство; главными продуктами, производимыми на продажу, являются мясные или молочные продукты. Чисто земледельческое хозяйство приспособляется к скотоводческому. Понятно, что и размеры хозяйства, и способы организации хозяйства будут различны в том и другом случае. Нельзя судить по величине посева о подгородном молочном хозяйстве. Нельзя брать одинаковую мерку крупного и мелкого хозяйства для степного посевщика, для огородника, для табаковода, для «молочного фермера» (если употребить английское выражение) и т. д.

Проникновение обмена и торговли в земледелие вызывает специализацию его, и эта специализация все растет. Одни и те же показатели хозяйства (число лошадей, например) получают разное значение в различных районах торгового земледелия. Среди безлошадных крестьян в подстоличной местности есть, напр., крупные хозяева, имеющие, допустим, молочный скот, делающие большие обороты, держащие наемных рабочих. Конечно, в общей массе безлошадных и однолошадных число подобных фермеров совершенно ничтожное; но если мы будем брать одни валовые данные, охватывающие целую страну, то мы не сможем учесть особого вида капитализма в земледелии.

На это обстоятельство надо обратить особое внимание. Игнорируя его, нельзя составить правильного представления о развитии капитализма в земледелии и легко впасть в ошибку упрощения. Всю сложность процесса можно охватить, лишь считаясь с действительными особенностями земледелия. Когда говорят, что земледелие в силу его особенностей не подчиняется законам капиталистического развития, то это совершенно неверно. Особенности земледелия тормозят подчинение земледелия рынку, это так, но тем не менее везде и во всех странах идет неудержимо процесс *роста торгового земледелия*. Но формы этого образования торгового земледелия, действительно, своеобразны и требуют особых методов изучения.

Чтобы пояснить сказанное, возьмем наглядные примеры из различных районов торгового земледелия в России. В районе торгового зернового хозяйства (Новороссия, Заволжье) мы видим чрезвычайно быстрый рост сбора зерновых хлебов; в 1864—1866 годах эти губернии стояли позади центральных черноземных, имея только 2,1 четверти чистого сбора на душу населения; в 1883—1887 годах эти губернии были впереди центра, имея чистый сбор по 3,4 четверти на душу. Расширение посевов — вот что всего более характерно для этого района в

пореформенную эпоху. Очень часто обработка земли здесь самая примитивная — все внимание устремлено исключительно на запашку как можно большей площади. Здесь складывалось во второй половине XIX века нечто подобное американским «пшеничным фабрикам». По величине посева (доходившей у крестьян высших групп до 271 дес. на двор) вполне можно судить о размере и типе хозяйства. В другом районе — в промышленном и в частности подстоличном — о подобном расширении посевов не может быть и речи. Не торговое зерновое хозяйство, а торговое скотоводство является здесь особенно характерным. По числу десятин обрабатываемой земли или по числу рабочих лошадей здесь уже нельзя составить правильного представления о хозяйстве. Гораздо более пригодным мерилом является число коров (молочное хозяйство). Изменение севооборота, посев трав, а не расширение посевов составляет здесь характерный признак прогресса крупного хозяйства. Многолошадных дворов здесь меньше; может быть, даже уменьшение числа лошадей означает иногда прогресс хозяйства. Зато коровами здешние крестьяне богаче, чем в остальной России. Г. Благовещенский [143]) по итогам земской статистики считал в среднем по 1,2 коровы на двор; в 18 уездах Петербургской, Московской, Тверской и Смоленской губерний имеем по 1,6, а в одной Петербургской — по 1,8 на двор. И торговый капитал, и капитал, вкладываемый в производство, оперируют здесь преимущественно с продуктами скотоводства. Размер дохода зависит всего больше от числа молочных коров. Складываются «молочные фермы». Развивается наем земледельческих рабочих зажиточными крестьянами; мы уже отмечали, что в *промышленные* губернии идут из оскуделого центра на *земледельческие* работы. Одним словом, те же самые общественно-экономические отношения проявляются здесь в совершенно иной форме, при агрикультурных условиях, непохожих на чисто-земледельческие.

А если взять специальные культуры, напр., табаководство, или соединение земледелия с технической обработкой продуктов (винокуренное, свекло-сахарное, маслобойное, картофельно-крахмальное и др. производства), то формы проявления предпринимательских отношений здесь окажутся непохожими ни на те, которые существуют при торговом зерновом хозяйстве, ни на те, которые складываются при торговом скотоводстве. За мерило здесь придется взять либо количество специальных посевов, либо размер того предприятия по технической обработке продуктов, которое связано с данным хозяйством.

Валовая статистика земледелия, имеющая дело только с размерами площадей или с количеством скота, далеко не учитывает всего этого разнообразия форм, и поэтому сплошь да рядом заключения, основанные только на справке с подобной статистикой,

оказываются неверными. Рост торгового земледелия идет гораздо быстрее, влияние обмена простирается шире, капитал преобразует сельское хозяйство гораздо глубже, чем можно думать по общим валовым цифрам и абстрактным средним.

VII.

Подводим теперь итоги изложенному выше о сущности аграрного вопроса и аграрного кризиса в России к концу XIX века.

В чем сущность этого кризиса? М. Шанин в брошюре: «Муниципализация или раздел в собственность» (Вильна, 1907 г.) настаивает на том, что наш земледельческий кризис есть кризис агрикультурный, что самые глубокие корни его — необходимость поднятия техники земледелия, невероятно низкой в России, необходимость перехода к высшим системам полеводства и т. д.

Это мнение неверно, потому что оно слишком абстрактно. Необходимость перехода к высшей технике несомненна, но, во-первых, этот переход и происходил на деле после 1861 года в России. Как ни медленен прогресс, но совершенно бесспорно, что и помещичье и крестьянское хозяйство в лице зажиточного меньшинства переходили к травосеянию, к употреблению улучшенных орудий, к более систематическому и тщательному удобрению земли и т. д. А раз этот медленный прогресс земледельческой техники есть всеобщий процесс, идущий с 1861 года, то очевидно, что недостаточно еще указать на него для объяснения всеми признаваемого обострения земледельческого кризиса к концу XIX века. Во-вторых, обе формы «решения» аграрного вопроса, наметившиеся в жизни, и столыпинское решение его *сверху*, путем сохранения помещичьего землевладения и окончательного уничтожения общины, разграбления ее кулаками, — и крестьянское (трудовическое) решение *снизу* путем уничтожения помещичьего землевладения и национализации всей земли, оба эти решения по-своему облегчают переход к высшей технике, идут по линии агрикультурного прогресса. Только одно решение базирует этот прогресс на ускорении процесса выталкивания крестьянской бедноты из земледелия, другое — на ускорении процесса вытеснения отработков путем уничтожения крепостнических латифундий. Что крестьянская беднота «хозяйничает» на своей земле из рук вон плохо, это факт несомненный. Несомненно, значит, что если отдать ее земли на поток и разграбление кучке зажиточного крестьянства, то агрикультура поднимается. Но точно так же несомненный факт и то, что помещичьи земли, эксплуатируемые посредством отработков и кабалы, обрабатываются из рук вон плохо, *хуже надельных земель* (припомните приведенные выше данные: с надельных земель 54 пуда с 1 дес.,

с экономических 66, с находящихся в испольной обработке 50, с арендованных погодно крестьянами 45). Отработочная система помещичьего хозяйства есть сохранение невероятно отсталых приемов земледелия, есть увековечение варварства и в агрикультуре, и во всей общественной жизни. Несомненно, значит, что если вырвать все отработки с корнем, т.-е. совершенно уничтожить (и при том без выкупа) все помещичье землевладение, то агрикультура поднимется.

Следовательно, сущность аграрного вопроса и аграрного кризиса состоит не в том, чтобы устранить помехи поднятию агрикультуры, а в том, *каким образом* устранить эти помехи, какому классу и какими методами провести это устранение. А устранить помехи развитию производительных сил страны безусловно необходимо, — не только в субъективном смысле слова необходимо, но и в объективном, т.-е. это устранение неизбежно, и никакие силы не в состоянии предотвратить его.

Ошибка М. Шанина, которую делают также очень многие писатели по аграрному вопросу, состоит в том, что он взял верное положение о необходимости поднятия земледельческой техники слишком абстрактно, не учтя своеобразных форм сплетения крепостнических и капиталистических черт в русском земледелии. Главной и основной помехой развитию производительных сил сельского хозяйства России являются пережитки крепостничества, т.-е. отработки и кабала прежде всего, затем крепостнические подати, неравноправность крестьянина, приниженность его перед высшим сословием и т. д. и т. д. Устранение этих пережитков крепостничества давно стало хозяйственной необходимостью, и кризис земледелия к концу XIX века обострился невероятно сильно именно потому, что процесс освобождения России от средневековья слишком затянулся, что отработки и кабала слишком долго «зажились». Они отмирали после 1861 года до того медленно, что новому организму потребовались насильственные способы быстрого очищения от крепостничества.

Каков этот новый хозяйственный организм русского земледелия? Это мы старались показать в предыдущем изложении особенно подробно, ибо на этот счет существуют особенно неправильные представления у экономистов либерально-народнического лагеря. Новый хозяйственный организм, который вылезает у нас из крепостнической скорлупы, есть торговое земледелие и капитализм. Экономика помещичьего хозяйства, поскольку оно ведется не отработками, не кабалой надельного крестьянина, показывает с полнейшей ясностью капиталистические черты. Экономика крестьянского хозяйства — поскольку мы умеем заглянуть внутрь общины и посмотреть, что делается в жизни вопреки официальной уравнительности надельного землевладения — показывает нам опять-таки везде и повсюду чисто капиталистические черты.

Рост торгового земледелия идет в России непрерывно, несмотря на все помехи, и это торговое земледелие неизбежно превращается в капиталистическое, хотя формы этого превращения в высшей степени разнообразны и видоизменяются в отдельных районах.

В чем должно состоять то насильственное устранение средневековой скорлупы, которое стало необходимостью для дальнейшего свободного развития нового хозяйственного организма? В уничтожении средневекового землевладения. Средневековым является в России до сих пор и помещичье землевладение, и в значительной части также крестьянское. Мы видели, как новые экономические условия ломают эти средневековые рамки и перегородки землевладения, заставляя бедного крестьянина сдавать свой исконный надел, заставляя зажиточного крестьянина составлять свое, сравнительно крупное, хозяйство из кусочков различных земель: и надельных, и купчих, и арендованных у помещика. И на помещичьей земле разделение земель под отработками, под погодной крестьянской арендой, под экономическим посевом показывает, что новые системы хозяйства строятся вне рамок старого, средневекового, землевладения.

Уничтожить это землевладение можно сразу, решительно разорвав с прошлым. Такой мерой является национализация земли, которой и требовали, более или менее последовательно, все представители крестьянства в период 1905—1907 годов. Уничтожение частной собственности на землю нисколько не изменяет буржуазных основ торгового и капиталистического землевладения. Нет ничего ошибочнее того мнения, будто национализация земли имеет что-либо общее с социализмом или даже с уравнительностью землепользования. Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства. Национализация же есть превращение земли в собственность государства, и такое превращение нисколько не затрагивает частного хозяйства на земле. Будет ли земля собственностью или «достоянием» всей страны, всего народа, от этого не меняется система хозяйства на земле, совершенно точно так же, как не меняется (капиталистическая) система хозяйства у зажиточного мужика, покупает ли он землю «навечно», арендует ли помещичью или казенную землю, «собирает» ли наделы опустившихся несостоятельных крестьян. Раз остается обмен, о социализме смешно и говорить. А обмен продуктов земледелия и средств производства совершенно не зависит от форм землевладения. (Замечу в скобках, что я излагаю здесь только экономическое значение национализации, а не защищаю ее, как программу; такую защиту я дал в названной выше работе.) *)

---

*) См. XI том Сочинений, стр. 389—415. *Ред.*

Что касается уравнительности, то мы уже показали выше применение ее на деле при распределении надельной земли. Мы видели, что надельная земля распределяется внутри общины довольно уравнительно, лишь слегка подаваясь в сторону богатеев. Но от этой уравнительности остается в результате очень мало вследствие сдачи земли беднотой и концентрации аренды в руках богатеев. Ясно, что никакая уравнительность землевладения не в силах устранить неравномерности действительного землепользования, раз есть на-лицо имущественные различия между хозяевами и система обмена, обостряющая эти различия.

Экономическое значение национализации совсем не в том, где его сплошь да рядом ищут. Не в борьбе с буржуазными отношениями состоит оно (национализация — самая последовательная буржуазная мера, как давно показал Маркс [144]), а в борьбе с крепостническими отношениями. Пестрота средневекового землевладения тормозит хозяйственное развитие; сословные рамки мешают торговому обороту; несоответствие старого землевладения и нового хозяйства порождает острые противоречия; помещики благодаря латифундиям затягивают существование отработков; крестьяне заперты точно в гетто, в надельном землевладении, рамки которого жизнь ломает на каждом шагу. Национализация сметает все средневековые отношения в землевладении дочиста, уничтожает все искусственные перегородки на земле, делает землю действительно свободной — для кого? для всякого гражданина? Ничего подобного. Свобода безлошадного крестьянина (т.-е. $3^1/_4$ миллионов дворов) состоит, как мы видели, в том, чтобы сдавать надельную землю. Земля становится свободной — *для хозяина*, для того, кто действительно хочет и *может* обрабатывать ее так, как этого требуют современные условия хозяйства вообще и мирового рынка в частности. Национализация ускорила бы смерть крепостничества и развитие чисто буржуазного фермерства на свободной от всяческого средневекового хлама земле. Вот действительное историческое значение национализации в России, как она сложилась к концу XIX века.

Что касается до другого, объективно не невозможного, пути расчистки землевладения для капитализма, то он состоит, как мы видели, в ускоренном ограблении общины богатеями и в укреплении частной земельной собственности у зажиточного крестьянства. Главный источник отработки и кабалы остается при этом незатронутым, помещичьи латифундии остаются. Ясно, что такой способ расчистки пути для капитализма в неизмеримо меньшей степени обеспечивает свободное развитие производительных сил, чем первый. Раз сохраняются латифундии, неизбежно сохранение и кабального крестьянина, испольщины, мелкой погодной аренды, обработки «барских» земель крестьянским инвентарем, т.-е. со-

хранение самой отсталой культуры и всего того азиатского варварства, которое называется патриархальным деревенским бытом.

Два, указанные мною, способа «решения» аграрного вопроса в развивающейся буржуазной России соответствуют двум путям развития капитализма в земледелии. Я называю эти пути прусским и американским. Первый характеризуется тем, что средневековые отношения землевладения не ликвидируются сразу, а медленно приспособляются к капитализму, который надолго сохраняет в силу этого полуфеодальные черты. Прусское помещичье землевладение не разбито буржуазной революцией, а уцелело и стало основой «юнкерского» хозяйства, капиталистического в основе, но не обходящегося без известной зависимости сельского населения вроде Gesindeordnung *) [145]) и т. п. От этого социальное и политическое господство юнкеров упрочено на долгие десятилетия после 1848 года, и развитие производительных сил германского земледелия шло несравненно медленнее, чем в Америке. Там, наоборот, основой капиталистического земледелия послужило не старое рабовладельческое хозяйство крупных помещиков (гражданская война разбила рабовладельческие экономии), а свободное хозяйство свободного фермера на свободной земле, свободной от всех средневековых пут, от крепостничества и феодализма, с одной стороны, а с другой стороны, и от пут частной собственности на землю. Земли раздавались в Америке из ее громадного земельного запаса за номинальную плату, и лишь на новой, вполне капиталистической основе развилась там теперь частная собственность на землю.

Оба эти пути капиталистического развития вполне ясно обрисовались в России после 1861 года. Несомненен прогресс помещичьего хозяйства, при чем медленность этого прогресса не случайна, а неизбежна, пока сохраняются пережитки крепостничества. Несомненно также, что чем свободнее крестьянство, чем меньше давят на него остатки крепостного права (на юге, напр., есть все эти благоприятные условия), наконец, чем лучше в общем и целом обеспечено крестьянство землей, тем сильнее разложение крестьянства, тем быстрее идет образование класса сельских предпринимателей-фермеров. Весь вопрос дальнейшего развития страны сводится к тому, какой же из этих путей развития возьмет окончательно верх над другим, и, соответственно этому, какой класс проведет необходимое и неизбежное преобразование: старый ли барин-землевладелец или свободный крестьянин-фермер.

У нас думают нередко, что национализация земли означает изъятие земли из торгового оборота. На этой точке зрения безусловно стоит большинство передовых крестьян и идеологов

*) — Устав о прислуге. *Ред.*

крестьянства. Но такой взгляд в корне ошибочен. Как раз наоборот. Частная собственность на землю является помехой свободному приложению капитала к земле. Поэтому при свободной аренде земли у государства (а к этому сводится сущность национализации в буржуазном обществе) земля *сильнее* втягивается в торговый оборот, чем при господстве частной поземельной собственности. Свобода приложения капитала к земле, свобода конкуренции в земледелии гораздо больше при свободной аренде, чем при частной собственности. Национализация земли, это—так сказать, лэндлордизм без лэндлорда. А что значит лэндлордизм в деле капиталистического развития земледелия, об этом замечательно глубоко рассуждает Маркс в «Теориях прибавочной стоимости». Я привел его рассуждение в названной выше работе об аграрной программе, но позволю себе в виду важности вопроса повторить его здесь еще раз *).

В параграфе об исторических условиях теории ренты Рикардо («Theorien über den Mehrwerth», II Band, 2 Theil, Stuttgart, 1905, S. 6—7 **)) Маркс говорит, что Рикардо и Андерсон «исходят из воззрения, кажущегося очень странным на континенте». Именно: они предполагают, что «не существует вовсе поземельной собственности, как помехи любому применению капитала к земле». На первый взгляд, это — противоречие, потому что как раз в Англии феодальная поземельная собственность считается в особенности полно сохранившейся. Но Маркс объясняет, что именно в Англии капитал «расправлялся так беспощадно с традиционными земледельческими порядками, как нигде на свете». В этом отношении Англия — «самая революционная страна в мире». «Все исторически унаследованные распорядки там, где они противоречили условиям капиталистического производства в земледелии или не соответствовали этим условиям, были беспощадно сметены: не только изменено расположение сельских поселений, но сметены самые эти поселения; не только сметены жилища и места поселения сельско-хозяйственного населения, но и само это население; не только сметены исконные центры хозяйства, но и само это хозяйство. У немцев, — продолжает Маркс, — экономические распорядки оказались определены традиционными отношениями общинных земель (Feldmarken), расположением хозяйственных центров, известными местами скопления населения. У англичан исторические распорядки земледелия оказались постепенно созданы капиталом, начиная с XV века. Английское техническое выражение «clearing of estates («чистка земель») не встречается ни в одной континен-

*) См. XI том сочинения стр. 373—375. *Ред.*

**) — «Теории прибавочной стоимости», II книга, 2 часть, Штутгарт, 1905, стр. 6—7. *Ред.*

тальной стране. А что означает это clearing of estates? Оно означает, что не считались совершенно ни с оседлым населением— его выгоняли; ни с существующими деревнями — их сравнивали с землей; ни с хозяйственными постройками — их отдавали на слом; ни с данными видами сельского хозяйства — их меняли одним ударом, превращая, напр., пахотные поля в выгон для скота; одним словом, не принимали всех условий производства в том виде, как они существовали по традиции, а исторически *создавали* эти условия в такой форме, чтобы они отвечали в каждом данном случае требованиям самого выгодного приложения капитала. Постольку, следовательно, действительно *не существует собственности на землю,* ибо эта собственность предоставляет капиталу — фермеру — хозяйничать свободно, интересуясь исключительно получением денежного дохода. «Какой-нибудь померанский помещик» (Маркс имеет в виду Родбертуса, теорию ренты которого он опровергает блестяще и детально в данном сочинении), «у которого в голове только и есть, что стародедовские общинные земли, центры хозяйства, коллегия землевладения и т. п., может поэтому в ужасе всплескивать руками по поводу «неисторического» воззрения Рикардо на развитие земледельческих отношений». На самом же деле «английские условия — единственные условия, в которых адэкватно (с идеальным совершенством) развилась совершенная собственность на землю, т.-е. собственность на землю, *видоизмененная* капиталистическим производством. Английская теория (т.-е. теория ренты Рикардо) является в этом пункте классической для современного, т.-е. капиталистического, способа производства».

В Англии эта чистка земли шла в революционных формах с насильственной ломкой крестьянского землевладения. Ломка старины, отжившей свое время, абсолютно неизбежна и в России, но девятнадцатый век (да и первые 7 лет двадцатого) не решили еще вопроса о том, какой класс и в какой форме произведет необходимую для нас ломку. Мы показали выше, какова основа распределения земли в России в настоящее время. Мы видели, что $10^1/_2$ миллионам крестьянских дворов с 75 миллионами десятин земли противостоят 30.000 владельцев латифундий с 70 миллионами десятин. Один из возможных исходов борьбы, которая не может не разгораться на такой почве, состоит в том, что землевладение десяти миллионам дворов почти удвоится, а землевладение верхних тридцати тысяч исчезнет. Рассмотрим этот возможный исход чисто теоретически, с точки зрения того, как сложился аграрный вопрос в России к концу XIX века. Каковы должны были бы быть результаты такой перемены? С точки зрения отношений землевладения очевидно, что средневековое надельное и средневековое помещичье землевладения были бы перетасованы заново. Старина была бы сметена дотла.

В отношениях землевладения не осталось бы ничего традиционного. Какая же сила определила бы новые отношения землевладения? «Принцип» уравнительности? Так склонен думать передовой крестьянин, затронутый народнической идеологией. Так думает народник. Но это иллюзия. В общине признанный законом и освященный обычаем «принцип» уравнительности ведет на деле к приспособлению землевладения к различиям в имущественной состоятельности. И на основании этого *экономического факта*, тысячекратно подтверждаемого и русскими данными, и западноевропейскими, мы утверждаем, что надежда на уравнительность разлетелась бы как иллюзия, *а перетасовка землевладения осталась бы как единственный прочный результат*. Велико ли значение *такого* результата? Чрезвычайно велико, ибо никакая иная мера, никакая иная реформа, никакое иное преобразование не могли бы дать таких полных гарантий наиболее быстрого, широкого и свободного прогресса земледельческой техники в России и исчезновения из нашей жизни всех следов крепостничества, сословности, азиатчины.

Прогресс техники?— возразят нам, пожалуй. Но не показано ли выше точными данными, что помещичье хозяйство стоит выше крестьянского хозяйства и по травосеянию, и по употреблению машин, и по удобрению, и по качеству скота, конечно, и т. д.? Да, это показано, и факт этот совершенно несомненен. Но не надо забывать, что *все* эти различия в хозяйственной организации, технике и проч. суммируются в *урожайности*. А мы видели, что урожаи с помещичьих земель, *находящихся в испольной и т. п. обработке у крестьян*, ниже урожаев на надельной земле. Вот какое обстоятельство почти всегда забывают, говоря об агрикультурном уровне помещичьего и крестьянского хозяйства в России! Помещичье хозяйство стоит выше, *поскольку* оно ведется капиталистически. И вся суть в том, что это «поскольку», к концу XIX века оставило отработки преобладающей в нашем центре системой хозяйства. *Поскольку* на помещичьих землях хозяйничает и теперь своими стародедовскими орудиями, способами и т. д. кабальный крестьянин, *постольку* помещичье землевладение есть главная причина отсталости и застоя. Перемена в землевладении, обсуждаемая нами, подняла бы урожай с испольных и арендованных земель (теперь этот урожай — см. цифры выше — 50 и 45 пуд. при 54 пуд. на надельной земле и 66 пуд. на владельческих посевах). Если бы даже этот урожай поднялся *только* до уровня урожая с надельных земель, то и тогда шаг вперед был бы громадный. Но понятно само собой, что и урожай с надельных земель поднялся бы как вследствие освобождения крестьянина от гнета крепостнических латифундий, так и в силу того, что надельные земли стали бы тогда, подобно всем остальным землям государства, свободными землями,

одинаково доступными (не всем гражданам, а гражданам с земледельческим капиталом, т.-е. —) фермерам.

Этот вывод вытекает вовсе не из данных об урожайности, взятых нами. Напротив, эти данные взяты лишь для наглядной иллюстрации вывода, вытекающего из *всей совокупности* данных об эволюции русского помещичьего и крестьянского хозяйства. Чтобы опровергнуть этот вывод, надо опровергнуть тот факт, что история русского земледелия во второй половине XIX века есть история смены крепостнических производственных отношений буржуазными.

Если держаться данных о числе крестьянских хозяйств в настоящее время, то может получиться впечатление, что рассматриваемое нами аграрное преобразование повело бы к чрезвычайному раздроблению земледелия. Помилуйте, тринадцать миллионов хозяйств на 280 миллионах десятин! разве это не чудовищное распыление? Мы ответим на это: ведь это *теперь* мы видим такое безмерное распыление, ибо *теперь* тринадцать миллионов хозяйств *хозяйничают* на *меньшей* площади, чем 280 милл. дес.! Следовательно, перемена, интересующая нас, ни в каком случае не внесла бы ухудшения в рассматриваемом отношении. Мало того. Мы ставим дальше вопрос, есть ли основание думать, что общее число хозяйств останется при этой перемене прежним? Обыкновенно смотрят именно так под влиянием народнических теорий и мнений самих крестьян, которые всеми помыслами тянут к земле и способны мечтать даже о превращении промышленных рабочих в мелких земледельцев. Несомненно, некоторое число русских промышленных рабочих в конце XIX века стоят и сами на этой крестьянской точке зрения. Но вопрос в том, *верна* ли эта точка зрения? соответствует ли она *объективным* хозяйственным условиям и ходу экономического развития? Достаточно поставить ясно этот вопрос, чтобы увидеть, что крестьянский взгляд определяется отживающим и безвозвратным прошлым, а не нарастающим будущим. Крестьянский взгляд *неверен*. Он представляет из себя идеологию вчерашнего дня, а экономическое развитие *на деле* ведет не к увеличению, а к уменьшению земледельческого населения.

Перемена в отношениях землевладения, рассматриваемая нами, не уничтожит и не может уничтожить этого процесса уменьшения доли земледельческого населения, процесса, общего всем странам развивающегося капитализма. Каким образом могла бы эта перемена, спросят меня, пожалуй, повлиять на уменьшение земледельческого населения, раз доступ к земле стал бы свободен для всех? Я отвечу на это цитатой из одной думской речи крестьянского депутата (Полтавской губернии) г. Чижевского. В заседании 24 мая 1906 года он говорил: «У нас крестьяне, те же выборщики, которые посылали нас сюда, производили,

например, такой расчет: «Если бы мы были немного богаче, и если бы каждая наша семья могла пять-шесть рублей в год расходовать на сахар, — в каждом из тех уездов, где возможно производство свеклы, возникло бы несколько сахарных заводов, в добавление к тем, которые существуют теперь». Совершенно естественно, что если бы эти заводы возникли, какая масса рук потребовалась бы для хозяйства при интенсификации! Увеличилось бы производство сахарных заводов и т. д.» (Стенографические отчеты, стр. 622).

Это — чрезвычайно характерное признание местного деятеля. Если бы спросить его мнение о значении аграрного преобразования вообще, он, наверное, высказал бы народнические взгляды. Но раз вопрос встал не о «мнениях», а о *конкретных* последствиях преобразования, *капиталистическая правда* сразу взяла верх над *народнической утопией.* Ибо то, что сказали крестьяне своему депутату г. Чижевскому, есть именно капиталистическая правда, правда капиталистической действительности. Рост числа сахарных заводов и производительности их действительно был бы громаден при всяком сколько-нибудь серьезном улучшении положения массы мелких земледельцев; и само собою понятно, что не только свекло-сахарное производство, но все отрасли обрабатывающей промышленности: текстильная, железоделательная, машиностроительная, строительная вообще и проч. и проч., получили бы громадный толчек, потребовали бы «массы рук». И эта экономическая необходимость оказалась бы сильнее всех прекрасных упований и мечтаний об уравнительности. Три с четвертью миллиона безлошадных дворов не станут «хозяевами» *ни от какого* аграрного преобразования, ни от каких перемен в землевладении, ни от какого «наделения землей». Эти миллионы дворов (да и не малая часть однолошадных) *маются,* как мы видели, на своих кусочках земли, *сдают свои наделы.* Американское развитие промышленности *неминуемо* отвлекло бы большинство таких безнадежных в капиталистическом обществе хозяев от земледелия, и никакое «право на землю» не в силах будет помешать этому отвлечению. Тринадцать миллионов мелких хозяев с самым жалким, нищенским и устарелым инвентарем, ковыряющих и свою надельную и барскую землю, это — действительность сегодняшнего дня; это — *искусственное* перенаселение в земледелии, искусственное в смысле наследственного удержания тех крепостнических отношений, которые давно пережили себя и *не могли бы* продержаться ни одного дня без экзекуций, расстрелов, карательных экспедиций и т. п. Всякое серьезное улучшение в положении массы, всякий серьезный удар крепостническим пережиткам *неминуемо* подорвали бы это перенаселение деревни, усилили бы в громадных размерах (идущий медленно и теперь) процесс отвлечения населения от земледелия к промыш-

лепности, уменьшили бы число хозяйств с 13 миллионов до гораздо более низкой цифры, повели бы Россию вперед по-американски, а не по-китайски, как теперь.

Аграрный вопрос в России к концу XIX века поставил на разрешение общественным классам задачу: покончить с крепостнической стариной и очистить землевладение, очистить всю дорогу для капитализма, для роста производительных сил, для свободной и открытой борьбы классов. И эта же борьба классов определит, каким образом будет решена эта задача.

1 июля нов. ст. 1908 г.

АГРАРНАЯ ПРОГРАММА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ[146]).

АВТОРЕФЕРАТ.

Исполняя просьбу польских товарищей, я попытаюсь изложить здесь вкратце содержание моей книги, носящей вышеприведенное название, которая была написана в ноябре 1907 г. и не вышла до сих пор по *независящим* от меня обстоятельствам *).

В первой главе этой книги я рассматриваю «экономические основы и сущность аграрного переворота в России». Сопоставляя новейшие (относящиеся к 1905 г.) данные о землевладении в России и определяя, в круглых цифрах, земельный фонд во всех 50 губерниях Европейской России в 280 милл. десятин, я получаю в результате нижеследующую картину распределения всей земельной собственности, надельной и частновладельческой:

	Число владений	Число десятин земли	Средн. на 1 влад. дес.
	(в миллионах)		
а) разоренное крестьянство, задавленное крепостнической эксплуатацией	10,5	75,0	7,0
б) среднее крестьянство	1,0	15,0	15,0
в) крестьянская буржуазия и капиталистич. землевладение	1,5	70,0	46,7
г) крепостнические латифундии	0,03	70,0	2.333,0
Всего	13,03	230,0	17,6
Не распределено по владениям	—	50,0	—
Итого	13,03	280,0	21,4

Всякий, сколько-нибудь знакомый с общественной статистикой, поймет, что эта картина может быть лишь приблизительно верной. Для нас однако важны не те подробности, в которых обыкновенно тонут сами и топят сущность дела экономисты либерально-народнического направления, а классовое содержание

*) См. XI том Сочинений, стр. 327—496. *Ред.*

процесса. Моя картина выясняет это содержание, показывает, из-за чего происходит борьба в русской революции. 30.000 помещиков — главным образом, дворянство, а также удельное ведомство владеют 70 милл. десятин земли. Этот основной факт следует сопоставить с другим фактом: во владении $10^1/_2$ милл. крестьянских дворов и наиболее мелких собственников находится 75 милл. десятин земли.

Эти последние могли бы *вдвое увеличить* свои владения за счет первых: такова объективно неизбежная *тенденция* борьбы, независимо от различных взглядов на нее разных классов.

Экономическая сущность аграрного кризиса с полной очевидностью выясняется из вышеприведенной картины. Миллионы мелких, разоренных, обедневших крестьян, угнетаемых нуждою, невежеством и остатками крепостничества, *не могут* жить иначе, как в полукрепостной зависимости от помещика, обрабатывая его землю своим сельско-хозяйственным инвентарем за выпасы, выгоны, вообще за «землю», за зимние ссуды и т. д., и т. д. С другой стороны, владельцы огромных латифундий *не могут* при таких условиях хозяйничать иначе, как при помощи труда соседних разоренных крестьян, так как этого рода хозяйничание не требует затрат капитала и перехода к новым системам обработки земли. По необходимости получается то, что многократно описывалось в русской экономической литературе, как система отработков. Это есть не что иное, как *дальнейшее развитие крепостничества.* Основой эксплуатации является не отделение рабочего от земли, а принудительное прикрепление к ней разоренного крестьянина, не капитал собственника, а его земля, не инвентарь владельца латифундий, а старинная соха крестьянина, не прогресс земледельческой культуры, а старая долголетняя рутина, не «вольный наем», а закабаление ростовщичеству.

Результаты вышеуказанного положения дел в сфере земледельческой культуры можно выразить следующими цифрами: урожай на надельной земле дает 54 пуда с десятины, на помещичьей земле при хуторском посеве и при обработке на счет помещика с помещичьим инвентарем и при пользовании наемным трудом — 66 пудов, на той же помещичьей земле при т.-п. «испольной» обработке — 50 пудов и, наконец, на земле помещичьей, арендованной крестьянами, — 45 пудов. Помещичьи земли при *крепостнически-ростовщической* обработке (вышеупомянутая «испольщина» и крестьянская аренда) дают худший урожай, чем истощенные, качественно худшие надельные земли. Это закабаление, упрочиваемое крепостническими латифундиями, становится *главным* препятствием для развития производительных сил России.

Однако из вышеприведенной картины выясняется еще и нечто иное. А именно: это развитие в капиталистической стране

может происходить двояким образом. Или латифундии сохраняются и постепенно становятся основою капиталистического хозяйства на земле, — это прусский тип аграрного капитализма; господином положения является юнкер. На протяжении целых десятилетий удерживаются его политическое преобладание и забитость, унижение, нищета и невежество крестьянина. Развитие производительных сил подвигается вперед очень медленно — подобно тому, как в русском земледелии от 1861 до 1905 г.

Или же революция сметает помещичьи владения. Основой капиталистического земледелия становится свободный фермер на *свободной*, т.-е. очищенной от всего средневекового хлама, земле. Это — *американский* тип аграрного капитализма, *наиболее быстрое развитие производительных сил* при условиях, наиболее благоприятных для массы народа из всех возможных при капитализме.

В *действительности* в русской революции борьба идет не из-за «социализации» и иных глупостей народников — это не что иное, как мещанская идеология, мелко-буржуазные фразы и ничего более, — *а о том*, каким путем пойдет капиталистическое развитие России: «прусским» или «американским». Не выяснив этой *экономической* основы революции, нельзя решительно *ничего* понять в вопросе об аграрной программе (как не понял Маслов, рассматривающий абстрактно-желательное, а не выясняющий экономически-неизбежное).

Недостаток места не позволяет мне изложить остальное содержание первой главы; резюмирую его только в двух словах: все кадеты изо всех сил стараются затушевать сущность аграрного переворота, а гг. Прокоповичи *помогают* им в этом. Кадеты путают («примиряют») две основные *линии* аграрных программ в революции: крупно-помещичью и крестьянскую. Затем, также в двух словах: в России уже в 1861 — 1905 г.г. обнаружились оба типа капиталистической аграрной эволюции — и прусский (*постепенное* развитие помещичьего хозяйства в направлении капитализма) и американский (расслоение крестьянства и быстрота развития производительных сил на наиболее свободном и богатом землею юге). Наконец, и вопрос о колонизации, рассмотренный мною в этой главе, который не удастся здесь изложить. Упомяну только, что *главным* препятствием для использования в России сотен миллионов десятин являются крепостнические латифундии в землевладении в центре. Победа над этими помещиками окажется таким могучим импульсом, который вызовет такое развитие техники и культуры, что поверхность земель, пригодных для обработки, будет возрастать в десять раз быстрее, чем она возрастала после 1861 г. Вот несколько цифр: из всего количества десятин во всем русском государстве — 1.965 миллионов десятин — о 819 милл. десятин не имеется *никаких* данных. Итак, для рассмотрения остается только 1.146 мил-

лионов десятин, из которых используются 469 миллионов десятин, в том числе 300 милл. десятин леса. Огромное количество теперь ни к чему не пригодных земель станет пригодным в ближайшем будущем, *если* Россия *избавится* от помещичьих латифундий *).

Вторая глава моей книги посвящена проверке аграрных программ Р.С.-Д.Р.П. революцией. Основной ошибкой всех прежних программ является недостаточно конкретное представление о том, каков может быть *тип* капиталистической аграрной эволюции в России. И эту ошибку повторили меньшевики, которые победили на съезде в Стокгольме и дали партии программу *муниципализации*. Именно *экономическая сторона* вопроса, т.-е. самая важная сторона, *совершенно не рассматривалась* в Стокгольме, преобладали «политические» соображения, политиканство, а не марксистский анализ. Только *отчасти* объяснением этого может быть самый момент съезда в Стокгольме, когда все внимание было поглощено оценкой декабря 1905 года и первой Думы 1906 г. Поэтому-то Плеханов, который в *Стокгольме* провел муниципализацию Маслова, совершенно не вдумался в *экономическое содержание* «крестьянской аграрной революции» (протоколы Стокгольмского съезда, стр. 42, слова Плеханова) в капиталистической стране. Или это — фраза и недостойное марксиста «уловление» крестьян при помощи демагогии и обмана («Bauernfang»), или же — существует *экономическая* возможность наиболее быстрого развития капитализма благодаря *победе крестьянства*, а в таком случае непременно нужно ясно представлять себе такую победу, такой путь аграрного капитализма, такую систему отношений в землевладении, которые соответствуют этой победе «крестьянской аграрной революции».

Главный довод наиболее влиятельных «муниципализаторов» в Стокгольме основывался на том, что крестьяне *враждебно* относятся к национализации надельных земель. Джон, *докладчик* сторонников муниципализации, воскликнул: «Мы имели бы не одну Вандею, а всеобщее восстание крестьянства» (какой ужас!) «против попытки вмешательства государства в распоряжение *собственными* крестьянскими надельными землями, против попытки их «национализировать»» (стр. 40 Протоколов Стокгольмского съезда). Костров воскликнул: «Идти к крестьянам с нею

---

*) Либерально-народнические экономисты рассуждают так: *в виду* недостатка земли в центре, *в виду* непригодности Сибири, Средней Азии и т. д. для колонизации *нужно* дополнительное наделение землей. Это означает, что можно было бы повременить с помещичьими латифундиями, если бы не недостаток земли. Марксисты должны рассуждать совершенно иначе: *до тех пор, пока* не будут уничтожены помещичьи латифундии, невозможно быстрое развитие производительных сил ни в центре, ни в колониях (на окраинах России).

(национализацией), значит оттолкнуть их от себя. Крестьянское движение пойдет помимо или против нас, и мы очутимся за бортом революции. Национализация обессиливает социал-демократию, отрезывает ее от крестьянства и обессиливает, таким образом, и революцию» (стр. 88).

Кажется, что это ясно. Крестьяне относятся враждебно к национализации, — вот главный аргумент меньшевиков. И *если это правда,* то разве не очевидно, что смешно совершать... «крестьянскую аграрную революцию» *вопреки* крестьянам?

Но правда ли это? В 1905 году П. Маслов писал: «Национализацию земли, как средство для решения аграрного вопроса, в настоящее время в России нельзя признать прежде всего (заметьте это «прежде всего») потому, что она безнадежно утопична»... «Но разве крестьяне согласятся»? (*П. Маслов,* Критика аграрных программ, 1905 г., стр. 20).

А *в 1907 г., в марте* «Все народнические группы (трудовики, народные социалисты, социалисты-революционеры) высказываются за национализацию земли в той или другой форме» (журнал «*Образование*», 1907 г., № 3, стр. 100 [147])). И кто же писал это? *Тот же самый П. Маслов!*

Вот вам и новая Вандея! вот вам и восстание крестьян против национализации! И вместо того, чтобы честно признать свою ошибку, вместо того, чтобы *экономически* исследовать, почему крестьяне должны были высказаться за национализацию, Маслов поступил как Иван Непомнящий. Он *предпочел забыть* свои собственные слова и все речи на Стокгольмском съезде.

Мало того. Чтобы замести следы «неприятного случая», Маслов придумал сплетню о трудовиках, будто бы они высказались за национализацию в силу мещанских соображений, «*полагая надежды на центральную власть*» (ibid *)). Что это сплетня, доказывает следующее сопоставление. В земельном проекте трудовиков, внесенном и в *первую* и во *вторую* Думу, говорится в § 16-м: «Заведывание общенародным земельным фондом должно быть возложено на местные самоуправления, избранные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, которые в пределах, установленных законом, действуют самостоятельно».

Аграрная программа Р. С.-Д. Р. П., проведенная меньшевиками, гласит: Р. С.-Д. Р. П. требует... «4) конфискации частновладельческих земель, кроме мелкого землевладения, и передачи их в распоряжение выбранных на демократических началах крупных органов местного самоуправления» («объединяющих — пункт 3 — городские и сельские округа»).

Существенное различие между этими программами состоит

---

*) — там же. *Ред.*

не в различии слов «заведывание» и «распоряжение» *), но в вопросе о выкупе (который на Стокгольмском съезде был отклонен голосами *большевиков* против Дана и К⁰ и который меньшевики снова старались провести после съезда) и в вопросе о *крестьянских* землях. Меньшевики выделяют их, трудовики не выделяют. *Трудовики доказали муниципалистам, что я был прав.*

Не может подлежать сомнению, что программа трудовиков, внесенная в I и II Думу, есть программа крестьянских масс. Как литература крестьянских депутатов, так и подписи их под проектами и распределение их по губерниям — все доказывает это совершенно убедительным образом. В 1905 г. Маслов писал, что «особенно» (стр. 20 цитированной брошюры) крестьяне подворники не могут согласиться на национализацию. Оказалось, что это «*особенный*» вздор. Так, напр., в Подольской губ. крестьяне земледельцы-подворники, а под земельным проектом «104-х» (проект трудовиков, цитированный выше) подписалось 13 подолян в первой Думе и 10 во второй!

Почему же крестьяне высказались за национализацию? Потому, что они инстинктивно поняли необходимость *уничтожения* всей средневековой поземельной собственности гораздо лучше, чем недальновидные якобы марксисты. Средневековая поземельная собственность *должна* быть уничтожена для того, чтобы очистить дорогу для капитализма в земледелии, и в разных странах и в различной степени капитал *уничтожил* старое средневековое землевладение, подчинив его требованиям рынка и преобразовав соответственно условиям торгового земледелия. Еще в третьем томе «Капитала» Маркс указывал, что капиталистический способ производства *застает* поземельную собственность в исторических формах, несоответствующих капитализму (землевладение клановое, родовое, общинное, феодальное, патриархальное и т. п.) и пересоздает соответственно новым экономическим требованиям [148]).

В «Теориях прибавочной стоимости» **) в параграфе «Исторические условия теории ренты Рикардо» Маркс с гениальной ясностью развил эту мысль. Там он говорит: «Нигде на свете капиталистическое производство, начиная с эпохи Генриха VII, не расправлялось так беспощадно с традиционными земледельческими порядками, нигде оно не создавало для себя таких совершенных (адэкватных—идеально соответствующих) условий и не подчиняло их себе до такой степени. Англия в этом отношении самая революционная страна в мире». «А что означает clearing of estates (буквально — чистка поместий или чистка земель)? Оно озна-

*) Поправка, предлагавшая заменить слова «в распоряжение» словами «в собственность», *была отклонена в Стокгольме меньшевиками* (см. стр. 152 Протоколов).

**) Theorien über den Mehrwert, II Band, 2 Teil. Stuttgart, 1905.

чает, что не считались совершенно ни с оседлым населением — его выгоняли, — ни с существующими деревнями — их сравнивали с землей, — ни с хозяйственными постройками — их отдавали на слом, — ни с данными видами сельского хозяйства — их меняли одним ударом, превращая, например, пахотные поля в выгон для скота, — одним словом, не принимали всех условий производства в том виде, как они существовали по традиции, а исторически *создавали* эти условия в такой форме, чтобы они отвечали в каждом данном случае требованиям самого выгодного применения капитала. Постольку, следовательно, действительно *не существует собственности на землю,* ибо эта собственность предоставляет капиталу — фермеру — хозяйничать свободно, интересуясь исключительно получением денежного дохода» (стр. 6 — 7).

Таковы условия наиболее быстрого уничтожения средневековых форм и наиболее свободного развития капитализма — *уничтожение* всего старого землевладения, уничтожение частной собственности на землю, как препятствия для капитала. И в России *неизбежна* такая революционная «*чистка*» средневекового землевладения, и никакие силы на свете не могут задержать этого. Вопрос заключается *только* в том, *борьба* идет *единственно из-за того,* будет ли эта «чистка» *помещичьей* или *крестьянской.* «Чистка» средневекового землевладения помещиками — это ограбление крестьян в 1861 году, это Столыпинская аграрная реформа в 1906 году (законодательство по 87 статье). *Крестьянская «чистка» земель для капитализма* это — *национализация земли.*

Этой именно *экономической* сущности национализации *в буржуазной* революции, совершаемой рабочими и крестьянами, совершенно не поняли Маслов, Плеханов и К°. Они составляли аграрную программу не для борьбы со средневековым землевладением, как с одним из важнейших остатков крепостнических отношений, не для полного очищения пути для капитализма, а для *жалкой мещанской попытки* «гармоничного» соединения старого с новым, собственности на землю, возникшей благодаря наделению, и конфискованных революцией крепостнических латифундий.

Чтобы, наконец, показать всю мещанскую реакционность *идеи* муниципализации, привожу данные относительно аренды (на значение вопроса об аренде, в споре с Масловым, я указывал уже в 1905 г. в своей брошюре «Пересмотр аграрной программы рабочей партии»)*). В Камышинском уезде Саратовской губернии **):

---

*) См. IX том Сочинений. *Ред.*

**) Развитие капитализма в России, изд. 2, стр. 51, 54 и 82. (См. III том Сочинений, стр. 60, 63 и 90. *Ред.*)

Группы домохозяев	На одно владение, возникшее при наделении, десятин земли:			
	Надельн. пашни	Арендованной земли	Земли, сданной в аренду	Всего земель засеяно
Без рабоч. скота	5,4	0,3	3,0	1,1
С 1 головой »	6,5	1,6	1,3	5,0
» 2 » »	8,5	3,5	0,9	8,8
» 3 » »	10,1	5,6	0,8	12,1
» 4 » »	12,5	7,4	0,7	15,8
» 5 и более »	16,1	16,6	0,9	27,6
В среднем	9,3	5,4	1,5	10,8

Взгляните на *действительное* экономическое соотношение между *надельной* землей, которую премудрые Маслов и Плеханов оставляют в собственность крестьянам, и землей не *надельной* (арендной), которую «муниципализуют». Безлошадные крестьяне, а таких хозяйств в России в 1896 — 1900 г.г. было в общей сложности $3^1/_4$ милл. из 11,1 милл., — *сдают в аренду в десять раз больше* земли, чем сами арендуют. Их засеянная земля в пять раз меньше их «наделов». У крестьян с одной лошадью ($3^1/_3$ милл. хозяйств во всей России) количество арендуемой земли *едва превышает количество* земли, сдаваемой в аренду, а площадь засеянной земли оказывается *меньше* «надела». Во всех высших группах, т.-е. у меньшинства крестьян, арендуемая ими земля в несколько раз превышает количество земли, сдаваемой в аренду, и площадь засеянной земли тем более превышает размеры «надела», чем зажиточнее крестьянин.

Подобные отношения господствуют во *всей* России. Капитализм разрушает земледельческую общину, *освобождает* крестьян от власти «надела», уменьшает роль надельных земель на обоих полюсах деревни, а глубокие мыслители меньшевики восклицают: «крестьяне восстанут против национализации надельных земель».

Средневековой в России является не только помещичья, но и крестьянская надельная собственность, это «упустили из виду» меньшевики. Укрепление надельной собственности, *совершенно не соответствующей* новым, капиталистическим отношениям, есть реакционная мера, а муниципализация *укрепляет* надельную собственность в отличие от ненадельной, «подлежащей муниципализации». Владение надельной землею разделяет крестьян тысячью средневековых перегородок и средневековою фискальною «общиною», задерживает развитие производительных сил. «Община» и это владение наделами *неизбежно* будут уничтожены капитализмом. Столыпин чувствует это и разрушает по-черносотенному. Крестьяне чувствуют это и хотят разрушить по-крестьянски, или революционно-демократически. А меньшевики восклицают: «Нельзя трогать земельных участков».

Национализация уничтожает являющуюся пережитком «общину» и средневековую надельную собственность так, как только вообще можно мысленно представить себе уничтожение этих учреждений в капиталистическом обществе при наибольшем соблюдении интересов крестьян. «Пресловутый вопрос об «общине», — читаем мы в брошюре «Материалы к крестьянскому вопросу (Отчет о заседаниях делегатского съезда Всероссийского Крестьянского Союза 6—10 ноября 1905 г., Петербург 1905 г.)», — совсем не подпимался и молча решен отрицательно: земля должна быть в пользовании лиц, товариществ, — гласят резолюции и первого и второго съезда» (стр. 12). На вопрос, не пострадают ли от национализации надельных земель сами крестьяне, делегаты отвечали: «Все равно получат при разверстке» (стр. 20). Крестьянин-собственник (и его идеолог, г. Пешехонов) великолепно понимает, что «все равно получат землю при разверстке», что скоро будут уничтожены крепостнические латифундии. А «разверстка» в широких размерах, означающая национализацию всех земель, нужна ему для того, чтобы освободиться от пут средневековья, чтобы «очистить» земли, чтобы привести пользование ими в соответствие с новыми экономическими условиями. Это отлично выразил во второй Думе г. Мушенко, говоривший от имени социалистов-революционеров, когда он, со свойственной ему наивностью, сказал: «Правильное расселение (земледельцев) возможно будет лишь тогда, когда земля будет разгорожена, когда будут сняты все перегородки, наложенные на нее принципом частной собственности на землю» (Протоколы 2-й Думы, стр. 1172). Сопоставьте это заявление с вышеприведенными словами Маркса, и вы поймете, что под мещанской фразеологией о «социализации» и «уравнении» скрывается весьма реальное содержание: буржуазно-революционная чистка старой средневековой поземельной собственности.

Муниципализация земель является в буржуазной революции *реакционной* мерой, так как эта мера препятствует экономически необходимому и неизбежному процессу уничтожения средневековой поземельной собственности, процессу установления *однообразия* экономических условий на земле для всех *хозяев*, каковы бы ни были их положения, прошлое, надел 1861 г. и т. д. Раздел земель в собственность теперь был бы *реакционным*, так как он сохранил бы нынешнюю, устаревшую и являющуюся пережитком собственность на надельную землю; по впоследствии, после полной чистки земли путем национализации, раздел был бы возможен, как лозунг *нового*, свободного *фермерства* *). Дело марксистов

*) М. Шанин в своей брошюре «Муниципализация или раздел в собственность», Вильно 1907, подчеркнул ту сторону вопроса, которая относится к агрикультуре, но не понял двух путей развития и значения уничтожения нынешнего землевладения.

помогать радикальной буржуазии (т.-е. крестьянству) произвести как можно более полное устранение старого хлама и обеспечить быстрое развитие капитализма, а вовсе не помогать мещанам в их стремлении спокойно расположиться, приспособиться к прошлому.

Третья глава посвящена «теоретическим основам национализации и муниципализации».

Я, понятно, не стану повторять польским товарищам вещей, общеизвестных каждому марксисту, что национализация земель в капиталистическом обществе означает уничтожение абсолютной, а не дифференциальной ренты и т. д. Имея в виду русских читателей, я *должен был* подробно говорить об этом, так как Петр Маслов утверждал, что теория Карла Маркса об абсолютной ренте есть «противоречие», которое можно объяснить лишь (!!) тем, что третий том — посмертное издание, куда вошли и черновые наброски автора» (Аграрный вопрос) *).

Эта претензия Петра Маслова, желающего исправлять черновые наброски Карла Маркса, не является для меня чем-нибудь новым. Уже в журнале «*Заря*» в 1901 г. я указал, что Маслов в журнале «*Жизнь*» исказил теорию ренты Маркса **). Однако вскоре после этого Петр Маслов повторил этот развязный и несомненный вздор в 1906 году (предисловие к 3-ему изданию датировано 26 апреля 1906 г.) *после выхода* «Теорий прибавочной стоимости», где Маркс с полной очевидностью выяснил теорию абсолютной ренты. Это уже бесподобно! Не имея здесь возможности повторить данный в моей книге подробный разбор «исправлений» Маркса Петром Масловым, ограничусь только указанием, что эти поправки оказываются избитыми аргументами буржуазной политической экономии. Петр Маслов доходит до того, что противопоставляет теории абсолютной ренты Маркса «производство кирпичей» (стр. 111), подогревает «закон убывающего плодородия почвы», утверждает, что «без этого закона нельзя объяснить «заокеанскую» конкуренцию» (стр. 107) и, наконец, договаривается до того, что *без опровержения Маркса нельзя опровергнуть точку зрения народников:* «Если бы не было факта падения производительности последовательных затрат труда на ту же площадь земли, то еще могла бы, может быть, осуществиться идиллия... народников» (Маслов в журнале «*Образование*», 1907, № 2, стр. 123). Одним словом, в экономической теории Петра Маслова в вопросе об абсолютной ренте, о «факте» убывающего плодородия почвы, об основных ошибках «народничества», о различиях между улучшением культуры и улучшением техники *нет* ни одного *живого слова.* Опровергнув теорию

*) «Аграрный вопрос», 3-е издание, стр. 108, примечание.
**) См. IV т. Сочинений, стр. 195. *Ред.*

ренты чисто-буржуазными аргументами, до-нельзя опошленными казенными защитниками капитала, Маслов неизбежно должен был присоединиться к ряду исказителей марксизма. Но, исказив марксизм, Петр Маслов оказался при этом настолько сообразительным, что в немецком переводе его книги об «Аграрном вопросе» *все* его поправки к черновым наброскам Маркса оказались *выпущенными*. Перед европейцами Маслов *спрятал свою теорию в карман*! Мне невольно вспомнился по этому поводу — писал я в III главе — рассказ об одном незнакомце, который впервые присутствовал на собеседовании античных философов и все время молчал при этом. «Если ты умен,—сказал этому незнакомцу один из философов, — то ты поступаешь глупо. Если ты глуп, — то поступаешь умно».

Само собою разумеется, что тот, кто отвергает теорию абсолютной ренты, сам лишает себя всякой возможности понять значение национализации земли в капиталистическом обществе, так как национализация может привести к уничтожению лишь абсолютной, а не дифференциальной ренты. Тот, кто отвергает абсолютную ренту, отвергает всякое экономическое значение частного землевладения, как *препятствия* для развития капитализма. Благодаря этому Маслов и К^0 неизбежно сводят вопрос: национализация или муниципализация к политическому вопросу («кому отдать землю?») и игнорируют экономическую сущность вопроса. Сочетание частной собственности на надельные земли (т.-е. качественно худшие и находящиеся в руках худших хозяев) с общественною собственностью на остальную (лучшую) половину земель становится *абсурдным* в сколько-нибудь развитом и свободном капиталистическом государстве. Это не более и не менее как *аграрный биметаллизм*.

В результате этой ошибки меньшевиков оказалось, что социал-демократы отдали критику частной собственности на землю в руки социалистов-революционеров. Маркс дал в «Капитале» замечательный образец этой критики *). У нас же оказалось, что социал-демократы вовсе не занимаются этой критикой с точки зрения развития капитализма, а до масс доходит только критика народников, т.-е. мещански-извращенная критика частной собственности на землю.

Упомяну, как деталь, что в русской литературе был выдвинут и такой аргумент против национализации: она означала бы «денежную ренту» при мелкой крестьянской собственности. Это неправильно. «Денежная рента» (см. «Капитал», III [149])) является для помещика процентом, которому придана современная форма. При *современной* крестьянской аренде плата за землю, несомненно,

---

*) См. напр., Das Kapital, III, 2 T., S. 346—347 о цене земли, как препятствии для развития капитализма. Там же, 344—345, 341 и 342.

является до некоторой степени *денежной рентой.* Уничтожение крепостнических латифундий ускорит расслоение крестьянства, усилит крестьянскую буржуазию, которая уже теперь создает капиталистическую аренду: вспомните приведенные выше данные об аренде земли в высших группах крестьянства.

Наконец, следует также заметить, что среди марксистов довольно распространен тот взгляд, будто национализация осуществима лишь на очень высокой ступени развития капитализма. Это неправильно. Тогда будет поставлен на очередь вопрос уже не о буржуазной, а о социалистической революции. Национализация земли является наиболее последовательной буржуазной мерой. Маркс *неоднократно* утверждал это, начиная с «Нищеты философии»[150]). В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс говорит (II Band, I Teil, S. 208): «Радикальный буржуа теоретически приходит к отрицанию частной собственности на землю... Однако на практике у него не хватает храбрости, так как нападение на одну форму собственности, форму частной собственности на условия труда, было бы очень опасно и для другой формы. Кроме того, буржуа сам себя территориализовал». В России буржуазная революция совершается в таких условиях, при которых существует радикальный буржуа (крестьянин), который «имеет мужество» выставить программу национализации во имя многомиллионных масс, и который еще не «территориализовал себя», т.-е. получает больше вреда от *(средневековой)* собственности на землю, чем выгоды и «прибыли» от (буржуазной) собственности на нее. Русская революция *не может* победить иначе, как в том случае, если этот «радикальный буржуа», колеблющийся между кадетом и рабочим, поддержит массовым выступлением пролетариат в его революционной борьбе. Русская революция не может победить иначе, как в виде революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

В четвертой главе книги речь идет о «политических и тактических» соображениях в вопросах аграрной программы. На первом месте здесь стоит «знаменитый» аргумент Плеханова: «ключ моей позиции, — воскликнул он в Стокгольме, — заключается в указании на возможность реставрации» (Протоколы, стр. 113). Но это совершенно заржавленный ключ, кадетский ключ *сделки* с реакцией под видом «гарантии от реставрации». Аргумент Плеханова — самый жалкий софизм, так как сам он утверждает, что гарантии от реставрации нет, и однако он *придумывает* такую гарантию. «Она (муниципализация) не отдаст земли в руки политических представителей старого порядка» (стр. 45, речь Плеханова). Что такое реставрация? Переход государственной власти в руки представителей старого порядка. Может ли существовать гарантия от реставрации? Нет, такой гарантии

«и быть не может» (Протоколы, стр. 44, речь Плеханова). Поэтому… придумал гарантию — «муниципализация не отдает земли».

При муниципализации останется *различие* между надельными и помещичьими землями в *экономическом отношении*, т.-е. она облегчит реставрацию или *восстановление этого различия* de jure. *В политическом* отношении муниципализация есть *закон* о перемене владения в отношении помещичьих земель. Что такое закон? Выражение воли господствующих классов. При реставрации *те же самые* классы снова станут *господствующими*. Разве их свяжет закон, товарищ Плеханов? Если бы вы подумали об этом, то вы поняли бы, что никакой закон не может связать выражения воли господствующих классов. Национализация же затрудняет реставрацию в *экономическом* отношении, так как она *уничтожает всякие* перегородки, *всю* средневековую собственность на землю и *приспособляет* ее к новым соединяемым воедино капиталистическим условиям производства.

Софистика Плеханова есть принятие *кадетской* тактики: вести пролетариат не к полной победе, а *к сделке* со старой властью. В действительности единственной абсолютной «гарантией от реставрации» является социалистический переворот на Западе, относительной же гарантией является проведение революции до конца, *наиболее радикальное* уничтожение старого, *наибольшая* степень демократии (республика) в политике и расчистка пути для капитализма в экономике.

Другой аргумент Плеханова гласит: «В органах общественного самоуправления, владеющих землею, муниципализация создает оплот против реакции. И это будет очень сильный оплот» (Протоколы, стр. 45). Неправда. Никогда и нигде местное самоуправление не было и не может быть оплотом против реакции в эпоху капитализма. Капитализм *неизбежно* ведет к централизации государственной власти, и *всякое* местное самоуправление *безусловно* будет побеждено при реакционной государственной власти. Плеханов проповедует *оппортунизм*, обращая внимание не на «демократизм в центре» или *республику*, — единственный оплот против реакции, мыслимый в капиталистическом обществе, а на местное самоуправление, всегда бессильное по отношению к большим историческим задачам, мелкое, мелочное, несамостоятельное и распыленное. «Крестьянская аграрная революция» *не может* победить в России, не победив центральной власти, а Плеханов внушает меньшевикам взгляды, высказанные в Стокгольме меньшевиком Новоседским: «При истинно демократических местных самоуправлениях принятая теперь программа может быть проводима в жизнь (слушайте!) и при той степени демократизации центрального правительства, которая не может быть названа высшею степенью его демократизации. Даже при

демократизации, так сказать, сравнительной степени, муниципализация будет не вредна, а полезна» (Протоколы, стр. 138).

Это яснее ясного. Будем учить народ приспособляться к монархии, авось не «обратят они внимания» на нашу областную деятельность и «даруют нам жизнь», как щедринскому пискарю [151]). Третья Дума является хорошей иллюстрацией возможности муниципализации и *местного* демократизма при «относительном», меньшевистском демократизме в центре.

Затем муниципализация укрепляет федерализм и раздробленность областей. Недаром во 2-й Думе *правый казак* Караулов не хуже Плеханова разносил национализацию (Протоколы, стр. 1366) и *высказывался за муниципализацию по областям.* Казачьи земли в России *представляют* из себя уже муниципализацию. И именно это раздробление государства на отдельные области было одною из причин поражения революции в первой трехлетней кампании!

Национализация, — гласит следующий аргумент, — усиливает центральную власть буржуазного государства! Во-первых, этот аргумент выдвигается с целью возбудить недоверие в социал-демократических партиях *отдельных национальностей.* «Может быть, — писал П. Маслов в «*Образовании*» 1907, № 3, с. 104, — в некоторых местах крестьяне согласились бы поделиться своими землями, но достаточно отказа крестьян одного большого района (напр., Польши) делиться своими землями, чтобы проект национализации всех земель оказался нелепостью». Нечего сказать, хороший аргумент! Не должны ли мы отказаться от республики, так как «достаточно отказа крестьян одного большого района» и т. д.? Это не аргумент, а *демагогия.* Наша политическая программа исключает всякое насилие и несправедливость, требуя широкой автономии для отдельных провинций (см. пункт 3-й программы партии). Это означает, что дело не в том, чтобы вновь придумывать недостижимые в буржуазном обществе новые «гарантии», а в том, чтобы партия пролетариата своею пропагандистскою и агитационною деятельностью *призывала* к соединению, а не к раздроблению, к разрешению возвышенных задач централизованных государств, а не к захолустному одичанию и национальной ограниченности. Аграрный вопрос разрешает центр России, на окраинах *нельзя* действовать иначе, как *примером* *). Это очевидно даже для каждого демократа, не говоря уже о социал-демократе. И вопрос заключается только в том, должен ли пролетариат *поднимать* крестьянство до высших целей, или же *опуститься* до мещанского уровня крестьянства.

*) В капиталистическом государстве частная собственность на землю и национализация *не могут* существовать параллельно. Одна из них должна будет взять верх. Дело рабочей партии отстаивать более высокую систему.

Во-вторых, утверждают, что национализация усилит возможность произвола центра, бюрократию и т. д. Что касается бюрократии, следует заметить, что *заведывание* землями и при национализации остается в руках местного самоуправления. Это означает, что вышеприведенный аргумент ложен. Центральная власть установит общие условия, т.-е., напр., запретит всякую отдачу земель и т. д. И разве наша нынешняя, т.-е. меньшевистская, программа не отдает в «распоряжение демократического государства» не только «переселенческий фонд», но также и «лес и воды, имеющие общегосударственное значение»? Но прятать голову под крыло — неблагоразумно, и здесь возможен *безграничный* произвол, так как сама центральная государственная власть будет определять, *какие* воды и леса имеют общегосударственное значение. Меньшевики ищут «гарантий» не там, где следует: *только* полный демократизм в центре, только *республика* может обеспечить наименьшую вероятность конфликтов между центром и областями.

«Усилится буржуазное государство», — восклицают меньшевики, тайком поддерживающие буржуазных монархистов (кадетов) и публично бьющие себя в грудь при мысли о поддержке и буржуазных республиканцев. Подлинный исторический вопрос, поставленный перед нами объективным историческим, общественным развитием, гласит: прусский или американский тип аграрной революции? помещичья монархия с фиговым листом псевдоконституционализма или крестьянская (фермерская) республика? Закрывать глаза на *такую* объективную постановку вопроса историей, — значит обманывать себя и других, по-мещански прячась от острой классовой борьбы, от острой, простой и решительной постановки вопроса о демократической революции.

От «буржуазного государства» мы не можем избавиться. Мечтать об этом могут только мещане. Наша революция есть буржуазная революция именно потому, что в ней борьба идет не между социализмом и капитализмом, а *между двумя формами капитализма*, двумя путями его развития, двумя формами буржуазно-демократических учреждений. И монархия октябристов или кадетов есть «*относительная*» буржуазная «демократия» с точки зрения меньшевика Новоседского. И пролетарски-крестьянская республика есть буржуазная демократия. В нашей революции мы не можем сделать *ни одного шага* — и мы не сделали ни одного шага — *не поддерживая* тем или иным образом тех или иных слоев буржуазии против старого порядка.

Если нам говорят, что национализация означает употребление денег на армию, а муниципализация на медицину и народное просвещение, то это достойная филистера софистика. Так, дословно так рассуждает Маслов: ...«Национализация, т.-е. (sic!) затрата земельной ренты на армию и флот; муниципализация зе-

мель, т. е. затрата ренты на потребности населения» («*Образование*», 1907, № 3, стр. 103). Это мещанский социализм, или уничтожение мух при помощи порошка, который следует насыпать пойманным мухам на хвост! Добрый Маслов не сообразил, что если земства в России и муниципалитеты на Западе тратят по сравнению с государством больше на медицину и т. д., то только потому, что буржуазное государство уже произвело *свои* важнейшие расходы (на обеспечение господства буржуазии, как класса), из источников, приносящих наибольший доход, и *оставило* местным учреждениям на т. н. «потребности населения» — *второстепенные* источники. Сотни тысяч — на войско, гроши — на нужды *пролетариата*, — вот истинное соотношение расходов буржуазного государства, и надо быть Масловым, чтобы подумать, что достаточно *передать* ренту «в распоряжение» муниципалитетов, и буржуазное государство будет обмануто утонченными «политиками» меньшевиками! Благодаря этой «утонченной политике» буржуазное государство начнет давать сотни тысяч пролетариям, а гроши на армию и флот?

В действительности меньшевики проводят мещанскую политику: уклониться в провинциальном захолустьи местного самоуправления от разрешения поставленного историей жгучего вопроса, должна ли у нас существовать централизованная буржуазная республика фермеров, или централизованная буржуазная монархия юнкеров. Не уклонитесь, господа! Никакой провинциализм, никакие заигрывания с муниципальным социализмом не избавят вас от *неизбежного* участия в разрешении этого *жгучего* вопроса. Ваши извороты в действительности означают только одно: тайную поддержку кадетской тенденции при непонимании значения республиканской тенденции.

О том, что меньшевики, отстаивая муниципализацию, кокетничают с фабианским «муниципальным социализмом» в Европе, ясно свидетельствуют протоколы Стокгольмского съезда. «Некоторые товарищи, — говорит там Костров, — как будто в первый раз слышат о муниципальной собственности. Напомню им, что в Западной Европе есть целое направление (именно!! Костров, не желая, сказал правду!), «муниципальный социализм» (Англия)». (Протоколы, стр. 88.) О том, что это «*направление*» есть направление *крайнего оппортунизма*, ни Костров, ни Ларин*) не подумали. Социалистам-революционерам пристойно припутывать мещанское реформаторство к задачам буржуазной революции, но социал-демократам делать это, господа, не годится! Буржуазная

*) «Крестьянский вопрос в социал-демократии». Особенно туманный комментарий к меньшевистской программе. См. стр. 66. На стр. 103 этот несчастный защитник муниципализации указывает, как *наилучший* исход, *национализацию*!

интеллигенция на Западе (фабианцы в Англии, бернштейнианцы в Германии, бруссисты во Франции) понятно переносит центр тяжести с вопросов государственного *устройства* на вопросы местного *самоуправления*. Перед нами стоит именно вопрос о государственном *устройстве*, его аграрной основе, и отстаивать здесь «муниципальный социализм» значит *играть* в аграрный социализм. Пусть мещане спешат «вить себе гнездышко» в спокойных муниципалитетах будущей демократической России. Задачей пролетариата является организация масс не для этой цели, а для революционной борьбы за *полную* демократизацию сегодня, за социалистический переворот завтра.

Нас, большевиков, часто упрекают в утопизме, фантастичности наших революционных взглядов. И особенно часто приходится слышать эти упреки именно по поводу национализации. Но именно здесь они менее всего обоснованы. Тот, кто считает национализацию «утопией», не размышляет о необходимом соответствии между размахом политических и аграрных перемен. Национализация не менее «утопична» — с точки зрения заурядного мещанина! — чем республика. И та и другая не менее утопичны, чем «*крестьянская*» аграрная революция», т. е. победа крестьянского восстания в капиталистической стране. Все эти перемены одинаково «трудны» в смысле банального спокойного развития. И крик об утопичности именно и только национализации свидетельствует прежде всего *о непонимании* необходимой и неразрывной связи между экономическим и политическим переворотом. Нельзя конфисковать помещичьих земель (программное требование, признаваемое как большевиками, так и меньшевиками), не уничтожив помещичьего (а вместе с тем и октябристского, не чисто помещичьего) самодержавия. И нельзя уничтожить самодержавия без революционного действия сознательных миллионных масс, без великого прилива массового геройства, готовности и умения с их стороны «штурмовать небо», как выразился К. Маркс о парижских рабочих в период Коммуны [152]). В свою очередь, этот революционный прилив немыслим без радикального уничтожения *всех* остатков крепостничества, которые в течение веков притесняли крестьян, в том числе *всей* средневековой собственности на землю, всех оков фискальной «общины», проклятой памяти правительственного «пожалования» крох и т. д. и т. д. и т. д.

По недостатку места (ведь я и так уже превысил размеры статьи, указанные мне редакцией «Пшеглонда») я опускаю содержание *пятой* главы моей книги («Классы и партии по прениям во II Думе об аграрном вопросе»).

Речи *крестьян* в Думе имеют огромное политическое значение, так как в них выражается то страстное желание избавиться от помещичьего гнета, та пламенная ненависть к средне-

вековью, бюрократии, та стихийная, непосредственная, часто наивная и не вполне отчетливая, но в то же время бурная революционность *простых* крестьян, которая лучше, чем длинные рассуждения, доказывает, какая потенциальная разрушительная энергия накопилась в крестьянских массах против дворянства, помещиков и Романовых. Задачей сознательного пролетариата является беспощадное выяснение, разоблачение и устранение всех столь многочисленных мещанских обманов, якобы социалистических фраз, детски-наивных ожиданий, которые крестьяне соединяют с аграрным переворотом, но устранение их не для того, чтобы успокоить и усмирить крестьянина (как делали в обеих Думах изменники народной свободе, господа кадеты), а чтобы пробудить среди масс стальную, непоколебимую и решительную революционность. Без этой *революционности,* без упорной и беспощадной борьбы *крестьянских* масс безнадежно «утопичны» и конфискация, и республика, и всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право. Поэтому марксисты должны поставить вопрос ясно и определенно: два направления экономического развития России, два пути капитализма обрисовались с полной отчетливостью. Пускай все хорошенько об этом подумают. В продолжение первой революционной кампании, в течение трех лет 1905—1907 оба эти направления выяснились нам не как теоретические обобщения, не как выводы из таких-то и таких-то *черт* эволюции, наблюдавшейся с 1861 г. Нет, эти направления выяснились теперь для нас именно как направления, *намеченные* враждебными классами. Помещики и капиталисты (октябристы) вполне выяснили себе, что нет иного направления, кроме капиталистического, и что *для них* невозможно пойти этим путем без принудительного, ускоренного разрушения «общины», и притом именно такого разрушения, которое тождественно с... открытым ростовщическим разбоем, с «потоком и разграблением» со стороны полиции или «карательными» отрядами. Это такая «операция», на которой чрезвычайно легко сломать себе шею! А массы крестьянства в продолжение этих самых трех лет не менее отчетливо выяснили себе безнадежность всяких упований на «царя-батюшку», всяких расчетов на мирный путь и необходимость революционной борьбы для уничтожения всего средневековья вообще и всей средневековой собственности на землю в частности.

Вся пропаганда и агитация социал-демократии должна основываться на внедрении этих результатов в сознание масс, на подготовке масс к тому, чтобы они воспользовались этим опытом для как можно лучше организованного, решительного и непоколебимого нападения во *второй* кампании революции.

Поэтому-то глубоко реакционны речи Плеханова в Стокгольме на тему о том, что захват власти пролетариатом и крестьянством

означает возрождение «народовольчества». Сам Плеханов довел себя до абсурда: у него получается «крестьянская аграрная революция» без захвата власти пролетариатом, без захвата власти крестьянством! Напротив, Каутский, в начале разрыва между большевиками и меньшевиками, явно склонявшийся на сторону последних, идейно перешел на сторону первых, признав, что лишь при «союзе пролетариата и крестьянства» возможна победа революции[153]).

Без полного уничтожения всей средневековой собственности на землю, без полной «чистки», т.-е. без национализации земли, такая революция немыслима. Дело партии пролетариата распространить этот лозунг последовательнейшего и радикальнейшего буржуазного аграрного переворота. А когда мы выполним *это*, мы посмотрим, каковы будут дальнейшие перспективы; мы посмотрим, окажется ли такой переворот *лишь* основой для американски быстрого развития производительных сил при капитализме, *или же* он станет прологом социалистической революции на Западе.

18 июня 1908 года.

P. S. Здесь я не повторяю своего проекта аграрной программы, который был предложен Стокгольмскому съезду Р.С.-Д.Р.П. и неоднократно печатался в социал-демократической литературе. Ограничусь лишь несколькими соображениями. При наличности двух направлений капиталистической аграрной эволюции, в программе непременно должно содержаться «если» (техническое выражение на Стокгольмском съезде), т.-е. программа должна принимать в расчет обе возможности. Иначе говоря: пока дела идут так, как до сих пор, мы требуем свободы пользования землей, судов для снижения арендной платы, уничтожения сословности и т. д. Но *в то же время мы боремся с современным* направлением, поддерживаем революционные требования крестьян в интересах быстроты развития производительных сил, широкого размаха и свободы классовой борьбы. Поддерживая революционную борьбу крестьян против средневековья, социал-демократическая рабочая партия разъясняет, что наилучшей формой аграрных отношений в капиталистическом обществе (и вместе с тем наилучшей формой ликвидации крепостничества) является национализация земель, что только в связи с радикальным политическим переворотом, с уничтожением самодержавия и установлением демократической республики возможен радикальный аграрный переворот, конфискация земельной собственности помещиков и национализация земель.

Таково *содержание* моего проекта аграрной программы. Та часть его, которая посвящена характеристике буржуазных черт *всего* нынешнего аграрного преобразования и выяснению чисто пролетарской точки зрения социал-демократии, была *принята* в Стокгольме и *вошла* в теперешнюю программу.

Напечатано в 1908 г. в польском журнале «Przegląd Socjal-Demokratyczny» № 6.
Подпись: Н. Ленин.

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ СОВРЕМЕННОГО РАСПАДА.

Нам неоднократно приходилось отмечать идейный и организационный распад *справа*, в лагере буржуазных демократов и социалистических оппортунистов, распад, неизбежный — в период разгула контр-революции — среди партий и течений с преобладанием мелкобуржуазной интеллигенции. Но картина распада была бы неполна, если бы мы не остановились и на распаде «*слева*», в лагере мелкобуржуазных «социалистов-революционеров».

Конечно, выражение «слева» можно употребить здесь только в очень и очень условном смысле, для характеристики тех, кто склонен *играть* в левизну. Мы уже не раз указывали в «Пролетарии», что именно период русской революции в ее наибольшем подъеме обнаружил особенно наглядно в открытой, массовой, политике всю неустойчивость, непрочность, всю беспринципность эс-эровского «революционализма». Достаточно напомнить только крупнейшие события. Осенний подъем 1905-го года: эс-эры в тайном блоке с эн-эсами, которые тянут к легальной «народно-социалистической партии». Съезд партии с.-р. в декабре 1905 г. отвергает «план» образования подобного двойника эс-эрской партии, но в весенний и летний подъем 1906 года мы видим *опять* эс-эров в ежедневных газетах, т.-е. на главной трибуне всенародной агитации, идущими в блоке с эн-эсами. Эти последние открыто отказываются от революции осенью 1906 г., после поражения Свеаборга и Кронштадта, открыто выступают, как оппортунисты, и, тем не менее, выборы во II Думу в Петербурге (весна 1907 года) опять возрождают «народнический блок» эс-эров, эн-эсов и трудовиков. Одним словом, революция вполне и окончательно вскрыла отсутствие сколько-нибудь определенной классовой опоры у партии с.-р., свела ее на деле к роли придатка, крыла мелкобуржуазной крестьянской демократии, *заставила* ее колебаться постоянно между словесным революционным порывом и эн-эсовско-трудовической дипломатией. Выделение максима-

листов[154]), которые все время в течение революции выделялись и не могли выделиться из эс-эров окончательно, только подтверждало классовую неустойчивость народнической революционности. Эс-эровскому центру, «чистым» эс-эрам — писали мы еще в № 4 «Пролетария», в статье «Эс-эровские меньшевики», — ничего не остается, как защищаться заимствуемыми у марксистов доводами от обоих «новых» направлений в эс-эрстве*). Если социал-демократы вышли из революции, окончательно сплотив с собой один определенный класс, именно пролетариат, и отчеканив два течения, свойственные всей международной социал-демократии, оппортунистическое и революционное, то социалисты-революционеры вышли из революции без всякой прямой базы, без всякой определенной межи, способной отделить их, с одной стороны, от трудовиков и эн-эсов, связанных с массой мелких хозяйчиков, с другой стороны, от максималистов, как интеллигентской террористической группы.

И теперь, после исчезновения — может быть, временного — максимализма, мы видим возобновление родственного ему течения в новом костюме. Газетка «Революционная Мысль»[155]) (№ 1 — апрель 1908, № 2 — июнь), орган «группы социалистов-революционеров», отгораживает себя от «официального органа партии с.-р.», т.-е. от центрального органа, «Знамени Труда», и провозглашает «*пересмотр* нашего (т.-е. эс-эрского) теоретического миросозерцания, наших эс-эрских методов борьбы и организации». Конечно, весь этот «пересмотр», вся эта «критическая творческая работа», обещанная новой газетой, есть чистейшая фраза. На деле ни о каком пересмотре теории нет и не может быть речи, ибо нет у новой газеты никакого теоретического миросозерцания, а есть только перепев на тысячу ладов призывов к террору, да неуклюжее, неумелое, наивное приспособление к этому якобы новому, а на деле старому и очень старому приему взглядов на революцию, на массовое движение, на значение партий вообще и т. д. Поразительное убожество такого «теоретического» багажа бьет в глаза при сопоставлении с велеречивыми обещаниями пересмотра, критики и творчества. Полная спутанность теоретических взглядов и у «нового», и у «старого» направления в эс-эрстве выступает тем более ярко, что «Революционная Мысль» сама подчеркивает «эволюцию, происходящую во взглядах руководителей официального органа партии с.-р.», — эволюцию, состоящую в усиленнейшем подчеркивании «систематического центрального политического террора» для «ускорения событий». Это — цитата из № 8 «Знамени Труда»[156]). А в № 10 — 11 (февраль — март 1908 г.) мы встречаем совершенно такие же речи о «напряжении усилий всей партии» на

*) См. X том Сочинений, стр. 69. *Ред.*

«центральном политическом терроре»[157]), о необходимости найти на это «крупные денежные средства», при чем тут же рядом делается «тонкий намек» на возможный источник этих средств: «все партии,— пишет «Знамя Труда», стр. 7—8,— вплоть до кадетов и мирнообновленцев, воспользуются ближайшими плодами этой деятельности. И потому партия вправе рассчитывать на самую широкую общественную помощь в этой своей борьбе».

Читатель видит, что нового в речах новой газеты нет ничего. Она характерна только с той стороны, что дает поучительный материал для оценки *распада*, прикрытого «левыми» и якобы-революционными фразами. Меньшевики в «Голосе Социал-Демократа» (№ 1) оправдывают сборы денежных средств с либералов известной политической солидарностью целей[158]). Эс-эры в «Знамени Труда» говорят кадетам и мирнообновленцам: вы же воспользуетесь плодами. Крайности сходятся. Мелкобуржуазный оппортунизм и мелкобуржуазная революционность одинаково «поглядывают» — хотя с разных сторон — на кадетов и мирнообновленцев.

И не только в этом сходятся указанные крайности. Разочарованность вынесена из революции и меньшевиками, и «революционными народниками». Махнуть рукой на партийность, на старые партийные традиции, на революционную массовую борьбу готовы те и другие. «Ошибка, общая почти всем революционным партиям,— пишет «Революционное Недомыслие»,— ошибка, сыгравшая пагубную роль в переживаемом ныне кризисе, заключается в преувеличенной вере в возможность и необходимость массового народного восстания»... «Жизнь не оправдала ожидания партии». Напрасно, видите ли, строили социалисты-революционеры «социалистическую программу по марксистскому шаблону», строили «представление о революции в отождествлении ее с массовым движением и массовым восстанием, вызываемым экономическими потребностями, правда, делая поправку на инициативное меньшинство». Надо, вместо поправок, развить «теорию и практику активного действия инициативного меньшинства» (№ 1, с. 6—7). Надо превозносить значение «непосредственного чувства, которое охватывает революционера, и идеалов, которые его одухотворяют» (№ 2, с. 1), а теоретические вопросы, философия, научный социализм — это все пустяки, по мнению «новых» социально-революционных обскурантов. «Есть ли надежда на вооруженное восстание в более или менее ближайшем (так и сказано: «в более или менее ближайшем») будущем? — спрашивает «Революционное Недомыслие» и отвечает: «В этом все согласны: нет такой надежды» (№ 2, с. 2). Вывод: в России «политический переворот не может быть произведен иначе, как революционным меньшинством» (с. 7). «Причины неудачи революционных партий за последние три года не были случай-

ными и зависели, на наш взгляд, не только от объективных условий и не только от тактических ошибок, а лежали также в самой концепции их организации» (с. 10): революционеры ставили себе, видите ли, «невыполнимые задачи» действительно руководить массами; социал-демократы *смущали* эс-эров и побуждали их, в ущерб настоящему делу—террористической борьбе,—думать об «организации крестьянства и подготовке его к всеобщему вооруженному восстанию» (с. 11). Крайняя централизация партий — «генеральство» — «дух авторитарности» (с. 12) — вот зло. «В большой сильной партии революционеры видели единственное средство и залог достижения поставленной цели, не замечая ни практической невозможности, при наших русских условиях, — создать такую партию, ни всех ее темных сторон» (с. 12).

Кажется, довольно! Какой хаос мысли царит в «Революционной Мысли», какой обскурантизм она проповедует, на каком пошлом обывательском отчаянии, малодушии и разочарованности после первых трудностей дела строится якобы-революционная программа, — об этом не стоит тратить слов. Приведенные цитаты говорят сами за себя.

Но пусть не думает читатель, что подобные рассуждения— просто вздор, случайно выболтанный неведомой и незначительной группкой. Нет, такой взгляд был бы ошибочен. Тут есть своя логика, логика разочарованности в партии и в народной революции, разочарованности в способности *масс* к непосредственной революционной борьбе. Это — логика интеллигентской взвинченности, истеричности, неспособности к выдержанной, упорной работе, неуменья применить основные принципы теории и тактики к изменившимся обстоятельствам, неуменья вести пропагандистскую, агитационную и организационную работу при условиях, резко отличных от тех, которые мы пережили недавно. Вместо того, чтобы направить все усилия на борьбу с обывательским развалом, проникающим не только в высшие, но и низшие классы, вместо того, чтобы крепче сплачивать разрозненные партийные силы на отстаивании испытанных революционных принципов, вместо этого неуравновешенные люди, оторванные от классовой опоры в массах, выкидывают за борт все, чему они учились, и провозглашают «пересмотр», т.-е. возврат к старенькому хламу, к революционному кустарничеству, к раздробленной деятельности групп. Никакой героизм этих группок и отдельных лиц в террористической борьбе не изменит того, что деятельность их, как людей *партии*, есть проявление *распада*. И чрезвычайно важно усвоить себе ту истину, — подтверждаемую опытом всех стран, переживших поражения революции, — что одна и та же психология, одна и та же классовая особенность, напр., мелкой буржуазии, проявляется и в унынии оппортуниста, и в отчаянии террориста.

«Все согласны, что нет надежды на вооруженное восстание в более или менее ближайшем будущем». Подумайте над этой хлесткой и шаблонной фразой. Люди, очевидно, никогда не задумывались над объективными условиями, порождающими сначала широкий политический кризис, а потом, при обострении этого кризиса, гражданскую войну. Люди *заучили* наизусть «*лозунг*» вооруженного восстания, не *поняв* значения и условий применимости этого лозунга. Поэтому так легко и бросают они непродуманные, на веру взятые, лозунги после первых же поражений революции. А если бы эти люди ценили марксизм, как единственную революционную теорию XX века, если бы они поучились истории русского революционного движения, то они увидели бы различие между фразой и развитием действительно революционных лозунгов. Социал-демократы не ставили «лозунга» восстания ни в 1901 г., когда демонстрации заставили Кричевского и Мартынова закричать о «штурме», ни в 1902, ни в 1903 г.г., когда покойный Надеждин обозвал план старой «Искры» «литературщиной». Лозунг восстания поставили только после 9-го января 1905 г., когда ни единому человеку нельзя уже было сомневаться в том, что общенациональный политический кризис *разразился*, что он обостряется в непосредственном движении масс не по дням, а по часам. И в несколько месяцев этот кризис *довел* до восстания.

Какой урок вытекает из этого? Тот, что мы должны теперь внимательно следить за подготовляющимся новым политическим кризисом, учить массы урокам 1905 г., неизбежности перехода всякого острого кризиса в восстание и укреплять организацию, которая бросит этот лозунг в момент наступления кризиса. Ставить же вопрос так: «есть ли надежда в ближайшем будущем?» — бесплодно. Положение дел в России таково, что ни один сколько-нибудь вдумчивый социалист не отважится на предсказания. Все, что мы *знаем* и что можем сказать, сводится к тому, что без пересоздания аграрных отношений, без полной ломки старого земельного строя Россия жить не может, а жить она будет. Борьба идет из-за того, удастся ли Столыпину по-помещичьи совершить эту ломку, или крестьяне под руководством рабочих *сами* произведут ее так, как им это выгодно. Дело социал-демократов — внедрить в массы ясное понимание этой *экономической* основы нарастающего кризиса и воспитывать серьезную партийную организацию, которая бы помогла народу усвоить богатые уроки революции и способна была *руководить* им в борьбе, когда созреют зреющие силы для новой революционной «кампании».

Но этот ответ, конечно, покажется «неопределенным» для людей, которые смотрят на «лозунги» не как на практический вывод из классового анализа и учета определенного историче-

ского момента, а как на талисман, раз-на-всегда данный партии или направлению. Таким людям непонятно, что неуменье сообразовать свою тактику с различиями определившихся вполне и неопределенных моментов есть результат политической невоспитанности и узости кругозора. Укреплять организацию! Наши герои революционного «визга» презрительно морщат нос по поводу такой скромной, невидной задачи, не обещающей «сейчас», немедленно, завтра же, никакого шума и треска. «Жизнь не оправдала ожидания партии». И это говорится после 3-х лет революции, давшей невиданное в мире *подтверждение* роли и значения сильных партий! Именно русская революция в первом же своем периоде показала, что *можно* даже при Плевенских порядках создать *партию*, действительно способную руководить *классами*. Весной 1905 г. наша партия была союзом подпольных кружков; осенью она стала партией *миллионов* пролетариата. «Сразу» это стало так, господа, или десятилетие медленной, упорной, невидной и нешумной работы *подготовили* и обеспечили такой результат? И если в такой момент, как переживаемый нами, гг. официальные и неофициальные эс-эры ставят на *первый* план цареубийство, а не создание в крестьянской массе *партийной* организации, способной выковать нечто более прочное, идейное, твердое и выдержанное из киселеобразной революционности трудовичества, как течения, — то мы скажем, что народнический социализм в России умирает, что он уже умер давно, что его вожди чувствуют смутно свой «крах», как народников, за первую же кампанию народной революции.

Мы не ждали от крестьян способности к руководящей или даже самостоятельной роли в революции, и мы не падем духом от неудачи первой кампании, показавшей громадную распространенность революционно-демократических, хотя крайне смутных и хлюпких идей в крестьянстве. И мы сумеем работать опять так же выдержанно и упорно, как работали до революции, чтобы не порвалась партийная традиция, чтобы укрепилась партия и могла руководить во *вторую* кампанию не 2 — 3 миллионами непролетариев, а впятеро, вдесятеро большим числом. Вы не верите в эту задачу? вам скучна она? Скатертью дорога, почтеннейшие: вы не революционеры, вы просто крикуны!

И так же по-кликушески ставит ваш официальный орган вопрос об участии в III Думе *). В номере 10 — 11 «Знамени Труда» один кликуша издевается над *ошибками* наших с.-д. депутатов III Думы и восклицает по поводу их заявлений: «Кто

*) Подробный разбор эс-эровского бойкотизма см. в № 18 «Пролетария» — ст. о «Парламентском кретинизме наизнанку». Уже осенью 1907 г. эс-эры, взывая как будто к действительно революционной бойкотистской традиции, на деле опошляли эту традицию, сводили ее на-нет, подменяя революционный *бойкот-нападение* жалким и бессильным «отказом участво-

знаёт об этих заявлениях, об этих голосованиях и воздержаниях?» (стр. 11).

Мы скажем на это: да, наши с.-д. депутаты в III Думе делали много ошибок. И именно этот пример, который угодно было взять эс-эрам, показывает различие в отношении к делу *рабочей партии* и *интеллигентской группы*. Рабочая партия понимает, что в период политического затишья и распада неизбежно проявление этого распада и на думской фракции, которая у нас в III Думе еще меньше, чем во Второй, могла сосредоточить наиболее крупные партийные силы. Поэтому рабочая партия критикует и исправляет ошибки своих депутатов; каждая организация, обсудив каждую речь и придя к выводу, что такое-то и такое заявление или выступление есть ошибка, дает материал для политического выступления масс. Не беспокойтесь, гг. эс-эры: в момент обострения политического кризиса наша фракция и уже во всяком случае члены нашей думской фракции *сумеют выполнить свой долг*. А наша критика их ошибок делается гласно, открыто перед массами. Из этой критики учатся депутаты, учатся классы, учится партия, которая видывала трудные времена и знает, что не кликушеством, а только упорной и стойкой работой *всех* организаций можно выйти с честью из тяжелого положения. «Пролетарий», как заграничная газета, сознавал свою обязанность осторожно давать советы издалека, но и он предлагал открыто меры к улучшению работы фракции. Наша открытая партийная критика в дополнении к работе фракции достигает того, что массы знают и думские заявления, и *характер* партийных поправок к ним. А не уметь ценить думского слова в такие моменты, когда партийные организации и партийная печать переживают большой распад, значит проявлять безмерное интеллигентское легкомыслие.

Гг. эс-эры не понимают значения открытых социалистических выступлений при прямой критике и исправлении их в партийных органах их. Гг. эс-эры предпочитают замалчивать ошибки *своих* деятелей: об этом напомнил еще раз номер 10—11 «Знамени Труда», обругав нас за «пошлые» заявления о кадетолюбии Гершуни. Мы давно уже сказали свое мнение по этому вопросу *) и не стали бы повторять его непременно теперь, вскоре после смерти истерзанного царскими палачами человека, кото-

---

вать»... Уже тогда они заверяли доверчивую публику, что «повернуться спиной» к реакционной Думе значит-де нанести «крупное моральное» поражение правительству и сделать «первый серьезный шаг к перемене общей политической картины».

И тогда же был уже вскрыт нами истинный характер этой «революционной реторики... господ, не стесняющихся ради наивной партийной рекламы вносить путаницу в головы масс».

*) См. настоящий том, стр. 116—121. *Ред.*

рый своей преданностью революционной организации заслужил себе глубокое уважение. Но если гг. эс-эрам угодно было поднять вопрос, — мы дадим ответ. Кроме брани, вы не можете ничем ответить нам, господа, не можете сказать прямо и открыто, кто из вас одобряет и не одобряет позиции Гершуни на февральском (1907 г.) съезде партии с.-р. Вы не можете ответить по существу и вскрыть ошибки своих вождей, число их сторонников и т. д., потому что вы не имеете *партии*, не цените воспитания масс на открытой критике лиц, заявлений, направлений и оттенков.

Рабочий класс сумеет воспитать и закалить свои организации, открыто критикуя своих представителей. Не сразу, не без трений, не без борьбы и не без труда, но *мы решим* поставленную перед нами трудным поворотом событий трудную задачу: соединить открытые думские выступления с партийной нелегальной деятельностью. В решении этой задачи скажется зрелость партии, пережившей первую кампанию революции, — в решении этой задачи будет дана одна из гарантий того, что во вторую кампанию пролетариат сумеет под руководством социал-демократии более умело и более сплоченно бороться и более решительно побеждать.

«Пролетарий» № 32, 15 (2) июля 1908 г.

ГОРЮЧИЙ МАТЕРИАЛ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ.

Революционное движение в разных государствах Европы и Азии дало знать о себе за самое последнее время так внушительно, что перед нами обрисовывается довольно ясно новый и несравненно более высокий, чем прежде, этап международной борьбы пролетариата.

В Персии произошла контр-революция, своеобразно соединившая российский разгон Первой Думы с российским восстанием конца 1905 г. Войска русского царя, позорно разбитые японцами, берут реванш, усердствуя на службе контр-революции. За подвигами расстрелов, карательных экспедиций, избиений и грабежей в России, следуют подвиги тех же казаков по подавлению революции в Персии. Что Николай Романов во главе черносотенных помещиков и запуганных стачками и гражданской войной капиталистов неистовствует против персидских революционеров, это понятно, и роль международных палачей не первый раз выпадает на долю христолюбивых российских воинов. Что Англия, фарисейски умывая руки, держит явный дружественный нейтралитет по отношению к персидским реакционерам и сторонникам абсолютизма,—это явление несколько иного рода. Либеральные английские буржуа, раздраженные ростом рабочего движения у себя дома, испуганные подъемом революционной борьбы в Индии, все чаще, все откровеннее, все резче показывают, какими *зверями* становятся самые «цивилизованные», прошедшие самую высшую школу конституционализма, европейские политические «деятели», когда дело доходит до пробуждения борьбы масс против капитала, против капиталистической колониальной системы, т.-е. системы порабощения, грабежа и насилия. Трудно положение персидских революционеров в стране, которую почти собрались уже делить между собой хозяева Индии, с одной стороны, и контр-революционное русское правительство — с другой. Но упорная борьба в Тавризе, неоднократный переход военного счастья в руки революционеров, совсем уже —

казалось — разбитых на-голову, показывает, что башибузуки шаха, даже при помощи русских Ляховых и английских дипломатов, встречают самое сильное сопротивление снизу. Такое революционное движение, которое умеет дать военный отпор попыткам реставрации, которое заставляет героев таких попыток обращаться за помощью к иноплеменникам, — не может быть уничтожено, и самый полный триумф персидской реакции оказался бы при таких условиях лишь преддверием новых народных возмущений.

В Турции одержало победу революционное движение в войсках, руководимое младотурками. Правда, эта победа — полупобеда или даже меньшая часть победы, ибо турецкий Николай Второй отделался пока обещанием восстановить знаменитую турецкую конституцию. Но такие полупобеды в революциях, такие вынужденные скоропалительные уступки старой власти являются вернейшим залогом новых, гораздо более решительных, более острых, вовлекающих более широкие массы народа, перипетий гражданской войны. А школа гражданской войны не проходит для народов даром. Это — тяжелая школа, и полный курс ее *неизбежно* содержит в себе победы контр-революции, разгул озлобленных реакционеров, дикие расправы старой власти над мятежниками и т. д. Но только отъявленные педанты и выжившие из ума мумии могут плакаться по поводу поступления народов в эту мучительную школу; эта школа учит угнетенные классы ведению гражданской войны, учит победоносной революции, концентрирует в массах современных рабов ту ненависть, которую вечно таят про себя рабы, забитые, тупые, невежественные, и которая ведет к величайшим историческим подвигам рабов, сознавших позор своего рабства.

В Индии туземные рабы «цивилизованных» английских капиталистов как раз в последнее время причиняют неприятное беспокойство своим «господам». Нет конца тем насилиям и тому грабежу, который называется системой английского управления Индией. Нет нигде на свете — за исключением, конечно, России — такой нищеты масс, хронической голодовки населения. Самые либеральные и радикальные деятели свободной Британии, вроде Джона Морли (Morley) — авторитета для русских и нерусских кадетов, звезды «прогрессивной» (на деле-лакействующей перед капиталом) публицистики — превращаются в качестве правителей Индии в настоящих Чингисханов, которые способны санкционировать все меры «успокоения» вверенного населения, вплоть до *сечения* политических протестантов! Маленькая еженедельная газетка английских социал-демократов «Justice» («Справедливость») *запрещена* в Индии этими либеральными и «радикальными» негодяями вроде Морли. А когда член английского парламента, вождь «независимой рабочей партии» (Independent Labour Party)

Кейр-Гарди посмел дерзостным образом приехать в Индию и говорить туземцам об элементарнейших требованиях демократии, то вся английская буржуазная печать подняла вой против «мятежника». И теперь, влиятельнейшие английские газеты со скрежетом зубовным говорят об «агитаторах», нарушающих покой Индии, и приветствуют чисто-русские, Плевенские, приговоры судей и меры административной расправы против индийских демократов-публицистов. Но за *своих* писателей и политических вождей начинает заступаться в Индии улица. Подлый приговор английских шакалов, вынесенный индийскому демократу Тайлаку (Tilak), — он осужден на долголетнюю ссылку, при чем запрос, сделанный на-днях английской палате общин, выяснил, что присяжные-индийцы высказались за оправдание, обвинение же вынесено *голосами присяжных англичан!* — эта месть демократу со стороны лакеев денежного мешка вызвала уличные демонстрации и стачку в Бомбее. Пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы,— а раз это стало так, песенка английско-русских порядков в Индии спета! Своим колониальным грабежом азиатских стран европейцы сумели закалить одну из них, Японию, для великих военных побед, обеспечивших ей самостоятельное национальное развитие. Нет никакого сомнения, что вековой грабеж Индии англичанами, что современная борьба этих «передовых» европейцев против демократии персидской и индийской *закалит* миллионы и десятки миллионов пролетариев в Азии, закалит для такой же победоносной (как у японцев) борьбы против угнетателей. У европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам.

В Китае революционное движение против средневековья тоже дало себя с особенной силой знать в последние месяцы. Правда, ничего определенного нельзя еще сказать относительно данного именно движения, — так мало о нем сведений и так обильны вести о мятежах в различных местностях Китая, — но сильный рост «нового духа» и «европейских веяний» в Китае, особенно после русско-японской войны, не подлежит сомнению, а следовательно, неизбежен и переход старых китайских бунтов в сознательное демократическое движение. Что на этот раз некоторые участники колониального грабежа почувствовали себя обеспокоенными, это видно из поведения французов в Индо-Китае: они *помогали* китайской «исторической власти» расправляться с революционерами! Они боялись равным образом за целость «своих», по соседству находящихся, азиатских владений.

Но французской буржуазии не одни только азиатские владения причиняют беспокойство. Баррикады в Вильнев-Сан-Жорж, под Парижем, расстрел стачечников, построивших эти баррикады (четверг, 30 (17 июля)), — эти события еще и еще раз показали

обострение классовой борьбы в Европе. Клемансо, радикал, правящий Францией от имени капиталистов, с необыкновенным усердием работает над разрушением последних остатков республикански-буржуазных иллюзий в пролетариате. Расстрел рабочих войсками, действующими по приказу «радикального» правительства,— при Клемансо стал едва ли не более частым явлением, чем прежде. Клемансо получил уже за это от французских социалистов прозвище «Красного», и теперь, когда снова пролита рабочая кровь его агентами, жандармами и генералами, социалисты вспоминают крылатое слово, сказанное однажды этим наиболее прогрессивным буржуазным республиканцем рабочим делегатам: «мы с вами на разных сторонах баррикады» [159]). Да, французский пролетариат и самые крайние буржуазные республиканцы окончательно размещаются теперь по разным сторонам баррикады. Рабочий класс Франции много крови пролил, завоевывая и защищая республику, и в настоящее время, на почве вполне упрочившихся республиканских порядков, решительная борьба собственников и трудящихся надвигается все быстрее. «Это было не простое избиение,— пишет «l'Humanité» *) [160]) про день 30 июля,— это был кусочек сражения». Генералы и полицейские во что бы то ни стало хотели провоцировать рабочих и превратить мирную, невооруженную демонстрацию в побоище. Но, окружив со всех сторон стачечников и манифестантов, нападая на безоружных, войска встретили отпор, вызвали немедленную постройку баррикад и довели дело до событий, волнующих всю Францию. Эти баррикады из дощечек были до смешного плохи, пишет та же газета. Но важно не это. Важно то, что третья республика вывела из обычая баррикады. Теперь «Клемансо снова вводит их в обычай»,— и он рассуждает при этом с той же откровенностью, с какой говорили о гражданской войне «палачи июня 1848 года, Галлифе в 1871 году».

И не одна социалистическая печать по поводу событий 30-го июля вспоминает эти великие исторические даты. Буржуазные газеты с бешеной злобой накидываются на рабочих, обвиняя их в том, что они вели себя так, как будто бы собирались начать социалистическую революцию. Одна из этих газет рассказывает при этом один мелкий, но характерный эпизод, рисующий настроение обеих сторон на месте происшествия. Когда рабочие несли одного своего раненого товарища мимо генерала Вирвэра, командовавшего атакой на стачечников, из толпы манифестантов раздались крики: «Saluez!» («отдайте честь»). И генерал буржуазной республики отдал честь раненому неприятелю.

Обострение борьбы пролетариата с буржуазией наблюдается во всех передовых капиталистических странах, при чем различие

*) — «Человечество». *Ред.*

исторических условий, политических порядков и форм рабочего движения обусловливает различное проявление одной и той же тенденции. В Америке и Англии, при полной политической свободе, при отсутствии всякой или, по крайней мере, сколько-нибудь живой революционной и социалистической традиции в пролетариате, это обострение сказывается в усилении движения против трестов, в чрезвычайном росте социализма и внимания к нему имущих классов, в переходе рабочих, иногда чисто-экономических, организаций к планомерной и самостоятельно-пролетарской политической борьбе. В Австрии и Германии, отчасти также в скандинавских странах, обострение классовой борьбы сказывается на избирательной борьбе, на отношении партий, на сближении всех и всяческих буржуа разных цветов между собою против общего врага — пролетариата, на усилении судебных и полицейских репрессий. Два враждебные лагеря медленно, но неуклонно увеличивают свои силы, укрепляют свои организации, расходятся все резче друг с другом во всей общественной жизни, как бы готовясь, молча и сосредоточенно, к грядущим революционным битвам. В романских странах, — Италия, особенно Франция, — обострение классовой борьбы проявляется в особенно бурных, резких, частью прямо революционных взрывах, когда затаенная ненависть пролетариата к его угнетателям вырывается с внезапной силой, и «мирная» обстановка парламентской борьбы сменяется сценами настоящей гражданской войны.

Международное революционное движение пролетариата не идет и не может идти равномерно и в одинаковых формах в разных странах. Полное и всестороннее использование всех возможностей на всех поприщах деятельности складывается лишь в итоге классовой борьбы рабочих различных стран. Каждая страна вносит свои ценные, оригинальные черты в общий поток, но в каждой отдельной стране движение страдает той или иной односторонностью, теми или иными теоретическими или практическими недостатками отдельных социалистических партий. В общем и целом мы видим ясно громадный шаг вперед международного социализма, сплочение миллионных армий пролетариата в целом ряде конкретных столкновений с врагом, приближение решительной борьбы с буржуазией — борьбы, во много раз более *подготовленной* со стороны рабочего класса, чем во времена Коммуны, этого последнего великого восстания пролетариев.

И этот шаг вперед всего международного социализма, наряду с обострением революционно-демократической борьбы в Азии, ставит русскую революцию в особенные и особенно трудные условия. У русской революции есть великий международный союзник и в Европе, и в Азии, но вместе с тем и *именно вследствие этого* у нее есть не только национальный, не только рос-

сийский, но и *международный* враг. Реакция против усиливающейся борьбы пролетариата неизбежна во всех капиталистических странах, и эта реакция сплачивает буржуазные правительства всего мира против всякого народного движения, против всякой революции и в Азии, и особенно в Европе. Оппортунисты в нашей партии, подобно большинству российской либеральной интеллигенции, до сих пор мечтают о такой буржуазной революции в России, которая бы «не отталкивала» буржуазию, не запугивала ее, не порождала «чрезмерной» реакции, не вела к захвату власти революционными классами. Тщетные надежды! Филистерская утопия! Горючий материал так быстро растет во всех передовых государствах мира, пожар так явно перекидывается на большинство государств Азии, вчера еще спавших глубоким сном, что усиление международной буржуазной реакции и обострение всякой отдельной национальной революции абсолютно неизбежны.

Контр-революция в России не выполняет и не может выполнить исторических задач нашей революции. Русская буржуазия неизбежно тяготеет все больше и больше в сторону международного антипролетарского и антидемократического течения. Не на либеральных союзников следует рассчитывать русскому пролетариату. Он должен самостоятельно идти своим путем к полной победе революции, опираясь на необходимость насильственного разрешения аграрного вопроса в России самими крестьянскими массами, помогая им свергнуть господство черносотенных помещиков и черносотенного самодержавия, ставя своей задачей демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства в России и памятуя, что его борьба и его победы неразрывно связаны с международным революционным движением. Поменьше иллюзий насчет либерализма контр-революционной (и в России, и во всем мире) буржуазии. Побольше внимания к росту международного революционного пролетариата!

«Пролетарий» № 33, 5 августа (23 июля) 1908 г.

ОТ РЕДАКЦИИ [161]).

Настоящий очерк теоретических злоключений т. Маслова заимствован из работы Н. Ленина, посвященной систематическому разбору тенденций нашего аграрного развития. Разумеется, разоблачение «оригинальных» масловских аграрных теорий, проникнутых духом самого плоского ревизионизма, неизбежно приводит к критике и некоторых положений партийной программы. По этому вопросу мы считаем вполне своевременной дискуссию в партийной печати.

Что же касается теоретических «открытий» т. Маслова, то мы имеем адресовать по поводу них пару слов т. Плеханову в особенности, как ангелу-хранителю нашего аграрного ревизиониста.

В № 6-7 «Гол. Соц.-Дем.», обсуждая важнейшие теоретические вопросы, вы изволили пуститься попутно в уклончивые двусмысленные рассуждения, которые должно признать *непристойными*. Вы решились печатно заявить, что такие-то члены нашей партии для Вас *не товарищи*, и не имели при этом мужества объяснить открыто и внятно, Вы ли собрались выбить из нашей организации, или же добиваетесь исключения из нее таких-то членов ее? Это одновременно трусливо и грубо.

Так поразмыслите же, неподкупный воитель, над ревизионистскими подвигами Вашего Маслова. Это уж как раз в том маленьком градоначальстве, где Вы, по литературе судя, слывете грозным Думбадзе. Где же Ваша критика ревизионистских измышлений т. Маслова? Где Ваша защита экономической теории Карла Маркса? И кто, как не Вы, всячески поддерживал Маслова и поддакивал ему?

Наши партийные Фамусовы не прочь разыграть роль беспощадно-резких борцов за марксизм, — но в угоду фракционному кумовству они не прочь и прикрыть серьезнейшие отступления от марксизма!

«Пролетарий» № 33, 5 августа (23 июля) 1908 г.

ВОИНСТВУЮЩИЙ МИЛИТАРИЗМ И АНТИМИЛИТАРИСТСКАЯ ТАКТИКА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

I.

Дипломаты в ажитации. Градом сыплются «ноты», «донесения», «заявления»; министры шепчутся за плечами коронованных манекенов, которые с бокалами шампанского в руках «укрепляют мир». Но «подданные» отлично знают, что, если вороны слетаются, значит пахнет мертвым телом. И консервативный лорд Кромер заявил английской палате, что «мы живем в такое время, когда на карту поставлены национальные (?) интересы, разгораются страсти и появляется опасность и возможность столкновения, как бы ни были мирны (!) намерения правителей».

Горючего материала за последнее время накопилось достаточно, и он все растет. Революция в Персии грозит перемешать все перегородки — «сферы влияния», расставленные там европейскими державами. Конституционное движение в Турции угрожает вырвать эту вотчину из лап европейских капиталистических хищников; а дальше угрожающе встали старинные, обострившиеся теперь «вопросы» — македонский, среднеазиатский, дальневосточный и т. д., и т. д.

Между тем при сети нынешних явных и тайных договоров, соглашений и т. д. достаточно незначительного щелчка какой-нибудь «державе», чтобы «из искры возгорелось пламя».

И чем грознее бряцают оружием правительства друг против друга, тем беспощаднее давят они антимилитаристское движение у себя в стране. Преследования антимилитаристов растут экстенсивно и интенсивно. «Радикально-социалистическое» министерство Клемансо-Бриана насильничает не хуже юнкерски-консервативного министерства Бюлова. Распущение «организаций молодежи» во всей Германии, последовавшее в результате введения нового закона о союзах и собраниях, воспрещающего присутствие на

политических собраниях лиц моложе 20 лет, крайне затруднило антимилитаристскую агитацию в Германии.

В результате спор об антимилитаристской тактике социалистов, замолкнувший было со времени Штутгартского Конгресса, оживляется вновь в партийной печати.

На первый взгляд — странное явление: при такой очевидной важности этого вопроса, при таком явном, бьющем в лицо вреде милитаризма для пролетариата трудно найти другой вопрос, по которому существовали бы такие шатания, такая разноголосица в среде западных социалистов, как в спорах об антимилитаристской тактике.

Принципиальные предпосылки для правильного решения этого вопроса установлены давно, вполне прочно и разногласий не вызывают. Современный милитаризм есть результат капитализма. В обеих своих формах он — «жизненное проявление» капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях («Militarismus nach aussen», как выражаются немцы), и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата («Militarismus nach innen»). Ряд Интернациональных Конгрессов (Парижский 1889 г., Брюссельский 1891, Цюрихский 1893 и, наконец, Штутгартский 1907 г.) в своих резолюциях дал законченное выражение этому взгляду. Наиболее обстоятельно устанавливает эту связь между милитаризмом и капитализмом Штутгартская резолюция, хотя в соответствии с порядком дня («О международных конфликтах») Штутгартский Конгресс больше занимался тою стороною милитаризма, которую немцы называют «Militarismus nach aussen» («внешней»). Вот относящееся сюда место этой резолюции: «Войны между капиталистическими государствами обычно являются следствием их конкуренции на мировом рынке, так как каждое государство стремится не только обеспечить за собой область сбыта, но и завоевать новые области, при чем главную роль при этом играет порабощение чужих народов и стран. Эти войны порождаются затем беспрерывными военными вооружениями, вызываемыми милитаризмом, который является главным орудием классового господства буржуазии и политического подчинения рабочего класса.

Войнам благоприятствуют националистические предрассудки, систематически культивируемые в цивилизованных странах в интересах господствующих классов, с целью отвлечь пролетарские массы от их собственных классовых задач и заставить их забыть долг международной классовой солидарности.

Таким образом, войны коренятся в самой сущности капитализма; они прекратятся лишь тогда, когда перестанет существовать капиталистический строй, или же, когда громадность чело-

веческих и денежных жертв, вызванных военно-техническим развитием, и вызванное вооружениями народное возмущение приведут к устранению этой системы.

Рабочий класс, который главным образом поставляет солдат и на который главным образом падают материальные жертвы, в особенности является естественным врагом войн, так как войны противоречат цели, преследуемой им: созданию основанного на социалистическом принципе экономического строя, который на деле осуществит солидарность народов»...

II.

Итак, принципиальная связь между милитаризмом и капитализмом установлена среди социалистов прочно и в этом пункте разногласий нет. Но признание этой связи еще не определяет конкретно антимилитаристской *тактики* социалистов, не решает практического вопроса, как бороться против бремени милитаризма и как воспрепятствовать войнам. И вот, в ответах на эти-то вопросы замечается значительное расхождение во взглядах среди социалистов. На конгрессе в Штутгарте можно было с особенной осязательностью констатировать эти разногласия.

На одном полюсе стоят немецкие соц.-демократы типа Фольмара. Раз милитаризм — детище капитализма, рассуждают они; раз войны суть необходимый спутник капиталистического развития, то никакой специальной антимилитаристской деятельности не нужно. Так именно Фольмар и заявил на партейтаге в Эссене. В вопросе же о том, как вести себя с.-д., в случае объявления войны, большинство немецких с.-д., с Бебелем и Фольмаром во главе, упорно стоят на той позиции, что с.-д. должны защищать свое отечество от нападения, что они обязаны принять участие в «оборонительной» войне. Это положение привело Фольмара в Штутгарте к заявлению, что «вся любовь к человечеству не может нам помешать быть хорошими немцами», а с.-д. депутата Носке провозгласить в рейхстаге, что в случае войны против Германии «с.-д. не отстанут от буржуазных партий и вскинут ружья на плечи»; а отсюда Носке осталось сделать лишь один шаг, чтобы заявить: «мы желаем, чтобы Германия была насколько возможно вооружена».

На другом полюсе стоит немногочисленная группа сторонников Эрве. Пролетариат не имеет отечества, рассуждают эрвеисты. Значит, все и всякие войны — в интересах капиталистов; значит, пролетариат должен бороться против каждой войны. На всякое объявление войны пролетариат должен ответить военной забастовкой и восстанием. К этому главным образом и должна сводиться антимилитаристская пропаганда. В Штутгарте Эрве

Lu

предложил поэтому следующий проект резолюции: «...Конгресс приглашает ответить *на всякое объявление войны, откуда бы оно ни исходило,* военной забастовкой и восстанием».

Таковы две «крайние» позиции в этом вопросе в рядах западных социалистов. «Как солнце в малой капле вод» в них отражаются те две болезни, которые все еще вредят деятельности социалистического пролетариата на Западе: оппортунистические тенденции, с одной стороны, и анархистское фразерство— с другой.

Прежде всего, несколько замечаний о патриотизме. Что «пролетарии не имеют отечества», это действительно сказано в Коммунистическом Манифесте; что позиция Фольмара, Носке и К⁰ «бьет в лицо» этому основному положению *интернационального* социализма, это также верно. Но отсюда еще не следует правильность утверждения Эрве и эрвеистов, что пролетариату безразлично, в каком отечестве он живет: живет ли он в монархической Германии, или в республиканской Франции, или в деспотической Турции. Отечество, т. е. данная политическая, культурная и социальная среда, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата; и если неправ Фольмар, устанавливающий какое-то «истинно-немецкое» отношение пролетариата к «отечеству», то не более прав и Эрве, непростительно некритически относящийся к такому важному фактору освободительной борьбы пролетариата. Пролетариат не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы, следовательно ему не могут быть безразличны и судьбы его страны. Но судьбы страны его интересуют лишь *постольку,* поскольку это касается его классовой борьбы, а не в силу какого-то буржуазного, совершенно неприличного в устах с.-д. «патриотизма».

Сложнее другой вопрос — об отношении к милитаризму и войне. Уже с первого взгляда очевидно, что Эрве непростительно смешивает оба эти вопроса, забывает о причинной связи между войной и капитализмом; приняв эрвеистскую тактику, пролетариат обрек бы себя на бесплодную работу: всю свою боевую готовность (ведь говорится о восстании) он употребил бы на борьбу с следствием (войной), оставляя существовать причину (капитализм).

Анархический метод мышления обнаруживается здесь в полной мере. Слепая вера в чудодейственную силу всякого action directe *); выхватывание этого «непосредственного воздействия» из общей социально-политической конъюнктуры без малейшего ее анализа; словом, «произвольно-механическое понимание общественных явлений» (по выражению К. Либкнехта) [162]) очевидно.

*) — прямое действие. *Ред.*

План Эрве «очень прост»: в день объявления войны социалисты-солдаты дезертируют, а резервисты объявляют забастовку и остаются по домам. Однако «стачка резервистов не есть пассивное сопротивление: рабочий класс скоро перешел бы к открытому сопротивлению, к восстанию, и это последнее имело бы тем больше шансов окончиться триумфом, что действующая армия находилась бы на границе страны» (G. Hervé, «Leur patrie») *).

Таков этот «действительный, прямой и практический план», и уверенный в его успехе Эрве предлагает отвечать военной забастовкой и восстанием на каждое объявление войны.

Как ясно отсюда, вопрос здесь не в том, может ли пролетариат, когда он найдет это целесообразным, отвечать забастовкой и восстанием на объявление войны. Спор идет о том, связывать ли пролетариат обязательством на *каждую* войну отвечать восстанием. Решать вопрос в последнем смысле, значит отнимать выбор момента решительного боя у пролетариата и передать его врагам; не пролетариат выбирает момент борьбы, сообразуясь с своими интересами, когда высоко его обще-социалистическое сознание, крепка его организованность, благоприятен повод и т. д.; нет, буржуазные правительства смогли бы провоцировать его на восстание даже тогда, когда условия для него были бы неблагоприятны, например, объявлением такой войны, которая особенно способна вызвать патриотические и шовинистические чувства в широких слоях населения, которая таким образом изолирует восставший пролетариат. Надо еще не упускать из виду, что буржуазия, которая от монархической Германии до республиканской Франции и демократической Швейцарии с такою жестокостью преследует антимилитаристскую деятельность в мирное время, — с какою яростью обрушилась бы она на всякую попытку к военной забастовке в случае войны, в момент деятельности военных законов, военных положений, военно-полевых судов и т. д.

Прав Каутский, говоря об идее Эрве: «идея военной стачки зародилась под влиянием «хороших» мотивов, она благородна и полна героизма, но она героическая глупость» [163]).

Пролетариат, если найдет это целесообразным и подходящим, может ответить на объявление войны военной забастовкой; он может, в числе других средств для достижения социальной революции, прибегнуть и к военной стачке. Связывать же себя этим «тактическим рецептом» не в интересах пролетариата.

Так именно и ответил на этот спорный вопрос Штутгартский Международный Конгресс.

---

*) — Г. Эрве. «Их отечество». *Ред.*

III.

Но если взгляды эрвеистов — «героическая глупость», то позиция Фольмара, Носке и их единомышленников из «правого крыла» — оппортунистическая трусость. Раз милитаризм — детище капитала и падет с ним, — рассуждали они в Штутгарте и особенно в Эссене, — то не нужно и специально антимилитаристской агитации: ее не должно быть. Но ведь и радикальное разрешение рабочего и женского вопроса, например, — возражали им в Штутгарте, — также невозможно при существовании капиталистического строя; однако мы боремся за рабочее законодательство, за расширение гражданских прав женщин и т. д. Особая антимилитаристская пропаганда должна вестись тем энергичнее, что все учащаются случаи вмешательства военной силы в борьбу труда с капиталом и все очевиднее важность милитаризма не только в нынешней борьбе пролетариата, но и в будущем — в момент социальной революции.

Специально-антимилитаристская пропаганда имеет за собой не только принципиальные доказательства, но и важный исторический опыт. Впереди других стран в этом отношении идет Бельгия. Бельгийская рабочая партия, помимо общей пропаганды идей антимилитаризма, организовала группы социал. молодежи под названием «Молодой Гвардии» («Jeunes Gardes»). Группы одного и того же округа входят в состав Окружной Федерации; все Окружные Федерации, в свою очередь, объединяются в Национальную Федерацию с «Главным Советом» во главе. Органы «молодых гвардейцев» («La jeunesse — c'est l'avenir»; «De Caserne», «De Loteling *) и т. д.) расходятся в десятках тысяч экземпляров! Из федераций наиболее сильная — Валлонская, включающая 62 местных группы с 10 тыс. членов; всего «Молодая Гвардия» состоит в данное время из 121 местной группы.

Рядом с письменной агитацией интенсивно ведется и устная: в январе и сентябре (месяцы призыва) в главных городах Бельгии устраиваются народные собрания и процессии; у дверей мэрий, на открытом воздухе, социалистические ораторы разъясняют рекрутам значение милитаризма. При «Главном Совете» «молодых гвардейцев» учрежден «Комитет Жалоб», на обязанности которого лежит собирание сведений о всех несправедливостях, совершаемых в казармах. Эти сведения, под рубрикой «Из Армии», ежедневно оглашаются в Центральном Органе Партии «Le Peuple» **) [164]. Антимилитаристская пропаганда не останавливается на пороге казармы, и солдаты-социа-

*) — «Молодежь — это будущее». — «Казарма». — «Новобранец». *Ред.*
**) — «Народ». *Ред.*

листы образуют группы для целей пропаганды внутри армии. В настоящее время таких групп («солдатских союзов») насчитывается около 15.

По бельгийскому образцу, варьируя в интенсивности и в организационном отношении, ведется антимилитаристская пропаганда во Франции*), Швейцарии, Австрии и др. странах.

Итак, специально-антимилитаристская деятельность не только специально необходима, но и практически целесообразна и плодотворна. Поэтому, поскольку Фольмар восставал против нее, указывая на невозможные полицейские условия для этого в Германии, на опасность разгрома благодаря этому партийных организаций, — вопрос сводился к конкретному анализу условий данной страны; это — вопрос факта, а не принципа. Хотя и здесь справедливо замечание Жореса, что германская с.-д., выдержавшая в своей молодости, в тяжелую годину исключительных законов против социалистов, железную руку графа Бисмарка, теперь, несравненно выросши и окрепнув, могла бы не бояться преследований со стороны нынешних правителей. Но Фольмар сугубо неправ, когда старается опереться на аргументы принципиальной нецелесообразности специально-антимилитаристской пропаганды.

Не меньшим оппортунизмом проникнуто убеждение Фольмара и его единомышленников, что с.-д. обязаны принять участие в оборонительной войне. Блестящая критика Каутского не оставила камня на камне от этих взглядов. Каутский указал на полную невозможность подчас разобраться, особенно в моменты патриотического угара, вызвана ли данная война оборонительными или наступательными целями (пример, который приводил Каутский: нападала или оборонялась Япония в начале русско-японской войны?). С.-д. запутались бы в сетях дипломатических переговоров, если бы вздумали в зависимости от этого признака устанавливать свое отношение к войне. С.-д. могут очутиться даже в таком положении, чтобы потребовать наступательных войн. В 1848 г. (это не мешает помнить и эрвеистам) Маркс и Энгельс считали необходимой войну Германии против России. Позднее они пытались воздействовать на общественное мнение Англии, чтобы побудить ее к войне с Россией. Каутский строит, между прочим, следующий гипотетический пример: «предположим, — говорит он, — что революционное движение одержит в России победу, и влияние этой победы приведет во Франции к переходу власти в руки пролетариата; с другой стороны,

---

*) Интересной особенностью французов является организация так называемой «солдатской копейки»: каждую неделю рабочий отдает одно су секретарю своего союза; составляющиеся таким образом суммы посылаются солдатам «в напоминание того, что даже в солдатской одежде они принадлежат к эксплуатируемому классу и что ни при каких обстоятельствах они не должны забывать этого».

предположим, что против новой России образуется коалиция европейских монархов. Станет ли протестовать интернациональная с.-д., если французская республика придет тогда на помощь России?» (К. Каутский, «Наш взгляд на патриотизм и войну»).

Очевидно, что в этом вопросе (как и во взгляде на «патриотизм») не оборонительный или наступательный характер войны, а интересы классовой борьбы пролетариата, или, лучше сказать, интересы международного движения пролетариата, представляют собой ту единственно возможную точку зрения, с которой может быть рассматриваем и решен вопрос об отношении с.-д. к тому или другому явлению в международных отношениях.

До каких геркулесовых столбов способен доходить оппортунизм и в этих вопросах, показывает недавнее выступление Жореса. В одной немецкой либерально-буржуазной газетке, высказывая свои взгляды о международном положении, он защищает союз Франции и Англии с Россией от обвинений в противо-мирных намерениях и смотрит на этот союз, как на «гарантию мира», он приветствует тот факт, что «мы теперь дожили до союза Англии с Россией, двух давнишних врагов».

Великолепную оценку такого взгляда и горячую отповедь дает Жоресу Р. Люксембург в «Открытом письме» ему в последней книжке «Neue Zeit» [165]).

Прежде всего Р. Люксембург констатирует, что говорить о союзе «России» и «Англии» значит «говорить языком буржуазных политиков», ибо интересы капиталистических государств и интересы пролетариата в иностранной политике противоположны и нельзя говорить о гармонии интересов в области внешних сношений. Если милитаризм — дитя капитализма, то и войны не могут быть уничтожены интригами правителей и дипломатов, и задача социалистов не будить иллюзий на этот счет, а, наоборот, постоянно разоблачать лицемерие и бессилие дипломатических «мирных шагов».

Но центральным пунктом «письма» является оценка союза Англии и Франции с Россией, который так прославляет Жорес. Европейская буржуазия дала возможность царизму отразить революционный натиск. «Теперь, пытаясь превратить временную победу над революцией в окончательную, абсолютизм прибегает прежде всего к испытанному средству всех поколебленных деспотий — к успехам внешней политики». Все союзы России теперь означают «священный союз буржуазии Западной Европы с русской контр-революцией, с душителями и палачами русских и польских борцов за свободу; они означают укрепление самой кровавой реакции не только внутри России, но и в интернациональных отношениях». «Поэтому элементарнейшая задача социалистов и пролетариев всех стран состоит в том, чтобы из всех сил препятствовать союзу с контр-революционной Россией».

«Как объяснить себе, — обращается Р. Люксембург к Жоресу, — что Вы «самым энергичным образом» будете стараться сделать правительство кровавых палачей русской революции и персидского восстания влиятельным фактором европейской политики, русские виселицы колоннами интернационального мира, Вы, который в свое время произнесли во Французском парламенте блестящую речь против русского займа, Вы, который несколько недель тому назад поместили в Вашей газете «Humanité» горячий призыв к общественному мнению против кровавой работы военных судов в русской Польше? Как можно согласовать ваши мирные планы, покоящиеся на франко-русском и англо-русском союзе, с недавним протестом французской социалистической парламентской фракции и административной комиссии Нац. Совета социалистической партии против поездки Фальера в Россию, с тем протестом, под которым стоит Ваша подпись и который в горячих выражениях защищает интересы русской революции. Если президент Французской республики захочет сослаться на Ваши представления об интернациональном положении, то он на Ваш протест заявит: кто одобряет цель, должен одобрить и средства, кто рассматривает союз с царской Россией, как гармонию интернационального мира, тот должен принимать все, что́ укрепляет этот союз и ведет к дружбе.

«Что бы Вы сказали, если бы некогда в Германии, в России, в Англии нашлись социалисты и революционеры, которые в «интересах мира» рекомендовали союз с правительством реставрации или правительством Тьера и Жюля Фавра и прикрывали бы такой союз своим моральным авторитетом?!!...»

Письмо это говорит само за себя, и русские с.-д. могут только приветствовать т. Р. Люксембург за этот ее протест и за защиту русской революции перед лицом интернационального пролетариата.

«Пролетарий» № 33, 5 августа (23 июля) 1908 г.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ «ОТВЕТА» П. МАСЛОВА[165]).

Мой противник упрекает меня за пользование полемическими приемами, искажающими сущность спора. Чтобы выяснить, правда ли это, я рассмотрю шаг за шагом «Ответ» П. Маслова.

Первый пример Маслова. Ленин говорит, что революционный прилив немыслим без радикального уничтожения всех остатков крепостничества, «как будто социал-демократия, приняв программу муниципализации земли, намеревается сохранить остатки крепостничества, оставить земли в руках помещиков».

Каждый читатель заметит, что Маслов обходит сущность вопроса, так как я все время указывал именно на то, что остатком крепостничества является не только помещичья собственность, но и нынешняя надельная собственность. Спор шел именно об этом. Обойдя этот вопрос во *всем* своем ответе, не сказав ни слова о том, есть ли в надельной собственности на землю нечто средневековое, выгодна ли для капитализма эта чистка средневековья или нет, Маслов отвлекает внимание читателя в другую сторону. Не отвечать на принципиальный аргумент противника и приписывать ему только «пафос» значит не спорить, а браниться.

Мое указание на неразрывность связи между аграрным и политическим переворотом Маслов называет недостатком уважения к читателю. Муниципализация также не разрывает этой связи. Что же, разве это ответ? Разве Маслов не замалчивает здесь 1) мою *точную* ссылку на меньшевика Новоседского, который *определенно* поставил муниципализацию в связь с неполным политическим переворотом, 2) мой аргумент, что муниципализация не касается ни средневековой общины, ни средневекового землевладения, т.-е. решительно и безусловно осуждает на неполноту именно аграрный переворот, и только аграрный.

Третий аргумент Маслова: «ненависть крестьян к помещикам и чиновникам Ленин обращает в аргумент в пользу своей программы и против принятой программы». Неправда. Каждый

читатель заметит, что Маслов подсунул вместо «*ненависти к средневековью*» (сам Маслов признает несколькими строками выше, что я говорил о ней) «ненависть к *помещикам*». Этот подмен нужен ему для того, чтобы обойти молчанием мой аргумент о средневековом характере *надельной* собственности.

Неправда, что я называл свою программу большевистской. Неправда и то, что будто бы вопрос о национализации голосовался в Стокгольме. Не следует извращать факты, тов. Маслов!

«Никакая теория ренты не дает ни малейшего предпочтения программы национализации или муниципализации, так как, как бы то ни было, доход с конфискованных земель получает государство или самоуправление».

Здесь мы имеем уже аргумент по существу. И прекрасный аргумент, так как он лучше всего показывает, как Маслов уродует, искажает марксизм. Только отрицая марксову *абсолютную ренту*, которую Маслов «опровергнул», можно свести вопрос исключительно к «доходу», забывая о понижении цены на хлеб и об обеспечении капиталу доступа к земледелию! Маслов подтвердил своим аргументом, что ему чужда и непонятна *экономическая* сущность вопроса. Не о доходе идет дело, многоуважаемый, а об отношениях продукции в земледелии, которые изменяются в смысле повышения при уничтожении *абсолютной* ренты. Отрицая абсолютную ренту в теории Маркса, Маслов лишил себя всякой возможности понять экономическое значение национализации. Почему могли и должны были требовать ее миллионы мелких собственников в русской буржуазной революции, — эта *экономическая* проблема не существует для Маслова. В этом и заключается его беда!

Что мои статьи 1905 — 8 годов направлены против программы отрезков, это верно. Но «скакать и играть» по этому поводу, как делает Маслов, значит пускать пыль в глаза читателю, а не выяснять спорные вопросы. Ведь, Маслов не сохранил всей своей программы 1903 года! Зачем же он скрывает это от читателей и выдвигает только одну сторону прошлого? Зачем цитирует слова, которых я и теперь не буду отрицать, что национализация земли вредна «в полицейском государстве»? Спор это или брань?

Для польских читателей, не знающих подробностей дискуссии об аграрном вопросе среди русских социал-демократов, поясняю, что в 1903 году, перед 2-м съездом Р. С.-Д. Р. П., Маслов предлагал в печати не ту программу, которую он рекомендовал в 1906 г. [167]). Откапывание прежних споров я считал бы недопустимым, я и в своей предыдущей статье не касался их. Но теперь сам Маслов поднял старый спор. Пришло ему в голову, чтобы блеснуть остроумием, опровергать оставленную мною программу 1903 г.,—а, может быть, он руководился и такой мыслью

чтобы спорами о старом отвлечь внимание от слабых пунктов своей новой точки зрения? Факт остается фактом: затрагивая прежние споры, Маслов умолчал перед польскими социал-демократами о том, что сам он изменил свою программу 1903 г. Упрекая противника в открытом и давно уже законченном изменении прежней программы, он скрывает, что сам он изменил свою программу. Он скрывает и то, что в 1903 г. Петр Маслов не только не отстаивал необходимости оставления, во что бы то ни стало, надельных земель в руках их собственников, но, наоборот, — просто включал в свою программу *обобществление*, в случае возможности, и *надельных земель*.

Не правда ли, прекрасно? Кому неприятны воспоминания о старом? Тому, кто открыто признал источник ошибок прежнего взгляда, или тому, кто скрывает изменение своих воззрений? Почему в 1903 г. П. Маслов считал возможным обобществление и надельных земель, а в 1906—8 г.г. мечет громы и молнии против допустимости таких взглядов?

Пусть сам читатель судит о подобных «полемических» приемах или, лучше сказать, о подобном заметании следов. Маслов усвоил себе рецепт старого тургеневского пройдохи: порицай, как можно громче, то, что сам хочешь скрыть в своих поступках! Другие изменили взгляды и сами указали на это. Кричите громче против этого изменения, чтобы скрыть собственное изменение воззрений! Если нет аргументов, непременно нужно прибегать к шулерству.

Моя таблица распределения земельной собственности в Европейской России не нравится Маслову. Маслов негодует по поводу того, что я сопоставляю «калмыцкую» собственность с «интенсивным хозяйством» юго-западной России. Читатель, знакомый с литературой по аграрному вопросу, конечно, знает, что и *сам Маслов*, и другие авторы сопоставляют — хотя бы в отдельных районах — разоренного безлошадного крестьянина с 4 дес. земли где-нибудь в глухом захолустьи и богатого фермера, ведущего интенсивное огородное хозяйство на таком же количестве земли возле большого города. Не к месту, совсем не к месту хочет тов. Маслов хвастаться «детальным анализом»! Это именно *хвастовство*, а не научный довод, так как невозможно выяснить *результаты* борьбы иным образом, чем это делаю я, и сам Маслов понимает невозможность «детальных анализов» в «Пшеглонде».

Мой аргумент, что группа трудовиков, высказавшись за национализацию, доказала меньшевикам, что я прав, Маслов не просто разбирает, а старается косвенно ослабить его тем, что 1) национализация была «урезана», и 2) тем, что к автономистам в I Думе многие присоединились «именно потому, что их избиратели не хотели национализации земли».

Разве это не уклонение от вопроса? Что общего имеет с этим «урезыванием» национализация? и что общего имеют автономисты с тем, что Маслов в 1905 г., а все меньшевики в Стокгольме категорически говорили о русских крестьянах, что они вообще не согласятся на национализацию, ответят на нее Вандеей? Маслов обходит молчанием неприятный для него факт, что принятие группой трудовиков программы национализации *после* Стокгольмского съезда *опровергло* аргументы меньшевиков. Не труден, но не имеет большой ценности такой «ответ», в котором систематически обходят сущность дела. Факт, что и I и II Думы часто ставили рабочих депутатов в глупое положение, ибо социал-демократы *более* «урезывали» национализацию, чем ее урезывали сами крестьяне. Социал-демократы очутились в положении филистерски-боязливых интеллигентов, *советующих* крестьянину, чтобы он *осторожнее* обращался со старой, средневековой, надельной собственностью, сильнее ее упрочивал, медленнее приспособлял новую, свободную собственность на землю к капитализму! Не в том дело, товарищ Маслов, что трудовики урезали национализацию, а в том, что социал-демократы, марксисты, еще более урезывали ее, потому что муниципализация есть урезанная до извращения национализация. Не беда, что автономисты иногда отвергали *) национализацию; беда, что русские социал-демократы не сумели понять характера борьбы русских крестьян. Не в том состоит демагогия Маслова, что он констатирует факт несогласия нескольких автономистов с национализацией, а в том, что он умалчивает о несогласии многих автономистов на муниципализацию и подстрекает их против национализации мещански-сепаратистскими аргументами!

Автономисты против национализации. Пусть читатель подумает, за кого говорит такой аргумент. Я же, с своей стороны, напомню, что еще в 1903 г., возражая на *тогдашнюю* программу Маслова, я называл муниципализацию урезанной национализацией. Напомню, что в 1906 г., споря с Масловым перед Стокгольмским съездом, я указывал на неправильность смешения вопроса о национальной автономии с вопросом о национализации земель **). Автономию обеспечивают самые основы нашей программы. Следовательно, они же обеспечивают и автономное распоряжение национализированными землями! Этой азбуки не может понять Маслов! Национализация означает уничтожение абсолютной ренты, передачу собственности на землю государству, воспрещение всякой переуступки земли, т.-е. устранение

---

*) Вовсе нет, вовсе нет, не все! Маслов должен был бы задуматься над таким фактом, как защита национализации автономистом украинцем Чижевским.

**) См. IX том Сочинений. *Ред.*

всех и всяких посредников между хозяйничающим на земле и собственником земли — государством. В пределах этого воспрещения автономия стран и народов по отношению к распоряжению землей, установлению условий расселения, правил разверстки и т. д. и т. д. вполне допустима, ни в каком отношении не противоречит национализации и принадлежит к числу требований нашей политической программы. Из этого ясно вытекает, что только мелкие мещане, какими и являлись все «автономисты», могли прикрывать свою трусость, свое нежелание активной борьбы до конца за единую, централизованную аграрную революцию ссылкой на опасение лишиться автономии. Для социал-демократии вопрос ставится как раз наоборот: для пролетариата дело идет о доведении революции до конца как в области политической, так и в аграрной. *Для* этого доведения революции до конца необходима национализация земель, которую требуют трудовики, т.-е. политически-сознательные русские крестьяне. Экономический критерий такого шага выдвигается на первый план для марксиста; этот экономический критерий гласит, что, согласно с учением Маркса, максимум развития производительных сил в земледелии обеспечивает буржуазная национализация земли. Таким образом решительный буржуазно-революционный шаг в аграрной области неразрывно связан с решительным буржуазно-демократическим переворотом в политической области, т.-е. установлением республики, которая одна только обеспечивает *истинную автономию*. Таково действительное соотношение между автономией и аграрным переворотом, которого совершенно не понял Маслов!

Мою ссылку на «Теории прибавочной стоимости» Маркса Маслов называет «увerткой», так как Маркс не говорит, «что крестьяне сами хотят себя экспроприировать». Помилуйте, товарищ Маслов! Неужели вы в самом деле не поняли ясных слов Маркса? Говорит ли Маркс, что для капитализма выгодно полное уничтожение средневековой собственности на землю, да или нет? Является ли отстаиваемая трудовиками национализация земель, которой требовали в 1905 — 7 г.г. русские крестьяне, уничтожением средневековой собственности, да или нет? Ведь, именно об этом шла речь, мой любезный оппонент, а смешное переименование буржуазно-крестьянской национализации земли в «экспроприацию» крестьян вовсе не опровергает правильности моей постановки вопроса... «Так же и в промышленности — продолжает Маслов — капитализм разоряет мелкую собственность, но разве из этого вытекает, что социал-демократы должны взять на себя задачу экспроприации кустарей?..».

Но это просто перл! Борьбу крестьян со средневековыми перегородками в собственности на землю, борьбу за национализацию земли, которая, как доказал Маркс, наиболее благоприят-

ствует развитию капитализма, назвать «экспроприацией» крестьян, приравнивать к экспроприации кустаря капиталом. Побойтесь бога, товарищ Маслов! Подумайте же, во имя всего святого, почему мы *поддерживаем* крестьянина против помещика, а поддержку кустарей против фабрики считаем делом антисемитов.

Маслов не понимает того, что поддержка кустаря, т.-е. мелкой собственности в промышленности, никогда не может быть делом социал-демократов, как деятельность безусловно и при всяких обстоятельствах реакционная. А поддержка мелкой собственности в земледелии *может* быть обязанностью марксистов и *должна* быть всегда, когда мелкое буржуазное хозяйство является экономически *прогрессивным* по сравнению с крупным феодальным хозяйством. Маркс никогда не поддерживал мелкой промышленности против крупной, но Маркс поддерживал в 40-х годах по отношению к Америке, в 48-м году по отношению к Германии мелкое сельское хозяйство, крестьян против феодальных латифундий. В 48 году Маркс предлагал раздробление немецких феодальных имений. Маркс поддерживал движение мелких хозяев против американских крупных рабовладельческих имений за свободу земли, за уничтожение частной собственности на землю в Америке [168]).

Правильно ли было направление аграрной политики Маркса? Правильно, уважаемый товарищ Маслов, который «пересмотрел» теорию абсолютной ренты в духе буржуазной экономии, но не успел «пересмотреть» остальное у Маркса. Буржуазная революция в аграрной области лишь тогда сможет быть последовательной и в самом деле победоносной, когда она насильственно и радикально уничтожает всю феодальную собственность, когда она сметает всю прежнюю собственность на землю, а вместо нее создает почву для новой свободной буржуазной собственности на землю, приспособленной к капиталу, а не к помещику. Национализация земли вполне соответствует направлению такого переворота. Мало того, национализация земли есть единственная мера, благодаря которой этот переворот совершается с наибольшей последовательностью, которая вообще мыслима в капиталистическом обществе. Нет иного способа, который так же решительно и наиболее безболезненно для крестьян освободил бы их от «гетто» [169]) надельной собственности. Нет иного способа, который не полицейским, не бюрократическим и не ростовщическим путем уничтожил бы старую прогнившую общину.

Если смотреть объективно, в русской буржуазной революции вопрос поставлен таким и только таким образом: будет ли Столыпин (т.-е. помещик и самодержавие) приспособлять старую собственность на землю к капитализму, или же это будут делать сами крестьянские массы, свергнув власть помещиков и

царя. В первом случае возможно только приспособление путем реформ, т.-е. половинчатое, бесконечно долгое, означающее гораздо более медленный рост производительных сил, наименьшее развитие демократизма, обрекающее Россию на долговременное господство в ней юнкера. Во втором случае возможно только революционное приспособление, т.-е. насильственно сметающее помещичьи имения и обеспечивающее наиболее быстрое развитие производительных сил. Мыслимо ли это революционное уничтожение помещичьей собственности при сохранении старой надельной собственности крестьян? Нет, это немыслимо, и крестьянские депутаты в обеих Думах выяснили, что это невозможно. Они выяснили это тем, что создали политический тип крестьянства всей России во время буржуазной революции: тип *трудовика,* требующего *национализации* земель.

Крича об эс-эровском характере национализации, Маслов повторяет старый прием меньшевиков: заигрывая с кадетами, обвинять революционных социал-демократов в сближении с эс-эрами. Люди кокетничают с либерально-монархическими помещиками и купцами и возмущаются тем, что революционные социал-демократы в буржуазной революции хотят идти вместе с революционными буржуа-крестьянами. Но мало того. Гремя против эс-эровского характера национализации, Маслов обнаруживает полное непонимание марксистского анализа народнических взглядов и мечтаний русского крестьянства. Маслов не понимает, что социал-демократы в России давно уже указывали на реакционность социалистических, или скорее quasi-социалистических теорий или мечтаний о новом разделе земель (черный передел) и т. п. и на *буржуазную прогрессивность* этого идеала в современной полукрепостнической России. За мещанской *фразой* о социализме эс-эров Маслов не умеет обнаружить буржуазной действительности, а именно: революционной борьбы со всем старым средневековым хламом. Когда с.-р. говорит об уравнительности в пользовании земли, о социализации земель и т. п., то с.-р. говорит с точки зрения экономической чушь, с.-р. обнаруживает безграмотность в области экономической науки и теории развития капитализма. Но за этими фразами, за этими мечтаниями скрывается в высшей степени живое, реальное содержание, — только вовсе не социалистическое, а чисто буржуазное, а именно: расчистка почвы для капитализма, уничтожение всяких средневековых и сословных перегородок на земле, создание свободной арены для капитализма. Вот чего никак не может понять наш бедный Маслов — и это находится в непосредственной связи с фактом, что Маслов не может понять учения Маркса об абсолютной ренте, которая в противоположность дифференциальной может быть уничтожена в капиталистическом обществе и уничтожение которой толкает вперед его развитие.

Не умея бороться с эс-эрами, Маслов вульгаризирует марксизм, осуждая себя только на созерцание «задней» крестьянина, прикованного к своему участку, и совершенно не умеет понять демократизма и революционной буржуазности крестьянина, желающего смести и помещичью и надельную собственность на землю.

Не умея бороться с эс-эрами, Маслов отдает в их руки, в руки мещанских социалистов, критику частной собственности на землю. С точки зрения развития капитализма ее дал Маркс и должны давать марксисты. Отрезав себе этот путь отрицанием абсолютной ренты, Маслов капитулирует перед эс-эрами, признавая в теории, что они правы, тогда как прав Маркс! — капитулирует перед эс-эрами, которые критикуют частное землевладение по-мещански, не с точки зрения развития капитализма, а только с точки зрения задерживания его развития. Маслов не понял, что ошибка эс-эров в аграрной программе начинается *после национализации,* т.-е. тогда, когда они переходят к «социализации» и «уравнительности», и доходят до отрицания классовой борьбы среди мелкого крестьянства. Эс-эры не понимают *буржуазного* характера национализации — вот в чем заключается их главный грех. И пусть скажет мне каждый марксист, который изучал «Капитал», можно ли понять буржуазность национализации, отрицая абсолютную ренту?

Далее Маслов говорит, что я превращаю в средневековую всю мелкую крестьянскую собственность в целой Европе. Совершенно неправильно. В Европе нет «надельной» собственности на землю и сословных перегородок, а существует уже свободная, капиталистическая, а не феодальная собственность на землю. В Европе нет крестьянского движения против помещиков, поддерживаемого социал-демократами. Об этом забыл П. Маслов!

Перейдем к политическим аргументам. Мой аргумент, что муниципализация у меньшевиков связана с идеей компромисса с монархией, Маслов называет «инсинуацией» и «сознательной ложью», — но как же гласит моя дословная цитата из речи меньшевика Новоседского, товарищ Маслов? С чьей стороны здесь ложь? Не в том ли дело, что вы хотите страшными словами изгладить неприятное для вас признание Новоседского?

Отдача земли муниципалитетам усиливает их шансы в борьбе с реставрацией, утверждает Маслов. А я позволю себе думать, что только усиление центральной республиканской власти может серьезно затруднить дело реакции, между тем как раздробление сил и средств между отдельными областями облегчает ей дело. Мы должны стараться соединить революционные классы и прежде всего пролетариат разных частей государства в одну армию, а не думать о безнадежной, экономически невозможной и бессмысленной федералистической попытке присвоения доходов с конфискованных земель в пользу отдельных областей. «Выбирайте,

товарищи поляки — говорит Маслов — должен ли польский сейм получать доходы с конфискованных земель, или же отдавать эти доходы москалям в Питер?»

Великолепный аргумент! И в нем нет ни капли демагогии! И нет смешения аграрного вопроса с вопросом об автономии Польши!

А я скажу: свобода Польши невозможна без свободы России. А этой свободы не будет, если польские и русские рабочие не выполнят задачи поддержки русских крестьян в их борьбе за национализацию земель и в доведении этой борьбы до полной победы как в области политических, так и в области аграрных отношений. Оценивать муниципализацию и национализацию следует с точки зрения экономического развития центра России и политических судеб всего государства, а не с точки зрения отдельных особенностей той или иной автономной национальной территории. Без победы пролетариата и революционного крестьянства в России смешно говорить о подлинной автономии Польши, о правах муниципалитетов и т. п. Это пустые фразы. А крестьянство в России именно постольку, поскольку оно революционно, поскольку оно не допускает компромиссов с буржуазией и октябристами, а борется вместе с рабочими и демократией, уже неопровержимо доказало свою симпатию к национализации земель. Если крестьянство перестанет быть революционным, т.-е. отречется от этой симпатии, отвернется от буржуазно-демократической революции, — тогда крестьянам понравится забота Маслова о сохранении старой собственности на землю, — но тогда муниципализация Маслова уже будет совершенно смешна. А пока идет революционно-демократическая борьба крестьянства, пока имеет смысл «аграрная программа» марксистов в буржуазной революции, до тех пор наша обязанность поддерживать революционные требования крестьянства, в том числе и национализацию земель. Маслов не вычеркнет этого требования русских крестьян из истории русской революции — и можно ручаться, что подъем общественного движения, подъем борьбы крестьян за землю, когда он снова наступит, ясно обнаружит всю реакционность «муниципализации».

Напечатано в 1908 г. в польском журнале «Przegląd Socjal-Demokratyczny» № 8 — 9.

Подпись: Н. Ленин.

1

Лев Толстой, как зеркало русской революции

Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно? Но наша революция — явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий. И если перед нами действительно

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Лев Толстой, как зеркало русской революции» — 1908 г.

Уменьшено

ЛЕВ ТОЛСТОЙ, КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно? Но наша революция — явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий. И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях.

Легальная русская пресса, переполненная статьями, письмами и заметками по поводу юбилея 80-летия Толстого, всего меньше интересуется анализом его произведений с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее. Вся эта пресса до тошноты переполнена лицемерием, лицемерием двоякого рода: казенным и либеральным. Первое есть грубое лицемерие продажных писак, которым вчера было велено травить Л. Толстого, а сегодня — отыскивать в нем патриотизм и постараться соблюсти приличия перед Европой. Что писакам этого рода заплачено за их писания, это всем известно и никого обмануть они не в состоянии. Гораздо более утонченно и потому гораздо более вредно и опасно лицемерие либеральное. Послушать кадетских Балалайкиных из «Речи» — сочувствие их Толстому самое полное и самое горячее. На деле, рассчитанная декламация и напыщенные фразы о «великом богоискателе» — одна сплошная фальшь, ибо русский либерал ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике существующего строя не сочувствует. Он примазывается к популярному имени, чтобы приумножить свой политический капиталец, чтобы разыграть роль вождя общенациональной оппозиции, он старается громом и треском фраз *заглушить*

потребность прямого и ясного ответа на вопрос: чем вызываются кричащие противоречия «толстовщины», какие недостатки и слабости нашей революции они выражают?

Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого — действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны — замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, — с другой стороны, «толстовец», т.-е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: «я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками». С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, — юродивая проповедь «непротивления злу» насилием. С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; — с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению, т.-е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины. Поистине

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка Русь! [170])

Что при таких противоречиях Толстой не мог абсолютно понять ни рабочего движения и его роли в борьбе за социализм, ни русской революции, это само собою очевидно. Но противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века. Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску. Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой. И противоречия в взглядах Толстого надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и

обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней. Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества, — и поэтому совсем мизерны заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения. Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, вредных как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской* буржуазной революции. Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения, — действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции. С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь и помещиков и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному «христианскому анархизму», как оценивают иногда «систему» его взглядов.

С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относится к интересам крестьянской революции буржуазия и буржуазная интеллигенция, почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения. Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы. В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась, хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей», — совсем в духе Льва Николаевича Толстого! И, как всегда бывает в таких случаях, толстовское воздержание от политики, толстовское отречение от политики, отсутствие интереса к ней и понимания ее, делали то, что за сознательным

и революционным пролетариатом шло меньшинство, большинство же было добычей тех беспринципных, холуйских, буржуазных интеллигентов, которые под названием кадетов бегали с собрания трудовиков в переднюю Столыпина, клянчили, торговались, примиряли, обещали примирить, — пока их не выгнали пинком солдатского сапога. Толстовские идеи, это — зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости «хозяйственного мужичка».

Возьмите солдатские восстания 1905—1906 годов. Социальный состав этих борцов нашей революции — промежуточный между крестьянством и пролетариатом. Последний в меньшинстве; поэтому движение в войсках не показывает даже приблизительно такой всероссийской сплоченности, такой партийной сознательности, которые обнаружены пролетариатом, точно по мановению руки ставшим социал-демократическим. С другой стороны, нет ничего ошибочнее мнения, будто причиной неудачи солдатских восстаний было отсутствие руководителей из офицерства. Напротив, гигантский прогресс революции со времен Народной Воли сказался именно в том, что за ружье взялась против начальства «серая скотинка», самостоятельность которой так напугала либеральных помещиков и либеральное офицерство. Солдат был полон сочувствия крестьянскому делу; его глаза разгорались при одном упоминании о земле. Не раз власть переходила в войсках в руки солдатской массы, — но решительного использования этой власти почти не было; солдаты колебались; через пару дней, иногда через несколько часов, убив какого-нибудь ненавистного начальника, они освобождали из-под ареста остальных, вступали в переговоры с властью и затем становились под расстрел, ложились под розги, впрягались снова в ярмо — совсем в духе Льва Николаевича Толстого!

Толстой отразил наболевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости. Историко-экономические условия объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании.

Говорят, что разбитые армии хорошо учатся. Конечно, сравнение революционных классов с армиями верно только в очень ограниченном смысле. Развитие капитализма с каждым часом видоизменяет и обостряет *) те условия, которые толкали крестьянские миллионы, сплоченные вместе ненавистью к помещи-

*) В рукописи: «отодвигает в безвозвратное прошлое». *Ред.*

кам-крепостникам и к их правительству, на революционно-демократическую борьбу. В самом крестьянстве рост обмена, господства рынка и власти денег все более вытесняет патриархальную старину и патриархальную философскую*) идеологию. Но одно приобретение первых лет революции и первых поражений в массовой революционной борьбе несомненно: это — смертельный удар, нанесенный прежней рыхлости и дряблости масс. Разграничительные линии стали резче. Классы и партии размежевались. Под молотом Столыпинских уроков, при неуклонной, выдержанной агитации революционных социал-демократов, не только социалистический пролетариат, но и демократические массы крестьянства будут неизбежно выдвигать все более закаленных борцов, все менее способных впадать в наш исторический грех толстовщины!

«Пролетарий» № 35, 24 (11) сентября 1908 г.

Печатается по тексту «Пролетария», сверенному с рукописью.

---

*) В рукописи: «толстовскую». *Ред.*

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Забастовка студентов провозглашена в Петербургском университете. К ней присоединился целый ряд других высших учебных заведений. Движение перекинулось уже в Москву и Харьков. Судя по всем данным, которые имеются в заграничных и русских газетах, а также в частных письмах из России, мы стоим перед фактом довольно широкого *академического* движения.

Назад к старине! Назад к дореволюционной России, — вот о чем прежде всего свидетельствуют эти события. По-прежнему правительственная реакция подтягивает университеты. Вечная в самодержавной России борьба с студенческими организациями приняла форму похода черносотенного министра Шварца — действующего в полном согласии с «премьером» Столыпиным, — против автономии, которую обещали студентам осенью 1905 г. (чего только не «обещало» тогда российским гражданам самодержавие под натиском революционного рабочего класса!), — против автономии, которой студенты пользовались, пока самодержавию было «не до студентов», и которую самодержавие не могло не начать отнимать, оставаясь самодержавием.

По прежнему скорбит и ноет либеральная печать, — на этот раз вместе с некоторыми октябристами, — скорбят и хныкают гг. профессора, умоляя правительство не вступать на путь реакции, использовать прекрасный случай «обеспечить реформами мир и порядок» в «измученной потрясениями стране», — умоляя студенчество не прибегать к незаконным способам действия, способным только сыграть на руку реакции и т. д., и т. д., и т. д. Какие все это старые-престарые, затасканные мотивы и как живо воскрешают они перед нами то, что было лет этак 20 тому назад, в конце 80-х годов прошлого века! Сходство той поры с теперешней покажется особенно поразительным, если взять современный момент отдельно, вне связи с пережитыми тремя годами революции. Ибо Дума (на первый взгляд) только чуть-чуть иначе выражает совершенно то же самое дореволюционное

соотношение сил: господство дикого помещика, предпочитающего придворные связи и воздействие через своего брата чиновника всяким представительствам; — поддержку того же чиновника купечеством (октябристы), которое не смеет разойтись с отцами-благодетелями; — «оппозицию» буржуазной интеллигенции, больше всего заботящейся о доказательстве своей лойяльности и называющей увещание власть имущих политической деятельностью либерализма. Рабочие депутаты Думы слишком, слишком слабо напоминают о том, какую роль сыграл недавно пролетариат своей открытой массовой борьбой.

Спрашивается, можем ли мы при таких условиях придавать значение старым формам примитивно-академической борьбы студенчества? Если либералы опустились до «политики» (только в насмешку, конечно, можно тут говорить о политике) 80-х годов, то не будет ли со стороны социал-демократии принижением ее задач, если она сочтет нужным поддержать так или иначе академическую борьбу?

Такой вопрос, повидимому, ставится кое-где студентами-социал-демократами. По крайней мере, в редакцию нашей газеты доставлено одно письмо от группы студентов-социал-демократов, в котором, между прочим, говорится:

«13-го сентября сходка студентов Петербургского университета постановила призвать студентов к всероссийской студенческой забастовке, мотивируя свой призыв агрессивной тактикой Шварца; платформа забастовки — академическая, сходка даже приветствует «первые шаги» Московских и Петербургских советов профессоров в деле борьбы за автономию. Мы недоумеваем перед академической платформой, выставленной Петербургской сходкой, и считаем ее недопустимой при данных условиях и не могущей объединить студенчество для активной, широкой борьбы. Мы мыслим студенческое выступление лишь координированным с общим политическим выступлением и ни в коем случае отдельно. Нет тех элементов в наличности, которые были бы в состоянии объединить студенчество. Ввиду этого мы высказываемся против академического выступления».

Ошибка, которую делают авторы письма, имеет гораздо большее политическое значение, чем можно было бы подумать с первого взгляда, ибо рассуждение авторов затрагивает в сущности тему несравненно более широкую и важную, чем вопрос об участии в данной забастовке.

«Мы мыслим студенческое выступление лишь координированным с общим политическим выступлением. Ввиду этого мы высказываемся против академического выступления».

Такое рассуждение в корне неправильно. Революционный лозунг — надо стремиться к координированному политическому выступлению студентов с пролетариатом и т. д. — превращается

здесь из живого руководства для все более широкой, всесторонней, боевой агитации в мертвую догму, которая механически примеривается к различным этапам различных форм движения. Политическое координированное выступление недостаточно только провозглашать, повторяя «последнее слово» уроков революции. За политическое выступление надо *уметь* агитировать, *используя* для этой агитации все возможности, все условия и прежде всего, больше всего, всякие массовые конфликты тех или иных передовых элементов с самодержавием. Не в том дело, конечно, чтобы мы заранее разделили всякое студенческое движение на обязательные «стадии» и непременно следили за аккуратным прохождением каждой стадии, боясь «несвоевременных» переходов к политике и т. п. Подобный взгляд был бы самым вредным педантством и вел бы только к оппортунистической политике. Но так же вредна обратная ошибка, когда с создавшимся фактически положением и условиями данного массового движения не хотят считаться ради ложно понятого в неподвижном смысле лозунга: такое применение лозунга неизбежно вырождается в революционную фразу.

Возможны условия, когда академическое движение принижает политическое или раздробляет его или отвлекает от него, и — тогда социал-демократические группы студентов, конечно, обязаны были бы сосредоточить свою агитацию против такого движения. Всякий видит однако, что объективные политические условия данного момента иные: академическое движение выражает *начало* движения новой «смены» учащейся молодежи, которая более или менее привыкла уже к узенькой автономии, при чем начинается это движение в обстановке отсутствия других форм массовой борьбы в данный момент, в обстановке затишья, когда широкие массы продолжают *переваривать* опыт трех лет революции все еще молча, сосредоточенно, медленно.

При таких условиях социал-демократия сделала бы глубокую ошибку, если бы она высказалась «против академического выступления». Нет, группы студентов, принадлежащих к нашей партии, должны направить все усилия на поддержку, использование и расширение данного движения. Как и всякая поддержка примитивных форм движения социал-демократией, и данная поддержка должна состоять больше всего и главным образом в идейном и организационном воздействии на более широкие слои, возбужденные конфликтом и переживающие сплошь да рядом в этой форме конфликта *первый* политический конфликт. Ибо учащаяся молодежь, вошедшая в университеты в течение последних двух лет, жила почти всецело жизнью, оторванной от политики, и воспитывалась в духе узкого академического автономизма, воспитывалась не только казенными профессорами и правительственной печатью, но и либеральными профессорами и всей

партией к.-д. Для такой молодежи широкая забастовка (если сумеет эта молодежь создать широкую забастовку! мы должны все сделать, чтобы помочь ей в этом, но, конечно, не нам, социалистам, ручаться за успех того или иного буржуазного движения) — является началом политического конфликта, все равно, сознают ли это борющиеся или нет. Наша задача — разъяснить массе «академических» протестантов объективное значение этого конфликта, постараться сделать его *сознательно* политическим, удесятерить агитационную деятельность соц.-демократических групп студенчества и *всю* эту деятельность *направить* к тому, чтобы усвоены были революционные выводы из истории 3-х лет, чтобы понята была неизбежность новой революционной борьбы, чтобы наши старые — и оставшиеся вполне современными — лозунги низвержения самодержавия и созыва Учредительного Собрания снова стали предметом обсуждения и оселком политической концентрации свежих поколений демократии.

От такой работы с.-д. студенты не вправе отказаться ни при каких условиях, — и, как бы трудна ни была эта работа в данный момент, какие бы неудачи ни постигли тех или иных агитаторов в том или ином университете, землячестве, собрании и т. д., мы скажем: толците и отверзется! Работа политической агитации никогда не пропадает даром. Успех ее измеряется не только тем, удалось ли нам сейчас же и сразу добиться большинства или согласия на координированное политическое выступление. Возможно, что мы этого не добьемся сразу: на то мы и организованная пролетарская партия, чтобы не смущаться временными неудачами, а упорно, неуклонно, выдержанно вести *свою работу* хотя бы при самых трудных условиях.

Печатаемое нами ниже воззвание Спб. коалиционного студенческого совета показывает, что даже самые активные элементы студенчества упорно держатся за чистый академизм и тянут пока еще кадетско-октябристскую песенку. И это в то время, как кадетско-октябристская печать держится по отношению к забастовке самым гнусным образом, доказывая в самом разгаре борьбы, что она вредна, преступна и т. д. Отпор, который счел нужным дать Петербургский Комитет нашей партии коалиционному совету, мы не можем не приветствовать (см. «Из партии» [172]).

Очевидно, современному студенчеству недостаточно еще, для превращения его из «академиков» в «политиков», бичей Шварца, ему нужны еще скорпионы новых и новых черносотенных фельдфебелей для полного революционного обучения новых кадров. Над этими кадрами, обучаемыми всей Столыпинской политикой, обучаемой каждым шагом контр-революции, должны неустанно работать и мы, с.-д., видящие ясно объективную неизбежность новых буржуазно-демократических конфликтов в национальном

масштабе с самодержавием, которое сплотилось с черносотенно-октябристской Думой.

Да, в национальном масштабе, ибо черносотенная контр-революция, поворачивая Россию вспять, не только закаляет новых борцов в рядах революционного пролетариата, но и вызовет неизбежно новое движение непролетарской, т.-е. буржуазной демократии (понимая под этим, конечно, не участие в борьбе *всей оппозиции*, а широкое участие действительно демократических, т.-е. способных на борьбу элементов буржуазии и мелкой буржуазии). Начало массовой студенческой борьбы в России 1908 года есть политический симптом, симптом всего современного положения, созданного контр-революцией. Тысячи и миллионы нитей связывают учащуюся молодежь с средней и низшей буржуазией, мелким чиновничеством, известными группами крестьянства, духовенства и т. д. Если весной 1908 г. делались попытки возродить «Союз Освобождения» *) полевее, чем старый кадетский, полупомещичий, Петром Струве представляемый Союз, — если осенью начинает волноваться масса молодежи, наиболее близкой к демократической буржуазии в России, — если завыли снова с удесятеренной злобой продажные писаки против революции в школах, — если стонут и плачут подлые либеральные профессора и кадетские вожди по поводу несвоевременных, опасных, гибельных стачек, неугодных милым октябристам, способных «оттолкнуть» октябристов, господствующих октябристов, — значит, прибывает новый порох в пороховницах! значит, *не только* в студенчестве начинается реакция — против реакции.

И как бы слабо и зачаточно ни было это начало, партия рабочего класса должна использовать и использует его. Мы умели работать годы и десятилетия перед революцией, внося свои революционные лозунги сначала в кружки, потом в массы рабочих, потом на улицу, потом на баррикады. Мы должны суметь *и теперь* наладить прежде всего то, что является задачей дня, без чего пустыми словами будут разговоры о координированном политическом выступлении, — именно: крепкую пролетарскую организацию, ведущую всюду и везде *политическую агитацию* в массах во имя своих революционных лозунгов. За эту организацию в своей студенческой среде, за эту агитацию на почве данного движения должны приняться и наши университетские группы.

Пролетариат не заставит себя ждать. Он часто уступает буржуазной демократии первенство выступлений на банкетах, в легальных союзах, в стенах университетов, с трибуны представительных учреждений. Он никогда не уступает и не уступит первенства в серьезной, великой революционной борьбе масс. Не

---

*) См. настоящий том, стр. 198 — 201. *Ред.*

так скоро и не так легко созревают все условия для взрыва этой борьбы, как хотелось бы тому или иному из нас, — но эти условия зреют и назревают неизменно. И маленькое начало маленьких академических конфликтов есть большое начало, ибо за ним — не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра — последуют большие продолжения.

«Пролетарий» № 36, 16 (3) октября 1908 г.

ЗАСЕДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЮРО [173]).

В воскресенье 11 октября нов. ст. состоялось в Брюсселе первое заседание Международного Социалистического Бюро после Штутгартского Конгресса. Съезд представителей различных социалистических партий был выбран при этом как удобный момент для конференций социалистических журналистов и парламентариев. Первая конференция состоялась накануне собрания Бюро, вторая — на другой день после собрания, при чем необходимо отметить, что состав обеих конференций почти не отличался от состава Бюро: большинство членов Бюро были и журналистами и парламентариями. Только несколько бельгийских социалистов-депутатов пополнили состав конференции в понедельник 12 октября.

Конференция журналистов состоялась в субботу в 3 часа дня. Обсуждался вопрос об урегулировании и развитии сношений между периодическими органами различных социалистических партий. Бельгийцы составили список корреспондентов из числа членов их партии, готовых давать сведения в органы других партий по тем или иным (преимущественно) вопросам. Было высказано пожелание, чтобы такие же списки составлены были и другими партиями, при чем указано на необходимость отмечать, каким языком владеет корреспондент. Заграничные бюллетени партии с.-р. («Русская Трибуна» на французском языке [174])) и с.-д. (на немецком языке [175])) были отмечены, как особенно полезные для наших иностранных товарищей издания. Было указано также, что для тех стран, где существуют различные социалистические партии или различные направления в одной партии, необходимо отмечать в списках корреспондентов принадлежность к той или иной партии и т. д. Русским социал-демократам, живущим за границей, следовало бы воспользоваться этой международной конференцией для более правильной постановки корреспонденций в иностранные социалистические органы.

Конференция приняла решение, что Международное Социалистическое Бюро снесется с теми нациями, у которых нет еже-

1

Засѣданіе Международнаго
Соціалистическаго бюро.

Въ воскресенье 11 ноября н. ст. состоялось въ Брюсселѣ первое засѣданіе Международнаго Соціалистическаго бюро послѣ Штутгартскаго конгресса. Съѣздъ представителей различныхъ соціалистическихъ партій былъ вызванъ при этомъ какъ удобный моментъ для конференціи соціалистическихъ журналистовъ и парламентаріевъ. Первая конференція состоялась наканунѣ собранія бюро, вторая на другой день послѣ собранія, причемъ необходимо отмѣтить, что составъ обѣихъ конференцій почти не отличался отъ состава бюро: большинство членовъ бюро были и журналистами и парламентаріями. Только нѣсколько бельгійскихъ соціалистовъ-депутатовъ пополнили составъ кон-

Первая страница рукописи В. И. Ленина:
«Заседание Международного Социалистического Бюро» — 1908 г.
Уменьшено

дневных социалистических газет, по вопросу об издании регулярных бюллетеней (на одном из трех официальных языков Интернационала, или на всех этих трех языках: французском, немецком, английском). Затем бюро запросит редакции социалистических ежедневных газет разных стран, какую сумму согласны бы были они платить за правильное получение таких бюллетеней.

На это решение Заграничному Бюро Центрального Комитета [176]) нашей партии следует обратить особенное внимание. Дело осведомления наших иностранных товарищей о российской социал-демократии поставлено далеко не удовлетворительно, и вопрос об урегулировании этого дела, об издании *партийного* бюллетеня на трех языках за границей следовало бы немедленно серьезно обсудить и сделать все возможное для практического осуществления такого плана.

Далее, обсуждалось предложение секретаря Бюро, К. Гюисманса о том, чтобы германские с.-д., имеющие 70 ежедневных партийных органов, взяли на себя почин создать международное бюро телеграфных и телефонных сношений между редакциями социалистических газет в Берлине, Вене, Париже, Брюсселе и т. д. Немецкие делегаты признали немедленное осуществление этого плана невозможным, но указали, что в Германии создано недавно центральное информационное бюро германской с.-д. рабочей партии и что со временем, когда это дело прочно встанет на ноги, можно будет подумать о превращении этого бюро в международное. Конференция удовлетворилась этим обещанием, и заседание было закрыто после решения совмещать и впредь заседания Международного Социалистического Бюро с конференциями социалистических журналистов разных стран.

Вечером в «Maison du Peuple» *) состоялся международный митинг, на котором говорили делегаты австрийские, немецкие, английские, турецкий и болгарский — главным образом на тему о международных конфликтах и о борьбе социалистического пролетариата всех стран за сохранение мира. Закончился митинг единогласным принятием резолюции такого содержания: «Международный митинг, собравшийся 10 октября (н. ст.) в «Maison du Peuple», подтверждает еще раз энергичное решение всемирного пролетариата отстаивать мир между нациями и бороться изо всех сил против капиталистического милитаризма, разоряющего и угнетающего все народы. Митинг выражает уверенность, что различные национальные отделы рабочего Интернационала будут применять полностью решение, принятое по этому вопросу Международным Социалистическим Конгрессом в Штутгарте». Собрание разошлось под пение «Интернационала».

*) — «Народный Дом». *Ред.*

Следующий день был посвящен весь заседанию Международного Социалистического Бюро. Первый вопрос порядка дня, — о допущении английской «Рабочей Партии» (Labour Party) — занял все предобеденное заседание. Дело в том, что по уставу Интернационала членами его могут быть, во-1-х, социалистические партии, признающие классовую борьбу, и, во-2-х, рабочие организации, стоящие на точке зрения классовой борьбы (т.-е. профессиональные союзы). Образовавшаяся недавно в английской палате общин «Рабочая Партия» не называет себя открыто социалистической и не признает решительно и определенно принципа классовой борьбы (чего, в скобках будь сказано, требуют от этой партии английские социал-демократы). Но само собою разумеется, что в Интернационал вообще и на Штутгартский Социалистический Конгресс в частности эта «Рабочая Партия» была допущена, ибо по существу дела эта партия есть организация смешанного типа, стоящая между теми двумя типами, которые определены в 1-ом и во 2-ом пункте устава Интернационала, — представляющая из себя политическое представительство английских трэд-юнионов. Тем не менее, вопрос о допущении этой партии был поднят и поднят ею самой в лице так называемой «Независимой Рабочей Партии» (Independent Labour Party, Ай-Эл-Пи, как говорят англичане), составляющей одну из двух подсекций британской секции Интернационала. Другую подсекцию составляет «С.-Д. Федерация».

«Независимая Рабочая Партия» требовала *прямого* признания того, что «Рабочая Партия» входит в Интернационал. Делегат ее, Брус Глейзнер (Bruce Glazier), настаивал на громадном значении этого представительства в парламенте сотен тысяч организованных рабочих, все определеннее и определеннее идущих к социализму. О принципах, формулах, катехизисе он отозвался очень пренебрежительно. Каутский отвечал ему, отгораживая себя от этой пренебрежительной оценки принципов и конечной цели социализма, но всецело высказываясь за допущение «Рабочей Партии», как ведущей классовую борьбу на деле. Каутский предложил резолюцию такого содержания:

«Принимая во внимание прежние решения Международных Конгрессов, допускающие все организации, которые стоят на почве пролетарской классовой борьбы и признают политическую борьбу, Международное Бюро объявляет, что английская «Рабочая Партия» допускается на Международные Социалистические Конгрессы, так как она, не признавая прямо (ausdrücklich) пролетарской классовой борьбы, ведет ее, тем не менее, на деле и становится на почву ее самой своей организацией, которая независима от буржуазных партий». На стороне Каутского стояли австрийцы, из французов — Вальян и, как показало голосование, большинство мелких наций. Возражали прежде всего Гайндман,

представитель английской «С.-Д. Федерации», требовавший, чтобы дело осталось в старом положении, пока «Рабочая Партия» не признает прямо принципа классовой борьбы и социализма, — затем Руссель (гэдистка, бывшая второй французской делегаткой), Рубанович от партии с.-р. и Аврамов, делегат от революционной фракции болгарских социалистов.

Я взял слово, чтобы присоединиться к первой части резолюции Каутского. Невозможно отказать в допущении «Рабочей Партии», т.-е. парламентского представительства трэд-юнионов, раз Конгрессы допустили уже раньше все трэд-юнионы вообще, даже передававшие свое представительство буржуазным парламентариям. Но неправильна, сказал я, вторая часть резолюции Каутского, ибо *на деле* «Рабочая Партия» не является действительно независимой от либералов и не ведет вполне самостоятельной классовой политики. Я предложил поэтому поправку: сказать в конце резолюции, начиная со слов «так как» —

«так как она (Рабочая Партия) представляет собой первый шаг действительно пролетарских организаций Англии к сознательной классовой политике и к *социалистической* рабочей партии». Эта поправка была мной внесена в Бюро.

Каутский не принял моей поправки, заявивши в следующей своей речи, что на основании «ожиданий» Международное Бюро не может принимать решений. Но главная борьба шла между сторонниками и противниками всей резолюции Каутского в целом. При голосовании Адлер предложил разделить ее на две части, и обе были приняты Международным Бюро, первая против 3-х голосов при 1 воздержавшемся, вторая против 4-х голосов при 1 воздержавшемся. Резолюция Каутского стала таким образом решением Бюро. Воздерживался в обоих голосованиях Рубанович. Отмечу еще, что Виктор Адлер, говоря после меня и до второй речи Каутского, возразил мне таким образом: — цитирую по отчету бельгийского социалистического органа «Le Peuple», дававшего наиболее подробные и точные отчеты о заседаниях, — «предложение Ленина соблазнительно (séduisante, Адлер сказал: verlockend, заманчиво), но оно не может заставить нас забыть тот факт, что «Рабочая Партия» встала вне буржуазных партий. Не наше дело судить, как она это сделала. Признаем факт прогресса».

Таковы были прения в Международном Бюро по разбираемому вопросу. Я позволю себе теперь остановиться подробнее на этих прениях, чтобы объяснить занятую мной позицию читателям «Пролетария». Доводы В. Адлера и К. Каутского меня не убедили, и я продолжаю считать их неправильными. Говоря в своей резолюции, что Рабочая Партия «не признает прямо пролетарской классовой борьбы», Каутский, несомненно, высказал некоторое «ожидание», некоторое «суждение» насчет того, какова политика Рабочей Партии теперь и какова она должна бы была

быть. Но Каутский выразил это *косвенно,* и притом так, что получилось утверждение, во-первых, неправильное по существу и, во-вторых, дающее повод к кривотолкованию *мысли* Каутского. Что «Рабочая Партия» в Англии, отделяясь *в парламенте* (не на выборах! не во всей своей политике! не в своей пропаганде и агитации!) от буржуазных партий, делает первый шаг к социализму и классовой политике пролетарских массовых организаций, это бесспорно. Это не «ожидание», а факт. Это именно тот факт, который заставляет нас принять в Интернационал «Рабочую Партию», раз мы приняли в нее трэд-юнионы. Наконец, именно такая формулировка заставила бы сотни тысяч английских рабочих, безусловно уважающих решения Интернационала, но не ставших еще вполне социалистами, задуматься лишний раз над тем, почему их признают сделавшими только *первый* шаг, и каковы должны быть *дальнейшие* шаги по этому пути. В моей формулировке нет и тени претензии на то, чтобы Интернационал брался решать конкретные и детальные вопросы национального рабочего движения, брался определять, когда именно и какие именно дальнейшие шаги сделать необходимо. А что вообще нужны дальнейшие шаги, этого нельзя не признать по отношению к партии, не принимающей прямо и ясно принципа классовой борьбы. Это признал Каутский в своей резолюции косвенно вместо того, чтобы признать это прямо. Вышло так, будто Интернационал ручается за то, что Рабочая Партия *на деле* ведет последовательную классовую борьбу, будто достаточно организации рабочих отделиться в парламенте в отдельную рабочую группу для того, чтобы стать *во всем своем поведении* независимой от буржуазии!

Несомненно, что Гайндман, Руссель, Рубанович и Аврамов заняли по этому вопросу еще более неправильную позицию (которую не исправил, а запутал Рубанович своим воздержанием от голосования по обеим частям резолюции). Когда Аврамов сказал, что допустить Рабочую Партию значит поощрить оппортунизм, это было вопиюще неправильное мнение. Стоит припомнить хотя бы письма Энгельса к Зорге. В течение целого ряда лет Энгельс упорно настаивает на том, что английские с.-д. с Гайндманом во главе делают ошибку, поступая по-сектантски, не умея примкнуть к бессознательному, но могучему классовому инстинкту трэд-юнионов, превращая марксизм в «догму», тогда как он должен быть «руководством для действия» [177]). Когда есть объективные условия, задерживающие рост политической сознательности и классовой самостоятельности пролетарских масс, надо уметь терпеливо, выдержанно работать рука об руку с ними, не делая уступок в своих принципах, но и не отказываясь от деятельности *в гуще* пролетарских масс. Эти уроки Энгельса подтверждены дальнейшим развитием событий, когда английские трэд-юнионы, замкнутые, аристократические, мещански-эгоисти-

ческие, враждебные социализму, выдвинувшие ряд прямых предателей рабочего класса, продавшихся буржуазии за министерское местечко (вроде негодяя Джона Бернса),— стали тем не менее *подходить* к социализму, неловко, непоследовательно, криво, но все же подходить к социализму. Что теперь в Англии быстро растет социализм в рабочем классе, что социализм становится в этой стране *опять* массовым движением, что социальная революция надвигается в Великобритании, — этого могут не видеть только слепые люди.

Интернационал поступил бы безусловно неправильно, если бы не выразил прямо и решительно своего полнейшего сочувствия этому громадному шагу вперед массового рабочего движения в Англии, своего поощрения начавшемуся в колыбели капитализма великому повороту. Но из этого вовсе не следует, чтобы «Рабочую Партию» можно было теперь уже признать на деле независимой от буржуазии партией, ведущей классовую борьбу, социалистической и т. д. Надо было исправить одну несомненную ошибку английской «С.-Д. Федерации», но не надо было создавать хотя бы тени поощрения *другим, несомненным, не менее важным* ошибкам английских оппортунистов, руководящих т. наз. «Независимой Рабочей Партией». Что эти руководители — оппортунисты, это бесспорно. Р. Макдональд, вождь I. L. P. (Ай-Эл-Пи), предлагал даже в Штутгарте изменить второй пункт устава Интернационала таким образом, чтобы вместо признания классовой борьбы требовалась только добросовестность (bona fides) рабочих союзов для вступления в Интернационал. Каутский сам сразу же поймал оппортунистические нотки в словах Бруса Глейзера и отгородился от них — *в своей речи в Бюро*, но, к сожалению, не в своей резолюции. Речь в Бюро сказана для дюжины лиц, а резолюция написана для миллионов.

Предо мной лежат газеты обоих направлений английского социализма с отзывами о заседании Международного Бюро. Орган «Независимой (гм! гм!) Рабочей Партии», «Labour Leader» ликует и *прямо говорит* десяткам тысяч английских рабочих, что М. С. Бюро не только признало «Рабочую Партию» (это правда и это необходимо было сделать), но «*признало также политику* I. L. P.» («Labour Leader», oct. 16, 1908, p. 665). Это неправда. Этого Бюро *не* признало. Это есть незаконное оппортунистическое истолкование маленькой неловкости в резолюции Каутского. Маленькая неловкость начинает приносить довольно большие плоды. А тут еще на помощь приходят плохие переводы: недаром итальянцы говорят, что переводчики — изменники (traduttori — traditori). Официального перевода резолюций Бюро на три официальных языка еще не вышло и, когда они выйдут, неизвестно. У Каутского сказано, что «Рабочая Партия» «становится на почву классовой борьбы» (конец резолюции; в оригинале: sich... auf seinen,

d. h. des Klassenkampfs, Boden stellt), а в переводе английских *с.-д.* вышло: «становится на почву международного социализма»; — в переводе английских *оппортунистов* (I. L. P.) вышло: «*принимает позицию международного социализма*» (там же). Подите-ка теперь, поправьте такие ошибочки в агитации перед английскими рабочими!

Я далек от мысли обвинять Бруса Глейзиера в искажении резолюции. Я уверен, что он не мог иметь этого в виду. Да это и не так важно. Важно использование *духа* именно *второй* части резолюции Каутского в практической массовой работе. На той же странице «Labour Leader» другой член «Независимой Рабочей Партии», описывая свои впечатления по поводу заседания Бюро и митинга в Брюсселе, жалуется на то, что на митинге «почти не заметно было подчеркивание идеальной и этической стороны социализма», — каковая сторона всегда-де подчеркивается у нас, на митингах I. L. P., — и было преобладание «*вместо этого*» (in its stead) «*бездушной и чуждой вдохновения*» (barren and uninspiring) «*догмы о классовой войне*».

Когда Каутский писал свою резолюцию об англичанах, ему предносился не английский «независимец», а немецкий социал-демократ...

Орган английских с.-д. «Justice» помещает горькие слова Гайндмана против большинства Бюро, «выкидывающего вон принципы ради удобства переметных сум». Я нисколько не сомневаюсь, — пишет Гайндман — что если бы «Рабочей Партии» был поставлен прямой ультиматум со стороны Бюро, то она немедленно подчинилась бы, и «решила бы сообразоваться с направлением международного социализма». А в другой статье того же номера приводятся *факты*, доказывающие, что *на деле* «Независимая Рабочая Партия» провела часть своих членов под *спутанным* флагом и «либерализма и Независимой Рабочей Партии» (liberal-labour alliance) и что некоторых «независимцев» *поддерживал либеральный министр Джон Бернс* («Justice», 17 Oct., 1908, p. 4 et 7).

Нет, если Гайндман осуществит тот план, о котором он сообщает, именно: поднимет этот вопрос вновь на Международном Социалистическом Конгрессе в Копенгагене (в 1910 г.), то Р. С.-Д. Р. П. должна добиваться исправления резолюции Каутского.

Вторым пунктом в порядке дня был вопрос об общем выступлении пролетариата и социалистов разных стран против международных и колониальных столкновений, которыми грозит политика буржуазных правительств. Вальян внес резолюцию, которая была принята с очень небольшими изменениями. В прениях австрийские делегаты ссылались на то, что их партия в делегациях официально выступает против политики Франца-Иосифа и

подтверждает признание социалистами права всех национальностей на самоопределение. Но, выступая против политики Франца-Иосифа, мы также против — говорили австрийцы — политики Абдул-Гамида или Эдуарда VII. Наше дело возложить на правительство ответственность за последствия его деяний. Англичане выражали пожелание более определенных заявлений со стороны австрийских с.-д. против их правительства, но австрийцы не пошли дальше вышеуказанного. Аврамов, делегат от болгарских социалистов («узких», т.-е. революционных с.-д.; в Болгарии есть еще «широкие», т.-е. оппортунистические с.-д.), настаивал на упоминании об империалистской буржуазии самих балканских государств, но соответствующая поправка была отклонена. По вопросу о провозглашении болгарской независимости — заявил Аврамов — болгарские социалисты решительно выступили против буржуазных партий, считая это провозглашение вредной авантюрой с точки зрения рабочего класса. Брус Глейзпер предлагал вставить в резолюцию указание на необходимость организаций международных демонстраций, но это пожелание решено было через Бюро сообщить отдельным национальным партиям. Ван-Коль (делегат от голландских с.-д.) предлагал вставить протест против нарушения державами берлинского трактата, но перед голосованием взял это предложение назад: было указано, что не дело социалистов защищать специально трактаты буржуазных государств. Текст принятой Международным Бюро резолюции следующий:

«Констатируя прежде всего, что английские и немецкие социалисты своими манифестациями в пользу мира, французские социалисты своей агитацией против марокккской экспедиции, датские социалисты своим предложением в пользу разоружения действовали сообразно решениям Интернационала,

принимая далее во внимание,

что опасность войны остается, что капиталистический империализм продолжает интриговать в Англии и в Германии, что марокккская экспедиция и авантюра продолжается, что царизм, ища прежде всего новых займов, старается запутать положение, чтобы укрепиться в своей борьбе против русской революции, что на Балканском полуострове вмешательство иностранных держав и их корыстные стремления разжигают более, чем когда-нибудь, национальные и религиозные страсти, что в самое последнее время провозглашение независимости Болгарии и в особенности присоединение к Австрии Боснии и Герцеговины увеличили опасность войны и сделали эту опасность более близкой, что, наконец, повсюду заговоры правительств, их усиленные вооружения, военщина и капиталистическая конкуренция и грабеж колоний составляют угрозу миру, —

Международное Социалистическое Бюро подтверждает еще раз, что социалистическая партия и организованный пролетариат есть единственная сила, способная сохранить международный мир, и что они считают своим долгом сохранять *) его.

*) В рукописи: «охранять». *Ред.*

Бюро призывает социалистические партии всех стран, согласно резолюции Штутгартского Международного Конгресса, усилить свою бдительность, свою деятельность, напрягая все силы в указанном направлении, и предлагает центральным комитетам и правлениям партий, их парламентским фракциям, их делегатам в Бюро изыскивать вместе с секретариатом Международного Социалистического Бюро средства и практические мероприятия как национальные, так и интернациональные, которые, сообразно с теми или иными конкретными обстоятельствами, всего больше могли бы помочь предупреждению войны и сохранению мира».

Третьим пунктом порядка дня было предложение британской секции регулярно созывать Международное Социалистическое Бюро дважды в год. Обязательной резолюции по этому вопросу не принято. Выражено только пожелание в этом смысле. Видимо, громадное большинство не считает необходимым собрания чаще раза в год (как было до сих пор), — конечно, за исключением экстренных случаев.

Четвертый пункт порядка дня состоял в предложении Бюро изменить размеры взносов каждой партии на содержание Бюро. До сих пор номинальные доходы Бюро составлялись из 14.950 франков в год (около 6.000 руб.); предположено повысить эту сумму до 26.800 фр. или, за вычетом обычных недоимок, до 20.000 фр. (8.000 р.) круглым счетом. Для этого каждая партия должна бы была вносить в год по 100 фр. за каждый голос, предоставленный ей на международных социалистических съездах. Россия имеет 20 голосов и должна будет платить, след., 2.000 фр., в том числе 700 фр. с.-р., 1.000 фр. — с.-д. и 300 фр. — профессиональные союзы. До сих пор Россия платила 1.500 фр. в год, в том числе мы — 900 фр. (по соглашению с партией с.-р.). Обязательного постановления по данному вопросу тоже не принято. Поручено Бюро снестись с национальными партиями и выражено пожелание, чтобы взносы составляли по 100 фр. в год за каждый голос.

Пятый пункт касался изменения числа голосов для Швеции — повышено до 12 голосов — и для Венгрии — общее повышение отложено, прибавлено 2 голоса для Кроатии. Допущена также армянская подсекция турецкой секции раньше, чем эта турецкая секция еще образовалась — армянские социалисты в Турции отказываются де «ждать» турок, — при чем этой подсекции дано 4 голоса. Было бы желательно, чтобы наши товарищи — армянские с.-д., знающие положение армянского социализма в Турции, высказали свое мнение по этому вопросу.

Шестой пункт порядка дня касался принятия социал-демократической партии в Чили. Партия эта образовалась после раскола демократической партии в Чили. Чилийских с.-д. приняли тоже без прений.

Седьмой пункт порядка дня касался вопроса о сионистах-социалистах в России[178]). Как известно, они обратились перед

Штутгартским Съездом в Ц. К. нашей партии с предложением принять их в с.-д. подсекцию русской секции Интернационала. Наш Ц. К. отказал, принявши мотивированную резолюцию против включения в число с.-д. *сионистов*, хотя бы они и называли себя «сионистами-социалистами». Представитель с.-с. явился в Штутгарт, и в Штутгарте наша подсекция отказалась принять его, а с.-р. воздержались. Так как, по уставу, новые члены Интернационала могут быть принимаемы лишь с согласия национальных секций (при чем при разногласии двух национальных подсекций вопрос окончательно решается Международным Бюро), то с.-с. нормальным путем попасть на съезд не могли. Они пожаловались в Бюро, которое тогда же приняло компромиссное решение: допустить на съезд с *совещательным* голосом представителя с.-с. Теперь пришлось разбираться в созданной путанице: члены ли Интернационала с.-с. или нет? В. Адлер высказался, как и в Штутгарте, решительно против с.-с., отказавшись отложить дело, как просили с.-с., приславшие телеграмму, что они не могут явиться. Неявка — сказал В. Адлер — бывает иногда лучшим способом защиты. Я взял слово, чтобы напомнить еще раз решение нашего Ц. К. и указать на то, что допущение с.-с. против воли обеих русских подсекций было бы невозможным нарушением устава Интернационала. Рубанович и представитель «Серпа» (Серп = Социалистическая Еврейская Рабочая Партия [178]), принятая в Штутгарте с.-р-ами в свою подсекцию) Житловский держали горячие речи против недопущения с.-с., при чем Рубанович *не мог, однако*, сообщить об ином решении *партии* с.-р., кроме *воздержания* по этому вопросу, а Житловский явным образом при виде неминуемого исключения с.-с-ов *защищал самого себя*, доказывая с забавной горячностью, что, если сионисты-социалисты территориалисты, то и они, «Серп», тоже территориалисты. Разумеется, отсюда вытекало не то, что следует принять с.-с-ов, а только то, что едва ли кто-нибудь другой в Интернационале, кроме с.-р-ов, согласился бы принять и «Серп». Взявши второй раз слово, я категорически протестовал против приема Рубановича: навязывать сионистов *чужой* подсекции, в то же время не давая решения своей подсекции в пользу сионистов. В результате Бюро приняло единогласно (при двух воздержавшихся: Рубанович и Вальян) резолюцию Адлера, которая гласит:

> «Бюро констатирует, что допущение сионистов (с совещательным голосом) было сделано исключительно по отношению к заседаниям Штутгартского Конгресса, что сионисты в настоящее время не присоединены к Международному Бюро, и переходит к очередным делам».

Восьмым и последним пунктом порядка дня было утверждение, почти без прений, особого состава делегации французских социалистов в Международном Бюро. Одним делегатом от

Франции назначен Гэд, второй же голос Франции в Бюро передан двум делегатам, Вальяну и Жоресу вместе.

Заседание Бюро закончилось единогласным принятием предложенной бельгийским делегатом де-Брукэром резолюции сочувствия турецкой революции:

«Международное Социалистическое Бюро с радостью приветствует падение того гнусного режима, который Абдул-Гамид так долго поддерживал в Турции при помощи держав, — приветствует открывшуюся для народов Турецкой империи возможность самим распорядиться своей судьбой и введение режима политической свободы, который позволит рождающемуся пролетариату вести свою классовую борьбу в тесном единении с пролетариатом всего мира».

В понедельник 12 октября состоялось заседание междупарламентской конференции. В порядке дня стояли три пункта: 1) последняя парламентская сессия; 2) колониальные реформы (доклад Ван-Коля) и 3) о деятельности социалистов в пользу мира внутри междупарламентского союза (доклад Ляфонтэна, бельгийского депутата), — затем четыре вопроса: а) условия платы строительным рабочим в случае банкротства предпринимателей; б) голосование посредством писем; в) новые списки членов парламентских групп и их секретарей и г) посылка документов.

По первому пункту порядка дня ограничились подтверждением, по предложению Пернерсторфера, решения Штутгартского Конгресса: секретари парламентских фракций приглашаются доставлять в Международное Социалистическое Бюро *письменные отчеты* фракции. К такому же напоминанию привел краткий обмен мнений по двум последним из указанных «вопросов». По двум первым «вопросам» вкратце были указаны материалы и предположения, имеющиеся на этот счет у некоторых социалистических депутатов. Доклад Ляфонтэна был, по предложению докладчика, отложен. Австрийцы и немцы указали по этому поводу, что они против участия социалистов в буржуазных парламентских конференциях в пользу мира. Шведский делегат Брантинг сослался на особые условия, объясняющие, будто бы, участие в этих конференциях шведских с.-д. По его же предложению, в порядок дня следующей междупарламентской конференции, которая состоится одновременно с следующим заседанием Бюро, внесен вопрос о государственном страховании рабочих.

Единственным пунктом порядка дня, по которому был прочтен краткий доклад и были не лишенные интереса прения, оказался вопрос о колониальных реформах. Голландский делегат Ван-Коль, прославивший себя своей оппортунистической резолюцией по колониальному вопросу в Штутгарте, в своем докладе пытался несколько с иной стороны протащить свою излюбленную

идейку о «положительной» колониальной программе социал-демократии. Совершенно оставив в стороне борьбу с.-д. против колониальной политики, агитацию в массах против колониального грабежа, пробуждение духа отпора и сопротивления у угнетенных масс в колониях, Ван-Коль все внимание сосредоточил на перечне возможных «реформ» колониального быта при данных порядках. Как благонамеренный чиновник, перечислял он самые различные вопросы, начиная от собственности на землю, кончая школами, поощрением промышленности, тюрьмами и т. д., подчеркивая при этом необходимость быть по-практичнее, считаться, напр., с тем, что всеобщее избирательное право не всегда применимо к дикарям, что нельзя иногда не согласиться с необходимостью учреждения в колониях вместо тюрем обязательных работ и т. д., и т. д. Весь доклад был пропитан не духом пролетарской классовой борьбы, а духом самого мелкого буржуазного, даже хуже: чиновничьего реформаторства. В заключение предлагался выбор комиссии от пяти главнейших, владеющих колониями, стран для выработки колониальной программы социал-демократии.

Молькенбур от немцев и некоторые бельгийцы попробовали было пойти по дорожке Ван-Коля, споря с ним о частностях, о том, нужна ли единая общая программа, не будет ли это шаблонизированием и т. д. Ван-Колю такая постановка вопроса была только на руку, ибо ему именно хотелось свести все к «практике» и доказать, что «на практике» разногласия меньше, чем казалось в Штутгарте. Но Каутский и Ледебур дали принципиальную постановку вопроса и напали на основную фальшь всей позиции Ван-Коля. Ван-Коль допускает неприменимость хотя бы в единичных случаях всеобщего избирательного права, — говорил Каутский — значит, он так или иначе мирится с деспотизмом в колониях, ибо никакой иной избирательной системы он не предлагает и предложить не может. Ван-Коль допускает обязательные работы, — говорил Ледебур — значит, он открывает двери буржуазной политике, пользующейся тысячами различных предлогов для сохранения рабства в колониях. Ван-Коль защищался чрезвычайно упорно и чрезвычайно плохо, доказывая, напр., что без натуральных повинностей иногда не обойтись, что «он сам видел это на Яве», что папуасы не знают, что̀ значит голосовать, что на выборах иногда решает у них прямое суеверие или просто спаивание ромом и т. д. Каутский и Ледебур высмеяли такие доводы, отстаивая безусловную применимость нашей общей демократической программы и к колониям, необходимость выдвинуть на первый план борьбу с капитализмом и в самих колониях. Лучше ли суеверие наших «образованных» католиков, чем суеверия дикарей? — спрашивал Ледебур. Если не всегда применимы парламентские и представительные учреждения, говорил Каутский, то всегда применим демократизм, всегда обязательна борьба

*

против всякого отступления от демократизма. Линия революционной и оппортунистической социал-демократии с полной ясностью выступила в результате этих прений, и Ван-Коль, увидевши, что его предложение, несомненно, будет «похоронено по первому разряду», сам взял его обратно.

«Пролетарий» № 37, 29 (16) октября 1908 г.
Подпись: Н. Ленин.

Печатаются по тексту «Пролетария», сверенному с рукописью.

СОБЫТИЯ НА БАЛКАНАХ И В ПЕРСИИ.

За последнее время балканские события заполнили политическую прессу не только России, но и всей Европы. Некоторое время опасность европейской войны казалась придвинувшейся совсем близко, да и сейчас еще — хотя гораздо больше вероятности, что дело ограничится шумом и криком, а до войны не дойдет, — опасность ее все же далеко не устранена.

Бросим общий взгляд на характер кризиса и на те задачи, которые он возлагает на русскую рабочую партию.

Пробуждение к политической жизни азиатских народов получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции. Но это пробуждение так медленно перекидывалось с одной страны на другую, что в Персии едва ли не решающую роль сыграла и продолжает играть русская контр-революция, а турецкая революция сразу встретила перед собой контр-революционную коалицию держав с Россией во главе. Правда, это последнее утверждение, на первый взгляд, противоречит общему тону европейской прессы и заявлений дипломатии: послушать эти заявления, поверить статьям официозов — все полны «сочувствия» к обновленной Турции, все только и желают укрепления и развития конституционного режима в Турции, все не нахвалятся «умеренностью» буржуазных младо-турков.

Но все эти речи — образец подлого буржуазного лицемерия современных реакционных правительств Европы и современной реакционной европейской буржуазии. На деле ни одна европейская страна, называющая себя демократией, ни одна европейская буржуазная партия, именующаяся демократической, прогрессивной, либеральной, радикальной и т. п., не доказала ничем своего действительного желания помочь турецкой революции, ее победе, ее упрочению. Напротив, все *боятся* успеха турецкой революции, ибо этот успех означал бы неминуемо, с одной стороны, развитие стремлений к автономии и действительной демократии во всех балканских народах, с другой стороны, — победу персидской революции, новый толчок к демократическому движению в Азии,

усиление борьбы за самостоятельность в Индии, создание свободных порядков на громадном протяжении русской границы, следовательно, создание новых условий, затрудняющих политику черносотенного царизма и облегчающих подъем революции в России, и так далее.

Суть того, что происходит теперь на Балканах, в Турции, в Персии, сводится к контр-революционной коалиции европейских держав *против* растущего демократизма в Азии. Все усилия наших правительств, вся проповедь «больших» европейских газет сводятся к тому, чтобы замазать этот факт, чтобы сбить с толку общественное мнение, чтобы прикрыть лицемерными речами и дипломатическими фокус-покусами *контр-революционную коалицию* так называемых цивилизованных наций Европы против наименее цивилизованных и наиболее рвущихся к демократизму наций Азии. И вся суть политики пролетариата в данный момент состоит в том, чтобы сорвать маску с буржуазных лицемеров, чтобы обнаружить перед глазами самых широких народных масс реакционность европейских правительств, которые из боязни пролетарской борьбы у себя дома играют и помогают играть роль жандарма по отношению к революции в Азии.

Сеть интриг, которыми окутала Европа все турецкие и балканские происшествия,—чрезвычайно плотная, и обывательская публика поддается на удочку дипломатов, которые стараются обратить внимание на мелочи, на частности, на отдельные стороны происходящих событий, стараются затемнить смысл всего процесса в целом. Напротив, наша задача, задача международной социал-демократии—разъяснить народу именно общую связь событий, основное направление и подкладку всего происходящего.

Конкуренция капиталистических держав, желающих «урвать кус» и расширить свои владения и свои колонии,—затем боязнь самостоятельного демократического движения среди зависимых или «опекаемых» Европой народов,—вот два двигателя всей европейской политики. Младо-турков хвалят за умеренность и за сдержанность, т.-е. хвалят турецкую революцию за то, что она слаба, за то, что не пробуждает народных низов, не вызывает действительной самостоятельности масс, за то, что она враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи оттоманов, — и в то же самое время Турцию продолжают грабить попрежнему. Хвалят за то, что возможно продолжать по-старому грабеж турецких владений. Хвалят младо-турков и продолжают политику, которая самым очевидным образом представляет из себя политику *раздела Турции.* Чрезвычайно верно и метко сказала по этому поводу «Лейпцигская Народная Газета» [180]), орган местных соц.-дем.:

«В мае 1791 года дальновидные государственные люди, действительно заботящиеся о благе родины, провели политическую реформу в Польше,

Король прусский и император австрийский хвалили конституцию 3 мая, приветствовали ее, как дело, «несущее благо соседнему государству». Весь свет расхваливал польских реформаторов за ту «умеренность», с которой они принялись за свое дело в отличие от страшных якобинцев в Париже... 23 января 1793 года, Пруссия, Австрия и Россия подписали договор о разделе Польши!

«В августе 1908 года младо-турки провели политическую реформу, прошедшую необыкновенно гладко. Весь свет хвалил их за благопристойную «умеренность», с которой они принялись за дело в отличие от страшных социалистов в России... В октябре 1908 года разыгрывается ряд событий, которые все ведут к дележу Турции».

В самом деле, было бы прямо ребячеством, если бы кто-нибудь вздумал верить *словам* дипломатов, не считаясь с *делами* их, с коллективным выступлением держав против революционной Турции. Достаточно сопоставить *факт* свидания и переговоров министров иностранных дел, глав некоторых государств, — с последующими событиями, чтобы наивная вера в заявления дипломатов рассеялась, как дым. В августе и сентябре, как раз после младо-турецкой революции и перед самыми декларациями Австрии и Болгарии мы наблюдаем свиданье г. Извольского в Карлсбаде и Мариенбаде с королем Эдуардом, с премьером французской республики Клемансо, свиданье министра иностранных дел Австрии фон-Эренталя с итальянским министром иностранных дел Титтони в Зальцбурге, затем свиданье Извольского с Эренталем 15 сентября в Бухлое, свиданье Фердинанда, князя Болгарского, с Францом-Иосифом в Будапеште, свиданье Извольского с фон-Шеном, германским министром иностранных дел, потом с Титтони и с королем итальянским.

Эти факты говорят сами за себя. *Перед* выступлением Австрии и Болгарии *все существенное* было уже переговорено самым конспиративным и непосредственным образом, при личном свидании королей и министров, *между шестью* державами: Россией, Австрией, Германией, Италией, Францией и Англией. Начавшаяся *потом* газетная перебранка из-за того, правду ли сказал Эренталь, что Италия, Германия и Россия дали свое согласие на аннексию (присоединение) Боснии и Герцеговины Австрией или нет,—это все *сплошная комедия, сплошной отвод глаз*, на который поддаются только либеральные филистеры. Воротилы внешней политики европейских государств, Извольские, Эрентали и вся эта банда коронованных разбойников со своими министрами, нарочно бросила кость печати: грызитесь, господа, пожалуйста, из-за того, кто кого надул и кто кого обидел, Австрия ли Россию, Болгария ли Австрию и т. д., кто «первый» начал рвать Берлинский трактат [181]), кто и как относится к плану конференции держав и прочее и тому подобное. Пожалуйста, занимайте этими интересными и важными—о! чрезвычайно важными!—вопросами общественное мнение. Нам именно это и нужно, чтобы

прикрыть *главное и основное*: состоявшееся уже предварительно соглашение в коренном, т.-е. в выступлении против младо-турецкой революции, в дальнейших шагах к разделу Турции, в пересмотре под тем или иным соусом вопроса о Дарданеллах, в разрешении русскому черносотенному царю душить персидскую революцию. Вот в чем вся суть, вот что нам, вождям реакционной буржуазии всей Европы, действительно нужно и что мы делаем. А либеральные дурачки в печати и в парламентах пусть займутся болтовней о том, с чего началось и как кто сказал и под каким соусом должна быть окончательно оформлена, подписана и показана всему свету политика колониального грабежа и подавления демократических движений.

Либеральная печать всех крупных европейских держав — кроме наиболее в данный момент «сытой» Австрии — занимается теперь тем, что обвиняет *свое* правительство в недостаточном соблюдении *своих* национальных интересов. Либералы каждой страны изображают свою страну и свое правительство наиболее неумелыми, наименее «использовавшими» положение, обманутыми и т. п. Именно эту политику ведут и наши кадеты, давно уже договорившиеся до того, что успехи Австрии внушают им «зависть» (буквальное выражение г. Милюкова). Вся эта политика либеральных буржуа вообще и политика наших кадетов в особенности есть самое отвратительное лицемерие, самое гнусное предательство действительных интересов прогресса и свободы. Ибо такая политика, во-первых, затемняет демократическое сознание народных масс, замалчивая заговор реакционных правительств; во-вторых, она толкает каждую страну на путь так называемой активной внешней политики, т.-е. одобряет систему колониального грабежа и вмешательства держав в дела балканского полуострова, вмешательства, всегда реакционного; в-третьих, эта политика прямо играет на руку реакции, заинтересовывая народы в том, сколько «мы» получим, сколько «нам» достанется при дележке, сколько «мы» выторгуем. Реакционным правительствам как раз в данный момент нужнее всего именно то, чтобы они могли сослаться на «общественное мнение» в подкрепление своих захватов или требований «компенсации» и т. п. Смотрите, дескать, печать моей страны обвиняет меня в чрезмерном бескорыстии, в недостаточном отстаивании национальных интересов, в податливости, она грозит войной, следовательно, мои требования, как самые «скромные и справедливые», всецело подлежат удовлетворению!

Политика русских кадетов, как и политика европейских либеральных буржуа, есть лакейство перед реакционными правительствами, есть отстаивание колониальных захватов, грабежа и вмешательства в чужие дела. Политика кадетов особенно вредна потому, что она ведется под флагом «оппозиции», и вследствие

этого сбивает с толку очень и очень многих, внушает доверие тем, кто не верит русскому правительству, развращает сознание масс. Поэтому и наши депутаты в Думе и все наши партийные организации должны иметь в виду, что нельзя сделать ни одного серьезного шага в деле социал-демократической пропаганды и агитации по поводу балканских событий, не разъясняя, *и с думской трибуны*, и в листках, и на собраниях, *связи* между реакционной политикой самодержавия и лицемерной оппозицией кадетов. Нельзя разъяснить народу всего вреда, всей реакционности царской политики, не разъясняя той же сущности кадетской внешней политики. Нельзя бороться с шовинизмом и черносотенством во внешней политике, не борясь с фразами, ужимками, недомолвками и подходцами кадетов.

Вот пример того, до чего доводит социалистов податливость к точке зрения либеральной буржуазии. В известном органе оппортунистов «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический—???—Ежемесячник») Макс Шиппель [182]) пишет по поводу балканского кризиса: «Почти все мыслящие члены партии сочли бы это ошибкой, если бы мнение, еще раз высказанное недавно в нашем берлинском центральном органе (т.-е. в «Vorwärts'е»), получило преобладание, именно то мнение, что Германии нечего искать ни в теперешних, ни в будущих переворотах на Балканах. Понятно, нам не надо стремиться к территориальным приобретениям... Но несомненно, что крупные перегруппировки держав в этой области, служащей важным соединительным звеном между Европой, всей Азией и частью Африки, самым непосредственным образом затрагивают наше международное положение... Всякое сколько-нибудь решающее значение русской реакционной махины пока совершенно отпадает... В России... мы не имеем основания видеть врага во всяком случае и во что бы то ни стало, как считала ее врагом демократия 50-х г.г.» (S. 1319).

Этот глупенький либерал, прикрывающий себя маской социалиста, не заметил реакционных интриг России за ее «заботами» о «славянских братьях»! Говоря: «мы» (от имени немецкой буржуазии), «наше» положение и т. п., он не заметил ни удара младо-турецкой революции, ни шагов России против персидской революции!

Приведенные слова напечатаны в журнале, помеченном 22 октября. 18-го (5) октября «Новое Время» [183]) поместило громовую статью по поводу того, что «анархия в Тавризе достигла невероятных размеров», что город этот будто бы «наполовину разрушен и разграблен полудикими революционерами». Победа революции над шахскими войсками в Тавризе, как видите, сейчас же вызвала бешенство русского официоза. Вождь революционного персидского войска, Саттар-хан, объявлен в этой статье

«адербейджанским Пугачевым» (Адербейджан или Азербейджан есть северная провинция Персии; главный город этой провинции — Тавриз, население этой провинции, по Реклю, доходит почти до $^1/_5$ всего населения Персии). «Спрашивается, — писало «Новое Время», — может ли Россия терпеть без конца все эти безобразия, которые разоряют нашу миллионную торговлю на персидской границе?... Не следует забывать, что все восточное Закавказье и Адербейджан в этнографическом отношении представляют одно целое... Татарские полуинтеллигенты в Закавказьи, забыв, что они русские подданные, отнеслись с горячим участием к тавризским смутам и посылают туда своих добровольцев...... для нас гораздо важнее, чтобы смежный с нами Адербейджан был умиротворен. Как это ни прискорбно, обстоятельства могут вынудить Россию, при всем ее желании ни во что не вмешиваться, взять это дело на себя».

20-го октября в немецкую «Франкфуртскую Газету» телеграфировали из Петербурга, что «компенсацией» для России предполагается оккупация Адербейджана. 24-го (11) октября та же газета поместила телеграмму из Тавриза: «*Третьего дня шесть батальонов русской пехоты с соответствующим количеством кавалерии и артиллерии перешли персидскую границу и ожидаются сегодня в Тавризе*».

Русские войска переходили персидскую границу в тот самый день, когда М. Шиппель, повторяя, как раб, уверения, *всей* либеральной и полицейской печати, говорил немецким рабочим, что значение России, как реакционной глыбы, отошло в прошлое и что видеть в России врага во что бы то ни стало — ошибочно!

Предстоит новое избиение персидских революционеров войсками Николая Кровавого. За неофициальным Ляховым следует официальная оккупация Адербейджана и повторение в Азии того, что сделала Россия в Европе в 1849 г., когда Николай I посылал войска против венгерской революции. Тогда была еще в Европе среди буржуазных партий настоящая демократия, способная бороться за свободу, и не только лицемерно болтать о ней, как делают все буржуазные демократы в наши дни. Тогда России приходилось играть роль европейского жандарма против некоторых, по крайней мере, европейских стран. Теперь *все* крупнейшие державы Европы, не исключая «демократической» республики «красного» Клемансо, смертельно боясь всякого расширения демократии у себя дома, как идущего на пользу пролетариату, *помогают* России играть роль азиатского жандарма.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что в *сентябрьский реакционный заговор* России, Австрии, Германии, Италии, Франции и Англии *входила* «свобода действий» России против персидской революции. Совершенно не важно, было ли это написано в каком-нибудь тайном документе, который будет напечатан

много лет спустя в собрании исторических материалов, или это было только сказано Извольским его любезнейшим собеседникам, или сами эти собеседники «намекнули» на то, что мы вот переходим от «оккупации» к «аннексии», а вы, может быть, от Ляхова к «оккупации», или еще как-нибудь иначе,— все это имеет ничтожное значение. Существенно то, что, как бы ни был мало оформлен сентябрьский контр-революционный заговор держав, но этот *заговор есть факт* и с каждым днем значение его выясняется все больше и больше. Это — заговор против пролетариата и против демократии. Это — заговор во имя прямого подавления революции в Азии или косвенных ударов этой революции. Это — заговор во имя продолжения колониального грабежа и территориальных завоеваний сегодня на Балканах, завтра в Персии, послезавтра, может быть, в Малой Азии, в Египте и т. д. и т. д.

Свергнуть эту объединенную силу коронованных разбойников и международного капитала в состоянии только одна всемирная революция пролетариата. Злободневная задача всех социалистических партий — усилить агитацию в массах, сорвать маску с игры дипломатов всех стран и показать наглядно, воочию, все факты, свидетельствующие о подлой роли *всех союзных держав*, всех одинаково, как непосредственных выполнителей функций жандарма, так и пособников, друзей, финансистов этого жандарма.

На русских с.-д. депутатов в Думе,— в которой ожидается и сообщение Извольского и кадетско-октябристский запрос,— ложится теперь чрезвычайно тяжелая, но и чрезвычайно высокая, великая обязанность. Они состоят членами учреждения, которое прикрывает политику главной реакционной державы, главного заговорщика контр-революции, и они должны найти в себе уменье и мужество *сказать всю правду*. В такой момент, как теперь, социал-демократическим депутатам черносотенной Думы многое дано, но многое с них и спросится. Ибо кроме них *некому* в Думе поднять голос против царизма *не* с октябристско-*кадетской* точки зрения. А кадетский «протест» в подобные времена и при подобных обстоятельствах хуже, чем ничто, ибо это может быть лишь протест *из среды той же* капиталистической волчьей стаи во имя той же волчьей политики.

Пусть же берется за работу и наша думская и все остальные наши партийные организации. Агитация в массах приобретает теперь значение во сто крат большее, чем в обыденное время. Три обстоятельства должны быть выдвинуты при этом на первый план во всей нашей партийной агитации. Во-первых, в противоположность всей реакционной и либеральной печати, начиная от черносотенцев и до кадетов включительно, социалдемократия срывает маску с дипломатической игры в конференции,

в соглашение держав, в союзы с Англией против Австрии или с Австрией против Германии или какие бы то ни было иные. Наше дело — показать *факт* реакционного заговора держав, который уже состоялся, который правительства изо всех сил стараются прикрыть комедией более открытых переговоров. Против дипломатических комедий за выяснение народу правды, за разоблачение международной анти-пролетарской реакции! Во-вторых, мы должны выяснить реальные, а не словесные плоды и результаты этого заговора: удар турецкой революции — содействие России в деле душения персидской революции — вмешательство в чужие дела и нарушение основного принципа демократии, права наций на самоопределение. Наша программа, как и программа всех с.-д. мира, отстаивает это право. И нет ничего реакционнее, как заботы австрийцев, с одной стороны, русских черносотенцев, с другой, о «братьях-славянах». Эти «заботы» прикрывают самые подлые интриги, какими издавна прославила себя Россия на Балканах. Эти «заботы» всегда сводятся к покушению на *действительный* демократизм в тех или иных балканских странах. Единственная искренняя «забота» держав по отношению к балканским странам могла бы состоять в одном и только в одном: предоставить их самим себе, не портить им жизни иностранным вмешательством, не бросать палок под колеса турецкой революции. Но, конечно, не от буржуазии может ждать рабочий класс такой политики!

Все буржуазные партии — вплоть до самых либеральных и «демократичных» по названию, в том числе вплоть до наших кадетов — стоят на точке зрения капиталистической внешней политики. Это — третье обстоятельство, на которое социал-демократия должна особенно энергично указывать. Либералы и партия к.-д. стоят по сути дела за то же соревнование капиталистических наций, подчеркивая лишь другие формы этого соревнования, чем у черной сотни, добиваясь лишь иных международных соглашений, чем те, на которые опирается сейчас правительство. И эта либеральная борьба против одного вида буржуазной внешней политики за другой вид такой же политики, эти либеральные попреки правительства за то, что оно отстает от других (в деле грабежа и вмешательства!) оказывают самое развращающее действие на массы. Долой всякую колониальную политику, долой всю политику вмешательства и капиталистической борьбы за чужую землю, за чуждое население, за новые привилегии, за новые рынки, проливы и т. п.! Социал-демократия не разделяет нелепой мещанской утопии «мирного и справедливого» капиталистического прогресса. Социал-демократия борется против всего капиталистического общества, зная, что нет на свете другого защитника мира и свободы, кроме международного революционного пролетариата.

P. S. После того, как эта статья была сдана в печать, в газетах появилась телеграмма *Петербургского Телеграфного Агентства*, опровергающая известие о переходе персидской границы русскими войсками. Телеграмма эта помещена в «Frankfurter Zeitung» 24/X, второе утреннее издание. В *3-м* издании есть телеграмма из Константинополя, от 24/X 10 час. 50 мин. *вечера*. В этой телеграмме говорится, что вечером 24/X в Константинополе узнали о переходе персидской границы русскими войсками. Заграничная печать, *кроме социалистической*, пока молчит о вторжении русских войск в Персию.

Итог: Окончательно узнать всей правды мы пока не можем. Во всяком случае «опровержения», исходящие от царского правительства и из *Спб. Телеграфного Агентства*, конечно, никакого доверия не заслуживают. Что Россия с ведома держав ведет борьбу с персидской революцией всеми средствами, от интриг до посылки войск, это факт. Что она ведет политику, направленную к оккупации Азербейджана, это тоже несомненно. Если войска не перешли еще границу, то, наверное, все меры к тому приняты: без огня дыма не бывает.

«Пролетарий» № 37, 29 (16) октября 1908 г.

П. МАСЛОВ В ИСТЕРИКЕ [184]).

В № 8—9 «Голоса С.-Д.» П. Маслов поместил «Письмо в редакцию», которое нельзя иначе назвать, как истеричным. В самом деле, разве это не истерика, когда автор не только посрамляет меня сравнением моего стиля со стилем иеромонаха Илиодора, но и вытаскивает какие-то *разговоры*, бывшие *14 лет тому назад?* Это покажется читателю шуткой, но это факт. «Когда до выхода III тома Капитала», — пишет П. Маслов, — «Ленин ознакомился с моей рукописью, в которой было одинаковое решение вопроса о распределении прибыли, как и в III т., Ленин заявил, что он считает правильным чрезвычайно нелепое решение этого вопроса проф. Скворцовым» [185]). Подумайте только: *до* выхода III тома, т.-е. *до 1894-го года!* Надо иметь либо детскую наивность, чуждую моему почтеннейшему оппоненту, либо находиться в истерике, чтобы претендовать на точность в воспоминании о каких-то разговорах, бывших будто бы *четырнадцать лет тому назад*, и о своих не напечатанных рукописях. Напечатайте-ка лучше эту рукопись, а, тов. Маслов? Как выгодно-то будет: доказать, что Маслов, один Маслов решил предложенную Энгельсом всему миру задачу *до* III тома! Правда, немножко как будто бы поздно было... Но лучше поздно, чем никогда. Нельзя же думать в самом деле, чтобы Маслов просто задался целью сам себя похвалить ссылкой на свое собственное воспоминание.

Выходит так, что редакция той газеты, где пишет Маслов, пока еще не хвалит Масловской поправки к Марксу и Маслов решил сам себя похвалить за то, что он сделал (про себя) четырнадцать лет тому назад... Выходит так, что я (если поверить в чудовищную силу памяти тов. Маслова) делал ошибки 14 лет тому назад, до выхода III тома «Капитала», и не печатал этих ошибок; а Маслов стал делать ошибки 7 лет и 14 лет спустя после выхода III тома «Капитала» и печатает ошибки. Впрочем, возможно, что истерика Маслова не совсем непредумышленная. Ровно 5 лет тому назад Мартов устроил истерику перед Плехановым, побудив этим его перебежать из большевиков

2

П. Маслов в истерике

В № 8—9 «Голоса С.-Д.» П. Маслов поместил «Письмо в редакцію», которое нельзя иначе назвать, как истерическим. В самом дѣлѣ, развѣ это не истерика, когда автор не только пространнейшим образом негодует по поводу сравнения моего отзыва с отзывом [illegible] Шидлора, но и вытаскивает какие-то разговоры, бывшие 14 лет тому назад? Это покажется читателю шуткой, но это факт. «Когда до выхода 3-го тома „Капитала“ — пишет П. Маслов — „Ленин ознакомился с моей рукописью, в которой было одинаковое рѣшеніе вопроса о распредѣленіи прибыли, как и в III т., Ленин заявил, что он считает правильным чрезвычайно ценное рѣшеніе этого вопроса проф. Скворцовым“». Подумайте только: до выхода III тома «К.» — до 1894-го года! Надо иметь либо детскую наивность, чуждую всякому критическому отношению, либо находиться в истерике, чтобы (провозгласить на выход в) вспоминать о каких-то разговорах, (бывших будто бы) четырнадцать лет тому назад, и о своих ненапечатанных рукописях. Напечатайте-ка лучше эту рукопись, тов. Маслов! Как выгодно-то будет: докажете, что Маслов, один Маслов рѣшил предварительно Энгельсу всю эту задачу до III-го тома! Правда, напечатать как будто бы трудно было... Но лучше поздно, чем никогда. Наиболь-

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «П. Маслов в истерике» — 1908 г.

Уменьшено

в меньшевики [186]). Не надеется ли П. Маслов, что Плеханов, прочтя его вопли в редактируемой Плехановым и К-о газете, перебежит из числа сторонников теории ренты Маркса в число сторонников теории ренты Маслова? Это было бы очень интересно. А пока этого не случилось, посмотрим, как обстоит дело с Масловским обвинением, что моя статья «состоит сплошь из передержек и явной неправды».

Так-таки «сплошь», тов. Маслов?

Ну, давайте рассмотрим все ваши доводы.

«Ленин пишет: «Неправда, что по Марксу абсолютная рента получается благодаря низкому строению земледельческого капитала. Абсолютная рента получается благодаря частной собственности на землю. Эта частная собственность создает особую монополию» *).

Здесь Маслов *обрывает мое предложение,* не заканчивающееся на слове «монополию» и дающее в конце фразы ссылку *на определенную страницу IV тома* («Теорий прибавочной стоимости»). Это не передержка со стороны Маслова, о нет! Это только «исправление» чужого изложения...

«Это пишет Ленин» — продолжает П. Маслов. «А вот что пишет Маркс: «Если бы среднее строение земледельческого капитала было одинаково со строением среднего общественного капитала, или если бы оно было выше последнего, то абсолютная рента именно в ее исследованном значении исчезла бы, т.-е. та рента, которая отличается и от дифференциальной ренты, и от ренты, основывающейся на настоящей монопольной цене» («Капитал», III т., с. 631 рус. пер. [187])). Предоставляю судить читателю, кто правильнее излагает Маркса» (следует примечание о той ошибке насчет закона прибыли, которую 14 лет тому назад я сделал, как твердо помнит П. Маслов, в частном разговоре с ним).

Я тоже предоставляю судить читателю, на чьей стороне тут «передержки и явная неправда». Почтеннейший Маслов *оборвал мою фразу перед моей ссылкой на Маркса* и приводит мне другую ссылку! Что же это за довод? Не изобличил ли Маслов паки и паки в противоречивости «черновики» Маркса (я напомню читателю, что Маслов в 1906 г., т.-е. даже после выхода «Теорий прибавочной стоимости», имел смелость объяснять открытые им ошибки Маркса тем, что III том — «черновые наброски»)? Не доказывает ли это, что Маркс не свел концов с концами в выведении абсолютной ренты *то* из частной собственности на землю, *то* из низкого строения капитала в земледелии?

Нет, это доказывает только, что Маслов опять безбожно путает. У Маркса можно найти десятки фраз, где абсолютная

---

*) См. XI том Сочинений, стр. 395. *Ред.*

рента выводится из частной собственности на землю, и десятки фраз, где она выводится из низкого строения земледельческого капитала. И это по той простой причине, что *оба эти условия* в соответствующих местах своего изложения выдвигает Маркс, — совершенно так же, как *оба* эти условия, излагая Маркса, *выдвинул* и я: в том самом абзаце моей статьи, из которого взята цитата Маслова, я говорю *и о низком строении* земледельческого капитала! (См. «Пролетарий» № 33, стран. 3, столб. 2 — 3 *).) Маслов цитирует против меня 45-ую главу III тома, главу об абсолютной ренте. Маслов берет цитату со стр. 298-ой оригинала. А на стр. 287-ой, *т. е. раньше*, Маркс говорит, что дифференциальную ренту не «создает» собственность на землю (дифф. рента неизбежна при капитализме *и без* собственности на землю), а абсолютную ренту создает собственность на землю. «Собственность на землю — пишет Маркс курсивом — создала сама ренту» (III, 2, 287).

Спрашивается, противоречит ли цитата с стр. 287-ой цитате с стр. 298-ой? Нисколько. Выяснив, что частная собственность на землю *создает* ренту (именно абсолютную), Маркс переходит к выяснению того, что эта рента будет либо просто монополией, только монополией, чистой монополией, либо *результатом* того, что монополия мешает *выравниванию прибыли* капиталов низких по строению (земледелие) и более высоких (промышленность).

Маслов повторил, следовательно, в газете, редактируемой Плехановым и К°, свое вопиющее искажение марксизма. Маслов настаивает, следовательно, и здесь — не говоря только этого прямо — на том, что абсолютной ренты быть не может, что теория Маркса есть ошибка, а теория буржуазной политической экономии, отрицающей абсолютную ренту, истинна.

Почему же не сказать прямо того, что сказано в «Аграрном вопросе» и приведено в моей цитате? Это не «передержка и явная неправда»? Что же это такое? В «Аграрном вопросе» говорится, что Маркс неправ, что абсолютной ренты быть не может, а в газете, редактируемой Плехановым и К°, *умалчивается об этом* и говорится только о том, кто *правильнее* излагает Маркса!!! Выходит, что мы с Масловым спорили только о том, «кто правильнее излагает Маркса», и что я сказал неправду, будто Маслов «поправил» «черновые наброски» Маркса, выкинув вон абсолютную ренту!? Стыдитесь, тов. Маслов!

«Далее. «Петр Маслов — пишет Ленин — не понял и дифференциальной ренты Маркса... Когда новая затрата капитала арендатором на его участке дает ему и новую прибыль, и *новую ренту* (курсив Ленина), то эту ренту получает не землевладелец,

*) См. XI том Сочинений, стр. 396. *Ред.*

а арендатор» *). По этому случаю Ленин, разумеется, делает соответствующие поучения «невежественному» Маслову. Берем I том «Аграрного вопроса» и на стр. 112-ой находим: «Если интенсификация хозяйства, ввиду новой затраты 500 руб., дает такое же количество продукта, то арендатор получит прибыли уже не 25%, а 100%, т. к. при первой затрате капитала он уплачивает 333 р. ренты... Если при затрате первых капиталов он довольствовался средней прибылью..., то ему выгоднее, сокративши площадь аренды, затрачивать новые капиталы на ту же землю, т. к. они дадут избыток над прибылью, дадут ренту и арендатору». Но Ленину нужно было сказать неправду, чтобы обругать меня».

Посмотрим, кто сказал неправду. Чтобы разобраться в этом, надо обратить внимание на *многоточия* в выписанной мной выдержке, приводимой Масловым. Ибо я выписал полностью все. сказанное по этому поводу Масловым. Многоточия означают *сокращения*. И вот Маслов *сократил* со 112-ой стр. своего первого тома *как раз то*, что сказано у него там *против Маркса* и что напечатано на 112-ой стр. *курсивом!* Это невероятно, но это факт. В моей статье в «Пролетарии», как 2-ой довод Маслова против Маркса, приведена со стр. 112-ой I-го тома следующая фраза: «Рента с «последнего» затрачиваемого капитала, рента Родбертуса и абсолютная рента Маркса исчезнет, *потому что арендатор всегда может сделать «последний» капитал предпоследним, если он дает что-нибудь, кроме обычной прибыли»* (курс. Маслова) **).

Это — довод Маслова против Маркса. На *этот* довод я напал и продолжаю утверждать, что этот довод — сплошь фальшь и путаница. Маслов же отвечает мне тем, что цитирует *эту самую* 112-ую страницу *с опущением* своего выпада против Маркса! Вместо этого выпада стоит *многоточие:* до многоточия цитируется *начало* страницы, после многоточия *конец*, а выпад против Маркса исчез. Это не передержка и не явная неправда?

Я не утверждал и не утверждаю, что на 400 страницах «Аграрного вопроса» нельзя найти верные места. Я утверждал только, что *доводы Маслова против Маркса* есть вздор несказанный и путаница неслыханная. Если Маслов в обещанном им 4-ом издании выкинет эти доводы, если, напр., на стр. 112-ой он оставит то, что приведено им в «Голосе С.-Д.», то я скажу и всякий скажет: начиная с 4-ого издания Маслов перестал поправлять Маркса. А пока этого не сделано, всякий, кто прочтет том I, увидит на стр. 112-ой довод Маслова против Маркса, до-

*) См. XI том Сочинений, стр. 397. *Ред.*
**) См. XI том Сочинений, стр. 396. *Ред.*

вод, *опущенный* в «Голосе». И всякий увидит, что я прав в своей критике *этого* довода, т.-е. что этот довод против *абсолютной* ренты нелеп, ибо арендатор получает во время арендного договора новую ренту с новых затрат капитала *целиком*, т.-е. и абсолютную, и дифференциальную.

На следующем «примере» Маслова я не останавливаюсь, ибо этот пример относится *к тому же доводу*, опущенному Масловым в «Голосе». Понятно, что моя критика довода отпадает, если Маслов *берет назад* довод. Если же он не делает этого, а только сокращает свои цитаты, то я спрашиваю читателя: на чьей стороне «сплошь передержки и явная неправда»?

Наконец, последняя цитата Маслова из моей статьи следующая:

«Что такое интенсификация?» спрашивает Ленин и отвечает: «дальнейшая затрата труда и капитала. Жнейка, по открытию великого Маслова, *не* (курсив Ленина) есть затрата капитала. Рядовая сеялка не есть затрата капитала» *). Благодаря незнакомству с элементарнейшими понятиями в аграрном вопросе Ленин дал неправильное определение интенсификации и не только написал явный вздор, но еще и утверждает явную неправду. В «Аграрном вопросе» (с. 62) написано: «Молотилка уменьшает затрату труда на единицу площади земли, в экстенсивном и в интенсивном хозяйстве». (*Такой* затратой, а не вообще затратой, безотносительно к площади земли, определяется интенсивность культуры. *П. М.*) Жнейка имеет такое же значение».

Послушайте, почтеннейший, скажу я на это Маслову: надо же знать меру!.. Неужели спор шел о том, определяется ли интенсивность затратой капитала на единицу площади или безотносительно к площади? Ведь это именно передержка и явная неправда! Спор шел вовсе не об этом. Спор шел у меня во *второй* части моей статьи, цитируемой теперь Масловым, *вовсе не* против «Аграрного вопроса», а *против статьи Маслова в «Образовании», 1907 г. № 2.*

Извольте спорить с субъектом, который то выкидывает из своих сочинений как раз те доводы против Маркса, каковые оспаривались критиком, то *выкидывает целые свои статьи*, подсовывая читателю *не то*, о чем шла речь!

Вторая часть моей статьи носит заголовок: «Необходимо ли для опровержения народничества опровергнуть Маркса?» В этой части критикуется *только* статья Маслова в «Образовании» 1907 г. № 2.

Маслов умалчивает в «Голосе» об этой своей статье и ссылается на свой «Аграрный вопрос»! Но это же смешная игра в прятки! Я никогда не говорил, что в «Аграрном вопросе» Мас-

*) См. XI том Сочинений, стр. 402. *Ред.*

лов договорился до того, что для опровержения народничества надо опровергнуть Маркса.

А в «Образовании» у Маслова *это сказано*. И против этого я возражал, а вовсе не против того, какой затратой капитала определяется интенсификация. Поддерживает Маслов, да или нет, свое утверждение, что «если бы не было факта падения производительности последовательных затрат труда на ту же площадь земли, то еще могла бы, может быть, осуществиться та идиллия, которую рисуют с.-р-ы»?

Вы прячетесь, почтеннейший? Но это значит признать себя побежденным.

Поддерживаете ли вы утверждение, что вам «первому пришлось особенно резко подчеркнуть разницу значения культуры земли и технического прогресса для развития хозяйства и в частности для борьбы крупного и мелкого производства»? Так сказано у вас в «Образовании». Так процитировано у меня в «Пролетарии». К этому и только к этому вопросу относится ваше рассуждение о жнейке, рассуждение в «Образовании», а не в «Аграрном вопросе». Не защищая сказаного им в «Образовании», Маслов сдает позицию!

Итак, по существу вопроса Маслов только и делает, что увертывается в «Голосе». Он повторяет путаницу, будто Маркс не выводил абсолютной ренты из частной собственности на землю, но прямо своих поправок к Марксу он не защищает; доводы свои против Маркса он выкидывает из своих цитат; сказанное в «Образовании» он совсем обходит. И мы повторяем: уничтожение абсолютной ренты Маркса Масловым в «Аграрном вопросе» и рассуждения Маслова в «Образовании» остаются непревзойденными перлами путаницы, внесения буржуазной точки зрения в теорию.

Относительно немецкого издания книги Маслова я посмеялся над тем, что там все поправки к Марксу спрятаны. Маслов защищается: издателем не издана вся первая часть моей книги! Итак, к чему же сводится эта поправка Маслова? Я говорил: Маслов выкинул. Маслов говорит: издатель выкинул — а издатель немецкий социал-демократ Дитц.

Если Дитц выкинул «теорию» Маслова, его «поправки» к Марксу *с* согласия Маслова, то мой вывод ни в чем не изменяется. Если Дитц сделал это *без* согласия Маслова, то мой вывод изменяется только по форме: Дитц, выкинув глупости из книги Маслова, поступил умно.

Этой ли поправки добивался почтеннейший Маслов?

Маслов говорит, что я «начинаю искать ересей у противников», «желая прикрыть» ереси моих друзей. Это неправда. Против того, что я считаю ересью у своих друзей, я выступаю так же решительно, как против вас. Это показывает мое примечание

в только что вышедшем сборнике «Памяти Маркса» *) **) [188]. Ереси же Маслова я «начал искать» *в 1901 году* в «Заре» ***), т.-е. *за два года* до раскола на большевиков и меньшевиков, *за два года* до первой муниципализаторской программы Маслова [189]. В 1901 году Маслов был в партии моим «противником» *только* по вопросу о его поправках к теории Маркса.

P. S. Настоящая заметка была уже написана, когда я получил особый листок администрации «Голоса С.-Д.». В этом листке говорится:

«Вследствие типографской ошибки в №№ 8—9 «Голоса С.-Д.» *пропущено примечание* редакции к письму тов. Маслова. Ошибка эта будет немедленно исправлена, и примечание представлено в распоряжение подписчиков и покупателей».

Исправление это еще не получено нами. Считаю своим долгом довести до сведения читателей о типографской ошибке. Но нет ли *еще* типографской ошибки в перепечатанном мной особом листке? Не следует ли вместо *тов.* Маслова читать *г-на* Маслова? Ведь Плеханов объявил печатно, что люди, отступающие от Маркса, для него не товарищи, а господа! [190]) Или к *меньшевикам*, проповедующим отступление от марксизма, это не относится?

Пролетарий № 37, 29 (16) октября 1908 г.
Подпись: Н. Ленин.

Печатается по тексту «Пролетария», сверенному с рукописью.

---

*) В рукописи: «Мое примечание в только-что вышедшем сборнике «Памяти Маркса» показывает, что о «прикрытии» *у меня* нет и речи». *Ред.*

**) См. настоящий том, стр. 185. *Ред.*

***) См. IV том Сочинений, стр. 195. *Ред.*

ОБ ОЦЕНКЕ ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА.

В порядке дня предстоящей Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. П. поставлен вопрос: «Современное положение и задачи партии». Организации нашей партии уже начали — Москва и Петербург стоят в этом отношении впереди всех остальных центров — систематически обсуждать этот вопрос, несомненно имеющий чрезвычайно важное значение.

Переживаемый нами период затишья освободительного движения, разгула реакции, измен и уныния в лагере демократии, кризиса и частичного развала с.-д. организаций выдвигает особенно остро необходимость учесть прежде всего основные уроки первой кампании нашей революции. Мы говорим не о тактических уроках в тесном смысле слова, а сначала об общих уроках революции, и сообразно этому наш первый вопрос будет таков: каковы те объективные перемены, которые произошли в классовой группировке и в политическом соотношении сил России с 1904 по 1908 год? Основные перемены можно свести, на наш взгляд, к следующим пяти: 1) Аграрная политика самодержавия в крестьянском вопросе принципиально сильно передвинулась; поддержка и укрепление старой общины сменилась политикой ускоренного полицейского разрушения и ограбления ее. 2) Представительство черносотенного дворянства и крупной буржуазии сделало громадный шаг вперед: вместо прежних местных выборных комитетов дворян и купцов, вместо разрозненных и случайных попыток всероссийского их представительства имеется единый представительный орган — Государственная Дума, в которой указанным классам обеспечено полнейшее преобладание. Представительство либеральных профессий — не говоря уже о крестьянстве и пролетариате — сведено на роль придатка и привеска в этом якобы-«конституционном» учреждении, долженствующем укрепить самодержавие. 3) Классы в открытой политической борьбе впервые размежевались и определились в России за это время: политические партии, открыто и тайно (вернее: наполовину тайно, ибо совершенно «тайных» партий после

революции нет в России) существующие теперь, выражают с невиданной прежде точностью интересы и точки зрения классов, которые за три года созрели во сто раз больше, чем за предъидущие полвека. Черносотенное дворянство, национал-«либеральная» буржуазия, мелко-буржуазная демократия (трудовики с их левым небольшим крылом эс-эров) и пролетарская социал-демократия за это время все закончили «утробный» период своего развития и на много-много лет вперед определили — не словами, а фактами и действиями масс — свою натуру. 4) То, что до революции называлось либеральным и либерально-народническим «обществом» или «просвещенной» частью и представительницей «нации» вообще, широкая масса зажиточной, дворянской, интеллигентской «оппозиции», которая казалась чем-то целым, однородным, пропитывающим земства, университеты, всю «порядочную» печать и т. д., и т. д., — все это проявило себя в революции, как идеологи и сторонники буржуазии, все это заняло очевидную теперь для всех *контр-революционную* позицию по отношению к *массовой* борьбе социалистического пролетариата и демократического крестьянства. Контр-революционная либеральная буржуазия родилась и растет. Этот факт не перестает быть фактом от того, что его отрицает «прогрессивная» легальная печать, или от того, что его замалчивают и не понимают наши оппортунисты, меньшевики. 5) Миллионы населения приобрели практический *опыт* в самых разнообразных формах действительно массовой и непосредственно-революционной борьбы, вплоть до «всеобщей стачки», изгнания помещиков, сожжения их усадеб, открытого вооруженного восстания. Тот, кто был уже революционером или сознательным рабочим до революции, не сразу может представить себе во всем его громадном значении этот факт, который внес самую коренную перемену в целый ряд прежних представлений о ходе развития политического кризиса, о темпе этого развития, о диалектике практически творимой массами истории. Учет этого опыта *массами* — невидный, тяжелый и медленный процесс, играющий гораздо более важную роль, чем многие явления на поверхности политической жизни государства, соблазняющие младенцев не только младенческого в политике, но иногда и очень «изрядного» возраста. Руководящая роль пролетарских масс во всей революции и на всех поприщах борьбы, начиная от демонстраций, продолжая восстанием и кончая (в хронологическом порядке) «парламентской» деятельностью, выступила наружу воочию перед всеми за этот период, взятый в его целом.

Таковы объективные перемены, вырывшие пропасть между доoктябрьской и современной Россией. Таковы *итоги* трех лет богатейшего по своему содержанию периода нашей истории, — разумеется, итоги, так сказать, суммарные, поскольку можно в

нескольких словах наметить самое главное и наиболее существенное. Посмотрим же теперь на те выводы в области тактики, к которым обязывают эти итоги.

Перемена аграрной политики самодержавия имеет чрезвычайно большое значение для «крестьянской» страны, как Россия. Эта перемена не случайность, не колебание курса министерств, не измышление бюрократии. Нет, это глубочайший «сдвиг» в сторону *аграрного бонапартизма*, в сторону либеральной (в экономическом смысле слова, т.-е. = буржуазной) политики в области крестьянских поземельных отношений. Бонапартизм есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору, — монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, — заигрывать, чтобы управлять, — подкупать, чтобы нравиться, — брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке. Бонапартизм есть объективно-неизбежная, прослеженная Марксом и Энгельсом на целом ряде фактов новейшей истории Европы, эволюция монархии во всякой буржуазной стране. И аграрный бонапартизм Столыпина, вполне сознательно и непоколебимо твердо поддерживаемого в этом пункте и черносотенными помещиками и октябристской буржуазией, — не мог бы даже родиться, а не то что продержаться вот уже два года, если бы сама община в России не развивалась капиталистически, если бы внутри общины не складывалось постоянно элементов, с которыми самодержавие могло начать заигрывать, которым оно могло сказать: «обогащайтесь!», «грабь общину, но поддержи меня!». Поэтому безусловной ошибкой была бы всякая оценка Столыпинской аграрной политики, не учитывающая, с одной стороны, ее бонапартистских приемов, с другой стороны, ее буржуазной (= либеральной) сущности.

Например, наши либералы выражают свое смутное сознание того, что Столыпинская аграрная политика есть бонапартизм, нападками на полицейский характер ее, идиотское чиновничье вмешательство в крестьянскую жизнь и т. д., и т. п. Но когда к.-д. плачутся по поводу насильственной ломки «исконных» устоев нашего деревенского быта, они становятся *реакционными* нытиками. Без насильственной, без революционной ломки устоев старой русской деревни не может быть развития России. Борьба идет, — хотя этого не сознают очень и очень многие из ее участников, — *только* из-за того, будет ли это насилие насилием помещичьей монархии над крестьянами или крестьянской республики над помещиками. В обоих случаях *неизбежна* буржуазная, а не иная какая-либо, аграрная революция в России, но в первом случае медленная и мучительная, во втором быстрая, широкая и свободная. Борьба рабочей партии за этот второй путь выражена и признана в нашей аграрной программе — не в той ее части,

где выдвигается несуразная «муниципализация», а в той, где говорится о *конфискации всех помещичьих* земель. После опыта трех лет только разве среди меньшевиков могут еще найтись люди, не видящие связи борьбы за эту конфискацию с борьбой за республику. Столыпинская аграрная политика, если бы она продержалась очень и очень долгие времена, если бы она пересоздала окончательно на чисто буржуазный лад все деревенские поземельные отношения, могла бы заставить нас отказаться от всякой аграрной программы в буржуазном обществе (до сих пор *даже* меньшевики и даже Череванины среди меньшевиков не дошли до отречения от нашей аграрной программы). Но Столыпинская политика никоим образом не может побудить нас теперь изменить нашу тактику. Раз в программе стоит «конфискация всех помещичьих земель», то только младенцы могут не замечать вытекающей отсюда революционной (в непосредственном и узком смысле слова) тактики. И неправильно было бы ставить вопрос так: если Столыпинская политика терпит «крах», то значит близок подъем, и обратно. Крах бонапартистских приемов не есть еще крах политики кулацкого разорения общины. И, наоборот, «успех» Столыпина в деревне теперь и в ближайшие годы *по сути дела* будет больше разжигать борьбу внутри крестьянства, чем тушить ее, ибо иначе как долгим и очень долгим путем нельзя достигнуть «цели», т.-е. окончательного и полного упрочения *чисто* буржуазного крестьянского хозяйства. «Успех» Столыпина в ближайшие годы мог бы привести в лучшем случае к выделению слоя сознательно контр-революционных, октябристских крестьян, но именно такое превращение зажиточного меньшинства в политически сознательную объединенную силу неминуемо означало бы гигантский толчок к развитию политического сознания и объединения против такого меньшинства демократической массы. Лучшего мы, социал-демократы, не могли бы и желать, как превращения стихийной, разрозненной, слепой борьбы «мироедов» и «общества» в сознательную и открытую борьбу октябристов и трудовиков.

Перейдем к вопросу о Думе. Несомненно, что это черносотенно-«конституционное» учреждение представляет из себя точно так же развитие абсолютной монархии по пути бонапартизма. Все те черты бонапартизма, которые мы отметили выше, совершенно наглядно обнаруживаются и на современном избирательном законе, и на подделанном большинстве черносотенцев плюс октябристов, и на игре в подражание Европе, и на погоне за займами, расход которых якобы контролируется «представителями народа», и на полном игнорировании самодержавием в его деловой политике всех прений и решений Думы. Противоречие между фактически всецело господствующим черносотенным самодержавием и показной внешностью буржуазной «конституции» высту-

пает все яснее наружу, неся с собой элементы нового революционного кризиса. Самодержавие хотели прикрыть, приодеть, принарядить посредством Думы; на деле черносотенно-октябристская Дума с каждым днем своего существования все более раскрывает, разоблачает, обнажает истинный характер нашей государственной власти, ее настоящие классовые опоры и ее бонапартизм. Нельзя не вспомнить по этому поводу замечательно глубокого указания Энгельса (в письме к Бернштейну от 27 августа 1883 года [191]) на значение *перехода* от монархии абсолютной к монархии конституционной. В то время как либералы вообще и русские к.-д. в особенности видят в таком переходе проявление пресловутого «мирного» прогресса и гарантию такового, Энгельс указал на историческую роль конституционной монархии, как формы государства, облегчающей *решительную* борьбу феодалов и буржуазии. «Точно так же,—писал Энгельс,—как борьба феодализма с буржуазией не могла быть доведена до решительного конца в старой абсолютной монархии, а только в конституционной монархии (Англия, Франция 1789—1792 и 1815—1830 годов), так и борьба буржуазии с пролетариатом может быть доведена до решительного конца только в республике». Энгельс называет здесь конституционной монархией, между прочим, и Францию 1816-го года, когда знаменитая Chambre introuvable, черносотенная, контр-революционная палата неистовствовала и бешенствовала в поддержке белого террора против революции, наверное, не меньше нашей Третьей Думы. Что это значит? Признает ли Энгельс действительно конституционными учреждениями реакционные собрания представителей помещиков и капиталистов, поддерживающие абсолютизм в борьбе с революцией? Нет. Это значит, что бывают исторические условия, когда учреждения, фальсифицирующие конституцию, разжигают борьбу за действительную конституцию и служат этапом в развитии новых *революционных* кризисов. В первую кампанию нашей революции большинство населения верило еще в возможность примирения действительной конституции с самодержавием; кадеты всю свою политику строили на систематической поддержке в народе этой веры, трудовики по меньшей мере наполовину шли в этом пункте за кадетами. Теперь самодержавие своей Третьей Думой показывает народу на опыте, с какой «конституцией» может оно «примириться», приближая этим более широкую и более решительную борьбу *против самодержавия.*

Отсюда вытекает, между прочим, что замена нашего старого лозунга «долой самодержавие»—лозунгом «долой Третью Думу»—была бы совершенно неправильна. При каких условиях мог бы получить значение подобный лозунг, как «долой Думу»? Допустим, перед нами либеральная, реформаторская, соглашательская Дума в эпоху самого острого революционного кризиса, который

уже назрел до прямой гражданской войны. Вполне возможно, что лозунгом могло бы стать в такой момент «долой Думу», т.-е. долой мирные переговоры с царем, долой обманчивое учреждение «мира», призовем к непосредственному натиску. Допустим, наоборот, что перед нами архи-реакционная Дума, выбранная на основе пережившего себя избирательного права, и отсутствия остро-революционного кризиса в стране; лозунг «долой Думу» мог бы стать тогда лозунгом борьбы за избирательную реформу. Ничего подобного ни тому ни другому случаю мы не видим у нас. III Дума — не соглашательская, а прямо контр-революционная, не прикрывающая самодержавие, а разоблачающая его, не играющая самостоятельной роли ни в каком отношении: никто и нигде не ждет от нее прогрессивных реформ; никто не думает, что источник действительной власти и силы царизма лежит в этом собрании зубров. Все согласны, что царизм не опирается на него, а пользуется им, — что царизм может вести всю свою теперешнюю политику, и при отсрочке созыва такой Думы (подобно «отсрочке» созыва парламента Турцией в 1878 г. [192]) и при замене ее «Земским собором» или чем-нибудь подобным и т. д. Лозунг «долой Думу» означал бы сосредоточение главной борьбы как раз на учреждении не самостоятельном, не решающем, не играющем самой главной роли. Такой лозунг неверен. Мы должны сохранить старый лозунг «долой самодержавие» и «да здравствует Учредительное Собрание», ибо именно самодержавие продолжает оставаться действительной властью, действительной опорой и оплотом реакции. Падение самодержавия неизбежно означает устранение (и притом революционное) III Думы, как одного из учреждений царизма; падение III Думы, взятое само по себе, означало бы либо новую авантюру того же самодержавия, либо попытку реформы, обманчивой и видимой только реформы, предпринимаемой тем же самодержавием *).

Пойдем дальше. Мы видели, что классовая природа политических партий определилась за три года первой революционной кампании с замечательной силой и выпуклостью. Отсюда следует, что во всех рассуждениях о современном соотношении политических сил, о направлении в изменении этого соотношения и т. д. необходимо считаться с этими конкретными данными исторического опыта, а не с абстрактными «общими рассуждениями». Вся история европейских государств свидетельствует, что именно в периоды непосредственной революционной борьбы закладываются такие глубокие и прочные устои классовых группировок и деления на крупные политические партии, которые держатся

---

*) В следующем № мы рассмотрим другую сторону вопроса о «думской» тактике и разберем «письмо» товарища отзовиста в № 5 «*Рабочего Знамени*». (См. настоящий том, стр. 390. *Ред.*)

потом в течение даже самых долгих периодов застоя. Отдельные партии могут прятаться в подполье, не давать о себе знать, исчезать с политической авансцены, но при малейшем оживлении основные политические силы неизбежно вновь проявят себя, может быть, в измененной форме, но непременно с тем же самым характером и направлением деятельности, пока не решены объективные задачи потерпевшей то или иное поражение революции. Поэтому было бы, напр., величайшей близорукостью полагать, что так как трудовических организаций нет на местах, а трудовая группа в III Думе отличается особенной растерянностью и беспомощностью, то поэтому массы демократического крестьянства уже рассыпались совсем и не играют существенной роли в процессе нарастания нового революционного кризиса. Такой взгляд достоин только меньшевиков, все более и более скатывающихся к самому низменному «парламентскому кретинизму» (возьмите хоть их, поистине, позорные, ренегатские выходки против нелегальной партийной организации). Марксисты должны знать, что условия представительства не только в нашей черносотенной Думе, но даже в самом идеальном буржуазном парламенте всегда будут создавать искусственное несоответствие между действительной силой различных классов и ее отражением в представительном учреждении. Напр., либерально-буржуазная интеллигенция всегда и везде кажется в парламентах во сто раз сильнее, чем она есть в действительности (и в нашей революции оппортунисты с.-д. принимали кадетов за то, чем они кажутся), и, наоборот, очень широкие демократические слои мелкой буржуазии (городской — в эпоху буржуазных революций 1848 г., деревенской — у нас) проявляют себя нередко как чрезвычайно важный фактор в открытой борьбе масс, будучи совершенно ничтожны с точки зрения их представительства в парламентах.

Наше крестьянство вступило в революцию неизмеримо менее сознательным, чем либеральный буржуа, с одной стороны, и социалистический пролетариат, с другой. Поэтому оно всего более вынесло из революции тяжелых, но полезных разочарований, всего больше горьких, но спасительных уроков. Совершенно естественно, что оно переваривает эти уроки особенно трудно и особенно медленно. Совершенно естественно, что при этом будут терять терпение многие «радикалы» из интеллигенции, махая на все рукой, и некоторые мещане из соц.-дем., у которых появляется презрительная гримаса на лице при упоминании какой-то там крестьянской демократии, но зато текут слюнки при одном взгляде на «просвещенных» либералов. Но сознательный пролетариат не вычеркнет из своей памяти так легко того, что он видел и в чем он участвовал осенью и зимой 1905 г. И, учитывая соотношение сил в нашей революции, мы должны знать, что обязательным признаком действительно широкого

общественного подъема, действительно приближающегося революционного кризиса неизбежно будет в теперешней России движение в крестьянстве.

Либеральная буржуазия вступила у нас на контр-революционный путь. Отрицать это могут только храбрые Череванины и трусливо отрекающиеся от своего единомышленника и соратника редакторы «Голоса С.-Д.». Но если бы из этой контр-революционности буржуазных либералов кто-нибудь сделал вывод, что их оппозиция и недовольство, их конфликты с черносотенными помещиками или вообще соревнование и борьба различных фракций буржуазии между собой не может иметь никакого значения в процессе нарастания нового подъема, то это было бы громадной ошибкой и настоящим меньшевизмом наизнанку. Опыт русской революции, как и опыт других стран, неопровержимо свидетельствует, что когда есть на-лицо объективные условия глубокого политического кризиса, то самые мелкие и наиболее, казалось бы, удаленные от настоящего очага революции конфликты могут иметь самое серьезное значение, как повод, как переполняющая чашу капля, как начало поворота в настроении и т. д. Напомним, что земская кампания и петиции либералов 1904 года были предтечей такой своеобразной и чисто-пролетарской «петиции», как 9-ое января. Не против того спорили большевики по поводу земской кампании, что ее нужно использовать для пролетарских демонстраций, а против того, что эти демонстрации хотели (наши меньшевики) ограничить залами земских собраний, против того, что демонстрации перед земцами объявлялись высшим видом демонстраций, против того, что планы демонстраций составлялись под углом стремления не запугать либералов. Другой пример: студенческие движения. В стране, переживающей эпоху буржуазно-демократической революции, при условиях прогрессирующего накопления горючего материала, эти движения могут легко оказаться началом событий, идущих неизмеримо дальше, чем мелкий и частный конфликт из-за ведения дел в одной отрасли государственного управления. Разумеется, социал-демократия, ведя самостоятельную классовую политику пролетариата, никогда не будет приспособляться ни к студенческой борьбе, ни к новым земским съездам, ни к постановке вопроса поссорившимися фракциями буржуазии, никогда не будет придавать этой семейной ссоре самодовлеющего значения и т. п. Но именно партия социал-демократов есть партия руководящего во всей освободительной борьбе класса, она безусловно обязана использовать все и всяческие конфликты, разжигать их, расширять их значение, связывать с ними свою агитацию за революционные лозунги, нести весть об этих конфликтах в широкие массы, побуждать их к самостоятельным и открытым выступлениям со своими собственными требованиями

и т. д. Во Франции после 1793 г. родилась и стала неуклонно расти контр-революционная либеральная буржуазия, но, тем не менее, конфликты и борьба разных фракций ее в течение ста лет после того продолжали то в одной, то в другой форме служить поводами новых революций, в которых пролетариат неизменно играл роль главной движущей силы и которые он *довел* до завоевания республики.

Рассмотрим теперь вопрос об условиях наступательной борьбы этого руководящего и передового в нашей буржуазно-демократической революции класса, пролетариата. Московские товарищи, обсуждая этот вопрос, совершенно правильно подчеркнули при этом коренное значение промышленного кризиса. Они собрали чрезвычайно интересный материал относительно этого кризиса, учли значение борьбы Москвы с Лодзью, внесли ряд поправок в некоторые господствовавшие до сих пор представления. Остается только пожелать, чтобы материал этот не завял в комиссиях М. К. или М. О. К., а был обработан и вынесен в печать для обсуждения его всей партией. Мы, с своей стороны, ограничимся несколькими замечаниями о *постановке* вопроса. Спорным является, между прочим, направление, в котором действует кризис (по общему признанию, в нашей промышленности после очень краткого и небольшого оживления опять царит тяжелая депрессия, граничащая с кризисом). Одни говорят: по-прежнему невозможна экономически-наступательная борьба рабочих, следовательно, невозможен близкий революционный подъем. Другие говорят: невозможность экономической борьбы толкает к политической, и потому неизбежен близкий революционный подъем.

Мы думаем, что в основе рассуждения тех и других есть одна неправильность, состоящая в упрощении сложного вопроса. Несомненно, что детальное изучение промышленного кризиса имеет самое важное значение. Но несомненно также, что никакие данные о кризисе, даже идеально-точные, не могут по сути дела решить вопрос за или против близкого революционного подъема, ибо подъем этот зависит еще от тысячи факторов, учесть которые наперед невозможно. Без общей почвы аграрного кризиса страны и депрессии в промышленности невозможны глубокие политические кризисы, это бесспорно. Но, раз общая почва есть на-лицо, то отсюда еще нельзя сделать вывода, будет ли депрессия некоторое время задерживать массовую борьбу рабочих вообще или на *известной стадии* событий *та же* депрессия толкнет на политическую борьбу новые массы и свежие силы. Для решения такого вопроса может быть только один путь: внимательно следить за биением пульса всей политической жизни в стране и в особенности за состоянием движения и настроения широких пролетарских масс. В последнее время, напр., ряд сообщений партийных работников из различных концов

России, из промышленных и земледельческих местностей, свидетельствует о несомненном оживлении настроения, о притоке новых сил, об усилении интереса к агитации и т. д. Сопоставляя с этим начало массовых студенческих волнений, с одной стороны, попытки воскресить земские съезды, с другой, мы можем констатировать известный поворот, нечто разрушающее полный застой последних полутора лет. Насколько силен этот поворот, служит ли он преддверием новой открытой эпохи борьбы и т. д.,— это покажут факты. Все, что мы можем сделать сейчас, все, что мы должны сделать во всяком случае, это напречь силы для укрепления нелегальной партийной организации и удесятерения агитации в массах пролетариата. Только агитация в состоянии показать в широком масштабе действительное настроение масс, только агитация создает тесное взаимодействие между партией и всем рабочим классом, только использование в целях политической агитации и каждой стачки, и каждого крупного события или вопроса рабочей жизни, всех конфликтов внутри правящих классов или той или иной фракции этих классов с самодержавием, и каждого выступления с.-д. в Думе, и каждого нового проявления контр-революционной политики правительства и т. д.,— только эта работа сомкнет снова ряды революционного пролетариата, даст безошибочный материал для суждения о быстроте назревания условий для новых и более решительных битв.

Резюмируем. Обзор итогов революции и условий переживаемого момента показывает ясно, что объективные задачи революции не решены. Сдвиг в сторону бонапартизма и аграрной политики самодержавия и его общей политики как в Думе, так и при помощи Думы, только обостряет и расширяет противоречие между черносотенным самодержавием и господством «дикого помещика», с одной стороны, и потребностями экономического и общественного развития всей страны, с другой. Полицейски-кулацкий поход на деревенскую массу обостряет борьбу внутри нее и делает эту борьбу политически сознательной, приближает, так сказать, борьбу с самодержавием к обыденным и насущным вопросам каждой деревни. Отстаивание революционно-демократических требований в аграрном вопросе (конфискация всех помещичьих земель) особенно необходимо в такой момент со стороны социал-демократии. Черносотенная октябристская Дума, показывая наглядно и на опыте, с какой «конституцией» может «примириться» самодержавие, и не решая ни единого вопроса даже в самых узких пределах обеспечения нужд экономического развития страны, превращает борьбу «за конституцию» в революционную борьбу *против самодержавия;* частные конфликты отдельных фракций буржуазии между собой и с правительством при данных условиях ведут именно к приближению такой борьбы. Обнищание деревни, депрессия в промышленности, общее созна-

ние безвыходности данного политического положения и безнадежности пресловутого «мирно-конституционного» пути порождают новые и новые элементы революционного кризиса. Наша задача теперь не в том, чтобы искусственно сочинять какие-то новые лозунги (вроде лозунга: «долой Думу»! вместо: «долой самодержавие»!), а в укреплении нелегальной партийной организации (вопреки реакционному вою меньшевиков, хоронящих ее) и в развитии широкой революционно-социал-демократической агитации, которая сплотит партию с массами пролетариата и мобилизует эти массы.

«Пролетарий» № 38, (14) 1 ноября 1908 г.

КАК ПЛЕХАНОВ И К° ЗАЩИЩАЮТ РЕВИЗИОНИЗМ.

Примечание редакции «Голоса Соц.-Дем.» *), т.-е. Плеханова и К°, к разобранному нами в № 37 «Пролетария» письму т. Маслова **) вышло в свет отдельным листком, как «Прибавление» к № 8—9 «Голоса С.-Д.» [193]).

Это «Примечание», размером около полустолбца «Пролетария», заслуживает внимания русских с.-д., ибо оно показывает, как из мелких фракционных интересов Плеханов и К° дошли до *защиты* теоретического ревизионизма при помощи самых недостойных софизмов. Вот факты.

«Мы — самые решительные и совершенно непримиримые противники того *пересмотра* (ревизии) марксизма, который совершается под реакционным влиянием идеологов западно-европейской буржуазии и стремится подорвать основы философского, социологического и экономического учения Маркса и Энгельса». Так гласит первая фраза примечания. «Самые решительные и совершенно непримиримые противники» — неправда ли, трудно выразиться резче? трудно подыскать более велеречивую формулировку *обещаний* Плеханова и К°.

Но... в том-то и гвоздь, что *по отношению к Маслову* (а Плеханов и К° пишут примечание именно к статье Маслова, именно по вопросу о ревизионизме Маслова) является у наших «непримиримых» врагов ревизионизма замечательное «но».

«Но мы никогда не были сектантами марксизма, — заявляют Плеханов и К°, — и мы хорошо понимаем, что можно разойтись с Марксом и Энгельсом по тому или другому вопросу, не только не изменяя их точке зрения и не отвергая их метода, но оставаясь вполне верным и той, и другому». Следует пример: Кунов, с.-д., в вопросе «о происхождении матриархата», «отчасти разошелся с Энгельсом»; но «только большому чело-

---

*) См. настоящий том, стр. 374. *Ред.*
**) См. настоящий том, стр. 366. *Ред.*

веку придет в голову объявить его на этом основании ревизионистом» [194]).

«Сказанным определяется и наше отношение к взглядам тов. Маслова на учение Маркса о ренте. Мы не разделяем этого взгляда (прим. «Голоса С.-Д.»: «т. Мартынов в № 1 «Голоса» оговорил специально свое несогласие с поправкой тов. Маслова к учению об абсолютной ренте» [195])), но мы не видим в нем ревизионизма»...

Перед читателем теперь на-лицо ход рассуждения Плеханова и К⁰. Мы — «совершенно непримиримые противники ревизионизма», *но* — «мы не видим в нем (во взгляде Маслова на теорию абсолютной ренты) ревизионизма». Ревизионизм подрывает основы учения Маркса, Маслов же расходится с Марксом по частному вопросу, такова защита Плеханова и К⁰, поясняемая окончательно примером Г. Кунова.

Мы спрашиваем читателя, хоть сколько-нибудь думающего и сколько-нибудь беспристрастного: неужели это не софизм? Теория абсолютной ренты Маркса объявляется «частным вопросом»! С расхождением относительно теории ренты *сопоставляется* тот факт, что Кунов «отчасти разошелся» с Энгельсом относительно происхождения матриархата!! Плеханов и К⁰, очевидно, считают своих меньшевиков, которых они кормят такими объяснениями, за малых ребят. Только при полнейшем неуважении к себе самому и к своей публике можно позволять себе по важнейшим принципиальным вопросам такие приемы клоуна. Ведь сам же Плеханов (и К⁰) начинает свое объяснение торжественной фразой, в которой ревизионизм назван подрывом *основ* учения Маркса и Энгельса. Что же? Отказываются ли от *этого* положения Плеханов и К⁰ по отношению к Маслову? Да или нет? Или Плеханов и К⁰ стал писать свое примечание, чтобы *скрыть* свои мысли?

Маслов заявил в ряде статей и в ряде изданий своего «Аграрного вопроса», что 1) теория абсолютной ренты Маркса — неверна; 2) что объяснимо появление такой теории «черновым» характером III-го тома; 3) что «убывающее плодородие почвы» есть *факт*; 4) что, если бы была верна теория абсолютной ренты и был неверен «закон убывающего плодородия», то могли бы оказаться правы народники в России и ревизионисты во всем мире.

Именно эти четыре пункта были указаны против Маслова в той статье «Пролетария», с которой началась полемика по данному вопросу. Посмотрите же, как поступили Плеханов и К⁰: во-первых, они скромненько ограничились вопросом о ренте, то-есть вовсе умолчали об остальных вопросах. Это не защита ревизионизма? Не вздумает ли отрицать Плеханов и К⁰, что пересмотр Марксова учения о нелепости и закона и «факта» убывающего плодородия «совершается под реакционным влиянием

идеологов западно-европейской буржуазии»? Во-вторых, учение об абсолютной ренте приравнивается к частному вопросу, к расхождению («отчасти») насчет происхождения матриархата!

Это акробатство, господа! И этим акробатством вы прикрываете свою публичную защиту ревизионизма. Ибо прямо сказать, что признание абсолютной ренты и отрицание закона (или «факта») убывающего плодородия *не* есть «*основа*» экономического учения Маркса в области аграрного вопроса, *вы не решаетесь*. Вы защищаете «своего человечка», подделывая Маркса под Маслова, объявляя *для* Маслова «частным расхождением» именно *основу учения* Маркса. Вы подтверждаете этим сказанное в № 33 «Пролетария» *) о меньшевистских теоретиках-Фамусовых [196]), которые домочадцев своих награждают тем, что экономическую *теорию* Маркса соглашаются отнести в «частности», сопоставить с вопросом о происхождении матриархата.

Плеханов и К° — «непримиримые враги ревизионизма», — но если вы меньшевик, то не бойтесь этих страшных слов! Идите к «редакции «Голоса»» и знайте, что для меньшевиков непримиримость очень примирима, до того примирима, что «подрыв теории» она согласится сравнить с «расхождением о происхождении матриархата». Индульгенция продается недорого, распродажа объявлена, пожалуйте, почтеннейшая публика!

Но пойдем дальше. Мы не разделяем взгляда Маслова о ренте, — заявляют Плеханов и К°. Мартынов оговаривал уже это, — пишут они. «То лицо», которое редакция «Пролетария» назвала «ангелом-хранителем Маслова» (т.-е. Плеханов) «не раз (слушайте!) *печатно спорило* (курсив «Голоса») с тов. Масловым по предметам, имеющим тесное отношение к нашей аграрной программе».

Так, буквально так напечатано в «примечании» Плеханова и К°!

Учитесь писать опровержения у своей редакции, товарищи меньшевики. Вам дают классический в своем роде образчик. Речь идет о ревизионизме, спор загорелся из-за того, теоретическая ли непримиримость или *только* мелкая фракционная злоба заставили Плеханова назвать ряд его оппонентов господами в органе партии, а в «опровержении» говорится: Плеханов «не раз печатно спорил» с Масловым *не о ренте и не* об отступлениях Маслова от теории Маркса.

Можно ли подыскать парламентское выражение для характеристики таких приемов? *Ни разу* Плеханов, любящий теоретические споры и умеющий кое-когда превращать эти споры в кампании, ни разу он *не спорил* с Масловым о том, что составляет его ревизионизм, т.-е. об отрицании абсолютной ренты,

*) См. настоящий том, стр. 310. *Ред.*

о признании этой «теории черновым наброском», о защите «факта» убывающего плодородия, о том, могли ли бы народники и ревизионисты оказаться правы, если бы Маслов не опроверг Маркса. Ни разу не спорил *об этом* Плеханов, а спорил совсем о другом, спорил именно о частностях, которые спрятаны теперь Тартюфами [197]) меньшевизма под изысканно-темное, нарочито сбивающее читателя с толку, дипломатически запутанное выражение: «предметы, имеющие тесное отношение к нашей аграрной программе»!!

Великолепно, неправда ли? Как не поздравить Плеханова и К° с таким началом защиты ревизионизма. Как не вспомнить тут политиканов вроде Клемансо. Клемансо — «непримиримый» враг реакции, он «не раз спорил» с ней, но теперь реакция делает, а Клемансо оговаривается и... прислужничает. Плеханов — «непримиримый» враг ревизионизма. Плеханов «не раз спорил» с Масловым (о чем угодно, *кроме* Масловского ревизионизма). И теперь Маслов пишет против Маркса, Маслов повторяет свои доводы против теории Маркса на страницах «Голоса», а Плеханов и К° только *оговариваются!*

Покупайте же индульгенцию, господа литераторы, записывайтесь в меньшевики. Вам дадут завтра опровергать и теорию стоимости Маркса на страницах «Голоса», — с оговоркой в примечании, что редакция «не согласна»...

«Не попытается ли «Пролетарий», — спрашивают нас в том же примечании Плеханов и К°, — «обосновать свою мысль» о связи рассуждений Маслова об абсолютной ренте и программой, отвергающей национализацию?» С удовольствием, любезнейшие «непримиримые». Вот вам для начала короткое первое *обоснование:*

«Можно ли при непонимании теории абсолютной ренты Маркса понять значение частной собственности на землю, как помехи развитию производительных сил капиталистического общества?»

Посоветуйтесь-ка с Масловым, о «непримиримые» Плеханов и К°, и ответьте нам на *этот* вопрос, дающий вам желанное обоснование!

«Пролетарий» № 39, 26 (13) ноября 1908 г.

ПО ПОВОДУ ДВУХ ПИСЕМ.

Мы печатаем в настоящем номере «Пролетария», во-первых, письмо рабочего-отзовиста, помещенное в № 5 «Рабочего Знамени» с примечанием, что редакция не разделяет таких взглядов и рассматривает письмо как дискуссионную статью; во-вторых, письмо петербургского рабочего, тов. Михаила Томского, только что присланное в нашу газету. Оба эти письма мы приводим полностью [198]. Мы хорошо знаем, что могут найтись злостные критики, которые способны вырвать отдельные места или фразы из того или другого письма и перетолковать их вкривь и вкось, сделать из них выводы, далекие от намерений обоих авторов, писавших наскоро, при самых неблагоприятных конспиративных условиях. Но на таких критиков не стоит обращать внимания. А кто серьезно интересуется состоянием рабочего движения и положением социал-демократии в России в настоящее время, тот, наверное, согласится с нами, что оба письма замечательно характерны для обрисовки *двух течений* среди наших сознательных рабочих. Эти два течения проявляют себя на каждом шагу в жизни всех петербургских и московских с.-д. организаций. И так как третье течение, течение меньшевизма, прямо и открыто или тайком и с ужимками хоронящее партию, почти совсем не представлено внутри местных организаций, то мы можем сказать, что столкновение двух указанных тенденций есть *злоба дня* нашей партии [199]. Вот почему на «двух письмах» необходимо остановиться со всей подробностью.

Оба автора признают, что наша партия переживает не только организационный, но и идейно-политический кризис. Это факт, который нелепо было бы утаивать. Надо дать себе ясный отчет в его причинах и в средствах борьбы с ним.

Начнем с петербуржца. Из всего его письма ясно видно, что причины кризиса, по его мнению, двоякие. С одной стороны, недостаток с.-д. руководителей из самих рабочих вызвал то, что почти повальное бегство интеллигенции из партии означало во многих местах распадение организации, неумение собрать и спло-

тить ряды, поредевшие от тяжелых репрессий, от апатии и усталости масс. С другой стороны, пропаганда и агитация велись у нас, по мнению автора, с громадным преувеличением «текущего момента», т.-е. сосредоточивались на вопросах злободневной революционной тактики, а не на проповеди социализма, не на углублении социал-демократического сознания пролетариата. «Рабочие становились революционерами, демократами, но только не социалистами» и, при упадке волны общедемократического, т.-е. буржуазно-демократического, движения, они в очень и очень большом количестве покинули ряды с.-д. партии. Такой взгляд петербуржец связывает с резкой критикой «беспочвенного» «изобретения» лозунгов и с требованием более серьезной пропагандистской работы.

Мы полагаем, что, споря против одной крайности, автор впадает иногда в другую, но в общем и целом он безусловно стоит на совершенно правильной точке зрения. Нельзя сказать, что было «погрешностью» «делать целые кампании» из вопросов о текущем моменте. Это преувеличено. Это значит забывать с точки зрения *данных* условий *вчерашние* условия, и автор, в сущности, поправляется сам, признавая, что «момент непосредственных выступлений пролетариата есть, конечно, вопрос исключительный». Возьмем два такие выступления, по возможности более разнородные и отделенные наибольшим промежутком времени: бойкот Булыгинской Думы осенью 1905 года и выборы во II Думу в начале 1907 года. Могла ли сколько-нибудь живая и жизненная пролетарская партия *не* сосредоточить в такое время главного внимания и главной агитации на лозунгах дня? Могла ли с.-д. партия, которая вела за собой в оба эти момента массы пролетариата, *не* сосредоточить внутренней борьбы на лозунгах, определяющих немедленное поведение масс? Идти в Булыгинскую Думу или срывать ее? выбирать ли во II Думу в блоке с кадетами или против кадетов? Достаточно ясно поставить вопрос и вспомнить условия этого недавнего прошлого, чтобы не сомневаться в ответе. Ожесточенная борьба за этот или иной лозунг вызывалась тогда не «погрешностью» партии, нет, она вызывалась объективной необходимостью быстрого и единого решения, при отсутствии заранее спевшейся партии, при наличности двух тактик, двух идейных течений в партии, мелкобуржуазно-оппортунистического и пролетарски-революционного.

И не следует равным образом изображать дело так, будто для пропаганды социализма, для распространения в массах знакомства с марксизмом недостаточно делалось в то время. Это была бы не правда. Именно в этот период, с 1905 по 1907 год, в России распространена такая масса серьезной, теоретической с.-д. литературы, — главным образом переводной, — которая еще *принесет* плоды. Не будем маловерами, не будем своего личного

нетерпения навязывать массам. *Такие* количества теоретической литературы, в такой короткий срок брошенные в девственные, почти не затронутые социалистической книжкой массы, не перевариваются сразу. Социал-демократическая книжка не пропала. *Она посеяна.* Она растет. И она даст плоды — может быть, не завтра, не послезавтра, а несколько позже, мы не в силах изменить объективных условий нарастания нового кризиса, — но она даст плоды.

Тем не менее в основной мысли автора есть глубокая правда. Эта правда состоит в том, что в буржуазно-демократической революции *неизбежно* известное сплетение пролетарски-социалистических и мелко-буржуазно-демократических (и оппортунистически-демократических и революционно-демократических) элементов и тенденций. *Не могла* произойти первая кампания буржуазной революции в капиталистически-развивающейся «крестьянской» стране без того, чтобы объективная слитость известных пролетарских слоев с известными мелко-буржуазными слоями дала себя знать. И мы переживаем теперь процесс необходимой разборки, размежевки, *нового выделения* действительных пролетарски-социалистических элементов, *очистки* их от «*приставших к движению*» (*Mitläufer*, говорится это по-немецки) только ради «яркого» лозунга, с одной стороны, или ради общей с кадетами борьбы за «полновластную Думу» с другой.

В различной степени эта разборка происходит в обеих фракциях с.-д. Ведь это же факт, что и у меньшевиков и у большевиков поредели ряды! Не будем бояться признать его. Не подлежит, конечно, ни малейшему сомнению, что такого развала и такой деморализации, какая наблюдается в рядах правого крыла партии, левое ее крыло избегло. И не случайно: принципиальная невыдержанность не могла не способствовать развалу. События окончательно покажут *на деле*, где и как осталось больше организационной сплоченности, пролетарской преданности, марксистской выдержанности. Такие споры решает жизнь, а не слова, не обещания, не зароки. Факт разброда и шатания на-лицо, и этот факт требует объяснения. И объяснения не может быть иного, как необходимость *новой разборки*.

Иллюстрируем свою мысль маленькими примерами: составом «тюремного населения» (как говорят стряпчие), т. е. составом публики, находящейся в тюрьме, ссылке, каторге и эмиграции по политическим делам. Ведь этот состав правильно отражает действительность вчерашнего дня. А разве может быть сомнение в том, что состав «политиков», населяющих места столь и не столь отдаленные, отличается теперь громадной пестротой политических взглядов и настроений, нерасчлененностью и неразберихой? Революция подняла к политической жизни такие глубокие слои народа, она вынесла сплошь да рядом на поверхность столько

случайных людей, столько «рыцарей на час», столько новичков, что совершенно неизбежно отсутствие у многих и многих из них всякого цельного миросозерцания. Его нельзя выработать в несколько месяцев горячки, — а средняя «продолжительность жизни» большинства революционных деятелей первого периода нашей революции, наверное, не превышает нескольких месяцев. Поэтому новая разборка среди всколыхнутых революцией новых слоев, новых групп, новых революционеров совершенно неизбежна. И эта разборка происходит. Например, похороны с.-д. партии, производимые целым рядом меньшевиков, означают в сущности, что эти почтенные господа *хоронят себя,* как социал-демократов. Нам ни в каком случае не приходится бояться этой разборки. Мы должны приветствовать ее, мы должны помочь ей. Пусть хныкают мягкотелые люди, которые здесь и там будут кричать: опять борьба! опять внутренние трения! опять полемика! Мы отвечаем: без новой и новой борьбы никогда и нигде не складывалась действительно пролетарская, революционная социал-демократия. А у нас в России она складывается даже в теперешний тяжелый момент, и *она сложится.* За это ручается и все капиталистическое развитие России, и влияние международного социализма на нас, и революционная тенденция первой кампании 1905—1907 годов.

В интересах этой новой разборки усиленная теоретическая работа необходима. «Текущий момент» в России именно таков, что теоретическая работа марксизма, ее углубление и расширение предписывается не настроением тех или иных лиц, не увлечением отдельных групп и даже не только внешними полицейскими условиями, которые осудили многих на отстранение от «практики», — а всем объективным положением вещей в стране. Когда массы переваривают новый и невиданно богатый опыт непосредственно-революционной борьбы, тогда теоретическая борьба за революционное миросозерцание, т.-е. за революционный марксизм становится лозунгом дня. Поэтому петербуржец тысячу раз прав, когда он подчеркивает необходимость углубления социалистической пропаганды, необходимость разработки новых вопросов, необходимость всяческого поощрения и развития кружков, вырабатывающих из самих рабочих настоящих социал-демократов, социал-демократических руководителей массы. Тут роль партийных *ячеек,* — при одном упоминании о которых бьются в эпилепсии Дан и К°, — особенно велика, и ненавистные интеллигентским оппортунистам «профессиональные революционеры» призваны сыграть новую благодарную роль.

Но тов. Михаил Томский и здесь, отстаивая совершенно правильную мысль, отчасти впадает в другую крайность. Так, напр., он неправ, когда исключает из списка «серьезных вопросов» учет опыта революции за три года, учет практических уроков

непосредственной борьбы масс, подведение итогов революционно-политической агитации и пр. Тут, вероятнее, мы имеем даже дело с простым пробелом изложения у автора, или с частными ошибками, происшедшими от условий работы наспех. Этот учет, это подведение итогов перед лицом возможно более широких кругов рабочих — гораздо важнее вопроса о «местных судах», «местном самоуправлении» и т. п. «реформах» в Столыпинской России, о которых любят болтать чиновники и либералы. Такие «реформы» при черносотенной Думе и черносотенном самодержавии неизбежно осуждены на комедию.

Зато всецело прав тов. Михаил Томский, когда он решительно восстает против «изобретения лозунгов» вообще и против таких лозунгов, как «долой Думу» или «долой фракцию», в частности. Он тысячу раз прав, когда противопоставляет этой «растерянности» выдержанную социал-демократическую работу организации, пропаганды и агитации для укрепления партии с.-д., для укрепления ее традиций, ненавистных оппортунистам, для поддержки преемственности в работе, для расширения и упрочения влияния *этой* партии, *прежней* партии (негодуйте, редакторы «Голоса» оппортунистов [200])!) на пролетарские массы.

Здесь мы подходим к письму москвича и к критике центрального пункта этого письма, т. е. пресловутого «отзовизма». Мы уже неоднократно высказывались в «Пролетарии» против отзовизма, начиная с того времени, когда меньшинство большевиков на Московской Конференции внесло свою известную резолюцию по этому вопросу (см. № 31 «Пролетария») [201]). Теперь мы имеем перед собой, тоже от имени меньшей части московских большевиков, первый опыт систематической обосновки отзовизма. Присмотримся же к этой обосновке.

Товарищ отзовист исходит из правильной посылки, что объективные задачи буржуазно-демократической революции в России не разрешены, что «революция не ликвидирована». Но он делает из этой правильной посылки неправильные выводы. «К чему приспособляться нашей партии, — спрашивает он, — к годам застоя, или к новому общественному подъему?» Тут уже начинается ошибка. Из того, что революция не ликвидирована, вытекает неизбежность нового буржуазно-демократического подъема, и только. Из этого не вытекает ни того, что этот подъем будет *всецело* повторять старую группировку элементов буржуазной демократии (на перегруппировку может потребоваться время более продолжительное, чем нам с нашим оппонентом было бы приятно), — ни того, что невозможен «общественный подъем» (надо было сказать: революционный подъем) после, допустим, *года* застоя. Мы пережили не менее года застоя, мы переживаем застой сейчас. Товарищ отзовист сам признает, что «трудно и даже невозможно признать, каков *будет* тот внешний повод, кото-

рый *приведет в движение*... массы». Мало того. Приглашая партию «приспособить нашу тактику и организацию именно к ней (революции, т.-е. революционному подъему), а не к переживаемой нами гнилой политической минуте», автор сам предлагает перестроить организацию применительно к гнилому моменту, к отчаянным полицейским репрессиям, к невозможности прямых и непосредственных общений комитетов с рабочими массами. Нет сомнения, что в условиях подъема автор не предлагал бы такого организационного плана, не выдвигал бы его на первую очередь. Значит, *на деле* он сам опровергает свою постановку вопроса, своей *практикой* вносит исправление в свою *теорию*. Это получилось у него оттого, что он теоретическую посылку изложил неверно. Из неизбежности нового подъема вытекает необходимость сохранить и старую программу и старые революционные лозунги всей нашей работы в массах, необходимость систематически подготовить партию и массы к новым революционным битвам. Но отсюда не вытекает, наступил ли уже подъем или еще нет, к началу его или к разгару надо «приспособляться». И в 1897, и в 1901, и в начале 1905 года было абсолютно верно положение, что неизбежен новый революционный подъем (после слабых подъемов начала 60-х и конца 70-х годов), но в эти три момента революционные с.-д. умели применять свою тактику к различным условиям нарастания кризиса. В 1897 году мы отклоняли «план» всеобщей стачки, как фразу, и мы были правы. В 1901 году мы не ставили лозунга восстание на очередь дня. После 9 января 1905 г. и этот лозунг и массовая стачка были правильно поставлены революционной социал-демократией на очередь дня. Мы вовсе не хотим сказать этим, что новый подъем обязательно (или даже: «вероятно») будет столь же медленен. Напротив, все данные и весь опыт революции Европы заставляет ожидать темпа несравненно более быстрого, чем в 1897—1905 годы. Но тот факт, что в разные *моменты* подъема революционные соц.-дем. *всегда* выдвигали на первую очередь разные лозунги дня, остается фактом. Ошибка тов. отзовиста состоит в том, что он забывает этот опыт революционной социал-демократии.

Далее, переходя к нашей думской фракции, тов. отзовист начинает с посылки: «Естественным завершением партии, ее так сказать дипломатическим представителем является думская фракция». Это неверно. Автор преувеличивает значение и роль фракции. Автор по-меньшевистски превозносит эту роль безмерно,— недаром, должно быть, говорят, что крайности сходятся! Меньшевики из взгляда, что фракция есть «завершение» партии, выводят необходимость приспособить партию к фракции. Отзовисты из взгляда, что фракция есть «завершение» партии, выводят гибельность для партии такого плохого «завершения». Посылка неверна ни у тех, ни у других. Никогда и ни при каких

условиях, даже при самой «идеальной» буржуазно-демократической республике не согласится революционная социал-демократия признать в своей парламентской фракции ни «естественного завершения» партии, ни *ее* «дипломатического представителя». Это взгляд ошибочный в корне. Мы не для дипломатии посылаем депутатов в буржуазные и буржуазно-черносотенные представительные учреждения, а для особого вида подсобной партийной деятельности, для агитации и пропаганды с особой трибуны. Даже при «идеальном» демократическом избирательном праве парламентская фракция рабочей партии всегда будет носить на себе известные следы влияния общей буржуазной обстановки выборов, например, всегда будет более «интеллигентской», чем партия в целом, и поэтому «завершением» партии никогда мы фракцию не признаем. Фракция — не генеральный штаб (если позволительно на-ряду с «дипломатическим» сравнением автора употребить сравнение «военное»), а скорее отряд трубачей в одном случае и разведчиков в другом или одна из организаций некоторого подсобного «рода оружия».

Тов. отзовист превратил фракцию из *подсобной партийной организации* в «завершение» партии для того, чтобы, *преувеличив* значение фракции, придать в корне неверный характер деятельности того нашего отряда, который послан в буржуазно-черносотенную Думу.

Но возможно, что автор не стал бы настаивать на этом «завершении». В другом месте своей статьи он сам говорит правильно: «Одним из главных мотивов, побуждавшим партию принять участие в выборах, было упование на пропагандистско-агитационную роль думской трибуны». Это справедливо, и возражение автора против этого справедливого положения особенно наглядно показывает его неправоту: «Действительность, однако, показала, пишет он, что агитация в III-ей Думе сводится к нулю, во-1-х, благодаря составу самой группы, во-2-х, благодаря полному равнодушию масс ко всему тому, что происходит в стенах Таврического дворца».

Начнем с конца разбор этого, необыкновенно богатого ошибками, положения. Агитация сводится к нулю *благодаря* полному равнодушию масс ко всему, происходящему в Думе. Что это? Как это? Выходит ведь, что «отозвать» придется, по этой чудовищной логике, не фракцию, а «массы» за их «равнодушие»! Ибо в Думе ведется, заведомо для всех нас, политика самодержавия, политика поддержки царизма черносотенным помещиком и крупным капиталистом-октябристом, политика лакейства перед царизмом либерального краснобая-кадета. Быть равнодушным «ко всему тому, что происходит в стенах Таврического дворца», значит быть равнодушным к самодержавию, ко всей внутренней и внешней политике самодержавия! У автора опять получилось

рассуждение в духе меньшевизма наизнанку. «Если массы равнодушны, то и с.-д. должны быть равнодушны». Но мы — партия, *ведущая* массы к *социализму*, а вовсе не идущая за всяким поворотом настроения или упадком настроения масс. Все с.-д. партии переживали временами апатию масс или увлечение их какой-нибудь ошибкой, какой-нибудь модой (шовинизмом, антисемитизмом, анархизмом, буланжизмом [202]) и т. п.), но никогда выдержанные революционные с.-д. не поддаются любому повороту настроения масс. Можно и должно критиковать дурную политику с.-д. в III-ей Думе, когда они ведут там дурную политику, но говорить, что агитация сводится к нулю *благодаря* полному равнодушию масс, значит рассуждать не социал-демократически.

Или «полное равнодушие масс» не означает равнодушия к политике царизма вообще? То-есть массы, равнодушные ко всему, происходящему в стенах Думы, *неравнодушны*, скажем, к обсуждению вопроса об уличных демонстрациях, о новых стачках, о восстании, о внутренней жизни революционных партий вообще и с.-д. партии в особенности? В том-то и беда автора, что он именно так, видимо, думает, но *вынужден* не говорить прямо столь явной бессмыслицы! Если бы он действительно мог сказать и доказать, что в массах нет в данную минуту ни малейшего равнодушия к политике вообще, а напротив гораздо более живой интерес к более активным формам политики, — тогда бы вопрос стоял, разумеется, иначе. Если бы вместо года затишья, упадка и развала всех с.-д. и всех рабочих организаций мы пережили год явного интереса масс именно к непосредственно-революционным формам борьбы, тогда мы первые признали бы, что мы ошиблись. Ибо без отношения к условиям революционного момента стоять вообще и всегда за участие во всяком представительном учреждении могут только «парламентские кретины» меньшевизма, лицемерно закрывающие глаза на опыт деятельности Маркса, Лассаля, Либкнехта в революционные периоды. Вопрос об участии в III-ей Думе или бойкоте ее, как и всякий политический вопрос, марксисты обязаны ставить *конкретно*, а не абстрактно, учитывая *всю* революционную обстановку в целом, а не одно только до убожества голое соображеньице: «если есть представительство, то надо представительствовать». Живой интерес масс к политике означал бы наличность объективных условий растущего кризиса, т.-е. означал бы, что известный подъем уже на-лицо и, при известной силе такого подъема, настроение масс неминуемо выразилось бы в *массовом действии*.

Насчет этого последнего вопроса тов. отзовист сам делает следующее признание: «каждое изменение ее (фракции) деятельности тесно связано с изменением режима, воздействовать на который мы сейчас не в силах...». Почему тов. отзовист считает, что мы не в силах не только изменить сейчас режима, но

даже *воздействовать* на него? Очевидно, потому, что, как социал-демократ, он имеет в виду исключительно действие масс пролетариата, а такое действие считает *сейчас* невозможным и разговоры о нем праздными. Но посмотрите, как он при этом «сваливает с больной головы на здоровую», т.-е. довод, говорящий против отзовизма, обращает против нас:

«*Прорвите* — пишет тов. отзовист — полицейские рогатки, отделяющие депутатов от масс, заставьте фракцию выступать более резко и ярко, словом, слейте органически ее работу с жизнью пролетариата, — тогда рабочие, быть может, признают за ней положительные стороны; но т. к. всякое изменение ее деятельности тесно связано с изменением режима, воздействовать на который мы сейчас не в силах, то всякие мечты о расширении и углублении фракционной работы приходится оставить!..»

Если расширение и углубление фракционной работы обусловливается «прорывом полицейских рогаток», то почему же вывод гласит: «оставьте мечты об улучшении фракции», а не оставьте мечты о прорыве полицейских рогаток?? Автор явно нелогичен, и исправить его рассуждение надо так: необходима неустанная работа над улучшением всей партийной деятельности и всей связи партии с массой, результатом чего неизбежно будет и прорыв полицейских рогаток вообще и в частности усиление партийного общения с фракцией, партийного воздействия на фракцию. Автор точно от нас, антиотзовистов, требует, чтобы *мы* «прорвали полицейские рогатки», и тогда, может быть, де, он согласится бросить отзовизм. Но не ясно ли, что он ставит таким образом вверх ногами действительную связь и взаимозависимость политических явлений? Быть может, — скажем мы — вы были бы правы, товарищ отзовист, если бы масса могла «сейчас» не только «воздействовать на режим» (всякая удачная политическая демонстрация воздействует на режим), но и прорвать рогатки, — т.-е. если бы масса могла *сейчас* прорвать «рогатки» III-ей Думы, то бесполезно было бы, быть может, революционной социал-демократии посылать свой отряд в эту Думу. Быть может. Но вы сами говорите, что этого нет; вы сами согласны, что при данных обстоятельствах нужна еще серьезная и упорная подготовительная работа для превращения этой возможности в действительность.

«Состав фракции», — говорите вы. Если бы отзыв предлагался для *изменения* состава фракции, то этот довод заслуживал бы рассмотрения с точки зрения того, улучшится ли состав при новых выборах после отставки теперешней фракции. Но автор ничего подобного не имеет в виду. Он хочет отозвать не думскую только фракцию, а вообще уничтожить всякое представительство с.-д. в III-ей Думе, объявляя ошибкой участие в ней. И с этой точки зрения мотивирование отзовизма «составом фракции» есть

самое непростительное для социал-демократа малодушие и маловерие. Наша партия добилась того, что из рабочих выборщиков мы заставили черносотенцев выбрать наших партийных кандидатов, социал-демократов. Что же, мы должны признать безнадежным, чтобы эти партийные рабочие сумели с думской трибуны просто и ясно изложить свой социализм? Мы должны спасовать после нескольких месяцев борьбы против буржуазных «сведущих людей» (смотри прекрасное описание приносимого ими зла в письме о фракции, печатаемом в настоящем номере) [203]? Мы должны признать свою партию неспособной в период временного затишья и застоя выставить рабочих социал-демократов, умеющих публично изложить свой социализм? Это не политика, а нервность. Конечно, больше всех сама наша думская фракция виновата в этом, ибо именно своими серьезными ошибками и только этими ошибками доводит она недовольство ею до отзовизма. Но мы не дадим законному недовольству увлечь нас в неправильную политику. Нет. Мы должны и мы будем упорно и настойчиво работать над сближением партии с фракцией, над улучшением фракции. Мы не забудем, что в опыте международной социал-демократии имеются примеры гораздо более долгой и более острой борьбы фракции с партией, чем у нас во время III-ей Думы. Вспомните немцев. При исключительном законе у них дошло дело до того, что фракция сделала ряд самых вопиющих противопартийных, оппортунистических шагов (голосование за субсидию пароходству и т. д.). Партия имела свой еженедельный Ц. О. за границей и регулярно ввозила его в Германию. Организация тогдашних немецких с.-д., несмотря на отчаянные полицейские преследования, несмотря на менее революционный в силу объективных причин момент, чем в современной России, была несравненно шире и крепче теперешней организации нашей партии. И партия германских с.-д. повела долгую войну против своей фракции и довела эту войну до победы. Нелепые сторонники «молодых», занимавшиеся кликушеством вместо работы над улучшением фракции, кончили, как известно, очень плохо. А победа партии выразилась в подчинении фракции.

У нас борьба партии с фракцией за исправление ошибок этой последней только-только еще начинается [204]). У нас не было еще ни одной партийной конференции, твердо и ясно заявляющей фракции о необходимости исправить свою тактику в таких-то, определенно указанных, отношениях. У нас нет еще регулярно выходящего Ц. О., который бы от имени всей партии следил за каждым шагом фракции и направлял ее. Наши местные организации в области той же самой работы — агитации в массах по поводу каждого выступления с.-д. в Думе при разъяснении всякой ошибки в том или ином выступлении — сделали еще совсем и совсем мало. И нас приглашают махнуть рукой, признать

борьбу безнадежной, отказаться от использования думской трибуны в моменты, подобные 1908 году. Еще раз: это не политика, а нервничанье.

Нет ярких выступлений, — говорите вы. По поводу этих «ярких выступлений» надо различать две вещи: во-первых, плохую осведомленность партии и, во-вторых, серьезнейшую принципиальную ошибку в самой постановке вопроса о ярких выступлениях вообще.

По первому вопросу надо сказать, что до сих пор все, кто хотел деловым образом критиковать фракцию, указали ряд ошибок безусловно серьезных (декларация; голосование миллионов Шварцу; совещание с н.-д.; признание религии частным делом для *партии;* отсутствие выступления по запросу 15 октября 1908 г.; отсутствие ясной критики к.-д., и т. д.). Замалчивать эти ошибки, как делают меньшевики, которые находят все самым наилучшим, кроме одного выступления Чиликина, есть величайшая пошлость. Не замалчивать эти ошибки должны мы, а выяснить их публично, в наших местных и неместных органах, на каждом собрании, в агитационных листках, бросаемых в массу по поводу каждого выступления. Для деловой критики фракции и для ознакомления пролетарских масс с такой критикой мы сделали еще непомерно мало [205]). Мы должны все и повсюду приняться за работу в этом отношении. И, когда мы примемся за эту работу, мы увидим, что имеется ряд таких выступлений фракции и в особенности таких формул перехода к очередным делам, составленных по указаниям представителей Ц. К. и в согласии с этими представителями, которые содержат *правильное* изложение программы Р. С.-Д. Р. П., которые напечатаны в протоколах Думы и в приложении к «России» [206]) и которые на одну сотую долю не использованы еще нами в массовой агитации. Надо критиковать фракцию, слов нет, нечестно замалчивать ее ошибки. Но надо всем нам укреплять также организации на местах и развивать агитацию для использования каждого выступления фракции. Только соединение той и другой работы есть действительно достойная выдержанных революционных с.-д. деятельность, только это соединение поможет нам побороть «гнилую минуту» и ускорить наступление нового подъема.

Далее. Подчеркивая «отсутствие ярких выступлений», автор говорит, что «создалось представление (у кого? у нескольких непонимающих азбуки марксизма *Mitläufer'ов?),* что социал-демократия примирилась с создавшимся положением вещей и думает о мирной культурной работе; существование фракции стало как бы доказательством того, что революция похоронена если не на словах, то... на деле. Пусть это мнение неверно; но опровергнуть его мы можем не доводами, а фактами». И единственный «факт», который автор предлагает при этом в качестве

«перестройки» всей тактики «подчеркивания» в глазах масс отношения с.-д. к Думе есть отзыв фракции! Выходит, что отзыв фракции рассматривается как «факт», опровергающий «похороны революции», как «яркое выступление», *подчеркивающее* новую тактику!

Мы скажем на это, что автор неправильно понимает общее значение «ярких выступлений» и «ярких» лозунгов. Когда мы, большевики, проводили в 1905 г. бойкот Булыгинской Думы, этот лозунг был правилен не потому, что он был «ярок», а потому, что он *верно* выражал *объективное* положение: наличность растущего подъема, который царизм пытался отвести в сторону посредством посула законосовещательной Думы. Когда мы проводили летом 1906 года лозунг: «исполнительный комитет левых для поддержки восстания, а не поддержка требования кадетского министерства», этот лозунг был правилен не потому, что он был «ярок», а потому, что он *верно* выражал *объективное* положение; события доказали, что кадеты тормозили борьбу, что их тайные переговоры с Треповым в июне 1906 года выражали игру правительства, что *действительная* схватка произошла и должна была произойти на иной почве, после разгона Думы, именно: на почве вооруженной борьбы (Свеаборг и Кронштадт, как завершение солдатских и крестьянских бунтов). Когда мы в 1907 году проводили лозунг: не в блоке с кадетами, а против к.-д., этот лозунг был правилен не потому, что он был «ярок», а потому, что он верно выражал *объективные* условия момента. И выборы в С.-Петербурге и вся сумма голосований (и прений) во II-ей Думе доказали, что «черносотенная опасность» была фикцией и что *на деле* борьба шла против кадетов и реакции вместе, а не вместе с кадетами против реакции.

Несомненно, что во время революции к нам примкнула часть людей не потому, что они понимали *марксистский* критерий правильности лозунгов и тактики с.-д., а только ради их «яркости». Что у нас теперь, при упадке волны, остаются и останутся только настоящие марксисты, это не пугает, а радует нас. И мы приглашаем товарища отзовиста внимательно вдуматься в его рассуждение: опровергать похороны революции надо не словами, а фактами, — *поэтому* отзовем фракцию! Это в корне неправильное рассуждение. Отзыв фракции, как *подчеркиванье* того, что революция не похоронена, есть *похороны* тех «революционеров», которые способны проводить такую политику. Ибо «революционность» такого рода есть выражение растерянности и бессилия в той тяжелой, трудной, медленной работе, которая объективными условиями «сейчас» предписывается и от которой отмахнуться или отговориться нельзя.

В заключение укажем, что товарищ отзовист сам предлагает в конце своего письма *в пяти* пунктах такой план ближайшей работы, который правильно выражает задачи дня и

опровергает его неверную тактику. Еще раз: *практика* тов. отзовиста лучше его теории. Он безусловно прав, что необходима крепкая нелегальная организация. Он не будет настаивать, вероятно, на непрактичном до последней степени «назначении» комитетчиков Центральным Комитетом. Не забудем, что на смену профессиональному революционеру из интеллигентов или вернее в подмогу ему идет профессиональный революционер с.-д. рабочий (как бы меньшевики ни злобствовали против этого, но это — факт), и, следовательно, новая нелегальная организация не будет вполне походить и не должна *вполне* походить на старую. Мы думаем также, что выражение «отрывать партийные ячейки друг от друга» в последней фразе первого пункта есть случайная неловкость, придираться к которой недопустимо. Действительно, социал-демократическая нелегальная организация не оторвет, а сблизит разорванные теперь ячейки. Товарищ отзовист совершенно прав, подчеркивая особую важность социалистической пропаганды и «анкетной системы» агитации. «Живая связь массы с партией», «привлечение масс к обсуждению агитационных лозунгов», это действительно *злоба дня*. Признание *такой* злобы дня показывает лучше всяких рассуждений и вопреки всяким «изобретенным» (по меткому выражению М. Томского) лозунгам, что ход вещей ставит всем нам, и антиотзовистам, и отзовистам, *одну* насущную практическую задачу, один «лозунг» революционной социал-демократии: идейное укрепление социализма, организационное укрепление нелегальной рабочей партии с руководителями из самих рабочих, развитие всесторонней с.-д. агитации в массах. *Эта* работа, когда мы дружнее и дружнее возьмемся за нее, сплотит всех нас; она подтянет, дисциплинирует, исправит нашу думскую фракцию лучше, чем десятки голых ультиматумов; она даст живое дело; воскресит атмосферу бодрой революционной обстановки; научит измерять точно рост подъема и определять его признаки; развеет, как прах, все мертвые, выдуманные, «изобретенные» лозунги отзовизма!

«Пролетарий» № 39, 26 (13) ноября 1908 г.

АГРАРНЫЕ ПРЕНИЯ В III ДУМЕ.

Почти месяц аграрных прений в III Думе дал чрезвычайно богатый материал для изучения современного положения аграрного вопроса, итогов революции и задач пролетариата. Попытаемся подвести основные выводы из этого материала. Четыре группы ораторов выделяются сами собой: правые, кадеты, крестьяне и с.-д. Различия между «правыми» в тесном смысле и октябристами совершенно сглаживаются. Крестьяне выступают безусловно, как одно политическое направление в аграрном вопросе, при чем различие правых крестьян и трудовиков является лишь различием оттенков внутри единого направления. Проанализируем ту позицию, которую заняла каждая из этих групп. (Цифры в скобках означают страницы стенографических отчетов в приложении к «России»).

Как и следовало ожидать от черносотенных «парламентариев», правые и октябристы постарались засорить сущность своей аграрной политики юридической казуистикой и архивным хламом, разглагольствуя о соотношении закона 9/XI 06 и статьи 12-ой общего положения о крестьянах (дающей крестьянам после выкупа право требовать выдела участка в частную собственность), затем статьи 165 Положения о выкупе и т. д. Желая выставить себя «либералом», Шидловский доказывал, что законодательство графа Д. Толстого о неотчуждаемости наделов и проч. противоречило «духу» 1861-го года, а закон 9/XI 06 этому духу соответствует. Все это — одно сплошное кривлянье, имеющее целью отвести глаза крестьянству, затемнить суть дела. Кадеты, как увидим дальше, в значительной степени поддались на удочку черносотенцев, нам же, социалистам, достаточно в двух словах указать на то, какой толстый слой канцелярской пыли надо сбросить с речей гг. Шидловских, Лыкошиных и прочих лакеев черносотенной царской шайки, чтобы увидать действительное содержание их аграрной политики. Г. Львов 1-й, который, кажется, зовет себя мирнообновленцем, а на деле представляет из себя настоящего черносотенца с аллюрами в духе г-на Струве, выразил это

*

содержание яснее других: «В крестьянской среде — говорил этот слуга помещиков — сложились два начала: бесправная личность и самоуправная толпа (Рукоплескания справа и в центре)»... Состояние масс в таком виде есть угроза для правового» (читай: помещичьего) «государства (Рукоплескания справа и в центре)... «Земля должна принадлежать всем трудящимся, земля как воздух и вода; мы пришли сюда добывать землю и волю». Вот был доминирующий голос. И этот голос, прямо выхваченный из тех суеверий и предрассудков, которые гнездятся в крестьянской массе, этот голос показывал нам на то суеверное представление о власти, которая может отнять у одних и дать другим... «Вспомним, что здесь говорилось, — продолжает г. Львов, вспоминая прежние Думы, — мне тяжело об этом вспоминать, но я скажу, я не могу не сказать, что говорилось в комиссии аграрной. Ведь позвольте, когда даже вопрос о том, чтобы оставить неприкосновенными хотя бы огороды, хотя бы сады, встречал сильнейшее возражение, встречал сильнейший отпор и проходил самым небольшим числом голосов; когда поднимался вопрос о том, чтобы всякие сделки на землю были прекращены, не только залог в дворянском банке, не только продажа крестьянскому банку, но и купля-продажа, даже дарение, наследование, то, очевидно, становилось страшно, страшно, господа, не за помещичьи интересы, а страшно за состояние и судьбу государства (Рукоплескания центра и справа. Возглас: браво). На таком фундаменте построить капиталистическое, современное государство — невозможно» (293).

Помещичьему государству стало «страшно» за свое существование, «страшно» перед «голосом» (и движением) крестьянских масс. Иного капитализма, как на основе сохранения помещичьего, т.-е. крепостнического землевладения, эти господа не могут себе и представить! что капитализм всего шире, свободнее и быстрее развивается при полной отмене всякой частной собственности на землю, об этом «образованные» гг. Львовы и не слыхивали!

Для агитации в массах ознакомление с выдержками из речей Шидловского, Бобринского, Львова, Голицына, Капустина и К° положительно необходимо: до сих пор мы видели самодержавие почти исключительно приказывающим, изредка публикующим заявления в духе Угрюм-Бурчеева [207]. Теперь мы имеем открытую защиту помещичьей монархии и черносотенной «конституции» организованным представительством господствующих классов, и для пробуждения тех слоев народа, которые политически бессознательны или равнодушны, эта защита дает очень ценный материал. Отметим вкратце два особенно важных обстоятельства. Во-1-х, излагая свою политическую программу, правые все время выдвигают перед аудиторией живого врага, с которым они борются. Этот враг — революция. «Страх» перед революцией,

так ясно выраженный глупым Львовым, сквозит не менее ясно у *всех*, которые с ненавистью, со злобой, со скрежетом зубов вспоминают на каждом шагу недавнее прошлое. Эта прямая постановка *всех* вопросов на почву *контр-революции*, это подчинение *всех* соображений одному главному и коренному соображению, борьбе с революцией, содержит в себе глубокую правду и делает речи правых несравненно более ценным материалом (как для научного анализа современного положения, так и для агитации), чем речи половинчатых и трусливых либералов. Неудержимое бешенство, с которым правые нападают на революцию, на конец 1905 года, на восстания, на обе первые Думы, показывает лучше всяких длинных рассуждений, что хранители самодержавия видят перед собой *живого* врага, что борьбу с революцией они не считают конченной, что возрождение революции стоит перед ними ежеминутно, как самая реальная и непосредственная угроза. С мертвым врагом так не борются. Мертвого так не ненавидят. Простоватый г. Балаклеев наивно выразил этот общий дух всех правых речей. Сказавши, что, конечно, указ 9 ноября нельзя отвергнуть, ибо он выражает высочайшую волю, он вместе с тем заявил: «Гг. члены Государственной Думы! Мы живем во время революции, которая, по моему глубокому убеждению, далеко еще не закончилась» (364). Г. Балаклеев боится «революционного происхождения» закона 9/XI, боится, как бы он не разжег новой борьбы. «Мы переживаем тяжкий кризис, — говорил он, — и чем он окончится, неизвестно. Воображение рисует самые мрачные картины, но наш долг заключается в том, чтобы не поддерживать в народе смуту и раздор».

Второе, особенно важное, обстоятельство относится к экономической и специально аграрной программе правых. Это — защита ими частной собственности *крестьян* на землю, защита, красной нитью проходящая через все их речи вплоть до оберпопа Митрофанушки (епископа Митрофана), который говорил сейчас же после докладчика, видимо желая припугнуть демократических, но забитых деревенских «батюшек», и, с забавными усилиями стараясь побороть в себе привычку к юродству и к семинарскому языку («община есть изначальное явление»), «выговаривал» такие фразы: «жизнь развивается в направлении все большей и большей индивидуальности личности»; «полезным нужно признать устройство нового быта крестьян наших по образцу западно-европейских фермеров» (69).

Спрашивается, почему класс помещиков и класс капиталистов так энергично защищает и во II и в III Думе частную собственность *крестьян* на землю? Только потому, что таково «последнее правительственное распоряжение»? Конечно, нет! Это распоряжение подсказано и внушено советом объединенного дворянства. Помещики и капиталисты превосходно знают того врага,

с которым приходится им бороться, превосходно чувствуют, что *революция связала* победу помещичьих интересов с победой частной собственности на землю вообще, победу крестьянских интересов с уничтожением частной собственности на землю вообще, и помещичьей и крестьянской. Сочетание частной собственности на надельные земли с общественной собственностью на экспроприированные помещичьи земли есть плохая выдумка кадетов и меньшевиков. *На деле* борьба идет из-за того, помещики ли будут строить новую Россию (это невозможно иначе, как на основе частной собственности на все роды земель), или крестьянские массы (это невозможно в полукрепостнической стране без разрушения частной собственности и *на* помещичьи и *на* надельные земли).

Переходим к кадетам. Их речи отличаются и от правых и от левых речей стремлением примирить непримиримое, усесться между двух стульев. Только в той части речи г. Милюкова, где он выступил, как *историк*, а не как *кадет*, мы имеем превосходно подобранные данные по истории совета объединенных дворян,— данные, сводка которых делает честь всякому *демократу*. В общем же и целом Шингарев, Березовский, Милюков, Бобянский и Родичев поддались на удочку черносотенного г. Шидловского и с превеликим усердием засоряли головы слушателей юридической казуистикой, фразерствовали о «справедливости» по римскому праву («для ради важности» Родичев даже вставил латинское слово: *aequitas!* Учились же «*мы*» чему-нибудь в университете!), унижались до гаденького лизоблюдства (г. Шингарев расписывался в своем «уважении» к Столыпинскому лакею Лыкошину и доказывал, что принудительное отчуждение бывает в странах, где «институт частной собственности блюдется очень свято»). Красной нитью через все кадетские речи проходит спор против закона 9 ноября с точки зрения «осторожности». Нас, большевиков, обвиняли в том, что мы черним кадетов, называя их либеральными помещиками. Они хуже на самом деле. Они— либеральные *чиновники*. Нельзя себе представить большего развращения *демократического* сознания масс, как это выступление в Гос. Думе партии так называемых «демократов» с речами, *притупляющими* борьбу, с проповедью чиновнической «осторожности», с подлым расхваливанием того ограбления и закабаления крестьян крепостниками, которое зовется «великой реформой» 1861-го года!

Нападать на Столыпина за «неосторожность» его аграрной политики значит проституироваться, предлагаться на должность *таких* выполнителей этой самой политики, которые сумели бы «осторожно» выполнить *то же самое дело*, т.-е. провести ту же помещичью сущность под ложным флагом «конституционного демократизма», провести не путем одного насилия, а также и

путем обмана крестьян. Вот одно из многочисленных кадетских заявлений, раскрывающих именно указанный сейчас смысл их речей. Г. Березовский, речь которого особенно одобрил и назвал «прекрасной» лидер партии к.-д., г. Милюков, сказал следующее:

«По моему глубокому убеждению, этот проект» (земельный проект к.-д.) «гораздо более выгоден и для владельцев земли» (не только для крестьян) «и я это говорю, гг., зная земледелие, сам занимаясь им всю жизнь и владея землей. Для культурного земледельческого хозяйства проект партии народной свободы был бы, несомненно, более полезен, чем теперешний порядок. Не надо выхватывать голый факт принудительного отчуждения, возмущаться им и говорить, что это насилие, а надо посмотреть и оценить, во что выливается то, что предлагается в нашем проекте и как проводится это принудительное отчуждение» (золотые слова! г. Березовский, не стали ли вы большевиком?). «Возьмите проект 42-х членов I Гос. Думы — в нем заключалось только» (именно!) «признание необходимости в первую очередь подвергнуть отчуждению те земли, которые не эксплуатируются самими владельцами. Затем партия народной свободы поддерживала образование комиссий на местах, которые в известное время должны были выяснить, какие земли подлежат отчуждению, какие не подлежат и сколько нужно крестьянам земли для их удовлетворения. Эти комиссии конструировались так, что в них была бы половина членов крестьян и половина некрестьян». (Договаривайте, г. Березовский! Не стыдитесь! Ведь скрыть правды нельзя: помещики благодаря обязательному назначению «нейтрального» председателя комиссий помещичьим правительством всегда имели в комиссиях обеспеченное большинство над крестьянами: см. проект Кутлера в томе II кадетского «Аграрного вопроса».) «Ввиду этого, этой общей конкретной работой на местах, конечно, выяснилось бы и количество возможной для отчуждения земли и количество земли, необходимой для крестьян, и, наконец, сами крестьяне убедились бы, в какой мере могут быть удовлетворены их справедливые требования. Затем все это прошло бы через Гос. Думу и Государственный Совет» (именно!) «и после их переработки» (т.-е. после повторной урезки «реформы» новым помещичье-чиновничьим большинством!) «дошло бы до высочайшей санкции». (Вспомните последовательное сокращение размеров надела подобными же высшими инстанциями в 1861 г.) «Результатом этой планомерной работы, несомненно, было бы истинное удовлетворение настоящих нужд населения и связанное с ним успокоение и сохранение культурных хозяйств, которые партия народной свободы никогда без крайней необходимости не желала разрушать» (143).

Г. Березовский признал в октябре 1908 г. *все*, что говорили большевики летом 1906 года о земельном проекте к.-д.! В I Думе

кадеты публично выдвигали вперед демократическую внешность своей реформы, доказывая ее помещичий характер на тайных совещаниях с Треповым и его прихвостнями. В III Думе к.-д. публично выдвигают вперед помещичий характер своей реформы, доказывая демократизм ее на тайных от полиции беседах с теми немногими чудаками, которые способны еще слушать бабушкины сказки. Двуликий Янус по ветру поворачивает свои «лики» то в одну, то в другую сторону. «Демократы» падают до того низко, что перед черносотенными зубрами стараются доказать безобидность своих действий и программ во время революции!

Сопоставьте с этим речи крестьян. Вот вам типичный правый крестьянин Сторчак. Он начинает свою речь воспроизведением полностью слов Николая II о «священных правах собственности», недопустимости их «нарушения» и т. д. Он продолжает: «дай бог государю здоровья. Он хорошо сказал для всего народа»... (295). Он кончает: «А если сказал государь, чтобы была правда и порядок, то, конечно, если я сижу на 3 десятинах земли, а рядом 30.000 десятин, то это не есть порядок и правда» (296)!! Сравните этого монархиста с монархистом Березовским. Первый — темный мужик. Второй — образованный почти европеец. Первый наивен до святости и политически неразвит до невероятия. Связь монархии с «порядком», т.-е. беспорядком и неправдой, охраняющими владельцев 30.000 десятин, для него неясна. Второй — знаток политики, знающий все ходы и выходы к Витте, Трепову, Столыпину и К°, изучавший тонкости европейских конституций. Первый — один из миллионов, которые маются всю жизнь на 3 десятинах и которых экономическая действительность *толкает* на массовую революционную борьбу против 30.000-чников. Второй — один из десятков — самое большее: из сотни тысяч помещиков, желающий «по-мирному» сохранить свое «культурное хозяйство», помазав по губам мужичка. Неужели не ясно, что первый *может* сделать буржуазную революцию в России, *уничтожить* помещичье землевладение, создать крестьянскую республику (как бы ни страшило его теперь это слово)? Неужели не ясно, что второй *не может не* тормозить борьбы масс, без которой невозможна победа революции?

Пусть пораздумают об этом люди, которые до сих пор никак не могут понять, что это значит: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»!

Аграрная программа Сторчака — тот самый земельный законопроект 42 крестьянских депутатов III Думы, о котором мы писали в № 22 «Пролетария» *). Будучи очень скромным по внешности, этот проект *левее* кадетского проекта, как признают и сами к.-д. Требуя обсуждения реформы, наделяющей крестьян

*) См. настоящий том, стр. 136. *Ред.*

землей, местными комиссиями, выбранными всеобщей подачей голосов, этот проект *на деле* есть революционный проект, ибо обсуждение земельной реформы на местах действительно демократическими выборными учреждениями абсолютно несовместимо с сохранением в современной России власти царя и землевладения помещиков. И то обстоятельство, что в черносотенной Думе, выбранной на основе избирательного закона, специально подделанного в пользу помещиков по указаниям объединенного дворянства, при господстве самой отчаянной реакции бесшабашного белого террора, — что в такой Думе *42 крестьянина* подписали подобный проект, это лучше всяких рассуждений доказывает революционность крестьянской массы в современной России. Пусть оппортунисты доказывают необходимость союза с кадетами, необходимость сближения пролетариата с буржуазией в буржуазной революции, — сознательные рабочие только подкрепят, знакомясь с прениями в III Думе, свое убеждение в том, что невозможна буржуазная победоносная революция в России без общего натиска рабочих и крестьянских масс, вопреки шатаниям и изменам буржуазии.

Если Сторчак (а также стоящие в главном и основном на той же позиции депутаты свящ. Титов, Андрейчук, Попов 4-ый и Никитюк) выражают революционность крестьянской массы бессознательно, стихийно, сами боясь не только договорить до конца, но даже и додумать до конца то, что из их слов и предложений следует, то трудовики в III Думе выражают дух массовой борьбы крестьян прямо и открыто. Самые ценные при этом речи крестьян-трудовиков, которые излагают свои взгляды непосредственно, передавая с поразительной точностью и живостью настроения и стремления масс, путаясь в программах (некоторые заявляют о сочувствии проекту 42-х крестьян, другие — кадетам), но тем сильнее выражая то, что лежит глубже всяческих программ.

Вот Кропотов, депутат от Вятской губ. «Мои избиратели мне говорили о том, что закон 9 ноября — помещичий закон... Мои избиратели задавали такие вопросы: отчего это делается насильственно?.. зачем наши земли отданы в распоряжение земских начальников?.. Наказывали мне избиратели: скажи ты в Гос. Думе, что так жить больше нельзя... И только начинают его (закон 9 ноября) применять в нашей местности, как у новых помещиков, как говорят наши крестьяне, горят дома» (71)... «Все дело в том, чтобы вознаградить помещиков... Почему же государственная важность требует отнять у бедного последний кусок и отдать тем, которые, как я выразился, сумели по закону, писанному правительством, случайно удержать за собой землю? Не требует ли государственная важность заставить обрабатывать земли, праздно лежащие: помещичьи, казенные, удельные, монастырские?.. С крестьянина идет 11 руб. 50 к. с десятины, и

если, гг., быть справедливым и обложить этим налогом в равной мере всех, то земля окажется действительно у крестьян, и не нужно будет принудительного отчуждения. Чтобы быть справедливыми, нужно обложить единственным налогом землю, и тогда она окажется у трудящихся масс, и тогда будет незавидно: кто не хочет работать, тот не будет платить» (73)...

Сколько неиспытанных еще в борьбе сил, сколько стремления к борьбе в этой наивной речи! Желая избегнуть «принудительного отчуждения», Кропотов *на деле* предлагает меру, которая равняется *конфискации* помещичьих земель и национализации *всей* земли! Что «единственный налог» этого сторонника учений Джорджа равносилен национализации всей земли, этого Кропотов не понимает, но что он передает действительные стремления *миллионов*,— в этом не может быть и тени сомнения.

Вот депутат Рожков, начинающий заявлением: «трудно, гг., мне, деревенскому мужику, говорить с этой трибуны» (77)... «Крестьянство ждало от Гос. Думы не закона 9/XI, не того закона, который делит между нами землю, которой у нас нет, а закона, на основании которого увеличился бы сначала загон, а потом уже стали делить. Основные положения такого закона поданы за подписью 47 крестьян 20 февраля, но до сих пор еще не получили никакого движения... Хозяевами земли являются земские начальники... а настоящие хозяева этой земли связаны усиленной охраной... Для покупки земли с целью эксплуатации ее у нас в государстве нет определенного закона... который бы сказал: ты ее не покупай для эксплуатации... И вот 16 сентября 1907 г. ставропольская землеустроительная комиссия постановила, что землю может купить только тот, кто имеет рабочий скот и инвентарь. И вот, гг., здесь, в этом здании почти половина помещиков, которые держат этих людей, которым землеустроительная комиссия отказывает в праве купить землю. Гг., мы знаем, что эти люди служат за 60—70 руб. в год... Этот несчастный труженик вечно обречен быть помещичьим рабочим, он вечно будет ломать спину на людей, а хозяин за его спиной будет считать себя культурным человеком».

Томилов: «Единственный выход... по нашему мнению, таков: необходимо ныне же во всех общинах России, по примеру бывших ревизий, произвести передел земли; ревизии эти должны установить количество лиц мужского населения по 3 ноября 1905 г.

«Наша крестьянская заветная мечта добыть земли и воли, но мы слышали, что пока настоящее правительство находится у власти, до тех пор земельная собственность неприкосновенна. (Голоса в центре: «частная».) Частная, дворянская. (Голоса в центре: «и ваша тоже».) Если это нас касается, то мы согласны отдать наделы»; (вот она, крестьянская *Вандея* [208]), которой пугал нас в Стокгольме премудрый Плеханов и К° в случае национализа-

ция всей земли!) «скажем, крестьяне одного села согласны отдать свои наделы на единицу, поравняться. Заявление представителя министерства сводится к тому, что пока власть не перейдет в руки крестьянства и вообще народа, крестьянам не видать ни земли, ни политических свобод. Спасибо за откровенность, хотя мы это уже знали» (149)...

«И вот, в 1905 г., когда под руководством сознательных элементов крестьяне объединились воедино (Шум и смех справа) и сказали грозное слово... тогда дворяне начали говорить: «Ведь у вас есть, вам даны наделы. Вы и разделите эту косточку»...

Петров 3-й: «Вспомните, гг., время царствования Алексея Михайловича и то возмущение крестьянского народа, которое выразилось в движении под предводительством Разина (Голоса справа: «Ого!»)... Требования свои народ особенно сильно выразил в 1905 г. Ведь тогда точно так же нужда заставила народ выйти на улицу и сказать свое властное слово о том, что ему нужно» (187)... Все земли должны перейти в уравнительное пользование всего народа... Я, конечно, противник частной собственности на землю» (положительно, Вандея, предсказанная Плехановым, начинает разрастаться!) «и говорю, что только тогда трудовой народ получит облегчение, когда вся земля перейдет в его руки» (204)... «Я вполне убежден, вы вновь увидите глубины взбаломученного житейского моря. И тогда сбудется евангельское изречение: поднявший меч от меча да погибнет (Смех справа). Фракция трудовой группы своих идеалов не изменила, как не изменила и своих стремлений... Мы... говорим: вся земля трудящимся на ней, и вся власть да приложится трудовому населению!» (206).

Мерзляков: «Земля должна принадлежать тому, кто ее обработывает... только чтобы отнюдь земельной лавочки у нас в России не было, а чтобы земля принадлежала тому, кто личным трудом обработывает ее» (207). И т. д.

Недостаток места заставляет нас прекратить цитаты. Отметим только имена ораторов, выражавших менее ясно и сильно те же мысли: Кондратьев, свящ. Попов 2-ой, Булат, Волков 2-ой, Дзюбинский, Ляхницкий (последние два с официальными заявлениями от имени Трудовой Группы).

Спрашивается, какие выводы по отношению к аграрной программе с.-д. вытекают из этой позиции крестьянских депутатов? Что крестьяне облекают борьбу с крепостническими латифундиями и со всеми остатками крепостничества, утопиями мелкобуржуазного социализма, в этом все согласны. Это выражено в той последней части нашей аграрной программы, которая проектирована большевиками и принята в Стокгольме меньшевиками («Протоколы Стокгольмск. съезда») [209].

Но этим вопрос не исчерпывается. И раздел, и муниципализация, и национализация есть преобразование буржуазно-демо-

кратическое, но за какую же систему должны высказаться с.-д.? За муниципализацию, — отвечают меньшевики с Плехановым во главе, проведшие эту программу в Стокгольме. Национализация крестьянских земель вызвала бы Вандею, — прямо заявили меньшевики в Стокгольме.

С тех пор в трех Думах высказались крестьяне — депутаты самых различных мест России. Ни одной группы крестьянских депутатов не соблазнила «муниципализация», выдуманная как раз для того, чтобы «не трогать» крестьянских земель. *Все* трудовики-крестьяне во всех трех Думах высказались за национализацию всей земли, выражая это требование то прямым повторением программы трудовиков, то своеобразной переделкой «единственного налога», то бесчисленными заявлениями: «земля тому, кто ее обработывает», «мы согласны отдать наделы» и т. д.

Жизнь насмеялась над «муниципализацией», над криками о «Вандее».

Какова экономическая основа отстаивания всеми сознательными крестьянами национализации? Для ответа на этот вопрос припомним одно статистическое сопоставление, сделанное в Думе тов. Белоусовым:

«76 милл. дес. принадлежит 30.000 помещикам (в Европейской России), а 73 милл. дес. принадлежит 10-ти миллионам крестьянских дворов с наделом от 1 до 15 дес... Вывод один: четыре пятых общего числа дворов могли бы удвоить размеры своего владения» (209). Пусть даже оспорят те или иные из этих цифр (мы думаем, что они неоспоримы), но никакое изменение их не изменит сути дела, состоящей в следующем. Стремясь удвоить свое землевладение, крестьяне не могут не стремиться к полному слиянию и смешению надельных и вненадельных земель. Сохранение надельных земель в частной собственности, в теперешней собственности дворов и общин, и общественная («муниципальная») собственность на экспроприируемые вненадельные земли есть хозяйственный абсурд. Это — нелепейший аграрный биметаллизм, который годен только для заполнения места в программах, выдумавших интеллигентами. Хозяйство требует слияния и смешения всех земель. Хозяйство теперь уже соединяет кусочки надельной земли с кусочками помещичьей (аренда), и разрушение крепостничества невозможно без уничтожения тех различий землевладения, тех граней и меж, которые искусственно закрепляет «муниципализация». Хозяйство требует нового землевладения, свободного землевладения, приспособленного к капитализму, а не к старым «наделам», распределенным и размежевавшим бурмистрами и казенными агентами. Это требование экономического развития и выражают (не сознавая капиталистического характера этого развития) крестьяне, высказываясь за национализацию. Старое различие надельного и ненадельного землевладения противо-

речит требованиям капитализма и оно будет сломано неизбежно, как бы ни тщились меньшевики-муниципализаторы закрепить его. А ломка этой грани, соединение, смешение, слияние земель всех разрядов для нового хозяйства фермеров (крестьяне думают ошибочно, что землю будет обрабатывать всякий гражданин: ее будет обрабатывать всякий хозяин, т.-е. имеющий средства на это!) требует уничтожения не только помещичьей, но всей частной собственности на землю.

Столыпин хочет стереть все прежние грани всех прежних видов землевладения. Это стремление экономически правильное. Капитализм осуществит его неизбежно. Вопрос только в том, сделается ли это насчет миллионов крестьянских дворов (грабеж по закону 9 ноября), или насчет 30.000 крупнейших помещиков. Последний путь невозможен без национализации земли в буржуазно-демократической революции. Вот почему во всех трех Думах все сознательные крестьяне высказались за национализацию.

Нам осталось рассмотреть речи с.-д. в III Думе. Только два оратора нашей фракции успели высказаться (Гегечкори и Белоусов) до ограничения времени ораторов. Остальные стали отказываться, протестуя против «насилия», выразившегося в этом ограничении. Оба названные товарища исполнили свое дело правильно. Они указали на «дворянско-бюрократический дух» правительственной политики, на то, что «положение 1861 г. было насквозь крепостническим», что «ненависть к правительству» глубоко запала в душу крестьянства, требующего «земли и воли», доказавшего в 1905 г. свою «солидарность» и способность к «революционному выступлению». Нашу, с.-д., борьбу за «конфискацию латифундий и передачу их народу» ораторы нашей партии правильно истолковали не в духе мещанских утопий об «уравнительности», «социализации» и т. п., а как меру освобождения страны от кабально-крепостнического гнета. Постановка вопроса у Гегечкори и у Белоусова была революционно-социал-демократическая. «Сила создает право — закончил тов. Белоусов — и, чтобы завоевать право, надо накопить силы и организовать их». Обе речи с.-д. ораторов III Думы должны стать настольным материалом для всякого члена партии, ведущего работу пропаганды и агитации. В формуле перехода, предложенной с.-д. фракцией, пропущено только требование безвозмездного перехода земель. Это было бы важным нарушением нашей программы, если бы это было умышленно. Но тов. Гегечкори, прочитавший формулу, дважды упомянул в своей речи о необходимости «безвозмездного отчуждения», так что едва ли можно считать указанный пропуск умышленным.

«Пролетарий» № 40 14 (1) декабря 1908 г.

Подпись: Н. Л.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СПИСОК ИЗДАНИЙ ПЕРИОДА ИЮНЬ 1907 Г.— ДЕКАБРЬ 1908 Г., В РЕДАКТИРОВАНИИ КОТОРЫХ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В. И. ЛЕНИН.

1) ГАЗЕТА «ПРОЛЕТАРИЙ».

№ 17 — 2 ноября (20 октября) 1907 г.
№ 18 — 11 ноября (29 октября) 1907 г.
№ 19 — 18 (5) ноября 1907 г.
№ 20 — 2 декабря (19 ноября) 1907 г.
№ 21 — 26 (13) февраля 1908 г.
№ 22 — 4 марта (19 февраля) 1908 г.
№ 23 — 11 марта (27 февраля) 1908 г.
№ 24 — 18 (5) марта 1908 г.
№ 25 — 25 (12) марта 1908 г.
№ 26 — 1 апреля (19 марта) 1908 г.
№ 27 — 8 апреля (26 марта) 1908 г.
№ 28 — 15 (2) апреля 1908 г.
№ 29 — 29 (16) апреля 1908 г.
№ 30 — 23 (10) мая 1908 г.
№ 31 — 17 (4) июня 1908 г.
№ 32 — 15 (2) июля 1908 г.
№ 33 — 5 августа (23 июля) 1908 г.
№ 34 — 7 сентября (25 августа) 1908 г.
№ 35 — 24 (11) сентября 1908 г.
№ 36 — 16 (3) октября 1908 г.
№ 37 — 29 (16) октября 1908 г.
№ 38 — 14 (1) ноября 1908 г.
№ 39 — 26 (13) ноября 1908 г.
№ 40 — 14 (1) декабря 1908 г.

2) СБОРНИКИ И ЖУРНАЛЫ.

1. *Итоги Лондонского съезда Р. С.-Д. Р. П.* Сборник статей. Спб. 1907 г. Стр. 134 + (2).
2. *Голос жизни.* Сборник первый. Спб. 1907 г. Стр. 86 + (2).
3. *О бойкоте третьей думы.* М. 1907 г. Стр. 32.
4. *Темы дня.* Сборник статей Люксембург, Львовой, Новоселова и Орловского. Спб. Кн-во «Новь» 1907 г. Стр. 96.
5. *Вестник жизни.* 1907 г. № 7. Сентябрь. Спб. Стр. 104.
6. *Зарницы.* Выпуск 1. Спб. 1907 г. Стр. 127.

7. *Текущая жизнь.* (Сборник.) Спб. 1908 г. Стр. 164.

8. *О веяниях времени.* (Сборник.) Спб. Изд. «Творчество» 1908 г. Стр. 256 + (27).

9. *Карл Маркс* (1818 — 1883). К двадцатипятилетию со дня его смерти (1883 — 1908). Спб. Изд. О. и М. Кедровых. 1908 г. Стр. 410 + (2).

3) ПЕРЕВОДЫ И РЕДАКЦИЯ ПЕРЕВОДОВ.

1. *Клара Цеткин.* Международный социалистический конгресс в Штутгарте. В сборнике «Зарницы». Стр. 105 — 112. Перевод.

II. УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, УПОМИНАЕМЫХ В. И. ЛЕНИНЫМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XII ТОМА.

*

[ВОРОНЦОВ, В. П.] В. В. Разделение труда земледельческого и промышленного в России. «Вестник Европы» № 7, июль 1884 г. — 250.
— Новый тип местно-статистического издания. «Северный Вестник» № 3, ноябрь 1885 г. — 234.
«ВПЕРЕД» № 1, 4 января 1905 г. (22 декабря 1904 г.) [Ленин, В. И.] — О хороших демонстрациях пролетариев и плохих рассуждениях некоторых интеллигентов. — 68.
— № 14, 23 (10) сентября 1907 г. Отношение между профессиональными союзами и политической партией. — 141.
ВТОРОЙ ОЧЕРЕДНОЙ СЪЕЗД РОСС. СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ. Полный текст протоколов. Издание Центрального Ком. Genève. [1904] Стр. 394, [4], II. — 66, 67.
ГЕРШУНИ, Г. А. — Речь Г. А. Гершуни, произнесенная на экстренном съезде партии социалистов-революционеров, б. м. 1907. Стр. 15. («В борьбе обретешь ты право свое!».) — 119.
«ГОЛОС МОСКВЫ» № 239, 29 (16) октября 1907 г. Москва, 16 октября. Новая Дума. — 96.
«ГОЛОС СОЦИАЛЬДЕМОКРАТА» № 1 — 2, февраль 1908 г. Мартынов А. — Движущая сила русской революции. (К двадцатипятилетию русской социал-демократии.) — 387.
— № 1 — 2, февраль 1908 г. Не пора ли покончить? — 298.
— № 3, март 1908 г. Дан, Ф. — Пролетариат и русская революция. — 190.
— № 3, март 1908 г. Плеханов, Г. — Заметки публициста. — 190.
— № 6 — 7 май — июнь 1908 г. Плеханов, Г. В. — Materialismus militans. Ответ г. Богданову. (Письмо первое.) — 310, 374.
— № 8 — 9, июль — сентябрь 1908 г. Маслов, П. — Письмо в редакцию. — 366.
— № 8 — 9, июль — сентябрь 1908 г. Прибавление к №№ 8 — 9 «Голоса Соц.-Демократа». От редакции. (Пропущенное вследствие типографской ошибки примечание редакции к письму тов. Маслова.) — 386 — 389.
ГОРН, ВЛ. — О завтрашнем дне. «Товарищ» № 348, 31 (18) августа 1907 г. — 45 — 49.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА. [ПЕРВЫЙ СОЗЫВ.] СТЕНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ. 1906 год. Сессия первая. Том I. Заседания 1 — 18 (с 27 апреля по 30 мая). Спб. 1906. Стр. [6] + XXII, столб. 861. — 273, 280.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА. ВТОРОЙ СОЗЫВ, СТЕНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ. 1907 год. Сессия вторая. Том I. Заседания 1 — 30 (с 20 февраля по 30 апреля). Спб. 1907, Стр. [2] + VIII стлб. 2344 + + 2 стр. — 289.
— 1907 год. Сессия вторая. Том II. Заседания 31 — 53 (с 1 мая по 2 июня). Спб. 1907. Стр. [4] + VIII, стлб. 1610. — 284.
— Третий созыв 1907 — 1908 г.г. Сессия первая. Часть I. Заседания 1 — 30 (с 1 ноября 1907 г. по 19 февраля 1908 г.). Спб. 1908. Стр. [4] + XIV, стлб. 2140. — 130 — 133.
ДАН, Ф. — Пролетариат и русская революция. «Голос Социальдемократа» № 3, март 1908 г. — 190.
«ДНЕВНИК СОЦИАЛЬДЕМОКРАТА» № 3, ноябрь 1905 г. Плеханов, Г. — Наше положение. — 19.
— № 4, декабрь 1905 г. Плеханов, Г. — Еще о нашем положении. (Письмо к товарищу X.) — 212.

[ЛЕНИН, В. И.] — Политические заметки. «Пролетарий» № 21, 26 (13) февраля 1908 г. — 135.
[ЛЕНИН, В. И.] ВЛАДИМИР ИЛЬИН. — Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. Спб. Издание М. И. Водовозовой. 1899. Стр. [2] + IX + [1] + IV + 480 + VIII + + [2]. — 59.
— Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. Издание второе, дополненное. Спб. Книгоиздательство «Паллада». 1908. Стр. VIII + VIII + 490. — 219, 228, 235, 255, 259, 283.
[ЛЕНИН, В. И.] — Третья Дума. «Пролетарий» № 18, 11 ноября (29 октября) 1907 г. — 197.
ЛЕНИН, Н. — «Услышишь суд глупца»... (Из заметок с.-д. публициста). Спб. Книгоиздательство «Новая Дума». 1907. Стр. 24. — 119.
— Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. Stuttgart. J. H. W. Dietz. 1902. Стр. VII + 144. — 60.
— Шаг вперед, два шага назад. (Кризис в нашей Партии.) Типография Партии. Женева. 1904. Стр. VIII, 172. — 63, 69.
[ЛЕНИН, В. И.] К. ТУЛИН. — Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве — см. Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития. Сборник статей. Спб. 1895. — 58.
[ЛЕНИН, В. И.] — Эсэровские меньшевики. «Пролетарий» № 4, 2 октября (19 сентября) 1906 г. — 297.
ЛИСТОК «РАБОЧЕГО ДЕЛА» № 6, апрель 1901 г. Редакция «Рабочего Дела» — Исторический поворот. — 300.
ЛОНДОНСКИЙ СЪЕЗД РОССИЙСКОЙ СОЦ.-ДЕМОКР. РАБ.ПАРТИИ (состоявшийся в 1907 г.). — Полный текст протоколов. Paris. Издание Центрального Комитета. Стр. 484 + [2]. — 36, 99, 158.
МАЛИШЕВСКИЙ, Н. — Роль социал-демократии в освободительном движении — см. Первый сборник. Спб. Издание В. Д. Корчагина. 1906. (Освободительная библиотека.) — 152.
МАРЕСС, Л. Н. — Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве — см. Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Статьи под редакцией проф. А. И. Чупрова и А. С. Посникова. Т. I. Спб. 1897. — 244.
МАРКС. К. и ЭНГЕЛЬС, ФР. — Манифест Коммунистической партии. — 114, 187, 314.
МАРКС, К. — Письма к Л. Кугельману. С предисловием редакции «Neue Zeit». Перевод с немецкого М. Ильиной под редакцией и с предисловием Н. Ленина. Спб. [Книгоиздательство «Новая Дума».] 1907. Стр. XI, [1], 96. — 33, 163, 292.
МАРТОВ, Л. — К. Каутский и русская революция — см. Сборник II. Спб. Издательство «Отклики». 1907 г. — 209.
— Можно ли уклониться? (Письмо в редакцию.) «Товарищ» № 301, 7 июля (24 июня) 1907 г. — 28, 40.
МАРТЫНОВ, А. — Движущая сила русской революции. (К двадцатипятилетию русской социал-демократии.) «Голос Социальдемократа» № 1 — 2, февраль 1908 г. — 387.
МАСЛОВ, ПЕТР. — Аграрный вопрос в России. (Условия развития крестьянского хозяйства в России.) Третье издание. Спб. 1906. Стр. [2] + XIII + 462. — 285, 370 — 373.
МАСЛОВ, П. — К аграрному вопросу. (Критика критиков.) «Жизнь», том III, март 1901 г., том IV, апрель 1901 г. — 285.

«ПРОЛЕТАРИЙ» № 33, 5 августа (23 июля) 1908 г. [Ленин, В. И.] — Как Петр Маслов исправляет черновые наброски Карла Маркса. — 310, 370, 371.
— № 33, 5 августа (23 июля) 1908 г. [Ленин, В. И.] — От редакции. — 388.
— № 36, 16 (3) октября 1908 г. Из партии. С.-Петербург. — 339.
— № 37, 29 (16) октября 1908 г. Ленин, Н. — П. Маслов в истерике. — 386.
— № 39, 26 (13) ноября 1908 г. [Ленин, В. И.] — По поводу двух писем. — 380.
— № 39, 26 (13) ноября 1908 г. — Письмо из Петербурга. (В думской с.-д. фракции.) — 399.
— № 39, 26 (13) ноября 1908 г. Томский, Михаил. Письмо рабочего в редакцию «Пролетария». — 390.
ПРОТОКОЛЫ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОГО СЪЕЗДА РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ, СОСТОЯВШЕГОСЯ В СТОКГОЛЬМЕ В 1906 Г. М. 1907. Стр. [2] + VI, 420. — 25, 36, 211, 281, 287, 294, 327.
ПРОТОКОЛЫ ПЕРВОГО СЪЕЗДА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ. [Б. М.] [Издание Центрального Комитета П. С.-Р. Типография Партии Социалистов-Революционеров. 1906.] Стр. 368 + [1 л. приложения к протоколам]. — 119.
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ. «Пролетарий» № 17, 2 ноября (20 октября) 1907 г. — 138.
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СЪЕЗД И ЦЕНТРАЛЬНЫЕ БЮРО. «Знамя Труда» № 8, декабрь 1907 г. — 141.
«РАБОЧЕЕ ЗНАМЯ» № 5, октябрь 1908 г. Письмо рабочего. — 380, 390.
«РЕВОЛЮЦИОННАЯ МЫСЛЬ» № 1, апрель 1908 г. От редакции. — 297 — 299.
— № 1, апрель 1908 г. [Юделевский, Я. Л.] Волин, А. — Вопросы революции. — 297 — 299.
— № 2, июнь 1908 г. [Агафонов, В.] Сиверский. — Философия и террор. — 298.
— № 2, июнь 1908 г. Одинцев. — К вопросу о революционных организациях. (Письмо в редакцию.) — 298.
— № 2, июнь 1908 г. [Юделевский, Я. Л.] Волин, А. — Политический переворот и инициативное меньшинство. — 297 — 299.
РЕДАКЦИЯ «РАБОЧЕГО ДЕЛА». — Исторический поворот. «Листок Рабочего Дела» № 6, апрель 1901 г. — 300.
РЕЗОЛЮЦИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Р. С.-Д. Р. П. ОБ ОТНОШЕНИИ К ДУМСКОЙ ФРАКЦИИ. «Пролетарий» № 31, 17 (4) июня 1908 г. — 394.
РЕЗОЛЮЦИЯ О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗАХ. «Пролетарий» № 17, 2 ноября (20 октября) 1907 г. — 138.
РЕЗОЛЮЦИЯ ШТУТГАРТСКОГО СЪЕЗДА. «Пролетарий» № 17, 2 ноября (20 октября) 1907 г. — 78.
«РЕЧЬ» № 82, 7 июня (25 мая) 1906 г. [Милюков, П.] — С.-Петербург, 25 мая. — 177.
— № 224, 5 октября (22 сентября) 1907 г. Милюков, П. — «У нас нет врагов слева». — 71.
— № 255, 10 ноября (28 октября) 1907 г. Милюков, П. Н. — Доклад съезду о тактике партии народной свободы в третьей Государственной Думе. — 113.
— № 255, 10 ноября (28 октября) 1907 г. — Парламентская программа союза 17 октября. — 113.

ХИЖНЯКОВ, В. — Перед свежей могилой. «Товарищ» № 296, 5 июля (19 июня) 1907 г. — 5.
[ХРУСТАЛЕВ-НОСАРЬ, Г.] Переяславский Юрий. — С берегов Темзы. «Товарищ» № 260, 21 (8) мая 1907 г.; № 266, 28 (15) мая 1907 г.; № 287, 21(8) июня 1907 г. — 116.
ЧЕРЕВАНИН. — Лондонский съезд Р. С.-Д. Р. П. 1907 г. С приложением принятых резолюций и их проектов. «Борьба» [Спб.] [1907.] Стр. [1] + 102 + [1]. — 67.
ЧУПРОВ, А. И. проф. — К вопросу об аграрной реформе — см. Аграрный вопрос. Сборник статей. Т. II. Издание кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича. М. Книгоиздательство «Беседа» 1907. — 176.
ШАНИН, М. — Муниципализация или раздел в собственность? Характер нашего аграрного кризиса. Вильна. Книгоиздательство «Трибуна». 1907. Стр. 112. — 265, 285.
Э. П. — см. Пименова, Э.
[ЮДЕЛЕВСКИЙ, Я. Л.] ВОЛИН, А. — Вопросы революции. «Революционная Мысль» № 1, апрель 1908 г. — 297, 299.
— Политический переворот и инициативное меньшинство. «Революционная Мысль» № 2, июнь 1908 г. — 297, 299.

НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ.

ABSTRACT OF THE TWELFTH CENSUS OF THE UNITED STATES. 1900. Third Edition. Washington. Government Printing Office. 1904. P. P. XV, 454. (Bureau of the Census.) — 231.
BERNSTEIN, ED. — Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart. J. H. W. Dietz. 1899. S. S. X, 188. — 187, 188.
«CORRIERE DELLA SERA» № 41, 10 Febbraio 1908. Croci, Pietro. — Lo stato d'animo nazionale. — 150, 151.
— № 41, 10 Febbraio 1908. Croci, Pietro. — La visita del popolo alle salme reali. — 150, 151.
— № 42, 11 Febbraio 1908. Croci, Pietro. — L'ira nemica anche oltre tomba. — 150, 151.
DAHN, TH. — Die Bedingungen des erneuten Aufschwungs der russischen Revolution. «Die Neue Zeit». XXXVI Jahrg. 1908. B. 2. №№ 27, 28. — 194.
DEBATTEN ÜBER DEN STUTTGARTER KONGRESS. Leipzig. «Vorwärts» № 209, 7. September 1907. I. Beilage. — 89, 138.
DRECHSLER, H. — Die bäuerliche Zustände in einigen Theilen der Provinz Hannover — см. «Schriften des «Vereins für Sozialpolitik». XXIV. 1883. Bäuerliche Zustände in Deutschland. Berichte veröffentlicht vom Verein für Sozialpolitik. Dritter Band. — 249.
DZIESIATY ZJAZD P. P. S. Program. Taktyka. Organizacja. [Krakow. Odbito w Drukarni Narodowej. Nakladem wydawnictwa «Mysli Socjalistysznej»]. 1908. S.S. 20. — 212.
ENGELS, FR. Programm der blanquistischen Kommune-Flüchtlinge (1874). — 22.
— Ueber historischen Materialismus. «Die Neue Zeit». XI Jahrg. 1892—1893. B. I. №№ 1, 2. — 210.
— Zur Kritik des sozialdemokratischen Programmentwurfes 1891. «Die Neue Zeit». XX Jahrg. 1901 — 1902. B. I. — 152.
ERSTE INTERNATIONALE KONFERENZ SOZIALISTISCHER FRAUEN. «Vorwärts» № 192, 18. August 1907. 2 Beilage; № 193, 20. August 1907. 2. Beilage; № 194, 21. August 1907. I. Beilage. — 80, 91.

«DIE NEUE ZEIT». XI Jahrg. 1892 — 1893. B. I. № 1, 2, Engels, Fr. — Ueber historischen Materialismus. — 210.
— XX Jahrg. 1901 — 1902. B. I. Engels, Fr. — Zur Kritik des sozialdemokratischen Programmentwurfes 1891. — 152.
«DIE NEUE ZEIT». XXV Jahrg. 1906 — 1907. B. I. № 23. [Mehring, Fr.] — Deutscher Liberalismus und russische Duma. Berlin 6. März 1907. — 111.
— XXV Jahrg. 1906 — 1907. B. 2. № 18. Kautsky, K. — Der Stuttgarter Kongress. — 88.
— XXXVI Jahrg. 1908. B. 2. №№ 27, 28. Dahn, Th. — Die Bedingungen des erneuten Aufschwungs der russischen Revolution. — 194.
— XXXVI Jahrg. 1908. B. 2. № 43. Luxemburg, Rosa. — Offener Brief an Jean Jaurès. — 318.
«THE NEW AGE» № 691, December 7, 1907. Notes of the week. — 148.
PARVUS. — Handelskrisis und die Gewerkschaften. Nebst Anhang: Gesetzentwurf über den achtstündigen Normalarbeitstag. München. 1901. S.S. 64. — 417, 418.
DIE PROLETARISCHE INTERNATIONALE IN STUTTGART. Internationaler Sozialistischer Kongress. «Vorwärts» № 193, 20. August 1907. I. Beilage; № 194, 21. August 1907. I. Beilage; № 195, 22. August 1907. I. Beilage; № 196, 23. August 1907. I. Beilage; № 197, 24. August 1907. I. Beilage; № 198, 25. August 1907. I. Beilage. — 78, 83, 89.
PROTOKOLL DES INTERNATIONALEN ARBEITER-KONGRESSES ZU PARIS. Abgehalten vom 14. bis 20. Juli 1889. Deutsche Uebersetzung. Mit einem Vorwort von Wilhelm Liebknecht. Nürnberg. 1890. S.S.V, 133. — 312.
PROTOKOLL DES INTERNATIONALEN SOZIALISTISCHEN ARBEITER-KONGRESSES IN DER TONHALLE ZÜRICH VOM 6. BIS 12. AUGUST 1893. Herausgegeben vom Organisationskomite. Zürich. Grütliverein. 1894. S.S. VIII, 65. — 312.
«PRZEGLĄD SOCJAL-DEMOKRATYCZNY» № 7, Wrzesień 1908. Maslow, P. — W sprawie programu rolnego. (Odpowiedź Leninowi.) — 320.
SCHIPPEL, M. — Die Balkanwirren und Demokratie einst und heute. «Sozialistische Monatshefte». 22. Oktober 1908. III. B. 21 Heft. — 361.
— Sozialdemokratisches Reichstags-Handbuch. Ein Führer durch die Zeit- und Streitfragen der Reichsgesetzgebung. «Vorwärts». Berlin. 1902. S.S. X + 1174. — 416.
«SOZIALISTISCHE MONATSHEFTE». 22. October 1908, III B. 21 Heft. Schippel, M. — Die Balkanwirren und Demokratie einst und heute. — 361.
VERHANDLUNGEN UND BESCHLÜSSE DES INTERNATIONALEN ARBEITER-KONGRESSES ZU BRÜSSEL. (16 — 22. August 1891.) Berlin. «Vorwärts». 1893. S.S. 35. — 312.
«VORWÄRTS» № 193, 20. August 1907. I. Beilage; № 194, 21. August 1907. I. Beilage: № 195, 22. August. 1907. I Beilage; № 196, 23. August 1907. I. Beilage; № 197, 24. August 1907. I. Beilage; № 198, 25. August 1907. I. Beilage; Die proletarische Internationale in Stuttgart. Internationaler sozialistischer Kongress. — 78 — 83, 89.
— № 44, 21. Februar 1908. Wahlrechtskampf — Klassenkampf! — 159, 160.
— № 48, 26. Februar 1908. Eine Verleugnung des Klassenkampfes. — 159, 160.
— № 192, 18. August 1907. 2. Beilage; № 193, 20. August 1907. 2. Beilage; № 194, 21. August 1907. I Beilage. Erste internationale Konferenz sozialistischer Frauen. — 80, 91.

«VORWÄRTS» № 209. 7. September 1907. I. Beilage. Debatten über den Stuttgarter Kongress. Leipzig. — 89, 138.
WAHLRECHTSKAMPF — KLASSENKAMPF! «Vorwärts» № 44, 21. Februar 1908. — 159, 160.
[ZETKIN, K.] — Der Internationale sozialistische Kongress zu Stuttgart. «Die Gleichheit» № 18, 2. September 1907. — 81, 87, 89.

III. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ.

№ 1 (к примеч. 19).

ВТОРАЯ ОБЩЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ.

(21, 22 и 23 июля 1907.)

II Общероссийская конференция состоялась в Гельсингфорсе (в июле 1907 г.) и была посвящена тактическим вопросам в связи с разгоном II Госуд. Думы и переворотом 3 июня. Перед конференцией среди большевиков отчетливо выявились две тактических линии:

1) за бойкот III Думы (представленная А. Богдановым) и

2) *против* бойкота (возглавляемая Н. Лениным). На фракционном заседании, на котором участвовали и поляки и латыши, удалось достигнуть соглашения. Было решено выступить *единым* фронтом против меньшевиков, которые отвергали бойкот Думы по чисто кадетским мотивам. Большинство фракции согласилось с Лениным голосовать за участие в выборах. Разногласий в мотивировочной части резолюции среди всех большевиков не было.

Резолюции конференции.

21, 22 и 23 июля 1907 года происходила конференция Р.С.-Д.Р.П., созванная Центральным Комитетом на основании устава партии. На конференции были обсуждены вопросы об участии в выборах в Третью Государственную Думу, об избирательных соглашениях, об избирательной платформе и о съезде профессиональных союзов.

На конференции присутствовало 26 делегатов с решающим голосом: 5 от Центральной области, 3 от Кавказа, 2 от Северной области, 1 от Юга. 1 от Донецкого союза, 5 от Польши, 5 от Бунда, 2 от с.-д. Лат. края, 2 от Урала.

По вопросу об участии в выборах в Государственную Думу большинством 15 против 11 голосов принята была следующая резолюция: «Принимая во внимание, что

1) основные причины, обусловливающие русскую революцию, продолжают существовать: глубокое несоответствие между политическим строем и потребностями экономического развития страны, разорение крестьянства, обострение пролетарской нужды, безработица — остаются попрежнему, и, следовательно, объективные исторические задачи революции не разрешены, а в то же время не произошло такого массового разрушения сил революции, которое могло бы в корень ее обессилить;

2) продолжающееся среди невыносимого гнета развитие экономических и политических организаций пролетариата, его учащающиеся экономические выступления и несомненный рост политической сознательности крестьянства указывают, что под оболочкой затишья революции происходит накопление и подготовка массовых сил для новой решительной борьбы;

3) в пользу того же говорит и отношение народных масс к выборам в Третью Думу, в значительной степени отрицательное, свидетельствующее о глубоком разрушении прежних конституционных иллюзий и о сознательном отношении к контр-революционному характеру Думы.

Конференция признает, что социал-демократия должна вести агитацию за расширение экономической и политической борьбы пролетариата и за необходимость открытых массовых выступлений в форме всеобщих забастовок, демонстраций, митингов и т. д.

Находя с другой стороны:

1) что тактика бойкота была бы правильной лишь при наличности широкого, всеобщего и быстрого революционного подъема, сопряженного с прямым натиском на старую власть, или в целях борьбы с распространенными конституционными иллюзиями (как это было при бойкоте Булыгинской и Виттевской Дум);

2) что не произошло существенных изменений в тех условиях, при которых революционная социал-демократия участвовала во второй Думе, ибо новый избирательный закон обещает лишь замену Думы, которая по-кадетски говорила и по-октябристски действовала, Думой открыто октябристской;

3) что государственный переворот 3 июня 1907 г. является прямым неизбежным результатом поражения декабрьского восстания 1905 года, измены либеральной буржуазии и деятельности двух Дум, которые развращали революционное сознание и понижали революционное настроение масс политикой сделок и соглашений со старой властью (лозунги думского министерства, бережение Думы и т. д.), и что урок второго периода русской революции — 1906 и 1907 годов — состоит в том, что такое же систематическое наступление реакции и отступление революции, которое происходило во весь этот период, неизбежно при господстве веры в конституцию и гегемонии кадетов в освободительном движении, —

конференция признает, что:

а) необходимо принять участие в избирательной кампании и в III Думе;

б) что в избирательной кампании и в самой Думе социал-демократия должна распространять и укреплять в сознании народных масс идею социализма и революционные лозунги и вести решительную борьбу как против реакции, так и против гегемонии кадетов в освободительном движении вообще и в Думе в частности.

Отвергнут был большинством 15-ти против 11-ти следующий проект резолюции:

«Принимая во внимание,

1) что бойкот в настоящее время опирался бы на временный политический индиферентизм широких масс и усиливал бы их пассивность;

2) что он пошел бы навстречу стремлению реакции устранить с арены открытой политической деятельности, каковой является Дума, своего злейшего врага, партию пролетариата, и тем самым облегчил бы правительству и крепостникам выполнение их задачи — превратить Думу в орудие для укрепления своего господства внутри страны и поднятия своего престижа на международной арене;

3) что добровольное устранение социал-демократии от участия как в выборах, так и в самой Думе крайне затруднило бы процесс высвобождения широких масс из-под влияния буржуазных — либеральных и демокра-

тических — партий, не противопоставляя их решительной и непоследовательной оппозиции последовательный демократизм и революционность социал-демократии и в то же время окружая их в глазах масс ореолом единственных представителей оппозиции правительству и крепостникам;

4) что такое самоустранение лишило бы пролетариат возможности использовать избирательную кампанию и Думу для того, чтобы путем систематического противопоставления своих классовых требований требованиям всех буржуазных партий будить отсталые слои рабочего класса, втягивать их в общепролетарскую борьбу и сплачивать их под знаменем социал-демократии;

5) что таким образом, приняв тактику бойкота, социал-демократия сузила бы для себя арену воздействия на народные массы, подготовляющего их к неизбежно предстоящему новому революционному подъему, — конференция отвергает бойкот и постановляет, что партия должна принять самое энергичное участие как в выборах в Думу, так и в самой Думе. Вместе с тем конференция полагает, что только непрерывное вмешательство пролетарских масс в ход развития политической жизни и постоянное проявление ими революционной активности (митинги, демонстрации, забастовки и т. д.) способно подготовить массы к неизбежной решительной борьбе с существующим режимом. Поэтому конференция предлагает партийным организациям и выборы в Думу, и деятельность социал-демократической фракции внутри ее связать со всевозможными формами проявления пролетарской и общенародной активности, с организацией протеста против совершившегося государственного переворота».

Отвергнут большинством 15-ти против 9-ти бойкот выборов в III Государственную Думу. После этого члены конференции, голосовавшие за бойкот, внесли предлагавшуюся ими резолюцию, как свое особое мнение, в следующем виде:

«Принимая во внимание, что:

1) основные причины, обусловившие русскую революцию, продолжают существовать: глубокое несоответствие между политическим строем и потребностями экономического развития страны, — разорение крестьянства, обострение пролетарской нужды, безработица, — остаются попрежнему, и, следовательно, объективные исторические задачи революции не разрешены, а в то же время не произошло такого массового разрушения сил революции, которое могло бы в корне ее обессилить;

2) продолжающееся среди невыносимого гнета развитие экономической и политической организации пролетариата, его учащающиеся экономические выступления и несомненный рост политической сознательности крестьянства указывают, что под оболочкой затишья революции происходит накопление и подготовка массовых сил для новой решительной борьбы;

3) в пользу того же вывода говорит и отношение народных масс к выборам в III Думу, в значительной части отрицательное, свидетельствующее о глубоком разрушении прежних конституционных иллюзий, а также и о правильной оценке нового избирательного закона, делающего из Думы центр организации контр-революционных сил, и о сознательном отношении к контр-революционному характеру Думы, мы находим, что вслед за постоянной и главной задачей партии — развитием политической и экономической организации пролетариата на почве проявления его классового самосознания, — специальной тактической задачей партии в данной, буржуазно-демократической революции является попрежнему выяснение народным массам необходимости всенародного восстания и созыва революционным путем Учредительного Собрания, как единственных способов добиться земли для крестьянства и воли для всего народа, а также подготовка планомерного соединения сил пролетариата и революционного крестьянства в решительный момент борьбы, что все, стоящее в проти-

воречии с этими основными задачами, должно быть устранено из партийной тактики и что главные усилия партии в данный момент должны быть направлены на усиление и расширение ее непосредственно организационной деятельности как в области экономической борьбы пролетариата путем создания и поддержки профессиональных союзов и закрепления в них влияния с.-д., так и в области политической жизни—путем развития и укрепления партийных организаций и их агитационно-пропагандистской работы;

далее, принимая во внимание, что

1) при вышеуказанном отношении масс к III Думе призыв со стороны с.-д. к участию в выборах был понят массами, вопреки даже самым революционным мотивировкам этого призыва, только как признание того, что данная революция закончена и что остается перейти к многолетней будничной работе:

2) что участие в III Думе при данных условиях ее созыва—реакционнейшем избирательном законе и во много раз усиленных, даже по сравнению с прошлыми выборами, репрессиях — не обещает партии никаких серьезных политических выгод, так как при этих условиях нет никакой возможности создать достойное партии с.-д. представительство и успешно использовать работу для широко - агитационной и организационной работы;

3) что для организации революционных слоев крестьянства наиболее целесообразной является тактика бойкота, объединяющая и оформляющая революционное сознание, назревающее среди этих слоев, мы высказываемся за бойкот выборов в III Думу, при энергичном участии партии в избирательной кампании, соединяющей агитацию за бойкот с выяснением широким массам сущности политического положения и задач партии.

При этом члены конференции, представившие особое мнение, сделали также следующее заявление;

«Мы, члены конференции, подписавшие особое заявление в пользу бойкота III Думы и тем снявшие с себя перед лицом партии ответственность за ошибочное, с нашей точки зрения, решение большинства конференции, — не желая допустить победы оппортунистического крыла нашей партии в установлении характера и содержания предстоящей избирательной кампании, нашли нужным голосовать затем в пользу той из антибойкотистских резолюций, которая представляет, с нашей точки зрения, меньшее зло».

Затем конференцией принят был следующий проект избирательных соглашений с другими партиями:

1. С.-д. выступает на выборах самостоятельно, не вступая ни в какие избирательные соглашения на первых выборах.

2. При перебаллотировке допускается соглашение со всеми партиями левее к.-д.

3. На второй стадии и дальнейших допускаются соглашения со всеми революционными и оппозиционными партиями до к.-д. (и родственных им групп, как мусульманская, казачья и т. п.) включительно.

4. При соглашениях с.-д. должна руководиться распределением несоциалистических партий по степени их демократизма в следующем порядке: 1) с.-р., 2) н.-с., 3) трудовики, 4) к.-д.

5. В рабочей курии никакие соглашения с другими партиями и организациями не допускаются, за исключением не входящих в Р.С.-Д.П. национальных с.-д. организаций и П. П. С.

6. Соглашения допускаются только технического характера.

По вопросу об избирательной платформе принята следующая резолюция:

«Конференция предлагает Центральному Комитету составить избирательную платформу на основании резолюции, принятой конференцией по

вопросу об участии в выборах и в Государственной Думе». (Принято 14-ю голосами против 8-ми, при одном воздержавшемся и 3-х отсутствующих.)

По вопросу о профессиональном съезде и с.-д. партии принята следующая резолюция

«Все внесенные проекты резолюций по вопросу о профессиональном съезде и партии передаются в качестве материалов в Ц.К.».

По этому вопросу внесены были четыре проекта резолюции.

ПЕРВЫЙ ПРОЕКТ.

«Принимая во внимание,

1) что с.-д—ия, как партия, защищающая интересы классового рабочего движения в целом, глубоко заинтересована в том, чтобы развитие профессионального движения было возможно более согласовано с общими интересами рабочего движения;

2) что предстоящий всероссийский съезд профессиональных союзов должен иметь крупное значение как для идейного и организационного объединения профессиональных союзов, так и для всего рабочего движения в целом, и

3) что значение это будет тем больше, чем шире и глубже будет подготовка к съезду,—

конференция призывает членов партии принять энергичное участие в подготовке и организации съезда, отстаивая повсюду, как на подготовительных собраниях, так и на съезде, при обсуждении и решении как вопросов общего характера, так и вопросов, связанных с повседневною деятельностью союзов, точку зрения, соответствующую классовым интересам и классовой солидарности пролетариата. Только таким путем можно обеспечить ту идейную связь между профессиональными союзами и партией, которая и явится залогом установления в будущем организационной связи между ними.

Принимая во внимание,

1) что Лондонский съезд подтвердил резолюцию объединительного съезда, признающую профессиональные союзы необходимыми элементами классовой организации пролетариата;

2) что, исходя из этого, партийные организации не могут допускать никаких шагов, нарушающих или задерживающих нормальное развитие союзного движения;

3) что основным условием его нормального развития является единство профессиональных организаций;

4) что профессиональное движение все более перерастает местные рамки, закладывая фундамент для областных и всероссийских организаций,

принимая далее во внимание,

5) что Лондонский съезд лишь условно высказался за установление организационной связи между союзами и партией;

6) что преждевременное установление организационной связи может привести не к сближению, а к обособлению политической и экономической организации пролетариата и что, с другой стороны, как практика показала, и партийно-нейтральные союзы в подавляющем большинстве случаев ведут классовую политику и не отстраняются от общепролетарского политического движения,

конференция находит,

что установление формальных организационных связей (в виде ли присоединения к партии или признания ее идейного руководства) недопустимо в тех случаях, если это: а) ведет к дроблению профессиональных организаций, б) суживает круг их членов или их влияния, в) препятствует

объединению союзов с тождественными союзами в других городах или с родственными союзами в более крупные организационные единицы (союзы по производствам), наиболее соответствующие современным условиям профессионального движения,

вместе с тем конференция находит необходимым для координирования действий всех пролетарских организаций в случае массовых выступлений устройство регулярных совещаний из представителей партийных и профессиональных организаций».

ВТОРОЙ ПРОЕКТ.

Принимая в общем и целом резолюцию Стокгольмского съезда, конференция полагает,

1) что основной целью с.-д—ов, работающих в профессиональных союзах, является укрепление идейного влияния с.-д—ов;

2) что в силу этого интересы партии должны стоять в глазах социальдемократических работников профессионального движения на первом плане по сравнении с частными интересами проф. союзов;

3) что в целях проведения идейного влияния необходимо сформировать особый организационно-агитационный аппарат из партийных работников в проф. союзах от имени партии и под контролем партии.

ТРЕТИЙ ПРОЕКТ.

Конференция решительно протестует против призыва одного докладчика на конференции «обезвреживать» Лондонскую резолюцию, т.-е. фактически не применять ее. Конференция приглашает всех членов партии энергично выполнять резолюцию Лондонского съезда о профессиональных союзах при закреплении формальных связей проф. союзов с соц.-демократической партией и, обращая всегда и при всех условиях первостепенное внимание на то, чтобы с.-д. в проф. союзах не ограничивались пассивным приспособлением к «нейтральной» платформе, защищаемой ныне особенно усердно различными оттенками буржуазно-демократических течений (к.-д., беспартийные прогрессисты, с.-р. и т. д.), а неуклонно отстаивали во всей их целости социальдемократические воззрения, неуклонно содействовали признанию проф. союзами идейного руководства с.-д—ии и установлению постоянных организационных связей с ними Р. С.-Д. Р. Партии.

Для этой цели конференция признает прежде всего необходимым:

1) чтобы каждый член партии был одновременно членом проф. союза и с своей стороны старался, чтобы все сознательные члены проф. союзов были одновременно членами партии;

2) чтобы партийные организации и партийная печать самым усердным образом изучали и обсуждали вопросы жизни проф. союзов вообще и предстоящего съезда проф. союзов в частности.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРОЕКТ.

Принимая во внимание,

1) что экономическая и политическая борьба составляют проявления классовой борьбы пролетариата, взаимно обусловливающие друг друга и одинаково необходимые для подготовления сил рабочего класса к завоеванию государственной власти и полному социальному освобождению;

2) что в силу этого в своем развитии экономическая и политическая организация пролетариата должны стремиться к установлению полного идейного единства и самой тесной организационной связи;

3) что такое единство и такая связь, как то указано резолюцией Стокгольмского съезда, подтвержденной Лондонским съездом, могут быть достигнуты лишь путем постоянной и непрерывной совместной работы партии и профессиональных союзов над разрешением встающих перед рабочим движением вопросов экономической и политической борьбы;

4) что вне этой работы требование признания профессиональными союзами социальдемократической программы и подчинения их партийным организациям не только не может содействовать скреплению связи между экономическим и политическим движением пролетариата, но способно, напротив, посеять рознь между профессиональными союзами и партией, внести раздробление в профессиональное движение и оторвать партию от рабочих масс, организованных в профессиональные союзы, толкнув эти последние на путь анархизма и синдикализма;

конференция констатирует,

что партийными организациями до сих пор очень мало сделано для установления действительной связи между профессиональными союзами и партией, и потому призывает все партийные организации к выполнению постановлений Стокгольмского съезда, в то же время решительно отвергая, как провозглашение принципиальной обособленности экономической и политической организаций пролетариата, так и попытки добиваться установления единства экономической и политической борьбы не путем совместной работы и систематического укрепления идейного влияния социальдемократии на профессиональные союзы, а требованием формального признания партийной программы, или формального подчинения профессиональных союзов руководству партийных организаций.

«Извещение о партийной конференции 21, 22 и 23 июня 1907 года.» Листовка. Издание Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

№ 2 (к стр. 78).

ИЗ РЕЗОЛЮЦИЙ ШТУТГАРТСКОГО КОНГРЕССА.

Колониальная политика.

Конгресс держится того мнения, что капиталистическая колониальная политика, в силу самой своей сущности, ведет к порабощению, принудительному труду или к истреблению туземного населения колониальных областей.

Цивилизаторская миссия, на которую ссылается капиталистическое общество, служит лишь прикрытием завоевательных и эксплуататорских вожделений. Только социалистическое общество даст всем народам возможность достигнуть высшей ступени культуры.

Вместо того, чтобы увеличивать сумму производительных сил, капиталистическая колониальная политика, путем порабощения и разорения туземцев и убийственных опустошительных войн, разрушает природные богатства стран, где она насаждает свои порядки. Этим она замедляет и задерживает даже развитие торговли и сбыт продуктов промышленности цивилизованных государств.

Конгресс осуждает варварские приемы капиталистической колонизации и требует, в интересах развития производительных сил, такой политики, которая обеспечивала бы мирное культурное развитие, и при которой природные богатства земли служили бы прогрессу всего человечества в целом.

Конгресс подтверждает резолюции по колониальному вопросу, принятые на Парижском (1900 г.) и Амстердамском (1904 г.) конгрессах,

и еще раз отвергает теперешний способ колонизации, который, будучи по существу своему капиталистическим, преследует одну лишь цель — завоевание чужих земель и покорение иноземных народов для беспощадной их эксплуатации в интересах ничтожного меньшинства, при чем еще увеличивается бремя, лежащее на пролетариате метрополий.

В качестве врага всякой эксплуатации человека человеком, в качестве защитника всех угнетенных без различия расы, конгресс осуждает эту политику грабежа и завоевания, которая представляет собою не что иное, как циничное пользование правом сильного и попирание прав побежденных народов.

Колониальная политика увеличивает опасность военных осложнений между государствами, занимающимися колонизацией, а расходы на войско и флот ложатся на них еще более тяжелым бременем.

В финансовом отношении необходимо, чтобы колониальные расходы, как те, которые вызываются развитием империализма, так и те, которые делаются в интересах экономического развития колоний, ложились на тех, кто один только и извлекает пользу из ограблений чужих стран и оттуда черпает свои богатства.

Конгресс заявляет, наконец, что социалистические депутаты обязаны вести в своих парламентах непримиримую борьбу с этим способом эксплуатации и порабощения, господствующим во всех существующих колониях.

С этой целью они должны стоять за реформы, способные улучшить участь туземцев, должны противиться всякому нарушению их прав, всякой эксплуатации и порабощению их и стараться всеми имеющимися в их распоряжении средствами воспитывать в туземцах независимость.

Отношение между социалистической партией и профессиональными союзами.

1. Для полного освобождения пролетариата от духовного, политического и экономического рабства необходима в одинаковой мере как политическая, так и экономическая борьба рабочего класса. Задача социалистических партийных организаций лежит преимущественно в области политической борьбы пролетариата, задача же профессиональных организаций лежит, главным образом, в области экономической борьбы рабочего класса. Таким образом задачи партии и профессиональных союзов *одинаково важны* для освободительной борьбы пролетариата.

У каждой из этих двух организаций есть соответствующая ее природе область, в которой она должна действовать вполне самостоятельно. Но на-ряду с этим существует все расширяющаяся область пролетарской классовой борьбы, где успех может быть достигнут лишь при помощи *единодушного, согласованного действия партийной и профессиональной организации.*

Борьба пролетариата будет поэтому тем плодотворнее и успешнее, *чем теснее будет связь между профессиональными союзами и партийными организациями,* при чем не следует упускать из виду единство профессиональной организации.

Конгресс заявляет, что рабочий класс должен стремиться к тому, чтобы во всех странах создалась и упрочилась тесная связь между партией и профессиональными союзами.

Партия и профессиональные союзы должны *помогать друг другу* в своих действиях и *поддерживать друг друга нравственно* и в своей борьбе употреблять лишь такие средства, которые полезны для освободительной борьбы пролетариата. Они должны *столковываться* между собою в тех случаях, когда между ними существует различие во взглядах на целесообразность того или иного средства.

Профессиональные союзы тогда только в состоянии будут выполнить свой долг в деле освободительной борьбы рабочих, когда действия их будут проникнуты *социалистическим духом.* На *партии* лежит *обязанность помогать профессиональным союзам* в их усилиях поднять и *улучшить* социальное положение рабочих.

Конгресс заявляет, что прогресс капиталистического способа производства, растущая концентрация производительных сил, растущее объединение предпринимателей, возрастающая зависимость отдельных отраслей производства от всего буржуазного общества должны обречь деятельность профессиональных союзов на бессилие, если они будут заботиться исключительно о своих профессиональных интересах, руководясь цеховым эгоизмом и теорией гармонии интересов между трудом и капиталом.

Конгресс держится того мнения, что профессиональные союзы *смогут тем успешнее* вести борьбу против порабощения и эксплуатации, *чем более единства будет в их организации, чем значительнее будет их фонд,* необходимый для профессиональной борьбы, *чем глубже будут понимать их члены* общее соотношение условий экономической жизни *и чем сильнее будет их готовность к жертвам и их энтузиазм,* породить которые *больше всего способен социалистический идеал.*

II. Конгресс обращает внимание всех профессиональных союзов на постановление, которое было предложено Брюссельской конференцией 1899 года и принято на Парижском конгрессе 1900 года — именно предложить профессиональным союзам посылать своих представителей на международные конгрессы, а также вступить в тесные сношения с международным секретариатом профессиональных союзов с целью обмена сведениями, касающимися организации и пропаганды.

III. Конгресс поручает Международному Социалистическому Бюро собрать материалы, которые могли бы облегчить изучение отношений между профессиональными союзами и социалистическими партиями во всех странах, и представить следующему конгрессу отчет по данному вопросу.

Милитаризм и международные конфликты.

Конгресс подтверждает резолюции предшествовавших международных конгрессов против милитаризма и империализма и еще раз указывает на то, что борьба с милитаризмом неотделима от социалистической классовой борьбы в ее целом.

Войны между капиталистическими государствами обычно являются следствием их конкуренции на мировом рынке, так как каждое государство стремится не только обеспечить за собой область сбыта, но и завоевать новые области, при чем главную роль при этом играет порабощение чужих народов и стран. Эти войны порождаются затем беспрерывными военными вооружениями, вызываемыми милитаризмом, который является главным орудием классового господства буржуазии и политического подчинения рабочего класса.

Войнам благоприятствуют националистические предрассудки, систематически культивируемые в цивилизованных странах, в интересах господствующих классов, с целью отвлечь пролетарские массы от их собственных классовых задач и заставить их забыть долг международной классовой солидарности.

Таким образом войны коренятся в самой сущности капитализма; они прекратятся лишь тогда, когда перестанет существовать капиталистический строй или же, когда громадность человеческих и денежных жертв,

требуемых военно-техническим развитием, и вызванное вооружениями народное возмущение приведут к устранению этой системы.

Рабочий класс, который, главным образом, поставляет солдат, и на который, главным образом, падают материальные жертвы, в особенности является естественным врагом войн, так как войны противоречат цели, преследуемой им: созданию основанного на социалистическом принципе экономического строя, который на деле осуществит солидарность народов.

Конгресс считает поэтому обязанностью трудящегося класса, в особенности же его представителей в парламенте, указывая на классовый характер буржуазного общества и побудительные причины, заставляющие поддерживать национальную рознь, бороться всеми силами против морских и сухопутных вооружений, отказывать в ассигновках на вооружение, а также содействовать тому, чтобы молодежь из среды рабочего класса воспитывалась в духе братства народов и социализма и проникалась классовым самосознанием.

В замене постоянного войска демократически-организованной милицией конгресс видит существенную гарантию, которая сделает невозможными наступательные войны и облегчит исчезновение национальной розни.

Интернационал не в состоянии наперед установить строго-определенные формы борьбы рабочего класса различных стран против милитаризма, ибо формы борьбы естественно видоизменяются, смотря по месту и по времени. Но своей обязанностью Интернационал считает всячески поддерживать и координировать усилия рабочего класса, направленные против милитаризма и войны.

В действительности, со времени международного конгресса в Брюсселе, пролетариат неустанно боролся против милитаризма путем отказа в ассигновках на сухопутные и морские вооружения, путем усилий демократизировать организацию военного дела; он прибегал с все возрастающей энергией и успехом ко всевозможного рода средствам, чтобы предотвратить объявление войны или положить ей конец, а также, чтобы использовать в интересах освободительной борьбы рабочего класса вызванное войной потрясение всех слоев общества; таковыми именно были: после инцидента в Фашоде, соглашение английских и французских профессиональных союзов с целью обеспечения мира и восстановления дружественных отношений между Англией и Францией; поведение социалистических партий в немецком и французском парламенте во время Мароккского кризиса; демонстрации, которые были с тою же целью организованы французскими и немецкими социалистами; совместное выступление австрийских и итальянских социалистов, которые собрались в Триесте, чтобы предотвратить конфликт между обоими государствами; энергичное вмешательство социалистических рабочих Швеции для того, чтобы помешать нападению на Норвегию; наконец, героические жертвы и массовая борьба социалистических рабочих и крестьян в России и Польше, — борьба, которая велась против начатой царизмом войны, с целью положить ей конец и использовать кризис в интересах освобождения страны и трудящихся классов. Все эти усилия свидетельствуют о растущей силе пролетариата и о растущем стремлении его обеспечить мир путем энергичного вмешательства.

Выступление рабочего класса будет тем успешнее, чем больше будут подготовлены к нему умы постоянной агитацией и чем больше будет Интернационал оказывать в этом отношении влияния на рабочие партии различных стран и координировать их действия.

Конгресс убежден сверх того в том, что под давлением пролетариата место жалких попыток со стороны правительства займет серьезное применение третейского суда и станет осуществимым благо всеобщего раз-

оружения народов, которое даст возможность громадные затраты энергии и денег, поглощаемые вооружениями и войнами, обратить на культурные цели.

Когда грозит война, рабочие классы соответствующих стран и их представители в парламенте должны, при поддержке Интернационального Социалистического Бюро, сделать все возможное, чтобы помешать войне такими средствами, которые они сочтут наиболее действительными и которые, естественно, изменяются в зависимости от обострения классовой борьбы и общей политической ситуации.

В случае, если война все же разразится, они должны активно выступить за скорейшее окончание ее и стремиться всеми средствами к тому, чтобы использовать вызванный войной экономический и политический кризис для возбуждения народных масс и ускорить падение капиталистического классового господства.

«Пролетарий» № 17, 2 ноября (20 октября) 1907 г.

№ 3 (к стр. 107).

РЕЗОЛЮЦИИ III ОБЩЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Р. С.-Д. Р. П. *).

О фракционных центрах и укреплении связи Ц. К. с местными организациями.

Считая естественным и неизбежным, в виду всей предшествовавшей истории русской с.-д — тии, существование в партии различных тактических течений и различий в понимании ее задач, Конференция, тем не менее, находит:

1) что объединение большевистских или меньшевистских местных организаций между собою в особые организации внутри партии, точно так же, как и существование особых фракционных центров, конкурирующих в своих функциях с Ц. К., недопустимо и несогласимо с существованием единой партии;

2) что равно недопустима рассылка по организации директив анонимными для партии не ответственными перед нею группами;

3) что органы местных, областных и национальных организаций должны приложить все усилия к тому, чтобы идейная борьба между различными частями партии ни в коем случае не принимала формы организационной борьбы, т.-е. подавления посредством механических средств в данной местности одной части партии другою.

Конференция ставит на вид местным организациям, что Ц. К., проводя в своих выступлениях определенную тактическую линию на основании резолюций Лондонского съезда, является учреждением общепартийным и внефракционным и что только он один призван руководить партией.

Конференция вменяет поэтому всем партийным организациям в обязанность обращаться в случае надобности за помощью и указаниями к Ц. К. и только к нему одному и требует от них прежде всего охранения интересов единства партии на местах.

Конференция находит, что для установления тесных связей между Ц. К. и местными организациями необходимо:

1) Сделать все возможное для немедленного издания Ц. О.

---

*) Резолюция конференции о тактике с.-д. фракции в Государственной Думе, предложенная Лениным, см. настоящий том, стр. 104—105. *Ред.*

2) Организовать сношения с местными организациями путем периодического личного посещения их членами Ц. К. и его представителями.

3) Напомнить всем местным и национальным организациям об их обязанности поддерживать Ц. К. денежными средствами.

4) Напомнить всем местным и национальным организациям о необходимости присылать Ц. К. ежемесячные подробные отчеты об их деятельности.

5) Сделать все возможное для скорейшего объединения национальных организаций на местах.

6) Принять меры к поддержке и укреплению партийной дисциплины.

Наконец, Конференция ставит на вид Ц. К. необходимость положить конец тому расколу, который обнаружился в нескольких партийных организациях на местах и который выразился в образовании местных фракционных организаций.

Об участии в буржуазной прессе.

1) Конференция полагает, что участие с.-д. в либеральной и либерально-демократической печати приняло в данное время в России такой характер, который наносит серьезный вред партии и при дальнейшем развитии этого участия способен вести к серьезному идейному и организационному разложению с.-д. рабочей партии.

2) Конференция полагает, что недопустимо такое участие в непартийной печати, которое связано с прямой или косвенной борьбой против Р. С.-Д. Р. П. и ее руководящих учреждений или против тактических взглядов той или иной части партии.

3) Конференция полагает, что также недопустимо такое участие с.-д. в непартийной печати, при котором темы и направление разработки политических вопросов ограничиваются интересами буржуазной редакции, что фактически ведет к идейно-политическому блоку социалистов и несоциалистов, единомышленников по острым вопросам международного социализма.

4) Конференция полагает, что участие с.-д. в непартийной печати вне указанных условий допустимо, но должно быть поставлено под контроль организаций Р. С.-Д. Р. П. во всех случаях, когда это участие способно иметь какое-нибудь практически-политическое значение и влияние на массы.

5) Недопустимо участие с.-д. в буржуазной прессе в качестве членов редакции, а также помещение статей без подписей.

6) Конференция полагает, что партийная хроника может вестись исключительно лицами, уполномоченными партийными организациями.

«Пролетарий» № 20, 2 декабря (19 ноября) 1907 г.

№ 4 (к стр. 136).

РЕЗОЛЮЦИЯ О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗАХ.

Группа большевиков, работающих в партийных и профессиональных организациях разных местностей России, *обсудив современное положение и задачи с.-д. в профессиональном движении* и резолюцию областной московской конференции Р. С.-Д. Р. П. по этому вопросу, пришла к следующему решению:

I. Усиленная работа с.-д. в профессиональном движении, предписываемая всем современным положением вещей, должна вестись в духе Лон-

донской и Штутгартской резолюций, т.-е. ни в каком случае не в духе принципиального признания нейтральности или беспартийности профессиональных союзов, а, наоборот, в духе неуклонного стремления к возможно более тесному и прочному сближению союзов с с.-д. партией. Признание профессиональных союзов партийными должно быть достигнуто работой пропаганды и организации с.-д. внутри профессиональных союзов, и провозглашение этой партийности целесообразно лишь тогда, когда значительное большинство членов профессионального союза прочно примкнуло к с.-д — тии.

II. Профессиональные союзы во время своего легального существования не успели в большинстве случаев создать сплоченных организационных ячеек в своих низах, что обнаружилось как во время различных выступлений пролетариата, так и после них. Поэтому репрессии правительства привели не только к закрытию массы союзов, но и к полному уничтожению некоторых из них. В виду этого на первую очередь выдвигается в настоящее время задача создания таких сплоченных организационных ячеек. Без таких ячеек нельзя ни построить устойчивых профес. союзов, ни руководить экономической борьбой пролетариата.

III. В существующих легальных профессиональных союзах, а также там, где можно еще вновь основывать таковые—эти ячейки должны быть организуемы на всех фабриках и заводах, т.-е. должны быть созданы заводские профессиональные организации. Члены с.-д. партии должны образовывать сплоченные группы во всех таких организациях для систематического воздействия на них в с.-д. духе.

IV. Там, где полицейские репрессии совершенно разбили легальные профессиональные союзы и где возобновление их на легальной почве невозможно, — там необходимо немедленно приступить к организации нелегальных профессиональных союзов. 1) В основу каждого нелегального союза должна быть положена организация широких слоев рабочих вокруг партийной ячейки данного предприятия. 2) Работа по объединению и руководству всей деятельности союза должна лежать на партийной группе, объединяющей партийные ячейки отдельных предприятий в данной профессии. 3) В основу местного объединения профес. союзов кладется объединение партийно-профессиональных групп, находящихся в тесной организационной связи с местным партийным центром.

V. Что касается легальных обществ такого типа как общества взаимопомощи, кооперативы, общества трезвости и т. п., то необходимо образовывать в них сплоченные группы с.-д. для ведения партийной работы среди возможно более широких масс пролетариата. При этом, во 1-х, необходимо разъяснять, что такие легальные общества ни в каком случае не смогут заменить боевых профессиональных союзов, во 2-х, необходимо самым решительным образом бороться со всеми попытками ограничить организованную деятельность пролетариата рамками таких обществ и вообще с попытками принизить задачи и размах рабочего движения.

«Пролетарий» № 17, 2 ноября (20 октября) 1907 г.

IV. ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья В. И. Ленина «Памяти графа Гейдена» появилась в печати в сборнике «Голос Жизни» (Спб. 1907 г. Сборник первый). В этом же сборнике была помещена статья В. И. Ленина «Заметки публициста» (за подписью *Н. Л.*). Сборник вышел в сентябре; поэтому, печатая статью «Памяти графа Гейдена», редакция сопроводила ее следующим сообщением: «Написанная еще в июне, непосредственно за появлением панегирик[ов] «Тов[арища]» статья эта по «независящим» от автора обстоятельствам не была напечатана. Давая ей место в настоящем сборнике, редакция полагает, что, хотя повод, вызвавший статью, утратил уже значение для данного момента, тем не менее содержание ее и теперь сохраняет всю свою ценность». — 1.

[2]) «*Русские Ведомости*» — московская газета, выходившая с 1863 г. по 1918 г. и группировавшая вокруг себя либерально-народнические круги преимущественно академической интеллигенции. С 1905 г. — орган правого крыла кадетов. — 5.

[3]) «*Товарищ*» — ежедневная газета, начавшая выходить с 28 (15) марта 1906 г. при ближайшем сотрудничестве ревизионистов и бывших социал-демократов С. Н. Прокоповича, Е. Д. Кусковой, а также В. В. Хижнякова, В. Я. Богучарского и др. Примыкая по существу по всем основным вопросам революции к кадетам, «Товарищ» вел все время половинчатую политику, пытаясь занять среднюю позицию между кадетами и меньшевиками и фактически играя роль левого крыла кадетов. В 1907 г. близость меньшевиков к «Товарищу» была настолько велика, что один из главных пайщиков «Товарища» предложил меньшевикам поставить большую газету (и журнал), оговорив за собою право «veto», при чем настаивал, чтобы газета была официальным органом меньшевиков (см. письма П. Б. Аксельрода и Л. Мартова, стр. 166 — 169). В январе 1908 г. издатели заявили о замене «Товарища» «Нашим Веком». — 5.

[4]) «*Тургеневский помещик*» — помещик Пеночкин из рассказа «Бурмистр» в «Записках Охотника». — 10.

[5]) Это определение филистера, приведенное и тут же переведенное Лениным, принадлежит Гёте (Goethe, Zahme Xenien, Siebente Reihe, 30). — 11.

[6]) 1 июня 1907 г. II Думе было предъявлено Столыпиным требование устранить 55 депутатов — членов с.-д. фракции, из которых 16 человек подлежало аресту. Фракция обвинялась в том, что имела связи с военной организацией и содействовала подготовке восстания. Обвинение, построенное на провокации, должно было стать предметом обсуждения думской комиссии. Не дожидаясь результатов работ комиссии, правительство распустило Думу, арестовало с.-д. фракцию и издало новый избирательный закон (третьеиюньский избирательный закон), давший очень большие

преимущества помещикам, сокративший число депутатов от рабочих до 6, резко сокративший представительство «окраин», вдвое уменьшивший представительство крестьян.

Ленин предвидел возможность разгона II Думы и третьеиюньского переворота, когда писал еще в феврале 1907 г., что правительство безусловно вынуждено распустить Думу. (См. ст. «Близкий разгон Думы и вопросы тактики», Сочинения т. XI, стр. 27—30.)

На почве отношения к выборам в III Госуд. Думу среди большевиков возникли крупные разногласия, вытекавшие из различных оценок положения, создавшегося после третьеиюньского переворота. Часть большевиков стояла на той точке зрения, что условия для непосредственного широкого выступления масс не отпали и формы революционной борьбы остались прежние, как и во все предшествующие этапы революции 1905 года. Поэтому эта часть большевиков настаивала на тактике бойкота. Разногласия, возникшие по вопросу о бойкоте III Думы, в дальнейшем углубились и привели к созданию в 1909 г. из бывших бойкотистов, отзовистов и ультиматистов (к тому же в большинстве — ревизионистов в философии) особой группы «Вперед», отошедшей от большевизма.

Все эти течения, как и сама группа «Вперед», их поглотившая, представляли собой «ликвидаторство слева», ибо их тактика сводилась к ликвидации тех методов работы партии, которые делали ее массовой партией, а не сектантской группой (использование легальных возможностей: думской трибуны, профсоюзов, различных съездов и обществ). Переоценивая революционность момента, «левые» впадали в революционную фразу, отстаивая тактику, рассчитанную на период революционного подъема (вооруженные восстания, инструкторские школы и т. п.), и отказываясь от выполнения очередных задач революционной социал-демократии в условиях отступления и накопления новых сил.

Представителем Ц. К. на упоминаемом Лениным учительском съезде был Н. А. Рожков.

На восьмом заседании Ц. К. возник спор о том, правильно ли понял представитель Ц. К., что решение Ц. К. (на пятом заседании, протокол которого был утрачен) поставить вопрос на предстоящей всероссийской конференции о Гос. Думе не предрешает еще самого вопроса о бойкоте. Была принята 5 голосами против 4 и при 3 воздержавшихся резолюция: «выслушав доклад об учительском съезде, Ц. К. находит поведение своего представителя на съезде вполне отвечающим данному ему поручению».

По характеру заявлений на восьмом заседании Ц. К. видно, что на пятом заседании преобладали антибойкотистские настроения. («Известия Ц.К. Р.С.-Д.Р.П.» № 1 от 29 (16) июня 1907 г.)

В брошюре «О бойкоте третьей Думы» (М. 1907, стр. 33), где была помещена статья Ленина, защищавшего участие в выборах, точку зрения бойкотистов отстаивал Л. Б. Каменев (Юрий К—в) в статье «За бойкот», датированной 11 июля (28 июня). (Статья была перепечатана в сб. статей Л. Б. Каменева «Между двумя революциями», изд. «Нов. Москва», 1922 г., стр. 232—241.) От защиты бойкота т. Каменев к концу 1907 г. отказался. На обложке брошюры, чтобы придать ей легальный внешний вид, помечена вымышленная типография и место печатания: «Москва. Типография Горизонтова». На самом деле брошюра печаталась в нелегальной типографии в Петербурге. Брошюра подверглась преследованиям и по определению Спб. Суд. Палаты подлежала уничтожению. — 13.

[7]) Взгляды Плеханова на вопросы бойкота, о которых пишет Ленин, высказаны в наиболее последовательной форме в «Дневнике С.-Д.» № 3, стр. 18—19 (Сочинения Плеханова, т. XIII, стр. 350), в № 4 (т. XV, стр. 14—15). Плехановская позиция была разобрана Лениным в его статье «Современное положение России и тактика рабочей партии», Сочинения

т. IX. Взгляды на бойкот П. Б. Аксельрода см. в брошюре «Народная дума и рабочий съезд». Женева, Издание «Искры», 1905 г.

Для меньшевистского понимания отношения к лозунгу бойкота уже в 1907 г. характерна статья Л. Мартова, писавшего в III сборнике «Отклики» (ст. «Среди тактических противоречий»), что «отказ от бойкота похоронит большевизм». Непонимание меньшевиками отношения большевиков к лозунгу бойкота коренилось в их догматическом подходе к этой проблеме. Они считали анархизмом всякий отказ от использования представительных учреждений, каким должна была быть Булыгинская Дума и являлась первая Гос. Дума. По поводу бойкота первой Думы, впоследствии, в 1920 году, в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» (Сочинения т. XXV, стр. 183) Ленин писал: «Ошибкой, хотя и небольшой, легко поправимой был уже бойкот большевиками «Думы» в 1906 г...».

Ошибкой он назвал тактику бойкота по отношению к I Думе потому, что большевики в 1906 году считали, что страна накануне нового подъема, еще большего, нежели в октябрьско-декабрьские дни 1905 г. — 19.

[8]) Приводимое Лениным место об отношении марксизма к компромиссам находится на стр. 46—47 русского издания статьи Энгельса о бланкистах, напечатанной в сборнике: «Фр. Энгельс. Статьи 1871—1875 г.г.» Перевод Б. Смирнова под ред. А. Санина в разделе III: Две прокламации эмигрантов. II. Программа коммунаров бланкистов. (Volkstaat [Народное Государство], 1874, № 73.) — 22.

[9]) Парвус писал о бойкоте в 1905 г. в своей статье «Социал-демократия и Государственная Дума». «Искра», № 110 от 10 сентября 1905 г., и в брошюре «В чем мы расходимся?» Ответ Ленину на его статьи в «Пролетарии». Женева, 1905 г. (И статья и брошюра перепечатаны в сборнике Парвуса «Россия и революция». Изд. Н. Глаголева, Спб. 1906 г., стр. 144—149, 150—176.) — 28.

[10]) В № 301 «Товарища» 7 июля (24 июня) 1907 г. помещено письмо в редакцию (а не статья, как пишет Ленин) Л. Мартова «Можно ли уклониться?» об участии в выборах в III Государственную Думу. — 28.

[11]) Место насчет *озлобленности эмигранта* находится в известной книге В. Зомбарта «Социализм и социальное движение», гл. IV «Критика марксизма» (стр. 57 изд. Скирмунта, Спб., 1907 г.). — 33.

[12]) Замечание о том, что реакции удалось изгладить революционные традиции 1848—1849 г.г., имеется в письме Маркса к Кугельману от 3 марта 1869 г. (К. Маркс. Письма к Кугельману. Перевод М. Ильиной под ред. Н. Ленина. Спб. 1907 г., стр. 55.) — 33.

[13]) В статье «Два забастовочных комитета» («Полярная Звезда», № 3 от 12 января 1906 г.—30 декабря 1905 г., стр. 223) П. Струве писал: «Мы все бессильны перед безумием стихии и стихией безумия». — 33.

[14]) Ленин имеет в виду точку зрения супругов С. и Б. Уэбб, изложенную ими в книге «История рабочего движения в Англии», преимущественно в гл. III: «Революционный период». Книга эта на русском языке вышла в изд. Ф. Павленкова, Спб. 1899. Перевод Г. А. Паперна. — 33.

[15]) *Балалайкинско-Молчалинское преуспеяние* — образное выражение, взятое из произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина «В среде умеренности и аккуратности» (1874—1878 г.г.) и «Современная идиллия» (1877—1883 г.г.), в которых выводятся эти два типа: Балалайкин—пустослов адвокат, увлекающийся самым процессом вранья, преданный задачам «преуспеяния» всяческими способами и главным образом всевозможной спекуляцией; Молчалин — тип, взятый Салтыковым из Грибоедовской комедии «Горе от ума», пресмыкающийся и подхалимствующий чиновник. — 34.

[16]) Во «втором адресе Генерального Совета по поводу франко-прусской войны» (9 сентября 1870 г.) имеется следующее место: «Французские рабочие должны исполнять свой долг граждан, но они не должны позволить себя увлечь национальными традициями 1792 года, как французские

крестьяне дали обмануть себя национальными преданиями первой империи. Им нужно не повторять прошлое, а построить будущее». (К. Маркс «Гражданская война во Франции». Перевод под ред. Н. Ленина, 2-е изд. «Буревестник», Одесса. 1905 г.) — 35.

[17]) *«Пролетарий»* (женевский 1905 г.) — центральный орган Р. С.-Д. Р. П., выходивший после «Вперед» по постановлению III съезда партии. Издавался в Женеве с 27 (14) мая по 25 (12) ноября 1905 г. под редакцией Ленина, избранного Ц. К. ответственным редактором; всего вышло 26 №№. Ближайшее участие в газете принимали прежние руководители «Вперед»— В. В. Воровский, М. С. Ольминский, А. В. Луначарский. Кроме них в газете сотрудничали В. А. Карпинский, И. Теодорович и др. Последние (25 и 26) номера «Пролетария» обслужены В. Воровским, так как Ленин во время составления этих нумеров уехал из Женевы в Россию. «Пролетарий» переиздан Истпартом Ц. К. В. К. П (б.). — 37.

[18]) *«Пролетарий»* (русский) — орган большевиков, созданный Большевистским Центром после Стокгольмского съезда в 1906 г. Первые нумера вышли как орган Московского и Петербургского комитетов. №№ 3 и 4 — имеют подзаголовок — орган Моск., Пет. и Моск. Окр. комитетов, №№ 5 — 11 орган Моск., Пет., Моск. Окр., Пермского и Курского комитетов, №№ 12 — 20 — орган Моск., Пет., Моск. Окр., Курского, Пермского, Казанского комитетов, №№ 21 — 50 — орган Петербургского и Московского Комитетов. До 20 № выходил в Финляндии, с 21 — 40 в Женеве, с 40 — 50 в Париже. Последний № (50) вышел 28 ноября (11 декабря) 1909 г.

Редактировали газету: в 1906—1907 г.г. — Ленин, А. Богданов, И. Дубровинский. С середины 1908 г. Дубровинского сменяет Г. Зиновьев, а затем, Богданова — В. Шанцер (Марат). В 1909 г. редакция состояла из Ленина, Г. Зиновьева и Л. Каменева. «Пролетарий» прекратился изданием по постановлению пленума 1910 года, решившего закрыть фракционные органы большевиков и меньшевиков и сделать «Социал-Демократ» общепартийным органом. Подчинились этому постановлению только большевики, прекратившие издание «Пролетария».

По поводу участия Ленина в «Пролетарии» в 1908 г. следует иметь в виду его замечания в письмах к Горькому: «Газету [«Пролетарий»] я забрасываю из-за своего философского запоя... А Иннокентий [Дубровинский] ругает, и за дело, за небрежение к «Пролетарию». («Лен. Сб.» I, стр. 97.) В другом письме: «Как по Вашему «Пролетарий»? Беспризорный он. Я еще никогда так не неглижировал своей газетой: читаю по целым дням распроклятых махистов, а статьи в газету пишу неимоверно скоро». («Лен. Сб.» I, стр. 100.) Этим обстоятельством объясняется сравнительно небольшое число статей на текущие политические вопросы и на темы организационно-партийные. — 37.

[19]) Тезисы, изданные отдельной листовкой, являются выражением той линии, которую Ленин проводил в это время по вопросу о бойкоте III Думы, в частности на второй всероссийской конференции.

Первоначально свои взгляды Ленин отстаивал на *петербургской общегородской конференции* в Териоках. Конференция заседала 21 (8) и 27 (14) июля. Отчетов о конференции не сохранилось за исключением кратких замечаний в воспоминаниях отдельных товарищей. Более или менее подробный отчет имеется в делах Деп. Полиции, составленный, повидимому, на основании донесений провокатора Коновалова, — «Николая», покончившего в 1910 г. жизнь самоубийством. Петр. Охр. Отд. сообщает в Деп. Полиции, что на заседании 21 (8) присутствовало 61 человек с решающим голосом и 21 с совещательным. Конференцию открыл Войтинский, объявивший следующий порядок дня: 1) порядок дня всероссийской конференции; 2) отношение к выборам в III Государственную Думу; 3) текстильная забастовка; 4) кооперативное дви-

жение среди рабочих Петербурга; 5) о выпуске листка по поводу участия в III Гос. Думе; 6) о параллельных организациях; 7) о финансах; 8) о представительстве военной организации в Пет. Ком.

По первому вопросу докладчиком от Ц. К. выступил Рожков, который сообщил порядок дня всеросс. конференции и о порядке выборов на нее. По второму вопросу выступил Ленин (против бойкота) с защитой своих тезисов, Каменев (за бойкот), который писал 2 августа (20 июня) по поводу тезисов Ленина (в пост-скриптуме к своей статье «За бойкот» см. сборник «Между двумя революциями», стр. 243): «... известные тезисы тов. Ленина подтвердили для меня еще раз, что защита участия в выборах внутренне-противоречива даже у Ленина». Против бойкота, но с защитой меньшевистской точки зрения выступил Дан. Прения развернулись и были перенесены на следующее заседание 27 (14) июля. Присутствовало делегатов с решающим голосом — 50, с совещательным—16 и 16 гостей. Председательствовал Войтинский. Большинство высказавшихся большевиков стояло за бойкот. Голосование дало 33 голоса против бойкота и 30 — за.

На северную областную конференцию были выбраны Ленин (против бойкота) и Свидерский (Деснянец — за бойкот), а кандидатами — Каменев (за бойкот), Войтинский (против). Недовольные провалом бойкота большевики-бойкотисты созвали фракционное совещание, на котором, по словам А. Пирейко («Пр. Рев.» № 4 (16), стр. 152), председательствовал Коновалов. На собрании было решено принять все меры к проведению бойкота.

В связи с созывом всероссийской конференции в Ц. К. возникли разногласия по основному вопросу, по которому созывалась конференция — по вопросу о выборах в Гос. Думу. На одиннадцатом заседании Ц. К. было доложено, что комиссия по составлению проекта резолюции Ц. К. против бойкота не могла придти к единогласной мотивировке резолюции. Большинством 8-ми голосов против 3-х принято следующее постановление: «Ц. К. признает правильным участие в III Гос. Думе». На следующем заседании Ц. К. постановил снять с порядка дня конференции вопрос об организации избирательной кампании и сообщить конференции о желании местных организаций поставить на обсуждение вопрос о бойкоте. На всероссийскую конференцию делегаты избирались (1 на тысячу) на районных (областных) конференциях.

На *всероссийской конференции* 21 — 23 июля (3 — 5 августа), происходившей в Выборге, присутствовало, кроме членов и кандидатов Ц. К., 26 делегатов. От Северной области — Ленин и Алексинский, от Центральной области — Николай Иванович (В. Шанцер), Сергей Иванович (А. Бубнов), Трофим (из Ив.-Вознесенска), Тихон (из Ниж.-Новг.), В. Землксон-Бобровская (Кострома); от Южной — Дан; от Урала — Луначарский и Артамон (Левинсон); от Кавказа — Жордания, Мехмет (?) Загорский (В. Крохмаль); от Поволжья — Волжский (А. А. Богданов — не Малиновский); от Сев.-Зап. — Нахман (?); от Бунда — Абрамович, Медем, Виленский, Иосиф, Меер; от П. С.-Д. — Варшавский (А. Варский), Роза Люксембург, Станислав, Янек, Казимир (под одной из кличек скрывался Ф. Дзержинский); от Лат. с.-д. — Озоль, Боргман, Иоганн. (Все клички по материалам Деп. Пол.)

На заседании большевистской фракции выяснилось, что кроме Ленина все стоят на точке зрения бойкота. Особенно сильно отстаивали бойкот работники Москвы, Ив.-Вознесенска и вообще Центрально-Промышленного района, в котором в это время протекали стачки на текстильных предприятиях. Эти товарищи, во главе с В. П. Ногиным, стремились «взлететь» к старым революционным лозунгам, по выражению того времени. Фракционный состав конференции (9 б-ков, 5 м-ков, 5 поляков, 5 бундовцев и 2 латыша) — (а не 3, как сообщает Деп. Пол.) — предрешил победу антибойкотистской позиции. Большевики-бойкотисты выставили докладчиком А. Богданова. Их резолюция о бойкоте собрала 9 голосов

против 15. За анти-бойкотистскую резолюцию меньшевиков голосовало 11 человек против 15. Большевики-бойкотисты тогда голосовали за анти-бойкотистскую резолюцию, выражавшую точку зрения Ленина и принятую 15 голосами против 11. (За участие в выборах стояли поляки и латыши.) Большевики-бойкотисты внесли предложенную ими резолюцию как свое особое мнение и к нему присоединили заявление, что они, не желая допустить принятия меньшевистской резолюции, голосуют за другую анти-бойкотистскую резолюцию, которая представляет, с их точки зрения, «меньшее зло».

По словам департаментского доклада, Ленин заявил на конференции, что еще накануне текстильной стачки вопрос об участии в Думу был для него открытым, так как из текстильной забастовки могло вырасти октябрьское движение (1905 года), — тогда он был бы за бойкот Думы, — но теперь, когда подъема нет, быть за бойкот — значит возводить бойкот в фетиш.

Резолюция конференции об участии в выборах в Гос. Думу обсуждалась на 15-ом заседании Ц. К. Поименным голосованием 8 против 7 принято следующее постановление: «Ц. К. утверждает резолюцию конференции по существу как партийную директиву избирательной кампании и кладет ее в основу своей избирательной кампании». В связи с обсуждением вопроса о бойкоте на 20-м заседании Ц. К. было принято решение, что, хотя на предприятиях большинство может высказаться за бойкот, но члены партии обязаны агитировать «за необходимость производства выборов меньшинством». — 43.

[20]) «*Образование*» (1892 — 1909) — ежемесячный литературный, популярно-научный и общественно-политический журнал. Начал выходить с 1882 года взамен педагогического журнала «Женское образование». Редакторами-издателями первые годы были В. Д. и В. В. Сиповские, с 1896 г. — А. Я. Острогорский, главными сотрудниками: П. Ф. Каптерев, В. П. Острогорский, Н. Позняков, Н. Рубакин, А. Воскресенский и др. С 1903 г. около журнала сгруппировалось много сотрудников-марксистов. В журнале сотрудничали тогда В. Львов-Рогачевский, А. Луначарский, П. Маслов, В. Фриче, Н. Иорданский, П. Берлин. В 1906 — 1907 г.г. в журнале сотрудничали также В. Д. Бонч-Бруевич, Орловский (В. Воровский). П. Румянцев, М. С. Ольминский, И. Степанов-Скворцов и др. В 1907 и 1908 г.г. журнал переживал кризис, переходил из рук в руки. У меньшевиков неоднократно возникали планы приобретения журнала, начинались даже переговоры с издателем, — но соглашение так и не состоялось. — 45.

[21]) Цитируемая Лениным статья Вл. Горна (В. Г. Громана «О завтрашнем дне» из № 348 газеты «Товарищ» от 31 (18 августа) 1907 г.). — 45.

[22]) Здесь имеется в виду «Новое Время», в котором Буренин принимал ближайшее участие. «Новое Время» — субсидируемый правительством орган бюрократических верхов, по существу, правительственный официоз. Газета выходила с 1868 по 1917 год. В 1876 году перешел в руки А. С. Суворина, прежде радикальствующего журналиста, и стал виднейшим органом помещичье-чиновничьих и крупно-буржуазных кругов. Во время революции 1905 — 1907 г.г. «Новое Время» поддерживало сперва Дурново против Витте, а затем Столыпина, солидаризируясь с его «национальной» политикой. После революции 1905 г. «Новое Время» связалось с банковскими кругами.

[23]) «*За 12 лет*» — собрание статей Ленина. Издательство «Зерно», во главе которого стоял тов. М. Кедров, предполагало выпустить три тома работ В. И. Ленина. Первый том и составил сборник «*За 12 лет.* Собрание статей. Том первый. Два направления в русском марксизме и социал-демократии». Спб. 1908 г. XII + 469 + 1, издатель не указан.

Содержание: Предисловие. 1. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Отражение марксизма в буржуаз-

ной литературе. 2. Задачи русских социал-демократов. 3. Гонители земства и Аннибалы либерализма. 4. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. 5. Шаг вперед, два шага назад. (Кризис в нашей партии.) 6. Земская кампания и план «Искры». 7. Две тактики социал-демократии в демократической революции.

Лениным был сделан ряд редакционных изменений (см. об этом в соответственных томах Сочинений), на что он указывает сам в настоящем предисловии, кроме того, ради цензуры был сделан ряд сокращений, но это не спасло книгу от немедленной конфискации. Определением Спб. Судебной Палаты от 3 декабря был наложен арест на книгу. Сб. «За 12 лет» был в 1918 г. переиздан издательством Петр. Сов. Раб. и Кр. Деп. (На обложке помечен год издания — 1919.)

Из второго тома удалось издать только сборник: «Вл. Ильин. Аграрный вопрос. Ч. 1. Спб. 1908 г. 264 стр., в который вошли: 1. К характеристике экономического романтизма. 2. Кустарная перепись 1894 г. Пермской губ. 3. Аграрный вопрос и «критики» Маркса. Вторую часть тома не удалось выпустить в свет — конфискован был еще в типографии известный труд В. И. «Аграрная программа с.-д. в первой революции 1905 — 1907 г.г.»: — уцелел только неполный экземпляр, с которого (без конца) книга и была перепечатана в 1917 г. — рукопись была найдена позже в женевском партийном архиве.

[24]) Ст. — В. В. Старков, Р. — Ст. Ив. Радченко, К. — Р. Э. Классон, подробности см. Сочинения, т. I, примечание 40. — 59.

[25]) Результатом критики Ленина явилась в том же сборнике статья Струве «Моим критикам» (перепечатана в сб. статей «На разные темы» Спб. 1902 г., стр. 1 — 59) и следующие его статьи в «Новом Слове» за 1897 г.: «Наши утописты» (март), «Очерки из истории общественных идей и отношений в Германии в XIX в.» (апрель — май) и «Чичерин и его обращение к прошлому» (апрель).

«Новое Слово» — первый легальный марксистский журнал, выходил под редакцией П. Струве, М. Туган-Барановского, А. Калмыковой, В. Поссе, с марта по декабрь 1897 г., когда он был закрыт правительством.

В «Новом Слове» принимали участие как революционные марксисты: В. И. Ленин (К. Т-н), Г. В. Плеханов (Н. Каменский), В. И. Засулич (В. Иванов), так и легальные: П. Струве (П. С., Novus), С. Булгаков (Nemo), М. Туган-Барановский и др. Перед тем в 1895—1896 г.г. «Новое Слово» выходило под редакцией С. Кривенко и являлось органом народническим. — 59.

[26]) Об этом Парвус писал в «Искре» № 111 — 112 — в статье «После войны» (стр. 185 и сл. сборника статей Парвуса «Россия и Революция»). — 61.

[27]) Цитата находится на стр. 25 — 26 брошюры Троцкого «Наши политические задачи». Женева, 1904 г. — 63.

[28]) См. статью Парвуса, указанную в прим. 26. Впервые Парвус проповедывал примирительную политику в своем еженедельнике «Aus der Weltpolitik» («Из области мировой политики»), в № 48 от 30 ноября 1903 г., на что Ленин тогда же ответил в листовке «Почему я вышел из редакции «Искры»» (см. Сочинения, т. VI, стр. 124 — 131). Свою старую статью Парвус повторил в брошюре «В чем мы расходимся». Ответ Ленину на его статьи в «Пролетарии». Женева, 1905 г. Перепечатана в сборнике статей Парвуса «Россия и революция». Спб. 1906 г., стр. 150 — 176. На нее же ссылается В. И. в 1905 г. в статье, направленной против Парвуса — «Должны ли мы организовать революцию» (см. Сочинения, т. VII, стр. 122 — 129). — 64.

[29]) Речь идет о статьях Плеханова «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция», помещенных в №№ 70 — 71 «Искры» (см. т. XIII Собр. соч. Г. Плеханова, стр. 116—140). Плеханов на съезде, как и все искровцы, выступал в защиту ленинского тезиса о внесении сознательности

в рабочее движение, т.-е. по вопросу о роли партии. После II съезда и раскола, когда все меньшевики систематически ревизовали все идеи старой «Искры», Плеханов счел необходимым пересмотреть и этот вопрос, назвав разрешение вопроса об отношении стихийности к сознательности в «Что делать?» — экономизмом на изнанку. Свою статью он кончает признанием необходимости ликвидировать «четвертый» период партийной истории, т.-е. как раз эпоху старой «Искры».

Ответом на это нападение Плеханова явилась статья В. Воровского «Плоды демагогии», помещенная в № 11 «Вперед». Статья эта проредактирована Лениным и с его поправками и примечанием перепечатана в V томе Сочинений Ленина, приложение № 6 (стр. 544 — 549). — 65.

[30]) Слова «враги слева» В. И. Ленин взял из статьи Милюкова «У нас нет врагов слева» («Речь» 1907 г. № 224—X. 5/IX. 22), где сказано следующее: «У нас, у всей России есть враги слева... Мы сами себе враги, если хотим тащить осла на собственной спине». Во время предвыборной кампании кадеты всячески старались реабилитировать себя от подозрений правых партий относительно их связи с левыми, в особенности с революционными партиями.—71.

[31]) Правительственная газета весны 1906 года — это «Русское Государство» — официоз кабинета Витте. Выходил под редакцией А. Гурьева. «Серячек выручит» — идея, защищаемая одно время правительственными кругами, считавшими, что широкое представительство крестьян будет выгодно самодержавию. В расчете на консервативность крестьянства и был издан закон 11 декабря 1906 г.; по нему в Государственной Думе должно было образоваться крестьянское большинство, которое пошло бы за правительством.—74.

[32]) Ленин цитирует слова П. Б. Струве из статьи: «Заметки публициста. Съезд союза 17 октября и созыв Государственной Думы». «Полярная Звезда», № 10 от 23/10 ноября 1906 г.—74.

[33]) Вторая статья Ленина о Штутгартском конгрессе впервые напечатана в «Календаре для всех на 1908 г.», изданном большевистским книгоиздательством «Зерно» в СПБ. в количестве 60.000 экз. и широко распространенном, несмотря на постановление о немедленной конфискации.

Штутгартский конгресс (седьмой конгресс II Интернационала — Ленин называет его двенадцатым, считая и конгрессы I Интернационала) продолжался с 18 по 23 августа 1907 г.

Еще на Лондонском съезде комиссии по организационному вопросу было поручено разработать вопрос о Штутгартском конгрессе. Комиссия сумела только выработать резолюцию о 1 мая, съездом не обсуждавшуюся и приобщенную к материалам съезда. Делегация от Р. С.-Д. Р. П. на Штутгартском конгрессе была довольно большой по количеству участников. В нее входили: от большевиков—Мешковский, Ленин, Луначарский (Воинов), Рубен (Кнуньянц), Литвинов, Е. Бош и др., от меньшевиков — Дейч, Плеханов, Мартов, Мандельберг, Мартынов, Потресов (Старовер), Хрусталев, Троцкий и др. Всего от России было 63 делегата, включая от национальных с.-д. партий (латыши, армяне, Бунд и др.), от социалистов-революционеров и др. Впервые были представлены профсоюзы. Ленин принимал деятельное участие в работах конгресса и вошел в президиум от России.

Особенно характерным было обсуждение колониального вопроса, с чего и начинается статья Ленина. Именно на этом вопросе ярче всего сказалась сущность оппортунизма. Шовинисты — Ван-Коль и Давид утверждали — один, что колонии будут и при социализме, а другой, что капитализму принадлежит цивилизаторская роль в колониях. Самая сильная делегация — немецкая — на этом конгрессе вела оппортунистическую линию. Составленная наполовину из профбюрократов, немецкая делегация предложила резолюцию, в которой необходимость колониальной политики

оправдывалась тем, что социалисты стремятся развивать производительные силы во всех уголках мира. Большинство комиссии стало на оппортунистическую позицию большинства немецкой делегации. За поправку меньшинства комиссии, кроме России, голосовали мелкие страны — Румыния, Норвегия, Сербия, Болгария, небольшая часть делегаций Франции, Англии и Италии. Против поправки были делегации стран, обладающих колониями: вся делегация Германии, большинство делегаций Франции, Англии, часть делегации Италии и т. д. Ленин впоследствии писал по поводу этого голосования, что «международный оппортунизм уже тогда был за империализм».

Резолюция этого конгресса по вопросу о милитаризме особенно часто приводилась в литературе времени мировой войны и сыграла большую роль в предъистории Коминтерна. (См. приложение № 2 — резолюции Конгресса.) Эта резолюция составилась в результате поправок Ленина и Р. Люксембург к резолюции, предложенной Бебелем. Приводим перевод текста, предложенного Бебелем:

(1) «Войны между государствами, покоящимися на капиталистическом строе, являются обыкновенно следствием их конкуренции на мировом рынке; ибо каждое государство стремится не только обеспечить за собою свои рынки сбыта, но и завоевать новые, при чем существенную роль играет здесь порабощение чужих народностей и захват земель.

(2) Благоприятствуют этим войнам предрассудки одного народа против другого, систематически воспитываемые среди культурных народов в интересах господствующих классов.

(3) Войны, следовательно, проистекают из самого существа капитализма; они прекратятся лишь тогда, когда будет устранен капиталистический хозяйственный строй или когда огромность жертв людьми и деньгами, вызываемые развитием военной техники, и возмущение, вызванное вооружениями, пробудят народы к устранению милитаризма.

(4) Рабочий класс, преимущественно поставляющий солдат и, главным образом, несущий материальные жертвы, является в особенности естественным противником войн, потому что они противоречат его цели: созданию строя, который осуществил бы солидарность народов.

(5) Конгресс считает поэтому долгом всех рабочих и, в особенности, их представителей в парламентах попутно с разоблачением классового характера буржуазного общества и причин, заставляющих его, поддерживать национальную рознь, всеми силами бороться против морских и сухопутных вооружений и отказывать в средствах для их осуществления.

(6) В демократической организации обороны, охватывающей всех способных к оружию людей, конгресс видит существенную гарантию против наступательных войн и вернейшее средство устранения национальной розни.

(7) В тех случаях, когда грозит война, рабочие заинтересованных стран и их представители в парламентах обязаны употребить все наиболее действительные средства к тому, чтобы воспрепятствовать ее возникновению, а если война все же возгорится — стремиться к быстрому ее окончанию».

В комиссии о милитаризме и международных конфликтах выступила с речью Роза Люксембург. В этой комиссии от имени русской и польской с.-д. делегаций были предложены Р. Люксембург и Лениным следующие поправки.

I. Первый абзац резолюции Бебеля формулировать в следующих выражениях: «Конгресс снова подтверждает резолюции предыдущих международных конгрессов, направленных против милитаризма и империализма». Затем следует первый абзац резолюции Бебеля, и к нему присоединяется следующее добавление: «Эти войны являются естественным необходимым последствием беспрестанного роста милитаризма, который служит главным

орудием буржуазного классового господства, экономического и политического угнетения рабочего класса».

II. Ко второму абзацу резолюции Бебеля прибавить следующий абзац: «чтобы таким образом отвлечь пролетарские массы от их действительных классовых задач, равно как и от долга международной классовой солидарности».

III. К пятому абзацу резолюции Бебеля прибавить следующие слова: «а также стремиться к тому, чтобы рабочая молодежь воспитывалась в духе братства народов и социализма и систематически проникалась классовым сознанием, дабы благодаря этому господствующие классы не осмеливались употреблять своего классового господства против борющегося пролетариата».

IV. Последний абзац резолюции Бебеля формулировать следующим образом: «Если грозит объявление войны, рабочие заинтересованных стран и их представители в парламенте обязаны приложить все усилия к тому, чтобы помешать возникновению войны, принимая для этого надлежащие меры, которые естественно изменяются и усиливаются соответственно обострению классовой борьбы и общему политическому положению. Если война все же будет объявлена, они обязаны стоять за быстрое окончание ее и всеми силами стремиться использовать вызванный войною экономический и политический кризис для того, чтобы пробудить политическое сознание народных масс и ускорить крушение господства класса капиталистов».

Все поправки русской делегации были в основном приняты. По поводу последнего абзаца об использовании кризиса Ленин впоследствии писал: «Я хорошо помню, что окончательному редактированию этой поправки предшествовали продолжительные непосредственные переговоры наши с Бебелем. Первая редакция говорила гораздо прямее о революционной агитации и революционных действиях. Мы показали ее Бебелю; он ответил: «не принимаю, ибо прокурорская власть распустит тогда наши партийные организации, а мы на это не идем, пока еще нет ничего серьезного». После совещания с юристами по специальности и многократной переделки текста, чтобы выразить ту же мысль легально, была найдена окончательная формула, на принятие которой Бебель дал согласие». (Примечание В. И. Ленина в книге Г. Зиновьева «Война и кризис социализма», стр. 372.) На Штутгартском конгрессе повидимому состоялось небольшое совещание революционных с.-д. По этому поводу Г. Зиновьев пишет: «Тов. Ленин в своих докладах и беседах рассказывал нам о том, как во время Штутгартского съезда он и Р. Люксембург сделали первую попытку собрать нелегальное (не в смысле полицейском, а по отношению к вождям II Интернационала) совещание марксистов, склонных разделять точку зрения Влад. Ильича и Р. Люксембург». (Г. Зиновьев, т. XV, стр. 252.)

Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. пропагандировал идеи Шт. конгресса, в частности по вопросу об отношениях партии и профсоюзов. В специальном письме по поводу рекрутской кампании, разосланном всем парт. организациям, Ц. К. рекомендует не уклоняться от военной службы и вести антимилитаристскую работу в духе резолюции Шт. конгресса. — 78.

[84]) Маркс привел следующие слова Сисмонди из его работы «Etudes sur l'économie politique», vol. 1, p. 24 («Этюды по политической экономии», т. I, стр. 24). См. «Капитал», т. I (по изд. 1920 г.), гл. XXII, третий раздел, прим. 46: «Римский пролетарий жил почти всецело на счет общества... Можно почти сказать, что современное общество живет на счет пролетариев, на счет той части, которую оно отнимает у них из продукта труда...» — 79.

[85]) Фабианское общество основано в 1884 г. Т. Давидсоном. Названо оно по имени римского полководца Фабия Максима, получившего прозвище

«Кунктатора» («Медлителя»), благодаря применявшейся им выжидательной тактики в войне с Аннибалом (2-я пуническая война).

Фабианское общество, состоящее из буржуазной интеллигенции, ставило себе задачей противопоставить усиливавшимся в 80-х годах революционным и марксистским влияниям на рабочих (почти одновременно была создана соц.-дем. федерация) идеи реформизма. Фабианцы зарекомендовали себя как принципиальные противники классовой борьбы и как наиболее законченные носители мещанско-либерального влияния на рабочий класс Англии. Крупнейшие фабианцы: Сидней и Беатриса Уэбб, писатель Бернард Шоу, А. Безант, Ф. Сноуден и др.

Приводим оценку их Энгельсом в письме к Зорге, где Энгельс писал: «Фабианцы здесь в Лондоне представляют из себя банду карьеристов, у которых однако достаточно здравого смысла, чтобы понять неизбежность социального переворота; но, не доверяя эту гигантскую работу одному грубому пролетариату, они соблаговолили встать во главе его. Страх перед революцией их основной принцип». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Ред. и прим. В. В. Адоратского. Изд. 3-е, 1928, стр. 329.)

В 1900 г. фабианское общество вошло в Рабочую Партию.— **80.**

[86]) Доклад Брукэра и бельгийская резолюция напечатаны в материалах конгресса, вышедших на трех языках (франц., немецк., англ.), Propositions et Projets de Résolutions avec rapports explicatifs présentés au Congrès Socialiste International de Stuttgart (18 — 24 Août 1907). Edition en 3 langues du Bureau Socialiste International (Проекты постановлений и резолюций с объяснительными записками, предложенные на Международном Социалистическом Конгрессе в Штутгарте (18—24 августа 1907). Издание на 3 языках Международного Социалистического Бюро.) Отчет Брукэра под заголовком «Rapport sur les rapports entre les partis politiques socialistes et les associations professionelles, présenté au nom du Parti Ouvrier Belge par Louis de Brouckère». (30—86.) («Отчет о взаимоотношениях между социалистическими политическими партиями и профессиональными организациями, сделанный от имени Рабочей Партии Бельгии Луи Брукэром» (30 — 86)). К докладу приложена резолюция, принятая на чрезвычайном Съезде бельгийской рабочей партии 30 июня 1907 (стр. 86—88). Соответствующие страницы доклада и резолюции немецкого и английского текстов указаны в оглавлении цитируемого сборника. На русском языке полностью доклад Брукэра не появился. Частично он приведен между прочим в статье Воинова (А. Луначарского) «Новые пути» в журнале «Радуга» № 3. Женева. 1907, стр. 60 — 66. — **81.**

[87]) «*Gleichheit*» (*«Равенство»*)—социал-демократический журнал, посвященный женскому движению. Издавался с 1906 г. под редакцией К. Цеткин. Ее статья «Международный социалистический конгресс в Штутгарте» появилась на русском языке в большевистском сборнике «Зарницы», вып. 1. СПБ. 1907 г., стр. 105—112. К статье даны примечания Ленина.

[88]) Вслед за Штутгартским конгрессом состоялся в Эссене съезд германской с.-д. партии. Съезд проходил под впечатлением поражения на так называемых «готтентотских» выборах в рейхстаг 1907 г., когда объединенный блок всех буржуазных партий отбил у с.-д. много голосов мелкобуржуазных «попутчиков», а частью даже и рабочих, развив бешеную патриотическую и националистическую агитацию. Выдвинувшийся на съезде вопрос о милитаризме встал остро благодаря «случаю с Носке». Носке выступил в рейхстаге с речью, в которой заявил, что в случае наступательной войны на Германию с.-д. не отстанут от буржуазных партий и «вскинут ружья на плечи». Речь Носке встретила одобрение буржуазных и правительственных кругов. В рядах с.-д. она вызвала не только протесты, но и определенное сочувствие со стороны правых элементов с.-д. В одном провинциальном парламенте с.-д. даже прямо голосовали за бюджет в целом.

На *Эссенском партейтаге* оппортунисты предпочли уклониться от открытого боя. Не было Ауэра, Легина, Бернштейна, хотя последний продолжал развивать в печати свои явно шовинистические взгляды по колониальному вопросу. Но особенно характерным на этом съезде являлось поведение партийного «центра», — руководящей группы Бебеля, Зингера. Зингер по поводу резолюции оппортунистов по колониальному вопросу отметил, что спор шел больше о словах. Бебель, хотя и высказался против Ван-Коля, но резко обрушился на «левых» (Р. Люксембург, Парвус) за их методы борьбы с оппортунистами и пытался преуменьшить разногласия. Бебель фактически взял под свою защиту Носке, отметив, что речь его «в общем была хороша».

Партейтаг не обсуждал доклада К. Либкнехта об организации социалистической молодежи и об усилении специально-антимилитаристской агитации. Вообще, как съезд, так и все официальное руководство немецкой партии всячески стремились обойти вопросы борьбы с милитаризмом.

Еще в одном вопросе партийный центр сделал серьезнейшую уступку ревизионистам — при обсуждении вопросов о политическом положении: по настоянию Бебеля была отвергнута резолюция, воспрещающая соглашение с либеральной буржуазией, чтобы «не связывать партии рук». — 81.

[39]) См. «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.» с предисловием Н. Ленина. Изд. П. Г. Дауге, Спб. 1907 г., стр. 129. — 87.

[40]) В. И. Ленин цитирует следующую статью: Kautsky, K. «Der Stuttgarter Kongress». «Neue Zeit», Jahrgang XXV, 1906—1907. — II. S.S. 724—730, № 48 — 1907 (Каутский К. «Штутгартский конгресс». «Новое Время» XXV — II, стр. 794 — 730 — 1906 — 1907. № 48 — 1907). — 88.

[41]) *«Vorwärts» («Вперед»)* № 209, — 1-е Beilage (1-е приложение) 1907. IX, 7. — 89.

[42]) Речь Плеханова, приведенная в Приложении № 196 «Vorwärts'a» напечатана в протоколах конгресса — *VII-e Congrès Socialiste International* tenu à Stuttgart du 16 au 24 Août 1907. Compt rendu analitique publié par le Secrétariat du Bureau Socialiste International. Bruxelles, 1908 (VII Международный Социалистический Конгресс, происходивший в Штутгарте от 16 до 24 августа 1907 г. Отчет, опубликованный Секретариатом Международного Социалистического Бюро. Брюссель, 1908). Эта речь Плеханова перепечатана в приложениях в XV тому собр. соч. Плеханова (стр. 467—468), в двух вариантах, но редакторами не указано, что «немецкий протокол» есть не официальное издание М. С. Б., а перепечатка отчетов, помещавшихся в газете «Vorwärts» и переизданных издательством «Vorwärts». — 89.

[43]) *III Государственная Дума*, избранная на основе реакционного закона 3 июня 1907 г., по которому за помещиками и крупной буржуазией было обеспечено большинство, начала свою деятельность 14 (1) ноября 1907 г. Полномочия ее истекли 13 сентября 1912 г. Первая сессия заседала с 14 (1) ноября 1907 по 11 июля (28 июня) 1908 г. Вторая с 28 (15) октября 1908 г. по 15 (2) июля 1909 г. Данные о составе, приводимые в тексте статьи Лениным, в основном немного изменились за все время существования Г. Думы. В дальнейшем черносотенно-октябристская Дума только все больше и больше подчеркивала свою правизну. Отразилось это обстоятельство даже на выборах председателей. Первым председателем был выбран «левый» октябрист «славянофил» Н. А. Хомяков, его сменил лидер партии октябрист «центра», А. И. Гучков, но и тот уступил председательское кресло «правому» октябристу, крупнейшему помещику и капиталисту М. В. Родзянке, оставшемуся председателем и в IV Думе.

Таким образом Дума была составлена так, что целиком оправдало себя изменение избирательного закона. По словам автора закона 3 июня 1907 г. С. Е. Крыжановского удалось «предопределить число представителей от каждого класса населения, установив таким образом состав Думы в соответствии с видами правительственной власти». Социальный состав III Думы был следующий: помещиков в Думе было 202 человека (46%), т.-е. почти половина всей Думы, духовенства 47 человек и чиновников 29 человек (те и другие вместе составляли 18%), буржуазии 8%, адвокатов $7^1/_2$%, крестьян («земледельцев») 65 человек (15%), из которых больше $^1/_3$ принадлежало к правым, и 11 человек рабочих и ремесленников ($2^1/_2$%).

Тактика партий в Думе давала прекрасный агитационный материал для с.-д — тии. Правые и октябристы открыто поддерживали самодержавие, в этом блоке «командовали» черносотенцы. Кадеты во всех основных решениях Думы становились на сторону контр-революции. Дума широко проводила субсидирование судов, в частности военных, ассигновывала деньги на тюрьмы. К.-д. поддерживали эти ассигновки. Голосовали к.-д. вместе со всем правым блоком за царский бюджет, за увеличение армии, за укрепление «военной мощи», за займы правительству. III Дума сперва не ставила аграрного вопроса, пытаясь его обойти, пока обстановка в стране окончательно не выяснится. Но уже с осени 1908 г. (с 23 окт.) началось обсуждение столыпинского указа 9 ноября 1906 г., в результате чего был выработан закон 14 июня 1910 г. Столыпинская аграрная политика, с ее ставкой на «сильного», зажиточного, проникнутого собственническим инстинктом крестьянина, должна была повести деревню по пути капиталистического развития, охраняя интересы помещиков, и против интересов масс крестьянства. (Об отношении Думы к аграрному вопросу см. ст. Ленина в этом томе: «Аграрные прения в III Думе», стр. 403 — 413.) III Дума повела решительную борьбу с национальными меньшинствами, населявшими Российскую империю. В частности Дума поддержала политику правительства против автономии Финляндии. По финляндскому вопросу кадеты заняли оппозиционную линию только в плоскости требования делать все «на законном основании».

Особенно резко контр-революционность Думы и кадет сказалась в вопросах, связанных с рабочим законодательством. И большинство Думы и кадеты были против нормального отдыха для торговых служащих. Сообща было проведено под видом страхования рабочих фактически страхование капиталистов за счет рабочих. В ответ на запрос с.-д. фракции о гонениях на профессиональные организации, кадеты вместе с октябристами поставили вопрос так: волну репрессий только тогда можно будет унять, когда проф. союзы откажутся от политики, порвут связь с социал-демократией. Полное единодушие большинства Думы, кадетов, октябристов и правых было по вопросам иностранной политики. Буржуазия устами кадетов усиленно поддерживала всякий империалистический шаг. Милюков приветствовал империалистическую иностранную политику самодержавия, как истинно национальную политику.

Мелко-буржуазное крыло в Думе было крайне незначительно и представлено было, гл. образом, трудовиками. Трудовики колебались между кадетами и с.-д., зачастую идя вместе с либеральной буржуазией.

(О соц.-дем. фракции см. прим. 44, 61, 203, 204, 205.)

44) *Состав с.-д. фракции III Государственной Думы:* 1. Е. П. Астраханцев от Вятской губ., 2. Т. О. Белоусов от Иркутской губ. (позже вышел из фракции, но звания депутата не сложил), 3. А. А. Войлошников от Забайкальской обл., 4. Е. П. Гегечкори от Кутаисской губ., 5. Н. М. Егоров от Пермской губ.—большевик, 6. И. П. Покровский (2-ой) от Кубанской обл.—сочувствующий большевикам, 7. А. Я. Предкальн от Риги—большевик, 8. Н. С. Чхеидзе от Тифлисской губ., 9. В. Д. Косоротов от

Уфимской губ. (исключен Думой вследствие предъявленного ему обвинения по политическому делу, устранен в 1909 г.) от рабочей курии, 10. Н. Г. Полетаев от Петербургской губ. — большевик, 11. М. В. Захаров (2-й) от Московской губ., 12. С. А. Воронин от Владимирской губ., 13. П. И. Сурков от Костромской губ., 14. В. Е. Шурканов от Харьковской губ. — большевик — впоследствии оказался провокатором, и 16. Г. С. Кузнецов от Екатеринославской губ. Кроме того еще входили в состав фракции, но позже ушли 17 — И. Гайдаров — от Дагестанской обл. и Закатальск. окр. и 18. Ф. Н. Чилкин — от Амурской области.

Большинство с.-д. фракции в III Думе было меньшевистское. В Думу из-за репрессий не попал ни один из видных членов партии, ни один из членов первых двух Дум, знакомых уже с парламентской обстановкой. Выборы в III Думу происходили в обстановке сильного влияния бойкотистских настроений. Рабочий класс в массе своей был лишен избирательных прав, и поэтому с.-д. депутаты проходили и не по рабочей курии (напр., на Кавказе, где с.-д. депутатов выбирали крестьяне и мелкие землевладельцы в большей мере, чем рабочие).

В самой Думе обстановка работы была тяжелой для фракции: — исключительно-резкая враждебность черносотенного большинства, формальные препятствия и зажим президиума. Фракцию окружали «сведущие» лица, среди которых были или правые меньшевики, как А. Потресов, Е. Смирнов или явные ревизионисты, как С. Прокопович. От партийных организаций фракция была оторвана. По свидетельству Г. Зиновьева, на первом заседании третьедумской фракции Чхеидзе и Гегечкори настаивали на том, чтобы фракция конструировалась как «свободная социал-демократическая группа» (Г. Зиновьев, Собр. соч., т. II, стр. 259, прим. 5). Эта попытка освободиться из-под влияния Ц. К. и партии привела в последующем к ряду конфликтов, о которых см. в примечании. 204.

Обстановка в самой петербургской организации партии мало располагала к сближению с нею фракции. Сильное отзовистское влияние воздвигало стену между партийной организацией и фракцией. Дело доходило до того, что отзовисты вместе с эсерами агитировали в профессиональных союзах за отказ представить фракции материалы для запроса в Думе по поводу гонений на проф. организации. Разрыв между организацией усугублялся не только нежеланием фракции на первых порах пойти навстречу организации, делать отчетные доклады и т. п., но и рядом крупных ошибок фракции. Фракция начала свою работу, исходя из неправильной, оппортунистической посылки, что она должна быть руководителем демократической оппозиции на почве «органической» работы в Думе, и не смотрела на свою деятельность как на агитационно-разоблачительную.

Ошибки фракции стали впоследствии предметом самой оживленной дискуссии в партии (см. прим. 61). — 94.

[45]) Скандал Мольтке-Гардена имел место в 1907 г., когда известный немецкий публицист Максимилиан Гарден, в основанном им журнале «Zukunft» («Будущее»), разоблачил нравы придворных сфер, рассказав о процветающей среди камарильи педерастии. — 95.

[46]) *«Русское Знамя»* — черносотенная газета, выходившая с декабря 1905 года по 1917 г. Орган Союза Русского Народа. Редактором «Русского Знамени» был доктор А. И. Дубровин.

«Голос Москвы» — ежедневная газета (1907 — 1915) — орган партии октябристов. Первый редактор газеты — А. И. Гучков.

[47]) 27 октября состоялась *петербургская конференция* в Терноках. Присутствовало 57 делегатов с решающим голосом и 11 с совещательным. В президиум были избраны: Зиновьев, Войтинский и Томский. На повестке дня стояли вопросы: 1) отчет П. К.; 2) доклад о деятельности Ц. К.; 3) общерусская конференция; 4) суд над с.-д. думской фракцией; 5) безработица; 6) перевыборы общегородской конференции и др. организационные вопросы.

В отчете П. К. указывалось на крайне плохое проведение избирательной кампании. В избирательные списки удалось ввести лишь незначительный процент рабочих. Агитация на предвыборных собраниях была неудовлетворительна. Издавать легальную агитационную литературу было невозможно, ограничились изданием нелегальных листков и газет. (См. отчет в № 17 «Пролетария».) В работе по проведению выборов рабочие приняли слабое участие. Было сильно бойкотистское настроение, и преодолеть его удалось сравнительно поздно. Депутат от рабочих в III Думу был намечен общим голосованием П. К. и с.-д. выборщиков. П. К. решил принять участие в перебаллотировке, считая необходимым дать выход тем нескольким тысячам избирателей, которые не хотели голосовать за к.-д. В целях отрыва возможно большего числа избирателей от к.-д. было заключено соглашение с трудовым блоком. В докладе П. К. говорилось о работе с.-д. в проф. движении, об организации еженедельного выхода газеты «Вперед», о существовании в Петербурге совершенно самостоятельной, скрываемой от партии, организации меньшевиков во главе с комитетом Франко-русского завода.

В докладе о деятельности Ц. К. было указано на отсутствие в нем устойчивого большинства. Практической работой и денежными средствами помогали Ц. К. главным образом большевики. Другие фракции относились к Ц. К. нейтрально, меньшевики — прямо враждебно. Целый ряд предприятий Ц. К. за последние месяцы оказался невыполненным. Некоторые вопросы (Ц. О., листок о терроре и экспроприациях, резолюция о проф. союзах, первые шаги думской фракции, участие в бурж. печати) Ц. К. обсуждал несколько раз, и все же не удалось принять никакого решения. Вина за это падает не на большевиков, а на исключительно трудные объективные условия работы Ц. К. Состав Ц. К. и поведение отдельных фракций в нем поставят и Ц. К. и партию в совершенно невозможное положение, если дело и дальше будет продолжаться в этом направлении. Воздерживаясь от принятия какой-либо резолюции, конференция высказала пожелание, чтобы на предстоящей партийной конференции представители Спб. организации сделали все возможное, чтобы вывести Ц. К. из нынешнего тупика и поднять его деятельность на должную высоту.

С докладом о III Гос. Думе выступил Ленин. (См. в тексте этого тома, стр. 102 — 103.) Его доклад от начала и до конца оспаривали меньшевики. Они сочли неправильной его характеристику состава III Думы, не соглашались с тем, что кадеты играют объективно контр-революционную роль, и видели главную задачу с-д. фракции в борьбе с правительством и черносотенцами. Ссылаясь на Маркса, меньшевики указывали, что с.-д. должны поддерживать октябристов против черносотенцев потому, что октябристы являются представителями промышленного капитала, а черносотенцы—представителями землевладения. При выборе в президиум они предлагали голосовать за «левого» октябриста. После выступления ряда большевиков, Ленин в заключительном слове остановился, главным образом, на основной ошибке меньшевизма—идее «общенациональной оппозиции». Резолюция, предложенная Лениным, была принята за основу 37-ю голосами против 12-ти при остальных воздержавшихся и была сдана в комиссию для окончательного редактирования. (Напечатана в № 19 «Пролетария», см. наст. том, стр. 104 — 105.)

Второй доклад Ленина касался вопроса об участии с.-д. в буржуазной прессе (см. в тексте данного тома, стр. 106).

Представитель меньшевиков, высказываясь по докладу Ленина, согласился с тем, что систематическое сотрудничество с.-д. в буржуазной прессе вносит разврат в партию. Он признал, что и газета «Товарищ» принадлежит к тем органам печати, участие в которых недопустимо для с.-д. Первая часть меньшевистской резолюции совпала с большевистскими

проектами. Но представитель меньшевиков внес существенную прибавку: «в экстренных случаях, когда необходимо предупредить от какой-нибудь важной ошибки, допустимо» и т. д. Такое добавление сделало резолюцию меньшевиков неприемлемой.

Был обсужден также уже неоднократно обсуждавшийся на конференциях и дискутировавшийся в партийной организации и беспартийных рабочих собраниях вопрос о суде над с.-д. думской фракцией. Из докладов по фабрикам и заводам выяснилось, что мелкие и средние заводы готовы забастовать в день суда, что фабрики также примкнут к забастовке. Есть шансы провести забастовку и на крупных заводах, невозможно поднять ее на заводах казенных, где очень тяжелое положение рабочих, где расчеты следуют один за другим. Некоторые союзы обещали свое содействие забастовке. С-ры относятся к стачке не враждебно и, очевидно, мешать ей не будут. Обсудив вопрос, конференция обратилась по этому поводу с воззванием, в котором *призывала* рабочих и работниц г. Петербурга и Петербургской губерни *к однодневной демонстративной забастовке* в день начала суда над с.-д. фракцией и пригласила все рабочие организации Петербурга оказать содействие «успешному проведению этой забастовки». (Подробный отчет см. в № 20 «Пролетария».) — 102.

[48]) Тезис о двух большинствах в Думе Ленин кладет в основу рассмотрения всей последующей думской деятельности и анализа классовых взаимоотношений и противопоставляет его меньшевистской оценке, прямо подводившей к ликвидаторству. Мартов в письме к Аксельроду так формулирует свою точку зрения: «Любопытно, что теперь уже многие высказывают предположение, которое Вы [т.-е. Аксельрод] часто высказывали, что, овладев Думой, — октябристы volens-nolens [волей-неволей] станут в оппозицию к правительству. Я лично в этом не сомневаюсь, и придаю большое революционное значение тем хотя бы и парламентским конфликтам, которые разовьются между бюрократией и крупной буржуазией». (Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. Письмо от 26 июня 1907 г., стр. 163.) — 102.

[49]) Вопрос об участии с.-д. в буржуазной прессе занял добрую треть всех прений на Дрезденском партейтаге германской с.-д. в 1903 г. Была принята резолюция, воспрещающая такое участие, хотя и с некоторыми оговорками.

В эпоху начавшейся в России контр-революции этот вопрос приобрел особенное значение, в связи с тем, что меньшевики в буржуазно-демократической прессе подняли кампанию против решений Лондонского съезда и травлю против партии. В некоторых газетах были поставлены информационные отделы, в которых сообщалась хроника с.-д. жизни в искаженном виде. В «Товарище» появился ряд статей Плеханова, Мартова и др. В частности, в № 369 «Товарища» Плеханов выступил против избирательной платформы партии. — 106.

[50]) *Третья общероссийская конференция* происходила в Финляндии с 5(18) по 12(25) ноября 1907 г.

Присутствовало на конференции 27 делегатов: большевиков 10, меньшевиков 4, поляков 5, бундовцев 5, латышей 3.

В Териоках состоялось предварительное совещание Ц. К. с делегатами большевиками. На нем присутствовали: Ленин, Покровский, Богданов, Рожков, Зиновьев, Гольденберг, Кнуньянц, Тышко, Варский, Дзержинский (последние три товарища от Польши), Теодорович, Полетаев, Томский, Марк (Любимов), Смидович, Лядов, Черномордик, Зеликсон-Бобровская.

Представительство от местных организаций выразилось членами с решающими голосами: от г. Москвы и Центр. области — 5, от Петербургской организации — 2; от Урала — 2; от Поволжья, Сибири и Сев. Кавказа — 1; от Закавказья — 3; от Юга России — 1; от Польской с.-д. — 5;

от Бунда — 5 (Либер, Абрамович и др.) и от Латышской с.-д. — 3. Из меньшевиков на конференции присутствовали: Дан, Мартов, Чхеидзе и др.

Письмо «А. Волжского» (А. А. Богданова — но не члена ред. «Пролетария», а местного работника), помещенное в № 20 «Пролетария» от 19 ноября 1907 г., подробно рассказывает о работах конференции. Приводим вкратце содержание этого письма.

Первым в порядке дня конференции обсуждался вопрос об отношении к Государственной Думе. Доклад делал Ленин. (Доклад в изложении А. Волжского приводится в тексте наст. тома, стр. 107 — 108.) Большевики: Ленин, Н. Рожков, Богданов и др. высказывались в духе постановлений Лондонского съезда о Государственной Думе и об отношении к буржуазным партиям. Две резолюции, предложенные большевиками: одна — шести членов Ц.К. и другая Петербургской конференции сходились в своем основном содержании. Меньшевистски-оппортунистическое направление было представлено на конференции «в двух вариантах». Представитель бундовцев Либер открыто утверждал, что перед партией в настоящий момент стоят «чисто практические» цели, что участие в думском законодательстве может и должно выразиться в поддержке кадетско-октябристских законопроектов, в содействии проведению в жизнь реформ, лежащих «по линии социал-демократической программы». Свои взгляды Либер теоретически обосновал тем, что классовые интересы крупной буржуазии не совместимы с интересами самодержавия. Отсюда, по его мнению, перед социал-демократией встает задача поддержки кадетов и октябристов, тем более, что в партии октябристов неминуемо произойдет расслоение, и часть их уйдет влево. «Лучше то небольшое реальное, на которое буржуазия способна», нежели закостенелое упорство в проведении «митинговых» резолюций. Партия должна руководиться «соображениями практической целесообразности», если же социал-демократия не поддержит того или иного октябристского законопроекта, представляющего положительный шаг вперед, то население не простит этого, говорил Либер, партия будет дискредитирована и многое потеряет при выборах в четвертую Думу. Речь Либера явилась открытым провозглашением реформизма в социал-демократии. Лидер другого меньшевистского течения Дан по существу близко подошел к позиции Либера. Он указывал, что большинство Думы будет осуществлять крепостническую диктатуру помещиков и, вероятно, кадеты окажутся «в оппозиции». Это мнение привело его к утверждению необходимости «объединения всей оппозиции». В основном обе группы меньшевиков отстаивали положение о том, что реформы, проведенные с помощью буржуазной оппозиции, явятся плюсом, которого не должна упускать с.-д. партия. Резолюция, предложенная меньшевиками и названная ими черновым наброском, не давая оценки октябристско-кадетского блока, была наполнена «практическими деталями». Конференция приняла большевистскую резолюцию о тактике в III Думе 17 голосами против 2 при 5 воздержавшихся.

По вопросу о том, как называться социал-демократическим депутатам в Думе, фракцией или группой, конференция вынесла резолюцию. «Конференция находит необходимым, чтобы представительство Р. С.-Д. Р. П. в III Государственной Думе носило название с.-д. фракции».

Характерна позиция меньшинства по вопросу об участии в буржуазной прессе. В то время, как революционная социал-демократия, большевики решительно осуждали тяготение Плеханова к бернштейнианцам и «беззаглавцам» из «Товарища», некоторые меньшевики по указанию автора письма сводили весь этот крупной важности вопрос об участии в буржуазной прессе к маленькому «скандальчику в благородном семействе». Дан отстаивал соц.-демократическую «вхожесть» в кулуары буржуазных газет, в предложенной им резолюции он на первый план выдвигал мысль

о необходимости для с.-д. участия в буржуазной прессе (из-за отсутствия с.-д. легальных газет, с целью пропаганды в широких слоях с.-д. идей и т. д.). Представитель большевиков (И. Гольденберг-Мешковский) указывал, что участие отдельных товарищей в буржуазной печати должно находиться под строгим партийным контролем, что помещение статей по тактическим вопросам в буржуазных газетах превращается в идейно-политический блок части партии с бернштейнианскими представителями буржуазной демократии. По этому вопросу была принята резолюция большевиков 20-ю голосами против 1 при 6 воздержавшихся.

Следующим на повестке дня был вопрос об организации единой связи Ц.К. с местными организациями и об упразднении «фракционных центров». Вопрос этот был поднят представителями национальных организаций, стоящих вне фракций. Выяснилось, что у большевиков идейным центром фракции является редакция «Пролетария», избранная на Лондонском съезде. Представитель меньшевиков Дан отрицал существование у них фракционного центра, который давал бы директивы, во фракции у них есть только «клуб», куда входят несколько литераторов. Но из фактических высказываний, как сообщает А. Волжский, стало ясно, что «хотя у меньшевиков и нет (по «нелицемерному» заявлению Дана) практического центра, а есть только «клуб», но какая-то, очевидно, шапка-невидимка систематически рассылает меньшевистские послания в целый ряд организаций. Мало того, послания эти писаны на бланках Ц.К. Одновременно пропадает целый ряд писем с мест в Ц.К., пропадает не бесследно, потому что та же таинственная «шапка-невидимка» аккуратно отвечает на эти исчезнувшие письма. В то же время Дан высказался против принятия резолюции об упразднении фракционных центров. За исключением Дана (при поименном голосовании воздержавшегося) резолюция была принята единогласно. Подводя итоги конференции, автор письма указывает, что на конференции ярко выразилось новое оппортунистическое наслоение: превращение меньшевизма в реформизм, оно должно вызвать распад в рядах меньшевиков. Признаки этого распада уже наблюдаются.

Решение конференции об отношении к думской фракции встретило со стороны последней сильное сопротивление, так как отношения между фракцией и Ц.К. налаживались с большим трудом. Отношения с Ц.К. были так формулированы самой фракцией: «Вопрос об отношении думской фракции с.-д. к Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. После продолжительных дебатов решено: думская с.-д. фракция есть группа автономная, которая, прислушиваясь к голосу партии, в каждом конкретном случае думской работы, решает вопрос самостоятельно».

Стремление фракции обособиться и существовать самостоятельно от партии и Ц.К. проявилось с первых ее шагов. Представителями Ц.К. для связи с фракцией были Н. Рожков и И. Гольденберг. (О взаимоотношениях между Ц.К. и фракцией см. прим. 204.) — 107.

[51]) Статья Меринга «Немецкий либерализм и русская Дума» была переведена и использована Вл. И. в статье «Фр. Меринг о второй Думе», вышедшей в марте 1907 г. и помещенной в сборнике «Вопросы момента», сборник II (см. Сочинения, т. XI, стр. 72 — 77). — 111.

[52]) Ленин цитирует статью Жилкина «Страничка жизни». «Товарищ» № 407 от 8/XI (26/X) 1907 г. — 113.

[53]) Здесь Ленин имеет в виду следующее место из Манифеста Коммунистической партии Маркса — Энгельса, гл. IV: «В Германии коммунистическая партия борется совместно с буржуазией — как только она выступает революционно против абсолютной монархии, против феодального землевладения и мелкой буржуазии». — 114.

[54]) Сильнейший идейный и организационный кризис у эс-эров начался еще в 1906 г. Крестьянские элементы партии отошли к трудови-

кам; эс-эровская интеллигенция, определявшая всю тактику и политику партии, частью уходит в полукадетскую легальную народно-социалистическую партию, частью вовсе отходит от политической деятельности; эс-эровские рабочие переходят к максималистам и анархистам. В феврале 1907 г. состоялся 2-й съезд партии. Центральным пунктом его работ был вопрос об участии в Гос. Думе и тактике партии в связи с Думой. Съезд вынес резолюцию необходимости совместного действия всех революционных сил страны. В Лондоне в июле 1908 г. собралась первая общепартийная конференция с.-р. На ней был поднят вопрос о центральной провокации в партии. Центристская группа (Чернов, Ракитников и др.) пыталась скрыть разброд в партии и фактический раскол в ней и сохранить ее официальное единство, сваливая вину за неудачи на «скованность массовой народной энергии». В резолюции конференции было отмечено «переутомление» и в рядах интеллигенции и ее «отлив от революционной борьбы».

В 1908 году у эс-эров наступил полный развал. В феврале провалился Северный Летучий Боевой отряд — основная боевая группа партии. В марте произошел провал партийных типографий в ряде провинциальных городов, на ряду с этим производились массовые аресты. Сильнейшее потрясение партия испытала в связи с раскрытием Бурцевым провокационной деятельности члена Ц. К., лидера боевой организации и руководителя всей террористической работы партии — Азефа, подтвержденной затем б. директором деп. пол. А. Лопухиным. Издание оппозиционной группы с-ров «Революционная Мысль», продолжая борьбу с провокацией, стало публиковать длинные списки предателей, провокаторов и сыщиков.

Отмеченный организационный и идейный распад партии усугублялся взаимным недоверием и подозрением, охватившим эс-эровские ряды в связи с раскрытием центральной провокации. «Партии с.-р., как организации, не существует... Она разбита и разложилась» — говорит передовица «Революционной Мысли» в феврале 1909 г. «Воз в канаве. Лошади распряглись. Форейтор сидит верхом на тумбе и, заломив шапку на бекрень, «поздравляет» себя с «единогласием». Вот картина эс-эровской партии», писал Ленин. (См. статью «Как с.-р — ы подводят итоги революции и как революция подвела итоги с.-р — ам», см. «Пролетарий» № 41, январь 1909 г. Соч. т. XIV.) — 116.

[55]) «*Знамя Труда*» — центральный орган п. с.-р., выходил с 1/VII 1907 г. по апрель 1914 г. Всего вышло 53 №№. Первоначально выходил в России, но после провала в начале 1908 г., издание было перенесено в Париж. Ленин цитирует передовую из № 6 от 30 сентября 1907 г. под названием «Социальдемократия и рабочий съезд». — 116.

[56]) *Эн-эсы* — народно-социалистическая партия — еще на I съезде партии с.-р. в 1906 г. группа будущих народных социалистов выступила против террора, против социализации земли и т. д. В 1906 году после разгона I Думы эта группа окончательно отделилась от с.-р., оторвав преимущественно слои интеллигенции, и образовала легальную полукадетскую «трудовую народно-социалистическую партию». В состав ее вошли многие старые народники, группировавшиеся вокруг журнала «Русское Богатство». Лидеры партии: Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, А. Б. Петрищев — важнейшие сотрудники журнала. В Организационный Комитет партии входили: Л. Л. Бенуа, М. В. Бернштам, В. Г. Богораз (Тан), С. Я. Елпатьевский, Д. К. Заболотный, Ф. Д. Крюков, Н. И. Лутугин, А. А. Роде, Н. И. Розанов, В. И. Семевский, А. А. Титов, В. И. Чарнолусский, Н. Н. Шнитников. Партия выставляла умеренно-демократические требования, отказываясь от лозунга Учредительного собрания, от республики и вступая в блок с кадетами (см. характеристику энэсов в статье Ленина «Эсеровские меньшевики», специально посвященной

народным социалистам. Сочинения т. X, стр. 67—74). После разгона II Государственной Думы партия потеряла значение и возродилась лишь в 1917 г. Слившись с трудовиками, она образовала единую «трудовую народно-социалистическую партию». В период коалиции партия поддерживала Временное Правительство и дала в его состав своего лидера, министра продовольствия А. В. Пешехонова. После Октября представители эн-эсов активно выступали против советской власти, принимая участие в гражданской войне.—117.

[57]) «*Партийные Известия*» — центральный орган п. с.-р. после прекращения «Революционной России». Был заменен впоследствии «Знаменем Труда». Выходил в нелегальных типографиях в 1906—1907 г.г. Всего вышло 10 №№. Вл. Ил. цитирует из № 6 от 8 марта 1907 г. «Извещение о втором (экстренном) съезде п. с.-р.».—119.

[58]) После разгона II Государственной Думы зимою 1907—1908 г. в Москве образовался кружок из радикально-настроенных кадетских и других близких им элементов, крайне недовольных официальной линией к.-д. партии, сказавшейся в известной поездке лидеров кадетов в ночь роспуска II Государственной Думы к Столыпину, когда кадеты ради сохранения II Государственной Думы соглашались на выдачу с.-д. Кружок ставил своей задачей объединение всей оппозиции на подобие старого Союза Освобождения. Левый к.-д. В. Обнинский был организатором этого объединения, в которое входили левые кадеты, недовольные Милюковым и его линией, педераки (партия демократических реформ — будущие прогрессисты в III Государственной Думе), эн-эсы, трудовики, беспартийные левые и меньшевики. Летом 1908 г. Обнинский, будучи за границей, вел переговоры с Плехановым и Даном о координации работы — Обнинский указывал на то, что единственным условием объединения является непримиримое отношение к правительству и подготовка к будущей революции, для чего необходим сговор. Дан и Плеханов высказались за неоформленное объединение не в виде организации, а в виде клуба для взаимной информации. Обнинский с этими условиями согласился и обещал их выполнить (он обещал между прочим давать информационный материал для «Голоса Социал-Демократа»). Этот новый «Союз Освобождения» имел зимою в Москве съезд, в связи с чем Обнинский приезжал для переговоров в Петербург. На собрание это персонально были приглашены три большевика. Выслушав доклад Обнинского, они заявили требование приглашения официального представителя П. К. Получив таковое, П. К. постановил отказаться от участия в этих совещаниях, о чем и уведомил письменным отказом.

Стремления «оживить труп» (название корреспонденции в № 30 «Пролетария», которую разбирает Ленин в статье «Кадеты второго призыва». См. настоящий том, стр. 198—201) результатов не дали, если не считать появления двух выпусков сборников «Зарницы», в которых принимали участие, кроме ряда кадетов, эн-эсы — Тан, Горнфельд, Петрищев, меньшевик В. Кранихфельд и др. «Объединения оппозиции» не получилось.—125.

[59]) «*Столичная Почта*» (1906—1908) — ежедневная газета, малое издание «Товарища», а с 1908 г. «Нашего Века». В январе — феврале 1908 г. выходит вместо закрытого «Нашего Века». Издавалась в СПБ. под ред. В. Португалова, при ближайшем участии Е. Кусковой, Л. В. Ходского, А. Яблоновского, Дм. Цензора, В. Тотомианца и др. С февраля 1907 г. — орган трудовой группы. Была закрыта в марте 1908 года.

Ленин цитирует ст. «Объединение оппозиции» в № 228 от 16 (3) февраля 1908 г.—125.

[60]) Повидимому Ленин ошибочно назвал сборник «Наша Мысль», а может быть и самое имя — «М — д — му» (Медем?). Ни в сборниках одно-

именных, ни в изданиях, редактируемых Медемом, не удалось найти статьи, говорящей в данном контексте о необходимости вычеркнуть лозунг Учредительного собрания. — 126.

[61]) История ошибок фракции начинается с первых же ее выступлений. Первое крупное выступление фракции в III Думе было по вопросу о декларации правительства.

Укажем на те выступления фракции, которые подверглись критике как со стороны Ленина в ряде его статей, так и со стороны парт. организаций и Центр. Комитета.

Оглашенная с.-д. фракцией декларация на 7-ом заседании (см. Стеногр. отчет III Думы, I сессия, часть первая, стр. 326—328) подверглась резкой критике не только со стороны Ц. К., но и со стороны местных организаций. Так, на собрании рабочих, представителей 6 районов Петербургской организации в январе 1908 г. было принято письмо во фракцию. «Широкие рабочие массы, — читаем мы в письме, — в силу общего упадка, относятся к работе III Думы и нашей в ней фракции чрезвычайно безучастно. И в течение 3-х месяцев вами, товарищи, сделано крайне мало, чтобы эту безучастность хоть сколько-нибудь уменьшить. Передовые круги рабочих во всяком случае интересуются всем происходящим в III-ей Думе и зорко следят за тем, как действует наша думская с.-д. фракция... Нужно было видеть, товарищи, с какой радостью эти круги рабочих встречали всякое ваше, сколько-нибудь удачное, выступление. К сожалению, таковых было крайне мало... Из отдельных ваших шагов остановимся на следующих: *Декларация.* Она была вашим первым крупным выступлением. Рабочие ждали его, и они были вами разочарованы. Вместо определенных классовых лозунгов, политических и экономических, расплывчатые, неопределенные полунамеки, вместо яркой обличительной речи против правительства и крепостнических партий — бесцветные фразы, вместо обличения и критики буржуазных партий — пустое место. В вашей декларации не нашли себе места те лозунги, под знаменем которых боролся и борется рабочий класс. Вы обошли молчанием требование Всенародного Учредительного Собрания и 8-часового рабочего дня. Партия по вашей вине была лишена прекрасного агитационного материала».

Одной из основных ошибок фракции было непонимание ею контрреволюционной роли либеральной буржуазии (кадетов), — отсюда отсутствие сознания необходимости отмежеваться от них и «поддержка» кадетско-октябристского предложения расширить бюджетные права Думы (см. о расш. бюдж. прав — Стеногр. отчет III Думы, I сессия, 1 часть, речь Покровского в 21 заседании). Бюджетный вопрос в III Думе занимал очень видное место. Между тем по этому вопросу в бюджетных речах фракции отсутствовала социалистическая мотивировка голосования социалдемократии не только против бюджета современного русского государства, но и против всякого бюджета буржуазного государства. (См. резолюцию декабрьской парт. конференции 1908 г.)

Из других ошибок, допущенных фракцией в первую сессию, следует отметить выступление по вопросу о закрытии дверей комиссии по государственной обороне (см. Стенографический отчет III Думы, I сессия, I часть, засед. 23 и 24). Фракция правильно отметила, что от народа не может быть никаких тайн, но не было критики кадет, просившихся в эту комиссию и обещавших хранить ее тайны.

При обсуждении политики правительства на Дальнем Востоке фракция не выступала с речами. Можно было развернуть свое отношение к данному вопросу при обсуждении о переименовании в посольство дипломатического представительства в Токио. (См. Стеногр. отчет III Думы, I сессия, II часть, заседание 32; Чхеидзе был оборван председателем и выступил от имени фракции уже на 36 заседании.) Опять-таки не было критики кадет, за усиленные расшаркивания Милюкова перед мин. ин. дел

Извольским и не было мотивировки отношения социалистов к политике буржуазных государств вообще и к иностранной политике России в частности.

По вопросу об ассигновании 6 900 000 р. в распоряжение Мин. нар. пр. для земств и городов фракции следовало не голосовать за, а воздержаться. Фракция правильно раскритиковала систему просвещения в России (см. Стеногр. отчет III Думы, I сессия, II часть, засед. 36 — выступление Белоусова, 37 — Кузнецова, 38 — Полетаева), но не учла того, что отпущенные деньги Мин. нар. пр., благодаря неопределенной формулировке закона, распределит между черносотенными земствами на обслуживание черносотенного движения, выписку патриотической черносотенной литературы, организацию чайных союза русского народа и т. п.

Отсутствовала в речи Покровского принципиальная мотивировка отказа в разрешении правительству займа в 450 млн. руб. и критика либеральной оппозиции за ее согласие голосовать за заем в уменьшенном размере. А поведение кадетов в первых двух Думах с.-д. оратором было охарактеризовано как «последовательная оппозиция правительству». (См. Стенографический отчет III Думы, II сессия, ч. II, засед. 23.)

К числу неудачных выступлений принадлежат и отмеченные в статье «С партией или без *партии?*» в № 28 «Пролетария». Статья в большей своей части, возможно, была написана Лениным, но последний абзац, где говорится, что фракции надо поставить ультиматум, повидимому, был приписан А. Богдановым. В статье указывается на следующие три выступления: о бюджете, о расходах на духовное ведомство и об Амурской жел. дороге. Кадеты, по словам статьи, «дослужились» до чести иметь докладчиком от имени октябристской комиссии по вопросу о бюджете члена своей партии, предложившего переход к очередным делам, проникнутого самым лакейским духом чиновничьего «реформаторства» в области того, о чем «начальством поболтать разрешается». С.-д. фракция предложила формулу перехода, мало чем отличающуюся от кадетской (требование судейской несменяемости — «самого глупенького предрассудка самого вульгарного буржуазного демократизма»). С.-д. «побежали по существу дела за кадетами». (Доклад проф. И. Лучицкого от имени бюджетной комиссии по Госуд. контролю и выступления с.-д. Покровского. См. Стеногр. отчет III Думы, сессия I, часть II, засед. 38.)

При обсуждении сметы Синода, представитель с.-д. фракции Белоусов, отстаивая отделение церкви от государства, заявил, что с.-д. считает религию частным делом отдельного человека. (См. Стенограф. отчет III Думы, I сессия, II часть, заседание 40.) По этому поводу в передовой статье № 27 «Пролетария» отмечается, что требование признания религии частным делом относится только к государству, для партии же «религия — враг и тем социал-демократам, которые не исполняют по мере сил своего партийного долга борьбы с этим врагом, едва ли ужиться в нашей партии». (В № 44 «Пролетария» напечатан отчет о прениях в самой думской с.-д. фракции по вопросу об отношении с.-д. к религии.)

Наконец по вопросу об Амурской ж. д. было выступление деп. Чиликина, который «отдельно от фракции и в разрез с ее голосованием... осмелился говорить за разрешение правительству расходовать деньги на Амурскую жел. дор., ибо, видите ли, его местные избиратели того желают». Речь Чиликина встретила неоднократное одобрение со стороны правых скамей (см. Стеногр. отчет III Думы, I сессия, часть II, заседание 41). На ряду с этими политически неправильными выступлениями фракции имел место ряд удачных, которые давали достаточный агитационный материал для характеристики сущности Думы, контр-революционных партий и для суждения о роли с.-д—ии.

Таким было выступление фракции по продовольственному вопросу, о помощи населению, пострадавшему от неурожая 1907 г. С.-д. ораторы (Чхеидзе, Кузнецов) резко критиковали постановку правительством продовольственного дела; была указана необходимость разрешения аграрного вопроса и выражено недоверие правительству. Фракция воздержалась при голосовании. (Стеногр. отчет III Думы, I сессия, часть I, заседание 17.) По вопросу о помощи пострадавшим «от разбойнических действий революционных партий и лиц», выступление с.-д. Покровского было отмечено в передовой «Пролетария» (№ 23), как мужественное выступление, «несомненно содействующее сближению и согласию наших депутатов со всем соц.-дем. пролетариатом». (См. выступление Покровского. Стеногр. отчет III Думы, I сессия, часть I, заседание 27.) Фракция внесла запрос о гонениях против профессиональных союзов, законопроект о свободе стачек, запрос о катастрофе на Юзовских рудниках, предложила освободить рабочие кооперативы от промыслового налога.

С началом второй сессии в думской тактике фракции было все меньше и меньше ошибок. В ряде выступлений фракция проводила в основном правильную линию. Уже при перевыборах президиума фракция заявила, что она не берет на себя ответственности за третьеиюньскую Думу и отказывается принять участие в выборах руководителей Думы. (См. Стеногр. отчет III Думы, II сессии, I часть, засед. 9, речь Кузнецова.)

При обсуждении вопроса об ассигновке 4 милл. рублей на церковноприходские школы выступило два оратора фракции. Сурков указал на то, что само крестьянство против церковно-приходских школ, что церковные школы нужны господствующим классам. Белоусов заявил, что конфессиональные школы тормозят классовую борьбу в деревне, затемняя народное сознание. Но Белоусов снова выставил ошибочное положение, что для с.-д. религия — частное дело. (См. Стеногр. отчет III Думы, II сессии, часть перв., засед. 10.)

Удачное выступление фракции было по вопросу об «исполнении воинской повинности лицами, привлеченными к дознаниям по государственным преступлениям и подвергнутыми гласному надзору». (См. Стеногр. отчет III Думы, II сессия, часть первая, засед. 14.)

Фракция внесла запрос военному министру о действиях полк. Ляхова, подавлявшего персидское революционное движение. Ни одна из фракций «оппозиции» не решилась выступать по этому вопросу. Поддерживая спешность запроса, Покровский указал, что действия Ляхова приковывают внимание всей Европы и угрожают международным отношениям России. (См. Стеногр. отчет III Думы, II сессия, часть первая, засед. 15.)

По поводу разъяснений правительства о провокационной деятельности Виленского охранного отделения, фракция заявила, что охранные отделения играют в настоящее время роль главного государственного учреждения и руководят даже большинством Думы. Правительство солидарно со своими агентами и пытается их оправдать. Фракция предложила Думе выразить недоверие правительству. (См. Стеногр. отчет III Думы, II сессия, часть первая, засед. 18, речь Гегечкори.)

Фракция энергично выступала по вопросу отсрочки доклада комиссии, носившей громоздко-чиновничье название «комиссии по рабочему вопросу по внесенному министром финансов законопроекту о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев или утративших трудоспособность на работах мастеровых, рабочих и вольнонаемных служащих, а равно членов семейств сих лиц, в промышленных и технических заведениях министерства финансов». Комиссия эта, под председательством октябриста барона Тизенгаузена целый год заседала, представив в ноябре доклад, потребовала снова возвращения доклада в

комиссию. Покровский указал на то, что еще в прошлой сессии какая-то невидимая рука снимала законопроект комиссии с повестки дня. Думское большинство не хочет поставить обсуждение этого вопроса. Егоров заявил, что «терпеть больше нам не в моготу. Положение рабочего класса самое трагическое (Голос справа: ох). Нигде в мире вы не найдете такого угнетения, такой эксплуатации и бесправия рабочего класса, как у нас в России». Прерываемый неоднократно председателем, Егоров закончил: «Мы через ваши головы говорим рабочим, что пускай русский пролетариат не ждет от третьей Государственной Думы своего улучшения. Это анти-рабочая Государственная Дума». Кузнецов раскрыл карты комиссии, говоря, что комиссия рассчитывала удовлетворить требования рабочих в том объеме, какой будет дан самим правительством. (См. Стеногр. отчет III Думы, II сессия, часть II, засед. 13.) Фракция отклонила предложение пополнить состав рабочей комиссии, ибо, по словам Егорова, «какой бы комиссии это дело ни поручили, дело останется в том виде, в каком оно было, и рабочие от третьей Государственной Думы не получат более того, что они получили 9 января 1905 г.» (См. Стеногр. отчет III Думы, II сессия, часть I, засед. 16.)

На «декабрьской» конференции 1908 (январь 1909 г. по н. ст.) работа конференции подверглась обсуждению, и была принята специальная резолюция, отмечающая как положительные, так и отрицательные стороны в поведении фракции. Выступления фракции после конференции приняли более партийный характер. Официальные выступления от имени фракции поручались более выдержанным ее членам, в частности, определенному большевику Н. Г. Полетаеву.

[62]) *«Социал-Демократ»* — центральный орган Р.С.-Д.Р.П. с 1908 по 1917 г. Всего вышло 58 №№. Постановкой Ц.О. Ц.К. был занят всю осень 1907 и весну 1908 г. Сперва шла ожесточенная борьба фракций внутри Ц.К. из-за состава редакции, которую по существу так и не удалось организовать до переезда центральных учреждений за границу. Первоначально был намечен на пост главного редактора — Ленин и при нем редакционная коллегия из 6 человек (2 б-ка и по одному представителю от м-ков, поляков, латышей и бундовцев). Затем эта коллегия была заменена семеркой (вместо трех — два б-ка и вместо одного два м-ка); она выделила распорядительную комиссию из Ленина, Мартова и Стучки. Этой редакции так и не удалось выпустить №. После отъезда Ц.К. за границу, Бюро Ц.К. 4 января 1908 г. (22 декабря 1907 г.) выделило редакцию в составе Рожкова (Вячеслав — большевик), Горева (Игорь — меньшевик) и Снарского (представитель поляков). Этой редакции удалось составить и частично выпустить № 1 — февраль 1908 г. В ночь на 13 февраля (31 января) 1908 г. произошел провал в типографии Жирмунского в Вильне, где было взято 7 пудов № 1, не законченного печатанием (была напечатана лишь первая половина). Затем в начале марта (13) — в конце февраля (29) было захвачено 20 000 экземпляров № 1 в одной легальной петербургской типографии. Немного №№ удалось спасти, почему этот № не получил широкого распространения в России, и большинство статей и хроники было перепечатано в №№ 26 и 27 «Пролетария». Вследствие провала редакции и ближайших сотрудников (Каменев, Зиновьев) больше попыток издания «Социал-Демократа» в России не предпринималось, и он возобновился уже в 1909 г. за границей после конференции 1908 г. Редакция была выделена на августовском пленуме Ц.К. в Женеве (1908 г.) в составе 2 б., 2 м. и 1 поляка. (Ленин, Зиновьев, Мартов, Дан и Варский). После пленума 1910 г. меньшевики бойкотировали Ц.О., и он фактически стал большевистским. (См. о «Соц.-Дем.» письмо Ленина к Лео Тышко от 28.III — 1910 г. «Ленинский Сборник» III, стр. 445.) Поляки в 1910 г. заменили Варского Ледером, что вызвало протест Ленина. После же конференции 1912 г. — «Социал-Демократ» и формально стал чисто большевистским органом. — 133.

[63]) «*Франкфуртская Газета*» («*Frankfurter Zeitung*») — большая влиятельная буржуазная немецкая газета. Начала издаваться с 1856 года во Франкфурте-на-Майне. Имела специального корреспондента в Петербурге и имела хорошо поставленную информацию. — 134.

[64]) Ленин имеет здесь в виду свою статью «Политические заметки» в № 21 «Пролетария» (см. выше, стр. 126 наст. тома). Более подробно вопросов пересмотра аграрной программы Ленин касается в статьях: «Как П. Маслов исправляет черновые наброски Маркса» («Пролетарий» № 33 от 23 июля 1908 г.) и «Необходимо ли для опровержения народничества опровергнуть К. Маркса». Эти статьи включены в III главу книги «Аграрная программа с.-д. в русской революции 1905 — 1907 г.г.» (см. Сочинения, т. XI, стр. 327 — 497). — 135.

[65]) «*Меоны*» — партия мирного обновления — образовалась в 1906 г. из левых октябристов (гр. Гейден, М. Стахович), к которым примкнули правые кадеты (кн. Е. Трубецкой, Н. Н. Львов). Формально партия образовалась сразу же после роспуска I Думы. В самой I Думе группа «левых» октябристов, составившая впоследствии ядро партии мирнообновленцев, пыталась играть роль правительственной партии и возглавляла правое крыло Думы.

На первых порах после образования партия не порывала организационной связи с союзом 17 октября. Мирнообновленцы считали роспуск I Думы вполне конституционным актом, и их позицию одно время поддерживал союз 17 октября.

Размежевание с октябристами произошло после опубликования 24 августа 1906 г. правительственного сообщения о введении военно-полевых судов. Октябристы воспользовались случаем, чтобы резко подчеркнуть свою солидарность с правительством. Мирнообновленцы были против введения военно-полевых судов, против безоговорочного признания столыпинской аграрной политики. Партия мирнообновленцев вскоре распалась, а ее деятели образовали, вместе с партией демократических реформ, фракцию прогрессистов III и IV Гос. Дум. Органом мирнообновленцев был «Московский Еженедельник» (1907 г.). — 136.

[66]) Ленин имеет в виду две статьи в «Русских Ведомостях» 1908 г.: № 32 от 21 (8) февраля А. Кауфмана «Одумайтесь» и передовицу в № 34 от 23 (10) февраля, а также статьи А. Пешехонова «На очередные темы» и «Революция наоборот» в «Русск. Богатстве», 1908 г., кн. I — II. Названные статьи посвящены разбору постановления земельной комиссии Гос. Думы о воспрещении переделов общинной земли. Передовица «Русск. Вед.» пишет, что это постановление — образчик легкомысленного бюрократического творчества, равных которому немного найдется даже в «доконституционную эпоху». А. Пешехонов подробно разбирает акты правительства в аграрном вопросе, называет их «революцией наоборот» и делает вывод: «революцию, раз нельзя без этого обойтись, правительство произведет, но только в сторону, как раз обратную той, в которую стремится народ, — в сторону личной, а не коллективной собственности, в сторону буржуазного, а не трудового хозяйства».

«*Русское Богатство*» — ежемесячный журнал, выходил с 1876 года под ред. Н. Савича и вначале был посвящен вопросам экономическим. С 1880 года редактором журнала стал Н. Н. Златовратский, в начале 90-х г.г. журнал сделался главным органом народников. В 1892 — 1895 г. выходил под ред. С. Н. Кривенко и В. П. Воронцова («В. В.»). С 1895 г. по 1904 г. во главе журнала стоял Н. К. Михайловский, ближайшие сотрудники — В. Г. Короленко, А. Г. Горнфельд, А. В. Пешехонов, С. А. Венгеров, Н. А. Рубакин, В. М. Чернов, Н. И. Кареев и др. После революции 1905 года «Русск. Бог.» фактически становится органом эн-эсов, лидеры партии — виднейшие сотрудники журнала — Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин, А. Б. Петрищев, А. В. Пешехонов. Закрытый в 1906 году журнал тогда же

выходил под названием «Современные Заметки» и «Современность» — ред. В. А. Мякотин. В 1907 году журнал снова стал выходить под старым названием. Был закрыт военной цензурой 1914 года и до революции выходил под именем «Русские Записки», после революции снова под старым названием. В 1918 году издание «Русск. Бог.» прекратилось. — 136.

[67]) Настоящая статья В. И. с небольшими сокращениями также была напечатана в сб. «О веяниях времени». Спб. 1907 г. — 138.

[68]) Со второй половины 1907 г. в тесной связи с общей победой контр-революции шло энергичное наступление капитала на рабочий класс.

В первую очередь руководство экономической борьбой со стороны с.-д. выразилось в отношении к профессиональному движению. Центральный Комитет и местные организации уделяют много внимания вопросам профессиональной работы.

В № 21 «Пролетария» напечатана резолюция Ц. К. о профсоюзах, составленная в результате работы профессионально-кооперативной комиссии Ц. К. и написанная большевистскими членами Ц. К. (Зиновьев и Рожков). Меньшевики (Жордания, Горев) голосовали за большевистский проект резолюции. В Ц.К. резолюция была принята единогласно. Резолюция указывала, что работа с.-д. в профессиональном движении должна вестись в духе резолюций V съезда и Штутгартского конгресса, в направлении все большего сближения союзов с с.-д. партией. Признание профсоюзов социал-демократическими должно быть исключительно результатом пропаганды и агитации с.-д. внутри профсоюзов. Репрессии правительства привели к массовому закрытию проф. союзов. В данный момент резолюция на первую очередь выдвигала задачу создания сплоченных организационных ячеек в отдельных предприятиях. Эти ячейки, организуемые на всех фабриках и заводах, на всех ремесленных и торговых предприятиях, явятся первичными профессиональными организациями. Социал-демократы должны образовывать группы в таких организациях и систематически работать в них под руководством местных партийных центров. В тех местах, где полицейские репрессии разбили легальные профсоюзы, предлагалось организовывать нелегальные профсоюзы. В их основу должна быть положена организация возможно большего числа рабочих в профессиональную ячейку данного предприятия, причем внутри этой ячейки необходимо особо организовать профессиональную группу с.-д — ов данного предприятия. В легальных обществах такого типа, как общество взаимопомощи, общество трезвости и т. д. — также необходимо организовать группы с.-д — ов, разъясняя, что при этом такие общества не могут заменить боевых профсоюзов. В заключение резолюция подчеркивала, что «нелегальные союзы должны вести упорную борьбу за легальность, причем легальное существование не должно принижать боевых задач профессиональной организации пролетариата».

В № 22 «Пролетария» вслед за статьей Ленина «Нейтральность профессиональных союзов» опубликованы два письма Ц. К. к организациям от профессионально-кооперативной комиссии при Ц. К. В № 23 «Пролетария» напечатано письмо Ц. К. о социал-демократической работе в профсоюзах.

Боевым вопросом в работе с.-д. в профсоюзах был вопрос о «нейтральности». В одном из своих отчетов Ц. К. пишет, что в настоящее время никто из членов Ц. К. не признает себя «чистым» нейтралистом. Но все же план создания внутри профессиональных союзов сплоченных и постоянных с.-д. групп встретил со стороны меньшевиков сопротивление. Ц. К. было принято компромиссное решение: с.-д. образуют стачечные группы только в правлении и в делегатском собрании, а заводские и с.-д. ячейки созываются только в отдельных случаях, по особенно важным вопросам. Письмо Ц. К. («Пролетарий» № 28) от 16 февр. 1908 г. сообщает о необходимости созыва общероссийской конференции с.-д., рабо-

тающих в проф. союзах. Ц.К. предложил этой, неосуществившейся конференции обсудить следующие вопросы: объединение с.-д. работы в проф. союзах, с.-д. пропаганда и агитация в союзах, о шагах к организационному сближению партии с союзами, борьба за свободу союзов, типы проф. организаций, организация помощи безработным, культ.-просвет. работа союзов и просветительская деятельность с.-д. среди рабочих, отношение к кооперативам и кооперат. съезду, положение промышленности, отношение к обществам взаимопомощи, трезвости и т. д., отношение к коллективному договору и примирительным камерам, третейским судам, рабочее законодательство правительства.

Меньшевики продолжали отстаивать идею нейтральности проф. союзов. Лидеры меньшевиков, находившиеся за границей, — Мартов, Дан и др. — повели борьбу против резолюции Ц. К. о профсоюзах, несмотря на то, что в Ц.К. эта резолюция была принята единогласно. — 138.

[69]) *«Наш Век»* (1905 — 1908) — сперва выходил как популярное издание газеты «Товарищ», с января 1908 г. выходил вместо «Товарища» и в январе того же 1908 г. был закрыт. Преемником ему явилась «Столичная Почта» — до того времени дешевое издание «Товарища». Цитируемое Лениным сообщение напечатано в № 967 от 22 (9) января 1908 г. — 138.

[70]) Здесь и далее Ленин цитирует следующие статьи: из № 8 декабрь 1907 г. Ц. О. п. с.-р. «Знамя Труда»: «Российская социал-демократия и профессиональные союзы» и «Профессиональный съезд и Центральное Бюро». — 141.

[71]) «Знамя Труда» приводит цитату из статьи «Отношение между профессиональными союзами и политической партией», помещенной в № 14 газеты «Вперед» от 10 (23) IX. 1907 г.

«Вперед» 1906 — 1908 — популярная газета, издававшаяся редакцией «Пролетария» — вышло 20 №№. На первом № указано издание «Пролетария» и как место издания помечена Варшава, со 2 № идет подзаголовок орган М.К. и М.О.К, к чему последовательно прибавляются с 3 № ПК, Пермский, Курский, с № 8 — Казанский Комитеты. С 4 № место издания указано вместо Варшавы и Вильно — Москва. Последний № 20 вышел 19.I (1.II) 1908 с указанием вместо Пермского и Казанского — Уральского областного К. Этот № не носит популярного характера, что объясняется тем, что «Пролетарий» в это время был перенесен за границу, и предполагалось, что «Вперед» будет играть роль руководящего большевистского органа в России. — 141.

[72]) *Музей содействия труду* — состоял при Московском отделении Русского Технического общества. Музеем, как легальным учреждением, пользовались работники профессионального движения для организационного оформления растущего профдвижения в Москве, устраивали в помещении музея собрания, печатали материалы в его «Бюллетенях». Музей стоял на почве нейтральности профдвижения и возглавлялся известным адвокатом Н. К. Муравьевым, защитником по политическим процессам; главными работниками музея были меньшевики. В информационных целях с осени 1905 г. Музей выпускал «Бюллетень музея содействия труду» — вышло 2 №№. В 1906 г. музей прекратил свою деятельность. — 141.

[73]) Точное название книги, указываемой Лениным, — Фирсов, Д. (Д. Розенблюм) и Якобий М. (М. Гендельман) «К пересмотру аграрной программы и ее обоснования». Москва «Эра». 1908 г. (книга была конфискована). Обещанного разбора ее в «Пролетарии» не появлялось. — 144.

[74]) В № 12 за 1907 г. «Современного Мира» была напечатана статья Г. В. Плеханова: «Критика теории и практики синдикализма». Статья написана по поводу книги А. Лабриола «Реформизм и синдикализм», с предисловием автора к русскому изданию. Перевод с итальянского Г. Кирдецова, под редакцией и с послесловием А. Луначарского. Изд. «Шиповник» Спб. 1907 г. Начало статьи в № 11 «Соврем. Мира» за тот же год.

На ту же тему статьи Плеханова в «С. М.» в №№ 2 и 4 за 1908 г. (перепечатано — Плеханов, Соч. т. XVI).

«Современный Мир» (1906—1918) начал выходить осенью 1906 года вместо закрытого в административном порядке «Мира Божьего». Журнал выходил под ред. Н. И. Иорданского при ближайшем участии Плеханова. В «С. М.» участвовали виднейшие меньшевистские литераторы: Л. Мартов, Ф. Дан, В. Кранихфельд и «внефракционные» как Ю. Стеклов, Г. Цыперович и др. Ленин писал Горькому о «Современном Мире», что его направление «зачастую меньшевистски-кадетское (теперь [1910 г.] с уклоном в сторону партийного меньшевизма»). («Ленинск. Сборник» 1, стр. 12.) В период наибольшего сближения с плехановцами в «С. М.» участвовали и большевики. Во время войны «С. М.» стал органом социал-патриотизма. В революцию 1917 г. журнал отстаивал позиции группы «Единство», после Октября занял позицию, активно враждебную Советской власти. — 145.

[75]) Луначарский ссылается на два заявления Маркса о профсоюзах: из послания к секциям Интернационала—напечатаны в книге Иекк «Интернационал» (изд. «Знание», стр. 258 и 259). Плеханов этим официальным заявлением противопоставил цитату из разговора Маркса с одним немецким профессионалистом 60-х годов. (Плеханов, Соч., том XVI, 60 стр.) — 145.

[76]) Ленин имеет здесь в виду статью Э. П. (Э. К. Пименовой) «Обзор иностранной жизни и политики», помещенную в 12 № «Современного Мира» за 1907 г. — 146.

[77]) Ленин говорит о передовице в «Justice» от 16 ноября 1907 года. *«Justice» («Справедливость»)* — еженедельник, с 1884 года выходил под ред. Гарри Квэлча, был центральным органом английской С.-Д. Федерации, позднее редактировался Д. Гайндманом, стал органом Британской социалистической партии. Прекратил существование в 1925 году. — 147.

[78]) *«Независимая Рабочая Партия» (Independant Labour Party;* сокращенно — *I. L. P.)* — организована в 1893 г. рабочими социалистами и вождями профессиональных союзов Шотландии и Северной Англии, во главе с Кейр-Гарди, Томом Мэном и Брусом Глейзиером. Большое влияние оказало на I. L. P. фабианское общество, проповедывавшее как единственный путь к созданию нового общества — медленное постепенное врастание капитализма в социализм. Социальный состав партии крайне пестрый, в ее рядах — рабочие, недовольные узкой цеховостью старых ремесленных трэд-юнионов, мелкая буржуазия, интеллигенция. Для теоретических взглядов партии характерно признание возможности постепенного перехода к социалистическому строю без революционной борьбы и насильственного переворота. Поэтому Независимая рабочая партия придает исключительное значение парламентской работе, частным реформам для рабочих. Вожди ее, Кейр-Гарди и Рамсэй Макдональд, решительно высказывались против классовой точки зрения, против классовой борьбы. «Нам нужны не социалисты с классовым сознанием, а сознательные социалисты».

Ко времени написания Лениным статьи I. L. P. представляла вполне определившееся оппортунистическое, ревизионистское крыло в английском рабочем движении. На Штутгартском конгрессе лидер «независимцев», Макдональд, предлагал допускать на конгрессы все искренне-рабочие (bona-fide) общества. В 1908 году на съезде рабочей партии в Гулле Независимая партия проявила себя на вопросе об отношении партии к социализму. Было выдвинуто два мнения: союз обойщиков выступил с предложением признать конечной целью парламентского рабочего правительства — уничтожение капиталистического строя и обобществление средств производства; союз механиков выдвинул резолюцию менее радикальную. Независимцы, руководившие по существу конгрессом, были про-

тив обеих резолюций. Они боялись признанием социализма отпугнуть от партии сильную федерацию горнорабочих, с которой в то время велись переговоры о присоединении ее к Раб. Партии, не хотели ссориться реформисты и с буржуазными либералами, чтобы иметь их поддержку в парламентских реформах. После провала резолюции обойщиков независимцы предполагали, что вопрос об отношении к социализму отпадет. Лидеры независимцев при обсуждении проекта механиков доказывали, что между резолюциями обойщиков и механиков нет никакой разницы, что принятие этой резолюции превратит партию в социалистическую, и после этого трудно будет оставаться в ее рядах несоциалисту. Вопреки всем стараниям «независимцев», съезд все же принял резолюцию союза механиков.

В 1908 г. в Гуддерсфельде состоялся конгресс I. L. P. Большая часть съезда вынесла резолюцию, выражавшую порицание исполнительному комитету, который на частичных перевыборах прошлого года отказался от поддержки кандидатуры Грэйсона, заявившего, что он будет выступать не в качестве просто «рабочего кандидата», а как «социалист и революционер». — 147.

[79]) *«Labour Leader» («Рабочий Вождь»)* — еженедельник Независимой рабочей партии. Основан был в 1893 году при ближайшем участии Кейр-Гарди. В 1906 — 1910 г. журнал редактируется Брусом Глейзнером. В настоящее время, вместо него, как орган Ц. К. Независимой рабочей партии, выходит «New Leader» («Новый Вождь») под редакцией Феннера Брокуэя. — 147.

[80]) Ленин цитирует здесь место из № 691 (New Series, vol. II. № 6) «Notes of the Week» — «Недельные заметки». *«The New Age» («Новый Век»)* — беспартийный социалистический еженедельник. — 148.

[81]) *«Corriera della Serra» («Вечерний Курьер»)* — влиятельная миланская буржуазная газета, выходит с 1876 г. — 150.

[82]) *«Pais» («Страна»)* — португальская республиканская газета.—151.

[83]) См. Fr. Engels. «Zur Kritik des sozialdemokratischen Programmentwurfes». «Neue Zeit» XX — 1901/1902, I. Band, № 1, S.S. 3 — 13 (Энгельс. «Критика проекта с.-д. программы»).— 152.

[84]) О Малишевском Ленин упоминает в статье «Выборы в Петербурге и кризис оппортунистов» (№ 12 «Пролетария»). В конце статьи Ленин пишет: «Соглашение с «соглашателями» наносит решительный удар меньшевизму. Васильевы, Малишевские и Ларины проложили дорогу к . . . кладбищу. В рядах меньшевиков смятение и самоисключение. Мартов изгоняет из партии Васильевых и Малишевских. Пусть же рабочие изгонят из партии дух меньшевизма». (Сочинения т. X, стр. 326 — 330.) — 152.

[85]) Герой повести Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы», тип лицемера, прикрытого елейностью. — 154.

[86]) С проповедью великодержавности и наступательной внешней политики Струве выступил в статье «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества» в «Русской Мысли» за 1908 г., кн. 1. В мартовской книге «Русской Мысли» Струве отвечает своим критикам в заметке «На разные темы. Синдикализм и махаевщина (по поводу статьи Н. М. Майского). — К спору о «Великой России». В 1910 — 1911 году в издании В. П. Рябушинского и при ближайшем редакционном участии Струве вышли книги «Великая Россия — сборник статей по военным и общественным вопросам». Кн. I и II. — 156.

[87]) *«Русская Мысль»* (1880 — 1918) — ежемесячный журнал. До 1895 года выходила под редакцией С. А. Юрьева и носила славянофильский характер. Затем руководителем журнала стал В. А. Гольцев, в журнал перешли главнейшие сотрудники закрытых тогда «Отечественных Записок». В 90-ые г.г. «Русская Мысль» оставалась органом либерально-народнической интеллигенции. В споре между марксистами и народниками журнал

занимал неопределенную позицию, печатая на своих страницах и те и другие мнения. После революции 1905 года «Русская Мысль» под ред. П. Струве сделалась органом правого крыла кадетской партии и проповедывала примирение с «исторической» властью, обосновывала и защищала империалистическую политику. В области философии «Русская Мысль» былой позитивизм заменила идеалистическими позициями веховцев. После Октябрьской революции журнал стал издаваться под ред. Струве заграницей и объединяет вокруг себя кадетов с монархистами. — 156.

[88]) Полемика между «Vorwärts» («Вперед») Ц. О. германской с.-д. и Зюдекумом имела место в следующих статьях. В № 44 от 21.XI.1908 г. в «Vorwärts» появилась статья «Wahlrechtskampf — Klassenkampf» («Борьба за избирательное право — классовая борьба»), основные положения которой вызвали критику известного ревизиониста Зюдекума в его корреспонденции из Берлина под характерным заглавием «Die Taktik der Reaktionäre» — «Тактика реакционеров» (корреспонденция появилась в газете «Sächsische Arbeiterzeitung» («Саксонская Рабочая Газета»), что в свою очередь вызвало ответ «Vorwärts'a» в № 48 от 26 февраля под заглавием «Eine Verleugnung des Klassenkampfes» («Отречение от классовой борьбы»), где на ряду с подробным изложением взглядов Зюдекума была дана резкая их критика. — 159.

[89]) Настоящая статья является хроникерским изложением доклада Ленина. 18 марта 1908 года в Женеве состоялся международный митинг по поводу трех пролетарских годовщин: 25-летия смерти Маркса, 60-летия мартовской революции 1848 г. и годовщины Парижской Коммуны. На митинге Ленин выступил с докладом от имени Р.С.-Д.Р.П. Доклад дается по хроникерской записи, данной в № 2 «Заграничной Газеты» от 23 марта 1908 г. — 162.

[90]) Оценку Коммуны Маркс делает в письмах к Кугельману от 12 и 17 апреля 1871 г. (см. К. Маркс — Письма к Л. Кугельману, с предисловием редакции «Neue Zeit». Перевод с немецкого М. Ильиной под ред. и с предисловием Н. Ленина. Изд. «Новая Дума». Спб. 1907. Стр. 87 — 90). — 163.

[91]) Ленин цитирует следующую статью из «Русских Ведомостей»: Л. Н. «Карл Маркс», № 51 от 14 (1) марта 1908 г. — 165.

[92]) *«Journal de Débats» («Газета Прений»)* — одна из самых старых французских газет, основана в августе 1789 г. С 1848 г. получает ярко выраженную либеральную окраску. С конца 90-годов становится вечерней газетой. По существу — «орган либерального католицизма». В мировой войне занимала крайние шовинистические позиции. — 168.

[93]) Статья напечатана в качестве передовой в 26 № «Пролетария». Она основана на ряде фактов и сообщений, извлеченных из № 7 «Социальдемократа». Статья «К организационным вопросам» написана Г. Е. Зиновьевым, факты, приводимые Лениным, заимствованы из корреспонденций с мест. — 169.

[94]) По данным, извлеченным из «Пролетария», можно указать на следующие местные газеты: на Урале — издания Уральского Областного Комитета — «Рабочий», «Уральский Рабочий», «Солдатская Газета», «Крестьянская Газета», «Листок Уфимского Комитета», «Уфимский рабочий» (Уфа), «Рабочий Листок» (Вятка), «Листок Барнаульского Комитета», «Тюменьский рабочий» (№ 1 вышел 10 сент. 1907 г.). В Севастополе: «Рабочий» (№ 1 — дек. 1907 г.) и «Солдат», Одесса — «Рабочий», Петербург — «Вперед», Баку — «Пролетарий», Тифлис — «Борьба». «Борьба» — орган Николаевского Комитета. — 171.

[95]) Настоящая статья Ленина первоначально была напечатана в № 1 Ц. О. «Социал-Демократа» со следующим примечанием: «Редакция считает нужным заметить, что критикуемый автором образ действий фракции по вопросу о расширении бюджетных прав Думы целиком был одобрен

думской комиссией Ц.К-та». Статья перепечатана в № 27 «Пролетария» (вышедшем 8 апреля (26 марта)). Что касается обещания «подробно рассмотреть ошибки» с.-д. фракции, то в следующем № (28) «Пролетария» есть статья «С партией или без партии», статья, повидимому, написанная в значительной части Лениным. В конце ее поставлен фракции ультиматум, очевидно, это приписка Богданова, который, не уведомив Ленина о своих дополнениях и поправках, прямо послал ее в набор (см. прим. 61). Этим обстоятельством объясняется непомещение ее в настоящем томе. — 173.

[96]) *«Наша Газета»* — политическая, литературная и экономическая ежедневная газета; выходила после прекращения «Столичной Почты» с 16 (29) марта 1908 г. в том же составе сотрудников. Редактор-издатель В. П. Коньков, сотрудничали в газете — С. Прокопович, В. Португалов, А. Яблоновский, И. Жилкин, Д. Философов, Н. Минский, Л. Гуревич. В том же 1908 г. была закрыта в административном порядке. — 173.

[97]) Ленин цитирует «передовицу» из «Речи» № 65 от 29 (16) марта 1908 г. — 174.

[98]) Против трудовиков и «радикальничающей» интеллигенции П. Струве выступал в «Русской Мысли» статьями «Консерватизм интеллигентской мысли. Из размышлений о русской революции.», № 7 за 1907 г. и «Тактика или идеи» с тем же подзаголовком «Из размышлений о русской революции» в № 8 1907 г. — 174.

[99]) «Гурковская» точка зрения — по имени В. И. Гурко, товарища министра внутренних дел. В I Государственной Думе выступая с докладом от министерства, Гурко защищал полную неприкосновенность частной собственности на землю. В брошюре «По аграрному вопросу» (СПБ. 1906) он утверждал, что передача всей земли или хотя бы значительной ее части в крестьянские руки не только не повысит благосостояние крестьянской массы, но наоборот ввергнет ее в величайшую нищету. Продолжая эту мысль, он писал, что передача земли исключительно в пользование крестьян практически неосуществима и экономически пагубна для страны.—175.

[100]) Ленин говорит о книге П. Милюкова «Год борьбы. Публицистическая хроника 1905 — 1906 г.». Издательство «Общественная Польза», СПБ. 1907. В книге собрано почти все, что было написано Милюковым на политические темы за период — с ноября 1904 г. по конец мая 1906 г. Упоминаемая Лениным передовица «Речи» (1906 г. № 82 от 25 мая) перепечатана в книге с названием: «Задачи местных аграрных комитетов в понимании с.-д. и к.-д., стр. 457 — 460. Там Милюков писал: «Мы не верим в возможность организованного выступления масс в настоящий момент... постараемся, насколько от нас будет зависеть, сохранить за местными комитетами по земельным делам их служебный и специально деловой характер... при нашем понимании местные комиссии должны служить, конечно, ближайшим целям реформы, а не целям организации страны для фантастического революционного удара». — 176.

[101]) Ленин имеет здесь в виду, кроме указанной статьи Милюкова (см прим. 100), следующие кадетские произведения: кадетский сборник «Аграрный вопрос» 2 тт., изд. П. Долгорукова и И. Петрункевича, — статьи А. И. Чупрова «К вопросу об очередной реформе» и Н. Кутлера «Проект закона о мерах к расширению и улучшению крестьянского землевладения», — находятся во 2-м томе сборника. — 176.

[102]) *Статья «Марксизм и ревизионизм»* впервые появилась в сборнике «Памяти Карла Маркса» (1818 — 1883) к 25-летию со дня смерти (1883 — 1908). Изд. О. и Л. Кедровых. СПБ. 1908. Предварительное сообщение об этом сборнике появилось в заметке от редакции «Сборника» «О веяниях времени». СПБ. 1908 г. Изд. «Творчество»: «В данном сборнике, говорится в предисловии, мы помещаем лишь статью, посвященную 60-летнему юбилею «Коммунистического Манифеста». Совпадающему с этим юбилеем 25-летию

со дня смерти его гениального творца Карла Маркса будет посвящен специальный сборник «Памяти Карла Маркса», имеющий выйти к 1 мая с. г.». По сравнению с объявленным предварительно содержанием в Сборнике, посвященном Марксу, произошел ряд изменений. Не приняли участия некоторые авторы (Дм. Лещенко, И. Степанов, М. Покровский, Н. Троцкий, А. Луначарский). Не было дано обещанной библиографии. Содержание сборника в окончательном виде, как он вышел в свет, было таково: Ю. Невзоров — «Жизнь и деятельность К. Маркса», Н. Рожков — «Карл Маркс и классовая борьба», В. Базаров — «К вопросу о философских основах марксизма», Ю. Стеклов — «Маркс и анархизм», А. Финн - Енотаевский — «К. Маркс и рабочие», Г. Роланд-Гольст — «Маркс и пролетариат в буржуазной революции», В. Ильин — «Марксизм и ревизионизм», Р. Люксембург — «Памяти К. Маркса», Г. Зиновьев — «Маркс и Энгельс», Ю. Каменев — «От демократизма к социализму», Ю. Стеклов — «Политическая деятельность К. Маркса», П. Орловский — «К истории марксизма в России», М. Таганский — «Маркс о России». Книга по выходе в свет подверглась аресту. Сборник имеет большое значение для истории большевизма. Он вышел в момент напряженной и все более и более обострявшейся борьбы вокруг философских вопросов, в частности в связи с выходом махистского сборника «Очерков по философии марксизма» (СПБ. 1908). В сборнике приняли участие: В. Базаров, Я. Берман, А. Луначарский, П. Юшкевич, А. Богданов, И. Гельфанд и С. Суворов). Ленин по поводу сборника писал Горькому (25. II. 1908): «Нет, это не марксизм! И лезут наши эмпириокритики, эмпириомонисты и эмпириосимволисты в болото. Уверять читателя, что «вера» в реальность внешнего мира есть «мистика» (Базаров), спутывать самым безобразным образом материализм и кантианство (Базаров и Богданов), проповедывать разновидность агностицизма (эмпириокритицизм) и идеализма (эмпириомонизм), — учить рабочих «религиозному атеизму» и «обожанию» высших человеческих потенций (Луначарский), объявлять мистикой Энгельсовское учение о диалектике (Берман), — черпать из вонючего источника каких-то французских «позитивистов» — агностиков или метафизиков, черт их поберет, с «символической теорией познания» (Юшкевич)! Нет, это уж чересчур». («Ленинский Сборник» I, стр. 92.)

Представителем махизма явился такой влиятельный большевик, каким был тогда А. А. Богданов, бывший членом редакционной тройки «Пролетария», и не он один, а и еще двое видных литераторов — А. В. Луначарский и В. Базаров. У меньшевиков философскими ревизионистами выступили лица гораздо менее влиятельные в меньшевистской фракции — Валентинов, Юшкевич, Семковский. Ленин, борясь с воззрениями философского ревизионизма, стремился в то же время подчеркнуть отмежевание большевизма от махизма. «Мы должны подраться из-за философии так, чтобы «Пролетарий» и большевики, как фракция *партии, не были этим задеты»*, писал Ленин Горькому, 25 февр. 1908 г. («Ленинский Сборник» I, стр. 94). Несмотря на то, что начинались уже и фракционные разногласия (бойкотизм и отзовизм), большевики пока еще выступали единым фронтом против меньшевиков. Ленин подчеркивает это в письме Горькому от 25. II. 1908 г.: «Мы тактику вели и ведем до сих пор без разногласий (единственное разногласие о бойкоте 3-ей Думы, но оно во 1-х, никогда не обострялось между нами даже до намека на раскол; во 2-х, оно не соответствовало разногласию материалистов и махистов, ибо, например, махист Базаров, был, как и я, против бойкота». «Ленинский Сборник» I, стр. 93). Несмотря на стремления отделить философские разногласия от фракции большевиков в редакции «Пролетария» создавалась атмосфера раскола. Предохраняя фракцию от политического раскола, Ленин выступает, вместе с тем, против попыток затушевать разногласия, против нейтральности: «Нейтральности в таком вопросе быть не может и не будет», пишет он. На указание

Горького, что меньшевики выиграют от философской драки между большевиками, Ленин возражал в письме от 24. III. 1908: «Ошибаетесь, глубоко ошибаетесь, А. М.! Они выиграют, если бековская фракция не отделит себя от философии трех большевиков [А. Богданов, В. Базаров, А. Луначарский]. Тогда они выиграют окончательно. А если философская драка будет идти вне фракции, то меньшевики будут окончательно сведены на политику, и тут им смерть». («Ленинский Сборник» I, стр. 99.)

Журнал «Die Neue Zeit» (№ 20 от 14. II. 1908 г.) поместил перевод статьи А. Богданова «Э. Мах и революция». В предисловии переводчика сообщалось, что разногласия Плеханова и Богданова имеют тенденцию стать фракционными разногласиями большевиков и меньшевиков. Рассказывая Горькому об этом эпизоде, Ленин пишет: «Этими словами писавший предисловие дурак или дура нас сплотили. Мы сразу сошлись на том, что заявление о нашей нейтральности безусловно необходимо теперь в первом же номере «Пролетария». Заявление составили, единогласно утвердили, завтра оно выходит в № 21 «Пролетария» и посылается Вам». («Лен. Сб.» I, стр. 93.) Редакция «Пролетария», как идейная представительница большевистского течения, заявила: «Этот философский спор фракционным не является и, по мнению редакции, быть не должен; всякая попытка представить эти разногласия, как фракционные, ошибочна в корне. В среде той или другой фракции есть сторонники обоих философских направлений». («Пролетарий» № 21 от 26 февраля 1909 г.)

Большевистский центр вынес решение, которое сводилось к отделению философских споров от фракционных дел и недопущению спорных вопросов философии на страницы «Пролетария». Но необходимо было отделить большевистскую фракцию от философии трех большевиков-махистов. Борьба с философским ревизионизмом разрасталась. 16-го апреля 1908 г. Ленин пишет Горькому: «Я уже *послал в печать* самое что ни на есть формальное объявление войны. Дипломатии здесь уже нет места». Эти слова и относятся к статье «Марксизм и ревизионизм», посланной в подготовлявшийся тогда сборник «Памяти Карла Маркса» (собственно к примечанию в данной статье, см. стр. 185 наст. тома).

Таким образом в сборнике «Памяти Карла Маркса» были представлены непримиримые точки зрения на марксистскую философию: — ленинская — последовательно-материалистическая и базаровская — идеалистически-махистская. В сентябре 1908 г. Ленин закончил свою философскую работу против эмпириокритицизма («Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии»), которая вышла в свет весной 1909 г. в Москве (см. Сочинения т. XIII).

Вместе с тем углубляется раскол фракции. Большинство махистов были сторонниками «бойкотизма», «отзовизма» и «ультиматизма». В начале 1909 г. «Пролетарий» нарушил молчание по спорным философским вопросам, напечатав статью Каменева «Не по дороге» (№ 42 от 25/12. II. 1909 г.). В июне 1909 г. на совещании расширенной редакции произошел окончательный разрыв с группой Богданова, Луначарского и др. (см. Сочинения т. XIII, примечание 2-е). — 179.

[103]) Здесь Ленин приводит отзыв Маркса о буржуазно-профессорском отношении к Гегелю в предисловии ко 2-му изданию первого тома Капитала: «крикливые, претенциозные и ограниченные эпигоны, задающие тон в современной образованной Германии, с особенным удовольствием третировали Гегеля, как некогда, во времена Лессинга, доблестный Моисей Мендельсон третировал Спинозу, а именно как «мертвую собаку». (См. также письма Маркса к Кугельману.) — 185.

[104]) Э. Бернштейн выступил с критикой учения К. Маркса в 1897 г. в статьях «Probleme des Sozialismus» («Проблемы социализма»), напечатанных в «Neue Zeit». Критика Бернштейна касалась не только экономического учения Маркса, не только его социологической теории, но и

философии, диалектического материализма. Бернштейнианство по существу своему выражало мелкобуржуазные тенденции, проповедуя, вместо классовой борьбы, сотрудничество классов, отрицая необходимость диктатуры пролетариата, требуя блока социал-демократии с либеральными партиями, отказываясь от революционной диалектики. Сборник статей Бернштейна вышел отдельной книгой «Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie». Dietz-Verlag 1899 г.—«Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». Сторонниками непримиримой классовой борьбы и верности основам марксизма явились ортодоксы. Первым выступил с критикой Бернштейна Парвус, заявивший о наличии ревизионизма в германской социал-демократии. Вслед за ним обстоятельной критике с точки зрения ортодоксального марксизма подвергли Бернштейна Р. Люксембург, Г. Плеханов и К. Каутский. Вопрос о ревизионизме впервые широко обсуждался на Штутгартском съезде, происходившем в октябре 1898 г. Среди противников Бернштейна обнаружилось два течения: большинство, во главе с К. Каутским и А. Бебелем, высказывалось за идейную борьбу с Бернштейном, за разоблачение его ошибок, но против применения к нему каких-либо организационных мероприятий; меньшинство (Парвус и Р. Люксембург) занимало более резкую позицию.

В октябре 1899 г. ганноверский партейтаг разбирал вопрос о «нападении на основные взгляды и тактику партии».

Ревизионисты (Давид) требовали пересмотра политики и тактики социал-демократии и превращения ее в партию демократических реформ. Съезд принял резолюцию, сохраняющую прежнюю тактику партии. Оживленные прения вокруг ревизионизма развернулись на любекском съезде в сентябре 1901 г. Бернштейн, выступая на съезде, требовал «свободы критики». Была принята резолюция Бебеля: «Съезд признает безусловно необходимость самокритики для дальнейшего духовного развития нашей партии. Но крайне односторонний характер той критики, которой занимается Бернштейн в последние годы, не вдаваясь в критику буржуазного общества и его представителей, поставил его в двусмысленное положение и вызвал недовольство большинства товарищей. В надежде на то, что т. Бернштейн сознает это и соответственно изменит свое поведение, съезд переходит к очередным делам». Острее поставил вопрос о ревизионизме дрезденский партейтаг (1903), осудивший всякую попытку затушевать классовые противоречия. Резолюция была принята большинством 288 против 11, в числе которых были все виднейшие ревизионисты — Бернштейн, Давид, Эльм и др.

В 1908 г. оппортунистическое течение германской с.-д. подняло широкую кампанию в ежемесячном журнале «Sozialistische Monatshefte», в котором активно сотрудничал Бернштейн. На страницах этого журнала сторонники ревизионизма давали «теоретическое обоснование» необходимости доброжелательного отношения с.-д. к либеральной буржуазии. Борьба ортодоксии и ревизионизма из области теоретической по преимуществу переходила на почву практическую. При обсуждении бюджета большинство немецких с.-д. голосовало против, считая бюджет буржуазного общества средством классового подчинения пролетариата классу капиталистов. Баденская и баварская с.-д. фракции заявили, что, «не принимая на себя ответственности за все детали бюджета, все же в принципе одобряют финансовый закон». Буржуазная пресса не только Германии, но и России («Речь» № 186 — 1907 г.) сочувственно встретила это решение ревизионистов. На нюрнбергском партийном съезде (1908 г.) лидер южно-германских оппортунистов Давид заявил, что партия до сих пор руководилась «отвлеченными принципами классовой борьбы», теперь должны взять верх сторонники реформистских, парламентских методов борьбы. Сторонники вотировавшия бюджета на съезде угрожали расколом партии. Большинством 258 голосов против 119 была принята резолюция партийного правления, постановив-

шая не вотировать бюджет. Еще ярче отразилась «практическая» деятельность ревизионистов в «случае» с Носке, который, являясь депутатом в Рейхстаге, выступил там с программной речью и заявил, что германская социал-демократия в каждой оборонительной войне будет на стороне «своего» правительства и не оставит «отечества» на произвол судьбы.

Борьба между ортодоксами и ревизионистами оказалась неизбежной и в других странах. Во Французской рабочей партии ортодоксально-марксистское направление возглавлялось Гэдом. Еще в 1882 г. на Сент-Этьенском конгрессе Французская партия раскололась на *гэдистов*, требующих проведения революционной политики и диктатуры пролетариата, и поссибилистов или бруссистов. Последними руководил Поль Брусс, пытавшийся сочетать марксизм с прудонизмом, затушевывавший социалистические и коммунистические цели пролетариата, считавший, что социализм осуществим лишь путем последовательного проведения в жизнь отдельных частных требований, возможных (possibles) в данный момент. П. Брусс, пришедший к социализму через анархизм, являлся ярким выразителем перерождения социализма в буржуазно-демократическое движение.

В 900-х годах во главе Французских ревизионистов стал Жорес, лидер парламентской Фракции объединившейся в 1905 г. Французской социалистической партии, социалист, пытавшийся примирить марксизм с идеализмом, сторонник классового сотрудничества, и поддерживавший Мильерана.

Представителем ортодоксально-марксистской точки зрения в бельгийской рабочей партии был Луи Брукер, впоследствии ярый оппортунист. С его докладом и проектом резолюции о профессиональном движении солидаризировался Ленин на Штутгартском конгрессе. Позднее, в 1911 году, Брукер написал брошюру «Рабочее движение в Бельгии» и дал в ней критику реформизма в бельгийской рабочей партии. Ревизионистское крыло бельгийской партии возглавлял Э. Вандервельде, систематически проводивший политику блока с либеральной партией. В области Философии Вандервельде открыто выступал против диалектического материализма.

Выступавшие в защиту теории революционного марксизма против ревизионистов теоретики II Интернационала — Каутский, Плеханов, Гэд — изменили революционному марксизму с наступлением мировой войны. Только немногие из марксистов-теоретиков остались верными революционному марксизму. — 188.

[105]) Синдикализм явился как реакция на парламентский реформизм и на оппортунистическую политику социалистических партий, распространялся, главным образом, в романских странах. Резко критикуя буржуазное общество, все синдикалисты считали, что освобождение рабочего класса должно быть делом рук самих рабочих, понимая это положение как независимую от политики экономическую борьбу труда с капиталом. Парламентской тактике реформистов они противопоставляли отрицание политики и так называемое «прямое действие». Синдикалисты отрицали роль партии, рассматривая партию только как механизм, предназначенный для уловления голосов избирателей. Исходя из таких соображений, синдикалисты враждебно относились к идее диктатуры пролетариата, считая, что рабочие должны стремиться не к овладению государственной властью, а только к разрушению государства. Единственной организацией рабочего класса они считали профессиональные организации (синдикаты), преследующие цели экономической борьбы и только таким путем ведущие пролетариат к социализму. Уличные демонстрации, бойкот, саботаж и, наконец, всеобщая забастовка — такова тактика революционных синдикалистов. Всеобщая социальная стачка, имеющая целью экспроприацию в общественную пользу орудий и средств производства, должна быть, по мнению синдикалистов, решающим и единственно верным средством перехода к социализму.

Одно время (1906—1909) синдикализм стал распространяться в России: им увлекались экономисты — Теплов, Кричевский; из большевиков к нему склонялся А. В. Луначарский.

До войны 1914 года синдикалисты вели анти-патриотическую, антимилитаристическую пропаганду. Судьбы синдикализма в мировой войне ярче всего сказались на французском синдикализме, который имел большое влияние на проф. движение. Большинство французских синдикалистов склонилось к шовинизму (Жуо), часть — составила правую Циммервальда (А. Мергейм, впоследствии шовинист, соратник Жуо), наконец третья группа приняла активное участие в Комитете по возобновлению международных связей и примкнула к циммервальдскому центру (Монмуссо, Монат, Росмер). Последние издавали орган «La Vie ouvrière» («Рабочая Жизнь») и явились организаторами и участниками Комитета III Интернационала, преобразованного в мае 1919 года из комитета по международным связям. Эта группа примыкала к Коммунистическому Интернационалу в его первый период. Но лидеры этого направления не могли целиком преодолеть свои синдикалистские предрассудки и, за некоторыми исключениями, отошли от Коммунистического Интернационала. Основная группа синдикалистов, руководящая французской Конфедерацией Труда, работает теперь в контакте с социалистической партией и проповедует сотрудничество классов. — 189.

[106]) Ленин в настоящей статье разбирает содержание 3 № «Голоса С.-Д.» и, в частности, статьи: Г. В. Плеханова «Заметки публициста» (к 25-летию со дня смерти К. Маркса) и Ф. Дана «Пролетариат и русская революция».

«Голос Социал-Демократа» — меньшевистский орган — 1908—1911 г.г. Всего вышло 26 №№. Возник после меньшевистского совещания, которое состоялось в конце января 1908 г. в Женеве. На совещании присутствовали П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан, Л. О. Дан-Цедербаум, Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов, О. В. Аптекман, М. Ф. и А. И. Назарьевы-Петровы, А. К. Пайкес-Соколов и др. На совещании наметились две основные точки зрения: Ф. И. Дан был против открытого разрыва с нелегальной организацией, считая возможным проводить в ней меньшевистское влияние. Ю. О. Мартов отрицательно относился к попыткам воскрешения нелегальных форм деятельности. На этом совещании победила средняя точка зрения Аксельрода. Н. И. Жордания, Дан и Мартынов предлагали издавать «Голос Социал-Демократа», как орган кавказских комитетов, выделявшихся своим примиренческим отношением к большевикам. Аксельрод и Мартынов настаивали на полной самостоятельности новой издательской группы, которая позволяла бы входить в соглашение с различными комитетами и кружками. Большие споры вызвал вопрос о сохранении партийного заголовка на издании. Против него высказался Мартов, предполагая издавать «Голос С.-Д.» с подзаголовком «орган русских меньшевиков», по настоянию Г. В. Плеханова это было отклонено. В конце концов было решено, что журнал будет выходить как издание самостоятельной литературной группы, но с партийным заголовком. Редакция журнала составилась из П. Б. Аксельрода, Ф. И. Дана, Ю. О. Мартова, А. С. Мартынова и Г. В. Плеханова. В январе 1908 г. вышло объявление об издании «Голоса С.-Д.», составленное Ф. Даном. По поводу выхода № 1 — 2 «Голоса С.-Д.» в 23 № «Пролетария» появилась библиографическая заметка, характеризующая журнал как «частное издание группы литераторов, связанных единством направления и настроения. Направление — меньшевистское, настроение — чрезвычайно минорное».

В декабре 1908 г. Плеханов вышел из редакции из-за разногласий по вопросу о ликвидаторстве и об отношении к идее гегемонии пролетариата. Дан и Мартов поддерживали в газете ликвидаторскую кампанию, начатую в России А. Н. Потресовым, Левицким, Ежовым, Лариным и др. С июня 1911 года издание «Голоса С.-Д.» фактически приостанавливается.

В письме Аксельрода к Дану есть замечание, что последний номер журнала встретил «более чем холодный прием». Вместо «Голоса С.-Д.» с июня 1911 по июль 1912 г. выходил непериодический «Листок Голоса Социал-Демократа», — всего вышло 6 №№. — 190.

[107]) В №№ 27 и 28 «Neue Zeit» XXXVI, 1907 — 1908. Ф. Дан поместил статью «Die Bedingungen der erneuten Aufschwungs der russischen Revolution» («Условия нового подъема революции в России»). — 194.

[108]) Кнехт — батрак, безземельный крестьянин. — 194.

[109]) В рижском охранном отделении, руководимом Грегусом (казнен за шпионаж в пользу Германии во время войны 1914 г.), применялись зимою 1905 — 1906 г. утонченные пытки арестованных латышей - аграрников. При запросе об этом в I Государственной Думе Столыпин отрицал пытки, а наличие громадного набора инструментов для пыток объяснял тем, что при охранном отделении создан «музей пыток». — 194.

[110]) Г. В. Плеханов в своей статье говорил о «Введении» Энгельса к «Классовой борьбе во Франции от 1848 г. до 1850 г.» К. Маркса, написанном в 1895 г. На это Введение ссылались обычно все ревизионисты, желая доказать, что в этой работе Энгельс отрекался от своего революционного прошлого и завещал избегать сделанных им и Марксом ошибок. Теперь известно, что Введение было «проредактировано» оппортунистическими вождями немецкой соц.-дем. В письме к Лафаргу Энгельс писал: «Х. сыграл со мною недурную штуку. Из моего Введения к статьям Маркса о Франции — он взял все, что могло послужить ему для защиты *во что бы то ни стало мирной* и *противонасильственной* тактики, которую ему с некоторого времени угодно проповедывать». Еще резче Энгельс пишет Каутскому: «К моему величайшему изумлению я нахожу сегодня в «Vorwärts» извлечение из моего Введения, напечатанное без моего ведома и таким образом скомпанованное, что я превращаюсь в мирного поклонника законности quand même [во что бы то ни стало]». Зачеркнутые редакторским карандашом абзацы Введения Энгельса опубликованы Д. Рязановым; они позволяют установить подлинные взгляды Энгельса и роль ревизионистов в этой истории. (См. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» под ред. Д. Рязанова. Кн. I. М. 1924, стр. 257 — 261.) — 195.

[111]) Октябристы внесли в Государственную Думу (9 апреля — 27 марта 1908) запрос о незакономерных действиях генерала Думбадзе в Ялте. На том же заседании было сообщено: «спешность по этому запросу не заявлена и потому он передается в комиссию по запросам». Комиссия, получив присланные Думбадзе объяснения, признала их недостаточными и предложила принять запрос, но президиум Думы положил дело под сукно, — до роспуска III Гос. Думы он обсужден не был. На этой почве у октябристов произошла размолвка с правыми. — 196.

[112]) На тему о восстановлении союза Освобождения еще в феврале в № 21 «Пролетария» Ленин писал в статье «Политические заметки» (см. выше 123 — 126 стр. настоящего тома). В напечатанной в том же № (30) «Пролетария», что и настоящая статья, корреспонденции из России: — «Научная хроника. Новые опыты оживления трупов», — сообщаются подробности первого съезда этого нового союза Освобождения и попыток установления связей с другими партиями, причем на съезде упоминалось о существовавшей тогда возможности установить связи с с.-р. и меньшевиками. — 198.

[113]) Ленин цитирует статью Е. К. (Е. Кусковой) «О русском марксизме», помещенную в № 251 от 14(1) марта 1908 г. газеты «Столичная Почта». — 202.

[114]) Ленин имеет в виду статью из «Обозрения Новой Рейнской Газеты», написанную в январе 1850 г., где Маркс отмечает следующие иллюзии буржуазных республиканцев: они не видят классовых противоречий между буржуазией и пролетариатом, замечают только гнет абсолютизма,

считают буржуазную республику конечной целью и идеализируют ее, считая, что законодательством буржуазной республики можно устранить неравенство. («Aus dem Literarischen Nachlass von K. Marx und F. Engels»), (Review. London 31/I 1850 г. B. III, SS. 466—475.) — 205.

[115]) Второе издание книги Каутского вышло под следующим заглавием: «Die soziale Revolution. I. Sozialreform und soziale Revolution». 2-e Durchgesehene und vermehrte Auflage. Berlin 1907. («Социальная революция. I. Социальная реформа и социальная революция.» 2-е пересмотренное и исправленное издание. Берлин. 1907 г.). В. И. цитирует из книги следующие отделы: Vorwort zur zweiten Auflage (предисловие ко 2-му изданию) и § 7 «Die Formen und Waffen der sozialen Revolution» («Формы и оружие социальной революции»). — 207.

[116]) Взгляды Каутского на русскую революцию, выраженные им в его книге «Движущие силы и перспективы русской революции», пер. с нем. под редакцией и с предисловием Н. Ленина. М. 1907 г. (См. Сочинения т. X, стр. 227 — 231) подверглись критике Плеханова — «Заметки публициста», Письмо V. «Современная Жизнь» 1907 г. № 2 (вошло в XV т. Собр. соч. Плеханова, стр. 295 — 304) и Мартова «К. Каутский и русская революция». «Отклики» Сб. II. СПБ. 1907 г., стр. 1 — 24. — 209.

[117]) Полное заглавие статьи: Engels Fr. «Ueber historischen Materialismus» (Ф. Энгельс, «Об историческом материализме») «Neue Zeit», XI, Band I. 1892 — 1893 №№ I, II. Эта статья является немецким переводом предисловия Энгельса к изданию его брошюры «Развитие социализма от утопии к науке» — на английском языке, вышедшему в 1892 г. — 210.

[118]) Резолюция кавказской конференции (1905) по вопросу об отношении социал-демократов к Временному Правительству гласила: «Конференция в целях обеспечения для партии полнейшей свободы критики нарождающегося буржуазно-государственного строя высказывается против образования с.-демократического Временного Правительства и вступления в него... Образование социал-демократами Временного Правительства или вступление в него повело бы, с одной стороны, к отпадению от с.-д. партии широких масс пролетариата... с другой, заставит *буржуазные классы отшатнуться от дела революции и тем «ослабить ее размах»* (см. подробнее разбор этой резолюции в брошюре Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Сочинения т. VIII, стр. 90—91). — 211.

[119]) В № 4 «Дневника Социал-Демократа» Плеханов писал: «Несвоевременно начатая политическая забастовка привела к вооруженному восстанию в Москве, в Сормове, в Бахмуте и т. д. В этих восстаниях наш пролетариат показал себя сильным, смелым и самоотверженным. И все-таки его сила оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство не трудно было предвидеть. А *потому не нужно было и браться за оружие*». (Сочинения, т. XV, стр. 12.) — 212.

[120]) *X съезд левицы П.П.С.* (польской социалистической партии, расколовшейся после 1905 г. на «левицу» и рев.-нац. фракцию — «фраков») был в начале 1908 г.

П. П. С. под влиянием революции 1905 г. переживала сильнейший идейный разброд. Роза Люксембург в следующих выражениях характеризует положение в П.П.С.: «Двух месяцев революции достаточно было, чтобы привести к банкротству этого направления, в продолжение 12 лет консервировавшегося в могильном холоде абсолютизма. Четыре различных программы в течение 3 лет, бесчисленное количество скачков и тактических поворотов вправо и влево, беспримерное расстройство и деморализация внутри партийной организации П.П.С., затем раскол ее на 2 части, дальнейшее распадение одной из них на отдельные куски, колебания и замешательства в другой — такова картина положения в П. П. С.» (см. статьи Р. Люксембург о кризисе в Польской Социалистической Партии №№ 28 и 32 «Пролетария»).

П.П.С. вела ожесточенную борьбу с польской соц.-дем., и то обстоятельство, что П.С.-Д. в принципиальных вопросах чаще всего шла вместе с большевиками, настраивало меньшевиков доброжелательно к П.П.С. В эпоху первой революции «левица» П.П.С. была ближе к меньшевикам. Это продолжалось и позднее, в частности в 1912 году, когда при выборах в IV Гос. Думу меньшевики, вопреки протестам с.-д. Польши и Литвы и большевиков, приняли в состав с.-д. фракции IV Гос. Думы депутата от Варшавы пепеэсовца Ягелло. В 1919 г. значительная часть «левицы» вошла в состав польской Ком. Партии.

Указываемая Лениным фраза находится в резолюции X съезда П.П.С. «о руководящих тактических указаниях для данного момента». «Падение бюрократически-самодержавного строя будет совершаться и в дальнейшем или путем новых революционных аттак народа, или же под *давлением тех же народных сил, путем постепенных уступок и компромиссов* правительства с господствующими классами». Меньшевистский «Голос Соц.-Дем.», печатая резолюции съезда, сделал вывод, что П.П.С. «решительно встала на почву массового движения рабочего класса в практике и научного социализма — в теории», что «исчезают последние препятствия для объединения всего социал-демократического движения пролетариата русской Польши под единым знаменем». По существу, резолюции съезда выражали далеко не принципиальную ликвидацию прежних националистических позиций П.П.С., а лишь внешний компромисс между противоположными течениями внутри партии. — 212.

[121]) *«Przegląd Socjal-Demokratyczny» («Социалистическое Обозрение»)* — научный орган социал-демократии Польши и Литвы, издавался с 1907—1910 г. в Кракове под ред. Л. Иогихеса-Тышко, при ближайшем участии Розы Люксембург, Карского-Мархлевского и др. Всего вышло 19 №№. — 213.

[122]) «Очерк» этот был написан в 1908 г. для словаря Граната» — говорит послесловие к изданию 1918 г. Написанный Лениным в марте-апреле 1908 г., он не мог появиться в печати по цензурным соображениям и увидел свет только в 1918 г. в издании «Жизнь и Знание» (Библиотека обществоведения — книга 51. Москва, 1918 г. 80 стр.) Полностью рукопись не сохранилась. Остались только несколько страниц ее конца от слов: «...только сметены исконные центры хозяйства» (2-й абзац, на 270 стр. наст. тома). Рукопись напечатана на машинке.

«Очерк» основан, по собственным словам Ленина, на использовании им двух своих работ: «Развитие капитализма в России» (см. Сочинения, т. III) и «Аграрная программа с.-д. в русской революции 1905—1907 г.г.» (см. Сочинения, т. XI, стр. 327—497). Из них заимствованы все цифровые данные и ряд выводов, о чем сам Ленин в примечании на стр. 219 пишет: «Чтобы не пестрить текста цитатами, отметим здесь сразу, что большинство данных взято нами из вышеуказанной работы и из «Развития капитализма в России», 2-е изд. СПБ. 1908 г. — 215.

[123]) Точное заглавие работы следующее: «Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России». Изд. Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел. СПБ. 1907 г. Кроме общего Свода было еще 50 отдельных выпусков по каждой губернии. — 217.

[124]) Подробный подсчет по данному вопросу был опубликован Н. А. Рубакиным в газете «Сын Отечества» 3 мая (20 апреля) 1905 г. № 54, «Наша правящая бюрократия в цифрах». (Из «эпизодов о чистой публике».) Затем они перепечатаны им в его книге «Россия в цифрах». «Вестник Знания» изд. Битнера, СПБ. 1912 г. на стр. 67. — 220.

[125]) Речь идет о некоторых остатках крепостнических и полукрепостнических отношений. *Чиншевики* — вечно-наследственные арендаторы земли. Размер аренды был зафиксирован законодательным порядком. В России чиншевые отношения преимущественно существовали в Польше, Литве

и на Украине. В Белоруссии и правобережной Украине эта форма землепользования сохранялась до Октябрьской революции. *Резеши* — в Бессарабии частные владельцы имений, но их владение землей основано на началах общинного самоуправления по местным законам. Резеши владеют землей наследственно, но в случае продажи ее обязаны уступать преимущественно другим резешам того же селения. *Тептяри* — ново-башкиры, — отатарившиеся финские племена, живущие среди башкир, главным образом в пределах б. Оренбургской, Самарской и Уфимской губерний. — 221.

[126]) Ленин имеет здесь в виду следующее издание: «Сборник статистических сведений по Саратовской губернии», т. I. Саратовский уезд. Изд. Саратовского губернского земства. Саратов, 1883 г. — 221.

[127]) Ленин цитирует здесь следующую книгу: Мертваго А. «Сколько по всей России земли и как мы ею пользуемся», напечатанную совместно с работой С. Н. Прокоповича «Сколько в Европейской России земли и как мы на ней хозяйничаем». «М. Библиотека Хуторянина» 1907 г. Стр. 19 — 28. — 224.

[128]) В цитируемой Лениным книге Мертваго имеется в виду издание «Beiträge zur Kenntniss des russischen Reiches und der angränz. Länder Asiens. Auf Kosten der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften heraus. v. K. Baer und F. Gelmersen» («Очерки по изучению русского государства и прилегающих азиатских владений. Издание Академии Наук, редактированные Бером и Гельмерсеном»). Всего вышло 11 т.т. 1841 — 1845. — 225.

[129]) Полное название книги следующее: Короленко С. А. «Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи со статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношении». — 227.

[130]) Скопщина — хозяйская доля при отдаче земли под распашку из такой-то копны или снопа. — 229.

[131]) Имеются в виду следующие книги: Орлов В. И. «Формы крестьянского землевладения Московской губернии. Сборник статистических сведений по Московской губ.». Т. IV, вып. 1, изд. Московского губ. земства. М. 1879 г.

Трирогов В. «Община и подать». (Собрание исследований.) СПБ. 1882 г.

Keussler. J. «Zur Geschichte und Kritik der bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland». S. P. B. 1883 (Кейслер И. «К истории и критике крестьянского общинного землевладения». СПБ. 1883).

В. В. «Крестьянская община». (Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. I. М. 1892 г.) — 233.

[132]) «*Северный Вестник*» (1885 — 1897) — ежемесячный литературно-научный и политический журнал. Основан А. М. Евреиновой, до 1891 года продолжал традиции «Отечественных Записок», уделял особое внимание вопросам общественным и экономическим, печатал произведения народников, беллетристов — Г. Успенского, В. Короленко, статьи — Н. К. Михайловского, С. Н. Южакова, А. М. Скабичевского, А. С. Пругавина, Н. А. Рубакина, С. Н. Кривенко, Я. В. Абрамова и др. С 1891 г. журнал перешел к Л. Я. Гуревич и стал преимущественно органом русского символизма и декадентства. Руководителем и главным выразителем нового направления «Сев. Вестн.» явился А. Л. Флексер-Волынский. Близкое участие в журнале принимали в это время Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, К. Бальмонт, Ф. Соллогуб, З. А. Венгерова. В 1897 году «С. В.» прекратил существование из-за недостатка подписчиков. Указываемая статья В. В. «Новый тип местно-статистического издания» помещена не в № 11, а в № 3 за 1885 г. — 234.

[133]) Полное название работы Н. А. Карышева следующее: «Крестьянские вненадельные аренды. Итоги экономического исследования России по данным земской статистики», т. 2, Дерпт, 1892 г. — 237.

[134]) Крестьянские бюджеты обследованы в следующем издании: «Сборник оценочных сведений по крестьянскому земледелию в Землянском, Задонском, Коротоякском и Нижнедевицком уездах Воронежской губ.». Приложение к т.т. III, IV, V и VI «Сборника статистических сведений по Воронежской губ.» Изд. Воронежского губернского земства. Воронеж. 1889 г. — 245.

[135]) Настоящий очерк Жбанкова «Бабья сторона» — напечатан в книге «Материялы для статистики Костромской губернии». Выпуск восьмой. Кострома. Изд. Костромского губернского статистического комитета. 1891 г. — 247.

[136]) Точное название упомянутой Лениным работы: Drechsler, H. «Die bäuerliche Zustände in einigen Theilen der Provinz Hannover» («Положение крестьян в некоторых частях Ганноверской провинции») См. Schriften des «Vereins für Sozialpolitik»» XXIV. 1883. «Bäuerliche Zustände in Deutschland». Berichte veröffentlicht vom Verein für Sozialpolitik. Dritter Band («Записки «Общества социальной политики»». XXIV. 1883. Положение крестьян в Германии. Отчет, опубликованный «Обществом социальной политики». Том третий). — 249.

[137]) Название статьи В. В. «Разделение труда земледельческого и промышленного».

«Вестник Европы» (1866—1918) — ежемесячный журнал, основанный и редактировавшийся М. М. Стасюлевичем. Журнал отражал взгляды умеренно-либеральной бюрократии и той интеллигенции, которая считала, что главная задача для России — политические реформы в умеренно-либеральном духе. В области экономической «Вестник Европы» придерживался направления правых народников, виднейший теоретик — В. В. (В. П. Воронцов). В 90-х годах журнал вел борьбу с русскими марксистами, главным образом в статьях одного из своих сотрудников Л. З. Слонимского. В 1909 г. «В. Е.» переходит к М. М. Ковалевскому, издается при ближайшем участии К. К. Арсеньева, И. В. Жилкина, Н. А. Котляревского, В. Д. Кузьмина-Караваева, А. А. Мануилова, Д. Н. Овсянико-Куликовского, А. С. Посникова, М. А. Славинского, Л. З. Слонимского, К. А. Тимирязева. Журнал издавался до 1918 года, продолжая умеренно-либеральные традиции академической интеллигенции. — 250.

[138]) Эти данные находятся в книге «Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии», т. VIII, вып. 1, изд. Самарского губернского земства. Самара. 1892 г. — 254.

[139]) Работа М. С. Уварова носит следующее название: «О влиянии отхожего промысла на санитарное положение России». Она помещена в «Вестнике общественной гигиены, судебной и практической медицины», т. XXXI, июль 1896 г. — 255.

[140]) Имеется в виду известная книга Николая — она «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». СПБ. 1893 г. — 255.

[141]) Ленин имеет в виду следующую работу: Руднева, Н. Ф. «Промыслы крестьян в Европейской России». Сборник Саратовского губернского земства. 1894 г. №№ VI и XI. — 255.

[142]) Имеется в виду работа Н. И. Тезякова «Сельско-хозяйственные рабочие и организация за ними санитарного надзора в Херсонской губернии». Херсон. 1896 г. — 257.

[143]) Ленин имеет в виду книгу: Н. А. Благовещенского «Крестьянское хозяйство». Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям, т. 1. М. 1893 г. — 264.

[144]) Маркс, начиная с 1847 г. с «Нищеты философии» (см. «Нищета философии». Гл. II отдел IV. Собственность или рента), показал, почему экономисты, Милль и другие, требовали присвоения ренты государством. Об этом же Маркс говорит в «Теориях прибавочной стоимости», 2 книга, часть 1, и в III томе «Капитала», конец 47 главы. — 268.

[145]) *Gesindeordnung* — устав о прислуге, челяди, сохранивший в то время (1908 г.) многие черты крепостного права. К примеру один из его § гласил: «слуга должен терпеливо переносить делаемые ему словесные выговоры и не имеет права искать об обиде, если бы даже господином были употреблены при сем жесткие выражения». — 269.

[146]) Настоящая статья была написана Лениным по просьбе Розы Люксембург и Л. Иогихеса-Тышко для ознакомления польских т.т. с разногласиями внутри российской социал-демократии по вопросу об аграрной программе. Точку зрения меньшевиков изложил П. П. Маслов в статье «Аграрная программа с.-д. в российской революции», помещенной в № 7 «Przegląd S.-D.», явившейся в то же время ответом на настоящую статью Ленина. Одновременно с этим П. П. Маслов написал протестующее «Письмо в редакцию» («Голос Социал-Демократа», № 8—9, июнь-сентябрь 1908 г.), на что Ленин ответил в польской прессе (см. ниже 320 — 328 стр. настоящего тома, ст. «Несколько соображений по поводу ответа П. Маслова»), а на русское письмо ответил статьей «П. Маслов в истерике», «Пролетарий» № 37, см. ниже 366 — 374 стр. настоящего тома.

Статья была неточно переведена на польский язык с русского, почему в тексте имеются неясности. Для настоящего издания перевод с польского проредактирован заново. В статье Ленин дает подробный автореферат своей книги «Аграрная программа с.-д. в русской революции 1905—1907 г.г.», уничтоженной в то время царской цензурой. См. Сочинения Ленина, т. XI, стр. 327—497. — 276.

[147]) Статья П. Маслова в «Образовании» 1907 г., кн. 1 и 2 носит название: «О принципиальных и теоретических основах аграрной программы». — 280.

[148]) Указанное место находится в III т. «Капитала», ч. 2, отдел VI, гл. XXXVII, «Предварительные замечания», перед 27 примечанием. — 281.

[149]) Об этом говорит § 4 «Денежная рента» главы 47 — «Генезис капиталистической земельной ренты». — 287.

[150]) О национализации земли Маркс писал в «Нищете философии» в главе 2-й «Метафизика политической экономии», в разделе IV: «Собственность или рента». — 287.

[151]) Премудрый пискарь — олицетворение ничтожества — в одноименной сказке Салтыкова-Щедрина. — 289.

[152]) Это выражение Маркс употребил в письме Кугельману от 12 апреля 1871 г. (см. 89 стр. Маркс К. «Письма к Кугельману» под ред. Н. Ленина. СПБ. 1907 г.) — 292.

[153]) Об этом Каутский говорит в «Движущих силах и перспективах русской революции» и в немецком втором изд. «Социальной Революции». — 294.

[154]) *Максималисты* — крайнее левое течение в партии эс-эров. Недовольство тактикой и направлением центра выразилось уже в 1904 г., когда оппозиционная группа «аграрных террористов» предложила отмежеваться от буржуазных, по ее мнению, элементов, существующих внутри партии», и решила взять на себя руководство аграрным террором. В марте 1906 г. после первого съезда партии эс-эров состоялась конференция оппозиции, положившая начало «союзу социалистов-революционеров-максималистов». Окончательно оформилась эта организация в октябре 1906 г. на учредительном съезде в Финляндии (г. Або). Максималисты развили свою программу в ряде сборников и брошюр. (Сборник «Воля Труда», Светлов — «Задачи грядущего», Ривкин — «Прямо к цели» и др.). Деятельность максималистов вылилась в ряде экспроприаторских и террористических актов (экспроприация в Фонарном переулке в Петербурге, в Московском Банке, покушение на Столыпина и др.).

Максималисты считали необходимым провозглашение немедленного социального переворота. Они отрицательно относились к попыткам парла-

ментской борьбы в рамках капиталистического строя. «До момента решительного и категорического поворота нашей жизни в ту или другую сторону мы находим целесообразной следующую систему боевых актов: экономический и политический террор, аграрный и фабричный, взрывы целых гнезд, правительственных или капиталистических учреждений, экспроприации, партизанскую войну и, наконец, всеобщую стачку». (Сб. «Воля Труда», стр. 70.) Максималисты верили в возможность немедленного свержения капиталистического строя, через политический террор, уничтожающий представителей власти, и через экспроприацию, — подрывающую экономические основы буржуазного общества. Отрицая программу-минимум, максималисты требовали не только социализации земли, но и социализации фабрик, заводов, рудников. Характерно для максималистов резко-отрицательное отношение к Думе, — они считали, что подобные учреждения «разряжают атмосферу ненависти и злобы и культивируют в массах мещанско-консервативную психологию». Будущий строй максималисты представляли как «трудовую республику, где в руках трудящихся будет власть и земля, фабрики и заводы будут переданы рабочим артелям или муниципалитетам».

В составе максималистов были интеллигенты и рабочие-одиночки. По своим теоретическим воззрениям максималисты стояли на точке зрения субъективно-идеалистического метода. По существу своих программных принципов и по тактическим планам максималисты были близки к анархистам. К концу 1907 года, когда максималистская организация понесла значительные потери и начала распадаться, часть максималистов перешла к анархистам. Теоретиками максимализма были Ф. Ю. Светлов и Е. Т — агин (М. Энгельгардт). Организационной работой руководил Соколов (Медведь).

После Февральской революции 1917 г. максималисты снова всплывают на поверхность политической жизни, имеют даже центральный орган—ежедневную газету «Максималист», которая издавалась сначала в Петрограде, потом в Москве. После Октября в рядах максималистов произошел раскол. Большая часть, во главе с Н. В. Архангельским, А. И. Бердниковым и Ф. Ю. Светловым в 1920 г. вступила в Коммунистическую партию. Меньшинство вело вооруженную борьбу с Советской властью, часто в формах простого бандитизма. Ко времени перехода к нэпу организация замерла. — 297.

[155]) *«Революционная Мысль»* — издание группы социалистов-революционеров. Вышли в свет №№ 1 — 3 в 1908 г. и 4 — 6 в 1909 г. Журнал издавался оппозиционной группой, возглавлявшейся Ю. Делевским (А. Волин) и В. Агафоновым (Сиверский). В первом номере (апрель 1908) заметка «от редакции» сообщает: «Мы полагаем, что наступил момент выяснения причин «кризиса», в особенности причин наиболее близких к нашей революционной деятельности, обусловленных ошибками программы и тактики русских революционеров; и прежде всего для нас — социалистов-революционеров наступил момент пересмотра нашего теоретического миросозерцания, наших методов борьбы и организаций». Ленин цитирует следующие статьи — из № 1 передовую — «От редакции»; А. Волин — «Вопросы революции», из № 2 Сиверского — «Философия и террор» и Волина — «Политический переворот и инициативное меньшинство». «Революционная Мысль» вела борьбу с «центральной провокацией», с азефовщиной. Весь четвертый номер журнала посвящен истории вопроса о провокации в центре партии с.-р — ов. — 297.

[156]) Из «Знамени Труда» Ленин на этой и следующих страницах цитирует следующие статьи: из № 8 декабрь 1907 г. «К переживаемому моменту» — передовая и из № 10 — 11 (февраль — март 1908 г.) «Новые казни террористов и наша легальная пресса» и Игн. Н. «Левые в третьей Думе». — 297.

[157]) *«Центральный политический террор»*—т. е. цареубийство. П. С.-Р. сделала несколько попыток в этом направлении: дело Никитенко (весна 1907 г.), попытка использования летательного снаряда С. И. Бухало (весна 1907 г.) и подготовка покушения на Николая II при смотре крейсера «Рюрик», в сентябре 1908 г. Все попытки оказались неудачными. Заговор Никитенко был раскрыт полицией, Бухало не смог сконструировать свой аппарат, на крейсере покушения не произошло. Авдеев и Кантилович, которые должны были убить царя, не решились выстрелить. — 298.

[158]) В № 1 «Голоса Социал-Демократа» статья «Не пора ли кончить» проводит мысль, что партия к началу революции организационно целиком зависела от буржуазно-демократической среды, так как все материальные средства партия получала от нее. Метод экспроприации — насильственного изъятия средств у буржуазии — ничего не дает и идет во вред рабочему движению и революции. Эта статья (написанная Мартовым) была направлена против большевиков и против Ц.К. В это время меньшевики во главе именно с Мартовым развернули бешеную кампанию против большевиков и Ц. К., пытаясь дискредитировать их указаниями на причастность большевиков к экспроприациям (эксам). На августовском пленуме Ц. К. Мартов выступил с клеветническими обвинениями против большевиков по этому поводу. В том же номере Ф. Дан в статьях «В стане победителей» и «Думские штрихи» указывает, что капиталистическая буржуазия неизбежно должна пойти по пути политической оппозиции и что теперь налицо — «фактическое сближение всех сил оппозиции в борьбе на почве изо дня в день обостряющегося противоставления интересов развития буржуазного общества интересам самодержавного крепостнического режима». — 298.

[159]) Указанные слова Клемансо произнес в начале 1906 г. Когда он пришел к власти, происходила забастовка углекопов на севере Франции. Стачечники обратились к Клемансо, в котором видели былого радикала, за содействием,— ответом его явились приведенные слова. — 307.

[160]) *«L'Humanité» («Человечество»)* — ежедневная газета. Основана в 1904 году Жоресом, который ее редактировал до самой смерти в 1914 году. Во время войны газета стала органом социал-патриотизма. Редакторство перешло к Реноделю, затем к Лонге. После раскола Французской социалистической партии в 1920 г. газета выходила под ред. Кашена и стала центральным органом Французской компартии. — 307.

[161]) Самая статья «Как Петр Маслов исправляет черновые наброски К. Маркса» не перепечатывается в настоящем томе, так как она вошла § 2 главы III «Теоретические основы национализации и муниципализации» книги Ленина «Аграрная программа с.-д. в русской революции 1905—1907 г.г.». (См. Сочинения, т. XI.) Под этим общим заголовком вместе с этой статьей был напечатан и следующий § 3 «Необходимо ли для опровержения народничества опровергнуть Маркса». (О Плеханове см. примечание 190 наст. тома.)

На это примечание редакции «Пролетария» последовало «Письмо в редакцию Голоса Социал-Демократа» П. Маслова. На него Ленин ответил статьей «П. Маслов в истерике» (см. настоящий том, стр. 366—374). В ответ на нее, и в особенности на постскриптум, последовало «Прибавление к №№ 8 — 9 «Голоса Социал-Демократа»», на которое Ленин ответил статьей «Как Плеханов и К° защищает ревизионизм» (см. настоящий том, стр. 386 — 389). — 310.

[162]) В этой статье Ленин использовал книгу Карла Либкнехта: K. Liebknecht «Militarismus und Antimilitarismus unter besonderer Berücksichtigung der internationalen Jugendbewegung». Leipzig. 1907. Цитируемое место в главе IV во II части (есть русский перевод этой книги: «Милитаризм и антимилитаризм в связи с рассмотрением интернационального движения рабочей молодежи». П. Гиз. 1921). — 314.

[163]) Ленин цитирует работу К. Каутского «Наш взгляд на патриотизм», изд. М. Малых. СПБ. 1905 г. — 315.

[164]) «*Peuple*» («*Народ*») — центральный орган Бельгийской рабочей партии. — 316.

[165]) Открытое письмо Р. Люксембург Жоресу напечатано в «Neue Zeit» XXXVI, 1907 — 1908. B. 2, № 43 от 24 июля. «Offener Brief an Jean Jaurès». — 318.

[166]) Настоящая статья является продолжением полемики Ленина с П. Масловым в польской с.-д. прессе. Впервые опубликована в № 8 — 9 «Przegląd Socjal-Demokartyczny». С русского на польский язык она была переведена неточно, поэтому в тексте имеются неясности и неточности. Для настоящего издания перевод вновь проредактирован. — 320.

[167]) Программа 1903 г. была изложена П. Масловым в брошюре «Икс об аграрной программе». В ней же дан и ответ В. И. Ленина: «Н. Ленин. Ответ на критику нашего проекта программы» (Женева, изд. Лиги Русской Революционной соц.-дем., 1903); перепечатано в V т. Сочинений, стр. 323 (на II-м съезде критике аграрной программы были посвящены 19, 20 и 21 заседания). Проект «муниципализации» земли, как программное требование социал-демократии, дан Масловым в брошюре «Критика аграрных программ», М. 1905 г. Ленин разобрал этот проект Маслова в своей брошюре «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» (см. Сочинения, т. IX). По тому же вопросу оживленная дискуссия велась на IV (Стокгольмском) съезде в 1906 г. — 321.

[168]) Раздробление немецких феодальных имений Маркс предлагал в требованиях коммунистической партии для Германии. Опубликованы в 1885 г. Ф. Энгельсом в ст. «К истории союза коммунистов», введение к книге Маркса «Кельнский процесс коммунистов» (см. изд. «Молот». СПБ. 1906 г. стр. 14 — 15).

Работа, в которой Маркс признает революционность мелко-буржуазного движения за поземельную собственность, — известная статья К. Маркса против Г. Криге: «Der Volkstribun», redigirt von Hermann Kriege, New-York («Народный Трибун», издаваемый Германом Криге в Нью-Йорке), напечатана в 1846 г. в ежемесячнике «Westfälisches Dampfboot» («Вестфальский Пароход»). Перепечатана Мерингом во втором томе его издания: «Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx und Friedrich Engels. 1841 bis 1858». Herausgegeben von Franz Mehring. Zweiter Band von Juli 1844 bis November 1848. 4-te Aufl. S. 414 — 428. (Русское издание «Из литературного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса». Издано Фр. Мерингом, т. II 1908, стр. 407 — 486.) См. об этой работе статью Ленина «Маркс об американском черном переделе». Сочинения, т. VII, стр. 219 — 224. — 325.

[169]) *Гетто* — назывался в средневековых городах специальный квартал, где имели право жительства только евреи, которые должны были всем своим обликом отличаться от христианского населения. — 325.

[170]) Это часто приводимые Лениным строки из песни «Русь», из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», ч. IV. «Пир на весь мир», глава IV «Доброе время — добрые песни». — 332.

[171]) Статья «Студенческое движение и современное политическое положение» является ответом на письмо одного из лидеров московского студенческого движения тех дней т. Александра (В. Г. Гайдарова). Канвой для статьи послужила платформа Н. И. Бухарина, в то время студента Моск. университета. Ленин, вопреки «прямолинейной» тактике некоторых большевиков, рекомендовал *использовать* и чисто академическое студенческое движение. Студенческое движение того времени было связано с реакционной политикой министра нар. просвещения А. Шварца, объявившего поход против остатков университетской автономии и стремившегося уничтожить все студенческие вольности, оставшиеся от 1905 г. — 336.

[172]) Во главе студенческого движения, начавшегося осенью 1908 г., в Петербурге стояли студенческие коалиционные советы. В студ. советах в ряде мест с.-д. играли решающую роль. В Петербургском коалиционном совете из 13—15 человек было 3 с.-р. и 5 с.-д. В том же № «Пролетария», где была помещена данная статья Ленина, были напечатаны, во-первых, отрывки из резолюций, принятых на обще-университетской сходке СПБ. унив. 13 сент. 1908 г., и, во-вторых, обращение Спб. Студ. Совета «К обществу и студенчеству» (о нем говорится в статье Ленина). *Резолюция* подчеркивала необходимость протеста студенчества против политики правительства по отношению к высшей школе и предлагала начать всероссийскую забастовку. Авторы *обращения* писали: «Ставя своей задачей оборону свободной высшей школы и защиту просвещения и культуры, мы рассчитываем в своей борьбе на единодушную поддержку общественного мнения всей страны». Исполнительная комиссия Пет. Ком. после обсуждения вопроса о студенческом движении в Петербурге поставила партийным с.-д. студенческим группам на вид:

1) что обращение это, с начала до конца проникнутое идеями самого пошлого буржуазного либерализма и знаменующее подчинение большинства студенчества кадетско-октябристскому руководству, принимается, однако, за выражение стремлений и мнений студенчества революционного;

2) что поэтому с.-д. студенчеству настоятельно необходимо публично заявить со всей определенностью, что, энергично поддерживая данное академическое движение и его академические требования, оно, студенчество социалистическое — общего ничего не имеет с этим октябристско-кадетским обращением и подчиняет свое участие в академическом движении задачам соц.-дем. в общенародной борьбе с царизмом».

В этом же № «Пролетария» корреспонденция из Москвы сообщает, что и в Московском Коалиционном Совете большинство и руководство— в руках с.-д. (вместе с с.-р.). Там обнаружились разногласия внутри с.-д. студенческой фракции. «Большинство ее вполне правильно стояло за забастовку, но зато сами старались всячески манифестировать ее *чисто академический* характер и выступали публично с мотивировкой, отнюдь не могущей сделать честь с.-д — тии... Меньшинство, к сожалению, выплескивало вместе с водой и ребенка: оно высказывалось против самой забастовки, раз она носит только академический характер и не может идти параллельно с выступлением рабочих». (См. также ст. «Об итогах студенческого движения» в № 38 «Пролетария».) — 339.

[173]) После Штутгартского международного социалистического конгресса Ленин вошел в состав Международного Социалистического Бюро, как один из представителей России. Заседание МСБ в октябре 1908 г. было первым, на котором Ленин принял деятельное участие. МСБ согласно положению было только совещательным органом, решения его не носили обязательного характера.

К разбираемому в статье вопросу о приеме Независимой рабочей партии (I. L. P.) Ленин возвращается в одном письме к Розе Люксембург. Ленин пишет по поводу примечания редакции «Neue Zeit» к статье Ф. А. Ротштейна, что это примечание наводит на мысль, что Каутскому его позиция в Брюсселе «самому не очень теперь нравится... Так ли это?» («Ленинский Сборник» III, стр. 443.)

В период до Копенгагенского конгресса из официальных выступлений Ленина, как представителя Р.С.-Д.Р.П. в Межд. Соц. Бюро, следует отметить его отчет об одиннадцатой сессии МСБ, состоявшейся в ноябре 1909 г. (см. Соч. т. XIV), а также написанный им Листок о Гаивасе (18 марта 1910 г.). В октябре того же года, в связи с появившейся в «Vorwärts» статьей Троцкого, дающей неверную информацию по поводу позиции Ц. О. партии «Социал-Демократа», Ленин, как представитель партии в МСБ вместе с делегатами Ц. О. на Копенгагенский кон-

гресс—Г. В. Плехановым и А. Варским, внес протест в Ц.К. германской партии.

Подробную характеристику участия Ленина с МСБ дает Зиновьев.

«Он [Ленин] ездил на заседание этого Бюро в Брюссель с тяжелым чувством и приезжал оттуда почти всегда больным. В его рассказах чувствовалось, что ему приходилось там бывать свидетелем позорных сцен, свидетелем того, как крупнейшая международная организация, объединяющая 20 миллионов рабочих, на его глазах начала гнить. Я не забуду рассказа Владимира Ильича об одном из этих заседаний, на котором произошло резкое столкновение между Розой Люксембург, с одной стороны, и Бебелем, с другой. Когда Роза Люксембург попыталась поднять среди германской с.-д. борьбу против оппортунизма, она встретила сопротивление правого крыла и центра, во главе с Бебелем. На втором Иенском съезде германской с.-д. партии, который состоялся в 1910 — 11 г., мне довелось лично присутствовать, как представителю нашего Ц. К., и мы видели там картину неслыханной, позорнейшей травли Розы Люксембург со стороны всего съезда. И руководил этой травлей покойный Бебель. Когда Р. Люксембург попыталась пойти против Бебеля и не встретила отклика среди революционно-настроенных германских рабочих, — ее потащили в Международное Бюро, на международное судилище, и там устраивали ей сцены отеческих выговоров и грозили исключением, прибегая к самым утонченным формам издевательства над нею. Тов. Ленин не мог этого стерпеть и выступил в ее защиту, но тогда и на него обрушились те же громы и молнии. Владимир Ильич попытался апеллировать к Плеханову, который тогда переживал свой ренессанс, боролся с ликвидаторами и шел рука-об-руку с нами; но когда т. Ленин указал ему на недопустимость того, что проделывали с Р. Люксембург, т. Плеханов ответил ему, что выше лба, мол, уши не растут, что нам надо помалкивать; что когда и у нас будут миллионы членов, как у германской с.-д., тогда и с нами будут считаться, а пока что мы только «бедные родственники». Выслушав его, Владимир Ильич хлопнул дверью и ушел с этого заседания.

После этого т. Ленин начинает все больше сближаться с теми элементами, которые группировались вокруг Р. Люксембург. А Международное Социалистическое Бюро, где руководящую роль играли такие господа, как Гюисманс, падало все ниже и ниже. Либеральный адвокат Гюисманс развязно похлопывал Владимира Ильича по плечу и, смотря на него сверху вниз, был готов поучать его тому, как надо организовывать рабочую партию и вести за собой рабочий класс. Владимир Ильич ездил на собрания этих адвокатов и будущих социалистических министров без всякого удовольствия, смотря на эти поездки, как на тяжелую повинность, которую необходимо отбывать.» (Г. Зиновьев. Соч. т. XV, стр. 254 — 255.) — 342.

[174]) «*Tribune Russe*» («*Русская Трибуна*») — эс-эровский журнал на французском языке, издававшийся с января 1904 г. по декабрь 1909 г. в Париже под редакцией И. Рубановича. Всего вышло 12 №№. «Русская Трибуна» ставила перед собой задачи: с одной стороны детального ознакомления западно-европейского социализма с теоретическими взглядами п. с.-р., чтобы оправдать допущение п. с.-р. в Интернационал, с другой — общего ознакомления Западной Европы с русским революционным движением. — 342.

[175]) «*Russisches Bulletin*» («*Русский Бюллетень*») — издавался с 1907 по 1914 г. в Берлине группой меньшевиков (В. Н. Розанов, Бухгольц, А. М. Коллонтай, А. И. Рубинштейн) и тенденциозно освещал положение внутри Р.С.-Д.Р.П. В момент развития ликвидаторской легальной прессы — служил главным источником осведомления; таким образом информация о русских партийных делах находилась в руках меньшевиков. Попытка Ленина противопоставить меньшевистским взглядам большевистские в 1910 г. через посредство Мархлевского не удалась (см. «Ленинский

Сборник» III, 449 и сл. стр.). Позже была выпущена особая брошюра против «Анонима» из «Vorwärts» (Троцкого), чтобы до некоторой степени ознакомить немецких т.т. с истинным положением дел внутри партии. — 342.

[176]) Заграничное Бюро Центрального Комитета на августовском пленуме Ц. К. выделено в составе трех человек. Не следует смешивать с Заграничным Ц. Б., представлявшим заграничные с.-д. организации. — 345.

[177]) Об английских делах и в частности о сектантстве Гайндмана Энгельс говорит в целом ряде писем к Зорге: «Движение идет на английский лад, систематически, шаг за шагом и верным путем. И очень знаменательно то комичное явление, что здесь, как и в Америке, люди, выдающие себя за ортодоксальных марксистов, превратившие идею нашего движения в неподвижную, заучиваемую наизусть догму, представляют из себя *чистую секту*. Но более того, у вас эти люди иностранцы — немцы, а здесь природные англичане: Гайндман и К°». (Письмо от 10 июля 1891 года.) Указывая на неумение немцев с.-д. примкнуть к массовому рабочему движению в Америке, Энгельс писал, что они неправильно понимают марксистскую теорию, «относятся к ней доктринерски. Она для них Credo, а не руководство к действию». В этом же письме Энгельс упоминает также о Гайндмане. (Письмо от 29/XI за 1886 г.) В связи с вопросом о сектантстве Энгельс писал Вишневецкой: «Наша теория — теория развития, а не догмат, который выучивается наизусть и затем механически повторяется... вся наша практическая деятельность доказала, что можно пристать к общему движению рабочего класса на каждой ступени этого движения, без того, чтобы утратить или скрывать свою собственную позицию или даже организацию. Боюсь, что наши американские немцы совершат грубую ошибку, если пойдут не по этому, а по другому пути». (См. Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др. Спб. 1907. Письма к Зорге — 1886 — 29/XI; 1887 — 4/VI, 16/IX; 1889 — 11/V, 17/VIII, 7/XII; 1890 — 8/II, 12/IV, 30/IV; 1891 — 11/II, 8/IV, 10/IV и др. Письма к Вишневецкой от 28/XII 1886 и 27/I — 1887.) — 348.

[178]) *Сионистско-социалистическая рабочая партия* — образовалась в 1904 году в Одессе из интеллигентских кружков, работавших среди еврейского ремесленного пролетариата. Программа партии носила националистический характер и указывала на необходимость приобретения собственной территории, где в рамках еврейского национального хозяйства станет возможна классовая борьба. Партия, мелкобуржуазная по своему классовому характеру, в теоретическом отношении находилась под влиянием ревизионизма. Практическая работа социалистов-сионистов сводилась к собиранию пожертвований на территориальную пропаганду, к поддержке проектов предоставления евреям особой территории. С.-с. считали необходимым бороться с стремлением Р.С.-Д.Р.П. вовлечь в свои ряды еврейский пролетариат. Международное Социалистическое Бюро решительно отмежевалось от социалистов-сионистов. Первый орган партии — сборник «Der judischer Proletarier» «Еврейский пролетарий» (1905). Органы партии «Der najer Weg» «Новый путь» (Варшава), «Funken» «Искры» (Лодзь), «Еврейский Голос» (Одесса). Большого влияния среди масс партия не имела. — 352.

[179]) *Серп — Социалистическая Еврейская Рабочая Партия* — националистическая еврейская организация. Образовалась в 1905 году из слияния некоторых сионистических рабочих кружков с деятелями группы «Возрождение». В апреле 1906 года состоялся съезд партии, на котором была формулирована программа и избран Центральный Комитет. В основу программы легла идея национально-политической автономии для евреев. Единицей еврейского самоуправления признавалась национальная община, верховным органом представителей объединения российского еврейства — сейм экстерриториального характера (отсюда второе название партии — сеймовцы). По своей идеологии партия была близка к с.-р.; часть ее ли-

деров — Х. Житловский, М. Ратнер — одновременно были и теоретиками с.-р-ов. В 1907 г. органом партии был «Die Volksstimme». Тогда же вышли два сборника «Серп», дающие материалы для характеристики идейных взглядов партии. Работа Серпа протекала главным образом среди мелкобуржуазной интеллигенции и ремесленников и после революции сошла на нет. — 353.

[180]) «*Leipziger Volkszeitung* (*«Лейпцигская Народная Газета»*) — с.-д. орган, сыгравший крупную роль в деле борьбы ортодоксии с ревизионизмом. Находясь известное время (преимущественно в 1908 — 1911 г.г.) в руках Мархлевского, Розы Люксембург, Меринга, К. Радека, газета вела наиболее непримиримую линию. Именно она требовала исключения Бернштейна и его друзей из партии, защищая линию революционного марксизма. Много помогала Р.С.-Д.Р.П., особенно в эпоху реакции, в частности, постановке транспорта в Россию. — 358.

[181]) *Берлинский трактат* — договор, подписанный в результате работ конгресса, происходившего в 1878 г. с 13 июня по 13 июля в Берлине. Конгресс собирался для рассмотрения С.-Стефанского договора, заключенного в марте того же года Россией и Турцией. Попытки России захватить Константинополь и проливы во время войны 1877 — 78 г. кончились неудачей из-за протеста Англии и Австро-Венгрии. В мае 1877 г. состоялась тайная англо-русская конвенция. Она наметила тот раздел Турции, который потом был лишь санкционирован на конгрессе. Англия получила остров Кипр, Россия — Бессарабию, Ардаган, Карс и Батум, Австро-Венгрия — Боснию и Герцеговину. Конгресс наметил и ряд других разделов турецких владений. Постановления его должны были явиться определяющими для международных отношений на Балканском полуострове. Это не мешало великим державам несколько раз нарушать договор. — 359.

[182]) Точное название статьи Шиппеля — «Die Balkanwirren und die Demokratie einst und heute» (—«Sozialistische Monatshefte», XII J. 1908, XXI Heft. 1908 — 23, X) «Балканская смута и демократия прежде и теперь» — «Социалистический Ежемесячник», 12 год, 1908 г., XXI тетрадь, 23 октября. «Sozialistische Monatshefte» — главный теоретический орган ревизионизма. Главные сотрудники: Бернштейн, Конрад Шмидт, Вольфганг Гейне, Макс Шиппель и др. Выходит с 1897 г. — 361.

[183]) Ленин имеет в виду передовицу в № 11698 «Нового Времени» от 5 (18) октября 1908 г. — 362.

[184]) Статья эта является ответом Ленина на письмо в редакцию «Голоса Социал-Демократа», которое П. П. Маслов поместил в № 8 — 9 (июль-сентябрь 1908 г.). В своем письме П. П. Маслов отвечал на критику его теоретических воззрений на аграрный вопрос, данную Лениным в статье «Как Петр Маслов исправляет черновые наброски К. Маркса» («Пролетарий» № 33), вошедшую как §§ 2 и 3 гл. III в работу «Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905 — 1907 г.г.» (см. Сочинения, т. XI). — 366.

[185]) Насколько справедливы настоящие упреки Маслова, можно судить по тому, что никто иной, как Ленин указал на теоретические ошибки проф. Скворцова, когда им увлекался П. Струве (см. Сочинения, т. I, стр. 109, 336 — 338 и 360). В частности, по данному вопросу память совершенно изменила П. Маслову, так как в «Развитии капитализма в России» (см. Сочинения, т. III, стр. 29) мы читаем в примечании, что «Г. А. Скворцов... держится неправильных взглядов по весьма важным вопросам о прибыли и о ренте». — 366.

[186]) Выступление Мартова, о котором говорит Ленин, произошло на 2 съезде Лиги Революционной социал-демократии осенью 1903 г., когда он выступил с содокладом о 2 съезде партии. В своей речи Мартов подменил вопрос о принципиальных разногласиях намеками, ссылками на частные разговоры, которые не могли быть проверены и передавались

им в ложном освещении. По окончании речи Мартова Ленин внес в бюро съезда Лиги заявление: «Я протестую самым энергичным образом как против *жалкого* приема борьбы, против постановки Мартовым вопроса о том, кто солгал или кто интриговал в изложении частной беседы между мною, им и Старовером... Я заявляю, что Мартов *совершенно неверно* изложил частный разговор en question... Я заявляю, что нравственный долг Мартова, выдвигающего теперь не прямые обвинения, а темные намеки, что его долг иметь мужество поддержать свои обвинения открыто». (См. «Протоколы 2 съезда Лиги», стр. 60.) Плеханов заявил, что он собирался возражать Мартову речью принципиального характера, но перенесение споров на почву слухов и сплетен заставляет его отказаться от выступления. Заявления Ленина и Плеханова были поддержаны письменным заявлением сторонников большинства, которые во главе с Лениным и Плехановым покинули съезд. Но на съезде Лиги меньшевистская оппозиция располагала большинством голосов. В день окончания съезда (31 октября 1903 г.) Плеханов, как писал Ленин в Ц.К. «внезапно повернул, после скандалов на съезде и подвел этим меня, Курца (Ф. В. Ленгника) и всех нас отчаянно, позорно. Теперь он пошел, без нас, торговаться с мартовцами, которые, видя, что он испугался раскола, требуют вдвое и вчетверо...» («Ленинский Сборник» VII, стр. 190). В брошюре «Шаг вперед, два шага назад» Ленин писал: «Плеханов заявил своим коллегам из обоих центральных учреждений партии, что он не в силах «стрелять по своим», что «лучше пулю в лоб, чем раскол», что надо во избежание большего зла сделать максимальные личные уступки». (Сочинения, т. VI, стр. 292.) Кооптация старых членов редакции «Искры», не выбранных съездом, вызвала уход Ленина из редакции «Искры». (См. письмо Ленина в редакцию «Искры», Соч., т. VI, стр. 124—131.)

[187]) Цитата из III т. «Капитала» дана по переводу Ник.—она изд. 1896 г. — 369.

[188]) Ленин имеет в виду свое примечание к статье «Марксизм и ревизионизм», напечатанной в сборнике «Памяти Карла Маркса». (См. настоящий том, стр. 185.) — 373.

[189]) Ленин, говоря о муниципализаторской программе Маслова, имеет в виду проект аграрной программы Икса (П. П. Маслова) 1903 г. В § 7 этого проекта Маслов писал: «Соц.-дем. партия стремится, чтобы в ближайшее время часть частновладельческих земель (крупное землевладение), а если возможно и все земли, перешли во владение самоуправляющихся крупных общественных организаций (земства)». См. подробнее Сочинения, т. V, стр. 396. — 374.

[190]) Г. В. Плеханов в статьях «Materialismus militans. Ответ г. Богданову» («Голос Социал-Демократа» 1907 №№ 6, 7, 8, 9 — вошло в Сочинения Плеханова, т. XVII) писал: «Вы упрекаете меня в том, что я систематически титулую Вас *господином* Богдановым... по Вашему убеждению именование Вас товарищем входит в круг моих социал-демократических *обязанностей*. Но, суди меня бог и наш центральный комитет! — я такой обязанности за собой не признаю. Не признаю по той простой и ясной причине, что Вы *мне не товарищ*. А не товарищ Вы мне потому, что *мы с Вами являемся представителями двух прямо противоположных миросозерцаний*». Оба письма Плеханова посвящены разбору идеалистической философии эмпириомонизма, представителем которой являлся в то время А. Богданов. (См. Богданов—«Эмпириомонизм», кн. I — II — III. М. 1905 — 1908.) Против Богданова выступил и Ленин. (См. прим. 102 наст. тома.) Будучи очень строгим к ревизионизму некоторых большевиков, Плеханов совершенно иначе отнесся к теоретическим искажениям марксизма меньшевиком Масловым. (Об этом см. статью Ленина «Как Плеханов и К° защищают ревизионизм», стр. 386—389 наст. тома.)—374.

[191]) Дата письма Энгельса Бернштейну Лениным приведена не точно—

не 31 августа, как им было указано в тексте «Пролетария», а 27 августа. В этом же письме мы находим указание Энгельса на то, что Маркс в «18 брюмера Луи-Бонапарта» и сам Энгельс в «Жилищном вопросе» проследили неизбежность бонапартизма, о чем Ленин на основании этих слов и говорит на 379 стр. в настоящей статье. Письма Энгельса напечатаны Ed. Bernstein. Die Briefe von Friedrich Engels an Eduard Bernstein. 1925 J. H. W. Berlin. S. 129. (Русский перевод писем Бернштейна к Энгельсу напечатан в «Архиве Маркса и Энгельса». I. Цитируемое Лениным письмо см. стр. 348—349.) — 379.

[192]) В 1876 г. турецкий султан Абдул-Гамид II под влиянием группы «Молодой Турции» собрал парламент и обнародовал конституцию. Шаг этот был совершен под напором событий, связанных с внешней политикой, войной с Россией и т. д. Но уже в 1877 г. султан «отсрочил» созыв парламента на неопределенное время. И только через 30 лет, в 1908 г., когда в Македонии вспыхнула революция, Абдул-Гамид снова пытался войти в соглашение с младотурецкой партией восстановлением конституции и созывом парламента. В 1909 г. он был низложен с престола. — 380.

[193]) Самое «Прибавление» к № 8—9 «Голоса Социал-Демократа» имеет крайне характерное указание перед текстом: «Пропущенное вследствие типографской ошибки примечание редакции к письму тов. Маслова». Текст носит подзаголовок «от редакции». Весь инцидент крайне характерен для фракционной борьбы того времени. Это тем более показательно, что лидеры меньшевиков сами знали цену выступлениям Маслова. Когда Плеханов отказался помещать свои работы рядом с статьями Потресова, П. Б. Аксельрод в середине ноября 1908 года писал ему: «Ведь и Маслов «марксист» в кавычках, а все же не поставишь условием сотрудничества в журнале и т. д. исключение его из коллегии» (Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. II, стр. 267, М. 1925.) — 386.

[194]) Основной работой, в которой Г. Кунов изложил свои взгляды на происхождение семьи, является «Die Verwandschaftsorganisationen der Australneger. Ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte der Familie» («Организация родства у австралийских негров. Материалы к истории развития семьи»). 1894. Штутгарт. На эту же тему Г. Кунов писал ряд статей в «Neue Zeit». В качестве приложения к «Neue Zeit» за 1912/13 г.г. появилась книга Кунова «Zur Urgeschichte der Ehe und Familie» («К первобытной истории семьи и брака»), излагающая систему воззрений автора. — 387.

[195]) В своей работе «Движущая сила русской революции» («Голос Социал-Демократа» № 1—2) А. Мартынов в примечании на стр. 13 так оговаривает свое несогласие со взглядами Маслова: «Отмечая крупную теоретическую заслугу П. Маслова, который *впервые* дал с марксистской точки зрения теорию борьбы продовольственной ренты с капиталистической, я должен, однако, указать на один недостаток, который проходит красной нитью через всю его книгу — *отсутствие историчности*. Благодаря этому он очень неудачно «исправлял» Маркса, не понял и без надобности отверг теорию абсолютной ренты Маркса, без надобности возвел исторически ограниченный закон земледельческого перенаселения при продовольственном хозяйстве в абсолютную категорию, во всеобщий закон народонаселения, упускал в изложении из виду исторические корни и тенденции нашей общины и т. д.». Это примечание исключено при перепечатке работы Мартынова в «Общественном движении», т. II, ч. 2, стр. 309. — 387.

[196]) Здесь Ленин имеет в виду свое обращение к Плеханову, напечатанное в заметке «от редакции» после статьи «Как Петр Маслов исправляет черновые наброски Карла Маркса». Он писал: «Где же Ваша критика ревизионистских измышлений т. Маслова? Где Ваша защита экономической теории Карла Маркса? И кто, как не Вы, всячески поддерживал

*

Маслова и поддакивал ему? Наши партийные Фамусовы не прочь разыграть роль беспощадно-резких борцов за марксизм, — но в угоду фракционному кумовству они не прочь и прикрыть серьезнейшие отступления от марксизма». — 388.

[197]) *Тартюф* — герой одноименной комедии Мольера, олицетворение лицемерия и ханжества.

[198]) *«Рабочее Знамя»* — орган М.К., М.О.К. и Областного Бюро Р.С.-Д.Р.П. (1907 — 1909 г.г. — всего вышло 8 №№). В № 5 помещено письмо в редакцию, подписанное «Рабочий». Письмо это, повидимому, написано Вольским, хотя и приписывается рабочему Маракушеву, впоследствии оказавшемуся провокатором. В письме ученикам каприйской школы Ленин, характеризуя Вольского, писал: «Станислав самый решительный отзовист и «критик» марксизма в философии. Достаточно вспомнить, как... редактированную им статью «рабочего» отзовиста в № 5 «Рабочего Знамени», само это «Рабочее Знамя» признало проникнутой взглядами анархизма» (см. «Пролетарская Революция» 1926 г. № 2 (49), стр. 180).

«Пролетарий», открывший на своих страницах дискуссию по вопросу о думской фракции, в № 39 перепечатал это письмо. Автор письма считает, что «главнейшая беда партии заключается в том, что она не стряхнула еще иллюзий и не сумела практически приспособиться к создавшемуся положению вещей... Если революция не ликвидирована, то именно к ней, а не к переживаемой нами гнилой политической минуте должны мы «приспособить пашу тактику и нашу организацию». Разбирая вопрос о думской фракции, рабочий пишет: «Одним из главных мотивов, побуждающих партию принять участие в выборах, было упование на пропагандистско-агитационную роль «думской трибуны»; действительность, однако, показала, что агитация в III Думе сводится к нулю, во-первых, благодаря составу самой группы, а во-вторых благодаря полному равнодушию масс ко всему тому, что происходит в стенах Таврического дворца. Таким образом фракция не выполнила, да и не могла выполнить тех задач, которые на нее возлагались; отсутствие же ярких выступлений и полная оторванность фракции от жизни и интересов, хотя бы наиболее сознательной части пролетариата, дали удобный повод для того, чтобы дискредитировать всю партию в глазах рабочих... Существование фракции стало как бы доказательством того, что революция похоронена если не на словах, то, по крайней мере, на деле...

Одно из двух, — или мы хотим во что бы то ни стало сохранить фракцию, — тогда нам необходимо сделать и все вытекающие отсюда выводы... или мы хотим развить до максимума ее энергию, не считаясь с общеполицейскими и думскими препятствиями, — тогда мы сознательно должны идти навстречу устранению с.-д. депутатов из Думы, тогда мы — «отзовисты». На наш взгляд вывод из всего этого напрашивается сам собой: ошибку, которую мы совершили, приняв участие в выборах, необходимо ликвидировать; фракции необходимо предложить, чтобы она сложила свои полномочия». Автор письма указывает, что отзыв депутатов окажет влияние лишь в том случае, если партия «изменит всю свою тактику и перестроит всю свою организацию в целях возрождения революции».

В заключение автор письма предлагает внести в партийную работу ряд изменений: 1) Центральные партийные ячейки должны не избираться, а назначаться Ц.К. и дополняться путем кооптации. Вместе с тем, для расширения работы должны быть образованы в рабочей среде обособленные друг от друга подсобные группы, выполняющие какую-либо одну функцию, обладающие самостоятельностью в сфере своей непосредственной работы и подчиняющиеся руководству местного комитета в обще-партийных выступлениях; 2) до сих пор агитация сводилась к внушению массам определенного лозунга, — агитация нового типа должна еще до проведения

лозунга привлекать массы к его обсуждению, если не устным, то по крайней мере письменным путем; 3) особенное внимание должно быть обращено на выработку пропагандистов из среды рабочих, для этого необходимо образовать инструкторскую коллегию, в которую войдут наиболее опытные теоретики; 4) на страницах Ц. О. и «Пролетария» должен выясняться характер нового общественного подъема, — это необходимо для того, чтобы партийные работники сообразовали повседневную тактику с запросами будущего; 5) в общем содержании агитации и пропаганды следует подчеркивать не столько демократический, сколько социалистический элемент мировоззрения социал-демократии.

Разбираемое Лениным письмо Михаила Томского помещено в том же № 39 «Пролетария» с подзаголовком «Письмо рабочего в редакцию «Пролетария»». Оно также посвящено вопросам партийной жизни, тактики, пропаганды, агитации и современному положению внутри партии.

М. Томский начинает с вопроса «что делать?». «Иные хотят уничтожить партию, иные «выдумать» лозунги, если их не выдвигает жизнь, иные вернуться к старым условиям работы и пр. пр... Три последние года партия шла под каким-либо лозунгом текущего момента, начиная с бойкотов и вооруженного восстания, до выборов в III Думу и работы в проф. союзах и кооперативах... Рабочий, попав в кружок, с первого дня и до бесконечности слушал о «текущем моменте»... Пробыв года полтора в партии, рабочий кое-что начинает понимать об эс-эрах, м-ках, к.-д., но сказать, чтобы он был с.-демократом — этого сказать нельзя. Он становится революционером, демократом, но только не социалистом!.. Наступила реакция... Воспитанники «текущего момента» покинули партию. А ведь, начиная с осени 906 года, рабочие настоятельно просили дать им знания, необходимые для партийного работника. Многие еще перед второй Думой указывали даже в высших партийных учреждениях на необходимость создать из рабочих школы пропагандистов и агитаторов, но безрезультатно». Далее Томский пишет о бегстве интеллигенции и говорит, что необходимо создавать кадры работников из самих рабочих. «Предстоит исправить невольные погрешности трех лет и взяться наконец за создание руководителей партии из самих рабочих, т.-е. наиболее прочного фундамента партии...» Реакция, правда частично, коснулась и рабочих, но наиболее революционные элементы по словам Томского «по прежнему стремятся получить знания, необходимые для более плодотворного сознательного служения рабочему делу». Нужнее всего выяснить экономическое состояние России. Между тем в том же «Пролетарии» есть статьи о Толстом, о студентах, о народническом распаде, но нет серьезных работ по современному экономическому положению.

«...придя к рабочим, нам практикам не придется толковать о Толстом и студентах, ибо тем и другим пролетарии слишком мало уделяют внимания, но нам неизбежно придется говорить о судьбах русской революции, а, как марксисты, мы можем оценивать всякие политические или социальные движения и предвидеть таковые, основываясь только на строго экономическом исследовании страны». Ленин воспользовался этими двумя письмами, чтобы осветить внутрипартийное положение. О внутрипартийном положении см. подробнее следующие примечания. — 390.

[189]) Статья Ленина вызвана рядом внутрипартийных событий, получивших отражение на пленуме Ц. К. в августе 1908 года (24 — 26 по нов. ст.). К этому именно моменту относится четкое размежевание основных группировок внутри Р. С.-Д. Р. П., и с этого времени оформляется систематическая борьба на два фронта. Ленин впоследствии писал, что «большевики провели *на деле* с августа 1908 до января 1910 года борьбу на два фронта, т.-е. борьбу с ликвидаторами и отзовистами». (См. Сочинения т. XIV. Ст. «Заметки публициста» в № 2 «Дискуссионного Листка».)

Борьбу эту Ленин начал с очищения собственных рядов, с большевистской фракции.

История философских разногласий с Богдановым и махистами рассказана им самим в письме от 13. II 1908 г. Горькому. (См. «Лен. Сб.» I стр. 90—94, ср. Сочинения, прим. 2 к XIII тому и прим. 102 наст. тома.)

«Атмосфера раскола» стала нависать уже в феврале 1908 г. Внутрифракционные споры («отзовизм») еще не приобрели такой остроты, как несколькими месяцами позже. Но и тогда же Ленин предвидел неизбежность борьбы и с Богдановым и с меньшевиками, а также с примиренчеством. «Меньшевики выпустили здесь анонс о ежемесячном «Голосе Социал-Демократа». Борьба может обостриться. А Троцкий хочет стоять «выше борющихся фракций». (Письмо от 13 февраля. «Лен. Сб.» I, стр. 89.)

К весне 1908 г. расхождение внутри большевистского центра становится совершенно очевидным. Четыре года спустя, в 1912 году Ленин писал Горькому: «Помните, весной 1908-го года на Капри наше «последнее свидание» с Богдановым, Базаровым и Луначарским? Помните, я сказал, что придется разойтись годика на 2—3, и тогда еще Мария Федоровна [Андреева — жена М. Горького], бывшая председателем, запротестовала бешено, призывая к порядку и т. п.!» («Лен. Сб.» III, стр. 525).

Речь идет о приезде Ленина в апреле 1908 г. на Капри. По этому поводу он писал ученикам каприйской школы в 1909 г.: «Я был в NN [Капри] в апреле 1908 года и объявил всем этим трем товарищам [Богданову, Базарову и Луначарскому] о безусловном расхождении с ними по философии. Затем я предложил им тогда употребить общие средства и силы на б[ольшевист]скую историю революции в противовес м[еньшевист]ской ликвидаторской истории революции; но товарищи на NN [Капри] отвергли мое предложение, пожелав заняться не обще-б[ольшевист]ским делом, а пропагандой своих особых философских взглядов». («Пр. Рев.» № 2 (49) за 1926 г.) В том же письме Ленин пишет по поводу Богданова, Луначарского, Лядова, Алексинского, что это «как раз та группа товарищей, которые с весны 1908 года образовали оппозицию «Пролетария», вели против него агитацию в России и за границей, выделились в особую фракцию».

Первое открытое отмежевание от махистов происходит в сборнике «Памяти Карла Маркса». (См. прим. 102.) В первой половине июня 1908 г. в Женеве был доклад, повидимому, Луначарского, на котором выступил Дубровинский с речью и заявил от своего имени и от имени Ленина, что большевизм ничего не имеет общего с эмпириомонизмом (см. «Десять вопросов референту» — конспект речи Дубровинского, написанный Лениным). Последний вопрос Дубровинского референту гласит так: «Подтверждает ли референт тот факт, что махизм не имеет ничего общего с большевизмом? что против махизма неоднократно протестовал Ленин?...» (Сочинения, т. XIII, стр. 6). На этом диспуте выступил с ответной речью Богданов. По сообщению заграничной агентуры, «Алексинский выругал «Иннокентия» (Дубровинского), указав, что он будто бы не имел права делать такого заявления, и затем созвал большевистский кружок (Женевскую группу), принявший резолюцию, противную мнению «Иннокентия», на сторону которого стал решительно Ленин, порвавший теперь отношения с Алексинским». (Из дела Деп. Пол., № 5, ч. 84, т. 2, л. 71.)

Подтверждение всему этому мы находим в следующем письме Ленина к Воровскому (от середины июня 1908 г.) «...положение у нас трудное. Надвигается раскол с Богдановым. Истинная причина — обида на резкую критику на рефератах (отнюдь не в редакции) его философских взглядов. Теперь Богданов выискивает всякие разногласия. Вытащил на свет божий бойкот, вместе с Алексинским, который скандалит напропалую и с которым я вынужден был порвать все сношения... Они строят

раскол, на почве эмпириомонической, бойкотистской. Дело разразится быстро. Драка на ближайшей конференции неизбежна. Раскол весьма вероятен. Я выйду из фракции, как только линия «левого» и истинного «бойкотизма» возьмет верх. Вас я звал, думая, что Ваш быстрый приезд поможет утихомирить. В августе нового стиля все же непременно рассчитываем на вас, как участника конференции. Обязательно устройте так, чтобы могли съездить за границу. Деньги вышлем на поездку всем большевикам. На местах дайте лозунг: мандаты давать только местным и только действительным работникам. Убедительно просим писать для нашей газеты [т. е. для Пролетария]. Можем платить теперь за статьи и будем платить аккуратно. Жму Вашу руку. Не знаете ли какого нибудь издателя, который взялся бы издать мою «Философию» [т. е. «Материализм и эмпириокритицизм»], которую я пишу». (Из дела деп. пол. О. О. 1907 г., № 5, ч. 84, т. 2., вх. 636 х. Перлюстрированное, не подписанное письмо).

Перерыв в думской сессии (с мая по октябрь 1908 г.) поставил, особенно после московской конференции 7. VI. (25. V.), снова вопрос о думской фракции. Оба вопроса: философский и об отзовизме тесно переплетались. Очевидно, что конфликты в большевистском центре стали учащаться, если в донесениях заграничной агентуры за август прорываются сведения о борьбе внутри него. Так по поводу одного заседания большевистского центра, происходившего, повидимому, в тех же числах, что и пленум Ц. К., сообщается, что разбирался конфликт в редакции «Пролетария», происшедший между Лениным и Иннокентием, с одной стороны, и Богдановым, с другой. Последний снова отказался войти в состав редакции, мотивируя свой отказ болезнью. Кандидатуру Лядова для замены им Богданова, однако, провалили, и так как другого сторонника бойкота Думы на лицо не оказалось, то Богданов взял обратно свои требования гарантии свободного писания в «Пролетарий» для всех бойкотистов. Конфликт таким образом на короткое время был улажен, в редакцию же пока вошли Ленин и Зиновьев (Дубровинский должен был сразу же после пленума уехать в Россию. Богданова потом заменил на некоторое время Марат). Но на самом деле идет дальнейшее обособление оппозиции. Ленин в статье «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства писал: «с июня 1908 года, выйдя из узкой редакции «Пролетария», Богданов образовал официальную оппозицию внутри коллегии» (т. XI, ч. 1, стр. 311).

В № 34 «Пролетария» от 7 сентября (25 августа) в передовой статье «Еще одно предостережение» (Г. Зиновьева) редакция решительно заявила, что отзовизм есть точка зрения бойкота, признаваемая ее сторонниками верной и для данного момента. Статья указывает в противовес мнениям Богданова и Алексинского (см. прим. 204), что для «нас далее не является решающим соображение о том, что отзыв фракции причинил бы более или менее серьезную трещину партийному единству». А в устах Богданова это был едва ли не главнейший аргумент. К началу сентября закончена писанием и книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», окончательно подводившая итоги борьбе с махизмом, с философским ревизионизмом некоторых большевиков.

На августовском пленуме члены Ц. К. большевики энергично разоблачали меньшевиков в их попытке начать организованную ликвидацию партии. Положение в меньшевистских организациях благоприятствовало развитию ликвидаторских настроений. Еще в октябре 1907 г. Потресов писал Аксельроду: «у нас полный распад и совершенная деморализация. Вероятно, это явление общее для всех партий и фракций — в соответствии настоящему духу времени, — но я не думаю, чтобы этот распад и эта деморализация где-либо так ярко заявила себя, как среди нас, меньшевиков. Нет не то что организации, но даже и элементов для нее. И это

небытие возводится еще в принцип нашими цекистами»... («Социал-демократ. движение в России», т. 1, стр. 171).

Совершенно очевидно, что Потресов, тесно связанный с м-скими цекистами, еще в октябре 1907 г. имел все основания говорить о реальных планах ликвидации партии. Открыто ликвидаторские тенденции звучали еще на Лондонском съезде, но широкой волной ликвидаторство разливается с 1908 г., когда большинство м-ских организаций либо было разгромлено (особенно на юге), либо опустело из-за повального бегства работников, преимущественно из интеллигенции. Большевистские же организации в той или иной форме все же существовали, существовал и Ц. К., близкий к большевикам.

План меньшевиков уничтожить Ц. К. созрел давно. В начале 1908 г. (в феврале) произошел провал цекистов-большевиков. Арест их меньшевики решили использовать. В феврале-марте 1908 г. Горев читал доклад в Москве от имени меньшевиков о ликвидации старых партийных учреждений, считая их реакционным элементом, с которым прогрессивная часть партии должна бороться самым энергичным образом. Впоследствии Плеханов и группа меньшевиков-партийцев, в частности Алексей Московский (Хундадзе), разоблачили эти попытки в 1908 г. (до августовского пленума) ликвидировать московскую организацию. В письме, помещенном в № 10 «Социал-Демократа», Алексей Московский сообщает, как рабочие в 1908 г. дали отпор «коммивояжеру от ликвидации» (Б. И. Гореву). В другом письме, отрывки которого приводит Плеханов в № 12 «Дневника С.-Д.», есть ряд указаний на попытки ликвидаторов разрушить «ненавистный им Карфаген», т.-е. партию.

Меньшевистские литераторы и вожди открыли кампанию против партии, начав с бойкота центральных учреждений — испытанный уже со времени II съезда — прием оппортунистов. При обсуждении вопроса о созыве пленума разыгрался инцидент, бросающий свет на работы пленума. Было сообщено, что задержка в созыве пленума произошла из-за того, что один из бундовцев (Эзра—«Макаби»), М. М. Лапсердак, узнав о планах меньшевиков повести борьбу с Ц. К. под флагом отрицания его прав на существование, поставил этот вопрос на Ц. К. Бунда.

Тот же Эзра информировал Зиновьева, недавно выпущенного из тюрьмы, о положении дел в организации, в частности о «ликвидаторских» настроениях в партии. В письме к Зиновьеву Эзра пишет: «Я узнал, что мой братец [т.-е. меньшевики] ставит вопросительный знак над всем raison d'être [смысл существования] главной конторы [т. е. Ц. К.] и предлагает заменить ее чем-то вроде информационной комиссии. Вот это диковинное обстоятельство заставило моих компаньонов [т.-е. членов Ц. К. Бунда] созвать экстренное заседание, чтобы дать мне решительные инструкции». (Арх. И-та Ленина, № 27.118; л. 70.)

В письме Ц. К. Бунда от 18 сентября это обстоятельство изложено так: «воспользовавшись письмами Эзры к Григорию [Зиновьеву], в котором он сообщает, что мы узнали о планах меньшевиков (уничтож[ить] Ц. К.) и потому созвали экстренное заседание нашего Ц. К. для обсуждения этого вопроса, большевики пытались изобразить наше запаздывание (на пленум), как заговор против Ц. К. (в союзе с меньшевиками). Нашим, конечно, удалось выяснить вздорность подозрения. Они внесли протест против этих недостойных и необоснованных подозрений. У меньшевиков не хватило смелости признаться в том, что у них такой проект был». (Цитируемый документ из архива Бунда, имеющегося в копиях в И-те Ленина, № 262.)

Проект меньшевистских цекистов, о котором говорили бундовцы, был связан с тем обстоятельством, что в июне 1908 г. шла речь о созыве пленума Ц. К. для решения вопроса о конференции. За подписью цекистов Тышко, Малецкого, Богданова, Ленина и Таратуты от 1 июня было

послано следующее обращение: «Ув. т.! В виду известных Вам исключительных обстоятельств — ареста почти всех членов «сокращенного состава» Ц. К-та, действовавших в России, — невозможности собрать пленарное собрание Ц. К-та в России, — крайней необходимости в данный момент пленарного собрания для правильной постановки дальнейшей работы — мы признаем безусловно необходимым созыв такого собрания заграницей». (Арх. Бунда, № 247а.) Горев и Мартынов обратились к меньшевистским организациям с предложением: «ограничить на ближайшее время роль Ц. К. лишь информационными функциями, вследствие фактической невозможности для него, как показал опыт, быть пока чем-либо большим, чем информационное бюро. Если наше предложение не будет принято, то мы вынуждены будем отказаться от фактического участия в дальнейшей деятельности Ц. К., считая это участие и бесполезным и порождающим вредные «организационные иллюзии». («Необходимое дополнение к «Дневникам» Г. В. Плеханова», стр. 28.)

На пленуме Ц. К. (24 — 25 августа) присутствовало: 5 большевиков (Ленин, Богданов, Дубровинский, Зиновьев, Таратута), 3 меньшевика (Горев, Мартынов, Рамишвили), 1 латыш (Крамс — Кронберг), 1 польский с.-д. (Тышко), 2 бундовца (Медем и Эзра). Порядок дня: 1) отчет о созыве пленума, 2) общероссийская конференция, 3) финансовый доклад, 4) отчет партии Штутгартскому конгрессу, 5) организация дальнейшей работы Ц. К., 6) следственные дела, 7) организация работы за границей, 8) протокол Лондонского съезда и выборы.

Было намечено созвать в ноябре конференцию партии, намечен порядок дня. Основную работу должен вести суженный состав Ц. К. из 5 человек по одному от каждой фракции. Суженный Ц. К. руководит думской фракцией.

На пленуме выбрано было Загран. Бюро Ц. К. в составе 3 человек.

Меньшевики на пленум приехали с готовым планом ликвидации Ц. К. Под влиянием бундовцев, и особенно под напором большевиков на самом пленуме, меньшевики несколько смазали свое первоначальное предложение решительно выступить за ликвидацию Ц. К. О первоначальных планах м-ков можно судить по письмам членов Ц. К. Бунда — Медема и Эзры.

Эзра писал сейчас же после пленума (26 авг.): «С самого приезда сюда еще до заседания, я постарался свидеться с «лидерами» м-ков, чтобы познакомиться детальнее с их проектами и, если возможно, уговорить их умерить свой воинственный пыл и не производить самим харакири. Спорил я сначала с Даном и Мартовым и в значительной степени доказал им, во всяком случае, последнему, что их обвинения против Ц. К. П[артии] голословны, что Ц. К. даже в той довольно жалкой форме, в которой он существовал до сих пор и может существовать теперь, заслуживает свой raison d'être. После приехал Иг[орь-Горев] и Мартынов. И с ними мы много толковали, вместе с приехавшим в то время Поной [Попов-Койген], а затем и Графом [Медем]. Мы оказали на них некоторое влияние, и ко времени начала пленума, когда еще приехал Кавказец [Рамишвили], м-ки пошли немного на попятный... Ме[ньшеви]ки были в этом инциденте жалки, и я не могу им простить этого их отсутствия мужества; одно из двух: или они не должны были так стремительно выскакивать со своими планами, или, раз они уже выскочили, они должны были иметь смелость не скрывать этого. Ведь в конце концов шила в мешке не утаишь!» (Арх. Бунда, № 249а.)

Медем тогда же, 27 авг., пишет: «Ленин поднял вопрос о заговоре против партии (утверждал, что вопрос шел об отрицании даже пленума и о желании сорвать даже данный пленум, т.-е. сорвать его созыв), о стачке между м-ками и нами [т.-е. Бундом]»... (Арх. Бунда № 249а.)

Речь идет о следующем заявлении Ленина:

«В виду того, что делаются попытки затушевать исходный пункт обсуждаемого инцидента, я категорически заявляю, что в самом начале мною было вполне определенно сказано следующее:

По сообщению Григория, Эзра писал ему, что *меньшой брат отрицает Existenzrecht* [право на существование] *пленарного Ц. К.* Вот это сообщение, всецело подтвержденное Григорием, и ясно не опровергнутое Эзрой, составляет *незаконность* поступка меков и незаконность обсуждения *такого* вопроса Ц. К-том Бунда. Я настаиваю поэтому на розыске самого текста письма. *Ленин*». (Арх. И-та Ленина, № 27.118, л. 124.)

В результате обсуждения этого вопроса, как пишет Медем, «подозрение против меньшевиков, конечно, осталось». Первая попытка открыто выступить с ликвидацией партийного центра, а за ним, стало быть, и партии, не удалась. Известную роль сыграло и то, что против этой попытки, или попытки в такой форме были бундовцы, решительно против были также латыши и поляки — обычно примиренчески настроенные в вопросах организационных.

Неудача этого нападения на партию объясняется еще и тем, что внутри м-ков не было единства. Не было его и на совещании меньшевистских цекистов с редакцией «Голоса Социал-Демократа» — меньшевистского центра. Против плана был Плеханов. Вот что пишет по поводу результатов пленума в перлюстрированном письме Горев: «Наше положение было и есть прямо идиотское, мы не уходим, но фактически все учреждения бойкотируем... Здесь приходится плясать по дудке кучки литераторов, а вот из Питера мы (т. е. я и Мартынов) получили грозное письмо от меньшевистской конференции (14 человек), которое заклинает нас не уходить, так как дескать авторитет партии, несмотря на травлю ее как чужими, так и своими (профессионалами и литераторами) — не падает у рабочих, а растет, роль Ц. К. будет громадна, и отдавать его в безраздельное пользование большевикам — безумие. Вот и решай тут, кого слушать, кто представляет меньшевистское общественное мнение» (Арх. Деп. Пол. № 5, т. 2, ч. 84. Письмо от 11 сентября.)

На этом же пленуме было постановлено реорганизовать заграничное центральное бюро с.-д. организаций, возглавляемое меньшевиками. Так как у м-ков в России почти не осталось организаций, за границей же они преобладали, то им важно было сохранить Загр. Центр. Бюро и в случае необходимости противопоставить его Ц. К. В З. Ц. Б. входили меньшевики: Чичерин (Орнатский), Сережников, Бухгольц, Назарьевы; от большевиков — Алексинский и Отцов (Житомирский — впоследствии оказавшийся крупным провокатором). Ц. К. назначил новое бюро по 4 от каждой фракции и 2 немцев (Кон и Либкнехт), но З. Б. (старое) не подчинилось решению пленума Ц. К. Борьба вокруг бюро после пленума осложнилась еще необычайного размера эмигрантской склокой вокруг денежных дел (тифлисская экспроприация, наследство Шмидта и т. п.). Меньшевики и, главным образом, Мартов пытались набросить тень на Ц. К. и большевиков, скомпрометировать их политически. (О том, что меньшевики сознательно стремились бороться с б-ками и Ц. К. средствами политической компрометации, см. заметку Б. И. Горева в «Каторге и Ссылке», № 3 за 1924 г.)

Сейчас же после пленума отзовисты и ультиматисты выступили с предложением организовать партийную школу (будущая школа на Капри). Сентябрьское выступление Алексинского с предложением организовать школу показывает, что уже тогда речь идет о попытке найти новый «большевистский» организационно-идейный центр.

С другой стороны, начинается ряд выступлений меньшевиков (собрания в Петербурге, выступления Череванина, Ларина) с открытым призывом ликвидировать организацию.

Августовский пленум 1908 г. отобразил начало той эпохи распада, которую Ленин характеризовал позднее следующими словами:

«Сопоставьте *все* это в целом, *всю* сумму идейных течений 1908—1912 годов у с.-р., трудовиков, беззаглавцев, кадетов с тем, что было и есть у с.-д. (кто-нибудь, когда-нибудь, — историк, вероятно, сделает эту работу непременно), Вы увидите, что в с е, буквально все вне социал-демократов решали *те же самые*, буквально те же самые вопросы, из-за которых откололись у нас группки от партии в сторону ликвидаторства и отзовизма». («Лен. Сб.» I, стр. 122, письмо к Горькому от 1 авг. 1912 г.) — 390.

[200]) *«Голоса оппортунистов»* — то-есть «Голоса Социал-Демократа». — 394.

[201]) Последовательно отстаиваемая точка зрения бойкота в 1908 г. приводила к «отзовизму» (требование отзыва думской фракции из Думы). Отзовистское течение получило сильное распространение в ряде мест. Чрезвычайно сильно расхождение внутри фракции сказалось на майской конференции 1908 г. в Москве. Если правильно предположение ред. «Пролетария» о том, что голосование резолюций дало 18 за антиотзовистскую и 14 за отзовистскую, то соотношение сил в этом голосовании будет показательным.

Приводим резолюцию отзовистов:

«Принимая во внимание:

1. — что согласно постановлению Общерусской Конференции (июль, 1907), работа с.-д. депутатов в Гос. Думе должна заключаться в широкой агитационной и организационной деятельности;

2. — что со времени Общерусской конференции (июль, 1907) ни в экономической, ни в политической жизни страны не произошло решительных изменений, заставивших бы изменить нашу тактику в Гос. Думе;

3. — что истекшая почти шестимесячная сессия 3-й Гос. Думы ясно указала на невозможность для с.-д. депутатов агитационной и организационной деятельности, как и по внешним условиям, в которые они поставлены, так и по самому качественному составу с.-д. фракции;

4. — что деятельность с.-д. депутатов, поскольку она выражалась в открытых выступлениях фракции в Г. Д., не носит революционного социал-демократического характера;

5. — что главная работа с.-д. депутатов свелась к разработке законопроектов, к заседанию в комиссиях, о которых никто ничего не знает, к внесению мелких поправок;

6. — что такого рода деятельность не способствует разрушению конституционных иллюзий, но наоборот — способствует их укреплению,

Мы полагаем и предлагаем Конференции признать, что единственным выходом из создавшегося положения является сложение с.-д. депутатами своих полномочий, что подчеркнет как истинный характер самой Думы, так и революционную тактику Российской Соц.-Дем. Раб. Партии».

В противовес отзовистской резолюции была принята на конференции резолюция, которая признает, что деятельность с.-д. фракции в III Гос. Думе, «поскольку она отражалась в выступлениях фракции, отнюдь не может быть названа последовательно социалистической и революционной, что во фракции замечается непрекращающийся до последнего времени ряд шатаний в сторону мелко-буржуазного оппортунизма, принижения с.-д. лозунгов и программных требований, забвения служебного значения своей деятельности по отношению к внедумской борьбе пролетариата». Вместе с тем, резолюция указывает, что «в настоящее время отзыв с.-д. фракции из III Гос. Думы мог бы неблагоприятно отразиться на классовой борьбе пролетариата, что ошибки, допущенные фракцией, объясняются далеко, по партийной подготовке и выдержке, невысоким составом фракции, избранной по закону 3 июня, массой непривычной

работы, которая возложена была партией на плечи товарищей депутатов и в которой им, особенно первое время, трудно было даже ориентироваться, не только справиться с препятствиями, которые обильно ставятся им в их выступлениях, как президиумом Думы, так и особенно октябристско-черносотенным большинством ее и, что особенно важно, недостаточно внимательным отношением к работе фракции, как со стороны Центрального Комитета, так и со стороны местных организаций». Резолюция считает далее, что устранение ошибок фракции возможно не путем отозвания ее, а путем проведения в жизнь целого ряда мер со стороны местных организаций, так: «самые широкие круги сознательного пролетариата должны быть привлечены к зоркому наблюдению за деятельностью с.-д. фракции в Гос. Думе и к самому энергичному воздействию на нее, что может быть достигнуто — а) обсуждением во всех партийных организациях, профессиональных союзах и всевозможных других рабочих учреждениях важнейших вопросов, обсуждаемых думской фракцией, а также и выступлений ее в Думе и в) в организации систематического общепартийного влияния на фракцию путем наказов и резолюций по поводу прошедших и предстоящих ее выступлений». В заключение Московская Общегородская Конференция «выражает уверенность, что проведение в жизнь предложенных ею мер, как прежде всего самой фракцией, так и учреждениями партии, восстановит в глазах широких пролетарских масс теперь сильно пошатнувшийся авторитет ее, выведет фракцию из ее теперь изолированного положения, сделает ее одной из самых необходимых партийных организаций, служащей своей агитационной работой с думской трибуны великому делу пролетарской внедумской борьбы». (См. «Пролетарий» № 31 от 4 (17) июня 1908 года.)

Майская конференция послужила толчком к дальнейшему самоопределению сторонников Ленина и «левых» внутри фракции. Выступления по поводу конференции Ленина с одной стороны, и Богданова, с другой, определили дальнейшее развитие тактических разногласий. На приведенные резолюции ссылается Богданов в своей статье «Бойкотисты и отзовисты», помещенной в том же 31 № «Пролетария». Статья сопровождена следующим примечанием редакции (повидимому Дубровинского): «Ставя в зависимость вопрос о продолжении работы с.-д.-ов в Думе от «общего подъема народного движения», т. Максимов [А. Богданов] по существу дела становится на общую с нами почву. Но мы не намерены входить в дальнейшие детали решенного уже партией и жизнью вопроса о бойкоте. Гораздо важнее подчеркнуть нашу полную солидарность с автором в вопросе об «отзовизме», т. е. о современной практической политике.»

Эта попытка занять несколько примиренческую позицию основывалась на тех положениях, которые развил в этой статье Богданов. Он пишет, что было бы неверным полагать, что спор между сторонниками этих двух резолюций есть продолжение спора бойкотистов с антибойкотистами. Признавая правильной критику думской фракции, которая, по его словам, оправдала, «худшие предвидения, формулированные бойкотистами на июльской конференции», Богданов считает, однако, ошибочным отзыв фракции. Сложить свои полномочия фракции по собственной воле никогда не рискнет. «Только широкие боевые выступления пролетариата» могли бы привести к тому, что фракция сложила бы свои полномочия. В данный момент таких условий нет»...

«А между тем, всякие попытки осуществить отозвание фракции при условиях нынешнего момента не только не могли бы оказаться достаточно единодушными, — что абсолютно необходимо для их успеха, — но почти неизбежно повели бы к расколу партии, и расколу вероятно даже ее левого крыла... «С этой точки зрения лекарство, предлагаемое отзовистами, хуже самой болезни». Богданов упирает на то, что еще не ис-

черпаны все возможности воздействия на фракцию. «Пока не исчерпаны указанные в нем средства, — а «отзовисты» не станут утверждать, что они исчерпаны — нельзя переходить к тактике столь беспримерно-решительной и столь безмерно-рискованной, какой была бы в данный момент тактика «отозвания». Богданов призывает большинство бойкотистов стать на эту точку зрения и подписывает статью «бывший докладчик бойкотистов на июльской конференции».

Не становясь на точку зрения отзовизма, Богданов в то же время не осуждает отзовизма и исходит в критике отзовизма из соображений, которые стали характерными для «революционного ультиматизма», этого «стыдливого отзовизма» по выражению Ленина. — 394.

[202]) Одним из примеров широкого распространения *шовинизма* может служить настроение среди английских рабочих во время войны Англии с бурами (1899 — 1902 г.г.). Английская буржуазия повела решительную империалистическую агитацию, связывая улучшение положения рабочих с активной колониальной политикой. Министерство Джозефа Чемберлена — вождя империалистической буржуазии — с большой настойчивостью возбуждало шовинистические инстинкты массы, держало большую часть английской прессы под своим непосредственным воздействием.

Благодаря экономическому положению английской промышленности, получающей значительные сверх-прибыли с колоний, английская буржуазия могла подкупом верхушек рабочего класса создавать и в среде части рабочих отклик и сочувствие политике империализма. (См. об этом Ленин. «Империализм, как новейший этап капитализма», п. 8 «Паразитизм и загнивание капитализма», а также его ст. «Империализм и раскол социализма». Сочинения т. XIX.)

Антисемитизм распространился в Германии, в Австрии, во Франции (дело Дрейфуса). В Германии создавшаяся «христианская социальная рабочая партия», во главе с придворным проповедником Штеккером, проповедывала, что все бедствия происходят от господства еврейского капитала. В рядах антисемитов, которые громили еврейских капиталистов, были помещики, землевладельцы и крупные промышленники, вербовавшие в свои ряды мелких лавочников и ремесленников и стремившиеся острое недовольство социальных низов перевести в русло национальной вражды.

Характеристику антисемитизма дает Энгельс в письме неизвестному: «Антисемитизм — это признак отсталой культуры, и поэтому встречается только в Пруссии, Австрии и в России. Если бы здесь, в Англии или в Америке, кто-нибудь вздумал заниматься антисемитизмом, то его просто высмеяли бы», и дальше: «Антисемитизм есть, стало быть, не что иное, как реакция средневековых, гибнущих общественных слоев против современного общества». (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Перевод, редакция и примечания В. В. Адоратского. 1928. Изд. 3-е, стр. 332 — 333.)

Анархизм особенно широкое распространение получил в романских странах. К анархическому движению 80 — 90 г.г. прошлого столетия примкнули в большом количестве деклассированные слои. Анархизм (во Франции, напр.) в то время от бакунинской проповеди массового восстания перешел к индивидуальному террору (убийство франц. президента Карно 1894 г., взрыв бомбы в палате депутатов 1893). В 90—900 г.г. террористический анархизм стал заменяться анархо-синдикализмом, отрицающим политическую борьбу и признающим лишь «прямое действие» рабочих против капиталистов.

К той же эпохе относится расцвет буланжизма — реакционно-шовинистического движения Франции конца XIX в.

Буланжизм — по имени Жоржа Эрнеста Буланже (1837 — 1891), французского генерала, затем военного министра. Буланже приобрел широкую популярность среди республикански настроенной мелкой буржуазии и ча-

сти пролетариата. Отставка создала ему незаслуженный ореол человека, пострадавшего за верность республике. Вокруг его имени сплотились все элементы, недовольные существующим режимом умеренных республиканцев, начиная от крупных землевладельцев и кончая отдельными слоями пролетариата. Буланжисты образовали национальную партию, тайно субсидируемую монархистами. Буланжистская попытка захвата власти не удалась, и все движение быстро распалось. — 397.

[203]) В том же № 39 «Пролетария», где была помещена настоящая статья Ленина, в отделе хроники напечатано «Письмо из Петербурга» (В думской с.-д. фракции), подписанное «Н.». Письмо подробно рассказывает о деятельности фракции, начиная с открытия Гос. Думы. Автор указывает, что основной тон работам и выступлениям фракции дают «сведущие лица». Их состав был крайне неудовлетворительный. Это были или меньшевики ликвидаторы, вроде Потресова и Е. Смирнова, или даже прямо мелкобуржуазные демократы, как С. Прокопович. «Сведущие лица есть, говорится в «Письме из Петербурга», может быть их даже *слишком* много. Осведомленность их во многих вопросах не подлежит никакому сомнению. Но нужно прямо сказать, что принципиальная позиция их и их партийная выдержка — ниже всякой критики. Если бы здесь перечислить многие из имен этих сведущих людей, то товарищи увидели бы среди них явных литературных врагов нашей партии... Понятно, какой оттенок накладывают они на деятельность фракции, которая не в силах была, однако, обойтись без их помощи». — 399.

[204]) Центральный Комитет предпринял ряд шагов по установлению постоянной связи с думской фракцией и руководству ею. Отношения между фракцией и Ц. К. налаживались с трудом, а ошибки фракции еще больше ухудшали возможность совместной работы.

До открытия заседаний Думы правые депутаты предполагали отправить царю приветственную телеграмму, и на 3 заседании Думы было решено послать адрес. Фракция постановила не присутствовать при обсуждении адреса, так как не чувствовала себя подготовленной к решительному выступлению.

Ц.К. считал, что необходимо было присутствовать и высказаться о положении в стране. Мнение Ц. К. запоздало, так как фракция уже выполнила свое решение. Фракция огласила, выработанную Потресовым и еще урезанную самой фракцией, декларацию в ответ на декларацию правительства. Рожков, как представитель Ц. К., нашел проект декларации неудовлетворительным и предложил фракции проект Ц. К. Декларация фракции не содержала таких лозунгов, как конфискация земли, не было сказано об Учр. собр., вместо конкретных требований по рабочему вопросу было выставлено общее пожелание об улучшении положения рабочего класса и т. п. Ц. К. единогласно признал, что декларация не соответствует задачам фракции, и обратился к фракции с письмом, где в товарищеской форме указывались недостатки в работе фракции.

Резкие столкновения с Ц.К. были еще по следующим вопросам. Фракция решила создать наряду с комиссиями юридической, аграрной, рабочей, по местному самоуправлению и т. п. еще «политическую» комиссию для обсуждения всех тактических вопросов. Ц. К. опротестовал это решение, как противоречащее уставу партии. И только veto Ц. К. заставило фракцию отказаться от своего решения. Ц. К. считал недопустимым, исходя из постановления Лондонского съезда, участие фракции на совещании оппозиции, где присутствовали члены польского коло и мирнообновленцы. На общие информационные совещания оппозиционных групп, без народовцев и мирнообновленцев, Ц. К. считал возможной посылку фракцией, в случае необходимости, делегации из 2 — 3 лиц после того, как фракция приняла уже решение по вопросу, подлежащему обсуждению. Единогласно Ц. К. опротестовал и решение фракции о том, что если от их голосов бу-

дет зависеть прохождение мирнообновленца Львова, голосовать за него. Лондонский съезд признал мирнообновленцев правой партией и предлагал вести с ней борьбу именно как с правой партией. Фракция отменила свое решение. Серьезным разногласием служило нежелание фракции выступать на легальных собраниях для отчета избирателям. Такие собрания имели большое значение особенно для Петербурга, где были сильны бойкотистские настроения и сильное недовольство фракцией. Ц. К. предложил фракции пересмотреть свое решение, точную формулировку которого мы не знаем, но, очевидно, речь шла о том, что фракция предпочитала воздерживаться от выступлений. «Как известно, в прошлую сессию фракция посещение депутатами рабочих и партийных собраний ввела в такие рамки, что сделала их почти невозможными». (Из письма Н. [Рожкова?] в № 39 «Пролетария».)

Политические ошибки, допущенные фракцией, вызвали среди рабочих и в партии сильное возбуждение. В ряде крупнейших организаций, особенно в Москве, в Питере, Иваново-Вознесенске, Одессе были распространены представления о правильности тактики бойкота, о том, что фракция своим поведением только укрепила бойкотистскую позицию. Настроения эти вылились зимой-весной 1908 г. в отзовизм.

Учтя эти настроения, Ц. К. обратился с письмом к местным организациям по поводу думской фракции, опубликованным в № 21 «Пролетария» от 26 (13) февраля. В письме Ц. К. считает исход выборов при данной ситуации удачным для с.-д., указывает на неблагоприятную обстановку, в которой приходится действовать фракции. «Ц. К. не отрицает, конечно, политических ошибок фракции и ответственности ее за эти ошибки, но вместе с тем Ц. К. находит необходимым указать, что многие недостатки в деятельности фракции определяются отсутствием систематического воздействия самой же партии на фракцию». Указывая, что очень многое в работе фракции зависит от самих же местных организаций, Ц.К. сообщает, что между ним и думской фракцией устанавливается взаимное понимание и согласие по основным вопросам думской работы. Ц. К. рекомендует партийным организациям посылать во фракцию петиции, заявления с просьбой поднять в Думе вопросы, затрагивающие интересы рабочих масс, как, напр., безработица, дороговизна, профессиональные организации, условия труда и жизни рабочих и т. п.

Отношения Ц. К. с фракцией осложнялись непрекращавшимися ошибками фракции и развернувшейся борьбой внутри Ц. К. и большевистского центра. Оптимизм Ц. К. в приведенном письме, почерпнутый из опыта первой сессии, претерпел ряд испытаний, но уже после декабрьской конференции 1908 г. работа фракции, в которой хотя и преобладали меньшевики, пошла по такому руслу, что такие явные ликвидаторы, как Белоусов, были вынуждены порвать с фракцией.

Попытки Ц. К. влиять на работу фракции были расценены меньшевиками как придирчивая критика и травля фракции.

С другой стороны, часть большевиков, преимущественно бывшие бойкотисты, впали в противоположную крайность, предлагая поставить фракции *ультиматум*. Точка зрения ультиматистов выражена в «Пролетарии» в статьях Г. Алексинского и Шанцера.

Алексинский в статье «Что же дальше?» («Пролетарий» № 34) писал: «...Подводя итог деятельности фракции за время первой сессии третьей Думы, приходится — с большим сожалением, разумеется, — признать, что деятельность эта не равна даже нулю, а представляет собой *величину отрицательную*, и что, вместо ожидавшейся пользы, до сих пор мы видим от нее в политическом отношении лишь вред... Какое же заключение можно и нужно сделать? — Только одно: мы, большевики, в громадном большинстве, стоявшие за неучастие в 3-ей Думе, оказались слишком правы в своем недоверии к будущей деятельности фракции. Что

должна сделать партия, чтобы распутать создавшееся положение и выйти из него с честью? На первый взгляд самым простым выходом является отозвание фракции из Думы...»

Собираясь дальше критиковать позицию отзовистов, Алексинский пишет, что не считает их позицию анархистской. «Но может ли партия отозвать ее [фракцию], как предлагают «отзовисты»?» спрашивает Алексинский. «Мне думается, что это было бы ошибочным шагом со стороны партии. И вот почему. Дело в том, что по свидетельству самого Ц. К. данная фракция недостаточно партийна. Она уже нарушила директивы партии и Ц. К. И, — приходится быть откровенным, — она в большинстве своем попросту откажется подчиняться решению об ее отзыве...» Отозвать фракцию нельзя, по мнению Алексинского, еще потому что такой шаг может тяжело отозваться на партии и ее левом крыле. Партия должна поставить фракции два ультиматума: о безусловном подчинении партии и Ц. К. и о внедумской работе. Еще резче вопрос об ультиматистской тактике подчеркивает Марат (В. Шанцер). В ст. «К вопросу о социал-демократической думской фракции» («Пролетарий» № 36) пишет: «...во всех своих выступлениях фракция шла всегда по линии наименьшего сопротивления, по линии компромисса, узко-практических соображений, впадая нередко в парламентский кретинизм». Марат приводит ряд примеров в работе фракции, доказывающих его положение об оппортунизме фракции, и кончает статью следующими словами: «Пора поставить ей [фракции] *ультиматум*, требующий безусловного подчинения партийной дисциплине, участия во внедумской партийной работе, агитационной и партийной работе путем решительных выступлений в Думе, путем защиты, и решительной защиты, программы и тактики партии, путем демонстративных протестов против затыкания пролетарским депутатам рта и бесшумного, но насильственного их удаления по одиночке. Или пусть фракция станет партийна и решительна до конца в своих выступлениях и тактике, или партии придется применить другие меры, удалить из фракции некоторых оппортунистов, или отозвать, наконец, фракцию».

Для характеристики линии «Пролетария» в вопросе о фракции следует отметить № 35 «Пролетария». В нем была помещена статья М. «К вопросу о деятельности нашей думской фракции». К этой статье редакция сделала примечание, чрезвычайно характерное для оценки внутрипартийного положения. «Редакция помещает статью М. как дискуссионную, отражающую впечатления непосредственного наблюдателя работы фракции, но считает, что автор оптимистически оценил положение, «рисуя дело так, будто продуманной оппортунистической линии у нашей фракции нет и в помине. Верно то, что строго выдержанной линии меньшевизма фракции по разным обстоятельствам провести не удалось. Но нельзя отрицать и того, что поскольку линия создавалась, — это была линия оппортунизма...» Редакция делает далее оговорку, что речь идет об оппортунизме русском, а не баденском, т. е. что это не позиция открытого реформизма, голосующего, как это имело место в южно-немецких ландтагах, за бюджет в целом. Фракция отличается от реформистских парламентариев в германской с.-д. «настолько, насколько наш отечественный меньшевизм, еще не расквитавшийся со всеми революционными традициями, отличается от оппортунизма западно-европейского». — 399.

[205]) Подробные сведения о связи думских депутатов с местными социал-демократическими организациями и об отношении к думской работе фракции давало упоминаемое уже «Письмо из Петербурга», помещенное в № 39 «Пролетария».

В этом «Письме» давалась сводка отчетов о поездках депутатов на места, об отношении к Думе и деятельности фракции среди населения различных мест России. В специальном заседании думской с.-д. фракции обсуждались результаты этих поездок депутатов и были подведены итоги.

Собрание пришло к выводу, что население мало осведомлено о существовании, деятельности и значении фракции. Был сделан вывод, что фракция должна вносить в Думу законопроекты, касающиеся широких масс рабочих и крестьян, вести общую критику политики правительства, устраивать нелегальные собрания для отчетов о работе фракции, издавать печатные отчеты. Что же касается вопроса об отношении к фракции партийных организаций, то было установлено, что со стороны отдельных партийных работников и некоторых партийных организаций в прессе выражено резкоотрицательное отношение к деятельности фракции, порой с отзовистской окраской; со стороны руководящего партийного органа такого отношения нет, за необходимость отзыва фракции из Думы он не высказывался, поэтому все замечания прессы надо лишь принять во внимание при постановке дальнейшей работы фракции в Думе.

Последний обсуждавшийся вопрос о дальнейшей работе фракции свелся к обсуждению способов связи с населением. В конце заседания были оглашены два заявления Петербургской организации: 1) вследствие настойчивого требования организованных рабочих,—П. К. убедительнейше просит тт. депутатов поспешить составлением отчета о деятельности фракции в первую сессию Гос. Думы; 2) Петербургская организация просит товарищей депутатов, для тесной связи с петербургским пролетариатом и для содействия организации в ее работах, посещать все, как организационные, так и общепролетарские собрания, где присутствие депутатов окажется необходимым. (Подробнее см. текст самого письма в № 39 «Пролетария» от 13 (26) ноября 1908 года.) — **400.**

[206]) *«Россия»* — газета, издававшаяся с ноября 1905 года под редакцией Животовского. В 1906 году она превращена Столыпиным в официальный орган министерства внутренних дел и издавалась на казенные средства. В приложении к газете помещались стенографические отчеты о заседаниях государственных дум. Издавалась до 1917 года. — **403.**

[207]) Под именем градоначальника Угрюм-Бурчеева — Салтыков-Щедрин в «Истории одного города» вывел Аракчеева, всесильного временщика при Александре I. В его лице писатель персонифицировал темную, тупую, властную и давящую силу крепостнического самодержавия. Тупость бюрократа, умственная ограниченность, стремление все ввести в узкие рамки ранжира и распоряжения — вот характерные черты Угрюм-Бурчеева. По определению Салтыкова — это был «чистейший тип идиота, принявшего какое-то мрачное решение и давшего себе клятву привести его в исполнение». — **404.**

[208]) Вандея — французская провинция, где вспыхнуло в эпоху Великой Фр. Революции контр-революционное восстание отсталого реакционного крестьянства против революционного Конвента. Восстание проходило под религиозными лозунгами и руководилось духовенством и помещиками.

На IV съезде Г. В. Плеханов, являясь содокладчиком по пересмотру аграрной программы, утверждал, что в крестьянской идее черного передела есть реакционные черты, и высказывался против национализации земли. Плеханов говорил: «Чтобы обезвредить национализацию, необходимо найти гарантию против реставрации, а такой гарантии быть не может. Припомните историю Франции; припомните историю Англии; в каждой из этих стран за широким революционным размахом последовала реставрация. То же может быть и у нас». (См. Протоколы Объединительного съезда Р.С.-Д.Р.П. ГИЗ. 1926, стр. 39 — 42.) — **410.**

[209]) Ленин говорит о последней части проекта аграрной программы большевиков, где сказано следующее: «Партия во всех случаях и при всяком положении демократическо-аграрных преобразований ставит своей задачей неуклонно стремиться к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии, предостерегать его от

обольщения системой мелкого хозяйства, которая никогда при существовании товарного производства не в состоянии уничтожить нищеты масс, и, наконец, указывать на необходимость полного социалистического переворота, как единственного средства уничтожить всякую нищету и эксплуатацию». Этих положений не касалась аграрная программа Маслова (Джона), требующая отчуждения частновладельческих земель, при чем не исключались и выкуп и передача их во владение самоуправляющимся крупным областным организациям. — 414.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ПРИМЕЧАНИЙ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ.

V. СЛОВАРЬ - УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

АБДУЛ-ГАМИД II (1842—1918) — турецкий султан. Турция при Абдул-Гамиде (1876—1909) потерпела ряд поражений: проиграла в 1877—1878 г.г. войну с Россией и потеряла в 1882 г. Египет и в 1885 г. Восточную Румелию. Революция 1908 г. положила конец царствованию Абдул-Гамида, который был низложен постановлением Национального Собрания в апреле 1909 г. — 351, 354.

АВРАМОВ — болгарский с.-д. Представитель Болгарской партии тесняков на сессии Международного Социалистического бюро в 1908 г. В с.-д. движении — случайный человек и вскоре после сессии отошел от партийной работы. — 340, 347, 351.

АДЖЕМОВ, М. С. (р. 1878) — депутат II, III и IV Гос. Дум от Ростова н/Д и Донской области, видный деятель кадетской партии. В Гос. Думе выступал по вопросам внутренней политики и судебным. Автор работы «Обычное право в связи с реформой местного суда» (1910 г.). — 132.

АДЛЕР, ВИКТОР (ADLER, V.) (1852—1918) — основатель и вождь австрийской социал-демократии. Политическую деятельность начал в качестве буржуазного радикала, но очень скоро перешел к марксизму. Поддерживая близкие сношения с Энгельсом, предпринял в 1886 г. издание с.-д. газеты «Gleichheit», чем способствовал созыву объединительного съезда австрийской социал-демократии в Гайнфельде в 1889 г. После завоевания в 1905 г. всеобщего избирательного права в австрийский парламент Адлер посвятил свои силы парламентской борьбе, надеясь использовать раздробление национальных буржуазных фракций в интересах рабочего класса. В годы империалистической войны стал социал-патриотом, хотя и не занимал ярко-шовинистской позиции, подобно большинству социал-патриотических вождей. — 91, 347, 353.

АКСЕЛЬРОД, П. Б. (1850—1928) — вначале бакунист, с расколом «Земли и Воли» (1879 г.) примкнул к черно-передельцам. В 1883 г. вместе с Плехановым, Дейчем, В. Засулич и Игнатовым основывает группу «Освобождение Труда». С 1900 г. один из редакторов «Искры» и «Зари». На II съезде партии в 1903 г. примкнул к меньшевизму, дал ему принципиальное обоснование в своих статьях в «Искре» (№№ 55 и 57) и выступал с тех пор неизменно в качестве одного из самых яростных противников большевизма. Аксельроду принадлежит руководящая роль в выработке меньшевистской тактики за все время существования меньшевистской партии. В ноябре 1904 г. написал листовку: «Письмо к партийным организациям», с планом земской кампании. В 1905 г. выступал с агитацией за «народную думу» и выдвинул идею «рабочего съезда». На (IV объеди-

пительном) съезде Р.С.-Д.Р.П. (Стокгольм, 1906 г.) выступил с программным докладом о тактике по отношению к Государственной Думе, защищал идею «политического сотрудничества пролетариата и буржуазии в абсолютистской России». Общая идея политики А., особенно настойчиво проповедывавшаяся им с момента поражения революции 1905 г., заключалась во фракционном сплочении меньшевиков с целью произвести «партийную революцию», т.-е. «коренным образом изменить характер русской с.-д-тии, как он сложился в дореволюционную и революционную эпоху, и организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй европейской с.-д-тии», т.-е. на началах реформизма и легализма. В годы реакции возглавлял «ликвидаторство» и входил в редакцию меньшевистского органа «Голос Социал-Демократа». Участник циммервальдской и кинтальской конференций, где занимал крайне правое крыло; под флагом интернационализма отстаивал позицию, близкую к социал-шовинизму. Был одним из лидеров II Интернационала, членом Международного Социалистического Бюро и яростным противником советской власти, вплоть до проповеди вооруженной интервенции. — 19, 26, 60, 67.

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (1629 — 1676) — второй царь из династии Романовых (1645 — 1676). — 411.

АЛЕКСИНСКИЙ, Г. А. (р. 1879) — в молодости участвовал в революционном студенческом движении. В 1905 г. принимал участие в работе московской с.-д. организации. В 1907 г. был проведен во II Государственную Думу, участвовал на Лондонском съезде Р.С.-Д.Р.П. После роспуска II Государственной Думы и ареста с.-д. фракции скрылся от суда, вопреки мнению фракции, считавшей нужным не уклоняться от процесса и сурового приговора (каторга для большинства ее членов). В 1908 г. был во главе ультиматистов, затем вместе с Богдановым, Луначарским, М. Лядовым, Ст. Вольским вошел в группу «Вперед», участник впередовского сборника «На темы дня». С начала войны А. занимал ультра-шовинистскую позицию и вошел вместе с Плехановым и эс-эрами Авксентьевым и Бунаковым в редакцию социал-патриотического «Призыва». Одновременно с Парижским «Призывом», А. сотрудничал в «Русской Воле», издававшейся в Петрограде в 1916 — 1917 г.г. на банковские деньги октябристом Протопоповым, позднее министром Николая II, вследствие чего меньшевик Иорданский, редактор оборонческого «Современного Мира», принужден был печатно заявить об устранении А. из числа сотрудников журнала. По возвращении в Россию в 1917 г. А. примкнул к Плехановской социал-патриотической группе «Единство». Оборонческий Ц. И. К. первого созыва не счел возможным допустить его в свой состав. В момент июльского выступления петроградского пролетариата А., по соглашению с контр-разведкой, опубликовал подложные документы, долженствовавшие, в целях срыва движения, скомпрометировать Ленина и большевиков, как германских агентов. В 1918 г. А. был арестован В. Ч. К.; отпущенный на поруки, скрылся за границу, где примкнул к вождям крайней реакции, стал впоследствии вместе с Бурцевым главным литературным агентом барона Врангеля. В эмигрантских кругах А. приобрел заслуженную репутацию грязного интригана и нестесняющегося в средствах человека. — 48.

АНДЕРСОН, ДЖЕМС (1739 — 1808) — английский экономист, писал преимущественно по вопросам сельского хозяйства. Андерсон известен своим памфлетом «Enquiry into the nature of the corn laws» (1777), в котором он задолго до Рикардо развил в основных чертах теорию дифференциальной ренты. Взгляды А. разбирает Маркс в «Теориях прибавочной стоимости». — 270.

АНДРЕЙЧУК, Г. А. (р. 1879) — депутат III Гос. Думы от Подольской губ., крестьянин, бывший волостной писарь, умеренный правый. — 409.

АННЕНСКИЙ, Н. Ф. (1843—1912) — один из виднейших народников 90-х и 900-х г.г., принадлежал, вместе с Н. К. Михайловским, А. В. Пешехоновым, В. Г. Короленко и др., к руководящей группе легального народничества; публицист и статистик. В качестве руководителя статистических работ казанского и нижегородского земств сыграл крупную роль в организации русской земской статистики, соединив в наиболее полной мере так называемые московский и черниговский типы земской статистики. С 1896 по 1900 г.г. заведывал статистическим отделом петербургской городской управы. Сотрудничал в журналах: «Дело», «Отечественные Записки», «Русское Богатство». Входил в состав редакции «Русского Богатства» и после разрыва последней с партией с.-р. в 1905 г. выступил как один из организаторов партии народных социалистов. Последние годы жизни, в связи с болезнью, совершенно отошел от политической работы. Участвовал в двухтомном сборнике «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», составленном по поручению министерства финансов народническими и либеральными экономистами под редакцией проф. А. И. Чупрова и А. С. Посникова (Спб. 1897). — 229.

Б.

БАЗАРОВ (РУДНЕВ), В. А. (р. 1874) — экономист, публицист и философ-махист, в прошлом видный социал-демократ. Начал с.-д. работу в Москве в 1896 г., откуда был выслан в Тулу, где вместе с А. А. Богдановым и И. И. Скворцовым (Степановым) вел пропаганду среди рабочих. В 1901 г. вошел в Московский комитет, но вскоре был выслан в Сибирь. После раскола партии примкнул к большевикам. В 1905 г. состоял членом Петербургского комитета. Работал в легальной и нелегальной большевистской печати. Принимал участие в Стокгольмском съезде. Один из переводчиков «Капитала» К. Маркса на русский язык и автор ряда философско-публицистических и экономических работ. Участник махистского сборника «Очерки по философии марксизма», 1908 г. В тактических разногласиях между большевиками по вопросу о бойкоте III Думы Б. выступал против бойкота. Во время войны — «платонический интернационалист», сотрудник журналов «Современник» (1915 г.) и «Летопись» (1916 г.). В 1917 г. один из редакторов «Новой Жизни». В 1919 г., в период деникинщины, участвовал в меньшевистском журнале «Мысль», издававшемся в Харькове. В настоящее время работает в Госплане СССР. — 185.

БАЗЕН, АШИЛЛЬ-ФРАНСУА (BAZAINE) (1811—1888) — французский маршал. Во время франко-прусской войны 1870 г. командовал рейнской армией. Упустив возможность своевременно пробиться сквозь более слабые немецкие отряды, был заперт в Меце превосходными силами неприятеля. Вел тайные переговоры с немцами о предоставлении ему возможности вести свою армию с целью низвержения республики во Франции. Переговоры остались безрезультатными.

БАЛАКЛЕЕВ, И. И. (р. 1866) — депутат III Гос. Думы от Подольской губ., крупный помещик, крайне-правый; председатель местного отдела союза русского народа. В Гос. Думе член комиссий финансовой, по рабочему вопросу и других. — 405.

БЕБЕЛЬ, АВГУСТ (1840—1913) — виднейший представитель международного рабочего движения второй половины XIX и начала XX в., один из основателей и вождей германской социал-демократии и II Интернационала, рабочий-токарь по дереву. В 1866 г. вступил в Интернационал и примкнул к учению Маркса. Вместе с В. Либкнехтом основал в 1869 г. «Соц.-дем. рабочую партию», слившуюся в 1875 г. с лассальянцами в единую «Социалистическую рабочую партию Германии», впоследствии пере-

именованную в «Соц.-дем. партию Германии». Неоднократно избирался депутатом от соц.-демократической партии в рейхстаг. Выступал вместе с Либкнехтом с требованием мира с французской республикой и протестом против захвата Эльзаса и Лотарингии и за это в 1872 г. был приговорен к двухлетнему заключению в крепости. Подвергался и после репрессиям. Постоянный участник партейтагов (партийных съездов). Играл выдающуюся роль в международном пролетарском движении. В теории всегда признавал себя учеником Маркса и Энгельса. Входя в левое крыло партии, неоднократно и резко выступал против бернштейнианства и оппортунизма в рядах партии и на международной арене. К концу жизни занял центристскую позицию. Автор ряда книг, брошюр и речей, пользовавшихся широким распространением. — 82, 84, 89, 92, 145, 146, 313.

БЕЛОУСОВ, Т. О. (р. 1875) — социал-демократ, член III Гос. Думы от Иркутской губернии. Бывший учитель. Был сотрудником сибирского журнала «Восточное обозрение», где писал по общественным и политическим вопросам под псевдонимом «Скромный наблюдатель», издал брошюру «Что такое земство и какая от него польза народу» (1906). Весной 1912 г. вышел из социал-демократической думской фракции, не сложив с себя депутатских полномочий, что вызвало сильное негодование и протест фракции и социал-демократической печати. В. И. Ленин осудил поведение Б. в статье «По поводу ухода депутата Т. О. Белоусова из с.-д. думской фракции» (см. Сочинения т. XV). — 412, 413.

БЕМ-БАВЕРК, ЕВГЕНИЙ (BÖHM von BAWERK) (1851—1914) — австрийский экономист, профессор, наиболее выдающийся представитель «австрийской школы» в политической экономии, пытающейся объяснить все экономические явления с точки зрения «субъективных оценок» (теория «предельной полезности»). Ожесточенный противник марксизма, оказавший значительное влияние на все развитие современной буржуазной экономической науки. Автор ряда работ: «Grundzüge der Theorie des wirtschaftlichen Güterwertes» 1886 («Основы теории ценности хозяйственных благ», СПБ, 1903); «Kapital und Kapitalzins» I, II, 1884—1889 г. (По-русски переведен 1 том: «Капитал и прибыль», СПБ, 1909 г.), «Zum Abschluss des Marxschen Systems», 1896 г. (по-русски — «Теория К. Маркса и ее критика», СПБ, 1897 г.). Критику теории Б.-Б. см. у Н. Бухарина «Политическая экономия рантье», и у Р. Гильфердинга, «Бем-Баверк, как критик Маркса». М. 1924 г. — 185, 187.

БЕРДЯЕВ, Н. А. (р. 1874) — философствующий публицист, проделавший эволюцию от марксизма к идеализму, а затем к мистицизму. Одним из этапов этой эволюции явилась его книга «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (1901), в которой бернштейнианское выхолащивание марксизма сочетается с кантовской философией. Во время первой революции — кадет. В эпоху реакции был в числе сотрудников сборника «Вехи». Закончил свою эволюцию примирением с православием, а после Октябрьской революции выступил апологетом средневековой схоластики как единственного спасения от растущего коммунизма. Эмигрант. — 57.

БЕРЕЗОВСКИЙ, А. Е. (р. 1868) — депутат III Гос. Думы от Симбирской губ., помещик, агроном, кадет, земский деятель, б. председатель Саратовской уездной управы, член комиссий по продовольственному и земельному вопросу. — 406, 408.

БЕРНЕТ, ДЖОН (р. 1847) — английский профсоюзный деятель, в 1875 г. был секретарем союза механиков. — 147.

БЕРНС, ДЖОН (BURNS) (р. 1859) — видный деятель английского рабочего движения, машиностроительный рабочий. В 80-х г.г. член с.-д. федерации, но потом из нее вышел. В 1887 г. вместе с Т. Манном положил основание новому направлению в проф. движении, организуя и неквалифицированных рабочих. Был подвергнут тюремному заключению в

1887 г. за сопротивление полиции во время демонстрации в Трафальгарском сквере. В 1889 г. провел грандиозную стачку лондонских докеров. С 1892 г. член парламента, входил в состав «либеральных рабочих». С 1905 г. министр в либеральном кабинете Кэмпбелл-Баннермана. С этого же времени окончательно порвал с рабочим движением. — 349, 350.

БЕРНШТЕЙН, ЭД. (BERNSTEIN) (р. 1850) — германский с.-д., в эпоху исключительных законов против социалистов редактор нелегального центрального органа партии («Sozial-Demokrat»). В середине 90-х г.г. выступил в теоретическом органе германской с.-д-ии «Neue Zeit» со статьями, где пытался подвергнуть пересмотру философские, экономические и политические основы революционного марксизма и заменить их теорией примирения классовых противоречий, отрицанием социалистической революции и верой в возможность достижения социализма путем постепенного «врастания» в капиталистический строй. Более или менее связанное изложение своих взглядов Бернштейн дал в книге «Предпосылки социализма и задачи с.-д-ии», вышедшей в январе 1899 г. Выступления Б., вызвавшие тотчас же резкую критику Р. Люксембург, Парвуса и Г. Плеханова, а затем и К. Каутского, послужили исходным пунктом широкой и острой полемики в среде международной с.-д-ии и привели к оформлению двух течений: ортодоксов и ревизионистов. В настоящее время Б. — один из лидеров II Интернационала. Его воззрения целиком победили в германской с.-д-ии и нашли свое отражение в новой программе партии, принятой в 1925 г. в Гейдельберге. — 78, 87, 184, 188, 195, 379.

БИНАСИК, М. С. (НОВОСЕДСКИЙ) — с.-д. меньшевик, присяжный поверенный, участник Стокгольмского съезда от Сморгонской организации, работник Северо-Западного края. С 1908 г. отошел от движения и снова появился на политической арене в 1917 г., был одно время председателем военной секции Петроградского Совета и членом Петроградского Исполкома, позже вошел в Ц.И.К. первого созыва. После Октябрьского переворота уехал на Дальний Восток, был председателем Совета Министров во Владивостоке, а позже министром внутренних дел Дальневосточной республики. — 288, 290, 320, 327.

БИСМАРК (1815 — 1898) — «железный канцлер» Германской империи, главным делом которого было объединение «кровью и железом» мелких разрозненных немецких государств и создание германского национального единства под главенством юнкерской Пруссии (1866—1871 г.г.). При нем было введено в Германии всеобщее избирательное право. При помощи исключительных законов против социалистов (1878 — 1891 г.г.) пытался бороться с германским рабочим движением и с.-д-ией. — 108, 122, 194, 317.

БЛАНКИ, ЛУИ ОГЮСТ (BLANQUI) (1805 — 1881) — французский революционер коммунист. По взглядам представитель старой домарксовской, заговорщической тактики. Сражался на баррикадах в Июльскую революцию 1830 г. и с тех пор принимал активное участие в ряде восстаний. В 1832 г. был привлечен к суду, как один из руководителей крайне-республиканского «Общества друзей народа». За речь, произнесенную на суде, получил год тюрьмы. В 1836 г. снова был арестован и приговорен к тюремному заключению. В мае 1839 г. во главе «Общества времен года» пытался поднять восстание против монархии, за что был арестован и присужден к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Освобожденный в 1844 г. из-за болезни, Б. вернулся к революционной работе в 1846 г., когда он оправился от болезней. Принимал деятельное участие в революции 1848 г., организовал «Центральное республиканское об-во», — одну из наиболее влиятельных политических организаций. Ряд его столкновений с Временным правительством закончился арестом Б. и присуждением его к 10-летнему тюремному заключению. Вернулся в Париж в 1859 г. и снова за участие в тайном обществе вновь приговорен к 4 годам тюрьмы. В тюрьме Сант-Пелажи среди заключенных студентов и молодых рабочих

положил основы будущей бланкистской партии. Бежав из тюрьмы и поселившись в Брюсселе, Бланки оттуда руководил формированием партии. К этому времени относится его усиленная литературная деятельность, ряд статей, посвященных не только вопросам текущей политики, но и общим вопросам философии, политэкономии и социализма. Борьба с «мирным экономизмом» прудонистов и со всякими видами реформизма, наравне с борьбой за партию — основное содержание деятельности Б. в 60-х г.г. Считая, что путь к коммунизму возможен лишь через политическую классовую борьбу пролетариата, Б. отстаивал идею «вооруженного восстания» и диктатуры революционной партии. Во время франко-прусской войны 1870 г. Б. в организованной им газете «Patrie en danger» — («Отечество в опасности») выступил в защиту Франции против пруссаков, обвиняя правительство «национальной обороны» в измене. Принял участие в движении 31 октября. Военный суд заочно приговорил его к смерти. 17 марта 1871 г. Б. был брошен в тюрьму, 28 марта избран членом Коммуны. Переговоры Коммуны с версальским правительством об обмене Б. на архиепископа Парижского не привели ни к каким результатам. Освобожден он был только в 1878 г. после широко развернутой политической кампании, которую вели его друзья. В последние годы жизни Б. объездил крупнейшие рабочие центры Франции, выступая везде с проповедью социализма и классовой борьбы. Организовал газету «Ni Dieu, ni Maitre» («Ни бога, ни господина»). — 162.

БОБРИНСКИЙ, А. А. (р. 1862) — граф, крупный землевладелец Киевской губ. и сахарозаводчик, предводитель дворянства Петербургской губернии и городской гласный, председатель Совета объединенного дворянства, член III Гос. Думы от Киевской губ., крайний правый. В империалистскую войну сначала товарищ министра внутренних дел — затем с июля 1916 г. министр земледелия, проводил политику повышения твердых цен на продовольствие. После Октябрьской революции входил в «Совет Государственного объединения России» на Украине, поддерживал гетмана Скоропадского. Ныне эмигрант. — 114.

БОБРИНСКИЙ, В. А. (р. 1868) — граф, крупный землевладелец и сахарозаводчик. Член II, III и IV Государственных Дум от Тульской губернии. С 1909 г. лидер националистов, в Думе отстаивал политику решительного обрусения окраин. Один из вождей панславистов, участник Софийского славянского съезда в 1910 г. В IV Думе примыкал к прогрессивным националистам. После Октябрьской Революции уехал на Украину, вошел в «Совет государственного объединения России», поддерживал гетмана Скоропадского, с 1919 — в эмиграции. — 134, 404.

БОБЯНСКИЙ, А. Ф. (р. 1853) — член III Гос. Думы от Пермской губернии, крупный землевладелец, б. военный судья, по выходе в отставку присяжный поверенный, кадет. В Гос. Думе выступал обычно по вопросам суда, в частности против военного суда и смертной казни. — 406.

БОГДАНОВ, А. А. (1873 — 1928) — литературный псевдоним А. А. МАЛИНОВСКОГО, партийные псевдонимы—Вернер, Рахметов, Рядовой, Максимов, Сысойка и др. К рабочему движению примкнул с середины 90-х годов, с 1896 г. начал вести кружки среди рабочих. В результате этих занятий сложился его «Краткий курс экономической науки». (См. рецензию Ленина в II т. Сочинения, стр. 37 — 377, а также рецензию Каменева, перепечатанную в его кн. «Между двумя революциями», стр. 284 — 287, написанную с одобрения Ленина). По образованию Б. естественник и медик. Как большевик — определился с осени 1903 г. Был членом «Бюро комитетов большинства», принимал энергичное участие в организационной работе по созыву III съезда партии. Перу Богданова принадлежит большинство прокламаций Б. К. Б. На III съезде Богданов, делегированный от Тульской организации (Максимов), выступал с рядом докладов, был выбран в члены первого большевистского Ц. К. В «дни свободы»

работал в большевистской «Новой Жизни». На IV и V съездах также избирался членом Ц.К. от большевиков, а на V — члены Большевистского Центра. В конце 1907 г. вошел в состав тройки (с Лениным и Иннокентием), редактирующей «Пролетарий». Выступал с защитой тактики бойкота III Думы. К этому же времени между Богдановым и Лениным обострились разногласия по философским вопросам. Будучи в области философии последователем Маха и Авенариуса, Богданов пытался создать самостоятельное направление (см. его работы: «Эмпириомонизм», 3 книги 1904 — 6 г. и «Тектология», ч. 1, 1913, ч. II, 1917 г.). В 1907 г. выступил с защитой тактики бойкота III Думы, в дальнейшем отстаивал «ультиматизм» и возглавил «левых» в большевистской фракции. В 1909 г. — был исключен из большевистского центра, осенью того же года, совместно с Луначарским и при содействии Горького, организовал партийную школу на Капри, стал во главе группы «впередовцев», позднее совсем отошел от партии. В 1918 г. был одним из руководителей «Пролеткульта». С 1921 года всецело отдался научной работе. В 1923 г. оказал идеологическое влияние на антипартийную группу «Рабочей Правды». Организатор и директор Московского Института переливания крови, Богданов умер, произведя на себе неудачный эксперимент. Критике философских воззрений Богданова посвящена книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». (См. т. XIII, там же указатель философских и экономических работ Богданова.) — 185.

БРАНТИНГ, КАРЛ ЯЛЬМАР (1860—1925)—лидер шведской социал-демократии и один из вождей II Интернационала. С 1884 г. работал в газете «Tiden» («Тиден»), с 1887 г. был редактором-издателем партийного органа «Socialdemokraten» («Социал-Демократ»). В 1896 г. прошел в нижнюю палату депутатов (риксдаг), еще до войны был крайним приверженцем министериализма. Во время империалистической войны — сторонник франко-английской ориентации. В 1917 г. входит в качестве министра финансов в либерально-социалистическое коалиционное правительство Эдена, оказавшее вооруженную помощь белофинским палачам рабочего класса Финляндии. Брантинг в качестве премьера возглавлял в 1920 — 1921 г.г. социал-демократическое министерство, в 1924 г. был назначен представителем Швеции в Совете Лиги Наций. — 354.

БРИАН, АРИСТРИД (BRIAND, A.) (р. 1862) — французский политический деятель. В 90-х г.г. стоял во главе полуанархической организации «Рыцарей Труда», выступал ярым сторонником всеобщей стачки, благодаря чему пользовался известностью среди рабочих и получил в 1902 г. возможность пройти в парламент; позже примкнул к жоресистам. Несмотря на запрещение Амстердамского конгресса (1904), на основе которого произошло объединение французских социалистов, участвовать социалистам в буржуазном правительстве, Бриан в 1906 г. вступил в буржуазное министерство в качестве министра народного просвещения. Исключенный из социалистической партии, Бриан примкнул к группе «независимых» социалистов (Мильеран и др.), положивших (в 1911 г.) начало «республиканской социалистической партии» и постоянно поддерживавших кандидатуру Бриана. С 1906 г. по настоящее время Бриан почти все время, за исключением кратковременных перерывов, входит в кабинет министров. В 1909 — 1911 г.г., — глава министерства, — принимал суровые меры против бастующих железнодорожников, объявив железные дороги на военном положении. В 1913, 1915 — 1917, 1921 — 1922 г.г. — председатель совета министров. В 1924 г. был представителем Франции в Лиге Наций. С апреля 1925 г. после падения кабинета Эррио — министр иностранных дел в кабинете Пенлеве. В 1926 году снова премьер-министр, а в 1927 году министр иностранных дел в кабинете Пуанкаре. На этом посту ратифицировал оккупацию Бессарабии Румынией. — 311.

БРУКЕР, ЛУИ, де (BROUKÈRE) (р. 1870) — бельгийский социалист.

Вступил в бельгийскую рабочую партию в 90-х годах. В 1905—1906 г.г. Брукер приветствовал первую русскую революцию, оказывал помощь большевикам в приобретении оружия для боевых дружин в России. Член Международного Социалистического Бюро в 1908 г. и вплоть до войны. В 1910 г. де-Б., находясь на левом крыле рабочей партии, выступает против участия социалистов в правительстве. Сторонник ортодоксально-марксистского направления, дал критику реформизма и ревизионизма в бельгийской партии в известной брошюре «Рабочее движение в Бельгии» (1911 г.). Во время войны стал социал-шовинистом; по окончании войны бессменный член бюро Генерального Совета партии и член Исполкома 2-го Интернационала. В 1920 г. и позднее резко выступал против коммунистов, требуя их исключения из бельгийской рабочей партии. В Исполкоме 2-го Интернационала де-Б. неоднократно выступал против С.С.С.Р.— 81, 188, 354.

БУЛАТ, А. А. (р. 1873) — депутат II и III Гос. Дум, трудовик, видный деятель литовского автономистского движения. Как присяжный поверенный, Б. выступал защитником в ряде крупных политических процессов. В октябрьские дни (1905 г.) был одним из организаторов почтово-телеграфной и ж.-д. забастовки. Б. сотрудничал в ряде литовских прогрессивных органов печати. В Думе состоял членом многих комиссий, выступал по бюджету, по аграрному вопросу, по народному образованию и т. д. В 1917 г. входил от трудовой народно-социалистической партии в Ц.И.К. первого созыва, голосуя по основным вопросам вместе с эсерами и меньшевиками. После Октябрьской революции Булат уехал в Литву. — 411.

БУЛГАКОВ, С. Н. (р. 1871) — экономист и философ, первоначально один из представителей «легального марксизма», в своих первых экономических статьях и книге «О рынках при капиталистическом производстве» (1897 г.) выступал как сторонник Маркса, затем эволюционировал от марксизма к идеализму и православию. Уже в журнале «Начало» (1899 г.) и, в особенности, в двухтомной работе «Капитализм и земледелие» Б. порвал с марксизмом и целиком стал на ревизионистскую точку зрения, доказывая ошибочность всех основных положений марксистской теории вообще и в области аграрных отношений в частности. Дальнейшая эволюция Б. получила свое выражение в статьях, помещенных в книгах и сборниках: «Проблемы идеализма» (1902 г.), «От марксизма к идеализму» (1903 г.) и «Вопросы религии» (1906 г.). В 1907 г. Б. был депутатом 2-й Государственной Думы, примыкал к кадетской партии, являлся одним из вождей общественной реакции, господствовавшей после поражения революции 1905 г. После Октябрьской революции стал священником. В настоящее время в эмиграции. — 57.

БУЛЫГИН, А. Г. (1851—1919) — министр внутренних дел, автор проекта о Государственной Думе, опубликованного 19(6) августа 1905 г. В 1900—1904 — был помощником московского генерал-губернатора, много способствовавшим деятельности Зубатовской охранки. В 1905 г. был назначен членом Государственного Совета, а 20 января 1905 г. — министром внутренних дел на место Святополка-Мирского. После 17 октября получил отставку, но остался членом Гос. Совета, где принадлежал к крайним правым. — 131.

БУРЕНИН, П. В. (р. 1841—1927) — реакционный фельетонист «Нового Времени», не стеснявшийся в методах борьбы с противником. Ленин часто употреблял его имя для обозначения бесчестных, безыдейных методов полемики. — 48.

БЭЛЛ, РИЧАРД (BELL) (р. 1859) — видный деятель английского рабочего движения, рабочий железнодорожник. Генеральный секретарь союза железнодорожников (1897—1910 г.г.). В 1907 г. заключением соглашения с директорами ж.-д. компаний сорвал готовящуюся всеобщую железно-

дорожную стачку. Член парламента в 1900—1910 г.г. от Рабочей партии. — 146, 147.

БЮЛОВ, БЕРНГАРД (BULOW, B.) (р. 1849) — князь, канцлер Германской империи с 1900 по 1909 г. В своей политике Б. стремился примирить интересы промышленников и аграриев, для чего добился блока либералов и консерваторов на почве борьбы с социал-демократами. В области внешней политики вел наступательную империалистскую политику. При Б. германская дипломатия, воспользовавшись тяжелым положением царизма в русско-японской войне, добилась заключения торгового договора с Россией (1904), противоречившего интересам русской буржуазии. В 1914 г. был назначен послом в Италию для удержания ее от выступления против Германии. После империалистской войны Бюлов сошел с политической арены. — 311.

В.

В. В. — псевдоним Воронцова, В. П. (1847—1917) — писателя-экономиста (по образованию врач). С 1879 г. он отдался всецело литературной деятельности и сделался одним из главных теоретиков народничества 80—90-х годов. Сотрудничал во всех руководящих органах народничества от Лавровского «Вперед» (70-ые годы) до «Русского Богатства» Михайловского, с которым в начале 90-х годов разошелся. После этого стал писать в либеральном «Вестнике Европы». Решительно выступал против марксизма и был объектом критических статей чуть ли не всех первых марксистов в России. Систематическую критику взглядов В. В. дал Г. В. Плеханов, выпустивший в 1896 г. под псевдонимом «А. Волгин» работу «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)». (См. Сочинения Г. В. Плеханова, т. IX.) — 233, 234, 250.

ВАЛЬЯН, МАРИ ЭДУАРД (VAILLANT) (1840—1915) — французский социалист, один из выдающихся деятелей международного социалистического движения второй половины XIX и начала XX столетий, доктор медицины, гражданский инженер. Еще юношей он примкнул к революционному движению и был одним из ревностных сторонников Бланки. Был членом Парижской Коммуны и уполномоченным по народному образованию. После подавления Коммуны эмигрировал в Англию, где близко сошелся с К. Марксом и Ф. Энгельсом и продолжал революционную работу, как член Генерального Совета I Интернационала. В 1872 г. военным судом в Версале заочно присужден к смертной казни. После амнистии 1880 г. вернувшись во Францию, принял деятельное участие в организации социалистических групп, объединив их вокруг созданного им Центрального Комитета. В 1884 г. руководил единственной тогда во Франции ежедневной социалистической газетой «Homme Libre» («Свободный Человек»), с 1893 г. по 1910 г. деятельный сотрудник «La petite République» («Маленькая Республика») и с 1910 г. «L'Humanité» («Человечество»). Активный участник всех международных социалистических конгрессов (с 1872 по 1912 г.г.). До империалистической войны вел упорную борьбу с поссибилистами и против милитаризма, который в лице Вальяна имел, после Жореса, самого непримиримого и сурового противника. В дни объявления империалистской войны резко изменил позицию и стал социал-шовинистом. — 346, 350, 353, 354.

ВАНДЕРВЕЛЬДЕ, ЭМИЛЬ (VANDERVELDE) (р. 1866) — председатель Международного Социалистического Бюро II Интернационала в довоенную эпоху, адвокат, лидер Бельгийской социалистической партии и член парламента, крайний ревизионист и оппортунист, в продолжение всей своей политической деятельности проводил идею блока с либералами. В июле 1914 г. на так называемой Брюссельской конференции, созванной

М. С. Б., пытался объединить все группировки в российской соц.-демократии против большевиков. Когда началась мировая война, в 1914 г., обратился с телеграммой, составленной вместе с русским послом князем Кудашевым, к с.-д. фракции IV Государственной Думы с призывом поддержать войну против «прусского юнкерства». В годы мировой войны первый из социалистов II Интернационала вошел в буржуазное министерство своей страны, оставаясь министром юстиции до 1921 года. Участвовал в Лондонской конференции социалистов стран согласия в феврале 1915 г. В 1916 г. объезжал Западный фронт, призывая солдат бороться до победы над врагом. В 1917 г. приезжал вместе с А. Тома и др. социал-патриотами Антанты в Россию для агитации за продолжение войны. В 1919 г. подписал Версальский договор. В 1922 г. приезжал в Москву в качестве защитника членов Ц. К. партии эсеров в Верховном Трибунале. В настоящее время министр иностранных дел. — 151, 188.

ВАН-КОЛЬ, ГЕНРИХ (VAN-KOL) (1851—1925) — голландский социал-демократ, ревизионист. Был членом с.-д. союза, из которого в 1894 г. вышел вместе с Трульстра, Флигеном и основал «Социал-демократическую партию Голландии». С 1897 г. открыто выступил как реформист и перешел в крайнее правое крыло партии. Был докладчиком по колониальному вопросу на Амстердамском (1904) и Штутгартском (1907) международных конгрессах, высказывал мнение о том, что колониальные народы еще не созрели для независимости и их следует воспитывать для автономии, считая, что туземная интеллигенция должна сотрудничать с голландским правительством. С 1897 по 1918 г. Ван-Коль — депутат парламента. В 1892 — 94 г. выпустил под псевдонимом «Риенци» ряд брошюр, направленных против анархизма. Автор нескольких книг о положении Индонезии. — 78, 81, 351, 354 — 356.

ВЕББ, СИДНЕЙ (WEBB) (р. 1859) и **БЕАТРИСА** (р. 1858) — супруги, писатели и деятели «Фабианского общества» в Англии. Вместе издали ряд работ, из которых главная: «Теория и практика английского трэд-юнионизма» (1894) представляет из себя наиболее полный и систематический обзор истории английского трэд-юнионизма (русский перевод, сделанный В. И. Лениным, вышел в 1900 — 1901 г.г.). Все труды Веббов проникнуты стремлением разрешить рабочий вопрос в рамках существующих капиталистических условий. Сидней В. был министром труда в «рабочем» министерстве Макдональда в 1924 г.—33.

ВЕРГЕЖСКИЙ — см. **ТЫРКОВА, А. В.**

ВИЛЬГЕЛЬМ II (р. 1859) — последний император Германии. — 95.

ВИРВЭР — французский генерал, командовавший войсками, вызванными против стачечников в Вильнев-Сен-Жорж 30(17) июля 1908 г. — 307.

ВИТТЕ, С. Ю. (1849 — 1915) — самый выдающийся из министров Александра III и Николая II, своими мероприятиями в области финансов, железнодорожного дела и пр. много способствовавший развитию капитализма в России. На почве борьбы с политикой Плеве должен был уйти от активной роли, заняв пост председателя Комитета министров. После неудачной русско-японской войны ему было поручено ведение переговоров о мире с Японией, закончившихся портсмутским миром. В 1905 г., в виду усиления революционного движения, выступил с планом ликвидации революции путем уступок и созыва Государственной Думы. Первый председатель Совета Министров. Вдохновитель манифеста 17 октября 1905 г. После того, как должен был в 1906 г. оставить пост председ. Совета министров, в политике руководящей роли не играл. — 8, 74, 131, 174, 196, 199, 408.

ВИХЛЯЕВ, П. А. (1869 — 1928) — статистик, агроном, земский работник Тамбовской и Тверской губ., с.-р., заведывал статистическим бюро московского губернского земства. Автор ряда работ: «Очерк русской с.-х. действительности», «Аграрный вопрос с правовой точки зрения» и др. В

1915 г. Вихляев проводит первую в России сплошную перепись посевов в Московской губернии. В 1917 г. Вихляев принимает активное участие в организации и проведении всероссийской с.-х. переписи (учет населения, скота и посевов); в это же время назначается товарищем министра земледелия Временного правительства. В 1918 г. Вихляев принимает участие в работе Центрального статистического управления. С 1919 г. отдается всецело преподавательской деятельности, являясь одним из организаторов статистического отделения при 1 Московском Гос. университете. — 118, 238.

ВОЙНОВ — см. ЛУНАЧАРСКИЙ, А. В.

ВОЛКОВ, Н. К. (р. 1875) — агроном, участник «читинской республики» 1905 года, за что сидел в тюрьме. Депутат III Гос. Думы от Забайкальской области. Кадет. — 411.

ВОЛЬСКИЙ, «СТАНИСЛАВ» (литературный псевдоним СОКОЛОВА, А. В.) (р. 1880) — социал-демократ, литератор. В 1899 г. был исключен из Московского университета за участие в студенческом движении. В 1902 г. судился по делу московской организации с.-д., затем был сослан в Волоколамск. После раскола Р.С.-Д.Р.П. примкнул к большевикам. В 1904—1905 — член Московского комитета, руководил забастовкой ткачей в Иваново-Вознесенском районе, принимал участие в подготовке и проведении декабрьского восстания в Москве. В 1906 г. — член Петербургского комитета партии. В 1907 г. — делегат Лондонского съезда. Принимал активное участие в работах Московской организации. С 1908 г. начал отходить от большевизма. В 1908 — 1909 г.г. — лидер отзовистов, принимал участие в организации и работе партийных школ в Болонье и на Капри, член группы «Вперед». В 1909 г. выпустил большую работу «Философия борьбы», в которой пытается построить этическое учение марксизма под углом зрения той идеалистической системы взглядов, которую в те годы защищали «впередовцы». В 1913 г. — сотрудник газеты «Заветы» (народнического направления). В дни Февральской революции — член редакции «Новой Жизни». После Октябрьской революции, которую он характеризовал как «солдатский переворот», выступал с требованием образования правительства обще-социалистической концентрации и ухода Ленина от власти. В 1918 в России и в 1919 — 1920 г. за границей продолжал борьбу против Ленина и Советской власти. В 1920 г. вернулся в С.С.С.Р., совершенно отошел от политической деятельности, работал в лесной кооперации, в Госплане и Наркомторге. С 1927 г. занимается исключительно литературной работой. — 390, 394 — 402.

Г.

ГАЙНДМАН, ГЕНРИХ (HAYNDMAN) (1842—1921) — известный английский социалист, основавший в 1881 г. социал-демократическую федерацию, которая после объединения в 1911 г. с частью Независимой рабочей партии преобразовалась в Британскую социалистическую партию. Первый съезд Британской социалистической партии происходил в 1912 г. под председательством Г. Был председателем Международного соц. Конгресса в Лондоне в 1896 г., членом Международного Социалистического Бюро (1900 — 1910). В годы империалистической войны Г. занял крайнюю социал-шовинистическую позицию, за что был исключен из Британской социалистической партии, левое крыло которой позже вошло в Коминтерн. После Октябрьской революции выступал против советской системы в пользу классового сотрудничества пролетариата с буржуазией. — 346, 348, 350.

ГАЛИФФЕ (1830 — 1909) — маркиз, французский генерал, один из

главных участников подавления Парижской Коммуны 1871 г., отличавшийся особенной жестокостью. По его приказу были расстреляны и замучены в майскую кровавую неделю тысячи коммунаров. В 1899—1900 г.г. состоял военным министром в кабинете Вальдека-Руссо, вместе с «социалистом» Мильераном. — 307.

ГАРДЕН, МАКСИМИЛИАН (HARDEN) (1861—1927)—известный немецкий публицист, издавал свой собственный журнал «Zukunft» («Будущее») (1892). Громадное впечатление вызвало его выступление в 1907 году с разоблачением гомосексуализма правящей клики Германии (Эйленбург, Мольтке и др. приближенные Вильгельма II). — 95.

ГАРДИ, ДЖЕМС КЕЙР (KEIR HARDIE) (1856—1915) — видный деятель английского рабочего движения; по профессии шахтер; с 1879 г. работал организатором в проф. союзе шахтеров. В 1887 г. основал журнал «Labour Leader». В 1889 г. по инициативе Г. была основана Шотландская рабочая партия. Позднее (1893 г.) был одним из основателей и лидеров Независимой рабочей партии. Член парламента с 1892—1915 г. После 1906 г. был лидером парламентской группы рабочей партии. Во время войны пацифист. — 306.

ГЕГЕЛЬ, ГЕОРГ-ВИЛЬГЕЛЬМ-ФРИДРИХ (HEGEL) (1770—1831)— величайший немецкий идеалистический философ нового времени. С точки зрения Г. все существующее представляет самодвижение абсолютной идеи, существующей ранее в качестве логической идеи, затем приобретающей форму внешнего бытия в природе и возвышающейся, наконец, к осознанию самой себя в различных формах духовного мира. Таким образом в основе гегелевского, как и всякого, идеализма лежит признание первичности мышления по отношению к природе, при чем само мышление совершенно незаконно толкуется Г., как независимая от нашего сознания, якобы объективно, вне нас, существующая логическая идея. Однако, так как абсолютную идею Г. рассматривал как постоянно находящуюся в процессе развития, им, в превратной форме, были почти исчерпывающе изучены различные виды движения в природе и их отражение в человеческом мышлении. Диалектическая точка зрения Г. была поставлена Марксом «с головы на ноги», поскольку у Маркса не мышление порождает природу, а на определенной ступени развития природы возникает мышление, как свойство лишь особым образом организованной материи. Тем самым было вскрыто рациональное ядро диалектического метода Г., выступавшего у него в мистифицированной форме.

Необходимость изучения основного произведения Г. «Науки Логики» для понимания марксизма отмечена Лениным в его конспекте «Науки Логики»: «Афоризм: Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса $^1/_2$ века спустя!!» («Лен. Сб.» IX, стр. 199).

Важнейшие произведения Г., имеющиеся и в русских переводах: «Феноменология духа». Перевод под ред. Э. Л. Радлова. СПБ. 1913; «Наука логики» перевод Н. Г. Дебольского. СПБ. 1916, переиздано в 1929 г. профкомом слушателей И. Кр. Пр. «Введение в философию» (философская пропедевтика). Перевод, предисл. и примеч. С. Васильева. М. 1927 г.; «Энциклопедия философских наук» т.т. I—III. Перевод В. Чижова, М. 1864—1868, начата переизданием в собр. соч. Гегеля, издаваемом И-том Маркса и Энгельса, т. I, Логика; «Курс эстетики» 2 т., перевод В. Модестова СПБ. 1847. Большое значение для изучения генезиса марксизма и истории соответствующих наук имеют также: «Философия права», «Философия истории» и «История философии». — 184.

ГЕГЕЧКОРИ, Е. П. (р. 1879) — социал-демократ, меньшевик. Адвокат. Член III Гос. Думы от Кутаисской губ. В III Государственной Думе один из лидеров меньшевиков в с.-д. фракции, выступал главным образом

по вопросам суда и репрессий. Деятельный член меньшевистского грузинского правительства 1917—1920 г.г. Ныне в эмиграции, один из злейших врагов советской Грузии, против которой все время ведет борьбу, призывая к интервенции. — 413.

ГЕЙДЕН, П. А. (1840—1907) — граф, представитель земского либерализма, президент Вольно-Экономического Общества в 90-х г.г.; участник земских съездов 1904—05 г.г.; депутат I Гос. Думы от Псковской губ.; лидер левого крыла партии октябристов; после разгона Думы — один из организаторов партии мирного обновления. См. о нем в этом томе статью Ленина «Памяти графа Гейдена». — 1, 3, 5—11.

ГЕНРИХ VII ТЮДОР (1457—1509) — английский король. При нем началось так называемое «огораживание» общинных земель в пользу частных собственников, приведшее к обезземелению английского крестьянства. — 282.

ГЕРШУНИ, Г. А. (1870—1908) — социалист-революционер, один из основателей террористической организации, реорганизованной позднее в Боевую организацию партии социалистов-революционеров. В 1902 г. организовал убийство Сипягина, покушение на губернатора Оболенского, в 1903 г. убийство генерала Богдановича и др. Участвовал в выработке программных тезисов о террористической борьбе. В 1903 г. был арестован в Киеве и заключен в Петропавловскую крепость. В 1904 г. был приговорен к смертной казни, затем замененной пожизненным заключением в Шлиссельбурге. В 1905 г. переведен в Акатуй, откуда через год бежал в Европу через Шанхай и Америку. В 1907 г. участвовал на Таммерфорсском съезде партии с.-р., где высказался за блок с кадетами и за отказ от межфракционной борьбы во 2-й Государственной Думе. Весь 1907 г. вел партийную работу, частью заграницей, частью в Финляндии. В 1908 г. умер в Цюрихе. — 119, 120, 143, 302, 303.

ГЛЕЙЗИЕР, БРУС (GLASIER J. BRUCE) (1859—1920) — шотландский социалист. В 1880—81 г.г. активный участник движения, организованного Г. Джорджем, Крафтером и Ирландской земельной Лигой. В 1893 г. вступил в I. L. P., Независимую рабочую партию, был членом ее Национального Совета, а с 1899—1900 г. — председателем, после Кейр-Гарди. В 1906—1910 г.г. — редактор главного социалистического органа Великобритании — «Labour Leader». — 346, 349—351.

ГОЛИЦЫН, А. Д. (р. 1874) — князь, помещик, видный земский деятель, организатор первого областного земского съезда в Харькове, один из основателей партии «17 октября». Во время выборов во II Гос. Думу хотел составить блок всех конституционных партий до кадетов включительно. Депутат в III Гос. Думе от Харьковской губ. — 404.

ГОРЕМЫКИН, И. Л. (1839—1917) — министр внутренних дел (1895—1899 г.г.), типичный представитель русской реакционной бюрократии, в течение ряда десятилетий служивший царизму на самых высоких постах царской иерархии. В правительственных кругах считался знатоком крестьянского вопроса, в 1891 г. издал «Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния». В 1906 г., после ухода Витте, был назначен председателем Совета министров и руководил борьбой с революционным движением во время первой Думы. Вновь назначен был на тот же пост во время мировой войны и покинул его накануне Февральской революции. — 8.

ГОРН — см. В. ГРОМАН.

ГРОМАН, В. Г. (ГОРН) (р. 1874) — с.-д. меньшевик, журналист, один из редакторов «Нашего Дела», сторонник идеи созыва «рабочего съезда». Вступил в революционное движение в 90-х г.г. В 1896 г. привлекался по делу студенческой организации «Совета объединенных землячеств» и был выслан на 3 года в Вятскую губ. В 900-х г.г. работал в Симферопольской организации, а после провала ее с 1902 по 1905 г. находился в ссылке

в Восточной Сибири. С 1905 по 1909 год работал в ряде с.-д. организаций. Ликвидатор. В 1909—10 г.г. работал в Пензенском губернском земстве. После Февральской революции стоял во главе продовольственного дела в Петербурге. В 1920 г. — председатель Комиссии С.Т.О. по убыткам, причиненным интервенцией. В настоящее время работает в Госплане. — 45—53, 71, 106.

ГУРЕВИЧ, Э. Л. (лит. псевдоним СМИРНОВ, Е., ДАНЕВИЧ, В.) (р. 1866) — вначале разделял народнические взгляды, затем социал-демократ-меньшевик. К революционному движению примкнул в 1883 г. В 1900 г.— председатель русской делегации на Международном социалистическом конгрессе в Париже. В 1901 г. с Д. Б. Рязановым и Ю. Стекловым выступает сторонником объединения организаций «Искры» и «Рабочего Дела», участвует в основании группы «Борьба» и в ее литературной деятельности. После раскола Р. С.-Д. Р. П. примкнул к меньшевикам. В 1905 г. член редакции Ц. О. меньшевиков «Начало», участник меньшевистской конференции в Петербурге (ноябрь), был в качестве представителя от меньшевиков на большевистской конференции в Таммерфорсе (декабрь). В 1907 и 1909 г.г. принимал участие в либеральной газете «Товарищ». В 1910 г. — ликвидатор, один из основателей и ближайший сотрудник журнала «Наша Заря». Принимал деятельное участие в работе социал-демократической фракции Гос. Думы, в связи с чем в 1911 г. был арестован и после продолжительного заключения выслан из Петербурга. Во время империалистической войны — оборонец. В 1917—18 г.г. — редактор газеты правых кооператоров «Власть Народа». В 1920 г. управлял архивом б. министерства иностранных дел. С 1921 г. работает в Институте Маркса и Энгельса. — 5, 71.

ГУЧКОВ, А. И. (р. 1862) — крупный московский домовладелец и промышленник. Основатель «Союза 17 октября» (в 1905 году); представитель крупной буржуазии, вдохновитель третье-июньского блока; председатель III Государственной Думы. Во время империалистской войны председатель Центрального военно-промышленного комитета; в первом Временном Правительстве в 1917 г. — военный и морской министр, аннексионист и сторонник «войны до победного конца», отстаивал восстановление в армии железной дисциплины. Поддерживал все контр-революционные движения в 1917—1921 г.г. Эмигрант. — 153—155, 195.

ГЭД, Ж. (GUESDE, J.) (1845—1922) — основатель и многолетний руководитель марксистского рабочего движения и марксистской рабочей партии во Франции. Основатель первой марксистской газеты во Франции. В 1881 г. вместе с Марксом и Энгельсом выработал программу Французской социалистической партии. Как внутри партии, так и на международной арене вел борьбу с анархо-синдикалистскими, прудонистскими и с оппортунистическими, поссибилистскими, бернштейнианскими течениями и группами, отстаивая в теории и в тактике принципы ортодоксального марксизма. Особо жестокую борьбу пришлось вести Г. против жоресовской политики блоков и соглашений с буржуазией. В частности, Г. принадлежит заслуга широкой революционной кампании в связи с вхождением социалистов в буржуазное министерство («мильеранизм»). В объединенной социалистической партии Франции (гэдисты объединились с жоресистами после Амстердамского международного конгресса 1904 г.) гэдисты оставались левым, марксистским крылом, продолжая идейную борьбу с оппортунизмом. С начала империалистской войны Г. резко изменил своему революционному прошлому, не устоял перед «патриотическими» настроениями, пошел на «священный союз» с буржуазией и вошел в буржуазное правительство национальной обороны. — 82, 92, 354, 416, 417.

ГЮИСМАНС, КАМИЛЛ (HUISMANCE) (р. 1871) — секретарь Международного Социалистического Бюро II Интернационала в довоенную эпоху (с 1906 г.) и во время войны, соратник Вандервельде, член Бельгийской

социалистической партии, депутат бельгийского парламента с 1910 г., профессор философии, входил в одно из буржуазных министерств Бельгии. В годы войны социал-патриот, прикрывавший шовинизм интернационалистическими фразами. Был организатором конференции социалистов нейтральных стран в 1916 г. Противник Циммервальда, видел в нем «русскую интригу». Теперь лидер бельгийской социал-демократии. В июне 1925 г. вошел в коалиционное католико-социалистическое министерство Пулле в качестве министра народного просвещения. — 345.

Д.

ДАВИД, ЭДУАРД (DAVID, EDUARD) (р. 1863) — немецкий социал-демократ, экономист, бернштейнианец. После Франкфуртского съезда (1894 г.) вошел в образованную съездом комиссию по выработке аграрной программы с проектом, обещавшим крестьянству обеспечение и упрочение мелкой частной собственности при капитализме; Бреславльский съезд 1895 г. отверг этот проект. В 1903 г. выпустил исследование «Социализм и сельское хозяйство», где пытался доказать несостоятельность экономического учения Маркса в области сельского хозяйства. С 1903 г. член рейхстага. На Штутгартском конгрессе вместе с Бернштейном выступал за признание «социалистической колониальной политики», считая, что капитализму принадлежит цивилизаторская роль в колониях. В годы империалистической войны крайний социал-шовинист; после революции 1918 г. вошел в первое коалиционное правительство Германской республики, в 1919 — 1920 г.г. министр без портфеля. Один из виднейших представителей ревизионизма, проделавший типичную эволюцию от якобы «научных» поправок к теории Маркса к прямой борьбе против революционного пролетариата в союзе с буржуазией. — 78, 87.

ДАН, Ф. И., псевдоним Ф. И. ГУРВИЧА (р. 1871) — в половине девяностых годов работал в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Был сослан на три года в Вятскую губернию. По окончании ссылки принимал участие в русской и заграничной с.-д. работе. В 1902 г. в качестве агента «Искры» участвовал в конференции в Белостоке, имевшей целью подготовку II съезда Р. С.-Д. Р. П., после которой был арестован и сослан в Восточную Сибирь, откуда эмигрировал за границу. Революция 1905 г. дала ему возможность вернуться в Россию. Участник партийных съездов 1906 и 1907 г.г. и ряда конференций. Теоретик и вождь меньшевиков, главным образом в вопросах тактики. Публицист и редактор ряда меньшевистских изданий. Бессменный член меньшевистских О. К. и Ц. К. В годы реакции ликвидатор, во время войны при царизме — «пацифист» и «умеренный» интернационалист, после Февраля «революционный» оборонец, активный сторонник коалиции с буржуазией, после Октября резкий противник коммунистической партии и Советской власти во имя буржуазной демократии. В настоящее время — эмигрант, член II Интернационала. — 5, 190 — 195, 281, 393.

ДЖОРДЖ, ГЕНРИ (H. GEORGE) (1839 — 1897) — американский экономист и публицист. В своем основном труде «Прогресс и бедность» Д. доказывал, что главная причина бедности народных масс заключается в поземельной ренте, поглощающей все большую часть народного производства. Д. не признавал противоположности интересов труда и капитала; по его мнению, прибавочная стоимость есть результат естественных производительных сил земли и природы вообще. Защищал национализацию земли при помощи высоких на нее налогов, как главное средство к исцелению всех социальных бедствий. В вопросах экономической политики Д. ревностный сторонник свободы торговли. В России в качестве единомышленника Д. выступал Лев Толстой. Характеристику Д.

см. в письме Маркса к Зорге 1881 года. (Письма Беккера, Дицгена, Энгельса, Маркса и др. к Ф. А. Зорге. СПБ. 1907, стр. 198—201.) — 410.

ДЗЮБИНСКИЙ, В. И. (1860—1927) — член III и IV Гос. Думы. Народоволец, в 1882 г. был арестован и сослан на 3 года в Западную Сибирь, где и остался. В Думу был выбран от Тобольской губ. Один из лидеров думской фракции трудовиков. — 411.

ДИТЦ, И. (DIETZ) (1834—1922) — известный немецкий с.-д. издатель. Владелец типографии и издательства в Гамбурге, откуда был выслан на основании исключительного закона против социалистов. С 1881 состоял членом рейхстага. С 1883 г. начал издавать в Штутгарте с.-д. журнал «Neue Zeit» («Новое Время»). Издательство Д. явилось центральным с.-д. издательством. В его типографии печаталась «Заря» и ряд ее изданий, в частности «Что делать?» Ленина. — 373.

ДОЛГОРУКОВ, ПАВЕЛ ДМ. (1866—1927) — князь, крупный помещик, земский деятель, участник земских съездов в 1904—05 г.г., один из основателей союза «Освобождение», уполномоченный дворянского отряда в русско-японской войне, депутат II Гос. Думы от Московской губ., член Ц. К. партии к.-д. После Октябрьской революции принимал активное участие в белогвардейских заговорах против Советской власти. — 5.

ДУБАСОВ, Ф. В. (1845—1912) — в качестве генерал-адъютанта в 1905 г. был командирован в Черниговскую, Полтавскую и Курскую губернии, где крайне жестокими мерами, не останавливаясь перед уничтожением жилищ и имущества целых деревень, подавил аграрные беспорядки. В ноябре 1905 г. был назначен московским генерал-губернатором и руководил разгромом декабрьского вооруженного восстания. В течение 1906 г. на Д. дважды было произведено покушение. После первого покушения был назначен членом Государственного Совета и произведен в адмиралы. — 8, 10, 27, 199.

ДУБРОВИН, А. И. (1855—1918) — вождь русских черносотенцев. Основатель и руководитель «Союза русского народа», редактор органа союза «Русское Знамя». Вдохновитель и организатор еврейских погромов 1905—1906 г.г. Во время дела Бейлиса возглавлял боевое черносотенство. Расстрелян осенью 1918 г. — 6.

ДУМБАДЗЕ, И. А. (1851—1916) офицер царской армии. В 1906 г. с объявлением Ялты на положении чрезвычайной охраны был назначен главноначальствующим Ялты и оставался им до 1910 г. В 1910 г. был уволен, но через месяц опять назначен градоначальником Ялты. В Ялте Д. действовал как всесильный сатрап, не считаясь ни с какими законами, высылал из Ялты в административном порядке корреспондентов всех неугодных ему газет, принимал к разбору судебные дела по гражданским искам и решения свои приводил в исполнение силами своего аппарата. Насилия Д. над мирными гражданами вызвали протест даже октябристов, внесших запрос в III Государственную Думу в 1908 году об его незаконных действиях. — 194, 196, 310.

ДЮРИНГ, Е. (DÜHRING) (1833—1921) — немецкий философ и экономист, с 1864 г. приват-доцент Берлинского университета, пользовавшийся большой популярностью не только среди студентов, но и у рабочих. Писал на темы естествознания, философии, политэкономии и социализма. Д. встал в резко оппозиционное отношение к правлению университета и профессорским кругам. Необычайная для немецкого профессора смелость выступлений увеличивала всеобщие симпатии к нему. В области философии Д. явился позитивистом. В экономических воззрениях Д. заявил себя последователем американского экономиста Кэри. Типичный представитель катедер-социализма, он выступал с резкой критикой научного социализма, в особенности против Маркса. Его основные работы «Cursus der Philosophie» («Курс философии»), «Cursus der National- und Sozialoekonomie» («Курс политической и социальной экономии»), «Kritische Geschichte der

Nationaloekonomie und des Sozialismus» («Критическая история политической экономии и социализма») подверглись критике Ф. Энгельса в его книге «Переворот в науке, произведенный г-ном Дюрингом» (Анти-Дюринг). По заявлению самого Энгельса в его книге полемика против Д. превратилась в более или менее связное изложение представляемого им и Марксом «диалектического метода и коммунистического мировоззрения». В Германии сочинения Д. одно время оказывали влияние на с.-д. круги. В России на работы Д. откликнулся статьями в «Отечественных Записках» Михайловский. — 184, 185.

Ж.

ЖИЛКИН, И. В. (р. 1874) — журналист, депутат I Государственной Думы от Саратовской губ., «внепартийный социалист», один из лидеров думской Трудовой группы, подписал Выборгское воззвание, за что был подвергнут 3-месячному заключению в Крестах; сотрудничал в «Саратовском Дневнике», «Неделе», «Петербургских Ведомостях», «Нашей Жизни», «Товарище», «Вестнике Европы» и др.; во время войны был военным корреспондентом «Русского Слова»; после Октября — на службе в советских органах; с 1925 г. вернулся к журнальной работе. — 52, 113.

ЖИТЛОВСКИЙ, Х. (ГРИГОРОВИЧ) (р. 1863) — народник, один из теоретиков эсеровской партии, позднее один из идеологов еврейского национального, буржуазно-демократического движения. Рано эмигрировав за границу, Ж. возглавлял с 1894 г. в Берне «Союз русских социалистов-революционеров», считавший себя непосредственным преемником народовольцев и издававший (до 1899 г.) газету «Русский Рабочий». Группа явилась одним из элементов будущей партии социалистов-революционеров. Не порывая связей с народническими кругами, Ж. постепенно сосредоточил свою деятельность на пропаганде идеи самостоятельного национального и культурного существования еврейского народа, резко критикуя марксизм, с точки зрения «недооценки» им роли «национального фактора» в историческом процессе. В 1903 г. организовал группу «Возрождение», объединявшую еврейскую буржуазную интеллигенцию. После октябрьского манифеста 1905 г. Ж. вернулся в Россию, но затем снова эмигрировал в Америку. В ряде своих работ Житловский отстаивал субъективный метод Лаврова и Михайловского. — 353.

ЖОРДАНИЯ, НОЙ (КОСТРОВ) (р. 1869) — родом гуриец, в 1894 г. привлекался по обвинению в участии в «Лиге свободы Грузии». Работал в с.-д. кружках в Грузии. В 1901 г. вновь был арестован в Тифлисе и выслан в Елисаветполь, скрылся, перейдя на нелегальное положение, и продолжал работу на Кавказе. Один из старейших с.-д., основатель грузинской с.-д., занимал влиятельное положение среди русских меньшевиков, участник всероссийских партийных съездов. Член I Государственной Думы от Тифлисской губ. и лидер с.-д. думской фракции, привлекался к суду за подписание Выборгского воззвания. После Октябрьской революции глава меньшевистского правительства Грузии. Ныне заграницей продолжает интриги против С.С.С.Р., опираясь на поддержку различных буржуазных правительств. — 280, 291.

ЖОРЕС, ЖАН (JEAN JAURÈS) (1859—1914) — один из виднейших вождей французского социалистического движения. Первоначально профессор философии в Тулузе, сторонник идеализма в философии, постепенно превратился в социалиста, пытавшегося примирить марксизм с идеалистической философией. Ж. впервые был избран в парламент в 1885 г. в качестве левого радикала, в 1892 г. он прошел в качестве «независимого социалиста», а с 190? г. являлся официальным представителем социалистической партии и лидером ее парламентской фракции. В 1897 г. Ж. вместе

с Золя и Клемансо принимал руководящее участие в известном деле Дрейфуса. В общем стоял на правом фланге французского социализма и поддерживал бывшего тогда социалистом Мильерана (нынешнего буржуазного политика), принявшего портфель в радикально-буржуазном кабинете Вальдека-Руссо (1899 г.). Спор, возникший по этому поводу во французской партии между оппортунистами и марксистами во главе с Гэдом, был разрешен в пользу марксистов на Амстердамском международном социалистическом конгрессе 1904 г. В 1904 г. основал центральный орган партии «Юманите», который и редактировал до конца своих дней. Ж. был одним из лучших ораторов Европы и весьма искусным парламентарием. Особенно энергично он вел борьбу с милитаризмом, отстаивая идею народной милиции. Был горячим сторонником франко-германского сближения. 1 августа 1914 г., т.-е. накануне войны, был убит шовинистом Виленом. — **83, 317 — 319, 354.**

З.

ЗОМБАРТ, В. (р. 1863) — один из видных представителей современной немецкой буржуазной науки, работающей над вопросами происхождения и развития современного капитализма. Один из типичнейших буржуазных критиков Маркса. Главные работы Зомбарта: «К критике политической экономии К. Маркса», «Социализм и социальное движение в XIX веке», «Современный капитализм» и др. Зомбарта усиленно пропагандировали ревизионисты, как в Европе, так и в России. — **33.**

ЗОРГЕ, ФРИДРИХ (F. SORGE) (1828 — 1906) — немецкий социалист, марксист, участник Баденского восстания 1849 г. После поражения восстания эмигрировал в Америку. Выдвинулся там как крупный деятель американского рабочего движения и пионер научного социализма в Америке. Находясь в длительной переписке с Марксом и Энгельсом, оказал много ценных услуг международному рабочему движению. В 1872 г. присутствовал на последнем конгрессе I Интернационала в Гааге. Был секретарем I Интернационала после того, как Совет Интернационала был перенесен в Америку. З. напечатал ряд трудов по истории американского рабочего движения, подготовил к изданию свою переписку с основоположниками марксизма. — **87, 348.**

ЗЮДЕКУМ, АЛЬБЕРТ (A. SÜDEKUM) (р. 1871) — видный немецкий с.-д. ревизионист, сотрудник органа ревизионистов «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник»). Выдвинулся до войны как парламентский деятель и тогда уже открыто защищал социал-империалистическую точку зрения по колониальному вопросу. Сторонник тесного сотрудничества с буржуазными партиями. В годы войны — социал-империалист. Совершал поездки в Италию и в Скандинавские страны, где в публичных выступлениях и в печати пытался оправдать поведение социал-шовинистского большинства немецкой с.-д. В начале германской революции 1918 г. был прусским министром финансов; в 1920 г. вышел в отставку и отошел от политической жизни. — **159, 161.**

И.

ИЗВОЛЬСКИЙ, А. П. (1865 — 1919) — дипломат, министр иностранных дел в 1906—1910 г.г., пользовался поддержкой кадетов. Вел агрессивную империалистскую политику на Балканах, но потерпел поражение в столкновении с Австрией, был уволен в отставку и назначен послом в Париж. Принимал деятельное участие в подготовке войны. После Октябрьской революции сторонник интервенции в Советскую Россию. После его смерти,

вдовой были изданы его мемуары, интересные для истории участия русской дипломатии в подготовке войны. — 154, 155, 359, 363.

ИЗГОЕВ, А. С (А. С. ЛАНДЕ) (р. 1872) — видный деятель кадетской партии, публицист. Первоначально примыкал к легальным марксистам, некоторое время был связан с с.-д. кружками. Затем вслед за Струве перешел к «Союзу Освобождения» и был одним из руководителей одесской группы «Союза Освобождения». В дальнейшем эволюционировал к к.-д., был редактором к.-д. журнала «Южные Записки», заведывал отделом «Русская жизнь» в к.-д. газете «Речь», был одним из редакторов «Русской Мысли» и принимал активное участие в ряде к.-д. изданий и журналов. В годы реакции принимал участие в контр-революционном сборнике «Вехи» (1909 г.), отвергавшем революцию и призывавшем русскую интеллигенцию служить самодержавию. После Октября 1917 г. в связи с контрреволюционной публицистической деятельностью был выслан за границу. Главные работы: «Общинное право», «Русское общество и революция», «П. А. Столыпин» и др. — 166.

ИЛИОДОР, иеромонах (**С. М. ТРУФАНОВ**) (р. 1880) — один из вожаков черносотенцев. Родом донской казак, Илиодор по окончании духовной академии поступил в Почаевскую лавру, где быстро выделился своими резкими выступлениями против революционного движения 1905 года. В 1908 г. был переведен в Царицын, где развил необычайно активную деятельность, не ограничиваясь нападками на евреев и интеллигенцию, а распространял их на «богатеев», чиновничество и полицию. В 1912 году отрекся от своих прежних убеждений, снял сан. После этого он стал таким же ожесточенным противником Распутина, как был до того его поклонником. Разоблачал Распутина в книге «Святой чорт» (1917 г.). После Октябрьской революции Илиодор пытался пристроиться в Советской России, но это ему не удалось, и ныне в Америке служит швейцаром в гостинице. — 366.

ИОРДАНСКИЙ, Н. И. (псевдоним **НЕГОРЕВ**) (1876—1928) — социал-демократ с 1899 г., примыкал к меньшевикам. В 1902—1903 г.г. член редакции журнала «Образование». В 1904 г. — постоянный сотрудник меньшевистской «Искры». В 1905 г. под кличкой «Тихон» входил в исполком первого Петербургского Совета. На IV съезде был избран кандидатом в Ц. К. С 1908 г. до 1917 г. редактировал журнал «Современный Мир». В эпоху ликвидаторства принадлежал к плехановцам. В 1910 г. содействовал организации «Звезды». Во время войны — сторонник плехановского «Единства». В 1921 г. вступил в коммунистическую партию; редактировал в Гельсингфорсе советскую газету «Путь». В 1923—1924 г.г. был полпредом в Италии. — 71, 146.

К.

К. — см. **КЛАССОН, Р. Э.**

КАМЫШАНСКИЙ, Н. К. (1862—1910) — один из ближайших помощников Столыпина. Прокурор петербургской судебной палаты, провел важнейшие политические процессы 1906—1908 г.г., прокурор по делу с.-д. фракции II Государственной Думы. Вследствие своего расхождения со Щегловитовым перешел на службу в министерство внутренних дел и был назначен вятским губернатором. — 34.

КАПУСТИН, М. Я. (1847—1920) — депутат II и III Гос. Думы от Казанской губ., октябрист, профессор гигиены. Капустин долго работал в земстве, был санитарным врачем и написал ряд работ по своей специальности. В Думе выступал по бюджету, аграрному вопросу, о местном суде. После революции продолжал читать лекции в высших учебных заведениях Ленинграда. — 154, 404.

КАРАУЛОВ, М. А. (1878—1917) — депутат II Гос. Думы от Терской области, казак, землевладелец, подъесаул, участник японской войны

1904—1905. Писал много по истории Терского казачества, редактировал журн. «Казачья Неделя». В IV Думе сначала примкнул к прогрессистам, затем вступил в независимую группу. В 1914 был одним из основателей «имперской народной партии». В дни Февральской революции входил в состав Временного комитета Гос. Думы; был первым выборным атаманом Терского казачьего войска. После Октябрьской революции один из вождей контр-революции в Терской области, убит в конце 1917 г. — 289.

КАРЛ I (СТЮАРТ) (1600—1649) — английский король (1625—1649), казненный во время английской революции. — 210.

КАРЫШЕВ, Н. А. (1855—1905) — экономист народнического направления, профессор политической экономии и статистики в Московском сельско-хозяйственном институте, заведывал экономическим отделом московского земства, автор ряда работ, посвященных вопросам арендных отношений (главная из них: «Крестьянские вненадельные аренды»), сотрудник «Русского Богатства» и «Русских Ведомостей». — 237, 238.

КАУТСКИЙ, К. (KARL KAUTZKY) (р. 1854) — немецкий соц.-демократ, один из крупнейших теоретиков марксизма эпохи II Интернационала. Начал свою научную деятельность как дарвинист. В 1880 г. в Цюрихе работал в социалистической прессе. Свою марксистскую научную деятельность начал под непосредственным руководством Энгельса. С 1883 г. редактор научного марксистского журнала «Neue Zeit». В конце 90-х и в начале 900-х годов вел борьбу с ревизионизмом. Еще в 1909 г. в работе «Путь к власти» К. оставался на почве революционного марксизма. Но уже в последующие годы, ведя борьбу с «левыми», стал на позиции «центра» и начал отходить от революционного марксизма. С началом империалистской войны порывает с революционным марксизмом и занимает колеблющуюся позицию между интернационалистами и оборонцами, постепенно скатываясь к реформизму и отказу от прежних своих ортодоксальных взглядов. Обосновывая социал-пацифизм теорией ультра-империализма и проповедуя единство с соц.-шовинистами, не принял участия в Циммервальдской конференции из-за отказа организаторов ее привлечь французских социал-шовинистов. После Октябрьской революции борется против советской системы, защищая демократию и парламентаризм. О нем см. работу В. И. Ленина 1918 г. «Пролетарская революция и ренегат Каутский». — 67, 79, 81, 87, 89, 90, 138, 207—212, 294, 315, 317, 318, 346—350, 355.

КАУФМАН, А. А. (1864—1919) — профессор-экономист и статистик. До 1893 г. занимался исследованием крестьянского хозяйства в Сибири. Работа эта дала Кауфману материал для основных его работ об эволюции земельной общины и по переселенческому вопросу. В 1905 г. по приглашению Н. Н. Кутлера участвовал в составлении проекта земельных реформ. В 1906—07 г.г. принимал деятельное участие в работе партии к.-д. С 1908 г. становится лектором Московского и Петербургского университетов. Работы К.: «Крестьянская община в Сибири» (1898), «Переселение и его роль в аграрной программе» (в книге «Аграрный вопрос» т. 2, изд. Долгорукова и Петрункевича) и др.; его работа «Теория и методы статистики» занимает видное место в учебной литературе по статистике. — 228—230, 232, 251.

КЕЙР ГАРДИ — см. ГАРДИ ДЖЕМС, КЕЙР.

КИЗЕВЕТТЕР, А. А. (р. 1866) — историк, публицист, видный деятель партии к.-д. С 1893 г. приват-доцент Московского университета и Московских высших женских курсов по кафедре русской истории. В 1904 г. — один из редакторов журнала «Русская Мысль» и член «Союза Освобождения». С 1905 г. — сотрудник «Русских Ведомостей». В 1906 г. избран в Ц.К. к.-д. партии, принимал деятельное участие в предвыборной борьбе кадетов в I и II Гос. Думе. Член II Гос. Думы. В 1922 г. выслан О.Г.П.У. за границу за контр-революционную деятельность. Профессор Пражского университета. — 34.

КЛАССОН, Р. Э. (1868 — 1926) — крупнейший инженер-электротехник, специалист по гидроторфу. В 1893 — 95 годах был участником собиравшегося у него на квартире петербургского кружка марксистов, в который входили: В. И. Ленин, А. Н. Потресов, П. Б. Струве, Я. П. Коробко, М. Туган-Барановский, С. М. Серебровский, Н. К. Крупская и др. Позже К. отошел от политической деятельности, всецело посвятив себя электротехнике. В 1900 — 1904 г. К. вместе с Л. Б. Красиным построил в Баку станцию Акц. Об-ва «Электро-сила»; в 1905 г. должен был уйти с поста директора этого общества, вследствие отказа применить репрессивные меры по отношению к забастовавшим рабочим. Был строителем крупнейших электрических станций в России: первой московской и двух бакинских, первой в мире районной станции переменного тока «Электропередача» (1912) и Шатурской станции (1925). Изобретатель нового гидравлического способа добычи торфа (гидроторф). Ему принадлежит видная роль по составлению и практическому осуществлению плана электрификации С.С.С.Р. Ленин чрезвычайно интересовался работами К., в особенности в области гидроторфа. — 59.

КЛЕМАНСО, Ж. (CLEMENCEAU GEORGE), (р. 1841) — французский политический деятель. В 1871 г. член Национального Собрания, представитель его левого крыла. С 1876 г. по 1893 г. член палаты депутатов, лидер левых радикалов. Крупный оратор. Наибольшего влияния достиг в 80-ые годы, когда за парламентские выступления был прозван «сокрушителем министерств». По существу его радикализм был глубоко буржуазным и имел лишь поверхностный социалистический налет. С 1893 г., не попав в палату, К. занимался журналистикой. Его выступления вместе с Э. Золя по делу Дрейфуса снова подняли его популярность. В 1902 г. он избран в сенат, а в начале 1906 г. вошел в состав министерства Сарьена в качестве министра внутренних дел, позднее — глава министерства. Посылал войска для подавления стачечного движения углекопов в Северном районе. В империалистическую войну — премьер-министр и военный министр, крайний шовинист, организатор оккупации Черноморского побережья (1919), вдохновитель Версальского договора. После Октябрьской революции непримиримый враг Советского Союза. В 1920 г. вышел в отставку. — 307, 311, 359, 362, 389.

КОГАН-ГРИНЕВИЧ, М. Г. (р. 1874) — социал-демократ меньшевик, один из деятелей профессионального движения. Начал революционную деятельность в 90-х годах. В 1900 — 1902 г.г. сотрудник «Рабочей Мысли». После раскола Р.С.-Д.Р.П. примкнул к меньшевикам. Неоднократно подвергался арестам, был сослан на 6 лет в Восточную Сибирь. В 1905 г. нелегально работал в партийных организациях и профессиональных союзах. В феврале 1906 г. организатор и участник II Всероссийской конференции профессиональных союзов. В 1907 г. участник партийной конференции в Финляндии, докладчик по вопросу о задачах профессионального движения. Сотрудничал в газете «Товарищ». Во время войны — участвовал в работах комиссии при Чупровском обществе по обследованию бюджетов рабочих и по выработке коллективного договора при Центросоюзе. После Октябрьской революции продолжает работу в области профессионального движения. Кроме сотрудничества во многих органах профессиональной печати дореволюционного и послереволюционного времени является автором нескольких работ по профдвижению, из которых главные: «Проф. движение рабочих в России» 1908 г., 3-е изд. 1923 и «Право контроля и бюджета». СПБ. 1906. — 106.

КОВАЛЕНКО, С. И. (р. 1857) — депутат III Гос. Думы от Киевской губ., крестьянин, правый. — 133.

КОКОВЦЕВ, В. Н. (1853 — 1926) — видный чиновник царского режима. С января 1904 г. по октябрь 1905 и с 1906 по 1914 г. — министр финансов, вел борьбу против расширения финансовых и бюджетных прав

Гос. Думы, строил бюджет на винной монополии и внешних займах. Деятельность его окрашена узко-чиновническим миросозерцанием. Коковцеву принадлежит сказанная в III Думе знаменитая фраза «Славу богу, у нас нет парламента». Никаких существенных реформ при нем в министерстве финансов не было. С сентября 1911 года, после убийства Столыпина, занимал пост председателя Совета министров и продолжал политику Столыпина в ряде вопросов: борьба с автономией Польши и Финляндии, борьба с малейшим проявлением свободомыслия в печати, по отношению к евреям — усиление процентной нормы. Получил отставку в 1914 г., благодаря сильной кампании, поднятой против него крайними правыми. — 132.

КОНДРАТЬЕВ, Ф. Ф. (р. 1871) — депутат III Гос. Думы от Пермской губ., крестьянин, трудовик. — 411.

КОСТРОВ — см. ЖОРДАНИЯ, НОЙ.

КРИЧЕВСКИЙ, Б. Н. (1866 — 1919) — один из первых русских соц.-демократов, публицист, ревизионист. После работы в с.-д. кружках в России в начале 90-х г.г. эмигрировал за границу, примкнул к группе «Осв. Труда», принимал литературное участие в изданиях группы (Б. Наумов). Вскоре стал в оппозицию к Группе и вместе с Л. Тышко (Иогихес) образовал собственную группу для издания популярной с.-д. литературы, которой — по мнению К. и Тышко — «старики» (Плеханов, Аксельрод) не уделяли достаточно внимания. В конце 90-х г.г. К. стал во главе более широкой и более принципиальной оппозиции Плеханову, опиравшейся на новые «экономические» настроения в среде русск. с.-д-тии. Эти настроения победили в «Союзе русск. с.-д. заграницей», и К., получив большинство Союза, стал редактором органа Союза «Рабочее Дело» (1898 — 1902). На Парижском Междунар. Социалист. Конгрессе 1900 г. возглавлял большинство русской делегации (меньшинство представляли Плеханов, Аксельрод и др.). Одновременно К. принимал участие в жизни европейской с.-д-тии, сотрудничая в «L'Humanité» и состоя парижским корреспондентом «Vorwärts'a». Как в русских, так и в международных делах склонялся к бернштейнианству и жоресизму. «Искра» и «Заря» вели резкую борьбу против К. После II съезда К. никакой роли в партии не играл. — 300.

КРОМВЕЛЬ, ОЛИВЕР (OLIVER CROMWELL) (1599 — 1658) — один из вождей английской революции XVII века. Политическая деятельность К. началась с 1640 г., когда он был избран в парламент. Его роль возрастает вместе с обострением отношений между королем и парламентом. К. стал вождем английской революции, в гражданской войне (началась в 1642 г.) между королевской и парламентской армиями он обнаружил способности блестящего стратега и тактика и выигрывал одно за другим ряд сражений. В том же году парламент назначил его членом комитета для высшего руководства военными действиями, и он стал фактически начальником парламентской восточной армии, состоявшей главным образом из крестьян, мелких ремесленников, — ревностных пуритан. С провозглашением республики и упразднением палаты лордов (1649 г.) стал наиболее влиятельным членом совета, которому была вверена высшая исполнительная власть. В августе 1649 г. он поехал для подавления восстания в Ирландию и Шотландию, где сын казненного Карла I был провозглашен королем. В 1651 г. провозгласил присоединение Шотландии к Англии. Все эти победы выдвинули К. на положение диктатора. Между парламентом и армией, требовавшей новых выборов, обострился конфликт. К. произвел переворот 20 апр. 1653 г., явившись внезапно в парламент и распустив его. В декабре 1653 г. принял верховную власть, получив пожизненное звание лорда-протектора Англии. Типичный представитель и вождь буржуазии, К. ненавидел монархию Стюартов, так как замыслы Стюартов, стремившихся к восстановлению абсолютизма и подавлению парламента, ударяли по интересам той общественной группы, из которой он вышел. Однако его взгляды были прямо противоположны взглядам левеллеров (Лильбурна и др.), в эпоху

английской революции формулировавших и защищавших политические интересы трудящихся классов. — 210.

КРОМЕР (1841 — 1917) — лорд, английский политический деятель. С 1883 по 1907 г. фактический правитель Египта. — 311.

КРОПОТОВ, А. Е. (р. 1874) — депутат III Гос. Думы от Вятской губернии, крестьянин, волостной писарь, трудовик. — 409, 410.

КРУШЕВАН, П. А. (1860 — 1909) — крайний правый, издатель черносотенной газеты «Бессарабец» и антисемитской газеты «Друг», один из организаторов Кишиневского погрома. Депутат II Гос. Думы от Кишинева. В Гос. Думе вел погромную агитацию. — 6.

КУГЕЛЬМАН, Л. (KUGELMANN, L.) (1827 — 1902) — член I Интернационала, друг К. Маркса, его корреспондент в период 1862 — 1874 г.г. Впервые письма Маркса к К. напечатаны в «Neue Zeit» в 1902 г. В русском переводе были изданы с предисловием Н. Ленина в 1907 г. После Гаагского конгресса, на который К. был избран делегатом, произошла размолвка с Марксом на почве постоянных стремлений К. отвлечь Маркса от политической деятельности ради ученой карьеры. — 33.

КУНОВ, ГЕНРИХ (CUNOW, HEINRICH) (р. 1862) — немецкий историк, социолог и этнограф, в ранних своих работах марксист. После революции 1918 г. профессор берлинского университета. Был редактором органов Ц.К. германской социал-демократии: «Vorwärts» («Вперед») и «Neue Zeit» («Новое Время»). Наиболее известный труд К. «Борьба классов и партий в Великую Французскую Революцию» вышел в 1908 г. В работах позднейшего периода — ревизионист. — 386, 387.

КУСКОВА, Е. Д. (р. 1869) — политический деятель и публицист. Начала свою общественную деятельность как марксистка. В конце 90-х г.г. принимала участие в «Союзе русских с.-д.» за границей. Затем выступила против идей революционного марксизма, приняв целиком бернштейновскую ревизию марксизма. Автор так называемого «Credo», вызвавшего резкий протест со стороны 17 представителей революционного крыла с.-д. во главе с Лениным. (См. Сочинения, том II.) Накануне революции 1905 г. вошла в либеральный «Союз Освобождения» и поддерживала «Освобождение» Струве. Во время революции стояла на позиции кадетов, основала с группой единомышленников (Прокопович, Богучарский и др.) журнал «Без Заглавия», который открыто заявлял, что хочет быть органом «последовательных русских бернштейнианцев». Журнал, как и издававшаяся той же группой газета «Товарищ», выступали прямыми противниками классовой политики пролетариата, поддерживая либерализм в борьбе против партии и меньшевиков против большевиков. В эпоху реакции принимала участие в легальном буржуазно-демократическом движении. В революции 1917 года К. выступила решительным противником большевиков и советской власти. Ныне в эмиграции. — 5, 71, 116.

КУТЛЕР, Н. Н. (1859 — 1924) — видный деятель кадетской партии, депутат II и III Гос. Думы от Петербурга. Начал свою деятельность с адвокатуры. С 1899 по 1904 г. работал в министерстве финансов, был директором департамента окладных сборов. В период 1905 — 1906 г.г. был товарищем министра внутренних дел при кн. Святополк-Мирском и министром земледелия и землеустройства в кабинете графа Витте; вышел в отставку из-за разногласий с Витте, который провалил проект К. о частичном принудительном отчуждении помещичьих земель. В марте 1907 года, во время дебатов по аграрному вопросу в Думе, К. выступил от к.-д. с речью, в которой явно отстаивались интересы помещиков. Это выступление детально разобрано Лениным в его книге «Аграрная программа социал-демократов в русской революции 1905 — 1907 г.г.» и в его «Проекте речи по аграрному вопросу». Как крупный специалист-финансист, К. был использован советской властью на работе в Государственном Банке С.С.С.Р. — 176, 407.

Л.

ЛАБРИОЛА, АРТУРО (р. 1875) — итальянский экономист и теоретик синдикализма. Его книга «Реформа и социальный переворот» (1906 г.) подверглась резкой критике Плеханова. В 1906 г. Л. был исключен из социалистической партии. Во время империалистической войны — социал-патриот; был министром труда в кабинете Джолитти (1920 г.), позднее депутат палаты от партии унитариев. — 189.

ЛАРИН, Ю. (ЛУРЬЕ, М. А.) (р. 1882) — литератор и экономист, старый партийный работник с.-д., неоднократно подвергавшийся аресту и ссылке. В 1902 г. был привлечен по делу с.-д. и сослан на 8 лет в Якутскую область, откуда в 1904 г. бежал. После раскола партии примкнул к меньшевикам. В 1905 г. был членом Петербургского комитета Р.С.-Д.Р.П., а с начала 1906 г. — членом федеративного комитета в Петербурге. На киевском съезде «Спилки» (украинская соц.-дем. организация) был выбран членом Главного Комитета Спилки. Участвовал от Спилки на Лондонском съезде Р.С.-Д.Р.П. В 1907 г. отстаивал идею созыва «широкого рабочего съезда», являясь автором одного из проектов созыва съезда. В эпоху реакции — ликвидатор. В годы войны примыкал к группе интернационалистов-меньшевиков, возглавляемой Мартовым. После Февральской революции примыкал к левому крылу меньшевиков-интернационалистов, после июльских дней вступил в партию большевиков. После Октября находится все время на ответственных партийных и советских должностях. — 291.

ЛАССАЛЬ, ФЕРДИНАНД (1825 — 1864) — один из крупнейших деятелей германского рабочего движения, выдающийся оратор и публицист. В 1846 г. принял участие в революционном движении на Рейне и сотрудничал в руководимой Марксом «Новой Рейнской Газете». Исходя из неверной теории «железного закона заработной платы», не придавал значения экономической борьбе и профессиональной организации пролетариата. Главное внимание обращал на завоевание всеобщего избирательного права, которое дало бы рабочим влияние на правительство для получения государственного кредита свободным производительным ассоциациям рабочих, через которые совершился бы постепенный переход к социалистическому строю. На почве борьбы за избирательное право вступил в некоторую связь с Бисмарком. В 1863 г. основал «Всеобщий Германский Рабочий Союз», долго враждовавший с основанной А. Бебелем и В. Либкнехтом «Соц.-Дем. рабочей партией», с которой Союз, наконец, слился в 1875 г. в единую «Социалистическую рабочую партию Германии». — 397.

ЛАФОНТЕН, АНРИ (LAFONTAINE, HENRI) (р. 1854) — бельгийский социалист, профессор международного права в Брюссельском университете, член палаты депутатов; в 1921 г. делегат от Бельгии в Лиге наций. — 354.

ЛЕДЕБУР, ГЕОРГ (GEORG LEDEBOUR) (р. 1850) — старый марксист, член германской с.-д. партии, соратник Бебеля и Гаазе. В годы войны занимал интернационалистскую позицию, подписался под Циммервальдским манифестом. Один из типичнейших представителей «центра» на Циммервальдской конференции. В 1917 г. Ленин писал Коллонтай: «Циммервальдское большинство: ...Каутский с Ледебуром, — *все* перешло на позицию социал-пацифизма, осужденного столь торжественно (и столь бесплодно!) в Кинтале». («Лен. Сб.» II, стр. 285.) После создания Независимой с.-д. партии Германии Л. стал одним из ее лидеров. Вместе с Карлом Либкнехтом и Шольце состоял членом революционного комитета в Берлине во время январского восстания 1919 года, но оставался противником диктатуры пролетариата и защитником «демократии». После победы

коммунистов на конгрессе в Галле остался с независимыми, однако, после объединения последних с социал-демократами из II Интернационала отказался последовать за ними, сохранив существование небольшой собственной группы. — 78, 355.

ЛЕНИН, В. И. (1870—1924). — 92, 106, 107, 119, 310, 320, 347, 366, 369—372.

ЛИБКНЕХТ, КАРЛ (LIEBKNECHT, K.) (1871—1919) — сын Вильгельма Либкнехта, вождь германского революционного движения, один из основателей германской компартии, основоположник коммунистического движения молодежи. С самого начала своей политической деятельности примыкал к левому крылу германской с.-д., много отдавал времени работе среди молодежи. Не пользовался признанием в руководящих кругах германской с.-д. за то, что настаивал на необходимости антимилитаристской работы. Был близок к русской революционной эмиграции. В 1907 г. выпустил книгу «Militarismus und Antimilitarismus» («Милитаризм и антимилитаризм»), за которую отбыл $1^1/_2$ г. тюремного заключения. На заседании рейхстага 4 августа 1914 г. остался верен Интернационалу, отказавшись голосовать за военные кредиты, в то время как вся с.-д. фракция, насчитывавшая 110 депутатов, голосовала за кредиты. Свою борьбу за Интернационал он не ограничил парламентом и перенес на улицу, призывая рабочих к демонстрации против войны и к борьбе за социалистическую революцию. Вместе с Ф. Мерингом, Р. Люксембург и К. Цеткин поместил в швейцарской с.-д. печати в конце октября 1914 г. заявление о несогласии с официальной позицией германской социал-демократии. В 1915 г. своими речами в рейхстаге неутомимо разоблачал германский империализм. Один из основателей революционной с.-д. группы «Спартак». На первомайской демонстрации 1916 г. в Берлине Л., к тому времени мобилизованный, был арестован и приговорен к двум с половиной годам каторжной тюрьмы, откуда его освободила ноябрьская революция 1918 г. После победы большевиков в России, находясь в тюрьме, один из первых в Германии стал на сторону русской революции, призывая рабочих организовать Советы по русскому образцу, и, действительно, организовал их в ноябре 1918 г. Во время восстания берлинских рабочих в январе 1919 г. стал во главе движения; будучи членом революционного комитета, после его ликвидации был арестован правительством Шейдемана и вместе с Р. Люксембург предательски убит германскими офицерами при прямом науськивании социал-шовинистов. Имя К. Л. во время войны стало синонимом социалистической революции и знаменем Коммунистического Интернационала, одним из идейных основателей которого он был. — 314, 397.

ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ, Д. (LLOYD GEORGE) (р. 1862) — выдающийся английский политический деятель. С 900-х годов лидер либеральной партии. В 1906 г. министр торговли и промышленности, в 1909 г. — канцлер казначейства. В этот период проводил ряд демократических реформ, являясь представителем новых методов тактики либеральной буржуазии. Ловко умел использовать «социальные реформы», не затрагивающие существа буржуазного строя, а наоборот служащие средством для укрепления современного буржуазного общества. Блестящую характеристику его позиции дает Ленин в статье «Империализм и раскол социализма»: «Первоклассный буржуазный делец и политический пройдоха, популярный оратор, умеющий говорить какие угодно, даже рреволюционные речи перед рабочей аудиторией, способный проводить изрядные подачки послушным рабочим в виде социальных реформ (страхование и т. п.), Ллойд-Джордж служит буржуазии великолепно и служит ей среди рабочих, проводит ее влияние именно в пролетариате, там, где всего нужнее и всего труднее морально подчинить себе массы». (Собр. соч., т. XI.) В годы войны в блоке с консерваторами проводил диктатуру империалистов,

аннулировал завоевания рабочего класса и основные начала английской конституции. После Октябрьской революции на средства английского казначейства помогал борьбе русских белогвардейцев против Советской власти. В 1920 г. был инициатором возобновления торговых сношений с Советской Россией. — 147.

ЛУЖЕНОВСКИЙ — тамбовский вице-губернатор, прославившийся жестоким подавлением крестьянских беспорядков в губернии. Убит 16 января 1906 г., по поручению Тамбовского комитета партии с.-р., Марией Спиридоновой. — 10.

ЛУНАЧАРСКИЙ, А. В. (нелегальный псевдоним ВОИНОВ), (р. 1875) — вошел в революционное движение на гимназической скамье, участвуя в кружках г. Киева. В 1897 г., будучи студентом Московского университета, работал в Моск. с.-д. организации, но вскоре подвергся аресту и был выслан сначала в Калугу, потом в Вологодскую губ. В конце 1904 г. выехал в Женеву, где вошел в редакционную работу большевистских центральных органов «Вперед» и «Пролетарий». Весной 1905 г. участвовал на III съезде Р.С.-Д.Р.П. В конце 1905 г. вернулся в Петербург, где принимал ближайшее участие в издании большевистского легального органа «Новая Жизнь». Участвовал на Стокгольмском объединительном (1906 г.) и Лондонском (1907 г.) съездах Р.С.-Д.Р.П., а также в русской делегации на Штутгартском международном социалистическом конгрессе (1907 г.). В годы реакции за границей Л. вошел вместе с Богдановым, Вольским, Алексинским и другими в основное ядро группы «впередовцев», разойдясь с большевистской фракцией как в области политических вопросов (отношение к думской с.-д. фракции, соотношение легальной и нелегальной работы и пр.), так и в области вопросов философских (эмпириокритицизм и «богостроительство»). В 1910 и 1911 г.г. принимал деятельное участие в работе партийных школ, организованных «впередовцами» на острове Капри и в г. Болонье в Италии для рабочих из России. С начала империалистской войны решительно примкнул к интернационалистам, сотрудничал в парижских «Голосе» и «Нашем Слове». После Февральской революции, возвратившись в Петроград, вошел в организацию «межрайонцев» и вместе с нею вступил в большевистскую партию на VI съезде Р.С.-Д.Р.П. (большев.). С Октябрьской революции состоит народным комиссаром просвещения Р.С.Ф.С.Р. Литератор. Драматург. — 143, 145.

ЛЫКОШИН, А. И. (1861 — 1918) — товарищ министра внутренних дел, сменивший в 1907 г. Гурко, заведывал крестьянскими делами и выступал в III Государственной Думе по аграрному вопросу. — 403, 406.

ЛЬВОВ, Н. Н. (р. 1867) — известный земский деятель, председатель Саратовской губернской земской управы с 1899 г., участник земских съездов; один из основателей «Союза Освобождения»; член Ц.К. к.-д. в 1906 г.; член I, III и IV Гос. Думы, депутат от Саратовской губ.; в I Думе разошелся с к.-д. по аграрному вопросу, вышел из партии к.-д.; примкнул к мирнообновленцам; в III Думе выступал как лидер прогрессистов; в IV Думе был старшим товарищем секретаря. — 403 — 405.

ЛЮДОВИК XVIII (1755 — 1824) — французский король (1815 — 1824). — 94.

ЛЮКСЕМБУРГ, РОЗА (1870 — 1919) — вождь и идеолог польского и германского революционного рабочего движения, практический работник германского, польского и русского рабочего движения, представительница революционного направления во II Интернационале и в Германской с.-д., автор ряда теоретических работ по экономическим и др. вопросам («Накопление капитала» и др.). В 1893 г. принимала участие в основании «Социал-демократии Царства Польского» (позже с.-д-ии Польши и Литвы), написала ряд теоретических работ для обоснования польского с.-д. движения. С 1897 г. принимала активнейшее участие в германском

с.-д. движении, находясь всегда на левом крыле партии и ведя борьбу с бернштейнианством и его французской разновидностью — мильеранизмом. В 1905 году работала в Варшаве. На основании опыта русской революции написала в 1906 г. брошюру «Всеобщая стачка». Принимала участие в Лондонском съезде Р.С.-Д.Р.П. в 1907 г., где шла вместе с большевистской фракцией. Выступая с резкой критикой ревизионизма, с 1910 г. выступает и против «центра» (Каутский), склонявшегося к компромиссу с оппортунистами. С самого начала империалистской войны заняла интернационалистскую позицию и выпустила вместе с Ф. Мерингом и К. Цеткин один номер журнала «Интернационал». Вошла в основанный К. Либкнехтом «Союз Спартак», написала в 1916 г. (в тюрьме) под псевдонимом Юниус брошюру «Кризис социал-демократии», где указала на распад II Интернационала и на необходимость образования III Интернационала. После ноябрьской 1918 г. революции в Германии развила широкую коммунистическую агитацию, но вскоре была вместе с К. Либкнехтом убита германскими офицерами (15 янв. 1919). Ленин, всегда высоко ценивший Р. Л., посвятил ей, однако, ряд полемических статей, выступая против ее ошибок, в частности против ее организационных взглядов (1904 г.), позиции в национальном вопросе и др. — 82, 92, 318, 319.

ЛЯГАРДЕЛЛЬ, ГЮБЕР (LAGARDELLE, HUBERT) (р. 1875) — один из теоретиков и практиков французского революционного синдикализма. По профессии адвокат и публицист. Во время войны социал-патриот. В настоящее время деятель всеобщей конфедерации труда, которая ведет бешеную борьбу с французскими коммунистами. — 189.

ЛЯХНИЦКИЙ, Н. Я. (р. 1871) — депутат III Гос. Думы от Ставропольской губернии, трудовик, по профессии адвокат. — 411.

ЛЯХОВ, В. П. (1869 — 1918) — полковник; после революции 1905 г. прославился подавлением национально-революционного движения на Кавказе и в Персии. Посланный в 1906 г. в Персию, якобы для заведывания обучением персидской кавалерии, а на самом деле для усмирения «беспорядков», издал приказ, в котором от имени царского правительства обещал ордена и другие «монаршие милости» за участие в разгроме революционного Тавриза. Вмешательство русского правительства вызвало возмущение не только в самой Персии, но и в широких общественных кругах России. 15 ноября 1908 г. с.-д. фракция III Государственной Думы внесла по этому поводу запрос правительству. В 1912 г. Л. начальник Штаба Кубанского Казачьего войска. Впоследствии — генерал-губернатор в Батуме, комендант крепости Батум, убит после революции. — 305, 362, 363.

МАКДОНАЛЬД, РАМСЕЙ (RAMSAY MACDONALD) (р. 1866) — один из вождей II Интернационала, вождь Английской независимой рабочей партии, сторонник классового сотрудничества и постепенного врастания в социализм («конструктивный социализм»). В 1906 г. был избран в Палату Общин и стал одним из лидеров Рабочей партии. В годы войны — пацифист. Принципиальная позиция Макдональда изложена им в ряде статей в еженедельнике Английской независимой рабочей партии «Labour Leader» («Рабочий Вождь»). Один из инициаторов Лондонской конференции стран Согласия. В мае 1916 г. обратился с письмом к французским социалистам, призывая их на ряду с защитой отечества «бороться» за восстановление Интернационала. В этот же период обвинял Международное Социалистическое Бюро в Гааге в бездеятельности, результатом которой явился рост симпатий к Циммервальду. В 1921 г. участвовал в Венской конференции $2^1/_2$ Интернационала. В настоящее время один из руководителей II Интернационала. Премьер «рабочего» министерства с января по ноябрь 1924 г. В первой же правительственной декларации заявил, что он не допустит никаких «опасных отступлений от исторических путей английской внешней политики» английского правительства и в действи-

тельности продолжал традиционную империалистическую политику. — 349.

МАКЛАКОВ, В. А. (р. 1870) — крупный московский адвокат, член II, III и IV Государственной Думы от Москвы, член партии к.-д., примыкавший к ее правому крылу, посол правительства Керенского, а затем Колчака и Врангеля, в Париже. В белой эмиграции. — 46, 114.

МАЛИШЕВСКИЙ, Н. Г. (р. 1874) — социал-демократ - меньшевик. Первоначально работал в Петербурге (в 1894 — 1895 г.г.), входил в группу «технологов» Чернышева, Богатырева и др. Был арестован в декабре 1895 г. и затем административным порядком сослан в Вологодскую губернию на 3 года. В эпоху первой революции занимал позицию на крайнем правом крыле социал-демократии и высказывался за снятие лозунга республики из с.-д. программы. С 1907 г., отойдя от социал-демократии, начал работать в Харьковской городской управе. С 1920 г. работает в Харьковском технологическом институте в качестве профессора по водоснабжению. — 152.

МАРКС, КАРЛ (MARX) (1818 — 1883) — см. его биографию, написанную В. И. Лениным в 1914 г. (т. XVIII Сочинений). — 21, 32, 33, 35, 75, 79, 84, 114, 115, 145, 162, 163, 165 — 168, 183 — 185, 189, 190, 195, 202, 205, 212, 268, 271, 281, 284 — 287, 292, 310, 317, 324 — 327, 366, 369 — 374, 377, 387 — 389, 397.

МАРТОВ, Л. (ЦЕДЕРБАУМ, Ю. О.) (1873 — 1923) — один из лидеров меньшевизма. В 1891 г. вступил в студенческий революционный кружок, в 1892 г. был впервые арестован. В следующие годы работал в Виленской организации Бунда; в 1894 г. редактировал брошюру А. Кремера «Об агитации». В октябре — ноябре 1895 г. вместе с Лениным, Кржижановским и другими принимал участие в организации петербургского «Союза Борьбы за освобождение рабочего класса». В начале января 1896 г. был арестован и после тюремного заключения сослан в Туруханск на 3 года. В тюрьме написал брошюру «Современная Россия», в ссылке — «Красное Знамя» и «Рабочее дело в России». Вошел в «тройственный союз» (Ленин, Мартов, Потресов), созданный по инициативе Ленина для воссоздания партии и издания будущей «Искры». В 1900 г. вернулся из ссылки и вместе с Лениным и Потресовым участвовал в «Псковском совещании». Затем около года работал на юге России, объезжая местные организации и организуя поддержку «Искры», весною 1901 г. приехал в Мюнхен и принял деятельное участие в работе «Искры» и «Зари». На II съезде Р.С.-Д.Р.П. стал во главе меньшинства и с тех пор до смерти оставался виднейшим идеологом и публицистом меньшевизма, неизменным участником всех центральных учреждений меньшевистской партии и редактором меньшевистских изданий. В 1905 г., после манифеста 17 октября, вернулся в Россию, работал в ноябре — декабре в Совете Рабочих Депутатов и в редакции меньшевистской газеты «Начало». В 1906 г. был арестован и выслан за границу. Оттуда продолжал руководить меньшевистской фракцией во время выборов во II Государственную Думу. Вначале колебался в вопросе о предвыборных соглашениях с кадетами, но затем стал поддерживать блок с кадетами. В годы реакции редактировал «Голос Социал-Демократа», поддерживая ликвидаторов. В конце 1913 г. руководил борьбой правого крыла соц.-демократии против большевиков в качестве редактора «Рабочей Газеты». В период войны был в рядах меньшевиков-интернационалистов, участвовал в Циммервальдской конференции, примыкая в основном к «центру». В эпоху Февральской революции по некоторым вопросам расходился с большинством меньшевистской партии. После Октябрьского переворота противник советской власти, в 1921 г. эмигрировал заграницу, принимал близкое участие в создании так называемого Венского Интернационала и руководил меньшевистским «Социалистическим Вестником». — 5, 28, 40, 92, 106, 209.

МАРТЫНОВ, А. С. (ПИККЕР) (р. 1865) — теоретик и лидер «эко-

номизма», один из идеологов меньшевизма. Участник народовольческих кружков конца 80-х г.г. Был сослан на 10 лет в Сибирь и вернулся из ссылки в конце 90-х г.г., социал-демократом. В 1900 г. эмигрировал за границу, где вступил в «Союз русских с.-д.» и стал одним из редакторов «Рабочего Дела». В 1901 — 1902 г.г. вел ожесточенную полемику против программных, тактических и организационных принципов «Искры». Взгляды М. неоднократно подвергались жестокой критике Ленина. После раскола на II съезде Р.С.-Д.Р.П. примкнул к меньшевикам и вскоре вошел в состав их руководящего ядра; сотрудничал в меньшевистской «Искре» и во всех последующих легальных и нелегальных руководящих органах меньшевиков в качестве одного из их редакторов. Брошюра М. «Две диктатуры», вышедшая в начале 1905 г., легла в основу меньшевистской тактики и политики в эпоху революции 1905 г. Участник Стокгольмского съезда, выступал с докладом о «текущем моменте и классовых задачах пролетариата». Был одним из авторов резолюции об отношении к Гос. Думе, выработанной меньшевиками перед Стокгольмским съездом. С 1905 по 1907 г. работал в России, затем снова уехал за границу. Принимал видное участие в меньшевистском 5-томнике «Общественное движение в России в начале XX века» (1909 — 1914 г.г.). Во время империалистической войны входил в состав Заграничного Секретариата О.К., по своим взглядам примыкал к группе Мартова. Участник Циммервальда, сторонник Циммервальдского большинства. В 1919 г. начал отходить от меньшевизма и затем вступил в В.К.П.(б.). В настоящее время работает в органе Коминтерна — журнале «Коммунистический Интернационал». — 66, 300, 388.

МАСЛОВ, П. П. (р. 1867) — участник ранних марксистских кружков, экономист, автор ряда работ по аграрному вопросу, ревизионист. Участник первой легальной с.-д. газеты «Самарский Вестник». В 1903 г. вышел его «Аграрный вопрос» (т. I); тогда же, под псевдонимом Икса, М. в брошюре «Об аграрной программе» выступил против аграрной части проекта программы Р.С.-Д.Р.П., принятой затем II съездом. После раскола примкнул к меньшевикам и оставался постоянным сотрудником меньшевистских легальных и нелегальных изданий. В период первой революции выдвинул проект «муниципализации» земли, как программное требование социал-демократии, и на Стокгольмском съезде в 1906 г. защищал его против отстаиваемой Лениным «национализации». В 1907 г. работал в с.-д. фракции II Гос. Думы в качестве «сведущего лица». В годы реакции, принадлежа к группе литераторов-легалистов, принимал активное участие в органе ликвидаторов «Наша Заря». В 1908 г. выпустил 2-й том «Аграрного вопроса». Во время мировой войны занял социал-империалистическую позицию. Защищал свою точку зрения в либеральных газетах доводами экономического характера, доказывая необходимость для русского пролетариата полной победы над Германией. После революции 1917 г. активной политической роли не играл; с 1923 г. работает в Москве. С 1929 г. член Академии Наук. — 278 — 283, 286, 289, 297, 310, 321 — 328, 366, 369, 374, 386 — 389.

МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКИЙ, А. Н. (р. 1844) — генерал, начал свою службу с участия в подавлении польского восстания 1863 г. В 1905 г. с карательным отрядом прошел по линии Сибирской ж. д. до Читы, где соединился с карательным отрядом Ренненкампфа. В 1906 — 1909 г.г. был временным прибалтийским генерал-губернатором, подавил революционное движение латышей против баронов-помещиков. Один из самых жестоких усмирителей этого времени. — 10.

МЕРЗЛЯКОВ, И. Л. (р. 1874) — крестьянин, депутат III Гос. Думы от Вятской губ. Трудовик. — 411.

МЕРИНГ, Ф. (F. MEHRING) (1846 — 1919) — выдающийся представитель революционного марксизма в Германии, сначала левый соц.-демо-

крат, потом коммунист, историк и журналист. В 90-х г.г. вместе с Каутским вел энергичную борьбу против ревизионизма, был редактором левой «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигская Народная Газета»), вместе с Каутским редактировал «Neue Zeit». Входил в левое крыло германской с.-д. еще до войны вместе с К. Цеткин, Р. Люксембург и К. Либкнехтом, вел решительную борьбу с большинством партии, которое вступило на путь соглашательства и оппортунизма. Во время империалистской войны примыкал к «левой» Циммервальда. В 1915 г. редактировал журнал «Интернационал», боровшийся с социал-патриотическим угаром, за это заключен в тюрьму; по выходе из нее сотрудничал в нелегальном органе группы «Интернационал», являясь одним из главных теоретиков и руководителей этой группы. После победы пролетарской революции в России приветствовал первую победу пролетариата. С образованием германской коммунистической партии вошел в ее ряды. Автор ряда научных и публицистических трудов, из которых особенно известны четырехтомная «Geschichte der deutschen Sozial-Demokratie» («История германской социал-демократии»), «Легенда о Лессинге» и др. Издал в трех томах «Литературное наследство Маркса и Энгельса», автор биографии Маркса. — 111.

МЕРТВАГО, А. П. (р. 1856) — агроном, деятель по сельскому хозяйству, ученик и последователь А. Н. Энгельгардта, у которого он работал два года простым рабочим. Огородничество изучал во Франции. С 1887 г. писал о своих опытах в ряде русских с.-х. органов, а также в «Северном Вестнике» и «Русской Мысли». С 1894 г. редактировал журнал «Хозяин». Умер незадолго до революции. Его работы, отдельно изданные: «Сколько в России земли и как мы ею пользуемся», «Разработка пустошей во Франции и у нас», «Сельско-хозяйственные вопросы черноземной полосы» и др. — 224, 225.

МИЛЮКОВ, П. Н. (р. 1859) — лидер к.-д. партии, вождь русского либерализма, русский историк, профессор. В эпоху I Думы кадетами намечался премьером ответственного министерства. Во время войны — идеолог русских империалистов, сторонник аннексии Дарданелл, Галиции, Восточной Пруссии и Армении, ярый враг интернационализма. Во время Февральской революции отстаивал романовскую монархию во главе с Михаилом. Во Временном Правительстве первого состава Милюков занял пост министра иностранных дел. Его нота 18 апреля 1917 г. о верности Временного Правительства договорам Николая II с союзниками вызвала дружный протест рабочих (апрельский кризис), и Милюков вынужден был подать в отставку. Идеолог корниловщины в августе 1917 г. После Октябрьской революции вдохновитель контр-революционных выступлений против Советской России. Сторонник свержения советской власти при помощи иноземных штыков. В дни Скоропадского резко изменил антантовскую ориентацию на германскую и искал помощи у кайзера, но германская революция расстроила его планы. После победы советских войск на фронтах гражданской войны М. поселился в Париже. Редактирует левокадетскую газету «Последние Новости». Стал во главе «демократической группы» кадетской партии. — 34, 45, 71, 74, 101, 113, 116, 117, 153, 155, 176, 177, 195, 360, 406, 407.

МИРАБО, ГАБРИЕЛЬ (MIRABEAU) (1749 — 1791) — граф, одна из крупнейших фигур в начале великой французской революции, был выбран в Генеральные Штаты от третьего сословия Марселя, выдающийся оратор Национального Собрания и Конституанты. Представитель умеренных кругов буржуазии, он стремился и в своих речах и основанной им газете «Курьер Прованса» усилить влияние буржуазии на правительство короля. Внешне оставаясь сторонником революции, вошел в тайные сношения с королевским двором и деятельно помогал ему своими советами. — 111.

МИТРОФАН (ДМИТРИЙ КРАСКОВСКИЙ) (р. 1869) — епископ, член III Гос. Думы от Могилевской губернии. Правый. — 405.

МИХАЙЛОВСКИЙ Н. К. (1842 — 1904) — виднейший теоретик на-

родничества, «властитель дум» русской интеллигенции 80 — 90 г.г. В области социологии дал теорию «исторического прогресса», признававшую за «критически мыслящими личностями» основную роль в направлении исторического процесса по «желательному» руслу. Идеализировал «трудовое» крестьянское хозяйство и общину, противопоставляя их капитализму. Примыкал к народовольцам, составляя и редактируя их издания. Был одним из руководителей «Отечественных Записок», а с 90-х г.г. редактировал «Русское Богатство», на страницах которого с самого начала 90-х г.г. и до смерти в 1904 г. вел ожесточенную полемику с марксистами. Его полемические статьи против марксистов собраны в 2-х томах под заголовком: «Литературные воспоминания и современная смута», а также вошли в VII том Собр. соч. Н. Михайловского, СПБ. 1909.

О М. см. у Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» т. I, и у Плеханова в его книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». — 57.

МОЛЬКЕНБУР, ГЕРМАН (MOLKENBUHR) (1851 — 1927) — немецкий социал-демократ. По профессии рабочий табачного производства, примкнул к революционному движению в 70-х годах. С 1881 по 1884 г. был в ссылке в Америке. В 1891 г. — участник Эрфуртского съезда германской с.-д. партии. С 1904 г. долгое время был секретарем Ц. К. с.-д. партии. Член Международного Социалистического Бюро. В продолжение ряда лет (1890 — 1906, 1907 — 1918) — член рейхстага. С начала войны занял позицию социал-патриотизма. В 1919 — 1920 г.г. член Национального Собрания от с.-д., с 1920 по 1924 г. — член рейхстага. — 355.

МОЛЬТКЕ, ГЕЛЬМУТ (H. MOLTKE) (1848 — 1916) — прусский генерал, приближенный Вильгельма II, известен по процессу с известным публицистом М. Гарденом, обвинявшим Мольтке в гомосексуализме. С 1906 по 1914 г. начальник генерального штаба, с начала войны начальник полевого штаба, проявил полную бездарность и был заменен Фалькенгайном. — 95.

МОРЛЕЙ, ДЖОН (JOHN MORLEY) (1838 — 1923) — один из виднейших деятелей «радикализма» в Англии. Автор ряда работ по истории общественной мысли: «Вольтер», «Дидро», «Руссо» и др. Будучи секретарем по делам Индии в кабинете Кэмпбелль-Баннермана, проводил политику подавления национального индийского движения. В начале империалистической войны вышел из состава кабинета министров (был лордом-президентом Совета по делам Индии) в отставку, протестуя против вмешательства Англии в войну. — 305.

МУРАВЬЕВ, М. Н. (1796 — 1866) — граф, государственный деятель. В молодости был близок к декабристам, но вскоре отошел от их движения. В царствование Александра II — министр государственных имуществ. Откровенный реакционер, убежденный крепостник, М. был самым горячим противником освобождения крестьян. В 1863 г. был назначен виленским генерал-губернатором для подавления восстания в Литве. За жестокое подавление восстания получил прозвище «вешателя». — 154.

МУШЕНКО, И. Н. (р. 1871) — депутат II Гос. Думы от Курской губ., с.-р., инженер-технолог, раньше был сельским учителем, заведывал земскими мастерскими. С 1905 г. организатор крестьянских митингов, агитатор, участник Курского «Крестьянского Союза»; в 1907 г. был представителем Союза на конференции с.-р. В Думе М. входил в аграрную комиссию и выступал по аграрному вопросу, как официальный докладчик от фракции с.-р. — 284.

МЮЛЬБЕРГЕР (A. MÜLBERGER) — немецкий социал-демократ, последователь Прудона, автор вызвавших критику Энгельса статей в «Volksstaat'е» по жилищному вопросу, сотрудник издававшегося Хехбергом в 1877 г. журнала «Будущее», органа правых элементов соц.-дем. партии, подвергся резкой критике со стороны Бебеля. — 184.

Н.

НАБОКОВ, В. Д. (1869 — 1922) — видный кадет, юрист. Участвовал в редактировании юридических журналов «Вестник Права», «Право» и др., сотрудник нелегального журнала либералов «Освобождение». В 1902 году был избран гласным Петербургской Думы. Активный участник земских съездов 1904 — 1905 г.г. Один из основателей кадетской партии, товарищ председателя кадетского Ц. К. и редактор кадетского центрального органа «Вестник Партии Народной Свободы». Депутат I Государственной Думы от Петербурга. После Февральской революции—управляющий делами Временного Правительства. После Октябрьской революции возглавлял в эмиграции правое крыло кадетской партии и издавал вместе с И. Гессеном в Берлине газету «Руль». Случайно убит в 1922 году монархистом, покушавшимся на Милюкова. — 46.

НАДЕЖДИН, Л. (псевдоним Е. О. ЗЕЛЕНСКОГО) (у. 1905) — организатор и редактор изданий заграничной «революционно-социалистической группы» «Свобода» (1901 — 1903). В 1898 г. входил в Саратовскую социал-демократическую организацию, после ареста весной 1900 г. эмигрировал в Швейцарию, где и организовал в мае 1901 г. группу «Свобода». Пытался сочетать программу социал-демократии с проповедью террора. Н. обладал незаурядным публицистическим талантом, резко высказывался против «легального» марксизма и бернштейнианства и обнаруживал несомненные симпатии к «политической» струе в рабочем движении против узкого «экономизма». Все это заставило «Искру» и в частности Ленина пытаться привлечь Н. к работе «Искры». Соглашение, однако, не состоялось, и вскоре после того Н. выступил с поддержкой антиискровских групп в России (в частности в связи с расколом СПБ. Союза борьбы). После II съезда Р.С.-Д.Р.П. сотрудничал в меньшевистских изданиях. Автор ряда брошюр: «Возрождение революционизма в России», «Канун революции» и др. — 300.

НАПОЛЕОН III ЛУИ БОНАПАРТ (1808 — 1873) — французский император (1852 — 1870). — 108.

НЕВЕДОМСКИЙ, М. (литературный псевдоним МИКЛАШЕВСКОГО, М. Н.), (р. 1866) — социал-демократ, меньшевик, публицист, критик и историк литературы. Член редакции «Мира Божьего» и «Современного Мира». В настоящее время работает исключительно в области истории литературы. — 45, 46, 49, 51 — 53.

НЕКРАСОВ, Н. А. (1821 — 1877) — крупнейший русский поэт. Наиболее яркий представитель революционного народничества в художественной литературе 60-х и 70-х годов. Вскрывая противоречия современного ему общества, ставя темы, отражающие мысли передовых слоев русской интеллигенции, он внес в свою поэзию содержание политической и социальной сатиры. Пламенный враг крепостного режима, Н. оставался трезвым реалистом, отмечающим темные стороны народного крестьянского быта. Был редактором «Современника» (1846 — 1866) и «Отечественных Записок» с 1868 г. до смерти. — 9.

НИКИТЮК, Я. С. (р. 1883) — депутат III Гос. Думы от Волынской губернии, крестьянин, правый. — 409.

НИКОЛАЙ I (1796 — 1855). — 362.

НИКОЛАЙ II (1868 — 1918) — вступил на престол в 1894 г. Свергнут с престола Февральской революцией 1917 г. Казнен в 1918 г. — 134, 154, 155, 192, 304, 305, 408.

НИКОЛАЙ—ОН (псевдоним Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНА) (1844—1918)— экономист 80 — 90-х годов. Один из наиболее ярких представителей народничества. Переводчик I тома «Капитала». В 1893 году издал книгу «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», которая вместе

*

с работами В. В. (Воронцова) служила главным экономическим обоснованием народничества. Взгляды Николая—она неоднократно разбирались В. И. Лениным. — 238, 255.

НОВОСЕДСКИЙ — см. **БИНАСИК**.

НОСКЕ, ГУСТАВ (р. 1868) — германский социал-демократ, рабочий-деревообделочник, долго работал в профессиональных союзах, занимая в них высшие должности. Одно время был редактором с.-д. газет «Volkstribüne» («Народная Трибуна») в Кенигсберге и «Volksstimme» («Народный Голос») в Хемнице. В 1906 г. был избран в рейхстаг. Его патриотические выступления в 1908 г. в рейхстаге были встречены одобрением буржуазных и правительственных кругов. На Эссенском съезде германской с.-д., в то время как часть съезда выступала с протестом против речей Н. — правое крыло с.-д. высказало ему определенное сочувствие. В годы империалистской войны примкнул к позиции Шейдемана и вместе с большинством партии поддерживал правительство и голосовал за военные кредиты. В ноябре 1918 г. ему было поручено подавление восстания моряков в Киле, после чего он был назначен кильским генерал-губернатором. С усилением революционного движения в Германии, Н., зарекомендовавший себя как жестокий усмиритель моряков, был вызван в Берлин и вместе с Р. Висселем вошел в Совет народных уполномоченных. Опираясь на реакционных германских генералов, Люттвица и др., жестоко подавил январское восстание берлинских рабочих. В 1919 г., в качестве министра национальной обороны в кабинете Шейдемана, вел при помощи монархического офицерства борьбу с революционным рабочим движением. Германская буржуазия использовала Н. как орудие для подавления пролетарской революции и при его содействии подготовила почву для Каповского восстания, положившего конец его министерской карьере. — 313, **314, 316.**

П.

ПАРВУС (псевдоним **А. Л. ГЕЛЬФАНДА**) (**1869 — 1924**) — русский эмигрант, в 90-х и начале 900-х годов работавший в германской с.-д-тии, примыкал к ее левому крылу, рядом с Р. Люксембург вел решительную кампанию против Бернштейна и оппортунистических течений в партии вообще. Дал ряд значительных марксистских работ по вопросам мирового хозяйства, аграрного кризиса и т. д. Сотрудничал в «Искре», «Заре» (под псевдонимом Молотова). После раскола поддерживал меньшевиков, хотя и расходился с ними в ряде тактических вопросов. Выдвинул в применении к русской революции теорию «перманентной революции». В 1905 г. вернулся в Россию и принимал деятельное участие в первой русской революции. Входил в редакцию меньшевистского «Начала». Был сослан в Сибирь и бежал обратно в Германию. В эпоху войны — крайний социал-шовинист и прямой агент германского империализма. — 24, 28, 61.

ПЕПЛОВ (**PÄPLOW, FRITZ**) — один из представителей Германии на Международном социалистическом конгрессе в Штутгарте, от гамбургских рабочих штукатурных и лепных работ. — 87.

ПЕРЕЯСЛАВСКИЙ — см. **ХРУСТАЛЕВ-НОСАРЬ**.

ПЕРНЕРСТОРФЕР, ЭНГЕЛЬБЕРТ (1850 — 1918) — австрийский с.-д., по профессии учитель. В начале политической деятельности принадлежал к немецкой национальной партии. В 1896 г. примкнул к австрийской с.-д. партии и с 1897 г. член ее Ц.К. После выборов 1907 г. П. был избран одним из товарищей председателя рейхстага, что вызвало полемику в с.-д. печати по вопросу о допустимости социал-демократу занимать этот пост. — 354.

ПЕТРОВ, К. М. (р. 1877) — депутат III Гос. Думы от Пермской гу-

ПОКРОВСКИЙ, И. П. (р. 1872) — депутат III Гос. Думы от Кубанской и Терской областей и Черноморской губернии, социал-демократ, общественный деятель, врач. В Думе был одним из руководителей фракции и основным оратором. Неоднократно выступал по бюджетному и др. вопросам, поддерживал ряд запросов фракции и пользовался особой ненавистью правых. Автор книги «Государственный бюджет России за последние десять лет (1901 — 1910)» (1911). — 130 — 132.

ПОПОВ 2-й, А. (р. 1868) — депутат III Гос. Думы от Вятской губернии, сельский священник, перемещенный из города и уволенный от учебной и миссионерской деятельности за прогрессивность. Беспартийный. — 411.

ПОПОВ 4-й, И. Н. (р. 1878) — депутат III Гос. Думы от Вологодской губернии, крестьянин. Сперва принадлежал к умеренно-правым, потом беспартийный. — 409.

ПОПП, А. (POPP, A.) (р. 1869) — член австрийской социал-демократической партии, публицистка и писательница, выдающаяся деятельница по женскому движению. С 1920 г. член Национального Совета — австрийской нижней палаты. — 91.

ПОРТУГАЛОВ, В. — социал-демократ, меньшевик, перешедший от с.-д. к кадетам, сотрудничал в газ. «Товарищ», «Столичной Почте», «Нашей Газете» и др. — 5.

ПОТРЕСОВ, А. Н. (СТАРОВЕР) (р. 1869) — один из лидеров меньшевизма. В 90-х годах примкнул к марксизму, в 1894 — 96 г.г. содействовал легальному изданию марксистского сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (со статьей Ленина) и книги Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», сблизился с «Петербургским Союзом борьбы за освобождение рабочего класса»; в 1898 г. сослан в Вятскую губ., откуда сотрудничал в марксистских журналах «Новое Слово» и «Начало». По отбытии ссылки эмигрировал в 1900 г. за границу и вместе с Лениным участвовал в организации «Искры» и «Зари». На II съезде Р.С.-Д.Р.П. (1903 г.) примкнул к меньшевикам и с тех пор оставался одним из виднейших сотрудников и руководителей меньшевистских изданий. После революции 1905 г. оставался в России и играл руководящую роль в легальных меньшевистских органах печати («Наша Заря»). Один из вождей правого ликвидаторства. В 1908 г. редактировал вместе с Мартовым и Масловым пятитомник «Общественное движение в России в начале XX в.». Во время войны один из наиболее откровенных защитников социал-патриотизма. В 1917 г. играл руководящую роль в буржуазной газете «День», ведшей бешеную кампанию против большевиков. Эмигрант. — 59.

ПРОКОПОВИЧ, С. Н. (р. 1871) — экономист и общественный деятель; в 1895 — 97 г. был членом «Союза русских социал-демократов», крайне правым «экономистом», вскоре ушел от с.-демократии к либералам и с 1902 по 1905 — один из лидеров «Союза Освобождения». В 1906 г. — член Ц. К. кадетской партии, затем занял позицию «левее к.-д.». Редактор-издатель еженедельного журнала «Без Заглавия», платформа которого формулировалась как течение «критического социализма». Ревизионист, один из первых провозвестников бернштейнианства в России, П. явился автором ряда работ по рабочему вопросу: «Рабочее движение на Западе. 1. Германия и Бельгия» (1899), «Рабочее движение в Германии» (переизд. в 1908 г.), «К критике Маркса» (1901), «Аграрный кризис и мероприятия правительства» (1912) и др. Названные книги отражали буржуазно-демократические, полукадетские воззрения автора. В 1917 г. П. — министр продовольствия в правительстве Керенского. В настоящее время — эмигрант. — 58, 95, 225.

ПУРИШКЕВИЧ, В. М. (1870 — 1920) — депутат II, III и IV Государственной Думы от Бессарабской губ.; помещик, ярый реакционер-черно-

сотенец; основатель погромного Союза русского народа и Палаты Михаила Архангела. Был чиновником особых поручений при Плеве. Один из участников убийства Распутина. После Октябрьской революции подвизался на юге в стане белогвардейской контр-революции. — 6, 114.

Р.

Р. (РАДЧЕНКО, С. И.) (1869 — 1911) по профессии инженер-технолог. Член Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1898 г. участвовал на I Съезде Р.С.-Д.Р.П. как представитель петербургского «Союза борьбы» и был избран членом Центрального Комитета. Был арестован и выслан в Вологду в 1902 г. — 59.

РАБОЧИЙ-ОТЗОВИСТ — см. ВОЛЬСКИЙ.

РЕКЛЮ, ЭЛИЗЕ (1830 — 1905) — выдающийся географ, теоретик анархизма, автор всемирно-известной «Всеобщей географии». Участник Парижской Коммуны, после подавления ее эмигрировал в Брюссель. Один из основателей и руководителей Брюссельского Свободного университета. По своим воззрениям примыкал к анархо-коммунизму Кропоткина. — 362.

РЕННЕНКАМПФ, П. К. (1854—1919) — генерал. Прославился зверской расправой с китайцами во время похода на Пекин в 1900 г. В 1905 г. во главе карательной экспедиции прошел от Харбина до Читы, отличался необычайной жестокостью при «усмирении» Забайкалья. Во время империалистской войны командующий первой армией, начавшей неудачное наступление на Восточную Пруссию. — 10.

РИКАРДО, Д. (1772 — 1823) — английский экономист, на ряду с Адамом Смитом основоположник классической школы в политической экономии (по профессии — банкир). Устраняя некоторые противоречия в положениях Адама Смита, Р. первый систематически развил теорию, по которой труд является творцом стоимости, измеряемой рабочим временем. В своем капитальном исследовании «Начала политической экономии и учение о налогах» Р. говорит о противоположности интересов капиталистов и рабочих. До такого объективизма буржуазная политическая экономия впоследствии никогда уже не доходила. Критика теоретических взглядов Р. дана Марксом в «Капитале», в «Теориях прибавочной стоимости» и др. соч. — 270, 271, 281.

РОДБЕРТУС-ЯГЕЦОВ, К. (1805 — 1875) — немецкий экономист, крупный землевладелец. Примыкал к классической школе политической экономии, создал своеобразную «теорию трудовой ценности», был одним из главных теоретиков «государственного социализма». Его взгляды изложены и разобраны Г. В. Плехановым в 1882 — 83 г.г. в «Отечественных Записках» («Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягецова»; перепечатана в I томе Сочинений Плеханова, под ред. Д. Рязанова, стр. 216 — 364. Замечания Ленина о Р.-Я. см. в III т. Сочинений, стр. 35 — 36.) — 271.

РОДИЧЕВ, Ф. И. (р. 1856) — либеральный деятель Тверского земства и уездный предводитель дворянства. Член «Союза Освобождения» и участник земских съездов перед революцией 1905 г., один из организаторов и член Центрального Комитета к.-д. партии, депутат Государственной Думы всех четырех созывов, в 1917 г. комиссар Временного Правительства по делам Финляндии. — 27, 406.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ — с.-р., участвовавший на первом съезде партии с.-р. (декабрь 1905 г.). — 117.

РОЖКОВ, Г. Е. (р. 1864) — депутат III Гос. Думы от Ставропольской губернии, крестьянин, трудовик. Принимал участие в аудиенции, данной царем 200 депутатам Думы 8 июня 1912 г., после чего был исключен из фракции. — 410.

РУБАКИН, Н. А. (р. 1862 г.) — известный русский библиограф, деятель по самообразованию, автор многих популярных брошюр и книг.

В настоящее время живет заграницей, заведует институтом библио-психологии в Лозанне. — 220.

РУБАНОВИЧ, П. А. (1860 — 1920) — один из лидеров эс-эров, принимал деятельное участие в народовольческом движении, после разгрома «Народной Воли» эмигрировал за границу, в 1893 г. вошел в парижскую «Группу старых народовольцев». С образованием партии социалистов-революционеров примкнул к ней, являясь ее официальным представителем на международных социалистических конгрессах. С января 1907 г. по декабрь 1909 г. редактировал издававшийся партией с.-р. в Париже на французском языке «La tribune Russe». Член Международного Социалистического бюро от партии эс-эров. В годы войны социал-патриот. — 347, 348, 353, 354, 359.

РУЗВЕЛЬТ, ТЕОДОР (1858 — 1918) — президент Северо-Американских Соединенных Штатов с 1901 по 1908 г.г. Член республиканской партии (крупн. капитал.). В бытность его президентом Соединенные Штаты стали вести широкую империалистскую политику. — 88.

РУССЕЛЬ, А. (ROUSSEL, ANGÈLE) — активная французская социалистка. С 1907 по 1912 г. член постоянной администр. комиссии социалистической партии. Впоследствии оставила партийную работу. — 347, 348.

С.

САЛТЫКОВ, М. Е. (Н. ЩЕДРИН) (1826 — 1889) — величайший русский сатирик и выдающийся художник, отразивший в своих произведениях русское общество эпохи крепостничества, его распада и возникновения капиталистического строя (с 30-х — бытовые впечатления детства — по 80-е годы включительно). По своим общественным взглядам — представитель утопического социализма. Его произведения — резкий протест против господства дворянства, бюрократии, либерального «пенкоснимательства» во всех его оттенках. В своем творчестве Салтыков отразил противоречия «освободительной эпохи», первый в художественной литературе дал типы деятелей первоначального капиталистического накопления. Был сотрудником и редактором «Современника» (1863 — 64 г.). С 1868 г. принимал ближайшее участие в «Отечественных Записках» Некрасова. После смерти последнего (1877 г.) стал редактором этого журнала и руководил им до 1884 г. (когда «Отечественные Записки» были закрыты). — 9.

САТТАР-ХАН — вождь тавризских революционеров-конституционалистов, вел борьбу против шаха Мохаммеда-Али (1908 — 1909 г.г.). — 361.

САФОНОВ, П. А. (р. 1868) — кадет, член I Гос. Думы от Костромской губ., выборжец; по профессии агроном. С 1900 г. гласный уездного и губернского земства, председатель местного сельско-хозяйственного общества. — 113.

СИСМОНДИ, СИМОН ДЕ (1773 — 1842) — швейцарский экономист и историк, представитель реакционного мелкобуржуазного социализма. Социализм С. «стремится восстановить старые средства производства и сношения, а вместе с ними и старые имущественные отношения и старое общество; или же он старается насильно удержать новейшие средства производства и сношения в рамке старых имущественных отношений, которые они уже разбили и необходимо должны были разбить. В обоих случаях он является одновременно реакционным и утопическим. Цеховая организация промышленности и патриархальное сельское хозяйство являются последним его словом» (К. Маркс). С. явился одним из первых по времени критиков капиталистического строя. На русском языке имеется перевод избранных мест из С. в издании «Библиотеки экономистов» Солдатенкова. См. разбор теории С., данный Лениным в статье: «К характеристике экономического романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты)». (Сочинения, т. II, стр. 7 — 123.) — 79.

СКВОРЦОВ, А. П. (1848—1914) — агроном, экономист, профессор Ново-александрийского института сельского хозяйства. Основные работы С.: «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство» (1890), «Основания политической экономии» (1898), «Экономические основы земледелия» и др. — 366.

СМИРНОВ, Е. — см. ГУРЕВИЧ, Э. Л.

СТ. (СТАРКОВ, В. В.) (1869—1925) — инженер-технолог, входил в кружок марксистов, впоследствии — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В декабре 1895 г. арестован и после 16-месячного тюремного заключения выслан вместе с В. И. Лениным и Г. М. Кржижановским в Енисейскую губернию в Минусинск. По окончании ссылки в 1900 г. работал механиком на заводе. В 1904 г. работал заведующим электрической станцией в Баку, держа связь с местной с.-д. организацией. После революции 1905 г. отошел от активной партийной работы. В 1907 г. директор электро-станции в Москве, оставаясь на этой работе до 1920 г., когда С. в качестве одного из представителей В.С.Н.Х. был включен в делегацию Л. Б. Красина для восстановления сношений с Западной Европой. С этого времени работал в торгпредстве в Берлине, с 1921 — был заместителем торг. представителя Р.С.Ф.С.Р. в Германии. — 59.

СТОЛЫПИН, П. А. (1862—1911) — председатель Совета министров Николая II в эпоху реакции после революции 1905 г. С. пытался в период, когда революция еще была сильна, привлечь на сторону правительства буржуазию, для чего он вел переговоры с лидером кадетов Милюковым о вхождении в министерство, но сам же прервал переговоры, убедившись в том, что кадеты не в силах справиться с революцией. Политика С. лучше всего характеризуется его же формулой: «сначала успокоение, потом реформы». Успокоения он добивался посредством жесточайших репрессий: удушением печати, закрытием профессиональных союзов, изменением избирательного закона посредством акта 3 июня 1907 г., деятельностью военно-полевых судов, широким применением смертной казни. Аграрная реформа, связанная с его именем, сводившаяся к сохранению экономического и политического преобладания крепостников-помещиков, заключалась в разрешении крестьянам-общинникам укреплять за собой в собственность надельные земли, что способствовало усилению кулаков, и в покровительстве хуторским хозяйствам. Столыпинская аграрная политика, с ее ставкой на «сильного», зажиточного, проникнутого собственническим инстинктом крестьянина, должна была повести к дальнейшему развитию капитализма, по прусскому, «юнкерскому» пути. Лавируя между двумя контр-революционными большинствами в Думе, С. проводил по существу бонапартистскую политику. Умер от раны, нанесенной ему в Киеве агентом охранки Богровым. — 8, 9, 27, 34, 98, 108, 116, 123—125, 134, 136, 176, 177, 192—195, 284, 300, 325, 334, 336, 377, 378, 406, 408, 413.

СТОРЧАК, И. И. (р. 1862) — депутат III Государственной Думы от Херсонской губ., крестьянин, беспартийный. — 408, 409.

СТРЕЛЬЦОВ, Р. Е. (р. 1875) — литератор, ревизионист. Живя с 1900 по 1914 г. в эмиграции, главным образом, в Германии, сотрудничал в ряде заграничных социал-демократических изданий: «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник»), «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигская Народная Газета»), «Vorwärts» («Вперед») и др., а также в издававшейся в России Кусковой, Прокоповичем и Богучарским либеральной газете «Товарищ». По возвращении в Россию работал в разного рода комиссиях при городском самоуправлении в Петербурге. В настоящее время работает в Москве по хозяйственной линии. — 195.

СТРУВЕ, П. Б. (р. 1870) — в 90-х годах марксист. Автор «Манифеста Р.С.-Д.Р.П.», выпущенного по постановлению I съезда партии; участник Международного Социалистического Конгресса в Лондоне в 1896 году в

составе русской делегации. Наиболее видный представитель «легального марксизма» 90-х г.г. Участник и редактор легальных марксистских органов («Новое Слово», «Начало», «Жизнь», «Научное Обозрение»). В своих работах под видом «критической проверки» Маркса подменил революционные идеи марксизма идеями о сотрудничестве классов, мирной эволюции социализма и т. д. Философию марксизма (диалектический материализм) отрицал всегда. В начале 900-х годов окончательно порывает с марксизмом и с социал-демократией и переходит в лагерь либералов, становясь во главе организации земцев-конституционалистов—«Союза Освобождения» (1904—1905 г.г.) и редактируя орган этого «Союза» — «Освобождение» (Штутгарт, Париж). С образованием к.-д. («конституционно-демократической») партии — член ее Ц. К. После поражения революции 1905 года становится лидером самого правого крыла либералов, скатываясь к черносотенному национализму. В 1909 году участник реакционно-мистического сборника «Вехи». Во время гражданской войны принимает участие в правительстве Деникина, а затем становится министром у Врангеля. До последнего времени редактировал в Праге журнал «Русская Мысль», объединяя в нем правых кадетов с монархистами. С 1925 г. издает в Париже газету «Возрождение». — 33, 45 — 48, 50, 57 — 60, 69, 71, 72, 74, 103, 112, 115, 116, 117, 156, 161, 166, 174, 177, 192, 194 — 196, 199, 340.

Т.

ТЕЗЯКОВ, Н. И. (1859 — 1925) — крупный деятель общественной медицины. Работая с 1889 г. в Херсонском земстве, произвел обследование наемных рабочих на юге России, результатом чего явилась его работа «Сельско-хозяйственные рабочие и организация за ними санитарного надзора в Херсонской губернии» (1896). Был организатором многих съездов врачей и участником Пироговских съездов, где выступал с докладами. — 257.

ТИЛАК (TILHAC) (1865 — 1918) — по профессии адвокат, историк, индийский радикал, принадлежавший к террористически-националистской группировке. Был арестован англ. властями в 1898 г., вторично — в 1908 г. и пробыл в заключении до 1914 г. — 306.

ТИТОВ, И. (р. 1879) — депутат III и IV Гос. Думы от Пермской губернии, священник, прогрессист, после роспуска III Думы сложил с себя сан. — 409.

ТИТТОНИ, ТОММАЗО (р. 1855) — итальянский политический деятель, министр иностранных дел в 1903 — 1910 и 1919 — 1920 г.г. Представитель Италии на Парижской мировой конференции 1919 г., отошел от политической деятельности. — 359.

ТОЛСТОЙ, Д. А. (1823 — 1889) — с 1865 года обер-прокурор св. синода, с 1866 г. министр народного просвещения, занимал оба эти поста до 1880 г. В 1882 г. был назначен министром внутренних дел и шефом жандармов, с того же времени президент Академии Наук. Проводил политику «твердого курса» по отношению к либеральному и революционному движению, увеличив влияние администрации в местном самоуправлении, почти уничтожил самостоятельность земства, сильно ограничил свободу печати «временными» правилами, расширил льготы дворянству. — 403.

ТОЛСТОЙ, Л. Н. (1828 — 1910) — писатель, один из величайших художников в русской и мировой литературе. Все написанное Лениным о Толстом собрано в книге «Ленин и Толстой», изд. Коммунистической Академии. М. 1928. — 331 — 335.

ТОМИЛОВ, И. С. (р. 1873) — депутат III Гос. Думы от Архангельской губернии, сначала кадет, потом перешел к трудовикам. Мелкий чиновник из крестьян. Член думской крестьянской комиссии. — 410.

ТОМСКИЙ, М. П. (ЕФРЕМОВ) (р. 1880) — по профессии рабочий

литограф, большевик. С 1904 г. вступил в с.-д. кружок. В период революции 1905 г. работал в с.-д. организации Ревеля, организовал ревельский совет рабочих депутатов. В 1906 г. арестован и сослан в Нарымский край, оттуда бежал в Томск. С августа 1906 г. вел партийную работу в Петербурге, в 1907 г. вошел в состав петербургского комитета партии. Делегат на Лондонский съезд партии, где выступал как ответственный оратор фракции большевиков против идеи всероссийского «рабочего съезда», выдвинутой Аксельродом. Участвовал в работах Всероссийской конференции партии в Гельсингфорсе. В 1908 г. два раза подвергался аресту и тюремному заключению. В мае 1909 г. ездил в Париж на расширенное совещание редакции «Пролетария». В том же году работал в Москве в качестве члена областного бюро, московского комитета и окружного комитета. Принимал активное участие в возобновлении выхода областного органа партии — газеты «Рабочее Знамя», состоял ответственным редактором газеты. Арестован в декабре 1909 г., пробыл под следствием до 1911 г., затем, после пяти лет каторжных работ, в апреле 1916 г. сослан на поселение в Сибирь. В 1917 г. работал в Петербурге и Москве, от петерб. комитета делегирован на III Всеросс. конференцию профсоюзов. На IV конференции профсоюзов в 1918 г. избран в президиум В.Ц.С.П.С, с VIII съезда партии — состоит членом Ц. К., с XI съезда член Политбюро Ц. К. — 390, 393, 394, 402.

ТРЕЙЧКЕ, ГЕНРИХ (TREITSCHKE) (1834—1896) — известный немецкий историк и публицист, профессор Берлинского университета. С 1866 по 1889 г. редактор «Preussische Jahrbücher». В 1871 г. был избран в рейхстаг и примкнул к партии национал-либералов. В своих работах Трейчке отстаивал идею единой Германии и полного подчинения отдельных германских государств интересам Германской империи. Большой поклонник Бисмарка, шовинист Трейчке является горячим прусско-немецким патриотом в главном своем историческом труде: «Deutsche Geschichte im XIX Jahrhundert» 1879—94; 5 т. («История Германии XIX века»). Речи, произнесенные Трейчке в рейхстаге, изданы отдельным сборником: «Reden von Heinrich von Treitschke im Deutschen Reichstage 1871—84» (Лпц. 1896). Исторические и публицистические статьи Трейчке вошли в сборники: «Historische und politische Aufsätze» (Лпц. 1865—1897) и «Zehn Jahre deutscher Kämpfe. Schriften zur Tagespolitik» (3-е изд. Берл. 1897 г.). — 21.

ТРЕПОВ, Д. Ф. (1855—1906) — московский обер-полицеймейстер, ближайший помощник в. кн. Сергея Александровича и соратник Зубатова. После 9 января 1905 г. — спб. генерал-губернатор, до премьерства Витте был тов. министра внутренних дел, а затем дворцовым комендантом. Был постоянным советником Николая по вопросам внутренней политики и фактически руководил подавлением революции. Автор знаменитого приказа «патронов не жалеть». Вдохновитель черносотенных погромов. В дни первой Думы вел переговоры с Милюковым о создании кадетского министерства. — 74, 196, 199, 401, 408.

ТРОЦКИЙ, Л. Д. (р. 1879) — социал-демократ, работал в Николаеве, принимал участие в Южно-Русском Рабочем Союзе, в 1898 г. был арестован и сослан в Иркутскую губ., откуда в 1902 г. бежал за границу. В 1903 г. участвовал на II съезде и после раскола партии, оставшись с меньшевиками, принимал ближайшее участие в «Искре». Во время первой революции в 1905 г. работал в Петербурге. Сторонник теории перманентной революции. С организацией Петербургского Совета Рабочих Депутатов вошел в его Исполнительный Комитет и позднее был его председателем. После ареста Петербургского Совета был сослан на поселение в Сибирь, по дороге в ссылку бежал из Березова. Участник Лондонского съезда. Проживая в Вене, Т. образовал собственную группу, идейным выразителем которой являлась издававшаяся им газета «Правда».

В 1912 г. организовал так называемый «августовский блок», созданный для борьбы с большевиками. Во время империалистской войны входил в редакцию издававшегося в Париже интернационалистского органа «Голос», позднее «Наше Слово». В борьбе против войны отвергал лозунг гражданской войны, поражения и необходимости организационного разрыва с социал-шовинистами. По тактическим соображениям колебался между оборончеством и интернационализмом. На конференции в Циммервальде, придерживаясь «центристской» позиции, не присоединился к проекту резолюции циммервальдской левой. В апреле 1916 г. по обвинению в интернационалистской пропаганде Т. был выслан из Франции в Испанию, откуда его вновь после ареста выслали в Америку. Находясь в Америке, противодействовал присоединению интернационалистских элементов к циммервальдской левой. В 1917 г. по приезде в Петроград примкнул к интернационалистской организации «межрайонцев» и вместе с последней на VI съезде Р.С.-Д.Р.П.(б.) вошел в большевистскую партию и был избран в Ц. К. По завоевании большевиками Петроградского Совета Р. Д. в сентябре 1917 г. Т. становится его председателем. После Октября — народный комиссар иностранных дел. В споре о Брестском мире — решительный противник последнего, высказываясь сначала за тактику — «ни мир, ни война», а после возобновления наступления — за революционную войну. После Брестского мира — наркомвоен и председатель Реввоенсовета республики до 1924 г. Во время дискуссии 1920 — 1921 г.г. был во главе одной из образовавшихся тогда фракций, отстаивая необходимость «огосударствления» профессиональных союзов. В 1923 г. стал во главе оппозиции. С 1926 г. лидер «объединенной» оппозиции. Все более расходясь с политикой и программой партии и Коминтерна, — вел против них резкую фракционную борьбу. В ноябре 1927 г. исключен из В. К. П. (б.) В 1929 г. выслан из С. С. С Р. за антисоветскую деятельность. Сотрудничает в английской и американской буржуазной прессе. — 63.

ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ, М. И. (1865 — 1919) — один из видных представителей «легального марксизма», вскоре перешедший в ряды «критиков Маркса» и скатившийся в лагерь либералов. Сотрудничал в журналах «Новое Слово» (1897) и «Начало» (1899). Соратник Струве в первых стычках с народничеством. В 1898 г. выпустил капитальный труд: «Русская фабрика в прошлом и настоящем» с критикой народнических взглядов на развитие капитализма в России. Впоследствии выступил с рядом работ, направленных против политико-экономического учения Маркса. Его своеобразная «теория кризисов» одно время пользовалась большим влиянием среди «критиков Маркса» и буржуазных ученых. Во время революции 1905 г. и после примыкал к партии кадетов, а во время гражданской войны принимал участие в правительстве Центральной Рады на Украине. — 57.

ТУЛИН К. — см. ЛЕНИН.

ТУРГЕНЕВ, И. С. (1818 — 1883) — известный русский писатель. В своем творчестве дал ряд образов «лишних людей» и «кающихся дворян», отобразив двойственность своей идеологии — человека колеблющегося между социальными группами дворянства и разночинной интеллигенции. Испытывая недовольство существующим строем, он в политических убеждениях оставался монархистом, врагом революционной борьбы, сторонником умеренного реформизма-культурничества. В «Записках Охотника» дал яркие картины быта и типов крепостнической России. — 9.

ТУЧКИН — см. ЧЕРНОВ.

ТЬЕР, А. (THIERS, A.) (1797 — 1877) — французский государственный деятель и историк, автор «Histoire de la révolution française» («История французской революции». 1881). В 1871 г. стоял во главе правительства, с необычайной жестокостью и кровожадностью подавил восстание Па-

рижской Коммуны. Одна из самых отвратительных фигур в галлерее буржуазных государственных деятелей, заклейменных Марксом в «Гражданской войне во Франции». — 125, 319.

ТЫРКОВА, А. В. (литературный псевдоним — **ВЕРГЕЖСКИЙ, А.**) (р. 1869) — видная публицистка кадетской партии; литературную деятельность начала с 1899 г.; в 1903 г. состояла членом редакции «Северного Края» в Ярославле; в 1904 г. была арестована с транспортом «Освобождения» на финляндской границе, приговорена к $2^1/_2$ годам заключения, бежала за границу, откуда возвратилась после амнистии; в 1906 г. состояла членом Ц. К. партии кадетов. Ныне в эмиграции, ведет резкую кампанию против советской власти, состоит председателем нескольких белогвардейских обществ. — 116.

У.

УЭББЫ — см. **ВЕББ СИДНЕЙ** и **БЕАТРИСА.**

Ф.

ФАЛЛУ, ФРЕДЕРИК (1811 — 1886) — французский реакционный политический деятель, вождь клерикалов во время второй республики (1848 — 1852). По его докладу был совершен роспуск национальных мастерских, вызвавший июньское выступление рабочих в 1848 году. Будучи министром народного просвещения, Ф. провел закон о влиянии и контроле духовенства на народное просвещение. — 125.

ФАВР, ЖЮЛЬ (FAVRE) (1809 — 1880) — французский политический деятель. По профессии адвокат. В революцию 1830 г. объявил себя республиканцем. После Февральской революции был избран в Учредительное собрание, примкнул к умеренным республиканцам. В эпоху второй империи прославился блестящими выступлениями в политических процессах. В качестве лидера большой группы республиканцев выступал в 1863 году против правительства. После Седана один из первых потребовал низложения Наполеона. Получил портфель иностранных дел в министерстве государственной обороны. Взял на себя ведение переговоров с Бисмарком, но после целого ряда политических и дипломатических ошибок отошел от активной деятельности. — 319.

ФАЛЛЬЕР, КЛЕМАН-АРМАН (FALLIÈRE) (р. 1841) — французский политический деятель. Принадлежал к республиканской левой, в 1876 г. был избран депутатом. В 1883 году в течение одного месяца был во главе министерства, которое пало из-за отклонения сенатом законопроекта Ф. об изгнании из Франции членов царствовавших династий. Был министром внутренних дел в умеренно-республиканском кабинете Рувье (1887). В 1890 г. избран в сенат, с 1899 г. стал его председателем. Президент республики с января 1906 г. по январь 1913 г., был избран на этот пост, как кандидат всей левой. Отказался от вторичного выставления своей кандидатуры из-за преклонного возраста. — 319.

ФЕРДИНАНД (р. 1861) — германский принц, в 1887 г. при помощи Австрии и Венгрии провозглашен болгарским князем, с 1908 г. — царь независимого от Турции Болгарского царства. Был проводником австро-германской политики на Балканском полуострове. В 1918 г., под влиянием революционного движения, должен был отречься от престола. — 359.

ФИЛОНОВ (убит в 1906 г.) — советник полтавского губернского правления, усмиритель аграрных волнений, убит социалистами-революционерами. Правые партии обвиняли В. Г. Короленко в соучастии в убийстве. — 10.

ФОЛЬМАР, ГЕОРГ (VOLLMAR) (1850 — 1922) — видный германский политический деятель, социал-демократ ревизионист. В 1876 г. подвергся

высылке из Дрездена за редактирование социалистического органа «Dresdener Volkszeitung» («Дрезденская Народная Газета»). Настроенный в то время крайне революционно, находясь на левом крыле партии, Ф. в 1879 г. в Цюрихе стал редактором нелегального «Sozialdemocrat». В 1881 г. вернулся в Германию, был избран в депутаты рейхстага и выдвинулся там, как талантливый оратор. С конца 80-х годов Ф. поселился в Баварии, где популярность его была настолько велика, что он получил прозвище «некоронованного монарха» Баварии. Деятельность в специфических условиях Баварии, страны с слабым развитием капиталистических отношений и классовых противоречий, оказала влияние на взгляды Ф. В 1891 г. в Мюнхене он уже выступает с предложениями ограничить деятельность партии реформаторскими задачами, высказывается в духе государственного социализма и против обострения классовой борьбы. В 900-х годах Ф. сторонник бернштейнианства, один из влиятельнейших вождей правого ревизионистского крыла партии, на партейтагах и конгрессах выступал с поддержкой голосования за бюджет, с проповедью тактики реформизма и сближения с либералами. Последние годы жизни состоял членом баварского ландтага и рейхстага, присутствовал на партийных и международных съездах, но вследствие болезни не принимал прежнего активного участия в политической жизни. — 82, 87, 146, 313, 316, 317.

ФРАНЦ - ИОСИФ (1830 — 1916) — австро-венгерский император. — 350, 359.

Х.

ХОМЯКОВ, Н. А. (1850 — 1925) — сын славянофила А. С. Хомякова, дворянин - землевладелец, земский деятель. Член II, III и IV Гос. Думы от Смоленской губернии, октябрист. Председатель III Гос. Думы до 4 марта 1910 г. — 114.

ХРУСТАЛЕВ-НОСАРЬ, Г. С. (ПЕРЕЯСЛАВСКИЙ) (1879 — 1918) — помощник присяжного поверенного, до 1905 г. был в стороне от рабочего движения. Захваченный событиями 1905 г. в октябре и ноябре оказался во главе Петербургского Совета рабочих депутатов, по делу которого в 1906 г. пошел в Сибирь в ссылку. В этот период вошел в с.-д. партию (меньшевиков). В 1907 г. бежал за границу, участвовал в Лондонском съезде от меньшевиков. Отойдя вскоре от с.-д., занимался темными финансовыми операциями. В 1914 г. вернулся в Россию, был арестован и просидел до 1917 г. После неудачных попыток выступления в Петроградском Совете в 1917 г. уехал в свой родной город Переяславль, где был председателем земской управы. Поддерживал Скоропадского и Петлюру, преследовал нелегальные коммунистические организации. По приходе советских войск расстрелян в 1918 г. — 5, 116.

Ц.

ЦЕТКИН, КЛАРА (ZETKIN, KLARA) (р. 1857) — видная коммунистка, одна из старейших участниц с.-д. движения в Германии, крупная деятельница международного рабочего и женского движения, публицистка. В 1878 г., еще будучи учительницей, принимала участие в делах партии, собирала деньги для партийных нужд. Эмигрировав из Германии, работала в Париже в качестве пропагандиста и организатора в французской партии, сотрудничала во французской социалистической прессе, примыкая к ортодоксально-марксистскому крылу партии, возглавляемому Ж. Гэдом. Принимала деятельное участие в подготовке 1 конгресса II Интернационала, состоявшегося в 1889 г. В 1890 г. после отмены германского закона против социалистов вернулась на родину. С 1892 г. начала редактировать

женский с.-д. журнал «Gleichheit» («Равенство»). К этому времени Ц. становится одним из лидеров левого крыла германской с.-д. На партейтаге в Бреславле (1895 г.) она выступает с резкой критикой реформистской аграрной программы, с конца 90-х годов борется с ревизионистски-оппортунистическим бернштейнианством. Встретилась с Лениным в 1907 г. на Штутгартском конгрессе. Защищая позицию левого крыла в журнале «Gleichheit», выступила тогда с статьями, разбивающими доводы Плеханова о необходимости сохранить нейтральность профсоюзов. При активнейшем участии Ц. создавалось и росло между народное женское социалистическое движение. На первой международной социалистической конференции женщин, происходившей в 1907 г. в Штутгарте, одновременно с конгрессом, выступала с требованием решительной борьбы за женское избирательное право. В марте 1915 г. Ц. в качестве секретаря Интернационального бюро женщин-социалисток созывает в Берне международную женскую конференцию, которая явилась предшественницей циммервальдского движения. С 1917 г., оставив редактирование «Gleichheit», редактировала «Женское приложение» к «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигская Народная Газета»). Участвовала вместе с Р. Люксембург, К. Либкнехтом и Ф. Мерингом в основании коммунистического союза «Спартак». В 1919 г. вошла в Германскую Объединенную Коммунистическую партию и ее Ц.К. С 1920 г. депутат рейхстага, где выступала в наиболее решительные моменты германской политики (оккупация Рейнской области, договор в Локарно и др.). На III Конгрессе Коминтерна выбрана в его Исполнительный Комитет и состоит членом И.К.К.И. в настоящее время. Из ее многочисленных работ следует особенно отметить: «Geistiges Proletariat, Frauenfrage und Sozialismus» 1902 («Умственный пролетариат; женский вопрос и социализм»), «Revolutionäre Kämpfe und revolutionäre Kämpfer 1919» («Революционная борьба 1919 г. и бойцы революции»), «Der Weg nach Moskau» («Путь в Москву»), «In befreiten Kaukasus» 1926 (в русском переводе: «Кавказ в огне»), «Роза Люксембург и русская революция». М.-Л. Гиз. 1924. — 80, 81, 87, 89, 91, 92.

ЦИЦ, Л. (ZIETZ, L.) (1865 — 1922) — германская политическая деятельница. С 1908 г. секретарь с.-д. партии; была членом Ц.К., в печати и на собраниях отстаивала необходимость политического образования женщин, во время войны резко выступала против правительства. С 1919 г. член независимой с.-д. партии. В 1920 г. была членом рейхстага. — 91.

Ч.

ЧЕЛЫШЕВ, М. Д. (р. 1866) — член III Гос. Думы от Самарской губернии, домовладелец, промышленник, октябрист, Самарский городской голова. Одна из комических фигур III Думы, «непримиримый» враг водочной монополии, занимавшийся шинкарством в принадлежавших ему банях. — 134.

ЧЕРЕВАНИН (псевдоним Ф. А. ЛИПКИНА, литературный псевдоним в легальной печати Н. НЕЖДАНОВ) (р. 1868) — меньшевистский литератор-публицист. В 1898 г. вышла его брошюра «Нравственность», написанная под кантианским влиянием. В 1904 г. выпустил брошюру «Организационный вопрос». В революцию 1905 г. был на правом крыле меньшевизма. В 1908 г. дал законченно-ликвидаторскую философию в книге «Пролетариат и русская революция». Объяснял поражение революции 1905 г. самостоятельной наступательной тактикой пролетариата, «отпугнувшей» либералов и помешавшей им закрепить конституцию. Выступая на рабочих собраниях, он открыто предлагал выйти из партийной организации и создать организацию клубно-кооперативную. В связи с возможно-

стью участия Ч. в одном из меньшевистских сборников в конце 1908 г. Плеханов, вспоминая его кантианскую этическую брошюру, характеризовал его как «марксиста со всячинкой». Ч. был сотрудником всех ликвидаторских изданий, начиная с пятитомника («Общественное движение в начале XIX века») и «Нашей Зари» и кончая «Нашей Рабочей Газетой» (1914 г.). В эпоху империалистической войны социал-патриот, сторонник группы «Самозащита». Один из редакторов центрального органа меньшевиков «Рабочей Газеты» в 1917 г. После «объединительного» меньшевистского съезда в августе 1917 г. избран в меньшевистский Ц.К. В настоящее время работает в Калужском Губплане. — 67, 68, 71, 116.

ЧЕРНОВ, В. М. (р. 1876) — лидер эс-эров, начал политическую деятельность в девятидесятых годах в рядах партии «Народного Права». Эмигрировал за границу в 1899 г., где стал во главе сначала союза, а затем и партии социалистов-революционеров в качестве идеолога и вождя (бессменный член Ц.К. и редактор ее центрального органа «Революционная Россия»). В годы войны занимал колеблющуюся позицию между интернационализмом и оборончеством, участвовал на Циммервальдской конференции (воздержался при голосовании ее манифеста). Яркий оборонец — по возвращении в Россию после Февральской революции. Министр земледелия в первом коалиционном кабинете Временного правительства, боровшийся против крестьян, отбиравших помещичью землю. Вышел в отставку после июльских дней. 18 (5) января 1918 г. Ч. был избран председателем Учредительного собрания. Принимал деятельное участие в чехо-эсеровском восстании на Волге в 1918 г., возглавляя съезд членов Учредительного собрания в Уфе, был арестован Колчаком, но вскоре освобожден. Принимал участие в Парижском съезде членов Учредилки (февр. 1921 г.), выделившем комитет, составленный из эсеров и к.-д., пытался оказать энергичное содействие кронштадтскому восстанию из Ревеля, куда приехал специально для этой цели. — 117.

ЧИЖЕВСКИЙ, П. И. (р. 1860) — депутат I Гос. Думы от Полтавской губ., кадет, доктор химии. В 1889 г. был арестован в связи с делом русского революционера Дембо (опыты в Цюрихе с изобретенными им бомбами), был сослан в г. Березов Тобольской губ., по возвращении из ссылки работал в земстве. В Думе выступал по аграрному вопросу. За участие в Выборгском совещании и подпись Выборгского воззвания был привлечен к суду, приговорен к 3-х месячному тюремному заключению. В 1910 г. Ч. был членом совета старшин украинского собрания «Громады». В период войны входил в украинскую социал-демократическую рабочую партию («мазепинцы»). В 1916 г. председатель Ц.К. полтавского отдела «Союза Освобождения Украины». После революции эмигрировал за границу, сотрудничал (1922) в еженедельнике «Воля», органе Венской украинской Рады. — 273, 274, 323.

ЧИЛИКИН, Ф. Н. (р. 1876) — депутат III Гос. Думы от Амурской обл. До 1909 г. входил в состав с.-д. фракции, позже беспартийный. Во все время пребывания во фракции не подчинялся даже постановлениям фракции, не говоря уже об общепартийном руководстве: голосовал за субсидию амурскому пароходству, за постройку амурской ж. д., мотивируя это местными условиями. Постоянно принимал участие в объединенных заседаниях оппозиции с кадетами во главе. — 406.

ЧУПРОВ, А. И. (1842 — 1908) — профессор - экономист, публицист либерально-народнического толка. Выдвинулся серьезными исследованиями железнодорожного хозяйства. Многократно привлекался в правительственные комиссии в качестве эксперта. Редактировал двухтомное исследование группы либеральных и народнических ученых «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства». Был председателем статистического отделения Московского Юридического Общества. Оказал сильное влияние на развитие земских статистических

исследований в России. Долголетний руководитель газеты «Русские Ведомости». — 176.

ЧХЕИДЗЕ, Н. С. (1864 — 1926) — с 90-х годов участвовал в с.-д. работе на Кавказе. Депутат III и IV Государственной Думы от Тифлисской губернии, лидер думских меньшевиков. Его избрание в депутаты III Думы сочувственно отметил Мартов в письме к Аксельроду. «В моих глазах его рекомендует то, что для Петра Кавказского (Н. В. Рамишвили) он являлся «слишком умеренным», за то, что в городской Думе держался парламентских форм и корректных манер (кавказские лидеры, по слухам, не хотели, чтобы он был выбран).» (См. переписка П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 173.) В годы войны бросил оборонческий лозунг «спасения страны». С февраля 1917 г. до конца лета председатель Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, председатель В.Ц.И.К. первого созыва, сторонник коалиции с буржуазией. В 1918 — 21 г.г. председатель Учредительного собрания в Грузии. Затем оставил активную политическую деятельность и лишь поддерживал за границей грузинских меньшевиков. Кончил жизнь самоубийством в Париже. — 156.

Ш.

ШАНИН, М. (ШАПИРО, Л. Г.) (р. 1887) — с.-д., бундовец, в настоящее время коммунист. В революционном движении принял участие с 1902 г., в 1903 г. вошел в Рижскую организацию Бунда, работал заграницей при Ц. К. Бунда, в 1906 г. в Вильно, откуда организация направила его в Петербург в качестве сотрудника бундовской прессы. В 1907 г. Петербургской организацией Бунда был выбран на Лондонский съезд партии, в работах съезда принимал активное участие. К этому времени относится его работа «Муниципализация земли или раздел в собственность». С началом «ликвидаторства» отошел от организации. В Февральскую революцию вошел в Р. С.-Д. Р. П., был членом Петербургского Исполкома, секретарем его и членом Бюро. После первого съезда Советов заведывал отделом местного управления В. Ц. И. К. и редактировал вместе с Ф. Коном еженед. «Самоуправление». До июльских дней был правым меньшевиком, в июльские дни стал в оппозицию к линии Ц. К. и фракции меньшевиков, но еще оставался меньшевиком. В Октябрьскую революцию от активной работы отошел. С 1918 г. работал в Наркомпросе, в августе вступил в Р. К. П. (б.). В 1919-20 г.г. был в Красной армии на политической работе, участвовал на IX съезде партии. С 1920 — 22 г.г. — член президиума Главполитпросвета, член коллегии газ. «Экономическая Жизнь» С 1925 г. работник Н. К. Ф. С. С. С. Р., автор ряда научных работ. — 285.

ШВАРЦ, А. Н. (1848 — 1915) министр народного просвещения в 1908 — 10 г.г., проводил реакционные мероприятия в области средней и высшей школы: отмена студенческих организаций, отмена приема женщин вольнослушательницами в высшие учебные заведения, строгое проведение процентной нормы для приема в учебные заведения евреев. — 336, 337, 339, 400.

ШЕВИЧ — с.-р., участник первого съезда партии социалистов-революционеров в декабре 1905 г. — 117.

ШЕН, ВИЛЬГЕЛЬМ (SCHOEN, W. E. von) (р. 1851) — германский дипломат. В 1905 — 07 г.г. посол в России. В 1907 — 10 г.г. статс-секретарь по иностранным делам и с 1910 — 1914 г.г. посол Германии во Франции. — 359.

ШИДЛОВСКИЙ, С. А. (р. 1865) — депутат II Гос. Думы от Могилевской губ., октябрист, помещик, б. земский начальник, непременный член губернского присутствия. Выступал по аграрному вопросу и бюджету. — 403, 404, 406.

ШИНГАРЕВ, А. И. (1869—1918) — член Гос. Думы II и III от Воронежской губ. и IV от Петербурга; лидер кадетской думской фракции; врач, земский деятель. В Думе входил в бюджетную и продовольственную комиссии, выступал по вопросам о военно-полевых судах, аграрному вопросу и др. В 1917 г. вошел в первый коалиционный кабинет Временного правительства в качестве министра земледелия, а затем финансов, сменив Терещенко. Вышел в отставку вместе с другими кадетами 16 (3) июля 1917 г., намеренно создав министерский кризис, послуживший толчком к июльским событиям. После Октябрьской революции был арестован, переведен из Петропавловской крепости в лечебницу, и там был убит вместе с Ф. Ф. Кокошкиным группой матросов. Основная работа Ш. «Вымирающая деревня» (1901, 2-е изд. 1907). — 131, 132, 412.

ШИППЕЛЬ, МАКС (SCHIPPEL, M.) (р. 1859) — немецкий социал-демократ, ревизионист. В 1887 г. основал социально-политическую газету «Берлинская Народная Трибуна». С 1894 г. стал издателем центральной еженедельной газеты «Социал-Демократ», сотрудник «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник»), депутат рейхстага с 1890 по 1905 г.— 361, 362.

Э.

ЭДУАРД VII (1841—1910) — английский король. — 351, 359.

ЭНГЕЛЬС, ФР. (ENGELS) — (1820—1895) — см. очерк его жизни, написанный В. И. Лениным (т. I Сочинений). — 22, 33, 87, 152, 183, 185, 190, 195, 205, 210, 211, 317, 348, 367, 369, 386, 387.

ЭРВЕ, ГУСТАВ (р. 1871) — б. французский анархист, затем член социалистической партии, журналист, профессор и адвокат. В основанной им в 1906 г. газете «La Guerre Sociale» («Социальная Война») вел антимилитаристскую пропаганду. Участник Штутгартского международного социалистического конгресса, на котором предлагал ответить на войну стачкой и восстанием. Во время империалистской войны Э. становится самым ярым социал-шовинистом, свою газету он переименовал в «La Victoire» («Победа») и призывал в ней к полному разгрому Германии. По окончании войны свой журналистский темперамент переносит на травлю Советской России и большевиков. Позиция Э. стала неприемлемой даже для социалистической партии, и в сентябре 1918 г. он был исключен из нее. — 82, 91—93, 313—315.

ЭРЕНТАЛЬ, А. (AEHRENTHAL, A.) (1854—1912) — граф, австрийский дипломат. Был послом в Петербурге в 1899—1906 г.г., с 1907—1912 г.г. министр иностранных дел Австрии, выразитель ее империалистской политики в балканском вопросе. — 359.

VI. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ В. И. ЛЕНИНА.

(Июнь 1907 г. — декабрь 1908 г.)

1907 г.

Июнь.	Вл. И. возвращается из Лондона с V съезда в Финляндию и поселяется в Куоккала на даче «Ваза».
Июль.	Вл. И. написал предисловие ко второму изданию книги «Развитие капитализма в России».
8 июля (25 июня).	Вл. И. на 8-м заседании Ц. К. избирается представителем партии в Международное Социалистическое Бюро.
9 июля (26 июня).	Вл. И. окончил написанием статью «Против бойкота».
21 (8) июля.	Вл. И. выступает на Петербургской общегородской конференции против бойкота III Думы.
27 (14) июля.	Вл. И. на 2-м заседании Петербургской общегородской конференции выбирается делегатом на Северную областную конференцию.
29 (16) июля.	На 10-м заседании Центр. К-та Вл. И. делегируется представителем партии на Международный Социалистический Конгресс в Штутгарте.
3 — 5 августа (21 — 23 июля).	Вл. И. выступает на 2-ой общероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П. за участие в выборах в III Государственную Думу.
18 — 24 августа.	Вл. И. принимает участие в работах Международного Социалистического Конгресса в Штутгарте, входит в президиум от России.
22 (9) августа.	На 4-м заседании Комиссии о милитаризме и международных конфликтах на Международном социалистическом конгрессе при непосредственном участии Вл. И. были внесены 4 поправки к резолюции А. Бебеля, принятые на пленуме конгресса 24 августа.
После 24 августа.	Вл. И. возвращается из Штутгарта после Международного Социалистического Конгресса в Куоккала, где проживает до конца ноября — начала декабря.
Сентябрь.	Вл. И. на 19-м заседании Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. избирается главным редактором Ц. О.
	Вл. И. написал предисловие к Сборнику своих статей «За 12 лет».

Сентябрь.	Выход в Петербурге сборника «Итоги Лондонского съезда Р. С.-Д. Р. П.» под редакцией Вл. И. с его статьей «Отношение к буржуазным партиям».
Между 13—20 сентября (31 августа—7 сентября).	Выход в Петербурге сборника «Голос Жизни» под редакцией Вл. И. с его статьями: «Памяти графа Гейдена и «Заметки публициста».
20 (7) сентября.	На 22-м заседании Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. при пересмотре вопроса о редакции Ц. О. отменяется постановление 19-го заседания. Вл. И. избирается в состав распорядительной комиссии редакции Ц. О.
Между 1—8 ноября (19—26 октября).	Выход в Петербурге сборника «Зарницы» под редакцией Вл. И. с переводом статьи Клары Цеткин «Международный Социалистический Конгресс в Штутгарте» и примечаниями к этой статье.
9 ноября (27 октября).	Вл. И. выступает на конференции петербургской с.-д. организации с докладами: «О тактике думской с.-д. фракции» и «Об участии с.-д. в буржуазной прессе».
Начало ноября.	Вл. И. присутствует на предварительном совещании членов Ц. К. с делегатами-большевиками на III Всероссийскую конференцию; обсуждался вопрос о взаимоотношениях Ц. К. партии и думской фракции.
18—25 (5—12) ноября.	Вл. И. принимает участие в работах 3-й Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. П. в Гельсингфорсе как представитель от Петербурга, выступая против бойкотистов. Предложенная Вл. И. резолюция о думской тактике принимается конференцией.
Между 29 (16) ноября и 6 декабря (23 ноября).	Выход в Петербурге сборника статей Вл. И. «За 12 лет».
Конец ноября — начало декабря.	Вл. И. уезжает из Куоккала, скрываясь от полиции, в Оглбю (небольшая станция около Гельсингфорса).
Декабрь.	Вл. И. заканчивает работу «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 — 1907 г.г.»
Вторая половина декабря.	Вл. И. эмигрирует из Оглбю заграницу и в ожидании Н. Крупской проводит недели 2 в Стокгольме.

1908 г.

4—6 января.	Вл. И. проездом в Женеву по болезни задерживается в Берлине, где видится с Розой Люксембург.
7 января.	Вл. И. приезжает в Женеву.
Между 24 (11) и 31 (18) января.	Выход в Петербурге сборника Вл. Ильича «Аграрный вопрос».
Февраль.	Выход 1 № «Социал-Демократа» со статьей Вл. И. «К дебатам о расширении бюджетных прав Думы».
26 (13) февраля.	Выход 21 № «Пролетария» — первый номер заграницей — под редакцией Вл. И.
Между 27 (4) февраля — 5 марта (21 февраля).	Выход в Петербурге сборника «Текущая жизнь» под редакцией Вл. И. с его статьей ««Идеальная страна» с точки зрения противников марксизма в аграрном вопросе».
Между 11 и 19 марта.	Вышло 2-е дополненное издание «Развитие капитализма в России» в петербургском издательстве «Паллада».
18 марта.	Вл. И. выступает от имени Р. С.-Д. Р. П. с речью о значении Парижской Коммуны на интернациональном

митинге, посвященном 3-м годовщинам — 25-летия смерти К. Маркса, 60-летия революции 1848 года и Парижской Коммуне.

Между 16 (3) и 23 (10) апреля. Выход в Петербурге сборника «О веяниях времени» под редакцией Вл. И. с его статьей «Нейтральность профессиональных союзов».

Апрель. Вл. И. написал статью «Марксизм и ревизионизм» для сборника «Памяти Карла Маркса».

Вторая половина апреля. Пребывание Вл. И. на Капри у Горького. Богданов, Базаров и др. предложили издать сборник «Очерки философии коллективизма», в котором Вл. И., однако, не принял участия, объявив о своем безусловном расхождении с инициаторами издания по вопросам философии. Предложение Вл. И. написать коллективно историю революции в противовес ликвидаторскому «пятитомнику» — было отвергнуто.

Май. Выход в Петербурге сборника «Карл Маркс (1818—1883)» с статьей Ленина «Марксизм и ревизионизм».

7 мая. Вл. И. читает реферат в Женеве на тему: «Оценка русской революции и ее вероятное будущее».

14 (1) мая. Реферат Вл. И. в Париже «О характере русской революции».

Июнь. Вл. И. пишет «Десять вопросов референту» в качестве материала для выступления И. Дубровинского на реферате А. В. Луначарского.

1 июля (18 июня). Вл. И. закончил большую работу «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» для «Энциклопедического словаря Граната», где она однако не появилась. Книга вышла только в 1918 году в издании «Жизнь и знание».

18 (6) июля. Вл. И. закончил написанием для польского с.-д. журнала «Przegląd Socjal-Demokratyczny» автореферат книги «Аграрная программа в русской революции 1905—07 г.г.»

Август. Занятия Вл. И. в Британском Музее над книгой «Материализм и эмпириокритицизм».

24—25 августа. Вл. И. участвует на пленуме Ц. К. Предложение меньшевиков о превращении Ц.К. в «Информационное Бюро» отклонено большевиками, учреждается «Заграничное Бюро Ц. К.»

Сентябрь. Вл. И. закончил книгу «Материализм и эмпириокритицизм».

10 октября. Вл. И. присутствует на конференции социалистических журналистов в Брюсселе.

Вл. И. присутствовал на интернациональном митинге в «Народном Доме» в Брюсселе.

11 октября. Вл. И. на заседании Международного Социалистического Бюро в Брюсселе, где предложил поправку к резолюции Каутского по вопросу о допущении английской Рабочей Партии и высказался против принятия сионистов-социалистов России в Интернационал.

12 октября. Вл. И. присутствует на заседании международной конференции социалистов-парламентариев в Брюсселе.

20-ые числа октября. Вл. И. переезжает в Париж, куда перенесена редакция «Пролетария».

Ноябрь—декабрь. Вл. И. ведет подготовительные работы к предстоящей Всероссийской конференции в Париже.

VII. ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ.

1907 г.

14 (1). VI. Столыпин предъявил II Гос. Думе требование немедленно устранить из своего состава 55 членов с.-д. фракции и дать согласие на арест 16 из них.

15 (2). VI. В ночь на 16(3) арестованы с.-д. депутаты Гос. Думы.

15. VI — 5. X. Вторая международная «мирная» конференция в Гааге.

16 (3). VI. Указ о роспуске II Гос. Думы и опубликование нового избирательного закона («Положение 3 июня»).

В связи с роспуском Гос. Думы повсеместные массовые аресты, особенно среди ж.-д. служащих. В Петербурге за 3 дня арестовано около 130 с.-д., среди них 6 членов П.К. Р.С.Д.-Р.П. и 30 — общегородской и военной организаций. Арестован весь П.К. партии с.-р.

Попытка восстания в Черноморском флоте на броненосцах «Три святителя» и «Синоп».

17 (4). VI. Попытка восстания в Киеве в 77 Селенгинском полку и 21 саперном батальоне в ночь на 18 (5) июня.

18 (5). VI. Петербургская общегородская конференция Р.С.-Д.Р.П. в Териоках. Обсуждался вопрос, как реагировать на разгон Гос. Думы и арест с.-д. фракции. Предложение «немедленной забастовки» отклонено.

19 (6). VI. Указом продлена на полгода «чрезвычайная охрана» в Москве.

22 (9). VI. Арест типографии объединенного Екатеринославского комитета Р.С.-Д.Р.П.

23—25 (10—12). VI. Вторая областная конференция союза текстильных рабочих центр.-промышл. области.

23 — 28 (10 — 15). VI. Съезд земских деятелей в Москве.

25 (12). VI. Тифлисская экспроприация (341.000 рублей), организованная Камо-Петросяном.

28 (15). VI. Побег из Севастопольской тюрьмы «политических» (Антонов-Овсеенко и др.) 21 человека.

30. VI — 4. VII. (17 — 21. VI). 4-ый делегатский съезд Всероссийского Союза учителей в Финляндии.

1. VII (18. VI). Провал типографии Московского комитета Р.С.-Д.Р.П. на Б. Грузинской улице в Москве.

5. VII (22. VI). Ц.К. Бунда высказался за участие в выборах в Гос. Думу.

8. VII (25. VI). Расчет 1.700 рабочих на казенном патронном заводе в Петербурге.

10. VII (27. VI). Указом продлена на полгода «чрезвычайная охрана» в Петербурге.

10—28. VII. (27. VI.—15. VII). Стачка на Никольской мануфактуре в Орехове-Зуеве. Предполагалось, что эта стачка послужит началом областной стачки текстильщиков. Была поддержана стачками на мануфактурах Костромы, фабриках В. Морозова, Арманд и др., но отказ рабочих Иваново-Вознесенска и Ярославля от участия не дал осуществиться областной стачке. Сопровождавшееся жестокими полицейскими репрессиями стачечное движение прекратилось, потерпев поражение.

13. VII (30. VI). Петербургская областная конференция партии с.-р. высказалась за пассивный бойкот выборов в Гос. Думу.

В Париже и многих городах юга Франции митинги-протесты Всеобщей конфедерации труда против преследования профессионального движения.

14 (1). VII. Вышел первый номер центрального органа партии с.-р. «Знамя Труда», в котором обосновывается решение Ц.К. партии с.-р. о бойкоте выборов в Гос. Думу.

Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. опубликованы проект избирательной платформы и положение об избирательных соглашениях.

16 (3). VII. Однодневная стачка текстильщиков на фабрике Викулы Морозова.

16. VII—10. VIII (3—28. VII). Стачка текстильщиков в Костроме на фабриках Михина, Зотова, Кашина и др.

20 (7). VII. 3-ье Собрание совета партии с.-р. единогласно приняло резолюцию о бойкоте выборов в Гос. Думу и самой Думы.

Опубликованы правила ускоренного судопроизводства военно-окружных судов, сближающие их с военно-полевыми судами.

21—27 (8—14). VII. Петербургская общегородская конференция Р.С.-Д.Р.П. в Терноках.

22 (9). VII. Закрыты и опечатаны большевистский книжный магазин и склад «Вперед» в Петербурге.

22—23 (9—10). VII. Дело о Белостокском погроме.

24 (11). VII. Закрыт Музей содействия труду в Москве.

25 (12). VII. Арест Московского Областного Комитета Всероссийского жел.-дор. союза.

28. VII—1. VIII (15.—19. VII). 5-ый Всероссийский съезд черносотенной организации «Союза русского народа».

29 (16). VII. Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. делегировал в Штутгарт на Международный социалистический конгресс 8 делегатов и в том числе В. И. Ленина.

Вышел первый номер «Известий Ц.К. Р.С.-Д.Р.П.»

31. VII—3. VIII (18—21. VII). В Петербургском военном суде дело объединенного комитета Кронштадтской военной организации Р.С.-Д.Р.П.

31 (18). VII. Конференция «трудовиков» в Финляндии. Признала допустимым поддерживать или бойкот или участие в выборах в Гос. Думу, в зависимости «от настроения избирателей».

VII. Московская областная конференция Р.С.-Д.Р.П.

1. VIII. (19. VII). Южно-русская конференция Р.С.-Д.Р.П. в Киеве.

После *2. VIII (20. VII)* вышла брошюра «О бойкоте III Думы» со статьями Ленина и Каменева.

3—5. VIII (21—23. VII). Вторая общероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П. в Гельсингфорсе.

5. VIII (23. VII). Конференция С.Д. Польши и Литвы высказалась за участие в выборах в Гос. Думу.

7—11. VIII (25—29. VII). Конференция народно-социалистической партии высказалась за участие в выборах в Гос. Думу.

11—14. VIII. Конгресс объединенной французской социалистической партии в Нанси.

18—24. VIII. В Штутгарте седьмой Международный социалисти-

ческий конгресс с участием представителей Р.С.-Д.Р.П. Одновременно происходит первая международная социалистическая женская конференция и заседает Международная парламентская комиссия, в которую от России вошел депутат II Гос. Думы с.-д. Мандельберг.

20 — 29 (7 — 16). VIII. В Петербурге слушалось дело 18 лиц, подготовлявших покушение на Николая II (Никитенко, Наумов и др.). Вынесено три смертных приговора.

21 (8). VIII. В Петербурге захвачен склад с.-д. литературы на Фурштадтской ул.

29 (16). VIII. Забастовка в Петербурге на Российской бумагопрядильной мануфактуре.

31 (18). VIII. В Петербурге подписано соглашение между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета.

VIII. Международный конгресс анархистов в Амстердаме.

VIII — IX. В России холерная эпидемия, начавшаяся с Самарской губ.

7 — 12. IX (25 — 30. VIII). Съезд правых земских деятелей в Москве под председательством Родзянко.

8 IX. (26. VIII). Дворянский съезд в Москве.

9 — 12. IX (27 — 30. VIII). Областная конференция Центрально-Промышленного района Р.С.-Д.Р.П.

13. IX (31. VIII). Убийство в Лодзи рабочими фабриканта Зильберштейна. В связи с этим усиление репрессий против рабочего движения во всем районе.

15 — 21. IX. Партейтаг германской с.-д. рабочей партии в Эссене.

15 (2). IX. В Финляндии конференция Советов безработных Петербурга.

15 (2). IX. В ночь на *16 (3). IX* Петербургская общегородская конференция Р.С.-Д.Р.П. Заслушан доклад о Международном социалистическом конгрессе в Штутгарте. Избран новый состав П.К. Под угрозой провала конференция разошлась до окончания работ.

17 (4). IX. Первое заседание нового П.К. Р.С.-Д.Р.П. с участием представителей Ц.К. (Дубровинского, Зиновьева и Рожкова).

19 (6). IX. В Петербургском военно-окружном суде дело военной организации при П.К. Р.С.-Д.Р.П.

27 (14). IX. В ночь на 28 (15). IX попытка поднять восстание в Брестском полку в Севастополе.

28 (15). IX. Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. принята, по предложению Л. Тышко, резолюция о выступлении Плеханова в «Товарище», «дезорганизующем ряды единой партии». (В № 327 «Товарища» от 25 (12). IX была помещена статья Плеханова «Неосновательные опасения», критиковавшая избирательную платформу Ц.К.)

30. IX — 4. X. Съезд австрийской с.-д. рабочей партии в Вене.

6. X (23. IX). Экстренная Петербургская общегородская конференция Р.С.-Д.Р.П. Принята резолюция большевиков о соглашениях на перебаллотировках в III Гос. Думу.

8. X (25. IX). Забастовка на Старо-Сампсониевской м-ре в Петербурге.

9. X (26. IX). Воззвание Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. о вреде фабричного террора.

10. X (27. IX). В Персии шахом Магометом-Али подписана под давлением Англии и России присяга на верность конституции.

13. X (30. IX). Выборы в Гос. Думу по рабочей курии в Петербурге. П.К. Р.С.-Д.Р.П. утверждена кандидатура Н. Г. Полетаева.

22 (9). X. П.К Р.С.-Д.Р.П. вынес резолюцию порицания Плеханова за его статьи в «Товарище».

29 — 30. (16 — 17). X. Попытка восстания во Владивостоке в минном батальоне, к которому примкнули рабочие порта. Город был обстрелян с миноносца «Скорый».

30 (17). X. Выборы в III Гос. Думу по Москве, Петербургу и др. крупным городам.

2. XI. Открытие Финляндского Сейма.

2. XI. (20. X). Казнен Матюшенко, организатор восстания на броненосце «Потемкин».

5. XI (23. X). Выступление перед рабочими на ст. Юрезань избранного членом 3-ей Гос. Думы с.-д. Косоротова, повлекшее его исключение из Думы в 1908 году.

Дополнительные выборы в Гос. Думу по Петербургу. Левым блоком выставлены кандидатуры Н. Д. Соколова (утвержденная Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.) и Лутугина.

6. XI (24. X). Вышел последний (третий) номер «Известий Ц. К.» Р. С.-Д. Р. П.

В ночь на 7. XI (25. X) провал технической организации П. К. Р. С.-Д. Р. П.

6—9. XI (24—27. X). V съезд к.-д. партии в Гельсингфорсе.

7. XI. В Англии соглашение вождей раб. движения с директорами ж.-д. компаний, благодаря посредничеству Ллойд-Джорджа и компромиссу Р. Белла, сорвавшее всеобщую стачку.

9. XI (27. X). Конференция Петербургской организации Р. С.-Д. Р. П. С докладами «О Третьей Думе» и «об участии с.-д. в буржуазной печати» выступал В. И. Ленин.

11. XI (29. X). Конференция «Союза 17 октября» в Петербурге, под председательством А. И. Гучкова.

14 (1). XI. Открытие III Гос. Думы. С.-д. отсутствовали при открытии и не приняли участия в выборах президиума. Мотивированное заявление об этом от имени с.-д. фракции оглашено с.-д. Кузнецовым. Председателем Думы избран октябрист Н. А. Хомяков. Среди депутатов: 146 правых, 141 октябрист, 53 к.-д., 15 трудовиков и 19 с.-д.

18 (5). XI. Арест в Берлине Мирского (Камо-Петросяна), организатора Тифлисской экспроприации. При нем найдено оружие и чемодан с взрывчатыми веществами.

18—25. (5—12). XI. Третья всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П. в Финляндии.

24 (11). XI. Провал П. К. Р. С.-Д. Р. П. на Лодейнопольской ул. Арестовано 14 человек.

26 (13). XI. В Гос. Думе прения о «всеподданнейшем адресе». С.-д. фракция уклонилась от выступления.

28 (15). XI. Выступления с.-д. Шурканова и Кузнецова в Гос. Думе по вопросу об избрании комиссии по рабочему вопросу.

29 (16). XI. Декларация Столыпина в III Гос. Думе. Выступление с.-д. Покровского с ответом на декларацию и программным заявлением от фракции.

30 (17). XI. Исключение из заседания Гос. Думы к.-д. Родичева за выражение «столыпинский галстук».

XI. Студенческие волнения в университетских городах, последствием которых было закрытие всех русских университетов.

1. XII (18. XI). Арест Рогожского районного комитета Р. С.-Д. Р. П. в Москве.

3. XII (20. XI). С.-д. Полетаев от имени фракции вносит формулу перехода по поводу декларации правительства.

5—14. XII (22. XI—1. XII). В Петербурге в Верховном Суде слушалось дело с.-д. фракции II Гос. Думы. Приговорены к каторге 17 депутатов.

В III Гос. Думе в знак протеста против суда над депутатами с.-д. фракция покинула зал заседаний Думы. Протест был оглашен с.-д. Косоротовым.

В первый день процесса забастовки протеста в Москве, Баку, Саратове, Кинешемском и др. районах. В Петербурге по призыву П.К. Р.С.-Д.Р.П. бастовало свыше 60 000 рабочих.

6 — 24. XII (23. XI. — 11. XII). Локаут на Александровском заводе в Петербурге за забастовку протеста против суда над с.-д. думской фракцией.

7. XII (24. XI). Фракционная меньшевистская конференция в Москве с докладом Н. Валентинова о тактике Р.С.-Д.Р.П.

10. XII (27. XI). В Гос. Думе с критикой правительственного бюджета и предложением формулы перехода выступал с.-д. Гегечкори.

15 (2). XII. Указ о продлении еще на полгода «чрезвычайной охраны» в Баку и в Москве.

20 (7). XII. Выступление в Гос. Думе с.-д. Покровского по продовольственному вопросу.

25 — 31 (12 — 18). XII. В Петербургской Судебной Палате суд над депутатами I Гос. Думы, подписавшими «Выборгское воззвание». Двое оправданы, остальные присуждены к 3 месяцам тюрьмы.

28. XII. 1907 — 21. I. 1908 (15. XII. 1907 — 8. I. 1908). Перерыв в работах III Гос. Думы.

1908 г.

1. I — 17. II (19. XII — 4. II). Забастовка в Баку на промыслах Бакинского нефтяного т-ва и др. Требование 8 час. раб. дня, прибавки жалованья и пр. Рабочие добились частичных уступок.

2. I (20. XII). Провал с.-д. типографии в Екатеринославе.

4. I (22. XII). Резолюция П.К. Р.С.-Д.Р.П. отмечает «недовольство рабочих работой с.-д. фракции Гос. Думы».

10. I (28. XII). В Верховном Суде началось слушанием дело о сдаче Порт-Артура ген. Стесселем.

Вышел первый номер возобновленной М. А. Ушаковым «Рабочей Газеты» зубатовского направления.

14 (1). I. Отставка министра народного просвещения Кауфмана и назначение на его место Шварца.

17 — 21 (4 — 8). I. Съезд деятелей народных университетов.

18 (5). I. Ликвидация общественных работ для безработных в Петербурге.

20. I. 8-ой Съезд английской рабочей партии (LP) в Гулле.

25 (12). I. и *28 (15). I.* В Гос. Думе прения по проекту о расширении бюджетных прав Думы, внесенному к.-д. при поддержке с.-д. фракции.

30 (17). I. Выступление с.-д. Покровского в прениях по проекту о расширении бюджетных прав Думы.

I. X Съезд П.П.С. «левицы» в Галиции.

Арест конференции п. с.-р. (13 человек) в столовой Технологического Института в Петербурге.

1. II (19. I). Убит португальский король Дон-Карлос.

7. II (25. I). Арест Замоскворецкого районного комитета Р.С.-Д.Р.П. и 13 работников железнодорожного района.

10. II (28. I). Соединенное заседание думской оппозиции (от с.-д. до польского «коло» и к.-д. включительно).

11. II (29. I). Протест с.-д. Гегечкори против установления закрытых заседаний Комиссии по государственной обороне. Вся оппозиция покинула зал заседаний Гос. Думы.

12. II (30. I). Возобновление сессии Финляндского Сейма.

13. II (31. I). Арест № 1 «Социал-Демократа» в типографии Жирмунского в Вильно.

14 (1). II. Дело Мирского-Камо́ в Берлине. Осужденному германской полицией Камо́ удалось отсрочить выдачу себя русскому правительству симуляцией в течение 4 лет буйного помешательства.

18 (5). II. В Гос. Думу с.-д. фракцией внесен запрос о рабочих Новороссийского порта.

20 (7). II. Арест Северного летучего боевого отряда п. с.-р. (Кальвино-Лебединцев и др.).

21 (8). II. В Гос. Думе обсуждался законопроект о выдаче миллиона рублей на пособия «лицам, пострадавшим от разбойнических действий революционных партий и лиц». Выступления с.-д. Кузнецова, Покровского и Косоротова.

22 (9). II. Конвенция России и Швейцарии о выдаче лиц «виновных в злоупотреблении взрывчатыми веществами».

25 (10). II. Открытие VI Съезда «Союза русского народа» в Петербурге.

26 (13). II. Провал типографии газеты «Борьба» Московского Окружного Комитета Р.С.-Д.Р.П.

Прием 307 депутатов III Гос. Думы Николаем II.

28 (15). II. С.-д. Шурканов выступал в Гос. Думе по вопросу о принятии запроса о деятельности Виленского охранного отделения.

Вышел первый № меньшевистского «Голоса Социал-Демократа».

29 (16). II. Разгром полицией склада литературы Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. в Петербурге.

3 — 17. III (19. II — 4. III). Забастовка в Баку на заводах Хатисова в Черном городе.

4. III (20. II). В Москве дело о восстании на фабрике Шмидта в 1905 г.

14 (1). III. Выступление с.-д. Гегечкори в Гос. Думе с мотивировкой воздержания фракции от голосования законопроекта об условном досрочном освобождении.

25-летие со дня смерти К. Маркса и 10-летие первого съезда Р. С.-Д. Р. П.

Арест П.К. Р.С.-Д.Р.П. в Психо-Неврологическом Институте.

16 (3). III. Смерть с.-р. Г. А. Гершуни в Цюрихе.

17 (4). III. С.-д. фракцией внесен в Гос. Думу запрос о залоге посессионных земель на Урале.

18 (5). III. В Екатеринославе смертельно ранен черносотенцами лидер трудовиков, доктор Караваев, б. член II Гос. Думы.

22 — 29 (9 — 16). III. В Петербурге IV Съезд уполномоченных объединенных дворянских обществ.

25 (12). III. Присоединение Конго к Бельгии.

27 (14). III. В Гос. Думу правыми крестьянами внесен законопроект о наделении землею безземельных и малоземельных крестьян.

28 (15). III. Арест с.-д. типографии в Одессе.

29 (16). III. В ночь на 30 (17). III аресты в Петербурге членов военной организации при П.К. Р.С.-Д.Р.П. (Говорова, Лейтейзена и др.).

31 (18). III. Выступление с.-д. Покровского в Гос. Думе в прениях по смете Госуд. Контроля с общей характеристикой государственного бюджета.

III. Вышел первый номер органа Обл. Бюро Центр.-промышленного района Р.С.-Д.Р.П. «Рабочее Знамя» с приложением: «К. Маркс. 1883 — 1908».

4. IV (22. III). Роспуск Финляндского Сейма.

6. IV. В Англии смена кабинета — новым премьером назначен Асквит.

9. IV (27. III). В Гос. Думе октябристами внесен запрос по поводу «незакономерных действий» ген. Думбадзе в Ялте.

13. IV (31. III). Речь с.-д. Чхеидзе в Гос. Думе в прениях об отпуске 300 милл. рублей на постройку Амурской ж. д.

17 (4). IV. С.-д. фракцией внесен в Гос. Думу запрос о преследовании профессион. союзов.

В Гос. Думе «большой парламентский день»: выступление мин. ин. дел Извольского с объяснениями по внешней политике. Формулу перехода от имени фракции предложил с.-д. Покровский.

Захвачен полицией архив Военной организации при П.К. Р.С.-Д.Р.П.

25 (12). IV. Конференция С.-Д. Польши и Литвы.

28 (15). IV — 4. V (21. IV). 1-ый Всероссийский кооперативный съезд в Москве, закрытый полицией за доклад меньшевика Хейсина.

29 (16). IV. Арест в Баку с.-д. Зурабова, депутата II Гос. Думы.

Провал с.-д. типографии в Иваново-Вознесенске.

9. V (26. IV). Выступление в Гос. Думе с.-д. Войлошникова в прениях о контингенте новобранцев.

10. V (27. IV). Обыск в изд-ве большевиков «Зерно».

12. V (29. IV). Волнения в Екатеринославской тюрьме.

13. V (30. IV). Арест членов Ц.К. Р.С.-Д.Р.П.: Н. А. Рожкова («Вячеслава») и И. П. Гольденберга.

14 (1). V. Празднование 1-го мая в России.

В Петербурге бастовало до 20.000 рабочих, в Москве до 16.000, частичные забастовки в Екатеринбурге, Керчи, Новочеркасске, Ревеле, Саратове, Смоленске и др. городах.

15 (2). V. С.-д. фракцией внесен в Гос. Думу запрос о незакономерных действиях властей в Прибалтийском крае.

21 (8). V. С.-д. фракция во время чтения ответной телеграммы Николая II на адрес Думы покинула зал заседаний.

26 (13). V. Провал главного склада партийной литературы П.К. партии с.-р.

28 (15). V — 1. VI (19. V). В Гос. Думе прения об устранении деп. Косоротова. Выступления с.-д. Гегечкори, Покровского и Полетаева.

V. Провал М.К. Р.С.-Д.Р.П.

1. VI (19. V). Провал в Петербурге центрального склада литературы и типографии Р.С.-Д.Р.П.

Отставка Васильчикова и назначение Кривошеина главноуправляющим земледелия и землеустройства.

Бегство шаха Магомета-Али из Тегерана.

5 — 6. VI (23 — 24. V). Дело П.К. Р.С.-Д.Р.П. (Ив. Коновалов, Ефремов (Томский), Замятин (Батурин), Берлин (Землячка) и др.).

7. VI (25. V). Московская общегородская конференция с.-д. большевиков. Приняты резолюции: об оживлении работы в проф. союзах, о военной организации, против отзовистской тактики по отношению к Гос. Думе.

8. VI (26. V). Исключение с.-д. Чхеидзе на 15 заседаний за «кощунственные» речи по смете Синода. Покинула зал заседаний вся с.-д. фракция.

9. VI (27. V). Выступление в Гос. Думе с.-д. Белоусова по смете военного министерства.

По инициативе с.-д. в Гос. Думу внесен запрос об избиениях в Екатеринославской тюрьме.

Свидание Николая II и Эдуарда VII в Ревеле.

11. VI (29. V). Гос. Думой отклонена спешность запроса о событиях в Екатеринославской тюрьме, выдвинутая с.-д. Кузнецовым.

14 (1). VI. Провал конференции Московской Окружной организации Р.С.-Д.Р.П.

22 (9). VI. Контр-революция в Тегеране. При столкновении шахских войск (под командой полковника Ляхова во главе) со сторонниками меджилиса и энджуменами, последние потеряли до 2.000 убитыми.

29 (16). VI. Провал с.-д. типографии в Севастополе.

1. VII (18. VI). Взрыв в Рыковском руднике в Юзовке, убито 270 человек.

1—2. VII (18—19. VI). На выборах в Финляндский Сейм с.-д. получили 3 новых мандата.

2. VII (19. VI). В Гос. Думу внесен по инициативе с.-д. и трудовиков законопроект об отмене смертной казни.

7. VII (24. VI). Гос. Думой отклонена спешность запроса о взрыве в Юзовке.

В Гос. Думе с.-д. Чилкин выступал с речью о положении ссыльных.

8. VII (25. VI). В Гос. Думе Астраханцев от имени с.-д. фракции выступал против кредита на выдачу пособий полиции и жандармам.

9. VII (26. VI). С.-д. фракцией внесен в Гос. Думу запрос о катастрофе при постройке казарм Кавалергардского полка в Петербурге.

В Златоусте с.-д. депутат Косоротов осужден сессией Казанской судебной палаты на 11 месяцев тюрьмы.

10. VII (27. VI). С.-д. фракцией внесен в Гос. Думу запрос о провокации в Варшавской крепости при допросе Овчарек.

11. VII (28. VI). Закрытие первой сессии III Гос. Думы. Правительством внесен законопроект о страховании рабочих от несчастных случаев.

13. VII (30. VI). В Москве арестован Хамовнический районный комитет Р.С.-Д.Р.П.

Начало младотурецкой революции.

21 (8). VII. Новый взрыв в Юзовке на Александровском руднике.

27 (14). VII. Провал с.-д. типографии в Кинешме.

27—28 (14—15). VII. Свидание Николая II с президентом Фальером в Ревеле.

28 (15). VII. Выдача Финляндией 11 бомбистов, арестованных в Куоккала.

30 (17). VII. Расстрел стачечников и баррикады в Вильнев-Сен-Жорже под Парижем.

4—15. VIII. В Лондоне 1-я общепартийная конференция п. с.-р. и собрание IV Совета партии.

5. VIII (23. VII). Открытие Финляндского Сейма.

6. VIII (24. VII). Провал с.-д. типографии в Калуге.

9. VIII (27. VII). Арестовано в Юзовке рабочее собрание с участием депутата Гос. Думы с.-д. Кузнецова.

24—26 (11—13). VIII. Пленум Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. в Женеве. Избрание Заграничного Бюро Ц.К.

31 (18). VIII. Дело «37» — Военной организации при П.К. Р.С.-Д.Р.П. (В. Мещеряков, Плюснина и др.).

31. VIII — 2. IX (18 — 20. VIII). Конференция к.-д. в Москве.

VIII. Московская общегородская и Поволжская Областная Конференция Р.С.Д.Р.П.

6—10. IX. Конгресс Итальянской конфедерации труда в Модене.

10. IX (28. VIII). Празднование 80-летия со дня рождения Л. Н. Толстого.

13—18. IX. партейтаг германской с.-д. в Нюренберге.

15 (2). IX. Свидание мин. ин. дел Извольского с австр. мин. ин. дел гр. Эренталем.

28. IX — 2. X (15 — 20. IX). VI Съезд С.-Д. Польши и Литвы в Праге.

IX. Конгресс Итальянской социалистической партии во Флоренции.

1. X (18. IX). Захват полицией в Риге типографии с.-д. Латышского края во время печатания юбилейного 100-го № «Циня».

5. X. Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией.

8. X (25. IX). В Москве при закрытых дверях слушалось дело московских максималистов (оппозиции п. с.-р.) — 83 человека.

10. X. Международная конференция социалистических журналистов в Брюсселе. Митинг в «Maison de Peuple».

11. X. Заседание Международного Социалистического Бюро в Брюсселе.

12. X. Заседание Междупарламентской Социалистической Комиссии в Брюсселе.

15—18. X. V конгресс Французской социалистической партии в Тулузе.

16 (3). X. Вышел в Женеве первый № газеты «Правда» — орган группы Троцкого.

19 (6). X. Провал с.-д. типографии в Киеве.

23 (10). X. Закрытие 2 очередной сессии Финляндского Сейма.

С.-д. фракцией внесен в Гос. Думу запрос о незакономерных распоряжениях гл. начальника уральских горных заводов.

28 (15). X. Возобновление деятельности III Гос. Думы.

X—XII. Третейский суд, установивший предательство члена Ц.К. п. с.-р. Азефа.

3. XI (20. X). Гос. Дума приняла внесенное с.-д. Гегечкори постановление об обсуждении в первую очередь «Закона 9 ноября 1906 г.».

3. XI. Республиканская партия провела своего кандидата Тафта президентом С.-А.С.Ш.

5. XI—21. XII (23. X.—8. XII). Прения в Гос. Думе по аграрному вопросу (о «Законе 9 ноября 1906 г.»).

6—8. XI (24—26. X). В Петербурге дело 4 депутатов с.-д. фракции II Гос. Думы: Зурабова, Салтыкова, Жиделева и Комара. Последний приговорен к ссылке на поселение, остальные к каторге.

6. XI (24. X). Выступление с.-д. Гегечкори в Гос. Думе в прениях по аграрному вопросу.

12. XI (31. X). Забастовка на электростанции в Петербурге. Бастующие заменены военными моряками.

16—26 (3—13). XI. Дело Б.О. при Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. (Е. Ярославский и др.).

23 (10). XI. Выступление в Гос. Думе товарища министра финансов Покровского по вопросу о политике мин. финансов в рабочем вопросе.

28 (15). XI. В Гос. Думу с.-д. фракцией внесен запрос по поводу разрешения полк. Ляхову и др. поступить на службу к персидскому правительству.

XI. Конференция Р.С.-Д.Р.П. Центр. Промышленной области.

1—5. XII (18—22. XI). Съезд Заграничных групп содействия Р.С.-Д.Р.П. в Базеле.

1—6. XII (18—23. XI). Разгром Московской Окружной Организации Р.С.-Д.Р.П.

2. XII (19. XI). С.-д. Предкальн внесен в Гос. Думу проект организации местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права.

Выступление с.-д. Гегечкори по запросу о виленском охранном отделении.

11. XII. Английская палата общин приняла законопроект о 8-часовом рабочем дне для горняков.

15 (2). XII. Увольнение на Никополь-Мариупольском заводе 1.500 рабочих.

16 (3). XII. Прения в Гос. Думе по смете тюремного ведомства. Выступления с.-д. Кузнецова и Суркова.

17 (4). XII. Открытие турецкого парламента.

19 (6). XII. Русская нота по Балканскому вопросу.

20 (7). XII. Арест с.-д. типографии в Петербурге.

21 (8). XII. В Гос. Думе доклад Комиссии по государственной обороне.

23—25 (10—12). XII. В Петербурге Первый женский съезд с участием делегаток-работниц.

24 (11). XII. Запрещение работ V Секции Первого женского съезда после выступления с.-д. Коллонтай.

25 (12). XII. В Гос. Думе доклад мин. ин. дел Извольского. Ответное выступление с.-д. Покровского, повлекшее его исключение на 3 заседания. Вся с.-д. фракция покинула зал заседаний.

28 (15). XII. С.-д. Чхеидзе внесен в Государственную Думу законопроект о ликвидации обязательных отношений крестьян Закавказского края к помещикам.

29 (16). XII. Дело о захвате Екатерининской ж. д. (Горловское дело)— 32 смертных приговора.

СОДЕРЖАНИЕ *).

*) Звездочкой отмечены произведения, не вошедшие в первое издание Сочинений.

стр.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

XII ТОМ

СОЧИНЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ

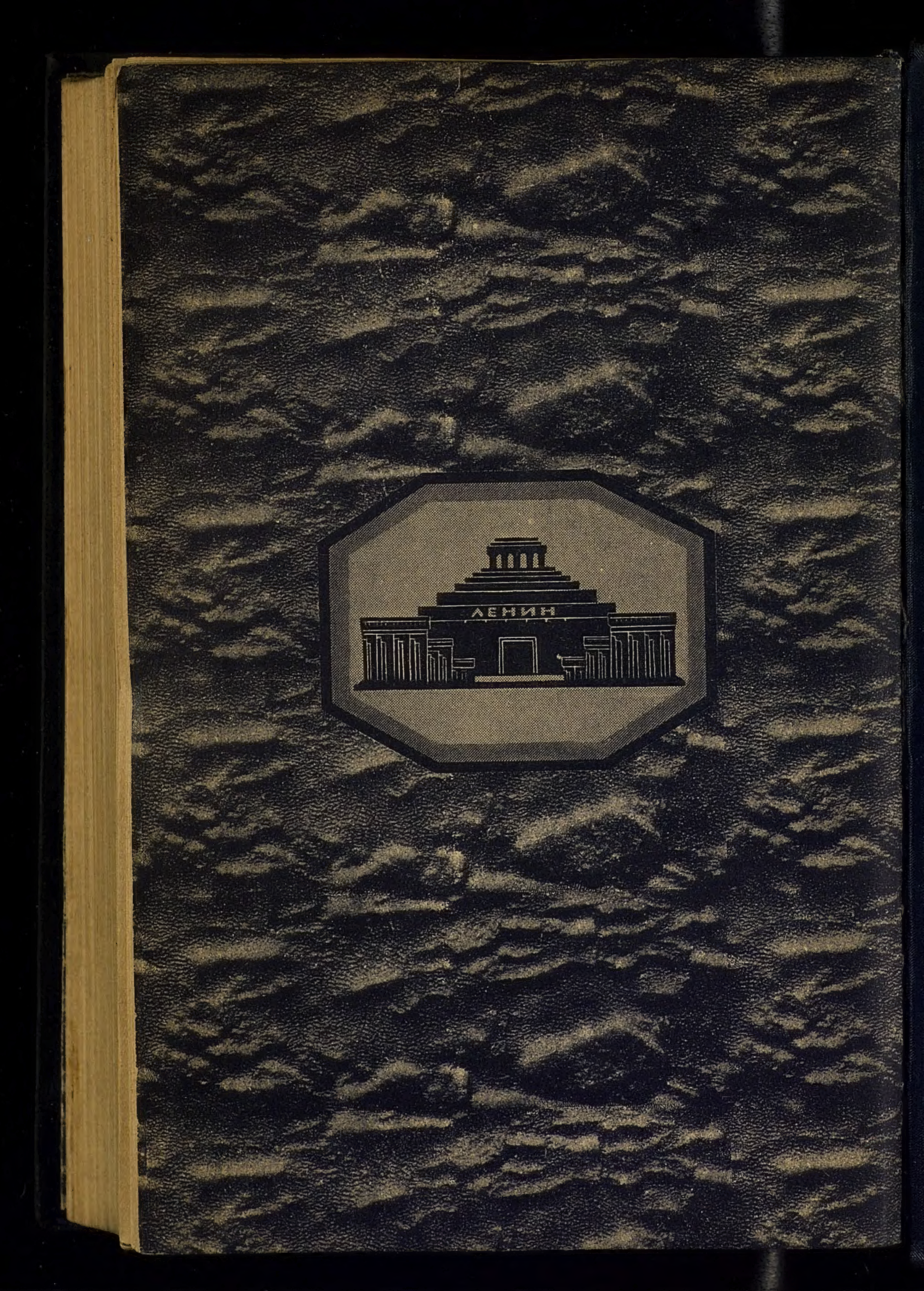
И. Л. ТАТАРОВЫМ

ИЗДАНИЕ НАПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ «ПЕЧАТНЫЙ ДВОР»
ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ:
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ТЕХНИЧЕСКОЙ ЧАСТЬЮ
В. И. ФЕДОТОВА,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ОПЕРАТИВНО-ПЛАНОВЫМ ОТДЕЛОМ
Д. Ф. БУТЫШКИНА,
БРИГАДИРОВ:
А. Г. ИВАНОВА И Е. Г. ЖЕНИНА,
ВЕРСТАЛЬЩИКОВ:
Н. Т. ВАСИЛЬЕВА, П. П. ЗАХАРОВА И В. П. ФЕДОРОВА,
КОРРЕКТОРА
Б. А. ГУРЕВИЧ,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕЧАТНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ
П. В. ЕГУНОВА,
ПЕЧАТНЫХ МАСТЕРОВ:
В. В. ВАСИЛЬЕВА, Н. Р. КЛЮЧЕВА И Т. А. ФАДДЕЕВА,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕРЕПЛЕТНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ
И. С. БУХАРИНА
И ЕГО ПОМОЩНИКОВ:
Я. Ф. ГОЛУБЕВА И И. С. МИХАЙЛОВА

Л, 2. Гиз № 32236.
Ленинградский Областлит № 31725.
37 л. Тираж 35.000. 29. VI. 29.

ЛЕНИН

